

Über dieses Buch

Dies ist ein digitales Exemplar eines Buches, das seit Generationen in den Regalen der Bibliotheken aufbewahrt wurde, bevor es von Google im Rahmen eines Projekts, mit dem die Bücher dieser Welt online verfügbar gemacht werden sollen, sorgfältig gescannt wurde.

Das Buch hat das Urheberrecht überdauert und kann nun öffentlich zugänglich gemacht werden. Ein öffentlich zugängliches Buch ist ein Buch, das niemals Urheberrechten unterlag oder bei dem die Schutzfrist des Urheberrechts abgelaufen ist. Ob ein Buch öffentlich zugänglich ist, kann von Land zu Land unterschiedlich sein. Öffentlich zugängliche Bücher sind unser Tor zur Vergangenheit und stellen ein geschichtliches, kulturelles und wissenschaftliches Vermögen dar, das häufig nur schwierig zu entdecken ist.

Gebrauchsspuren, Anmerkungen und andere Randbemerkungen, die im Originalband enthalten sind, finden sich auch in dieser Datei – eine Erinnerung an die lange Reise, die das Buch vom Verleger zu einer Bibliothek und weiter zu Ihnen hinter sich gebracht hat.

Nutzungsrichtlinien

Google ist stolz, mit Bibliotheken in partnerschaftlicher Zusammenarbeit öffentlich zugängliches Material zu digitalisieren und einer breiten Masse zugänglich zu machen. Öffentlich zugängliche Bücher gehören der Öffentlichkeit, und wir sind nur ihre Hüter. Nichtsdestotrotz ist diese Arbeit kostspielig. Um diese Ressource weiterhin zur Verfügung stellen zu können, haben wir Schritte unternommen, um den Missbrauch durch kommerzielle Parteien zu verhindern. Dazu gehören technische Einschränkungen für automatisierte Abfragen.

Wir bitten Sie um Einhaltung folgender Richtlinien:

- + *Nutzung der Dateien zu nichtkommerziellen Zwecken* Wir haben Google Buchsuche für Endanwender konzipiert und möchten, dass Sie diese Dateien nur für persönliche, nichtkommerzielle Zwecke verwenden.
- + *Keine automatisierten Abfragen* Senden Sie keine automatisierten Abfragen irgendwelcher Art an das Google-System. Wenn Sie Recherchen über maschinelle Übersetzung, optische Zeichenerkennung oder andere Bereiche durchführen, in denen der Zugang zu Text in großen Mengen nützlich ist, wenden Sie sich bitte an uns. Wir fördern die Nutzung des öffentlich zugänglichen Materials für diese Zwecke und können Ihnen unter Umständen helfen.
- + *Beibehaltung von Google-Markenelementen* Das "Wasserzeichen" von Google, das Sie in jeder Datei finden, ist wichtig zur Information über dieses Projekt und hilft den Anwendern weiteres Material über Google Buchsuche zu finden. Bitte entfernen Sie das Wasserzeichen nicht.
- + *Bewegen Sie sich innerhalb der Legalität* Unabhängig von Ihrem Verwendungszweck müssen Sie sich Ihrer Verantwortung bewusst sein, sicherzustellen, dass Ihre Nutzung legal ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass ein Buch, das nach unserem Dafürhalten für Nutzer in den USA öffentlich zugänglich ist, auch für Nutzer in anderen Ländern öffentlich zugänglich ist. Ob ein Buch noch dem Urheberrecht unterliegt, ist von Land zu Land verschieden. Wir können keine Beratung leisten, ob eine bestimmte Nutzung eines bestimmten Buches gesetzlich zulässig ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass das Erscheinen eines Buchs in Google Buchsuche bedeutet, dass es in jeder Form und überall auf der Welt verwendet werden kann. Eine Urheberrechtsverletzung kann schwerwiegende Folgen haben.

Über Google Buchsuche

Das Ziel von Google besteht darin, die weltweiten Informationen zu organisieren und allgemein nutzbar und zugänglich zu machen. Google Buchsuche hilft Lesern dabei, die Bücher dieser Welt zu entdecken, und unterstützt Autoren und Verleger dabei, neue Zielgruppen zu erreichen. Den gesamten Buchtext können Sie im Internet unter <http://books.google.com> durchsuchen.

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 05929242 9

(Allen)

32-1

*QCA

ВЪЗВѢЩЕНІЕ

ДЛЯ ЧТЕНІЯ,

ЖУРНАЛЬ

СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, ПРОМЫШЛЕННОСТИ, НОВОСТЕЙ и МОДЪ,

СОСТАВЛЯЕМЫЙ

ИЗЪ

ЛИТЕРАТУРНЫХЪ И УЧЕНЫХЪ ТРУДОВЪ

К. И. Арсеньева. Е. А. Братынского. Барона Грамбеуса. Ф. В. Булгарина. А. Ф. Воейкова. Ф. Н. Глинки. П. И. Греча. В. И. Григоровича. Д. В. Давыдова. И. И. Давыдова. В. А. Жуковского. М. Н. Загоскина. И. Т. Калашникова. М. Т. Качеповскаго. И. В. Кирзевскаго. Казака Луганскаго. И. И. Козлова. И. А. Крылова. Н. В. Кукольника. М. Е. Лобавова. М. А. Максимовича. А. П. Максимовича. Марлинскаго. К. П. Масальскаго. А. И. Михайловскаго-Данилевскаго. А. С. Норова. Кн. В. Ф. Одоевскаго. А. Н. Очкина. В. И. Плевава. П. А. Плетнева. М. П. Погодина. А. Погорельскаго. П. А. Полеваго. А. С. Пушкина. С. Е. Раича. А. Г. Ротчева. Рудаго-Нанько. П. П. Свинына. О. И. Сенковскаго. И. Н. Скобелева. И. М. Сингирева. И. Г. Устрялова. В. А. Ушакова. Б. М. Федорова. Гр. Д. П. Хвостова. Кн. А. А. Шаховскаго. С. П. Шевырева. А. В. Шидловскаго. А. С. Шишкова. В. Н. Щастнаго. Д. И. Языкова. Н. М. Языкова. П. А. Яковлева. И. М. Ястребцева. Г. М. Яценкова, и другихъ.

ТОМЪ ШЕСТОЙ.

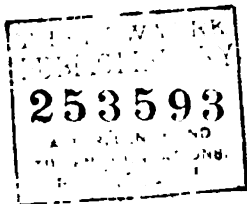
ИЗДАНИЕ КНИГОПРОДАВЦА АЛЕКСАНДРА СМЕРДИНА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ВДОВЫ ПЛЮШАРЬ СЪ СЫНОМЪ.

1834.

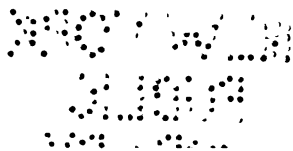

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цен-
сурный Комитетъ три экземпляра.

С.-Петербургъ, 1834 года Сентября 27 дня.

Ценсоръ *В. Семеновъ.*

БИБЛОТЕКА

ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

П О Э З І Я.

ОТКРЫТІЕ ПАМЯТНИКА

ИМПЕРАТОРУ

А Л Е К С А Н Д Р У I.

Къ чему всеобщее волненье
Во градъ, созданпомъ Петромъ,
Передъ дворцемъ Еговъ пьнье
И на Невъ орудій громъ?
Къ чему полночные герои
Стоять сомкнувшись тѣсно въ строи?
Къ чему стекается народъ,
Изъ странъ далекихъ привлеченный? —
Великому, въ сей день священный,
Великій память воздасть.

Предметъ всеобщаго восторга,
 Предметъ безчисленныхъ похвалъ,
 Давно ль Тебя какъ полубога
 Миръ цѣлый радостно встрѣчалъ!
 Давно ль изъ края въ край вселенной
 Лишь Ты гремѣлъ, Благословенный!
 Когда Твой славный минулъ вѣкъ,
 Другъ другу мы не доверяли
 И, мнится, смертью лишь познали,
 Что Ты былъ также человекъ.

Приносятъ дань страны чужія
 Великой памяти Твоей.
 Европа знаетъ дни былые,
 Союзомъ связанныхъ Царей,
 Когда, рука съ рукой державной,
 Ты съ ними текъ стезею славной,
 Стезей неслыханныхъ побѣдъ:
 Твой каждый шагъ купила битва!
 И раздавалась молитва
 Спасенныхъ царствъ Тебѣ во слѣдъ.

Подъ звукъ Твоей гремящей славы,
 При блескъ вѣковѣчныхъ дѣлъ,
 Въ преемникъ Твоей державы
 Гигантскій замыселъ созрѣлъ —
 И величавый, и прекрасный!
 Кумиромъ ставъ земли подвластной,
 Ея сыновъ постигнулъ Онъ;
 Извѣдалъ духъ Его великій,
 Что мысль любимаго Владыки
 Они исполнять безъ препонъ.

По-Русски брата Царь прославилъ.
 Изъ нѣдръ земли Онъ взялъ скалу
 И предъ дворцемъ своимъ поставилъ.

Взковъ губительную мглу
 Минетъ плашеты сей обломокъ!
 Я зрю, какъ поздній мой потомокъ
 Стоитъ, невольнo пораженъ,
 Гиганта взоромъ измѣряя, —
 И тихо имя Николая
 Съ благоговѣньемъ шепчетъ онъ.

Но вотъ — народъ склонилъ колѣни,
 Святою вброю горя!...
 И вдругъ, какъ-бы при видѣ тѣни
 Благословеннаго Царя,
 Ура! — промчалось вдоль ээира.
 Какой пѣвецъ, какая лира
 Воспѣтъ достойна торжество,
 Гдѣ Русь, сквозь слезы умиленья,
 Свершаетъ теплая моленья
 И Царь предъ ней какъ божество!

М. МАРКОВЪ.

**ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ
 ГОСУДАРЮ НАСЛѢДНИКУ.**

Въ день Его тезоименитства.

=

Надежда Русскаго народа!
 Звѣзда полночныя страны!
 Потомокъ доблестнаго рода,
 Подъ чьей державой свершены
 Дѣянья славы. Въ день блаженный,
 Въ сей день ихъ памяти святой
 Нашъ Невскій, нашъ Благословенный,
 Блестять, Наслѣдникъ, предъ тобой.

И съ торжествомъ возникло пенье;
 Стремится Вѣра въ свѣтлый храмъ;
 Царя и Русскихъ умиленье
 Возноситъ ангелъ къ небесамъ.
 Предсталъ владѣтель полуміра,
 Кипитъ блистающая рать,
 Гранитъ готовъ, въ сѣни эмира,
 Вѣка, народы удивлять.

И громъ на сушѣ раздается,
 И громъ бросаютъ корабли,
 Пылаетъ кровь и сердце бьется
 На славу, въ честь родной земли.
 И въ ихъ надзвѣздной, горней сѣни,
 Земную родину любя, —
 Взгляни! — двухъ Александровъ тѣни,
 Съ небесъ взираютъ на тебя.

Влады подданныхъ сердцами,
 Какъ благодать, Ихъ жизнь цвѣла.
 Да будутъ вѣчно образцами
 Двухъ предковъ славныя дѣла.
 Тебѣ Имъ вслѣдъ стремиться должно,
 И вслѣдъ державнаго Отца:
 Умножь еще, когда возможно,
 Сіянье Русскаго вѣнца.

Одинъ — вождемъ на бранномъ полѣ,
 Въ Ордѣ народныхъ правъ щитомъ,
 Великъ въ бояхъ и въ мирной долѣ,
 Смирялся духомъ предъ крестомъ, —
 И онъ противниковъ грозою,
 На свѣтлыхъ Невскихъ берегахъ
 Вѣнчался славою земною,
 Нетлѣнной славой въ небесахъ.

Другой, какъ ангелъ утѣшенья,
 На радость взору и сердцамъ,
 Былъ посланъ небомъ на спасенье
 Земль родной, чужимъ странамъ;
 Не утрашенъ врѣшительствъ тмою,
 Спасая край родимой свой,
 Онъ спасъ высокою душою
 Законы Истинны святой.

Предъ Нимъ палъ вождь непобѣдимый,
 Парижъ надменный сверженъ въ прагъ,
 И нашъ орелъ неотразимый
 Ужъ вѣсть на его стѣнахъ;
 Вступилъ, — враждебному народу
 Блаженство съ миромъ возвратилъ,
 И угнетенныхъ царствъ свободу
 Пожаръ Московскій озарилъ.

И преселась, по царствѣ славномъ,
 Отъ насъ въ удѣлъ безсмертныи свой,
 Онъ ожилъ въ Братъ намъ державномъ
 И въ той красѣ, и съ той душой:
 И духъ вождя, и гражданина,
 Сіяетъ намъ въ Царѣ младомъ,
 И жаръ священныи семьянина,
 Подъ свѣтлымъ благостыю вѣнцомъ.

Война вдругъ праведно пылаетъ,
 И новый край Россіи данъ;
 И дерзкій блескъ луна теряетъ
 И перейденъ уже Балканъ;
 И предъ Стамбуломъ онъ явился
 Какъ Божій гнѣвъ съ огнемъ, мечемъ,
 Но милосердъ, — остановился,
 И удержалъ въ десницѣ громъ.

О, славенъ тотъ, кто въ ратномъ полѣ
 Мечемъ побѣдъ войну пресѣкъ;
 Но тотъ славнѣй, кто, на престолѣ,
 И мудрый Царь, и человекъ;
 Кто льетъ щедротой дни золоты,
 И въ сердцахъ кто хранить возмогъ
 Тѣхъ добродѣтели святыхъ,
 Которыхъ образомъ, Самъ Богъ.

И я, колѣни преклоняя,
 Я чувство родины дѣлю,
 За вѣнценосца Н и к о л а я
 Всѣхъ благъ Подателя молю,
 И за Царицу, нашу радость,
 Любовь Его безцѣнныхъ дней,
 И за Твою святую младость,
 Весны и радуги яснѣй.

И сердце Русское трепещетъ,
 Народной славою кипитъ,
 Она какъ солнце всюду блещетъ,
 Вездѣ и всемъ благотворитъ.
 Творецъ всего! услышь моленье:
 Храни и царство, и Царя;
 Надеждамъ дай благословенье.
 О, съ нами Богъ! Ура! ура!

30-е Августа.

ИВАНЪ КОЗЛОВЪ.

БОЖІЙ СУДЪ.

=

Былъ непороченъ душой Фридолинъ; онъ въ страхъ Господ-
немъ

Вѣрно служилъ своей госпожѣ, графинѣ Савернской.
Правда, весело было служить ей: столь добродѣтельна,
Столь благосклонна графиня была; но и тяжкую должность
Съ кроткимъ терпѣніемъ онъ исполнялъ бы, покорствуя Богу.
Съ самаго ранняго утра, до самаго позднія ночи,
Былъ онъ всечасно на службѣ ея, покоя не зная,
Если жъ случалось сказать ей ему: Фридолинъ, успокойся!
Слезъ въ его появлялись глазахъ: за нее и мученье
Было бы сладостно сердцу его, и не службой считалъ онъ
Легкую службу. За то и его отличала графиня:
Вечно хвалила, и прочимъ слугамъ въ примѣръ подражанья
Ставила; съ нимъ же самимъ она обходилась, какъ съ сыномъ
Мать, а не такъ какъ съ слугой господа. И было пріятно
Ей любоваться прекраснымъ, невиннымъ лицомъ Фридолина.
То примѣчая, сокольничій Робертъ досадовалъ; зависть
Грызла его свирѣпую душу. Однажды, съ охоты
Съ графомъ вдвоемъ возвращаяся въ замокъ, Робертъ, лука-
вымъ

Бѣсомъ прельщенный, вотъ что сказалъ господину, стараясь
Въ сердце его заронить подозрѣнье: «Счастьемъ завиднымъ
«Богъ наградилъ васъ, графъ государь; онъ далъ вамъ въ су-
пругъ

«Вашей сокровище; нѣтъ ей подобной на свѣтѣ; какъ ангель
«Божій прекрасна, добра, цѣломудренна; спите спокойно:
«Мыслью никто не посмѣетъ приблизиться къ ней.» Заблѣ-
стали

Грозно у графа глаза. Что смѣешь ты бредить? сказалъ онъ,
Женская вѣрность слово пустое. На ней опираться
То же, что строить на зыбкой водѣ. Берегися, какъ хочешь,

Все оболытителъ отыщеть дорогу къ женскому сердцу.

Ввра моя на другомъ твердышемъ стоять основанъ:

Кто помыслить дерзнетъ о женѣ Саверскаго графа?

« Правда, коварно отвѣтствовалъ Робертъ; подобная дерзость

« Только безумному въ голову можетъ зайти. Лишь презрѣнья

« Стоитъ жалкій глупецъ, который, воспитанный въ рабствѣ,

« Сяветъ глаза подымать на свою госпожу, и, служа ей,

« Въ сердцѣ развратномъ желанья таятъ. » Что слышу! вос-

кликнуть

Графъ, поблвднѣвши отъ гнѣва. О комъ говоришь ты? И

живъ онъ? —

« Всѣ объ немъ говорятъ, государь! а я, изъ почтенья

« Къ вамъ, полагая, что все вамъ извѣстно, молчалъ. Что са-

мымъ вамъ

« Въ тайнѣ угодно держать, то должно и для насъ быть свя-

щенной

« Тайной. » Злодѣй! говори! въ изступленъ ужасномъ вос-

кликнуть

Графъ. Ты погибъ, когда не скажешь мнѣ правды! Кто этотъ

Дерзкій? « Пажъ Фридолинъ! Онъ молодъ, лицомъ миловиденъ

(Такъ шипѣлъ предательски Робертъ, а графа бросало

Въ холодъ и въ жаръ отъ рвчей ядовитыхъ.) Возможно ль,

чтобъ сами

« Вы не видали того, что каждому видно! За нею

« Всюду глазами онъ слѣдуетъ; ей одной, забывая

« Васъ, за столомъ онъ служитъ; за студомъ ея, какъ волшебной

« Силой какою окованъ, стоитъ онъ и рветъ.

« Онъ и стихи написалъ, и въ нихъ передъ ней признается

« Въ нѣжной любви. » Признается! « И даже молитъ о взаим-

номъ

« Чувствъ дерзаетъ. Конечно графиня, по кротости сердца,

« Скрыла отъ васъ, государь, безумство такое; и самъ я

« Лучше бы одѣлалъ, когда бы смолчалъ; чего вамъ стра-

шиться?»

Графъ не отвѣтствовалъ: ярость душила его. Приближаемся

Въ это время они къ огромной литейной падать:

Тамъ постоянно огонь, какъ будто въ адской пучинѣ,
 Въ горнахъ пылалъ, и желѣзо, какъ лава кипя, клочкотало.
 День и ночь работники тамъ суетились вокругъ горновъ,
 Пламя питая; какъ вихорь взвивалися искры, свистали
 Страшно мѣхи; колесо подъ водою, средь брызжущей пѣны,
 Тяжко вертѣлось; и молотъ огромный, гремя безпрестанно,
 Самъ, какъ живой, подымался и падалъ. Графъ, подозвавши
 Двухъ изъ работниковъ, такъ имъ сказалъ: исполните въ точности

Волю мою: того, кто первый придетъ къ вамъ и спросить:
 «Сдѣлано ль то, что графъ приказалъ?» безъ всякой пощады
 Бросьте въ огонь, чтобъ его и слѣдовъ не осталось. Съ довольнымъ

Смѣхомъ рабы обѣщались покорствоваться графскому слову.
 Души ихъ были суровой желѣза. Съ удвоеннымъ рвеніемъ снова

Стали работать мѣхами они, и убійствомъ заранѣ
 Жадную мысль веселя, дожидались обѣщанной жертвы.
 Съ злобною радостью къ графу наушникъ позвалъ Фридолина.
 Графъ, увидя его, говорить: ты долженъ, не медля ни мало,
 Въ лѣсъ пойти и спросить отъ меня у работниковъ горна,
 Сдѣлали ль то, что я приказалъ. — Исполнено будетъ,
 Скромно отвѣтствуетъ пажъ и готовъ ужъ итти, но подумалъ
 Вдругъ: не дастъ ли ему и она приказанья какого?
 Вотъ онъ къ графинѣ идетъ и ей говорить: господиномъ
 Посланъ я въ лѣсъ; но вы моя госпожа; не угодно ль
 Будетъ и вамъ чего повелѣть? Ему съ благосклоннымъ
 Взоромъ графиня отвѣтствуетъ: другъ мой, къ обѣднѣ хотѣлось

Нынѣ сходить мнѣ, но боленъ мой сынъ; сходи, помолися
 Ты за меня; а если и самъ согрѣшилъ, то покайся.
 Весело въ путь свой пошелъ Фридолинъ; и еще изъ деревни
 Онъ не вышелъ, какъ слышитъ благовѣсть: колоколъ звонкимъ

Голосомъ звалъ Христіанъ на молитву. *Отъ встрѣчи Господней*

Ты уклоняться не долженъ, сказалъ онъ, и въ церковь съ смиреннымъ,

Набожнымъ сердцемъ вступилъ; но въ церкви пусто и тихо: Жатва была, и все поселяне работали въ полѣ.

Тамъ стоялъ священникъ одинъ: никто не явился

Быть на время обѣдни прислужникомъ въ храмъ. *Господу Богу*

Прежде свой долгъ отдадимъ, потомъ господину. Съ такою

Мыслью усердно онъ началъ служить: священнику ризы,

Столу и сингулумъ подалъ; потомъ приготовилъ святые

Чаши; потомъ, молитвенникъ взявши, сталъ умиленно

Долгъ исправлять министрапта: и тамъ и тутъ на колѣни,

Руки сжавъ, становился, звонилъ въ колокольчикъ, какъ скоро

Провозглашаемо было священное Sanctus; когда же

Тайну священникъ свершилъ, предстоя алтарю, и возвысилъ

Руку, чтобъ вѣрнымъ явить Спасителя Бога въ безкровной

Жертвѣ, онъ звономъ торжественнымъ то возвѣстилъ, и упали

Все на колѣни предъ Господомъ, въ груди себя поражая,

Тихо молитву творя и крестомъ себя знаменуя.

Такъ до конца литургіи онъ все, что уставлено чиномъ,

Въ храмъ свершалъ. Наконецъ, окончивши службу святую,

Громко священникъ воскликнулъ: *vobiscum dominus*, вѣр-
ныхъ

Благословилъ; и вышелъ изъ церкви народъ. Тогда онъ, приведши

Все въ порядокъ, и чаши, и ризы, и книги, и утварь,

Церковь оставилъ, и къ лѣсу пошелъ, и въ добавокъ дорогой

Pater noster двѣнадцать разъ прочиталъ. Подошедши

Къ лѣсу, онъ видитъ огромный, дымящійся горнъ; передъ горномъ,

Черны отъ дыма, стоятъ два работника. Къ нимъ обратясь,

Сдѣлано ль то, что графъ приказалъ, онъ спросилъ. И оскаливъ

Зубы смѣхомъ ужаснымъ, они указали на пламень

Горна. Онъ тамъ! (проревѣлъ сиповатый ихъ голосъ) какъ должно,

Прибранъ, и графъ насъ похвалить. Съ такимъ ихъ отвѣтомъ,
обратно

Въ замокъ пошелъ Фридолинъ. Увидя его издалека,
Графъ не повѣрилъ глазамъ. Несчастнѣй! Откуда идешь ты?
«Изъ лѣсу прямо!» — Возможно ль? ты вѣрно промѣшкалъ въ
дорогъ? —

«Въ церковь зашелъ я. Простите мнѣ, графъ государь; пове-
лѣнье

«Ваше принявъ, у моей госпожи, по обычному долгу,
«Также спросилъ я, не будетъ ли мнѣ и ея приказанья?
«Выслушать въ церкви обѣдню она приказала. Исполнивъ
«Волю ея, помолился я тамъ и за здравіе ваше.»

Графъ трепеталъ и блѣднѣлъ. Но скажи мнѣ, спросилъ онъ,
Что отвѣчали тебѣ? — «Не понятенъ отвѣтъ былъ. Со смѣхомъ
«Было на горнѣ мнѣ указано. Тамъ онъ! (сказали) какъ дол-
жно,

«Прибранъ, и графъ насъ похвалить!» — А Робертъ? спросилъ,
леденѣя

Въ ужасъ графъ. Ты съ нимъ не встрѣчался? Онъ посланъ
былъ мною

Въ лѣсъ? — «Государь, ни въ лѣсу ни въ полѣ, нигдѣ я не встрѣ-
тилъ

«Роберта.» — Ну! вскричалъ уничиженный графъ, опустивши
Въ землю глаза. Самъ Богъ рѣшилъ правосудный! — И съ крот-
кой

Лаской за руку взявъ Фридолина, съ нимъ вмѣстѣ пошелъ онъ
Прямо къ супругѣ, и ей (хотя сокровеннаго смысла
Рѣчи ея она не постигла) сказалъ, представляя

Милаго юношу, робко предъ ними склонившаго счи:
Онъ, какъ дитя, непороченъ! Нѣтъ ангела на небѣ чище.
Врагъ коваренъ, но съ нимъ Господь и Всевышнія силы.

В. ЖУКОВСКІЙ.

ЭЛЕГИЯ.

=

Безумныхъ лютъ угасшее веселье
Мнѣ тяжело какъ смутное похмѣлье.
Но какъ вино — печаль минувшихъ дней.
Въ моей душѣ чѣмъ старѣ, тѣмъ сильнѣй.
Мой путь уныль. Сулитъ мнѣ трудъ и горе
Грядущаго волнуемое море.

Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать,
И вѣдаю, мнѣ будутъ наслажденья
Межъ горестей, заботъ и тревоженья:
Порой опять гармоніей ушьюсь,
Надъ вымысломъ слезами обольюсь,
И можетъ быть — на мой закатъ печальной
Блеснетъ любовь улыбкою прощальной.

А. ПУШКИНЪ.

НА ОТКРЫТІЕ ПАМЯТНИКА АЛЕКСАНДРУ I.

=

«Воздвигну!» Рекъ: — и мѣщюю рукой
Отторгнулъ отъ скалы гигантскую громаду,
И водрузилъ глаголь о славѣ вѣковой
И завещалъ его Петрову граду. —
Вѣка пройдутъ надъ нимъ дивясь и вторя клики:
Благословенному Великій!

30-е Августа.

А. БИСТРОМЪ.

П Р О З А.

КАВКАЗСКІЕ ОЧЕРКИ.

=

I.

ПРОЩАНІЕ СЪ КАСПІЕМЪ.

=

2 Апрѣля, 1834. Дербендъ.

Я быстро скакалъ по берегу; я предался волю бѣшеннаго моего скакуна. Прочь съ дороги, прочь!... Брызжутъ искры, пыль кипитъ по слѣду; вътеръ уноситъ окрестность! Сладко, легко сердцу летѣть съ быстротою мысли; отрадно убѣгать отъ пространства и времени. О, есть, есть упоеніе въ быстротѣ; есть Поэзія въ скачкѣ, когда свѣтъ бѣжитъ мимо очей, и духъ занимается будто въ восторгѣ любви! Скорость — есть сила, механическая сила всѣхъ вѣковъ и особенно нравственная сила нашего. Скорость есть уже сила, говорю я, а быть сильнымъ обворожительно! Впередъ же, впередъ, конь мой!..... А, ты закусь брошенныя удила, ты несешь, ты пытаешь сбить меня! Бей, неси! Я найду звѣря лютеѣ тебя для твоего укрощенія....

И я направилъ разъяреннаго карабахца прямо въ прибой Каспійскаго Моря.

Видали ль вы, когда молнія падаетъ въ волны? Одинъ мигъ, — и она погасла. Одинъ мигъ, — и конь мой сталъ среди валовъ, изумленный и въ ревомъ и плескомъ. Какъ дикіе степные кони, разметавъ гриву на вѣтеръ, стадами рыскали, прыдали они кругомъ,

набѣгали , отбѣгали вдаль ; и онъ строптиво, недověрчиво поводитъ своими раскаленными и черными какъ уголь глазами , вздувалъ дымныя ноздри, обнюхивалъ незнакомыхъ ему товарищей, и, каждый разъ когда всплески расшибались въ пѣну о грудь его , онъ злобно отряхалъ брызги съ ушей, билъ копытомъ песокъ и, оскаливъ зубы, готовился грызнуть неуправимыхъ зачинщиковъ. Я трепалъ его по крутой шеѣ, и наконецъ онъ смиренно сталъ, лишь повременно вздрагивая отъ набѣга всплесковъ.

Буйный, сѣверный вѣтеръ гналъ волны свистящими крилами своими на берегъ, какъ гонить орелъ лебединое стадо. Сѣро было небо; лучи солнца разсыпались вѣромъ сквозь летучія струи облаковъ, и порой зажигали бисерною радугою брызги надъ валами. Я склонилъ наветръчу этому привѣтному дождю лице свое, я полной грудью вдыхалъ вѣтеръ родины, — и мнѣ чудились, въ гармоническихъ переливахъ его, говоръ родныхъ, давно разлученныхъ со мною, голоса друзей давно погибшихъ для сердца, пѣніе соловьевъ надъ Волховымъ, звонъ столичнаго колокола ! Мнѣ казалось, онъ напоенъ дыханіемъ милой, свѣжестью снѣговъ, ароматомъ цвѣтовъ туманной отчины моей; онъ вѣялъ, пахалъ на меня поминками юности, и на кличъ сердца отзывались всѣ любимыя мечты бываго : онъ слетѣлись какъ ласточки, засверкали какъ звѣзды, брызнули изъ земли какъ цвѣты. Вы ли это яркія чувства , блестящія грѣзы наяву , огнистыя частицы моего бытія , божественные отрывки времени , которые обнялъ я на мигъ и потерялъ на вѣчно ? Вы ли ?.... Я жадно желалъ васъ, я долго ждалъ васъ.....

Все исчезло ! Только вѣтеръ шумитъ , только буетъ море.

Что жъ воспоминаніе какъ не вѣтеръ, вѣющій изъ

минушаго, играющій волнами воображенія? Счастливъ, кто поймалъ на лету хоть одинъ мигъ этого живаго воспоминанія, будто воскресшую ласточку послѣ оцѣпѣввія зимы.

Праздникомъ моему сердцу было такое самозабвеніе: то было отрадное чувство, перевитое съ горестною мыслию. Послѣдній разъ передъ разлукой любовался я Каспіемъ: завтра я долженъ сказать ему послѣднее — прости!

Негостепріимное, пустынное, печальное море! я однако жъ съ грустью покидаю тебя. Ты было вѣрнымъ товарищемъ моихъ думъ, неизмѣннымъ наперсникомъ чувствъ моихъ. Въ твои горькія воды лились горькія слезы мои; въ твоихъ кипучихъ волнахъ охлаждалъ я пылкое сердце; къ тебѣ уходилъ отъ людей, бѣжалъ отъ самого себя. Шумъ твоихъ непогодъ заглушалъ, безмолвилъ мои душевныя бури; голосъ чловѣка сникалъ передъ величественнымъ глаголомъ Природы, вѣчно однозвучнымъ и всегда разнообразнымъ, нарѣчіемъ знакомымъ и непонятнымъ вмѣстѣ.

Нѣтъ, порой я понималъ тебя, море! Душа разговаривала съ тобой, погруженная въ какую-то магнетическую дрему. Нѣ только отголосокъ, но и отвѣтъ пробуждался въ ней на зовъ твой. Ты шептало мнѣ про свои заветныя преданія; я проникалъ въ твои заповѣдныя тайники; я разгадывалъ чудеса твоихъ безднъ, бѣгло читалъ твои дивныя руны, которыя пишешь ты зыбью на песокъ взморья, прибоемъ на груди скаль. Лестная, напрасная мечта! Съ прежней загадкою уходилъ я съ береговъ твоихъ. Многимъ и часто раскрываешь ты лоно свое, но какъ могилу, не какъ книгу. Подобно небу ты замкнута для опыта; подобно ему ты доступно лишь мысли, безпрестанно измѣнчивой и такъ нерѣдко обманчивой. Еще таки

человѣкъ вооруженнымъ взоромъ проникъ до млечнаго пути и буравомъ пронзилъ глубоко оболочку земную; но чей глазъ, чей лотъ достигнулъ до дна твоихъ хлябей? Кто, до сихъ поръ, срывалъ твое влажное покрывало? Бѣдный человѣкъ! ты осужденъ собирать раковинки на берегахъ океана, и напрасно расточать свою премудрость, разгадывая кусочки морской смолы ¹ или зерна жемчуга ². Неизмѣримый вѣчный сфинксъ пожираетъ тебя, какъ скоро ты дерзнешь покататься на его хребтѣ и не сумѣешь понять его языка, разгадать его загадокъ. Вездѣ, всегда любилъ я море. Я любилъ и люблю его тиши, когда бездна, сомкнувшись зеркаломъ, молчитъ словно полная, какою-то божественною думою; и дномъ ея — лежать небеса, и звѣзды плаваютъ въ ея влагѣ. Люблю я зыбь его дыханія и бой жизни въ вѣчноюномъ, лазуревомъ его лонѣ, всеобновляющемъ, всеочищающемъ. Люблю его туманы, которые посылаетъ оно жаждущей землѣ, черезъ небо, гдѣ морскія воды теряютъ горечь свою. Нобольше всего, страстиѣ всего, люблю я бури и грозы на морѣ. Люблю ихъ въ часть дня, когда солнце пробиваетъ лучемъ черныя тучи и огненнымъ каскадомъ обливаетъ купы валовъ, рыщущихъ по влажной степи; другія съ боя тѣснятся въ свѣтлозарный кругъ, загораются, воютъ отъ ужаса, и стремглавъ окунаются въ глубь, чтобъ затушить

¹ Въ самомъ дѣлѣ, что такое янтарь? Древесная смола, говорятъ минералогіи: но почему жъ она теперь не плавится? почему до сихъ поръ не нашли въ вѣдрахъ горъ этого *междупотопнаго* ископаемаго?...

² Страхъ люблю Ученыхъ! кому-то изъ нихъ вздумалось сказать, что жемчугъ есть болъзнь перламутра, и всѣ набожно повторяютъ это сзвзаніе, не разсуждая ни мало, что болъзнь свойственна только органической природѣ, а черепъ жемчужной устрицы не что иное какъ известнякъ. Если называть болъзнію образованіе, почти всеобщее въ ихъ родѣ, жемчужныхъ зеренъ, то прійдется причислить къ бородавкамъ всѣ капсельники, натеки и сталактиты.

пламеняющія кудри; другія перегоняются съ косатками, чудовищами, которыя съ безобразіемъ моржа соединяють быстроту ласточки *. Иные бросают снопы радугъ въ грудь смѣлаго корабля, презирающаго весь стихін, и землю, отъ которой отторгся, и воздухъ, который разсѣкаетъ, и воду, которую топчетъ онъ. Гордо бросается онъ въ битву съ валами, рѣжетъ, разшибаетъ, мнетъ ихъ, такъ, что кажется, будто великаны зыбей, набѣгая на него съ угрозою, ниспадають съ блестящею улыбкой, разсыпаются врозь какъ прахъ, летящій съ колеса!

Люблю ихъ и въ часъ ночи, когда блѣдный мѣсяцъ вольнасть изъ-за тучъ свой черепъ какъ мертвецъ изъ могилы, и неслышно идетъ по небу, влача за собой черезъ море бѣлый саванъ. Тогда валы возникаютъ какъ тѣни Оссіановскихъ героевъ, въ ворошеной бронѣ съ бѣлыми кудрями по плечамъ, со звездами брызговъ надъ шлемомъ. Яростно бѣгутъ они въ бой, гонять, достигаютъ другъ друга; сшибаются, сверкають сталью и падаютъ въ ночь, раздавленные другими ратниками, ихъ настигшими! А тамъ, вдали, грозно гуляютъ исполины смерти, надѣвъ тучу вмѣсто шлема, и пѣня въ молоко бедну моря етопами: еще шагъ, и онъ задавитъ корабль!... но перунъ грянулъ, адъ и небо дрогнули отголосками; смотрите! — исполинъ палъ, застрѣленный молніею.

Люблю видѣть безсильный гнѣвъ твой, море, на каменные берега, непускающіе тебя залить землю. Ты крутишься и шипишь тогда, какъ змѣй, уязвляя пята скаль. Ты прыдаешь на нихъ и грызешь ихъ,

* Косатки, или дельфины, плавають съ невѣроятною быстротою, то прямо, то черезъ голову колесомъ, и въ пять минутъ верѣдко скрываются изъ виду. Замѣчательно, что дельфинъ и ласточка, быстрѣшіе до сихъ поръ известные плователи, имѣють одинаковое устройство тѣла: полукругъ, для разрыва влаги, и кливъ, чтобъ она скользила назадъ. Лучшіе корабли ходокки строятся наподобіе дельфина.

какъ тигръ, съ ревомъ и воемъ. Какъ хитрый чело-
вѣкъ, подрываешься ты подъ ихъ основы, точишь, пи-
лишь, разстраиваешь раны, нанесенныя временемъ;
неутомимо разишь своими влажными перунами. Ты
хочешь поглотить, затопить по-прежнему землю, ко-
гда-то въ тебѣ зачатую, и потомъ неразъ тобой покры-
тую. Прочь, второй Сатурнъ! тебѣ не пожрать свое-
го дитя! ты далъ ему лишь тѣло, но Богъ вдохнулъ
въ него душу, — челоуѣка. Ей ли, ему ли быть жертвою
стихій?...

Да! я видѣлъ не одно море, и полюбилъ всѣ, кото-
рыя видѣлъ; но тебя, Каспій, но тебя — болѣе дру-
гихъ: ты былъ моимъ единственнымъ другомъ въ не-
счастіи; ты хранилъ и тѣло, и духъ мой, отъ истлѣнія.
Какъ обломокъ кораблекрушенія выброшенъ былъ я
бурею на пустынный берегъ Природы, и, одинокъ,
я нелестно узналъ ее, и научился безкорыстно на-
слаждаться ею. Я не ждалъ жатвы полей или добычи
лѣса; я не вымучивалъ у моря ни рыбъ, ни драгоцен-
ностей; я не искалъ въ немъ средствъ жизни или
свѣтскихъ прихотей; я просилъ у него совѣтовъ для
разумнѣя жизни, для обузданія прихотей. Не овла-
дѣть стихіями, а сродниться съ ними жаждалъ я; и
сладостенъ былъ бракъ сердца, — сына земли, съ мы-
слию, — дочерью неба.... Здѣсь челоуѣкъ не заслонялъ
отъ меня Природы; толпа не мѣшала мнѣ сживаться
со вселенною. Она ясно отражалась на душѣ моей, я
сладостно терялся въ ея неизмѣримомъ кругу; гра-
ницы между я и она исчезали. Самозабвеніе сплавля-
ло въ одно безмятежное, тихое, свѣтлое наслажденіе, —
частную и общую жизнь; распускало каплю времени
въ океанъ вѣчности.

Но кромѣ того меня влекло къ тебѣ сходство твоей
судьбы съ моею судьбою. Ниже другихъ и горче

другихъ твоихъ воды ¹. Заключено въ песчаную тюрьму дикихъ береговъ, ты одинокое стонешь, не сливая волнъ твоихъ ни съ кѣмъ. Ты не вѣдаешь ни прилива, ни отлива, и даже въ порывѣ гнѣва не можешь перебросить буруна своего за черту, указанную тебѣ перстомъ довьчнымъ. И кто знаетъ, какъ поглощаешь ты столько огромныхъ рѣкъ, падающихъ въ жерло твое, столь мало отдавая дани воздуху? И кто разгадалъ твои огнедышащія подводные волканы, рядомъ съ волканами, извергающими грязь ²? Кто скажетъ намъ, сколько народовъ, потерявшихъ имя, протекло по бережьямъ и по волнамъ твоимъ? сколько безыменныхъ жертвъ пожрано твоей пучиной? На тебѣ нѣтъ слѣду первыхъ, нѣтъ крови вторыхъ: только гдѣ-гдѣ обломки, изверженные на берегъ, знаменуютъ, сколько драгоценнаго похоронено въ твоей глубинѣ.

Не лѣта, а бури бросаютъ морщины на чело твое, бури — страсти небесъ. Страшенъ, мутенъ, шуменъ бываешь ты тогда: за то, порой, прозрачный и тихій, ты даешь лучамъ солнечнымъ и взорамъ чловѣка купаться въ своемъ лонѣ, и засынаешь, играя раковинками приморья какъ младенецъ, напѣвая лепетомъ самъ себя колыбельную пѣсню!

Да, Каспій! во мнѣ есть много стихій твоихъ, въ те-

¹ Гумбольдтъ доказалъ, что поверхность Каспійскаго моря, ниже горизонта другихъ морей, кажется, 300 футовъ: следовательно, мѣтнѣе, будто оно имѣетъ подземную связь съ Индійскимъ Океаномъ, падаетъ само собою; если бъ это существовало, оно необходимо пришло бы въ уровень съ другими. Воды океана содержатъ отъ 30 до 45 частей соли на 1000; Каспій до 60 на 1000. Мертвое Море до 440 на 1000. Жаръ не имѣетъ вліянія на соленость океана, но всегдашній холодъ полюсовъ осаждаетъ изъ воды соль прежде ея замерзанія.

² Сопки, извергающія грязь, находятся почти на всѣхъ островахъ соседнихъ Бакъ, а огненные фонтаны, бьющіе изъ моря, на Каспій не въ рѣдкость.

бъ много моего, много кромѣ воли и познанія вещей. Ты не можешь быть иначе какъ есть, — а я могъ!... Скажу вмѣстѣ съ Байрономъ: «Терны, мною пожатые, взмѣвяны собственною рукою: они грызутъ меня, кровь брызжетъ. Пускай! Развѣ не зналъ я, каковы плоды должны созрѣть отъ подобнаго сѣмени!»¹

Величественъ вѣнецъ изъ лучей, пѣвнители изъ вѣтвей лавра или дуба, миль изъ благовонныхъ цвѣтовъ: но чѣмъ же не вѣнокъ изъ терновъ?...

Прощай, Каспій, — еще разъ, прощай! Я желалъ видѣть тебя, а увидалъ нехотя. Не охотно расстаюсь я съ тобою, но свидѣться опять не хочу.... Развѣ ты постелешь волны свои широкимъ путемъ на родину!

Я послѣдній разъ взглянулъ на грозную, прекрасную картину бурнаго моря. Валы широкими грядами катились къ берегу, вздымали головы, загибали всплески, и, кипя, распрыскивались въ пѣну о плиты и башни сбитой ими стѣны², взбѣгали на песокъ, и потомъ далеко обнажали его. Какой-то туманный дождь сорванныхъ вихремъ верхушекъ клубилъ надъ поверхностью моря, — а оно, яркій камелеонъ, зеленѣло, синѣло, бѣлѣлось, сверкало и меркло мгновенно....

Когда я, скрѣпивъ сердце, поворотилъ коня, мнѣ показалось, будто море и вѣтеръ слили свою гармонию въ жалобу, будто волны какъ маленькіе братья прядали, просились ко мнѣ на сѣдло. Я далъ поводъ, и обрадованный конь однимъ прыжкомъ вынесъ меня на сушу.....

Когда я вѣзхалъ въ городъ, щеки мои были влажны, — но не отъ брызговъ моря.

¹ Child Harold's pilgrimage.

² Несомнѣнно, что древніи Дербентскія стѣны далеко входили въ море, и сомкнуты были плотной съ воротами, которая образовала за собой безопасную пристань. Часто плавали и ныряли тамъ, я, можно сказать, ослзгалъ ихъ основанія.

II.

ГОРНАЯ ДОРОГА ИЗЪ ДАГЕСТАНА ВЪ ШИРВАНЬ
ЧЕРЕЗЪ КУНАКЕНТЫ.

=

11 Апрель, 1834. Шамаха.

Долой съ коня! — нѣтъ возможности держаться въ сѣдлѣ по такой крути. Иду, и кованные каблукы мои скользятъ по камнямъ, грудь хочеть разорваться отъ напряженія, — да мнѣ это нѣ первинка! Завиваю хвостъ коня около руки, и конь почти волокомъ вноситъ меня въ гору; впрочемъ сказать: премилое средство совершать живописныя путешествія! Пригласилъ бы я съ собой какого-нибудь Петербургскаго щеголя, протанцовать галопадъ по этимъ острымъ кремнямъ: передъ лицомъ — подковы лошади; справа утесъ, котораго такъ и подмываетъ рухнуть вамъ на голову; слева обрывъ до два ада; назади крутая, витая, скользкая лѣстница, построенная водопадами подъ руководствомъ Кавказскихъ чертей, — и, если онъ не разлетится въ курительный порошокъ отъ здѣшнихъ вихрей, или не изорвется въ папильотки на шипахъ скалъ и терпѣвниковъ, до полу-дороги, то навѣрно ему на полжизни станетъ рассказовъ и на всю жизнь раскаянія. За то, что за дивные виды на каждомъ шагу, при каждомъ поворотѣ ущелія! Проложите сюда чугунную дорогу, освѣтите газомъ пещеры — логовища барсовъ, нажарьте изъ нихъ котлеговъ на парахъ, и постройте гостинницы тамъ, гдѣ блеститъ теперь винтовка горскаго разбойника, — такъ будьте увѣрены что Англинскіе милорды и набобы не пожалѣютъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ, за виды, которыми пользуюсь я теперь за восемь копѣекъ на версту*.

* За Кавказомъ поверстная паша на лошадь и версту 2 коп. серебромъ, равно по большимъ и проселочнымъ дорогамъ.

Рѣдѣетъ лѣсъ, и я безъ сожалѣнія раскланиваюсь съ нимъ; онъ нагъ, онъ не одѣлся еще въ общій мундиръ весны, — въ зелень. Онъ не даетъ ни пріюту отъ дождя, ни тѣни отъ солнца. Немногіе, заржавленные непогодой пни провожаютъ меня до границы лѣсорастенія, и машутъ какъ вѣдьмы длинными сухими космами плюща. Теперь ужъ около меня однѣ купы кустарниковъ вылезли изъ разсыпнѣ, будто кочующія семьи цыганъ, и грѣются на солнышкѣ; а вотъ эти два терна вцѣпились другъ другу въ волосы, — ни дать ни взять наши Русскіе мужички на ярмаркѣ; а вотъ ужъ только чахлый вересъ качаетъ головою, словно не вѣритъ, дожить ли ему до завтра, и потихоньку кашляетъ отъ вѣтра. Вотъ одинъ мохъ краснѣетъ по скаламъ, точно румяна по щекамъ старушки. Это уже послѣдняя борьба органической жизни съ неорганическою Природою: далѣе Природа спитъ безпробуднымъ, каменнымъ сномъ, завернувшись въ саванъ вѣчнаго снѣга; далѣе уже растутъ одни знаки восклицанія, и водятся только вѣтры выюги и восторги чувствительныхъ путешественниковъ.

Какъ ни расположенъ я былъ шутить всѣмъ и надо всѣми, но когда достигъ до вершины хребта, отдѣляющаго Кубинскую область отъ Шамахинской, когда оглянулся кругомъ, я обомлѣлъ отъ наслажденія, какъ-будто неожиданно встрѣтивъ глазъ на глазъ ее, — душу моей души; какъ-будто ангелъ принесъ мнѣ вѣсть прощенія. Здѣсь, да! здѣсь, гдѣ больше неба, чѣмъ земли, человѣкъ долженъ съ досадою бросить кисть и рѣзецъ; забыть свой блѣдный, бѣдный, нищенскій языкъ. Нѣтъ силы выразить, нѣтъ средства удержать въ себѣ чувства удивленія, которое заставляетъ перекинуть сердце черезъ край; которое зажигаетъ душу и разсыпаетъ ее врозь лучами.....

Взгляните на востокъ: тамъ, вдали, въ глубинѣ, между синью неба и дали, видите ли вы, какъ яснѣетъ полоса оживленнаго серебра? Это Каспійское Море. Но кто скажетъ, гдѣ границы горъ съ моремъ; гдѣ кончится море, и начинается небо? Вотъ она, — эта гармонія, слышимая одной душъ, сливающая въ одинъ ладъ, въ одинъ блескъ и земное и небесное. Вотъ радуга прекраснаго, возникающая какъ мостъ между міромъ и Богомъ.

Любуюсь вновь и вновь.... Прекрасно! До того прекрасно, что невольныя слезы навертываются на глазахъ. Солнце вровещь со мною, словно горящій корабль, плыветъ въ яхонтовомъ океанѣ воздуха, прыщетъ, пышитъ лучами, льетъ позолоту свѣта, наводитъ чернеть тѣней на далекіе волнистые хребты. Изъ-за нихъ, кой-гдѣ пробивается молодая зелень полей, а по ней узорно выются ручьи и рѣчки, и вся эта картина улыбается вамъ изъ мрачныхъ рамъ ущелия, жива, ярка, блестяща, какъ вешній сонъ юноши; недоступна и далекая какъ потерянный край Эдема. Лучами и кругами расходятся отъ меня горы, выникаютъ, выглядываютъ другъ изъ-за друга; то иззубренные дождями, то пробитыя навывметъ трещинами, индѣ чернѣя дремучимъ лѣсомъ, тамъ красуются полосами сѣтговъ или рассыпаясь въ холмы, которые, какъ эмиры въ зеленыхъ чалмахъ, сидятъ подъ тѣнію палатъ Падишаха міра.

А между-тѣмъ облака тянутся надъ хребтами, какъ вереницы перелетныхъ гусей; или взбираются по ребрамъ утесовъ подобныя стадамъ горскихъ овецъ, оставляя пряди волны своей на острыхъ, какъ тернія, гребняхъ; или отдыхаютъ какъ верблюжій караванъ, богатый грузомъ дождей, у башни Керванъ-Сарая. Вотъ одна туча, расширивъ крылья словно бѣлый орелъ, зыблется надъ пропастью, хочетъ пасть и за-

съпать ее..... Другая ужь пала, и замерзла на темъ Шахъ-Дага, но не теперь, — нѣтъ, въ день творенія! Такая жь туча и подь ногами моими: снѣгъ ея такъ чистъ, что грѣхъ пятнать егослѣдомъ своимъ. Боишься дохнуть, чтобъ не затмить паромъ этого свѣтлаго неба, чтобъ не заразить тлетворнымъ дыханіемъ человека тонкій нагорный воздухъ. И кажется, право, здѣсь никогда еще не былъ человекъ: такъ все дико, пустынно и дѣвственно кругомъ! Нигдѣ не видать ни замка, ни города, ни селенья; нигдѣ ни борозды, ни дороги. По крутизнамъ чуть замѣтны кой-гдѣ черные слѣды молній, да стежки, проторенныя вешними потоками; и одни лишь потоки говорятъ съ окрестностью, свергаясь по камнямъ или низвергая ихъ долу; да ропщеть лѣсъ, да вѣтеръ свищетъ порою. Не слышно подковы путника или топора селянина: здѣсь царствуетъ Природа, а не люди.

Но прійдетъ время, люди найдутъ на тебя, и ты ушьешься ихъ потомъ, какъ теперь росую небесъ, и они заселятъ твои завѣтныя ущелія и тѣснины, запылятъ тебя высѣвками общественной жизни, загрязнятъ, приотпчутъ до самой маковки; источать твое сердце рудниками и каменоломнями, извлекутъ наружу твои внутренности; выворотятъ, исказятъ, обстригутъ тебя; увѣшаютъ побрякушками своего ничтожества, заставятъ работать на свою жадность, сдѣлаютъ тебя наемникомъ своихъ прихотей; научатъ вѣтры горъ свистать свои жакія пѣсни, принудятъ водопады твои молоть кофе, и въ дѣвственныхъ снѣгахъ твоихъ станутъ холодить мороженое. Конечно, человекъ выиграетъ, но поэтъ проиграетъ въ эту перемѣну. Онъ не найдетъ тогда ни одного пустынного уголка, гдѣ бы спрятать отъ свѣта сердце свое, гдѣ бы могъ онъ наединѣ вдохнуть въ себя Природу, и на свободѣ вымлакать душу звуками. Мелочные люди выживутъ даже

шкаловъ изъ пещеръ, отнимуть гнѣзда у орловъ, и подложить въ нихъ кукушкины пестрыя яйца: однимъ словомъ и наконецъ, удобствоубѣть величіе равно въ области мыслей, какъ въ области общежитія. Ты будешь красивѣе, Кавказъ, но будешь ли ты прекраснѣе? Ты можешь стать лучше, — но лучше такъ какъ есть!

Мнѣ такъ отрадно и легко, — такъ легко, что кажется, будто изъ плечъ моихъ развиваются, разцвѣтають крылья; кажется, стоитъ ударить пятой въ этотъ порогъ небожителей, и улетѣть за взорами въ небо, умчаться домой, къ звездамъ — сестрамъ! О, великую, божественную мысль зарыла Природа въ сердцѣ горъ, этихъ каменныхъ исполиновъ земли; чистою радостью увѣичала ихъ темя! Здѣсь понижаешь передъ нею съ благоговѣніемъ, потому что достигаешь сюда съ опасностію, потому что отсюда легче разгадываешь ея промыслъ. Снизу, глядя на эту громаду горъ, изумленіе поражаетъ челоуѣка; но сверху уже удивленіе, то есть, сознаніе прекраснаго овладѣваетъ вами, — сознаніе гордое и независимое, потому что оно склоняется предъ тѣмъ, что лучше насъ. Прекрасное есть зря истиннаго, а истинное лучъ божества, преломленный о вѣчность. Вотъ почему это чувство возникаетъ въ душѣ, какъ воспоминаніе былого! Оно знакомо, оно родственно ей. Гляжу на Кавказъ — и, кажется, я не впервые здѣсь; кажется, колыбель моя качалась волнами вонъ того водопада, и вѣтры горъ убаюкивали меня въ сонѣ; кажется, я бродилъ по этимъ хребтамъ во дни моего ребячества, когда Божій міръ былъ моимъ ровесникомъ!!

И кто жъ сказалъ, что я не былъ ровесникомъ міру? Развѣ пылинки, составляющіе мое тѣло не современны ему? Развѣ душа моя не жила довѣчно въ лонѣ Провидѣнія?.....

Спускаюсь къ Ширвани, странѣ солнца, самой богатой хлѣбомъ въ Кавказской Области. Передо мной развивается изумрудное море холмовъ, пересѣченное черными хребтами, и задвинутое отъ сѣвера заснѣженными горами Лезгистана, Казикумука и Ели-су; отъ запада стѣною Карабахскихъ горъ. Конь мой скользитъ на хвостъ, или мѣтко перепрыдываетъ съ обломка скалы на другой обломокъ, заваливающей узенькую тропинку, по которой и черезъ которую съ шумомъ несутся ручьи тающихъ снѣговъ. Иногда, огибая уголъ утеса, онъ храпитъ и пятится назадъ отъ испуга, не находя опоры для копытъ, — а пропасть ущелия зѣяетъ и рычитъ внизу, какъ пасть чудовища, какъ гортань неизмѣримаго удава, котораго обаятельное дыханіе непреодолимо влечетъ къ себѣ жертву изъ глубины лѣса, и можетъ высосать жаворонка даже изъ выси небесъ. Брось поводъ, отдай свою душу Богу, а тѣло коню; не пускай своего взора слетѣть съ края пропасти, въ которую боится заглянуть само солнце, не пускай, или онъ увлечетъ за собою и сердце твое .....

— Чапаръ-Ханъ! * гдѣ же Шайтанъ-кюприсси, чортовъ мостъ, которымъ меня столько пугали? Гдѣ онъ? Или сбѣжалъ какъ самъ его строитель, въ отчаяніи отъ хитрости и смѣлости человѣка?

— Мы ужъ давно его переѣхали, отвѣчаетъ погонщикъ.

Такъ бываетъ со всѣми нашими страхами: ждешь ихъ лицомъ къ лицу, — глядь, ужъ они за нами!

— Однакожъ, говорить словоохотный чапаръ очень довольный, что я завелъ съ нимъ рѣчь: однако жъ,

* Чапаръ, гонецъ, извозчикъ, погонщикъ. Чапаръ-хане — почтовой дворъ.

ага, чорту въ самомъ дѣлѣ не стало житья отъ нашего брата, человѣка. Съ вашего приказа сказать, жилъ онъ сперва при дворѣ Персидскаго Падишаха, но такъ какъ онъ не сумѣлъ хвостомъ своимъ выводить такіе же выкрутасы, какъ выводятъ мирзы на ферманахъ, и спина его не смогла сгибаться въ 25 перевертовъ, какъ у всякаго придворнаго, такъ его бѣднягу отдубасили однажды по пятамъ и вытолкнули за высокій порогъ Шегиншаха ¹. Съ разбитымъ носомъ и поджавши хвостикъ удралъ, убѣжалъ онъ въ городъ ². «Дай-ка, подумалъ онъ, пушусь я въ торговлю. Горожане народъ глупый: я видалъ, какъ придворная сволочь надуваетъ ихъ, и на сладкія слова удить червончики изъ ихъ кармановъ.» Вотъ и продалъ онъ ножевщику рога свои на черенки, вмѣсто оленьихъ. Радъ чортъ абасамъ, — а не знаетъ того, что они оловянные. Поймали, схватили его чауши съ поддѣльными деньгами, — никто не беретъ чорта на поруки, — давай фелакку ³, валяй его по пятамъ. Насилу вырвался; бѣжить, миляга, безъ оглядки въ поле. Гадаеть, думаетъ, умомъ разумомъ раскидываетъ. Заживу, говорить, съ поселянами. Поселяне люди простые, черные, темные: обмануть ихъ — бездѣлка; ихъ развѣ лѣнивый не обманываетъ!» Вотъ и попадается ему навстрѣчу мужичокъ. — *Селямъ алейкюмъ — Алейкюмъ селямъ!* — Куда идешь, добрый человѣкъ? — Вдоль по дорогѣ. — Славная погода! — Да, лучше нельзя выдумать для того, кто хочетъ утопиться! — Аа, подумалъ чортъ: фазанъ самъ летитъ на ястреба; не уйдетъ моихъ когтей его душенька. Надо

¹ Государя-Государей.

² Восточные народы безпрестанно употребляютъ плеоназмы: *Гурь, багъ, гляди, смотри, Ишлалды, куртарды, сдвалалъ, ковчилъ, и т. п.*, вы услышите десять разъ на минуту.

³ Фелакка, доска съ двумя скважинами, въ которыя продѣваютъ ноги виновнаго: вздергиваютъ пяты вверхъ и бьютъ палками.

поживнѣться хотѣ чужой его *, покуда онъ живъ. — А съ чего тебѣ припала охота топиться? спрашиваетъ чортъ селянина. — Да вѣсть нечего!... такъ хотѣ напиться вдоволь. — Хорошо, братъ, и это: а если я помогу тебѣ?—О, такъ навѣчно я рабъ твой! Ты мой будешь ханъ, господинъ, отецъ родной, *валлахъ, биллахъ, таллахъ!*—Послушай, мужичокъ! вотъ что мы сдѣлаемъ: купимъ сѣмянъ, да засѣемъ поле; это твое дѣло; только три четверти урожая мнѣ, а четверть тебѣ. Согласенъ ли ты? — У мужичка сыплются искры изъ глазъ отъ радости, а сердце словно медомъ обливается. — Не только три четверти, я все что взойдетъ сверхъ земли, тебѣ отдаю: съ меня довольно и корней. — По сказанному, какъ по писанному, ударили по рукамъ. Чортъ заложилъ одному факиру шубу свою за два томана. Накупилъ мужичокъ сѣмянъ петрушки и рѣдки, моркови и рѣпки, засѣялъ огородъ въ три перекилка; а чортъ мой ночей неспитъ, днемъ не присядеть, таскаетъ воду, отпугиваетъ воробьевъ и безъ кожи дрожить; все барышей дожидается. Поплыло все, сняли все на огородъ. Мужикъ, человекъ совѣстный, отдалъ всю траву чорту сполна, себѣ взялъ одни коренья. Диво да и только чорту — мужикъ развѣлся и разжился, а его травы и на базаръ не пускаютъ. «Постой, рассуждаетъ онъ: теперь меня не проведешь. Я въ одинъ разъ на два раза умнѣе сталъ.» Опять идетъ къ мужичку, опять даетъ ему сѣмянъ. — Только, пріятель: /говорить, не осуди; въ это лѣто бери себѣ стебель, а корень-то изволь отдать мнѣ. Мужикъ ударилъ рукой въ руку.—И то дѣло! говоритъ онъ: надо квитъ на квитъ навести. — Съѣтъ онъ; только съѣтъ не овощи, а жита. Взшло все какъ изумрудъ, налилось какъ золото: жнетъ мужичокъ въ полный серпъ, да посмѣивается, а чортъ дивится пуще прежняго: его корешковъ даже ослы не ѣдятъ! До-

* Чужа — иностранъ.

гадался однако опъ, и хоть поздно, а вложилъ палець въ ротъ. — Ахъ, вы проклятые людишки! вскричалъ бѣсъ, хвостомъ вытирая слезы: меня перехитрили во всемъ, а я же у васъ за все про все виновать; на меня вы все-таки выючите небылицы да напраслины. Живите себѣ одни: я между вами лишній! — Ударился въ землю, и съ тѣхъ поръ у насъ про него ни слуху ни духу. Изъ чортовой кожи, что осталось въ закладъ у Факира, тотъ сшилъ себѣ шубу, и, говорятъ, болтаютъ сосѣди, будто перепродалъ ее нашему кадію.

=

III.

ПОСЛѢДНЯЯ СТАНЦІЯ КЪ СТАРОЙ ШАМАХЪ.

=

Чертовская дорога — божественные виды! Я уплаченъ съ ликвой за всѣ труды и опасности.

Передъ закатомъ солнца примчался я въ небольшую деревушку, — имя ея стерлось, — послѣдній мензиль * къ Шамахъ. Нигдѣ до сихъ поръ не встрѣчалъ я такихъ бѣдныхъ мазанокъ и землянокъ: ни деревца подлѣ дома, ни садика кругомъ деревни; должно быть, жители въ лѣтніе жары откочевываютъ въ горы. Впрочемъ, въ Азіи, не то что въ Россіи: близость большихъ городовъ не обогащаетъ, а нищитъ селенія. Надо гонцу коня? — взять изъ подгородной. Надо беку или назиру курочку или барашка? — послать въ подгородную. Задумали вмѣстѣ погулять на свѣжемъ воздухѣ? — ѣдемъ въ подгородную. Окружныя селенья платили дань и гнѣву и радости правителя области. Никто не смѣлъ сказать: — я завтра на своей арбѣ ѣду въ

* *Мензиль* собственно значить ямъ, гостиница, станція, но Татары употребляютъ это слово за переездъ и за самое разстояніе. Они говорятъ *туфенкъ-мензилье*, перестрѣлъ, и *лошь-мензиль*, выгодный ямъ.

раскаяніе или безвременная молитва могли измѣнить судьбы промысла. Я преклонялъ тогда голову, и говорилъ—Да будетъ Твоя воля! Но когда Богъ отгонялъ своимъ дыханіемъ волны моря, и они, расхлынувъ, стѣной стояли вдали, алчныя, но безсильныя пожрать меня; когда мнѣ дарилъ Онъ рѣдкія,—о, какъ рѣдкія минуты!—за то некупленные, чистыя, святыя минуты радости! — тогда я молился безкорыстною молитвою; и благодарность, эхо благотворительности, извлекала изъ очей сладкія слезы умиленія,—слезы, которыхъ не могло бѣдствіе изъ нихъ высъчь. Путь жизни моей провела Судьба по тернамъ и камнямъ, сквозь ночь и облака; но и мнѣ порой свѣтили звѣзды, и я умѣлъ благословлять каждый лучъ, до меня достигшій. И чаще всего, и чище слетали на меня искры благодати, когда я скитался по вершинамъ горъ: я душой постигъ тогда хвалебный гимнъ — «Слава Богу въ вышнихъ и на земли миръ!...»

Съѣзжаю, и опять вздымаюсь на хребты. Земля дремлетъ въ объятіяхъ неба. Какъ прекрасно небо! Гляжу, и не могу наглядѣться,—да и можно ли взоромъ выпить безконечность! можно ли пресытить сердце красотою вѣчной и неподражаемой! Вечеръ неслышнымъ криломъ своимъ стираетъ румянецъ съ лица запада. Облака играютъ по небосклону, и, что мигъ, мѣняютъ свои дивные образы, утопая въ юномъ мракъ. Ну, право, небо мечтаетъ теперь! облака его подходятъ теперь на видѣнія засыпающаго праведника! они принадлежать равно землѣ и небу, той и другой жизни! Вотъ и ночь: она щедро осыпала звѣздами сводъ неба, и ярко, но таинственно, сверкаютъ онѣ подъ голубымъ черепомъ: это вѣдь мысли вселенной, вѣчно свѣтлыя, вѣчно неизмѣнныя; это буквы, изъ коихъ мы едва угадываемъ одно цѣлое слово,—и это слово —

Б О Г Ъ !

Бдемъ, бдемъ: нѣтъ конца дороги. Шамаха раза два выглянула было изъ волнъ тумана, да и захлебнулась имъ. Утонула, бѣдиенькая! Я впрочемъ и не одинъ разъ утонулъ было въ болотахъ, въ каждой ложбинкѣ, образованныхъ тающими снѣгами: лошадь вдругъ увязала по грудь, и вытащить ее стоило всякой разъ по крайней мѣрѣ десяти ударовъ плетью и двадцати проклятій Татарскихъ и Русскихъ въ переплетъ. Хоть бы мѣсяцъ взошелъ! Легокъ напоминъ, онъ какъ-разъ прыгнулъ на небо. Идетъ неидетъ, свѣтитъ не свѣтитъ; то съ облаками въ гулючки играть, то за звѣздочками гоняется, - а вѣдь нѣтъ, чтобы путемъ посвѣтить доброму человѣку! Эй, мѣсяцъ, не забывай своей службы, не ссорься со мною: не то я выведу тебя на чистую прозу!

Начинается разборъ ясному мѣсяцу!

Во первыхъ возрастъ этого стараго Франтика очень двусмысленный. Одни говорятъ: онъ можетъ годиться въ дѣдушки землѣ. Служилъ будто въ старинныя времена кометою; шатался какъ вѣчный жидъ по цѣлой вселенной, и мѣнялъ мимоходомъ системы міровъ, какъ мы системы философін; потомъ будто затянула его центровлекущая страсть земли, и съ тѣхъ поръ онъ остепенился, произведенъ невѣрпримѣръ прочимъ въ планеты-спутники, и доселѣ волочится за землею; виѣшивается въ ея приливы и сумасшедшіе дома, пышитъ на нее своими платоническими волканами, да изрѣдка задобриваетъ посылками аэролитовъ и боллитовъ *. Увѣряютъ, что пятна, которыя поэтамъ кажутся глазами и носомъ и ртомъ мѣсяца, а простолю-

* Всегдашняя безоблачность мѣсяца доказываетъ, что тамъ нѣтъ воды, и даже атмосферы подобной нашей. Вотъ почему вѣроятно что лунные волканы могутъ взбросить сквозь рѣдкую среду камни до невѣроятной высоты, такъ, что нивы изъ нихъ попадаютъ на лучъ земной центровлекущей силы.

дицамъ нашимъ изображеніемъ Каина, осужденнаго, будто-бы, носить вѣкъ трупъ убитаго имъ брата, есть тѣнь огромныхъ лунныхъ горъ и дно рытвинъ, неозаренныхъ солнцемъ. Но всего вѣрнѣе, что эти пятна — морщины старика мѣсяца. Извѣстно, что мягкость и жидкость несомнѣнные признаки или, лучше сказать, неотъемлемыя качества молодости; а онъ иссохъ, какъ островъ, зачерствѣлъ какъ артельный хлѣбъ, и вѣрно растрескался и сморщился какъ сморчокъ.

Другіе, и между прочими докторъ Велланскій, утверждаютъ, что мѣсяцъ между планетами не старѣе любого пажа; что у него не прорѣзалась еще на бородѣ растительная жизнь; но что всѣ періоды органической Природы прійдутъ къ нему жидкимъ путемъ, своей чередою; что онъ превратится въ комету, сорвется съ своего 28-дневнаго пути, и въ какойнибудь прекрасный вечеръ мы узнаемъ, что онъ улетѣлъ за тридевять небесъ, путешествовать для образованія ума и сердца. Вотъ тебѣ и поминай какъ звали! Разоренье тогда поэтамъ и будочникамъ: на чемъ тогда будутъ первые печь свои посланія, чѣмъ посыпать свои поэмы? на что надѣясь, воровать будетъ послѣднимъ постное масло изъ фонарей? Многимъ жаль будетъ мѣсяца, а мнѣ право не жаль. Давно бы поря согнать этого лысача съ неба! Таскается себѣ съ фонаремъ, словно частный приставъ, и во всѣ закоулки заглядываетъ. Благодаря его милости, я раза два чуть чуть не попался ревнивцу: ну, да это дѣло прошлое, а кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ!

Правду сказать, за мѣсяцомъ водятся и добрыя качества: напримѣръ учтивъ, злодѣй, какъ нельзя болѣе; придворный земли, онъ съ роду не оборачивался къ ней задомъ; ухаживаетъ за ней, вертится около, а все глазъ съ нее не сводить, вѣчно ей улыбается. Я однако жъ думаю, что онъ, какъ Испанскій гидальго

Ранудо де Колибрадось, потому только не показываетъ спины, что она у него еще хуже лица. Впрочемъ это одна догадка, основанная на томъ, что мѣсяць любитъ ископи блистать на чужой счетъ, и въ долгъ безъ отдачи пользуется лучами солнца, какъ-будто-бы онъ былъ членъ «вѣчнаго цеха» Русскихъ сочинителей, которые тебя обкрадываютъ, да тебя же бранять, а когда не стало чужбинки, такъ вырѣзываютъ изъ своей спины лоскуты и подновляютъ ими брюхо.

Какой-то Нѣмецъ, — Нѣмцы хитрый народъ! — наглядѣлъ въ телескопъ, будто въ лунѣ есть крѣпости, построенныя въ видѣ звѣзды; есть дороги и огромная стѣна поперегъ всего ихъ свѣта: «вѣроятно отъ пасаднаго вѣтра, который тамъ свирѣпствуетъ вѣчно въ одну сторону», замѣчаетъ преважно Иванъ Ивановичъ. Чудная вещь, непонятная вещь! Ну, пускай ужъ на мѣсяць люди, какъ саламандры, могутъ пить пламень вмѣсто воды: да отъ чего жъ, прости Господи, могутъ быть тамъ вѣчные вѣтры, когда нѣтъ воздуха?

Однако жъ, какъ ни бесплоденъ, какъ ни безлюдненъ мѣсяць, а Александръ Македонскій, которому мало стало одного отца и одного свѣта, страхъ жалѣлъ, что нѣтъ дороги въ эту прекрасную землицу. Онъ хотѣлъ завоевать его, и построить тамъ бивакъ для своей фаланги. Я хоть и не Македонскій, но тѣмъ не менѣе Александръ, я, грѣшный человекъ, имѣю самъ страстишку къ завоеваніямъ. Вотъ почему объявляю въ Ллойдовомъ кофейномъ домѣ, что беру луну за себя, а въ ожиданіи случая на паролетъ съѣздить туда лично для вступленія во владѣніе по законамъ, дѣлаю оную колонією моихъ мечтаній, загороднымъ домомъ наслажденій моихъ. Да признаться, сказать, и прежде этого объявленія, лучшіе романы моего воображенія совершались на плоскости мѣсяца, какъ лучшія повѣсти моей дѣйствительности на его свѣтѣ.

Я помню ночь, свѣжую благоуханную ночь Севра — свѣтлую ночь Петербурга весною. Это было еще въ ту пору жизни, когда юность растеть и живетъ не на счетъ земли, а на счетъ воздуха, подобно цвѣтку въ первую пору его взбѣга. Нева колыхалась вдали, облечена въ сотканье сумрака и свѣта; надъ головою лепетали кленовыя листья; она, первеница моей любви, склонялась головою на грудь мою. Мои объятія обвивали ея станъ какъ поясъ; ея кудри окружали перстнями руки мои; она переливала вѣдохи мои въ мои уста; мое сердце билось отголоскомъ ея сердца, какъ-будто оно слилось воедино.... То была не минута страсти, но минута упоенія, — долгая, безмятежная, сладостная, минута, въ которую два существа и весь окружный мѣръ исчезаютъ, сливаясь въ гармоніи и радости. Она подняла томныя очи, и съ нѣгой глядѣла въ меня, и съ обольстительнымъ укоромъ роптала. — «Зачѣмъ ты полюбилъ меня?» — Спроси у мѣсяца, зачѣмъ онъ свѣтитъ, милая! было моимъ отвѣтомъ.... Слова, которыя теперь возбуждаютъ во мнѣ насмѣшливую улыбку, — эти простыя слова были выраженіемъ чистаго, юнаго чувства; вырвались безъ думы изъ души, и проникли въ душу.... новый жаркій поцѣлуй запечатлѣлъ.

О юность, юность! самые пороки твои нерѣдко бываютъ внушеньемъ Природы, а не пряной привычки, не разврата, умышленно подогрѣтаго кислотами. А между прочимъ, что ни говори, будто теплоты въ мѣсячномъ свѣтѣ незаметно по самому чувствительному термометру, — я этому не вѣрю. Лучъ мѣсяца можетъ расплавить женское сердце или, по-крайней-мѣрѣ, разогрѣть его до взаимности и до невѣрности, разумеется, если самое близкое къ ней сердце имѣетъ съ ея сердцемъ химическое сродство. Надо только подбавить къ нимъ нѣсколько сладкихъ словъ, рукопожа-

тій и объятій, да раздуть хорошенько. вадозами. Все таки главное разлагающее начало тутъ мѣсяць: за что жъ, ради самого Меркурія, за что жъ называютъ луну дѣвственною и цѣломудренною? за что ее отдали въ вѣчное и потомственное владѣніе звѣроловицъ Діанъ? Мнѣ до сихъ поръ не удавалось видѣть ночной охоты, по-крайней-мѣрь, за звѣрьми. Ну, да пусть такъ: Діана была охотница не до однихъ оленей, и только днемъ травила собаками дерзкихъ Актеоновъ за то, что они заставляли ее безъ корсста; а тихомолкомъ ночной поройъ каталась съ неба цѣловать красавчика Эндиміона. Пускай ужъ не было правды въ языческомъ небѣ: да за что жъ на крещеной землѣ ея не будетъ? Я формально протестую противъ платоническихъ титуловъ мѣсяца, и докажу, что онъ былъ виновникомъ или участникомъ тысячи тысячъ паденій. Замѣтьте, милостивые государи и милостивѣйшія государыни, — это до васъ касается, — замѣтьте *rag in beau clair de lune*, какъ хитро стелеть онъ дорожки свѣта, заманиваетъ въ непроницаемыя тѣни свои любящихся; какъ замысловато пугаетъ, превращая далекіе предметы въ страшилищъ, для того, чтобъ сблизить любовниковъ; и потомъ какъ льстиво украшаетъ лица ихъ, какъ искусно скрадываетъ недостатки: подъ его лучемъ все прелестно, все очаровательно! А между-тѣмъ онъ льетъ въ васъ свѣжее пламя, какъ мороженый пуншъ; брызжетъ на васъ росинками, будто кузнецъ на уголь, чтобъ сильнѣе разгорѣлись. Будь у меня красавица жена или дочь, ни за что не пушу гулять ихъ по мѣсяцу, ни за что не пушу мѣсяца въ ихъ комнаты.

Да и однимъ ли любовникамъ помогаетъ рогатый и роганосный мѣсяць? Прочтите Базиля Галля, этого Делля, просоленого въ морской водѣ, Капитана Базиля Галля, которымъ спять и бредятъ Англійскіе и

Французскіе журналы, и вы увидите, что мѣсяць плутуетъ нерѣдко за одно съ контрабандистами, и покровительствуетъ морскимъ разбойникамъ, а про земныхъ разбойниковъ, про Горцевъ спросите у меня: я расскажу вамъ много любопытнаго про этихъ рыцарей мѣсяца, хотя они никогда не были кавалерами ордена мѣсяца.

— Кстати, чапаръ! не водятся ли здѣсь разбойники?

— Разбойники? теперь? отвѣчаетъ онъ теперь не слышно! Вотъ ужъ больше мѣсяца не убили ни одного человека. Грабятъ-то грабятъ порой..... Все молодежь тѣшится: ну да это бездѣлицы! *пучь затъ!* А вотъ встарину.....

— Аггиде, гарунъ! назадъ! тубо! Не слушаетъ, бестія! Прочь, говорю я. Ну что жъ встарину, чапаръ?..... Лааетъ себѣ, да и только! Вѣрно на звѣря напалъ.

Лягавая собака моя такъ и заливалась, и, роя землю лапами, махая ушами, то наскакивала, то отпрядывала опять. Уже не разбойникъ ли, чего добраго?..... Я взвелъ курокъ пистолета, ударилъ усталаго коня, и вскакалъ на курганъ, надъ бурьяномъ котораго лаялъ гарунъ приступомъ. Мѣсяць билъ прямо на его вершину, и на ней.....

Во всѣхъ горахъ Кавказа есть обычай воздвигать родъ бесѣдокъ надъ могилами *шейховъ*, или *пировъ*, т. е. людей, угодившихъ Аллаху мусульманскимъ благочестіемъ. Нерѣдко ихъ ставятъ въ память умершихъ въ Меккѣ или убитыхъ на войнѣ въ чужбинѣ. Каждый проѣзжій отрываетъ кусочикъ отъ одежды, вяжетъ его на вѣтки, нарочно тамъ воткнутыя, молится за душу покойника, и проситъ у неба счастливаго пути. На курганъ, на который вскакалъ я, не было часовни, но лежала необтесаная плита, и на ней

человѣческой черепъ, и въ зубахъ этого черепа сверкала какая-то серебряная монета. Я содрогнулся, глядя на этотъ бездушный остатокъ человѣка. Онъ былъ необыкновенно страшень; глаза его будто чернѣлись, зубы скалились; онъ, казалось, поворачивался и отгрызался отъ собаки.....

На зовъ мой чапаръ пріѣхалъ туда же, взглянулъ, и поблѣднѣлъ какъ саванъ. «Аллахъ, Аллахъ! на какое проклятое мѣсто мы завхали!... Я держался нарочно вдаль отъ этого кургана, и, смотрите, завхалъ къ нему. Ага, это не даромъ! Ага, оторвемъ въ жертву по лоскутку, — и прочь! Аллахъ да сохранить насъ!»

И чапаръ, бросивъ жертву, былъ ужъ далеко. Ужась написанъ былъ на его лицѣ, когда я догналъ его. Онъ оглядывался, погоняя коня.

— Кто схороненъ въ этой могилѣ, чапаръ? Зачѣмъ противъ правовѣрнаго обычая валется черепъ на гробовой доскѣ?

— Великій грѣшникъ зарытъ тамъ; великое проклятіе тяготѣетъ надъ этимъ мѣстомъ.....

Мы ѣхали тихо, и чапаръ долго рассказывалъ мнѣ тайную повѣсть о злодѣѣ, котораго души не принялъ самъ адъ, котораго голову извергла земля. Я передамъ вамъ ее:

ЧЕРЕПЪ-ЧАСОВОЙ.

.....
— Кто идетъ? закричалъ часовой у въѣзда въ Шамаху.

Я протиралъ съ изумленіемъ глаза: какъ быстро упалъ я изъ минувшаго къ воротамъ Шамахи, и какъ не кстати! Однако дѣлать нечего*. Я отвѣчалъ:

* Мы очень сожалѣемъ, что неожиданный пріѣздъ въ Шамаху лишилъ насъ повѣсти о «Черепѣ часовомъ», которая уже начиналась и,

— Солдаты.

— Да кто-именно-съ? прибавилъ часовой, увидя, что я проѣзжій.

— Александръ Марлинскій.

— Пожалуйста открытый листъ!

=

IV

ПЕРЕѢЗДЪ ОТЪ С. ТОПЧИ ВЪ КУТКАШИ.

=

14 Апрѣля, 1834.

.....
Кольбельною иноходью шла моя лошадь, и сердце вздремало, зыблясь на вешнихъ звукахъ и ароматахъ. Глазами я бродилъ кругомъ, но память летала надъ минувшимъ; память занесла меня въ дебри Сибири, на дикій берегъ Лены.

Я поднялъ голову: надо мной склонялось шатромъ унылое, полярное небо; передо мной тянулася цѣпь Кангаласскаго Камня, возникали его хребты, щетинаясь кедрами и сосной, какъ стада огромныхъ дикобразовъ. Съ ружьемъ за плечами, задумавшись, стоялъ я верхомъ на берегу одного изъ пустынныхъ озеръ, дремлющихъ вѣчно у подножія Якутскихъ предгорій, стоялъ очарованный дикою поэзіею сѣверной Природы.

безъ сомнѣнія, была бы столь же прелестна, какъ все, что выходитъ изъ-подъ пера знаменитаго повѣствователя. Но мы можемъ предвѣщать нашимъ читателямъ удовольствіе, тѣмъ большее, что оно не заставитъ долго ждать себя; авторъ, безъ шутокъ, общалъ намъ рассказать дѣла объ этомъ черепъ, въ непродолжительномъ времени. Мы должны еще порадовать любителей прекраснаго таланта Г. Марлинскаго извѣстіемъ, что онъ имѣетъ намѣреніе, издать вполнѣ дневникъ свой по Кавказъ, который искрестилъ онъ въ разныхъ направленіяхъ, и живописуетъ съ такимъ эффектомъ. *Библ. для Чит.*

То было въ Сентябрь мѣсяцъ, но уже при начаткахъ зимы. Листъ палъ, или падалъ, съ жалобнымъ шорохомъ отрываемаго вѣтромъ отъ родныхъ вѣтокъ. Нагія березы и тальники дрожали, казалось отъ холода, и тѣснились въ частыя купы. Въ облакахъ, чуть видимы, неслись клиновидныя вереницы запоздалыхъ, усталыхъ гусей, летящихъ къ новому лѣта Юга, — неслись, роняя на вѣтеръ печальные крики. Далекій городъ за густой занавѣсой тумана то возникалъ со своими башнями и колокольнями, то испарялся будто мечтаніе сна. Слева, изъ одной пади вился дымокъ бѣлою струйкою, — вѣрно съ юрты бѣднаго Якута, — и онъ былъ единственнымъ признакомъ челоуѣка въ пустырь, гдѣ дорогу никогда не рѣзало колесо, а землю рало; все, кромѣ этого дыма, было мертво и пусто кругомъ; вопросъ остался бы тамъ безъ отвѣта, кликъ безъ отголоска.

И вотъ облака стали падать клубами ниже и ниже, будто сѣрые волки, отряхая дождь съ мохнатой шубы. Онъ сѣлся мелкими зернами, и тихо, тихохонько, падалъ туманомъ, не возмущая поверхности озера, не колебля сухаго листа, который обнизывалъ онъ изморозью. Вдругъ пахнулъ вѣтерокъ изъ ущелія, и тамъ, гдѣ за мигъ волновались полупрозрачныя пары, леталъ и плавалъ уже бѣлый снѣжокъ, легкій, чистый, блестящій, будто пухъ прямо съ крыльевъ ангела, не померклый еще отъ прикосновенія къ землѣ. Онъ порхалъ, онъ кружилъ, онъ вился и вздымался опять, будто не рѣшаясь разстаться съ воздухомъ, будто не хотя упасть на болото. Еще повѣвъ вѣтерка, еще взоръ; и все измѣнило видъ, все засіяло: косвенныя лучи солнца пронзили облако и зажгли снѣжный туманъ яркими полосами. Казалось, млечный путь, со своими мѣрадами звѣздъ просыпался съ неба или солнце вылилось изъ него цвѣтами сѣвернаго сіянія!

Кристаллы нѣя, перемѣшанные съ каплями дождя, то сверкали золотомъ и пурпуромъ въ оранжевой струѣ свѣта, то померкали яхонтами въ фіолетовой полосѣ; и вновь загорались, и опять гасли. Каждое дыханіе холода изъ пасти ущелія заставляло блѣднѣть этотъ потокъ замерзающаго воздуха и оживляющаго свѣта; каждый приливъ лучей растоплялъ снѣгъ въ алмазныя искры, между тѣмъ какъ золотыя нити отъ облаковъ до земли сновались и перевивались. Наконецъ начало оцѣпневнїя перемогло: мгла задушила небосклонъ, все померкло. Снѣгъ уже падалъ хлопьями, опушая вмѣсто листьевъ деревья и прибрежный тростникъ озера, тусклаго какъ свинець. Вотъ двѣ дикія утки свистя крыльями, пали на него. Я осторожно снялъ съ плеча ружье, нацѣлилъ, и, бацъ, съ съдла..... Выстрѣлъ сверкнулъ и грануль глухо: на срединѣ озера, взрытаго дробью, трепетались несчастныя пташки..... — «Пиль, нептунъ!»

Я очнулся.

И не леденѣющая, не безжизненная Природа Полюса, но оживающая, но живая, воскресшая Природа Востока красовалась передо мною; свѣжая прелесть весны, полна желаній и обѣтовъ, какъ невѣста. Она блещетъ, цвѣтетъ, поетъ жаворонкомъ, воркуетъ горлицею, вздыхаетъ нѣгою наслажденія въ вѣтеркѣ, кипитъ ключемъ. Влюбленное солнце пьетъ ея ароматическое дыханіе, нѣжитъ ее теплотою, цѣлуетъ лучами, и съ каждымъ поцѣлуемъ печатлеть новыя красоты на ея снѣбующемся личикѣ. О, моя душечка, ты обворожительна теперь! Со всѣмъ уваженіемъ къ чужой собственности, я готовъ кинуться на грудь твою съ съдла, и обнять тебя, расцѣловать тебя. Да! электрической огонь восточной весны леть кипятокъ юности въ грудь, бросаетъ измѣнническія искры причудъ въ зарядный ящикъ воображенія. Въ воздухѣ

слышится чей-то милый голось, атласный шелесть какого-то платя, благоуханный повѣвъ прерывнаго дыханія. Сердце замираетъ, духъ занимается: оглянулся, — ѣдешь въ скучномъ сотовариществѣ собственной тѣни!..... Мое почтеніе!

Я очнулся отъ того, что прямо въ лицо мнѣ рубилъ крупный дождикъ, хотъ солнце пекло и сіяло: вы бы сказали, воздухъ таетъ каплями нѣги, и эти капли, едва касались деревьямъ и лугу; на лету превращались въ зеленые листики, въ бѣлые, въ розовые, въ лиловые цвѣты; раскидывались вѣромъ, вспыхивали букетами, обвивались гроздами; трепетали крылышками какъ бабочки; распушались перьями коллибри. Казалось, летучая радуга разбилась въ дребезги, и, принявъ цвѣточное тѣло, улеглась, раскинулась на земль. Въ одинъ мигъ, точъ въ точъ театральная декорация: чуть зеленющій лѣсъ плодовыхъ деревьевъ, вспрыснутый дождемъ, развернулъ свою яркую зелень, убрамя въ вѣнокъ цвѣленья, радостно замахалъ въ воздухъ своими кудрями и руками. Безъ всякой метафоры, цвѣты распускались подъ стопами и привѣтно помавали головками навстрѣчу. Жаворонки, — небесные колокольчики, звонили въ вышинѣ; по холмамъ весело блѣяли стада барановъ; пахарь далъ вздохнуть быкамъ своимъ, и снявъ шапку, съ благодарнымъ умиленіемъ глядѣлъ на небо, и благодатная влага смывала съ лица его капли ѣдкаго пота. То былъ праздникъ Природы. То была радость чловѣку. Земля сверкала и благоухала какъ жертвенникъ!...

— Въ горахъ Лезгистана промчался громъ.

Я оглянулся окрестъ: вся Шекинская долина, цвѣтущая будто украинна рая, потоплена была въ волнахъ свѣта. Я взглянулъ направо, на стѣну горъ, дѣля-

щую Шеку отъ Аваріи: тамъ хмурилась черная ночь. Грозовыя тучи съ рокотомъ катились по зубчатому гребню хребта, и стремглавъ свергались въ Куткашинское ущеліе, заливая его мутнымъ водопадомъ ливня. Изъ середины ихъ, видѣлось, будто чья-то огромная рука бросается молніями, а сквозь разорванныя тучи нелькаетъ кровавый горизонтъ другаго міра. Вотъ, со скаль на скалу, черезъ зѣвъ тѣснины перекинулась воздушнымъ мостомъ радуга. Смѣло стояла она въ вышинѣ, ярко играла своими отливами на сияющемъ полѣ тучъ. Картина была восхитительна; никогда отъ рожденія не видалъ я и можетъ-быть никогда впередъ не увижу, въ такомъ близкомъ горизонтѣ, дожда при ясномъ солнцѣ, радуги надъ молніею, грозы рядомъ съ вѣдромъ!

И я долго любовался этимъ дивнымъ сочетаніемъ, — любовался тѣмъ болѣе, что въ немъ отражалась какъ въ зеркаль душа моя!. Надъ бурей судьбы, надъ мракомъ отчаянія возникала радуга надежды, озаряя минувшее утѣшеніемъ, а будущее опытомъ. А тамъ, въ недоступной вышинѣ, всходили къ небу ничѣмъ не омрачаемые, ничѣмъ не возмущаемые ледники, — послѣдняя ступень земли къ небу, символъ чистоты и мира души, цѣль и награда мудраго.

Баловни счастья, поклонники суеты свѣтской, есть ли въ вашихъ галереяхъ такія картины, въ вашихъ дворцахъ такія сокровища, въ вашемъ быту такія наслажденія? Жалкіе самохвалы, вы убили наслажденія, желая собрать или уснуть ихъ; вы задушили Природу, стараясь подражать ей; исказили ее, украшая! Могутъ ли краски, вымученныя изъ земли, передать холстинѣ красоты земныя? Могутъ ли благовонія, вываренныя изъ мертвыхъ цвѣтовъ, быть сладостнѣе аромата живыхъ? Для притушенныхъ чувствъ вашихъ нужны бульоны, эссенціи, потрясаю-

ніе звуки, пестрые букеты. Но какой букетъ, скажите мнѣ, выразить всю прелесть луга, гдѣ каждая семья цвѣтовъ живетъ въ своемъ кругу растений; каждая травка есть необходимое звено для стройности цѣлаго, необходимый отъѣнокъ вѣчной мысли Провидѣнія, связывающей полезное съ прекраснымъ!

О, прійдите, пріѣзжайте сюда, полюбуйтесь на эти горы, упейтесь воздухомъ этихъ долинъ, отвѣдайте хоть разъ Природы, и вы признаетесь тогда, какъ смѣшны и ничтожны погремушки, за которыя вы ссорились хуже ребятъ. Ужели ваша мишура лучше радуги; ужели вашъ хрусталь милѣе звѣзды, или вѣнки ваши свѣтлѣе вѣнца Божія? Прійдите! этотъ прекрасный, новый для васъ міръ отданъ вамъ; эти сокровища разсыпаны передъ вами: они чисты и дѣвственны, какъ въ первый часъ изъ купѣли потопа. Наслажденія эти не куплены раскаяніемъ; они не унижаютъ, а высятъ душу; не гнетутъ лице человѣка поклономъ къ землѣ, а умиленіемъ вздымаютъ его къ небесамъ. Вотъ вамъ серебро водопадовъ: на немъ нѣтъ зеленой ржавчины предательства Іуды; вотъ вамъ золото въ перьяхъ фазана: оно не звучитъ укоромъ; вотъ вамъ багрянецъ зари: это не кровь; вотъ алмазы дождя, — они вѣдъ не охрусталѣвшія слезы!

Нѣтъ! напрасенъ призывъ: люди любятъ свои оковы и неохотно покидаютъ уютные, раззолоченные гробы, выстроенные ими душѣ своей. Да и зачѣмъ бы они пришли сюда сквозь тысячу опасностей, трудовъ и неудобствъ, зачѣмъ? Могли ли бы ихъ пресыщенныя чувственностію, или окостенѣвшія въ безчувствіи сердца перелетѣть за очарованный кругъ наслажденія Природою?..... Они принесли бы сюда, вмѣсто искренняго, истиннаго удивленія, поддѣльные похвалы, лицемѣрную скуку; надутые вос-

торги, которые начинаются восклицаніями, а кончатся зѣвками. Или, что хуже того, неспособные ощущать величіе, они бы стали унижать его карикатурами, кощунствовать надъ нимъ съ презрѣніемъ певѣжества; наводить смѣхъ толпы на людей, которые предаются созерцанію, и остро подтрунивать надъ тѣмъ, чего они не въ состояннн постичь, или чему подражать нѣтъ у нихъ душеньки, либо воли. И толпа будетъ рукоплескать имъ: ей странное нравится больше нежели прекрасное, новое больше нежели вѣчное: притомъ же ей страхъ весело, когда ихъ обрызгиваютъ грязью, изъ которой она создана; когда валять все высокое въ болото, въ которомъ она квакаетъ.

Песчанья души! можетъ ли что изящное отразиться или произрасти на нихъ?

Усталая буря ушла въ пещеры Лезгистана; чуть слышно было, какъ она ворчитъ за горами. Облегченныя отъ груза облака улеглись по вершинамъ, а вершины гасли безъ зари, потому что солнце исчезло въ туманномъ западѣ безъ прощанья. И вотъ, изгороды стали чаще, сады гуще, кой-гдѣ проглядывали высокія, соломой крытыя, кровли домовъ пѣз зеленого потопа плодовыхъ и шелковичныхъ деревьевъ. Вся дорога перерыта была деревянными водопроводными жолобами. Вода сочилась, струилась, журчала вездѣ. Наконецъ, у стопы огромной, зеленою подернутой горы, на поворотѣ въ тѣснину, по обѣимъ сторонамъ небольшой рѣчки, открылось мнѣ мѣстечко Куткаши. Такъ какъ всякой домъ окруженъ особымъ садомъ для шелководства, то селеніе растянуто и разбросано на нѣскольکو верстъ, безъ всякаго порядка, безъ улицъ, кромѣ провѣжей дороги. Перѣхавъ по мостику рѣчку, я долженъ былъ, несмотря на усталость, добраться до самаго конца мѣстеч-

ка, чтобы, по заведенному здѣсь обычаю, предстать передъ свѣтлыя очи бека, одного изъ наличныхъ владѣтельныхъ князей Куткашинскаго магалла. Домъ его, кромѣ величины, ничѣмъ не отличался отъ обывательскихъ; за то обнесенъ былъ каменною стѣною, и у воротъ возвышалась небольшая изъ плитъ съ перилами площадка. Фонтанъ кипѣлъ съ нею рядомъ. Спрыгнувъ съ коня, и отдавъ подержать ружье, потому что представляться съ ружьемъ за плечами считается въ Азіи неучтивостью, я взошелъ на ступеньки эстрады, на которой сидѣлъ со своими приближенными бекъ, наслаждаясь прохладою вечера и вѣчнымъ наслѣдіемъ восточныхъ владѣтелей, — бездѣльемъ. По мѣсту, въ срединѣ полумѣсяца, мнѣ нельзя было ошибиться, къ кому обратиться обычное привѣтствіе. Всѣ встали, и молодой, едва ли двадцатилѣтній бекъ, очень красивой наружности, очень учтиво, но довольно холодно отвѣчалъ на мой селямъ. Замѣтно было, что онъ не усталъ еще разыгрывать важность горскаго князька, хоть это худо мирилось съ нагольною овчинною шубою, накинутою на плеча. Впрочемъ не думайте, что нагольная шуба, окрашенная сверху коптою ольхи, можетъ служить предосудженіемъ богатству или знатности. Ни мало. Горскія власти не прихотливы, и грозный ханъ охотно завертывается въ тулупъ изъ косматыхъ овчинъ наравнѣ со своимъ нукеромъ. Амиромъ-бекъ кажется такъ его называли, — пригласилъ меня сидѣться, и мигнулъ, чтобы подали трубку, но я отказался отъ того и другаго: мнѣ крѣпко хотѣлось на боковую. «Прошу одной кровли на ночь и трехъ лошадей на зарѣ», сказалъ я беку: «кромѣ этого душа моя не имѣетъ нужды ни въ чемъ, — только въвашей благоклонности.»

Бекъ, перебирая янтарныя четки, отвѣчалъ, что

все, что я изволю приказать, будетъ исполнено какъ ферманъ. Спросилъ въ заключеніе, нѣтъ ли еще какой ему «службы» на мою пользу, — и, на отрицательный отвѣтъ мой, мы раскланялись, размынявшись привѣтами, изъ которыхъ, само собой разумѣется, не повѣрили другъ другу ни въ одною словъ.

И не даромъ. Юзъ-баши, которому приказано было отвести мнѣ квартиру, задумалъ сбыть меня съ рукъ на половину, принадлежащую другому беку, находящемуся на службѣ въ Россіи, двоюродному брату Амирама. Повели меня по мытарствамъ. Насилу нашли старосту другой половины Куткашей, но убѣдить принять меня не могли. «Не наша очередь,» говорилъ тотъ. «Да вѣдь бекъ, кромѣ того, принялъ этого господина: онъ вашъ гость, а не нашъ.» Юзъ-баши спорилъ; и другой кричалъ; я наконецъ вышелъ изъ терпѣнія и такъ грозно зашевелилъ своей нагайкою, какъ левъ, готовый броситься на добычу шевелить хвостомъ своимъ. Это шѣрое краснорѣчіе подѣйствовало лучше всѣхъ доводовъ. Проводникъ мой пошелъ далѣе, заклинаясь, что юзъ-баши другой половины великой плутъ, между-тѣмъ какъ я увѣренъ былъ что онъ — того втрое плутоватѣе. За пустымъ деревяннымъ базаромъ на площади, указалъ онъ мнѣ домъ. «Извольте снимать выюки, сказалъ мнѣ юзъ-баши: знатная квартира, ага; *валлахъ*, *биллахъ*, лучше этой нѣтъ въ цѣломъ городѣ! Всѣ проѣзжіе генералы въ ней останавливаются. Вамъ будетъ здѣсь пригодно, какъ рыбе въ водѣ. Хозяинъ богатъ и старъ какъ чортъ, а между-тѣмъ у него двѣ молодыя женки.» Вѣдь набѣду жъ моей головѣ замѣшались тутъ молодыя женки! Сердце у меня юкнуло, когда юзъ-баши сказалъ мнѣ про нихъ. Думаю, не быть добру: — такъ и есть. Запыхавшись прибѣжалъ блѣбородый,

беззубый старичишка, загналъ всѣхъ своихъ жепцивъ въ анбаръ, бранясь — зачѣмъ онѣ берутся не за свое дѣло, выносить изъ одной комнаты першмы да сундуки, да глазѣть на прѣзжихъ, не закрывъ даже лица чадрою. Хитрянки не охотно пониновались, лукаво улыбались черезъ плечо, и, я думаю, не хуже Европейскихъ женщинъ восклицали внутренно противъ укора стараго мужа, будто не ихъ дѣло *глазѣть* на прохожихъ, и варварскаго зарока закрывать *даже* лице. Господи, Боже мой! да чтожъ послѣ этого останется показывать?

Заперши на замокъ вѣрность своихъ сожителницъ, ревнивецъ подошелъ къ намъ, измѣрилъ меня глазами, привелъ два аршина съ половиною моего роста въ Татарскую мѣру на локти; взглянулся, не водращены ли у меня усы; закинулъ даже числительный, испытующій взгль въ самый ротъ, чтобъ удостовѣриться, всѣ ли у меня зубы; потомъ сдѣлалъ вѣрную посылку тройнаго обратнаго правила — «чѣмъ старѣе, тѣмъ несноснѣе», и со страху, чтобъ это не обратилось въ правило товарищества, столь гибельнаго для лбовъ мужей, давай браниться съ юзъ-башею, зачѣмъ онъ безъ круга, безъ очереди ставить къ нему на ностой! Вотъ, всего не болѣе полугода назадъ, стоялъ у него полковникъ, да и тотъ, слава аллаху, былъ старикъ старикомъ, и едва передвигалъ ноги отъ лихорадки. «Когда я заговорилъ съ нимъ по-Татарски, и безъ того сѣрое лице ревнивца стало сѣрымъ въ яблокахъ: у него упали руки при мысли, что я могу безъ толмача наказать его женамъ вздоръ съ три короба. «Агамъ, гѣзюмъ, джанымъ!» мычалъ онъ, увиваясь около меня: господинъ мой, глазъ мой, душа моя: возми другую квартиру!... Я пришлоу всего, чего захочешь; приму, пожалуй, твоихъ спутниковъ; буду холить твою собачку: только, для

общаго Бога! не оставайся у меня самъ!» Я расхотался искренности и привѣтливости мусульманскаго супруга; но, цѣня свой сонъ, не хотѣлъ нарушить чужаго. Я пожелалъ домашняго мира старику, и велѣлъ указать себѣ иной ночлеги. Тамъ, съ просьбою взять въ свое владѣніе домъ и въ свое покровительство всю семью, меня было упрятали въ чуланъ, и если бъ я собственно особою не едѣлалъ новаго дѣлежа владѣній, то мнѣ пришлось бы ночевать въ огромномъ кувшинѣ съ пшеномъ, подъ страхомъ видѣть свой носъ отъѣденнымъ крысами.

Я скоро заснулъ у камелька подъ шумомъ чайника, подъ ропотъ моего челоуѣка на то, что хозяинъ не давалъ дровъ. А хозяинъ говорилъ, что дровъ велѣно принести другому; а воды нѣтъ потому, что еще не парядили очереднаго кувшина. «Сказано, что Азія: такъ Азія и есть!» ворчалъ мой Щербаковъ.

Я спалъ какъ убитый.

АЛЕКСАНДРЪ МАРЛИНСКІЙ.

СОГЛАСОВАНИИ ВОСПИТАНІЯ

СЪ РАЗВИТИЕМЪ

ДУШЕВНЫХЪ СПОСОБНОСТЕЙ.

=

Жизнь человѣческая проявляется въ переходахъ одного возраста въ другой. Душевные способности, равно какъ и силы тѣлесныя, развиваются послѣдовательно, въ извѣстномъ и опредѣленномъ порядкѣ возникаютъ, цвѣтутъ, зрѣютъ. Въ дитяти, какъ въ сѣмени, хранятся начала всѣхъ способностей; юноша представляетъ собою время цвѣтенія; мужество соотвѣтствуетъ зрѣлости.

Всѣ сіи различныя состоянія духа нашего обнаруживаются въ трехъ главныхъ его стихіяхъ: чувствѣ, умѣ и волѣ; они-то проходятъ всѣ степени развитія по предначертанному Создателемъ закону. Умственное пріобрѣтеніе знаній, нравственное облагородствованіе воли и образованіе вкуса совершаются въ различныхъ возрастахъ жизни. На первой степени развитія, на лонѣ матери, пробуждаются способности; здѣсь въ особенности образуется чувство. Второй возрастъ — юность, посвящается раскрытію и обогащенію ума, подъ руководствомъ отца или наставника. Переходъ въ возрастъ мужества предназначенъ образованію воли — ея самобытности. Въ это время, при благословеніи Провидѣнія, законъ внѣшній, или общественный, и внутренній, или нравственный, бывають ангеломъ-хранителемъ чело-
вѣка.

Большую частью рѣдкіе успѣхи въ воспитаніи происходятъ отъ трехъ главныхъ погрѣшностей: или начинаютъ ученіе преждевременно и продолжаютъ не послѣдовательно; или стараются о сообщеніи знаній, не заботясь о дѣятельности мыслящей способности; или не всѣ стихіи души нашей развиваются въ воспитаніи. Обыкновенно спрашиваютъ: чему учить надобно сына или дочь? а лучше бы спрашивать о томъ, какъ должно развивать душевныя способности. Дайте имъ правильное развитіе: онѣ будутъ въ состояніи приобрѣсти всѣ нужныя свѣдѣнія. Воспитывайте чувство, умъ и волю согласно съ ихъ развитіемъ: вотъ простой законъ, въ которомъ заключаются всѣ правила воспитанія. Дитя, еще несвязывающее своихъ представлений въ одно цѣлое понятіе, въ состояніи ли воспринимать многія постороннія понятія? Возможно ли дитяти, не постигающему предметовъ, его окружающихъ, объяснять предметы ученые? Воспитатель тогда только можетъ питать учениемъ дѣтское вниманіе, когда душевныя силы начнутъ развиваться собственною дѣятельностью.

Желаніе многихъ родителей, слишкомъ рано учить дѣтей, губить юныя способности, преждевременно ослабляетъ ихъ и препятствуетъ полному ихъ развитію. Въ дитяти преимуществуетъ жизнь растительная; въ немъ духовныя силы едва лишь раскрываются. Семь возрастъ мать, первая наставница, обязана давать надлежащее направленіе возникающимъ способностямъ. Въ очахъ матери, какъ въ зеркалѣ, дитя учится само себя понимать: видитъ оно въ семь зеркалѣ нѣжность и любовь, и въ немъ отражаются тѣ же чувствованія.

Первоначальное проявленіе силъ чувствованій должно состоять въ повиновеніи и благодарности. Пока

дѣтя еще походить на простое чувственное существо, мать должна показывать примѣры благотворительности. Дѣтя, руководимое разборчивою строгостью, будетъ послушно; любуясь исполненіемъ желаній своихъ, познаетъ оно всю важность благодарности. Напрасно матери при каждомъ требованіи дѣтей торопятся удовлетворять ихъ желанія: ощущаемый недостатокъ возвышаетъ цѣну благодаренія, скорѣе рождаетъ въ юной душѣ признательность. Напротивъ избѣженныя дѣтя ни благодарны, ни послушны; они-то оказываются совершенно безнравственными.

Благоразуміе велитъ также обуздывать тѣлесныя побужденія къ лакомству и другимъ прихотямъ; надобно болѣе занимать благороднѣйшія чувства — зрѣніе и слухъ. Чувственность, сколь возможно ранѣе, да уступитъ мѣсто нравственности; съ раннихъ лѣтъ да приучатся дѣтя къ умѣренности и воздержанію. Сіи добродѣтели дѣйствуютъ на здоровье, научаютъ насъ отказываться себѣ въ любимыхъ потребностяхъ, льстящихъ чувствамъ, и обращать вниманіе на сторону духовную. Дѣтскій возрастъ замѣчателенъ тѣмъ, что въ немъ возраждаются различныя склонности. Дѣтя, какъ нравственное лице, лишь только начинаетъ чувствовать свою дѣятельность, обращается къ познанію себя самого; тогда изъ растительной жизни образуется жизнь разумная. Не откладывайте до другаго дня заботъ о дѣтяхъ: преслѣдованіе направленія пробудившейся дѣятельности душевной столь важно, что одинъ день иногда можетъ быть или зарею ихъ счастья, или началомъ бѣдствій.

Съ раскрытіемъ дѣятельности силъ разгарается и воображеніе: дѣтя начинаютъ заводить разныя игры. Давайте имъ волю выбирать забавы: они вѣрно выберутъ ихъ по своимъ склонностямъ; не допускайте

только въ игрушкахъ излишества и роскоши. Старайтесь заранѣе пріучать зрѣніе къ изящнымъ видамъ, а слухъ къ изящнымъ звукамъ.

Всего опаснѣе въ этомъ возрастѣ зависть: она своевольно переступаетъ границы между *моимъ* и *твоимъ*, и превращается въ корыстолюбіе. Это самый вредный плевелъ, похищающій у благотворныхъ растений жизненные соки; его немедленно должно искоренять. Зависть обнаруживается и въ забавахъ: завистливыя дѣти не терпятъ ровесниковъ, отличающихся въ играхъ. За это или должно слѣдовать наказаніе, или надобно возбудить въ дитяти доброе чувство — довести его до того, чтобъ ему было пріятно раздѣлять удовольствіе съ товарищами.

Такъ возбуждаются въ чувственной жизни начала разумныя и нравственныя. За симъ наступаетъ время развитія чувства религіознаго. Въ благоговѣннн родителей является дѣтямъ нечто возвышенное. При утренней и вечерней молитвѣ, равно въ церкви, съ умиленіемъ да обращаетъ юная душа мысленные взоры свои къ небесному Отцу, надѣляющему всѣхъ своими дарами и благами. Пусть зрѣніе дитяти мало-по-малу отвлекается отъ видимыхъ предметовъ, и душа его устремляется къ невидимому виновнику всѣхъ явленій и его собственныхъ дѣйствій. Нежный цвѣтокъ, ~~какъ~~ сравнительно можно назвать дитя, заранѣе да согрѣвается лучами этого солнца, и получаетъ силу цвѣсти и созрѣвать при всѣхъ превратностяхъ жизни. Такое приготовленіе къ воспріятію религіознаго чувства располагаетъ душу къ Христіанскимъ наставленіямъ.

Переходъ дѣтства въ отрочество ознаменовывается тѣмъ, что сила представительная возрастаетъ, разумъ-

ніе получаетъ способность къ ученію. Въ этомъ возрастѣ представленія возвышаются до понятій, воображеніе становится дѣятельнымъ, а склонности обращаются въ характеръ; умственная сфера беретъ первенство надъ чувственностью: при всемъ томъ дѣйствія воли, какъ нравственное, такъ и религіозное, еще покоятся неразвитыя, хотя онѣ явственнѣе, нежели въ возрастѣ дѣтскомъ. Тутъ воспитаніе переходитъ изъ рукъ матери въ руки отца или наставника. Мать, имѣвшая подъ своимъ надзоромъ чувственный возрастъ дитяти, передаетъ отрока отцу или тѣмъ, которые должны пецись о развитіи умственномъ. Домашнее воспитаніе должно согласоваться съ общественнымъ для того, чтобы разныя стороны, изъ коихъ однѣ совершенствуются въ семейственной жизни, а другія въ училищѣ, всегда согласовались одна съ другою. Разумѣніе въ отрокѣ составляетъ главный предметъ воспитанія: посему родители должны стараться всячески питать любовь къ ученію. Въ усиленіи ея собственно состоитъ преимущество общественнаго воспитанія предъ домашнимъ. Важность ученія въ этомъ возрастѣ не въ количествѣ сообщаемыхъ знаній, а въ возбужденіи сильнѣйшей дѣятельности къ ихъ приобрѣтенію и къ размышленію о томъ, что приобрѣтено.

Что жъ принять за руководство въ отроческомъ возрастѣ? Здѣсь главное правило заключается въ томъ, чтобы познать отличительную способность души и ее возбуждать. Отроческій умъ любитъ упражняться въ образованіи изящнаго чувства слуха и зрѣнія: для сего необходимо занятіе живописью и музыкою. Тутъ можно испытывать вниманіе отрока соображеніями чиселъ и протяженій, какъ чувственныхъ воззрѣній къста и времени. Въ магнитъ отъ постепеннаго прибавленія тяжести увеличивается сила: такъ усили-

вается и юное соображеніе исчисленіями. Къ сему же времени относится изученіе языковъ. Непостижимое устройство человеческого слова, которое въ дѣтствѣ пріобрѣтается навыкомъ, безъ всякой отчетности; преобразуется помощію наукъ въ органическое цѣлое. Странно только, что нынѣ начинаютъ упражнять дѣтей сперва въ мертвыхъ языкахъ, для которыхъ потребно двойное соображеніе, вмѣсто первоначальнаго и простѣйшаго упражненія въ живыхъ языкахъ; особливо въ отечественномъ. Читая образцовыхъ писателей, мы непримѣтно измѣняемъ разговорный языкъ нашъ на изящный языкъ Красновѣчія.

Одно изъ основныхъ правилъ воспитанія состоитъ въ современномъ упражненіи памяти и разсудка. Безполезно учить наизусть безъ соображенія: это съ одной стороны уничтожаетъ занимательность предмета, съ другой затрудняетъ понятія; не обременяйте памяти, особенно изученіемъ чего-либо непонятнаго. Въ томъ, что понятно, упражняется она вмѣстѣ съ разсудкомъ; съ укрѣпленіемъ сужденія, самая память становится твердою. Иные стараются выучивать много; но чрезъ это ослабляется сужденіе, потому что умъ не имѣетъ достаточной силы обсуживать выученное.

Отроческому возрасту приличны гимнастическія упражненія. Когда жизнь переходитъ въ разумную, тогда и тѣло становится способнымъ къ упражненію въ Искусствѣ, требующемъ развитія чувства къ изящному. Лучше остановить слишкомъ быстрое раскрытіе душевныхъ способностей, нежели ослабить тѣло: для развитія отроческой души еще остается впереди много времени, а потерянное время отрочества для тѣла невозвратно. Движеніе въ физической природѣ то же, что мысль въ духовной; для самаго здоровья

необходимо умеренное согласованіе силъ душевныхъ и тѣлесныхъ. Наблюдайте таковое уравниваніе духа и тѣла до тѣхъ поръ, пока продолжастся развитіе организма.

Умеренность и воздержаніе, пробужденныя въ дѣтскомъ возрастѣ, должны въ отрочествѣ получить высшее значеніе. Къ симъ свойствамъ, сопровождающимъ умственное развитіе отрока, принадлежить развитіе нравственнаго и религіознаго чувства: разумная сфера соотвѣтствуетъ нравственной; дѣтская благодарность и покорность родителямъ — принадлежности перваго періода, — здѣсь переходить въ признательность и уваженіе. Если желаете, чтобъ юный нравъ благородствовался: то поддерживайте въ немъ сіи чувства. Не довольно одной привязанности къ домашнимъ; кто готовится для жизни общественной, тотъ долженъ научиться уваженію старшихъ. Дурныя привычки дитяти получаютъ въ отрочествѣ значительную силу и не рѣдко переходятъ въ своевольство, упрямство, дерзость. Отъ того, чья воля не свободна еще отъ чувственности, нельзя требовать возвышенныхъ добродѣтелей, каковы: великодушіе, щедрость и подобныхъ; по крайней мѣрѣ должно возбуждать въ отроческомъ возрастѣ чувство обязанностей общественныхъ. Не надобно питать душу одними только пріятными впечатлѣніями, но и склонять ее къ жертвованіямъ. То, что сначала быстъ внѣшнею обязанностию, раскрываетъ мало-помалу нравственное чувство и обращается во внутреннюю потребность. Чувство дѣтское зависти въ отрочествѣ можетъ возрасти до корыстолюбія, а потому здѣсь надобно развивать чувство справедливости. Ране, слишкомъ рано можно пробудить готовность къ услугамъ, прямодушіе, честность; въ семь возрастѣ дѣтская благотворительность переходитъ въ попече-

ніе о благополучіи ближняго. Возбудить сіи чувствованія — долгъ домашняго и общественнаго воспитанія.

Религіозное чувство отрока столь нѣжно, что трудно бываетъ сберечь его отъ холодности умственнаго образованія. Если въ дитяти уже составилось понятіе о Всевышнемъ; то въ отроческомъ возрастѣ необходимо раскрыть страхъ Божій — начало премудрости. Но не упражняйте ума въ религіозныхъ предметахъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы опростить оныя для разума: что легко обнимаетъ разумъ, то перестаетъ быть предметомъ безусловнаго почитанія. Здѣсь надлежитъ представить тотъ образецъ, коего видимая жизнь заключается въ существѣ невидимомъ: сей образецъ нашъ Спаситель. Нравственно-чистая и святая жизнь Его, поученія, страданія, смерть и воскресеніе должны напечатлѣться въ сердцѣ отрока. Сей образъ, однажды въ немъ напечатлѣнный, не изгладится во всю жизнь. Вмѣстѣ съ симъ излагается Православное ученіе Вѣры, внѣць умственнаго воспитанія. Въ нѣжномъ возрастѣ ученіе Религій не можетъ быть предметомъ ученія на память. Благочестивое чувство дѣтей подавляется, какъ скоро Божественное ученіе становится изнурительнымъ трудомъ для нихъ, и то внушается угрозами, что должно быть для человѣка священнымъ.

Наступаетъ важнѣйшій періодъ воспитанія — юность, время совершеннаго развитія разсудка, вкуса и характера, переходъ духовной жизни въ высшую сферу способностей: умъ, фантазію и волю. Въ семъ періодѣ изъ знаній образуются Науки о Богѣ, человѣкѣ и Природѣ, чувствованія творять идеалы, а склонности обращаются въ нравственныя направленія. Сердечныя чувствованія, прекраснѣйшіе спутники

жизни нашей, принимаемая въ первородной чистотѣ своей, возникаютъ въ юности; въ нихъ обнаруживается воля чловѣка, главнѣйшій предметъ воспитанія. Она получаетъ тогда только высокое достоинство, когда не подчиняется холодному и безжизненному знанію, а напротивъ воспринимаетъ въ себя тѣ лучи свѣта наукъ, кои истекаютъ изъ сердца. Очищайте склонности и чувства, одушевляйте ихъ любовью къ наукамъ и искусствамъ: вы непримѣтно усовершенствуете нравственность. Юноша начинаетъ борьбу со страстями; и хотя воспитаніе не можетъ совершенно отратить этой борьбы, по крайней мѣрѣ оно даетъ силы къ ихъ преодолѣнію. Науки и Искусства такіе два генія, которые укрощаютъ и умѣряютъ страсти. Здѣсь одинъ умъ не удовлетворяетъ юноши; сердце требуетъ своихъ предметовъ, и всѣми силами старается ихъ обрѣсти. Возвышенныя чувства волнуютъ грудь юноши; онъ мечтаетъ о чести и славѣ; фантазія его паритъ за предѣлы здѣшняго міра; вездѣ представляется ему идеаль счастья. Въ райской жизни идеаловъ согрѣвается и оживляется искусство. Мыслящая способность, вполне раскрытая, уже въ состояніи обнимать весь кругъ чловѣческихъ знаній.

Кто жъ руководствуетъ насъ въ этомъ возрастѣ? Юноша выходитъ изъ-подъ надзора материнскаго; зависимость отъ наставника уже для него тягостна; въ это время отецъ довершаетъ воспитаніе сына. Если дѣтство хранить попечительная мать; отрочество проходитъ большею частію подъ руководствомъ наставниковъ: то отцу остается согласовать домашнее воспитаніе съ общественнымъ; онъ беретъ сына отъ учителя и вводитъ съ осторожностью въ свѣтъ, старается направлять свободно начинающую дѣйствовать волю къ отличенію добра и зла. Такимъ образомъ юноша созрѣваетъ и становится самобытнымъ;

такъ образуется его воля. На поприщѣ жизни наставникъ нашъ — внутренній голосъ совѣсти, а Провидѣніе — звѣзда путеводная; отъ сего зависитъ исполненіе всѣхъ обязанностей нашихъ общественныхъ, въ чемъ даемъ мы клятву предъ престоломъ Отца Отечества.

Не рѣдко поверхностное многознаніе предпочитается глубокомыслію; не рѣдко человекъ знаетъ все, кромѣ самого себя. Но должно заранее внушать юношамъ, что всѣ науки суть только отрасли самопознанія; мы только изъ самихъ себя можемъ заимствовать порядокъ, начала, последовательность; каждая наука есть собственно отраженіе нашей духовной жизни, состоящей въ гармоническомъ согласіи трехъ ея стихій: чувства, ума и воли.

Смотрите, какъ юноша, находясь между чувственностью и нравственностью, колеблется въ выборѣ прямого пути къ своему счастью. Съ одной стороны онъ уже избѣгаетъ принужденія; съ другой еще не владѣетъ нравственнымъ чувствомъ — разумнымъ познаніемъ добра. Различныя склонности имѣютъ еще перевѣсъ надъ закономъ долга, и не позволяютъ дѣйствовать по разумнымъ началамъ воли. Если юное сердце не образовано въ первомъ возрастѣ: то отъ него нельзя ожидать ни доброжелательства, ни великодушія, ни справедливости. Если въ отрочествѣ разумъ и сердце дѣйствуютъ отдѣльно, то и въ юности цѣль нравственности не достигается. Отъ того столь рѣдки успѣхи воспитанія: многіе, выходя на свою волю, предаются мечтательности. Непроникнутый чувствомъ религіознымъ юноша жалокъ: онъ лишень главной опоры — бродитъ между безднами пороковъ.

Кромѣ общихъ психологическихъ законовъ воспитанія, каждому человѣку свойственъ особенный способъ образованія; каждый, по своимъ душевнымъ силамъ, самою Природою отличается отъ другаго. Отсюда слѣдуетъ, что сангвиника и холерика надлежитъ иначе воспитывать, нежели меланхолика или флегматика — постоянного отлично отъ вѣтренаго — чувствительнаго не такъ, какъ суроваго — кроткаго и послушнаго не одинаково съ дерзкимъ и упрямымъ — одареннаго талантами еще иначе, нежели того, кто успѣваетъ однимъ неутомимымъ стараніемъ. Одного надлежитъ поощрять, другаго воздерживать; одного надобно увѣщевать и беречь, другаго подстрекать и даже наказывать. Какимъ же образомъ вывести изъ сего частныя правила для воспитанія? Не должно подавлять въ дитяти того, къ чему Природа его назначила; не потушать въ юной душѣ искры господствующей способности, не выставлять себя образцомъ при его воспитаніи, не направлять его согласно съ своимъ направленіемъ. Можетъ-быть, оно опредѣлено къ лучшему назначенію, нежели каково наше собственное; а потому, сколько возможно, необходимо избѣгать односторонности. Гдѣ какое-либо направленіе становится господствующимъ, гдѣ одна кака-либо способность развертывается въ высшей степени, тамъ легко можетъ нарушиться гармонія прочихъ силъ, нужныхъ къ составленію цѣлаго. Нельзя ожидать успѣховъ въ воспитаніи, когда одна изъ низшихъ силъ присвоитъ себѣ господство. Такъ иногда воображеніе превращаетъ желанія въ страсти, чувство въ извѣженность, разумъ устремляется къ затруднительнымъ и утонченнымъ изслѣдованіямъ. Одна изъ способностей, преимущественно возвышенная, подчиняетъ себѣ прочія, производитъ односторонность, и не допускаетъ возрасти ничему великому. Здѣсь въ особенности должно обращать вни-

маніе на законъ развитія, обнаруживающійся постояннымъ стремленіемъ отъ низшаго къ высшему, отъ чувственнаго къ духовному.

И такъ два, повидимому противоположныя, правила представляются воспитателю: первое требуетъ, чтобы не останавливать въ юношѣ ни одного врожденнаго влеченія, не ослаблять ни одной силы, ни одной способности; потому что всѣ онѣ необходимы въ цѣломъ организмѣ; Природѣ нужна свободная игра ея силъ; другое правило заставляетъ уничтожать одностороннее направленіе для того, чтобы согласіе цѣлаго непрестанно болѣе и болѣе развивалось. То, что называемъ мы гениемъ, не есть какая-либо особенная способность, но отраженіе цѣлаго въ какой-либо особенной силѣ душевной. Посему не искореняйте въ человѣкѣ того, къ чему Природа его назначила; но старайтесь господствующее направленіе вести такъ, чтобы оно служило основаніемъ цѣлаго, и гармонически сливалось съ прочими душевными силами. Такимъ образомъ вы избѣгнете односторонности, а врожденное доброе сѣмя сбережете и возрастите. Воспитателю не нужно преслѣдовать каждый шагъ дитяти, безпрестанно хвалить его или порицать; пусть дѣйствуютъ природныя его склонности: нужно только наблюдать за ихъ развитіемъ, отдѣлять излишнее и вредное, благородныя чувства обращать въ склонности, понятіямъ сообщать теплоту. Тогда воля будетъ охранена двумя могучими дѣятелями, — умомъ и чувствомъ. Долгъ истинно полезнаго воспитанія состоитъ не въ одномъ общеніи разнообразныхъ свѣдѣній, но въ совокупности и образованія вкуса, и просвѣщенія ума, и благородствованія сердца.

Вотъ нѣсколько совѣтовъ Психологіи касательно согласованія воспитанія съ развитіемъ душевныхъ

способностей. Наука самопознанія должна служить основаніемъ и воспитанію, или развитію самопознанія. Родители, воспитатели и наставники! напитайте юныя сердца Христіанскими добродѣтелями: Надеждою, Любовію и Вѣрою. Въ Надеждѣ сосредоточиваются всѣ чувствованія терпѣнія и великодушія; въ Любви стремленіе къ самопожертвованію для блага ближняго; въ Вѣрѣ — всѣ нравственныя и общественныя обязанности. Всѣ сіи качества непримѣтно сообщаются воспитанникамъ. Онѣ не пріобрѣтаются изученіемъ; но человекъ самъ воспитываетъ ихъ въ себѣ по примѣру другихъ. Ученіе даруетъ намъ только то, что составляетъ предметъ размышленія; но все, что образуетъ сердце, воспитанникъ перенимаетъ отъ тѣхъ, которые его окружаютъ, и усвоетъ себѣ въ теченіе жизни. Дѣянія и поступки наши: вотъ его наставники. Неоспорима истина, что все, исходящее отъ сердца, возвращается къ сердцу. Если воспитатель самъ не имѣетъ добрыхъ качествъ, то никогда не раскроетъ ихъ въ своемъ воспитанникѣ, и всѣ нравственныя наставленія его будутъ только предметомъ памяти и разума. Одни только поступки наши возбуждаютъ другихъ къ подражанію; лишь чувствами согреваются чувства. Желаніе настроить волю питомца ни малой не приноситъ пользы, если не подтверждается въ глазахъ его примѣромъ. Юность требуетъ живаго образца, которому подражаетъ во всякое время, и старается образовать полученныя отъ Природы способности. Въ этомъ состоитъ вся тайна воспитанія.

ПРОФЕССОРЪ ДАВЫДОВЪ.

ВИСЯЩІЙ ГОСТЬ.

=

**ПРОИСШЕСТВІЕ НЕПРАВДОПОДОБНОЕ, ПОТОМУ
ЧТО ИСТИННОЕ.**

=

Какъ это случилось, что, въ теченіе пятидесяти столѣтій до Рождества Христова, и восемнадцати столѣтій послѣ Рождества Христова, люди не знали ни достоинства разбойниковъ, ни прелести разбойничьей жизни? что они только теперь спохватились, что въ свѣтъ нѣтъ ничего занимательнѣе, прекраснѣе, возвышеннѣе, изящнѣе порядочнаго разбойника?... Это вѣрно отъ того, что человѣчество, ведомое историческою судьбою народовъ, неуклонно стремится болѣе и болѣе къ совершенству, и теперь уже подвинулось къ нему довольно близко. Я думаю, это отъ того!

Какъ бы то ни было, но, подвинувшись къ совершенству, теперь и самъ я вижу, что предметъ самый богатый, самый достойный пера поэта, прозаика и философа, есть разбойникъ. Посмотрите, сколько людей прославилось въ наше время великими писателями и мудрецами, описывая только добродѣтели разбойниковъ и разбой добродѣтельныхъ! Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть честнѣе и кротче изверга, душегубца? что для общества вреднѣе честнаго чловѣка, который никому не свернулъ головы?... Это, кажется, не требуетъ ни какихъ доказательствъ, тѣмъ болѣе, что это уже неоспоримо доказано во всѣхъ новѣйшихъ Французскихъ Романахъ, не считая самой новѣйшей дисиртаціи великаго

защитника воровъ, Г. Виктора Гюгò: зри Claude Gueux. Ежели такъ, давайте же мнѣ изверговъ, голворъзовъ, мучителей, каторжниковъ, великихъ плутовъ, великихъ воровъ, великихъ романтическихъ героевъ, — я буду великимъ писателемъ! Давайте ножи, топоры, плахи, палицы; давайте ужасъ и смерть, — сто, двѣсти, тысячу смертей, — какъ можно болѣе смерти и крови! Кровь есть лимонадъ модной Словесности. Этотъ слогъ есть слогъ Жанена. Позвольте мнѣ сдѣлаться великимъ писателемъ черезъ разбойниковъ! У васъ тоже будетъ Юная Словесность.

Вы не хотите дать мнѣ этой бездѣлицы?... А, вы не хотите, чтобъ я достигъ литературной знаменитости черезъ разбойниковъ! Такъ скажу вамъ правду, что я и самъ не хочу этого. Однако жъ, надо шествовать съ вѣкомъ; надо же и у насъ говорить что-нибудь о разбойникахъ, когда вся просвѣщенная Европа бредитъ ими и поэзіею живописнаго ихъ ремесла, — а то назовутъ насъ невѣждами, людьми лишенными образованности и тонкаго вкуса. Поистинѣ, случай весьма затруднительный! Какъ быть?... Для спасенія чести нашей изящной прозы, я готовъ пожертвовать собою и воспѣть какой-нибудь разбойничій подвигъ, — но съ условіемъ, что это будетъ въ первый и послѣдній разъ моей жизни, что потомъ никогда уже не станете требовать отъ меня подобнаго самоотверженія. На этомъ условіи, — дѣлать нечего, — перекрестясь, расскажу вамъ нѣчто по сей части: расскажу простой анекдотъ, который рассказывали мнѣ вѣрные люди, прекрасно рассказывающіе всякіе анекдоты. Онъ оставилъ во мнѣ глубокое впечатлѣніе, какъ доказательство дивныхъ путей Небеснаго правосудія.

Въ двухъ верстахъ отъ.....

Еще одно условіе: позвольте, чтобъ мой разбойникъ былъ безъ добродѣтелей. Я рассказываю простой анекдотъ, только для вашей потѣхи, быть-можетъ и для вашего наставленія, а не для того, чтобъ прослыть философомъ юной литературной школы: притомъ же я ставлю себѣ въ честь не понимать ея философіи.

Въ двухъ верстахъ отъ В-а, стоитъ загородный домъ, — деревянный, съ зеленою крышею, уже не новый, — подъ лѣсомъ, при болотѣ, за рѣкою, на возвышеніи, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ большой дороги. Въ этомъ домѣ живетъ обыкновенно все лѣто и часть осени Гаврило Михайловичъ П***, отставной капитанъ, уѣздный судья и очень добрый человѣкъ, какъ все уѣздные судьи В-ой губерніи.

Въ Августъ мѣсяць 1850 года, поутру, въ воскресенье, почтеннѣйшій Гаврило Михайловичъ съ почтеннѣйшею Прасковьею Егоровною, своею супругою, отправились, въ брпчкъ, въ городъ, за разными дѣлами, нетерпящими отлагательства, — въ церковь помолиться Богу, къ протопопу напиться настойки, къ прокурору откушать ботвиньи, къ предводительницѣ узнать о сплетняхъ, къ откупщику прочитать С.-Петербургскія Вѣдомости, къ губернатору поиграть въ бостонъ. Чуть господа за ворота, люди тоже со двора: дворецкой къ свату въ деревню, лакей въ гости къ пріятелямъ, поваръ въ кабакъ за водкою, поваренки на рѣку за раками, Прохоръ съ Дарьею въ лѣсъ за орѣхами, Васька съ Наташей въ болото за черникою и тому подобнымъ. Въ домѣ осталась одна Дуня, — Душа, единственная въ цѣлой В-ой губерніи, бѣлая, розовая, стройная, веселая, добродѣтельная, царапливая, — горничная по своему званію, — по качествамъ души, любимица Прасковьи Егоровны, — предметъ частыхъ прогулокъ Гаврилы

Михайловича въ дѣвичью, — жертва противозаконной страсти канцеляристовъ Уѣзднаго Суда къ поцѣлующимъ, — идолъ, для котораго губернаторскій лакей, воспитанный такъ же, какъ и она, въ столицѣ, въ большомъ свѣтѣ, на Невскомъ Проспектѣ, никогда не успѣвалъ дочистить сапоговъ своему господину, къ немалому соблазну всей губерніи. Одинъ онъ въ тѣхъ странахъ былъ въ состояніи понимать ея чувства; одна она въ томъ городѣ умѣла оцѣнить его образованность. Они обожали другъ друга, какъ только пламенные души обожаются въ Петербургѣ, у Казанскаго Моста, и были счастливы, какъ только можно быть счастливымъ въ провинціи.

Дѣвушки, оставшись одиѣ въ домѣ, всегда боятся воровъ. На этомъ основаніи Дуня заперла наружную дверь ключемъ; и, чтобъ не думать о ворахъ, пошла поглядѣться въ зеркало, въ ожиданіи несравненнаго лакея, котораго предварила она наканунѣ, что господа на весь день уѣдутъ въ городъ. Дуня весело поправляла свои локоны, потягивала платочекъ на груди, и пожимала кушакъ, напѣвая сквозь зубы, —

Мужчины на свѣтѣ какъ мухи къ намъ лѣзуть. —

какъ вдругъ послышалось легкое стучаніе въ двери. — Это онъ!..... — И она стрѣлою полетѣла отворить ему. — Ахъ!!..... это не онъ!

— Это я! отвѣчалъ ей грубымъ, сильнымъ голосомъ, тихонько вмываясь въ двери, огромный мужчина въ изорванной байковой шинели и грязной безцвѣтной фуражкѣ; черный, давно небритый, съ страшными рыжими усами и краснымъ носомъ, съ разбитымъ лбомъ, синими губами и убійственнымъ взглядомъ, — прямой типъ предсѣдателя записныхъ почитателей городскихъ кабаковъ, или одна изъ тѣхъ адскихъ фигуръ, какія можно видѣть только на картинахъ

Сальватора Розы, совершенно почернѣвшихъ отъ времени въ тѣняхъ, и сохранившихъ яркія краски на освѣщенныхъ выпуклостяхъ, какъ-будто нарочно для того, чтобъ придать болѣе ужаса дикому ихъ выраженію.

Дуня въ испугѣ отскочила на нѣсколько шаговъ, и, вздохнувъ изъ глубины сердца, еще разъ произнесла въ душъ: Это не онъ!!..... Между-тѣмъ незнакомецъ съ краснымъ носомъ вошелъ въ сѣни, преспокойно замкнулъ двери, и ключъ положилъ въ карманъ.

— Чего вы хотите? Кто вы таковы? вскричала Дуня. Начто берете ключъ?.....

— Не бойся, душенька! отвѣчалъ онъ, смѣясь. Я пришелъ къ тебѣ въ гости. Вѣрно тебѣ скучно одной въ домъ?

— Извините!..... Зачѣмъ вы берете ключъ?

Онъ, вмѣсто отвѣта, подошелъ къ ней и потрепалъ ее по лицу. Она отскочила еще далѣе.

— Зачѣмъ замкнули вы дверь?..... Отдайте ключъ! Я стану кричать.

— Понапрасну! Вѣдь я знаю, что никого нѣтъ на мызѣ.

-- Вотъ новость! Пришелъ, и заперъ дверь замкомъ, какъ въ своемъ домѣ!

— Я всегда замыкаю дверь, коли мнѣ случится быть наединѣ съ такою красавицею, какъ ты, голу-бушка!

И опять потрепалъ онъ ее по лицу своею жесткою и неопрятною рукою. Она отскочила въ уголъ съ негодованіемъ.

— Но кто вы таковы?..... Это очень нехорошо, такъ, безъ всякаго знакомства, шалить и беспокоить дѣвушекъ.....

— Къ знакомцамъ я не хожу въ гости, отвѣчалъ онъ холодно, перемѣняя выраженіе лица. И эти слова произнесъ онъ такимъ грубымъ, такимъ хриплымъ, пещернымъ голосомъ, что насквозь пронзилъ имъ бѣдную дѣвушку.

Дуня во всѣхъ переднихъ и въ уѣздныхъ канцеляріяхъ слыла очень храброю: не такъ то легко можно было уходить ее! Не одному дерзкому канцеляристу такъ оцарапала она лице ногтями, что онъ будетъ помнить ее, и дослужившись до столоначальническаго сана. Дуня по-истинѣ дѣлала честь Петербургской добродѣтели. Но робкій провинціальный канцеляристъ съ пальцами, упитанными чернильною влагою, бездѣлица для дѣвушки, получившей воспитаніе въ одномъ изъ лучшихъ модныхъ магазиновъ Невскаго Проспекта: совсѣмъ иное дѣло небритый бродяга, плечистый и гадкій, въ байковой шинели, съ рыжими усами и фіолетовымъ носомъ. Его бывшая испугалась. Дуня начала плакать.

— Не плачь, родная! Я не сдѣлаю тебѣ ни какого вреда, сказалъ онъ, смягчая голосъ и примкнувъ къ ней поближе.

Она испугалась смягченнаго голоса еще болѣе, и выпрямила руки впередъ, чтобъ не допустить его къ себѣ.

— Спрашиваю, кто вы таковы? вскричала она наконецъ въ отчаяніи, но съ притворною въ лицѣ смѣлостью, огонь которой постепенно погасалъ подъ катящимися слезами. Прошу тотчасъ сказать, кто вы?

— Кто я?

— Да, кто вы?... Вашъ чинъ, имя, фамилія?

— Я воръ.

— Воръ!! повторила она со страхомъ, и поблѣднѣла какъ снѣгъ.

— Моя фамилія воръ, а мой чинъ разбойникъ, при-
молвилъ онъ, и улыбнулся, иѣжно глядя ей въ гла-
за; но улыбка среди его лица походила на отблескъ
плесени, плавающей по лужѣ грязи, освѣщаемой лу-
ною. Это слогу хорошихъ Повѣстей о разбойникахъ,
и вы видите что дѣло идетъ не на шутку: послѣ этой
фразы должно ожидать всѣхъ ужасовъ. Дуня ощу-
тила отъ нея (отъ улыбки, а не отъ фразы, а можетъ
и отъ фразы)..... холодную дрожь во всѣхъ членахъ.
Видя однако жъ, что онъ только издѣвается надъ ея
страхомъ, она немножко ободрилась, и быстро возра-
зила дрожащимъ еще голосомъ:

— Разбойникъ?... Фуи, какой гадкой чинъ!

— У всякаго свое званіе!... Прежде у меня было
другое, но теперь нахожу..... Дай мнѣ, красавица, че-
го нибудь поѣсть. Я уже третій день ничего ртама не
отвѣдалъ. Позавтракаемъ вмѣстѣ, а потомъ:.....

Онъ внезапно закинулъ свою руку за ея шею,
и хотѣлъ поцѣловать въ самый ротикъ. При видѣ
щетинистой бороды и страшныхъ усовъ, такъ дерзко
лѣзущихъ на приступъ, при видѣ этого краснаго, от-
вратительнаго носа, уже почти касавшагося ея щеки,
она одушевилась гнѣвомъ, злостью, силою, какую со-
общаетъ только опасность въ минуту гибели, и от-
толкнула его отъ себя.

— Извините, господинъ разбойникъ!.... Это нейдетъ!
Прошу напрасно не пугать меня: я знаю, зачѣмъ вы
сюда пришли!

— Знаешь?... А зачѣмъ?

— Ужъ мнѣ одной вѣдать объ этомъ! Только позволъ-
те себѣ доложить, что это очень невѣжливо..... я
буду жаловаться. Сейчасъ отдайте мнѣ ключъ, и
убирайтесь отсюда!

— Завтракъ! грозно вскричалъ незнакомецъ.

— Нѣтъ завтрака! вскричала Дуля. Кушанья ни какого нѣтъ въ цѣломъ домѣ. Ступайте завтракать въ кабакъ. Отъ васъ уже и такъ несетъ сивухою: вы уже, видно, хорошенько позавтракали.

— Какъ, нѣтъ кушанья? возопилъ онъ адскимъ ревомъ, сморщилъ усы, и устремилъ на нее сверкающій взоръ, хватаясь правою рукою за сапогъ.

— Видишь ли!..... И показалъ ей широкой ножъ, на которомъ пестрѣли мелкія полосы черной грязи, слѣды недавно добытой крови и гдѣ-то наскоро обтертой о траву. Видишь ли, что я шутить съ тобою не намѣренъ?

Дѣвушка оцѣпенѣла. Онъ остолбенилъ ее своимъ ехиднинымъ взоромъ, который съ умысломъ напрягалъ изо всей силы и вонзалъ въ неподвижныя ея зѣнцы.

— Завтракъ!

— Сейчасъ.

— Мигомъ! Мнѣ не досугъ.

— Берите, сударь, что вамъ угодно: въ шкафу есть вчерашнее жаркое и наливки.

— Проводи меня въ комнаты. Поставь все, что есть, на столъ. Шевелись!

Дуля, у которой колѣни тряслись отъ страха, блѣдная, разстроенная, тихо пошла къ шкафу, стоявшему въ передней. Онъ спряталъ ножъ въ сапогъ, и не отставалъ отъ нея ни на шагъ. Хлѣбъ, водка, соль, масло, сыръ и жареная телятина мгновенно были перенесены на столъ, на которомъ недавно завтракали сами хозяева, передъ выѣздомъ въ городъ. Онъ усѣлся, и, взявъ Дулю за руку, посадилъ ее подлѣ себя.

— Ну, что? сказалъ онъ, съ волчьею жадностью пожирая телятину, и поглядывая изъ подлобья на свою соседку. Я напугалъ васъ порядкомъ?

- Конечно!... Всякая может перепугаться!
- Напрасно вы прекословили! Если бъ вы тотчасъ меня послушались.... За ваше здоровье!... Выпейте со мною рюмочку, для компаніи.
- Я водки съ роду не пью.
- Жалко! А водка славная!..... Какъ васъ зовутъ?
- Катериной Николаев.....
- Врешь!... Неправда! вскричалъ онъ ртомъ, набитымъ яствою, и посмотрѣлъ на нее сурово. Я знаю, что тебя зовутъ Авдотьей Еремьевною.
- Зачѣмъ вы спрашиваете, коли знаете?
- Спрашиваю, чтобъ испытать твою откровенность. Славная водка!... Нѣтъ ли еще такой?
- Есть еще одна бутылка въ шкафу.
- Пожалуйста, принеси ее сюда.
- Вотъ она!
- Спасибо! Позвольте же теперь поцѣловать васъ за то.
- Дуня уже не смѣла сопротивляться, и смиренно подверглась жестокому поцѣлюю. Онъ чуть не расцарапалъ ей щеки своей тернистою бородою, Она только потеряла это мѣсто.
- Мало ли что я знаю? присовокупилъ онъ, проглотивъ третью рюмку водки. Вотъ, напримѣръ сказать, я знаю, что повытчикъ принесъ вчера Гаврилу Михайловичу полторы тысячи рублей отъ Ивана Ивановича Ф***, котораго дѣло поступило въ Уѣздный Судъ на прошедшей недѣль. Такъ ли?
- Быть можетъ!
- Ну, а гдѣ Гаврило Михайловичъ держитъ свои деньги?
- Право, не знаю!

— А я знаю! Мы найдемъ ихъ..... Авдотья Еремьевна! душенька! голубушка!.....

— Что вамъ угодно?

— Мнѣ желательнo, чтобъ вы улыбались.

Бѣдная Дуня принуждена была улыбаться. Гость былъ въ отчужденномъ расположеніи духа: онъ смѣялся, шутилъ, съ нею. Дуня тоже мало по-малу забыла о страхѣ: она поднялась на бойкость, защищалась, гдѣ слѣдуетъ, даже хохотала, стараясь поддѣльною веселостью прикрыть свое омерзѣніе, и пламенно молясь Богу, чтобы гадкій гость съ краснымъ носомъ скорѣе наѣлся, напился и ушелъ, и чтобъ несравненный Иванъ скорѣе пришелъ вознаградить ее своею чувствительностью за это ужасное мученіе.

Увы! Иванъ, отпросившись у губернатора, шелъ къ ней изъ города, дорогою, скорымъ шагомъ, съ сердцемъ исполненнымъ нѣги и надежды. Онъ не шелъ, а летѣлъ; любовь придѣлала къ его сапогамъ собственныя свои крылья. Онъ летѣлъ стрѣлою. Но на пути была штофная лавка: штофныя лавки есть на всѣхъ путяхъ. Онъ хотѣлъ пролетѣть мимо. Но въ штофной лавкѣ были его пріятели, его друзья. Онъ завернулъ къ нимъ на минутку, только на минутку — и напился вмѣстѣ съ ними. Это случилось противъ его воли: самъ онъ былъ отъ этого въ отчаяніи.....

Но это была одна изъ достопамятнѣйшихъ побѣдъ дружбы надъ любовью.

Между-тѣмъ гадкій бродяга допивалъ шестую рюмку водки. При седьмой онъ призадумался, нахмурилъ брови и скривилъ губы, какъ бы отъ припадка внутренней боли; черная тѣнь прошмалетучимъ облакомъ по его глазамъ и лицу, и онъ невзначай вскочилъ со стула, толкнувъ неумышленно Дуню, которая чуть не упала ему подъ ноги. Онъ съ безпокойствомъ огля-

нулся во всю стороны, потомъ взялъ со стола бутылку съ водкою, хлѣбъ и кусокъ мяса, положилъ все это въ бездонный карманъ подъ шинелью, и сказалъ :

— Благодарствую за хлѣбъ за соль..... за угощеніе-сь. Гаврило Михайловичъ прячетъ свои деньги въ этой конторкѣ, не правда ли?..... Ну, что жъ, говори! Видишь, что я не такой злой, какъ тебѣ, душенька, сначала показалось. Я добрый человекъ! Я тебя люблю..... очень люблю!..... Скажи только, какъ бы лучше хотѣла ты умереть?..... Чтобъ я тебя зарѣзалъ, э?.... или чтобъ я тебя повѣсилъ, вотъ на примѣръ, на этой балкѣ? Говори смѣло, моя любезная Дуня.....

— Что вамъ за охота. стращать меня такъ неблагопрійственно? возразила дѣвушка съ улыбкою на устахъ и со слезами на глазахъ, не вѣря, чтобъ гадкій шалунъ съ краснымъ носомъ говорилъ это серьезно.

— Что жъ не отвѣчаешь? сказалъ онъ, пристально осматривая конторку и находящійся въ ней замокъ. Желая знать..... хочешь ли скорѣе..... быть... повѣшенной, али..... О!.... Гаврило Михайловичъ запираетъ свои деньги двумя замками?..... Постой!.... Не такіе мы отпирали.

И, говоря это, онъ вынулъ изъ кармана желѣзный инструментъ, которымъ тотчасъ принялся отпирать замокъ конторки. Дуня, остолбенѣвшая и дрожащая всѣмъ тѣломъ, стояла посреди комнаты.

— Ну, что?... Говори смѣло, Авдотья Еремѣевна! Не можешь рѣшиться?... Экой чертовской замокъ!.... Авдотья Еремѣевна!.... Я, сударыня, ожидаю отъ васъ отвѣта.... Давно ужъ не попадалъ мнѣ такой крѣпкій ащикъ!... Скажешь ли, или нѣтъ?

Крыша конторки отскочила вверхъ съ трескомъ.

— Охъ, сколько тутъ добра Божьяго! Ассигнацій!.... и червонцы!.... и часы!.... Не ходятъ: видно испорчены.... Перстень!..... Онъ мнѣ не нуженъ. Вотъ этотъ алмазъ я возму: это все взятки?....

Такъ разсуждая съ самимъ собою и Дунею, онъ поспѣшно пряталъ въ карманъ и за пазуху найденныя въ ящикъ деньги, часы и драгоценности; потомъ быстро оборотился къ омертвѣлой двушкѣ.

— Теперь слушаю ваше рѣшеніе, сударыня! Не теряйте времени, и говорите: какою смертію желаете вы умереть?

— Да что вы, сударь! Какъ вамъ не стыдно?... Эти шутки уже, право, некстати!

— Я не шучу, любезнѣйшая.

— Что жъ я вамъ сдѣлала? Вы взяли, что вамъ было угодно: я не препятствовала.....

— Оно такъ; но, изволишь видѣть, я не люблю оставлять послѣ себя свидѣтелей: я истребляю ихъ всеми средствами. У другихъ никогда не спрашиваю согласія; но какъ вы, сударыня, такая милая, такая хорошенькая, вѣжливая, то предоставляю вамъ самимъ избрать себѣ родъ смерти. Я люблю вѣжливость; я тоже воспитанъ въ Петербургъ.....

Ей все еще не вѣрилось, чтобъ онъ говорилъ правду.

— Ну, говори скорѣе; мнѣ недосугъ. Оставимъ церемоніи. Мнѣ очень жалко, но ты должна погибнуть отъ моей руки. Я не дуракъ, оставлять тебя въ живыхъ, чтобъ ты послѣ рассказывала, какіе у меня усы, носъ, глаза, платье, что я здѣсь дѣлалъ, и куда ушелъ. Ну, Авдотья Еремьевна! отвѣчай проворнѣе.

Каждое слово хладнокровнаго мучителя поражало ее новою смертію; вся ея кровь, вся жизнь сбѣжалась и заключилась въ сердце; члены ея оледѣ-

ли, и обильныя слезы струились уже по безжизненному лицу. Она зашаталась и упала на землю. Падая, она ухватилась за его ногу, начала цѣловать ее.

— Прости меня! кричала она, рыдая. Прости мнѣ жизнь, отецъ, судья, благодѣтель!..... Клянусь Богомъ, клянусь Пречистою, не скажу никому ни словечка!..... Пусть лишусь Царствія Небеснаго, если произнесу хоть полслова!..... Ради Христа, ради Святаго Чудотворца Николы, сжался надо мной!.... Буду за тебя вѣкъ молиться, какъ за отца роднаго, спасителя, брата.....

Непоколебимый извергъ стряхнулъ ее съ своей поги, и толкнулъ въ грудь. Тщетно протягивала она къ нему умоляющія руки и взоры; тщетно старалась смягчить каменное сердце всѣмъ, чѣмъ только послѣднее отчаяніе и любовь къ молодой и розовой жизни могутъ одушевить слова, голосъ и слезы слабаго, нѣжнаго созданія. Гранитъ растаялъ бы отъ теплотворной ихъ силы: злой челоувѣкъ сдѣлался еще жестче и свирѣнѣе. Выходя изъ терпѣнія, онъ поймалъ ее за волосы, отвалилъ голову ея навзничь, выхватилъ ножъ изъ сапога, и замахнулся, чтобъ вонзить его въ горло.

— Ай!... Христа ради! завизжала несчастная дѣвушка, пораженная видомъ ужаснаго орудія. Лучше повѣсить!.... лучше повѣсить!.... Отецъ родной, не закалывай!.... пощади меня!.... Ужъ лучше повѣсь!

— Ну, видишь! сказалъ онъ съ кровавою усмѣшкою: теперь-то умѣешь говорить! Зачѣмъ же вдругъ этого не сказала? Хотя я много потерялъ времени, но нельзя не оказать милости. Ты такая любезная!... Не бось, Дуня! Умрешь пріятнымъ образомъ. Отъ ножа умирать скверно. Я самъ желалъ бы,

чтобъ меня повѣсили, вмѣсто того, чтобъ стѣчъ кнута, ежели когда нибудь воймають. Пойдемъ искать веревки!

Бѣдная дѣвушка, лишенная силъ и памяти отъ страха, холодная какъ ледъ, трепещущая, безъ мысли, безъ чувствованій, повиновалась во всемъ жестокимъ его повелѣніямъ. Веревка скоро была приискана, и мучитель возвратился съ своею жертвою въ ту же комнату, гдѣ еще стояли остатки ужаснаго завтрака. Онъ погрозилъ что зарѣжетъ ее тотчасъ, если она осмѣлится хоть шагомъ тронуться съ мѣста; поставилъ стулъ на столикъ, и вскочилъ на него съ необыкновенною ловкостью. Просунувъ веревку между поперечною балкою и потолкомъ, онъ вынулъ ножъ изъ-за сапога, отрезалъ лишнюю ея длину, ножъ на-время заткнулъ за балку, и сталъ завязывать веревку двойнымъ узломъ. Дуня стояла неподвижно посреди комнаты; жаръ и холодъ быстро пролетали по ея тѣлу; передъ ея глазами мелькали яркіе огненные цвѣта; она ничего не видѣла, только молилась Богу, приносила покаяніе за грѣхи, поручала себя всѣмъ Святымъ, и мысленно прощалась съ возлюбленнымъ.

— Сейчасъ, сейчасъ, безцѣнная! приговаривалъ душегубецъ, продолжая работу. Увидишь, какъ ловко я тебя повѣшу!..... Для меня это дѣло не новое..... Вотъ уже все готово, только надо попробовать, крѣпка ли веревка. Мнѣ очень было бы досадно, если бъ ты сорвалась и поломала себѣ ребра. Моя и твоя польза требуетъ..... Вынь стулъ изъ-подъ меня!

Дуня безчувственно подошла къ столику, и взяла стулъ изъ-подъ его ногъ, тогда какъ онъ, держась обѣими руками за веревку, обвинявшую правую

его руку почти по локоть, чтоб удостовериться въ ея крепости, повисъ на ней всею тяжестью своего тѣла.

— Оттащи столикъ въ сторону!

Дуня оттащила столикъ.

— Хорошо!... веревка славная! Сдержала бы не одну тебя, — тебя и меня вмѣстѣ.

Тутъ онъ пустилъ веревку, и хотѣлъ скочить на полъ; хотѣлъ, вѣроятно, удивить злополучную дерзкимъ и опаснымъ прыжкомъ; но приготовленная для нея петля, скользя по рукѣ, вдругъ сомкнулась у самой кисти. Палачъ Дуни дѣйствительно самъ повисъ — за руку.

Онъ уже висѣлъ, негодяй! Онъ ощущалъ пронзительную боль подъ кистию, и еще не хотѣлъ дать уразумѣть двѣдушкѣ о своемъ приключеніи, чтобъ она имъ не воспользовалась и не убѣжала. Онъ старался достать лѣвою рукою до кисти, но тяжесть косвенно висящаго туловища препятствовала ему привести плеча въ уровень. Онъ вдругъ сталъ неистово метаться и вертѣться въ воздухѣ, надѣясь разорвать веревку: и это оказалось бесполезнымъ! Если бъ, по крайней мѣрѣ, ножъ былъ у него въ сапогѣ! Онъ могъ бы отрезать имъ веревку; не то, отрезать свою кисть, и спастись бѣгствомъ. По-несчастью, ножъ остался на балкѣ! Какъ тутъ быть?...

Онъ придумалъ еще одно средство, — отчаянное, послѣднее: совокупилъ весь свой духъ и свои силы; раскачался на веревкѣ и прыгнулъ всѣмъ тѣломъ вверхъ, какъ удавъ, издали бросающійся на быка, чтобъ обвить и смять его въ своихъ кольцахъ. Онъ хотѣлъ ухватиться ногами за балку и добраться до ножа..... И это не удалось!

Тяжесть дюжого туловища, поднятаго въ воздухъ на уругости членовъ одной руки, насильственность движеній, давленіе накрѣпко сжатаго узла, причинили извергу мученія настоящей пытки: кости у него вывертывались и рвались; внѣ кровь лилась въ рукавъ изъ подъ веревки, прорывавшей кожу; внутри кровь изъ руки и груди съ жаромъ неслась въ голову. Поминутно казалось, будто рука, разорвется. Онъ ужъ желалъ бы, чтобы она лучше разорвалась! Опасеніе скорого возвращенія людей, страхъ быть пойманнымъ въ этомъ положеніи, нетерпѣніе, досада, злодѣянія, разбой, казнь, — вся его преступная жизнь, — все странныя ожиданія его жизни сперлись въ мутномъ его воображеніи, затруднили его, вволновали и заставили разлиться волнами горькаго отчаянія во мрачнымъ пропастанъ души его. Холодный потъ выступилъ на его чель. Несмотря на тигровую его терпѣливость, страданія наконецъ исторгли изъ желѣзной груди стонъ жалкій, бользненный.

Дуня, въ своемъ остолбенѣніи, поглощенная бездонною мыслію о предстоящей смерти, все это время смотрѣла на его движенія безъ любопытства и безъ удивленія. Она долго не понимала, что такое онъ дѣлаетъ, и даже не пыталась понять его дѣйствій. Неизбѣжная погибель обняла уже всю ея понятія и чувства гробовымъ усыпленіемъ. Она еще стояла, но уже не жила. Но внезапный стонъ злодѣя разбудилъ ее. Она увидѣла, какъ-бы изъ просонья, кровь на немъ, кровь на полу, ужасно разинутый ротъ, обнаженные кривляніемъ зубы, красные, выкатившіеся глаза; она прочитала его страданія на взрытомъ, измученномъ лицѣ, и отгадала все дѣло. Умъ ея озарился надеждою; она уже начинала думать о своемъ спасеніи.

— Авдотья!!!... подвинь столикъ! закричалъ онъ измѣненнымъ, но еще грознымъ и повелительнымъ тономъ, который опять пронзилъ ее испугомъ и принудилъ къ слѣпому повиновенію волѣ убійцы. Она снова потеряла присутствіе духа. Несчастливая Дуня подвинула къ нему уголь столка. Извергъ успѣлъ достать его пальцами одной ноги: онъ оперся, поднялъ вверхъ на нѣсколько линій собственную свою тяжесть и тяжесть своей совѣсти..... То была для него минута небесной сладости! Никогда еще не ощущалъ онъ другой подобной въ жизни, даже послѣ удачнаго убійства. Боль облегчилась; онъ отдохнулъ. Но лѣвая рука, которую хотѣлъ онъ употребить къ освобожденію кисти изъ роковой петли, уже омертвѣла, лишилась силы и жизни. Петля затиснута была слишкомъ туго. Негодяй почувствовалъ, что самъ собою ничего онъ не сдѣлаетъ.

— Авдотья Еремѣевна!.... другъ мой!.... мое сокровище!.... кормилица!.... спасительница!.... сдѣлай милость!.... взлѣзь на столикъ сама!..... отвяжи мою руку!.... Я прошу тебя!.... Оставляю тебя живою..... Я хотѣлъ только пошутить.... Ахъ, голова кружится!

Страданія изверга растрогали сердце доброй дѣвушки. Чувство состраданія въ женщинѣ нерѣдко подавляетъ мысль о личной опасности: женщина мыслить сердцемъ, сказалъ кто-то недавно въ тысячу триста двадцать второй разъ отъ вымысленія типографин. Состраданіе заняло въ Дунь мѣсто страха, потушило голосъ любви къ жизни. Она взлѣзла на столикъ, и долго, долго мучилась съ узломъ,—и не могла распустиить его.

— Сдѣлай милость!.... благодѣтельница!.... поини ножа!.... Разрѣжь эту проклятую веревку! Я умираю отъ боли.....

Дѣвушка соскочила со столика и побѣжала въ буфетъ. Бѣдная дѣвушка! она не знаетъ, какую награду готовить ей гость съ краснымъ носомъ за ея доброе сердце. Она отыскала ножъ; уже бѣжить къ нему; уже вбѣжала въ двери той комнаты, гдѣ находился страдалецъ, какъ вдругъ столикъ, на который опиралась его нога, опрокинулся съ ужаснымъ стукомъ. Онъ только хотѣлъ перемѣнить ногу, зашевелился, подавилъ уголь столика другою ногою, и лишился своей опоры. Онъ опять повисъ въ воздухѣ всѣмъ тѣломъ! Пронзительный ревъ былъ знакомъ печальнаго возобновленія прежнихъ страданій. Дуня остановилась въ дверяхъ. Искривленное дикимъ образомъ лице его проникло ее невольнымъ ужасомъ: ей казалось, что она видитъ лице сатаны. Это лице приковало ее къ мѣсту: она дрожала и не смѣла сдѣлать ни шагу впередъ.

Какъ быть? Она оглянулась и увидѣла подлѣ себя открытое окно: ей даже не пришло на мысль, что можно имъ воспользоваться. Но онъ такъ страждетъ! Ахъ, какъ онъ ужасно кричитъ!... Ужъ надо ему отрѣзать веревку!... Дуня подвинулась шага на три впередъ. Ахъ, какая страшная рожа!... Дуня отскочила назадъ, и, машинально, сама о томъ не думая, — прыгъ! — и выскочила въ окно на дворъ.

Очутясь на дворъ, она сама еще не знала, что сдѣлала, и что ей остается дѣлать. Она только ушла отъ страшной, сатанинской его рожи, а не отъ него. Этотъ человекъ заколдовалъ ее своимъ взглядомъ! Онъ еще былъ хозяинъ ея жизни! Колѣни шатались подъ нею: она не смѣла удалиться отъ окошка.

— А!!.... чертовка!.... возопилъ свирѣпыимъ голосомъ извергъ, борющійся съ пыточными терзаніями

своей выдумки. Умно же ты сдѣлала, а то я бы зарьзалъ тебя, какъ курицу!

Эти слова, произнесенныя съ болью, съ отчаяніемъ, со злостью, мигомъ возвратили дѣвушкѣ умъ и память. Она помчалась за ворота. Въ ужасной шуткѣ злодѣя заключалась его же ужасная погибель. Думалъ ли онъ, что завязываетъ эту петлю для самого себя? Думала ли она, что это страшное мгновеніе, когда одна ея нога уже стояла въ гробу, было минутой спасенія невинности и примѣрной казни злодѣянія? Здѣсь было Провидѣніе! Оно есть всюду. Тѣ лгутъ безчестно, которые утверждаютъ, будто порокъ и преступленіе одни счастливы въ семь мѣръ.

Она бѣжить, бѣжить изо всей мочи: никого не видно! Она бѣжить далѣе; уже у нея заняло духъ; уже она выбивается изъ силъ, все еще не смѣя оглянуться, чтобъ не увидѣть позади себя этой страшной рожи, чтобъ опять не попасться въ его руки.... Нигдѣ ни живой души!

Она взбѣжала на возвышеніе.

— Ахъ! это нашъ управитель!... Вотъ и нашъ Васька! И Прохоръ!.... Ахъ, и онъ съ ними!

Онъ, то есть, несравненный Иванъ, лакей губернаторскій. Всѣ они возвращались изъ кабака, счастливые, какъ души въ раю, беззаботные, веселые, распѣвая любовныя пѣсенки, покидывая шапки вверхъ, злословя своихъ господъ и исчерчивая дорогу безконечнымъ зигзагомъ. Дуня полетѣла къ нимъ. Она была блѣдна, съ растрепанною косою, съ выпяленными глазами, безъ платка на груди, въ совершен-

номъ разстройствѣ. Они встрѣтили ее плоскими шутками.

— Ступайте скорѣе! кричала она. Онъ повисъ!.... виситъ!.... виситъ, злодѣй!.... Скорѣе, братцы!

— Ахъ, любушка, голубушка! кричали они, смѣясь. Кто виситъ?... гдѣ?... Поцѣлуй насъ, Дунюшка!.... Любо жить на этомъ свѣтѣ!

— Виситъ, говорятъ вамъ!.... Не смѣйтесь!... Бѣгите на мызу!.... Берите колья, топоры, ружья!.... Воръ. разбойникъ! грубиянъ! съ усами и съ краснымъ носомъ!.... Хотѣлъ меня зарѣзать какъ курицу, повѣсить!....

Они ускорили шаги, вооружились чѣмъ кто могъ, и, выломавъ дверь въ сѣни, вошли въ покои. Онъ уже былъ безъ чувствъ: кровь лилась изъ него ртомъ и носомъ; рука, на которой онъ висѣлъ, вытянулась на воляршина болѣе противъ прежней мѣры. Они сняли его съ веревки, и связали.

По возвращеніи почтеннѣйшаго Гаврилы Михайловича и почтеннѣйшей Прасковьи Егоровны изъ города, въ тотъ же вечеръ былъ онъ отправленъ въ тюрьму и преданъ въ руки правосудія; и правосудіе призналось съ удивленіемъ, что оно никогда еще не видывало, — такой длинной руки!

БАРОНЪ БРАНВЕУСЪ.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЧУХОНСКАЯ КУХАРКА,

ИЛИ

ЖЕНЩИНА НА ВСѢХЪ ПРАВАХЪ МУЖЧИНЫ,

ИЛИ

LA FEMME ÉMANCIPÉE DES SAINT-SIMONIENS.

=

**ЭПИЛОГЪ КЪ ФИЛОСОФСКИМЪ ГЛУПОСТЯМЪ
XIX ВѢКА.**

=

Нашель! нашель!

АРХИМЕДЪ.

Въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ философы прогнали бѣдное человѣчество сквозь строй всѣхъ возможныхъ глупостей. Чѣмъ насъ не хлестали они за грѣхи наши! И республиками, и естественною, т. е. бараньей вѣрою, и всемірною представительною монархіей, и гильотиннымъ равенствомъ, и всякой всячиной, чего нельзя ни въ сказкѣ разсказать, ни перомъ описать. А изъ чего была вся эта напасть? Изъ одного чело-вѣколюбиваго правила — «что твое, то мое, а что мое, до того тебѣ дѣла нѣтъ.»

Казалось бы, что пора людямъ перебѣдиться: но нѣтъ! — чѣмъ далѣе въ вѣду, тѣмъ глубже. Вотъ, въ наше время, возсталъ секта Сенсимонистовъ, которая пресерььозно предлагаетъ роду человѣческому отречься отъ собственности, раздѣлить имущество по-братски, соразмѣрно съ умомъ и способностями cadaго, и жить

общинами, припѣваючи псалмы, сочиненія основатель секты. Любопытно знать, что выигралъ бы Ротшильдъ въ этомъ дѣлежѣ, и что потеряли бы лѣнвицы и пьяницы съ братьей? Но объ этомъ господа Сенсимонисты не беспокоятся. Они обѣщаютъ великія блага своимъ послѣдователямъ, именно, право запускать бороду, право ходить въ шутовскомъ камзолѣ по улицамъ, право не заботиться о воспитаніи дѣтей своихъ и о поведеніи и прокормленіи жены, и право чистить собственные и чужіе сапоги, и рыть гряды въ общественномъ саду. Все это прекрасно; но новые апостолы позабыли, что всѣми этими благами люди могутъ наслаждаться даромъ, не дѣлясь имѣніемъ; что наши Русскіе кучера, не будучи Сенсимонистами, носятъ преокладистыя бороды; что наши модные фраки почти такъ же смѣшны, какъ Сенсимонистскіе камзолы; что у насъ и безъ Сенсимонистовъ давно ведется обычай не заботиться ни о женѣ, ни о дѣтяхъ, и что чистка сапоговъ и копаніе грядъ любителямъ этихъ занятій не запрещены ни какимъ закономъ. Родъ человѣческій, на возваніе Сенсимонистовъ отвѣчалъ: Соловья баснями не кормятъ! — а Парижская полиція, догадываясь, что нравственность Сенсимонистовъ ничѣмъ не отличается отъ высокой нравственности уличныхъ воровъ, которые также дѣлятся чужою собственностью для уравнианія имуществъ, только тихомолкомъ, не напѣвая псалмовъ, — Парижская полиція выпроводила господъ философовъ за шлагбаумъ, продержавъ сперва старшинъ секты въ тюрьмѣ, вмѣстѣ съ ворами, для уравнианія послѣдствій, происшедшихъ отъ однихъ началъ. Тогда старшина секты, называющій себя «верховнымъ отцемъ,» Père suprême, мусье Анфантенъ, бывший некогда гувернеромъ въ Петербургѣ, ударилъ себя по лбу и сказалъ своимъ товарищамъ: Братья! родъ человѣческій еще не созрѣлъ, глушь и не хочетъ раздѣлать между нами

плодовъ своего труда и бережливости, отговаривалась тѣмъ, будто отъ насъ такая же прибыль, какъ отъ козла, — ни шерсти ни молока; надобно перевоспитать родъ человѣческой, и это великое дѣло должно начать съ женщинъ, потому что ихъ попеченію ввѣрено наше дѣтство, и отъ нихъ получаютъ первыя впечатлѣнія. Но чтобъ привлечь женщинъ на нашу сторону, надобно имъ дать что-нибудь, а какъ у насъ ничего нѣтъ, и родъ человѣческой еще не подыался съ нами своимъ имуществомъ, то мы должны обещать что-нибудь. По силѣ данной мнѣ вами власти, я обещаю женскому полу освобожденіе отъ зависимости мужчинъ, и право занимать всѣ мѣста и должности, которыя занимали до сихъ поръ одни мужчины. Разсудите, на что не рѣшится женщина, чтобъ имѣть право отдать подъ судъ невѣрнаго любовника или посадить подъ арестъ докучливаго мужа! Подумайте, на что не посягнетъ женщина, чтобъ лично командовать полкомъ удальцовъ! Такъ я вамъ объявляю освобожденіе женскаго пола, *l'émancipation de la femme*. Но, чтобъ повести дѣло съ успѣхомъ, намъ нуженъ образецъ, а потому мы должны отыскать, гдѣ бы то ни было, освобожденную уже женщину, *la femme émancipée*, которую назовемъ «верховною матерью» *femme mère*. Подъ этимъ предлогомъ отправимся, друзья мои, странствовать по бѣлу свѣту, и начнемъ съ странъ Востока, съ магометанскаго исповѣданія. Тамъ родъ человѣческой не такъ глупъ, какъ въ нашей состарѣвшейся Европѣ, и позволяетъ намъ дѣлать чужую собственность. Тамъ, на Востокѣ, какъ видите, уже посяяны сѣмена Сенсимонизма; притомъ же тамъ странниковъ кормятъ даромъ, ежели у нихъ нѣтъ денегъ, потому что Магометъ повелѣлъ и собаку кормить даромъ, когда собака отстала отъ своего хозяина. Такъ, господа, бороду въ зубы, котому на плечи, — и маршъ!»

Сказано и сделано. Сенсимонисты отправились въ путь. Сперва они завернули въ Константинополь, но оттуда ихъ вышлели по добру, по здорову. Тогда заправили они стопы въ Египеть, къ старьку Али-пашъ, который изъ всего извлекаетъ выгоды и радъ бы вить веревки изъ песка. Посмѣявшись, подъ рукою, надъ глупостью жителей Франкистана, Али-паша не выгналъ однако жъ Сенсимонистовъ изъ Египта: онъ смѣкнулъ, что между ними, какъ во всякой сектѣ, есть дураки и плуты, — употребилъ всѣхъ въ дѣло, чтобы не кормить даромъ, и велѣлъ имъ быть школьными учителями, а за то позволилъ старшинъ отыскивать на всѣхъ базарахъ ту рѣдкость, за которую онъ отправился въ путь, потому что на базарахъ Египта собираются всѣ сварливыя старухи и всѣ безобразныя невольницы. И вотъ наши Сенсимонисты теперь въ Египтъ, отыскивая чудо чудное, диво дивное, — женщину освобожденную отъ власти мужчины. Знали же Сенсимонисты, гдѣ искать такого кладу!

Видно, что отецъ Анфантенъ помѣшался въ умъ съ горя, или съ радости. Вѣдь онъ былъ въ Петербургъ: какъ же ему не знать, что у насъ изстари ведется цѣлое племя женщинъ, освобожденныхъ отъ всякой власти мужчинъ, племя составляющее особый Амазонскій народъ, племя, подъ властью котораго состоятъ почти три четверти Петербурга, племя господствующее въ кухняхъ, на Конной, на Сѣнной, въ мясныхъ и овощныхъ рядахъ, на Никольскомъ, на Кругломъ и на Андреевскомъ рынкахъ? Это племя — чухонскія кухарки.

Есть между ними и молоденькія, и хорошенькія, но онѣ нейдутъ въ счетъ. Это только ученицы, рекруты, и пока не выдержатъ времени искуса, не причисляются къ племени. Еще можетъ случиться, что

прелестная кастрюльная героиня попадетъ въ горничныя, а по мървъ выгодныхъ условій вознесется выше и выше, или спадетъ ниже и ниже. Судьба ихъ еще неръшена. Очагъ для начинающей съ молодыхъ лѣтъ кухарки есть то же, что вѣщій жертвенникъ Египетскихъ жрецовъ. Въ этомъ пламени сокрыта будущая участь ея. Не будучи даже ни красивою, ни слишкомъ молодою, можно отъ очага попасть прямо въ храмъ фортуны. Начинаящая кухарка знаетъ это, и часто предается мечтамъ, пока доваривается супъ или дожаривается жаркое. Мечты и надежды, промерзнувъ въ головѣ поэта и иссахнувъ въ сердцѣ несчастнаго искателя, иногда залетаютъ погрѣться въ кухню.

Въ Петербургъ, какъ въ большой улей, слетаются съ цѣлаго свѣта пчелы и трутни. Трудлюбивый ремесленникъ, комиссіонеръ купеческой конторы или художникъ идутъ къ намъ за хлѣбомъ съ живописныхъ береговъ Рейна, съ горъ Апенинскихъ, изъ виноградниковъ Франціи или изъ тумановъ Англій. Первая тысяча рублей, добытая честнымъ трудомъ, — первая тысяча почти всегда пріобрѣтается честно, — употребляется на наемъ квартиры и заведеніе небольшого хозяйства, въ которомъ первая принадлежность есть кухарка. По естественному ходу вещей, она дѣлается первымъ и главнымъ лицомъ въ домѣ нововодворившагося иностранца, по своимъ познаніямъ въ Статистику, въ Филологіи и въ Политической Экономіи, источникъ домашняго благоденствія. Мастерскія наши наполнены работниками Финскаго племени и Русскими: Нѣмецъ или Французъ только блеститъ на вывѣскѣ. Безъ помощи своей кухарки мастеръ-хозяинъ былъ бы глухъ и нѣмъ, а что еще хуже, былъ бы трижды въ день надутъ нашими смышленными лавочниками, мясниками, зеленщиками и лабазниками, которые, еще во время посѣщенія Мо-

сквы Герберштейномъ, умѣли продавать товаръ лицомъ, и снѣжались надъ мудростью Нѣмцевъ. Такъ хозяинъ, по неволѣ, долженъ быть зависимымъ отъ своей кухарки, которая, пользуясь своимъ положеніемъ, прибираетъ хозяина въ когти, и гладитъ то по шерсти, то противъ шерсти. Наконецъ зависимость превращается въ привычку, а привычка въ другую натуру, и если мастеръ-хозяинъ, или полукупецъ, не найдетъ случая выбиться изъ зависимости своей кухарки при помощи брачнаго союза съ цеховою вдовою или гильдейскою дочкою; то дѣло кончается тѣмъ, что кухарка становится мадамою флесаршею или кузвечихою, даже купчихою, одѣвается въ шелкъ и батистъ, и ѣздитъ на балы въ биргеръ-клубъ, гдѣ весьма основательно критикуетъ наштеты съ пригорьлымъ масломъ, и рабчики, которые пахнутъ кладбищемъ.

Иногда и дворянская мантія испадаетъ на плеча, согрѣтая очажнымъ пламенемъ. Бѣдный, трудолюбивый чинovníкъ безъ роду и племени, безъ связей и знакомствъ, заводится домкомъ, на холостую ногу. У него много работы, и онъ любитъ посидеть дома въ халатъ, покушать любимаго блюда. Трактирная жизнь дорога, прачка еще дороже; онъ принимаетъ чухонскую кухарку, которая кормитъ его, обмываетъ, обшиваетъ, ухаживаетъ и прискребываетъ, приголубиваетъ и пришпориваетъ, и наконецъ..... Конецъ тотъ же, что и съ мастеровымъ. Кухарка дѣлается ея благородіемъ, ея высокоблагородіемъ, и такъ далѣе.

Но все это исключенія изъ правила. Почтенному отцу Анфантену, верховному отцу Сенсимоистовъ, не въ этомъ разрядѣ должно искать верховной матери, женщины на правахъ мужчины, une vraie femme émancipée. Онъ найдетъ ее въ числѣ тѣхъ кухарокъ, которые уже прошли сквозь огонь и воду, служили й у

скаго блюда, и онъ не приблизится никогда къ благословенному очагу, не понюхаетъ пара кастрюль! Но кто осмѣлится противорѣчить той, которой платятъ дань и зеленщикъ и мясникъ и лабазникъ, и даже смышленная охтинская молочница, подчюющая, съ ея позволенія, господь, вмѣсто густыхъ сливокъ, молочной машицей изъ пшеничной муки, съ мелкомъ или известью! Всѣ поставщики съвстныхъ припасовъ должны дѣлиться съ ней барышами, какъ некогда дѣлились смиренные жители городовъ съ феодалными баронами, и какъ нынѣ подрядчики и поставщики дѣлятся съ... съ кѣмъ бишь? — досказывать не мое дѣло: а разумѣется съ тѣми, кто можетъ и хочетъ подѣлиться.

Если мужчины поклоняются и несутъ дары женицннѣ не за красоту ея, то вѣрно по важности ея отца, мужа, брата или зятя. Одна только кухарка беретъ дань по занимаемому ею мѣсту, слѣдовательно она одна на правахъ мужчины.

Надобно видѣть ее подъ качелями или въ Екатерингофѣ, когда она, накормивъ господь, наслаждается прогулкою, наряженная въ новыи кисейный чепецъ, въ ситцевое или даже въ шелковое платье безъ корсета, въ купавинскій платокъ, и когда землякъ ея, слесарь или сапожникъ, ведетъ ее торжественно подъ руку, вооруженный въ другой рукѣ прляникомъ и орѣхами. Гордо смотритъ она на весь женскій полъ, смѣло расталкиваетъ толпу миловидныхъ и робкихъ горничныхъ и магазинныхъ швей, и не уступаетъ дороги даже женамъ кузнеца и мѣдника, прежнимъ ея подругамъ. Въ теченіе двадцати-лѣтняго своего пребыванія въ Петербургѣ, она служила, по крайней мѣрѣ, въ пятнадцать домахъ, и знаетъ множество народу. Множество лакеевъ, дворниковъ, лавочниковъ

знають ее и кланяются ей, не доверяя судьбѣ, могутъ свести ихъ снова въ одну кухню. Она чувствуетъ важность свою, и принимаетъ поклоны небрежно. Зачѣмъ ей унижаться! Зрѣлая дѣва или давнишняя вдова, разведенная съ мужемъ жена или жена отказавшаяся отъ мужа, пьющаго запоемъ въ Ревель или въ Выборгъ, кухарка уже не ищетъ жениховъ въ толпѣ народа, слѣдовательно не имѣетъ нужды притворяться смиренницей, какъ то дѣлаютъ дѣвицы въ публикѣ, чтобъ развернуться послѣ того дома. Кухарка всегда въ своемъ характерѣ, какъ слѣдуетъ быть самостоятельному мужчинѣ: она не надѣваетъ маски при чужихъ людяхъ, какъ всѣ искательницы жениховъ, и всегда одинаково сварлива, упрямая и голосиста подъ качелями, какъ въ кухнѣ, на рынкѣ, какъ въ лавкѣ. А развѣ это не права мужчины?

Хотя кухарка призъжаетъ въ Петербургъ обыкновенно изъ Эстляндіи или изъ Финляндіи, но отечество ея — terra incognita, «страна неизвѣстная». Она говоритъ всегда, что она родомъ *Ведка*. Въ географіи нѣтъ ни народа Ведовъ, ни страны Веціи. Слѣдуя системѣ всѣхъ изыскателей происхожденія языковъ, всѣхъ этимологовъ, я пытался прибавлять различныя буквы къ этому названію, и нашель, что къ названію «Ведка» лучше всѣхъ пристааетъ буква Ш. Ужели моя кандидатка въ верховныя матери соотечественница Густава Вазы и королевы Христіны? Шведскія слова есть въ языкѣ кухарки, но тутъ же есть и Нѣмецкія и Русскія. Справляюсь съ паспортомъ, съ слухами, которыми земля полнится, сличаю все это съ ея собственными показаніями, но не нахожу въ цѣлой родословной ея ни одного Шведа, ни одной Шведки, а напротивъ того вижу цѣлый рядъ Эстовъ и Финновъ, которыхъ древность происхожденія теряется въ исторіи салакушки. Такъ нѣкоторыя племена Аф-

рики и Америки ведутъ родъ свой отъ льва и тигра; но они вовсе не почтеннѣе моей кухарки, потому что левъ и тигръ пожираетъ человѣка, а человѣкъ вѣтъ салакушку.

О верховный отче, мусье Анфантенъ! явись къ намъ изъ Египта, брось Египетскую грамоту, и пади къ ногамъ Петербургской чухонской кухарки, дозрѣвшей, но еще не пережарившейся въ жаркой нашей кухнѣ. Воскликни, подобно Архимеду, разрѣшившему случайно важную математическую задачу: «Нашель! нашель!» Вотъ верховная мать, подь пару тебѣ, верховному отцу! Эта Mutterchen обмоетъ тебя, расчешетъ твою сенсимонистскую бороду, напоитъ тебя цикоріемъ съ кофе, и накормитъ хорошимъ супомъ, отъ котораго, можетъ-быть, желудокъ твой поправится, а въ слѣдствіе этого поправится и голова, въ чемъ ты имѣешь великую надобность. Я тебѣ исчислилъ всѣ высокія качества, всѣ преимущества моей кандидатки, и послѣ этого ты не можешь сомнѣваться, что она не есть *la femme émancipée*, «женщина на всѣхъ правахъ мужчины.» Не только что она не зависитъ отъ мужчины и владычествуетъ имъ, живя и управляясь самостоятельно, но она даже беретъ взятки, которыя у всѣхъ народовъ составляютъ неоспоримую привилегію мужчинъ, по силѣ законовъ, дозволяющихъ однимъ мужчинамъ занимать должности, подверженныя взяткамъ. Возрадуемся и возвеселимся всѣ мы, называющіеся человѣками, съ позволенія философовъ и политиковъ, владычующихъ непослушною имъ вселенною. Наступила для насъ эпоха преобразования. Верховный отецъ, мусье Анфантенъ, нашель себѣ верховную мать, и съ этой минуты начинается *эмансипація*, или освобожденіе женскаго пола изъ-подъ власти мужчинъ, и допущеніе ихъ пользоваться одними правами съ мужчинами. Превос-

ходная затѣя! Только, пожалуйста, выберемъ въ судьи и въ секретари миловидныхъ, пріятныхъ и ласковыхъ дамъ. У меня есть прескучный, предлинный процессъ, и есть также четыре красивые и удалые двоюродные брата въ гусарахъ. Я поручу имъ ходатайство по моему дѣлу. А вы, почтенные содержатели и ловкія содержательницы модныхъ магазиновъ, не правдали, что вы также желаете, чтобъ дамы были казначеями, чтобъ онѣ составляли тарифы и управляли таможенными? Тогда бѣ вѣрно не было ни контрабанды, ни длинныхъ счетовъ въ долговыхъ книгахъ. Я боюсь одного только: именно боюсь повѣрить дамамъ почту. Неужели ревность не разломала бы печати на письма любовника? Трудно будетъ воздержаться отъ искушенія. Но за то, какіе прелестные были бы у насъ балы, какіе превосходные пѣвцы въ оперѣ, какъ было бы намъ весело! Благодарю тебя покорно, мусье Анфантенъ, за это изобрѣтеніе, хотя не намѣренъ подѣлиться съ тобой малымъ моимъ имуществомъ, а ты долженъ вдвое благодарить меня, потому что я далъ тебѣ «верховную мать» и не хочу ничего отъ тебя за это, ни бороды твоей, ни головы твоей, ни осла твоего, ниже самого тебя!

ОЛДДЕЙ ВУЛГАРИНЪ.

МѢСТНЫЯ ПОСЛОВИЦЫ

РУССКАГО МІРА.

Въ пословицахъ и поговоркахъ всякаго народа видимъ мы или философію простолюдиновъ или исторію ихъ отечества: однѣ — общія вѣсьмъ племенамъ, какъ здравый смыслъ; другія объясняются только жизнію политическою, изъ которой онѣ проистекли, и принадлежать извѣстному мѣсту (мѣстныя, топографическія), времени (хронологическія), или къ извѣстнымъ лицамъ.

Взглянемъ здѣсь на первыя, которыя часто въ рѣзкихъ чертахъ изображаютъ положеніе и отличительныя свойства мѣста и жителей, достопамятности и т. п. Рѣдкій городъ, рѣдкое селеніе, гора, лѣсъ и рѣка, не оглашены такими пословицами: онѣ, вмѣстѣ съ преданіями, дополняютъ Исторію, и при недостаткѣ положительной истины, утѣшаютъ насъ намеками; въ нихъ нерѣдко вѣроятіе есть приближеніе къ достовѣрности. Съ измѣненіемъ самыхъ предметовъ, и пословицы эти измѣняются: оттого онѣ бывають или *обветшалыя*, сохранившіяся только въ грамматахъ, лѣтописяхъ, пѣсняхъ и преданіяхъ, или донынѣ *употребительныя*, которыя переходять изъ устъ въ уста, примѣняясь часто и къ новымъ предметамъ.

Объяснимся примѣрами подобныхъ пословицъ нашего Русскаго міра.

Колыбель Русской Церкви, Кіевъ, у Нестора называется не отцемъ, но, по свойству Греческаго языка, *матерью градовъ Русскихъ*, какимъ онъ слыветъ и въ

простомъ народѣ. Какъ изъ всей Россіи стекаются жители для богомоля въ «богоспасаемый градъ»; то о дорогѣ къ нему есть пословица — *языкъ до Кіева доведеть*, а Малороссійне прибавляютъ — *и до кія*, то есть, до палки, потому что подѣ Кіевомъ былъ дремучій боръ, гдѣ важивались разбойники. Съ прекращеніемъ разбоевъ пословица получила переносное значеніе, что — *языкъ голову кормитъ и до смерти доводитъ*; равнымъ образомъ и слѣдующая въ собственномъ смыслѣ относится къ мельницамъ у Кіева, а въ переносномъ значить, что тамъ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ — *Жернова говорятъ: въ Кіевъ лучше; а ступа говоритъ: что тутъ, то тамъ*.

Татищевъ свидѣтельствуетъ, будто гордый Игорь въ XII вѣкѣ велѣлъ сказать Изяславу Мстиславичу: «Не шуми за печью, сверчокъ!» Но когда Изяславъ разбилъ его, тогда вошло на Руси въ поговорку — *Сверчокъ Тмутаракань побѣдилъ*.

О величій и могуществѣ Новгорода кому не извѣстна пословица, повторенная иностранными писателями — *Кто противъ Бога и великаго Новагорода?* Она была символомъ союзниковъ Ганзы, и осталась въ воспоминаніи, такъ какъ титуло «Великаго» въ молитвахъ церковныхъ.

О братскомъ союзѣ Новгородскаго княжества съ Псковскимъ свидѣтельствуетъ старинная пословица — *Душа на Великой, а сердце на Волховѣ*: на Великой рѣкѣ Псковъ, а на Волховѣ Новгородъ. Въ Новгородской области пронырливаго челоуѣка называютъ *мисою Патрикеевною*, именемъ Литовскаго Князя Патрика Наримонтовича, который въ XIV вѣкѣ посѣялъ вражду между согражданами, и столько сдѣлался извѣстенъ своими хитростями и кознями, что нмя его вошло въ притчу. Вѣроятно, къ нему же относится другая поговорка — *Патрикей самъ третьей*.

Владимірцы слыли у давнихъ и старшихъ Ростовцевъ и Суздальцевъ *новыми и мизенными*. «Не разумъша, говорить Летописецъ, правды Божья исправить Ростовцы и Суздальцы давнии и старшии творяшесь; новии жъ людие и мизеннии Володимирстии уразумъше, яшась по правду крѣпко.» О самомъ Владимірѣ на Клязмѣ, во время открытія намѣстничества, была еще поговорка, что тамъ три чуда — *деревяныя печи, золотыя ворота и желѣзныя церкви*. Первые находились въ старинномъ домѣ архіерейскомъ, бывшемъ близъ Успенскаго Собора. Золотыя Ворота и донинѣ тамъ существуютъ по имени, отъ позлащенной на нихъ главы; но Серебряныхъ Воротъ, упоминаемыхъ въ летописяхъ, и слѣда нѣтъ. Золотыми, по свидѣтельству Дюканжа*, назывались тѣ ворота въ большихъ городахъ, чрезъ кои совершались крестные ходы и торжественныя шествія, какъ въ Константинополѣ *in m. xrvci, porta aurea*, по образцу которыхъ сооружены были ворота того имени и въ Кіевѣ. Въ Римѣ у базилики Св. Петра находились Серебряныя Ворота, *porta argentea*. «Желѣзная церковь» стояла во Владимірѣ близъ Рожественскаго монастыря, и уничтожена въ концѣ XVIII вѣка.

Послѣ Кіева, Новагорода и Владиміра, славилась Москва, которой имя служило ясакомъ въ битвахъ, какъ видно въ летописяхъ изъ событій XV вѣка; по ней и вся Россія называема была у иностранцевъ «Московією». Она, по вызолоченнымъ главамъ церкви и колоколенъ слыветъ — *золотыя маковки*; по зданіямъ изъ бѣлаго камня въ Кремль, Китаѣ и Бѣломъ-городѣ, *бѣлокаменную*. Московскія чудеса вошли въ поговорку — *Иванъ великій, царь колоколь, да царь пушка*. Къ этимъ чудесамъ прибавлялись въ послѣдствіи и дру-

* Glossarium manuale ad scriptores mediae et infimae Latinitatis.

гiя. Въ Украинѣ говорятъ, что въ *Москвѣ сорокъ сороковъ церквей*. Каменный Мостъ на Москвѣ рѣкѣ также вошелъ въ поговорки и присловья для сравненiя, на-примѣръ — *дороже Каменнаго Моста; — честный чело-вѣкъ лучше Каменнаго Моста*.

Кто не знаетъ ходячей поговорки, напоминающей, что отъ малыхъ причинъ часто происходятъ великiя дѣла, или какъ говорятъ Краицы, что — *Iz male is-krge postane weliki ogen*: *Москва сгорѣла отъ копъеч-ной свѣчки*. Это объясняется словами лѣтописи подъ 1493 годомъ: «*Юля 28, загорѣсь отъ свѣчи церковь «Св.-Николы-на-Песку, и вста буря велiя, и кинуло «огнь на другую сторону Москвы рѣки ко Всѣмъ-Свя-«тымъ-на-Кулишкахъ»*. Отъ подобнаго же случая былъ Троицкiй пожаръ въ 1737 году, когда царь-колоколь, единственный въ свѣтѣ, упалъ въ ту самую яму, въ коей былъ вылитъ и гдѣ донынѣ лежитъ въ Кремль*. Старинная поговорка примѣнилась къ новому случаю. О древней столицѣ по другимъ городамъ ведутся слѣ-дующiя пословицы: — *Въ Москвѣ толсто звонятъ, да тонко пѣдятъ. — Москва стоитъ на болотѣ, ржи въ ней не молотятъ, а больше деревенскаго пѣдятъ*.

Поговорка о непостоянствѣ — *на недѣль семь пят-ницъ*, объясняется мѣстностiю, потому что на Красной Площади въ Москвѣ было «*семь обѣтныхъ пятницъ*», — церковей во имя Св. Параскевiи (Пятницы), столь чтимой народомъ, который, по обѣту, въ пятки не ра-ботаешь. Объ этихъ церквахъ упоминаетъ Желябуж-скiй: «*И стрѣльцы всѣхъ приказовъ сдѣлали на Мо-«сквѣ на площади столбъ каменный у Старыхъ Пят-«ницъ***».

* См. Собранiе разныхъ записокъ о Петрѣ I. О. Туманскаго, ч. VII и Древнюю Росс. Вивлiю. III.

** Записки Графа Миниха, стр. 54, 35.

Въ Москвѣ также есть поговорка о Симоновѣ монастырѣ — *Есть черницы и на Симоновѣ, да не хвалятся*, то есть, добрые, благочестивые старцы. Царь Іоаннъ Васильевичъ, въ посланіи своемъ въ Кириловъ монастырь, пишетъ слѣдующее, служащее къ объясненію приведенной поговорки: «Сами видите на Симоновѣ, «кромѣ сокровенныхъ рабъ Божіихъ, тоцію отдѣліемъ «иноци, а мірская вся совершаются». Въ Шенкурскѣ и Вельскѣ говорится о челоувѣкѣ, живущемъ выше своего состоянія, или не по одежкѣ протягивающемъ ножки — *У него расходъ какъ Кириллова монастыря, а приходъ Рѣпной Пустыни*.

По новости С. Петербурга, объ немъ мало пословицъ извѣстныхъ въ народѣ.

Ярославль городокъ, по пословицѣ, *Москва уголокъ*; что говорится и о другихъ городахъ въ сравненіи съ древнею столицею. Въ Костромѣ пословица — *За голоднаго Богъ заплатитъ*, служить доказательствомъ хлѣбосольтва зажиточной стороны, и равнодушія къ неблагодарности питаемыхъ ея хлѣбомъ**. Такъ какъ у Галичанъ есть особенное нарѣчіе — *Галивонскіе Алеманы*, то у нихъ изстарь существуетъ поговорка о городѣ и свойствѣ жителей: *Городъ Галивонъ, озеро Миронъ, а люди кривизна*, то есть, оборотливые, хитрые***. Поговорка — *Галичь Кострому обмануль на острову*, по мнѣнію О. М. Діева, относится къ войнѣ Галицкаго Князя Димитрія Шемяки съ В. К. Василіемъ Темнымъ. Это происшествіе поясняется другою поговоркою — *Костромичий въ кучу, а Галичи прочь*. — *Нерехтскій бѣгунъ* говорится о Нерехтскихъ мѣщанахъ, которые переходятъ изъ одного села въ другое съ безменомъ для покупки пряжи.

* Ореады, изд. В. Дмитриева.

** Исторія Росс. Іерархіи, ч. I — VII.

*** О. Глинки, Письма къ другу.

Въ Костромской губерніи, между городами Юрьевцемъ и Кинешмою, есть большое и богатое село, о которомъ говорятъ тамъ — *Кинешма да Рѣшма кутитъ да мутитъ, а Солдогда убитки платитъ, или — Отъ Рѣшмы до Кинешмы глазами докинешь ли?*

О Солдогдѣ, прежде столь знаменитомъ мѣстѣ на Волгѣ, разоренномъ Татарами въ 1429 году, между народомъ доселѣ идетъ поговорка, что *Солдогда горюха*. Въ это бѣдственное время Татары, подъ предводительствомъ Царевича Махмутъ-Хози, опустошивъ Галичъ и Кострому, разграбили Кинешму и вѣроятно Солдогду. На Москвѣ говорятъ пословицей — *Рыбакъ рыбака далеко въ плесь видитъ*, въ томъ смыслѣ, что сходство склонностей и нравовъ сближаетъ людей между собою. Слово *плесо* въ Академическомъ Россійскомъ Словарѣ толкуется «извѣстнымъ пространствомъ поля или воды»; но въ Костромской губерніи поговорка объясняется самымъ мѣстомъ: Плесо есть городъ*, стоящій на излучистомъ берегу Волги, гдѣ она «прошла плесомъ», то есть, излучиною: отъ-чего вѣроятно и Плесо получило свое названіе; пустое и ненаселенное мѣсто тамъ называется «пустоплесемъ.»

По несостоятельности нѣкоторыхъ домовъ купеческихъ въ Нерехтѣ составила пословица — *Не бойся по Арменской дорогѣ воровъ, а бойся въ Нерехтѣ каменныхъ домовъ*. На большой дорогѣ изъ Костромы въ Галичъ есть богатое и многолюдное село Воронье, о которомъ говорятъ — *Село Воронье днемъ семидесяти господъ, а ночью одного*. Въ Костромской губерніи село Большая-Соль и посадъ Малая-Соль, по изобилію овощей, безмездно снабжаютъ ими сосѣдей своихъ: это обстоятельство произвело тамъ въ простомъ наро-

* Въ летописи подъ 1410 годомъ сказано: «Великій Князь Василій повелъ рубити градъ Плесо.»

дѣ пословицу — *Къ Соли иду, ничего не несу; отъ Соли иду, полну пазуху несу*. Тамъ же говорятъ о спокойной и счастливой жизни — *Будемъ жить ровно за Буйемъ*: вѣроятно, эта поговорка одолжена своимъ началомъ основанію города Буя, построеннаго въ малолѣтство Царя Іоанна Васильевича, для прекращенія буйныхъ набѣговъ Татаръ Казанскихъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ Вѣкса, выходящая изъ Галицкаго Озера, сливается съ рѣкою Костромою. Кромѣ мѣста и времени, можно искать происхожденія этого города и въ самомъ словѣ «буй», плавень bouée, потому что этогъ якорный поплавокъ значится въ гербѣ города Буя, хотя у приволжскихъ жителей знакъ, гдѣ брошенъ якорь, называется «сука». Когда дѣти въ деревняхъ, играя, сваливаются въ одну кучу, то верхній кричитъ — *Ребята, городъ Буй!**. Извѣстно, что Буй находится не въ одной Костромской губерніи, но и въ другихъ.

Населеніе Кореги — стороны около Буя, большею частію бѣдными дворянами, дало поводъ къ слѣдующей поговоркѣ: *Корегскій баринъ самъ оретъ и пашетъ*. Въ Нерехтѣ еще ведется поговорка о богачѣ; заимствованная отъ Егорьевской горы, или горожаницы близъ города, — *Сытъ, какъ Егорьевская гора*.

Въ Вологодской губерніи на Вагѣ, въ Шенкурскомъ и Вельскомъ округахъ, при выборахъ въ должности, избранный противъ воли, по скромности или по сознанію своей неопытности, обыкновенно говоритъ — *Судить, рядить не умью, а на воеводство садятъ*. Если кто, при общественныхъ совѣщаніяхъ, станетъ говорить повелительно, всѣмъ противорѣчить и прекословить, его обыкновенно останавливаютъ поговоркою — *Тебя не слушаемъ, ты впадъ не воевода Важскій*,

* Буйгородъ сел., см. Софійск. Лѣтоп. ч. II.

или — а ты что за Воевода? Также, если кто сидить безъ дѣла въ то время, какъ другіе работаютъ, ему говорятъ — *Что ты сидишь, какъ Важскій Воевода?* «Важскій медвѣдь» обратился въ поговорку народную. Тамъ же у крестьянъ, хозяйка, поставивъ гостямъ на столъ овсяные блины, подаетъ уху изъ трески, и приговариваетъ — *У насъ на Вагъ и уха съ блинами!*

Обиліе въ скотоводствѣ, плодоносіе почвы и другіе богатые источники народной промышленности были поводомъ къ пословицѣ — *Вятка всему багатству матка.* Говорятъ — *живетъ на Вяткѣ, да ходитъ въ однорядкѣ*, потому что, сверхъ охабня, надѣвалась у достаточныхъ людей суконная или камлотовая длинная одежда, подобная охабню, но безъ воротника*. Такъ и богатства Сибирскія произвели пословицу: *Сибирь золотое дно.* Казаки называли свой Донъ — по происхожденію его изъ Иванъ-Озера — *Ивановичъ*, а по изобилію рыбы, *золотымъ дномъ*. Черноморцы, утверждая издавна, что *близъ граицы не должно строить свѣтлицы***, не пекутся объ устроеніи себѣ пріятныхъ и выгодныхъ жилищъ.

Въ Московской и смежныхъ съ нею губерніяхъ, о Римско-Католическомъ постѣ, не столь строгомъ какъ въ Греко-Россійской Церкви, ведется донинѣ старая пословица — *Нѣмецкій постъ, что Литовскій мостъ*; во всѣхъ областяхъ прежней Польши говорятъ — *Польскій мостъ Лютерскій постъ, Турецкое набоженство, все это блаженство.* Примѣчательно, что слава Польскихъ мостовъ проникла даже въ Турецкій языкъ, на которомъ *Лехъ-кіопрюсю* означаетъ также — вещь негодную къ употребленію, дрянъ, и чтобъ убѣдиться

* Карамз. И. Г. Р. VII. пр. 899.

** Украинскій Журналь, Харьковъ, 1825, № 11.

въ основательности пословицы, довольно проѣхать въ Литвѣ по первой проселочной дорогѣ: при бывшемъ Польскомъ правительствѣ, тамъ вовсе не обращали вниманія на устройство дорогъ и мостовъ. Въ этой пословицѣ заключается полная картина государственнаго управленія такъ называемой Польской Республики и недостатка въротерпимости ея жителей, навлекшаго на нихъ бѣдствія распрей съ диссидентами, и кровопролитныя войны по поводу Унии.

Въ Подольской губерніи существуетъ между простодуинами о мѣстоположеніи Каменца-Подольскаго слѣдующая поговорка — *Каменецъ въинецъ, кругомъ вода, а въ срединѣ бѣда*: въ самомъ дѣлѣ рѣчка Смотричъ опоясываетъ городъ, лежащій на скаль въ видѣ вѣнца, и жители города, по большой части, ремесленники, живутъ стѣсненно, въ бѣдности. Похожая поговорка идетъ въ народѣ о Луцкѣ, на рѣкѣ Стырѣ, втекающей въ Припеть: *Въ Луцки все не по-людски, навколо вода, а всерединѣ бѣда*.

На Москвѣ была пословица — *Кто въ Вильнѣ не бывалъ, тотъ чудесъ не видалъ*. Какъ всѣ подобныя изреченія проистекаютъ изъ событій, то и эта пословица вѣроятно относится или къ бракосочетанію дочери В. К. Іоанна III Елены съ Литовскимъ Княземъ Александромъ, или къ другимъ посольствамъ Русскихъ въ столицу Литвы, или къ походу на Литву при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Тогда Вильна, богатая, вмѣщавшая въ себѣ великолѣпные костелы, дворцы и другія огромныя зданія, могла возбудить удивленіе въ Русскихъ.

Въ этомъ городѣ, между рѣками Вилією и Вилейкою, замѣчаетъ профессоръ Лобойко, подлѣ арсенала съ одной стороны и ботаническаго сада съ другой, устро-

енъ прекрасный бульваръ, которому высокія горы съ разрушенными башнями придаютъ особенную прелесть. Исторія Вильны, основанной Гедеминюмъ въ 1321 году, молчитъ о раскопаніи этихъ горъ для удобнѣйшаго расположенія города, но брань или поговорка, донинѣ употребительная у простаго народа въ Пинскомъ уѣздѣ Минской губерніи, подтверждаетъ это обстоятельство: *Дай-Богъ тебѣ въ Вильну ходить горы копать!* Нашедши этотъ первый слѣдъ, легко увидимъ, что каналъ былъ проведенъ въ томъ мѣстѣ, которое кажется тамъ прорытымъ, какъ и въ Перекони, и темное преданіе, будто эти горы раскопаны были при Гедеминѣ, который, покоривъ часть Россіи и вознамѣрившись построить городъ во исполненіе чудеснаго сновидѣнія, употребилъ на то покоренный народъ, получающъ отъ пословицы совершенную достовѣрность.

При дальнѣйшемъ изысканіи, я увѣренъ, найдутся въ Россіи пословицы и присловья, мѣстныя или областныя, которыя могутъ оказать значительную услугу историческимъ изслѣдованіямъ.

И. СНЕГИРЕВЪ.

О Т С Т А Л О Е .

=

БУДУЩАЯ ПОВѢСТЬ.

=

12 Июля 1874 года, въ прекрасномъ городѣ Пятигорскѣ, инспекторъ врачебной управы, Петръ Елисеевичъ Свѣтиловъ, почтенный старикъ лѣтъ шестидесяти пяти, бодрый, свѣжій и живой, сидѣлъ вечеромъ на широкомъ балконѣ своего дома, посреди своихъ домочадцевъ, курилъ трубку, поглядывая на величественныя вершины горъ, теряющихся въ отдаленіи, и запивалъ табачный дымъ глотками ароматнаго чаю. За чайнымъ столикомъ председательствовала дочь его, миловидная женщина лѣтъ тридцати, окруженная тремя рѣзвыми мальчиками, въ Черкесскомъ костюмѣ. Подлѣ нея сидѣлъ мужъ ея, въ такой же одеждѣ, съ военными на груди крестами. Съ другой стороны старика расположились два сына его: одинъ юноша военный, другой гражданскій; первый съ выраженіемъ ума, огня, смѣлости, послѣдній съ томною на устахъ улыбкою.

«Не долго намъ бесѣдовать съ тобою; другъ мой Вася!» сказалъ старикъ, обратясь къ старшему сыну: «черезъ недѣлю ты будешь лѣтѣть на почтовыхъ, въ Петербургъ; черезъ мѣсяць надѣнешь гвардейскій мундиръ, а тамъ» — «Что жъ тамъ?» спросилъ Василій съ нетерпѣніемъ, смягчаемымъ сыновнею нѣжностью. — «Не такъ часто будешь объ насъ думать!» прибавилъ отецъ, понизивъ тонъ, и какъ бы страшась сказать: ты насъ забудешь. — «За то, что будетъ», отвѣчалъ Василій: «трудно ручаться; по если бъ — до»

пустимъ невозможное — я и хотѣлъ рѣже объ васъ думать, сердце меня не послушается. Я здѣсь родился, здѣсь выросъ; здѣсь могила маменьки — и я забуду этотъ край? — Здѣсь вступилъ я въ царскую службу, здѣсь участвовалъ въ усмирении послѣднихъ покушеній нарушить спокойствіе Кавказа, здѣсь заслужилъ честь быть призваннымъ въ гвардію — и я забуду это? Забуду васъ? Возможно-ли?» — «Правда твоя, Василій Петровичъ,» сказалъ зять его: «мѣсто рожденія привязываетъ человѣка неразрывными къ себѣ узами. Семи лѣтъ отъ роду былъ я отправленъ въ Петербургъ, учился въ кадетскомъ корпусѣ, служилъ въ гвардіи, былъ счастливъ и доволенъ. Меня отправили сюда. Я едва помнилъ, какъ давнишній сонъ, случай моего дѣтства; почти вовсе забылъ свой языкъ, словомъ обрусѣлъ совершенно; но не могу выразить того чувства, которое объяло меня трепетомъ сильнымъ и несказанно усладительнымъ, когда показались мнѣ издали вершины нашихъ горъ, когда повѣяло на меня знакомымъ дыханіемъ Кавказа, когда увидѣлъ я первую Черкешенку.» — «Тише! тише!» примолвила, улыбаясь, жена его. — «Воля твоя, Дуняша!» продолжалъ онъ: «сердись или не сердись, но грязная дикарка въ то время была для меня во сто кратъ привлекательнѣе разряженныхъ, раздушенныхъ сильфидъ, съ которыми я кружился въ Нѣмецкомъ вальсѣ по Петербургскимъ паркетамъ. Разумѣется, что это очарованіе не было продолжительно. Я вскорѣ убѣдился во всѣхъ невыгодахъ и даже въ пагубности тогдашняго порядка дѣлъ на Кавказѣ, постигъ всю благодѣтельность правительства, рѣшившагося сдѣлать насъ людьми изъ разбойниковъ, и всѣми силами, всѣми возможными пожертвованіями содѣйствовалъ успѣху благотворныхъ и великодушныхъ предначертаній. Бывъ давно Христіаниномъ въ душѣ, нѣсколько лѣтъ не крестился,

чтобъ имѣть возможность дѣйствовать на монахъ соотечественниковъ. Любо теперь посмотреть на нашъ Кавказъ! Я ѣздилъ по многимъ странамъ просвѣщенной Европы, и ничего подобнаго не видалъ.» — «А мнѣ такъ жаль смотреть на нынѣшній Кавказъ,» сказалъ младшій: «все такъ чинно, тихо, порядочно! Нѣтъ мѣста воображенію, поэзіи. То ли дѣло бывало встарину! Прочтите Кавказскаго Пльнника; Пушкина. Конечно, старинный слогъ его теперь страненъ, но вникните въ содержаніе, въ мысли, въ картины. Тогда было иное время! А теперь, гдѣ разгуляться воображенію?» — «Теперь-то ему и разгуливаться любезный другъ Андрюша!» сказалъ Черкесь: «теперь оно одно дѣйствуетъ на Кавказъ; ему привольно и просторно, а какъ бывало, въ старые годы, существенность накинеть арканъ на воображеніе и потащить его въ горы — такъ прощай и стихи и проза. Ой, ужъ вы, стихотворцы! Да стоятъ ли ваши воображаемыя картины той дѣйствительности, которую мы теперь видимъ въ нашей сторонѣ? Кавказъ тихъ и спокоенъ. Безопасность, довольство, богатство царствуютъ во всѣхъ его странахъ. Винодѣліе, земледѣльство, скотоводство достигли высочайшей степени. Кавказская шерсть вытѣснила Испанскую; шелкъ нашъ употребляется преимущественно на всѣхъ фабрикахъ Европы; не шампанское, не бургонское, не портвейнъ пьютъ во всемъ Русскомъ Царствѣ, а наши доморощенныя вина, вкусныя, прочныя, здоровыя! Наши лихіе конники не только не враги Россіи, они составляютъ храбрый, быстрый, неусыпный авангардъ Русской арміи. — Впрочемъ, неужели поэзія исчезла съ разбоями? — Здѣсь, по-прежнему, свѣтитъ южное солнце; по-прежнему, высятся снѣговерхія горы; по-прежнему, зіяютъ бездонныя пропасти: только отъ зноя солнечнаго найдешь вездѣ пріютъ и тѣнь; на гору можешь взобратъся не опасаясь сломить шею; въ про-

пасть не дадутъ тебѣ упасть прочныя перила. Неужели поэзія только и находить пути, что въ разбояхъ, кровопролитіяхъ, буряхъ физическихъ и нравственныхъ? — Боюсь я, чтобъ не возобновилась у насъ школа, угрожавшая въ юности моей Литературѣ всѣхъ народовъ. Эта школа находила удовольствіе въ томъ, что возбуждаетъ ужасъ и омерзѣніе. Она миновала какъ всѣ глупости, но родъ человѣческой идетъ впередъ не прямо, а лавируетъ, кружится на одномъ мѣстѣ, пишетъ мыслѣте, и не удивительно будетъ, если старинныя нелѣпости возникнутъ вмѣстѣ съ длинными таліями.» — «Прекрасно!» сказала съ хохотомъ Авдотья Петровна! Длинные таліи, какъ на портретъ покойницы маменьки! Нѣтъ, другъ мой! Иное можетъ воротиться, а ужъ таліи вѣрно не опустятся. Длинные таліи! Какъ это забавно!» — «Ошибаешься, Дуня!» возразилъ Петръ Елисеевичъ: «длинная талія гораздо красивѣе, величественнѣе, нынѣшнихъ вашихъ короткихъ талій, которыя вѣроятно въ скоромъ времени поднимутся еще выше пояса Торжковскихъ мѣщанокъ. Въ мое время дамы и дѣвицы хвалились нѣжностью и стройностью своего стана, которыя при нынѣшней модѣ совершенно пропадаютъ. Какъ прекрасна была моя Вѣрочка въ длинной таліи, въ платьѣ полномъ, просторномъ, съ широкими рукавами, въ серьгахъ съ длинными подвѣсками; на лбу брилліантовая фероньерка; волосы закрученные косою на маковкѣ и на затылкѣ, и нисподавшіе спереди по вискамъ; въ нынѣшнемъ же нарядѣ я бы на нее и не посмотрѣлъ. То-то время было!» — Необыкновенно густое облако дыму, вырвавшееся изъ устъ его, изменило глубокому вздоху. — Авдотья Петровна, изъ уваженія къ отцу, удерживала смѣхъ, воображая карикатурные наряды тридцатыхъ годовъ. — «Мнѣ кажется, сестрица права,» сказалъ Андрей Петровичъ! Перечитывая стихотворенія тѣхъ временъ,

я вовсе не вижу, чтобъ красота женская возбуждала восторгъ, питала воображеніе поэтовъ. Въ нихъ видна какая-то странная смѣсь унылости и въ то же время молодечества; что-то дикое, необработанное; какое-то неуваженіе къ читателямъ. И хорошо было только то, гдѣ говорилъ умъ, а не чувство; напримеръ басни Крылова. Во всемъ же прочемъ, кромѣ многихъ исключеній, натяжка и неестественность, безжизненность и презрѣніе къ роду человѣческому. Изъ этого я заключаю, что тогдашнія женщины не могли плѣнять воображенія, занимать сердца поэтовъ. Въ противномъ случаѣ» — «Нѣтъ, другъ мой!» сказалъ отецъ: «не женщины были въ томъ виновны. Я скажу тебѣ на ушко: женщины всегда были и будутъ лучше насъ, и если бъ мы постарались сравниться съ ними въ чувствѣ прекраснаго, благороднаго, великаго, онѣ поднялись бы еще выше. Дѣло въ томъ, что въ тѣ годы наступило какос-то время недоумѣнія, остановки, перехода въ поэзіи. Словесность прочитала первый томъ, а за второй только что принималась. Все были попытки, начала, неудачные приступы. Отступали, чтобъ разбѣжаться. А предметовъ было довольно!» — «Предметовъ! предметовъ!» сказалъ Черкесь: «предметы всегда есть и будутъ, только бъ были люди, которые въ состояніи ихъ разглядѣть со стороны поэтической. Великіе поэты, живописцы, скульпторы творили все изъ ничего: самозванцы художники не умѣли извлечь ничего изъ предметовъ самыхъ высокихъ и величественныхъ. Я не поэтъ, а беру съ найти поэтическую сторону въ чемъ тебѣ угодно. Исполненіе — дѣло другое.» — «Не бейтѣсь объ закладъ,» сказалъ Андрей Петровичъ, улыбаясь: «я знаю предметъ, изъ котораго вы именно не извлечете ничего поэтическаго.» — «А что бы это было такое?» спросилъ Черкесь. — «Предметъ вашей ненависти и преслѣдованія: спиртъ, водка, пѣнникъ

сивуха.» — «Ты правъ, Андрей Петровичъ,» отвѣчалъ Черкесь: «въ этомъ я еще сущій Магометанинъ, и гнушаюсь всѣмъ, что только хотя слегка напоминаетъ этотъ медленнѣйшій лѣдъ. Ты правъ — изъ этого предмета я не въ состоянїи извлечь ничего поэтическаго. Меня по кожѣ подираетъ, когда подумаю, что въ мїрѣ существуетъ это питье, что есть люди, которые имъ не гнушаются.» Черкесь поморщился, какъ будто проглотилъ самое отвратительное лекарство.

«А я вамъ скажу,» возразилъ старикъ: «что это непавистное питье могло бы служить заглавїемъ роману, въ которомъ оно составляетъ завязку.» — «Помилуйте, батюшка!» вскричалъ Черкесь: «романъ, основанный на водкѣ!» — «Точно,» продолжалъ Петръ Елисеевичъ: «скажу болѣе: я знаю романъ, который развязкою своею обязанъ сивухѣ; еще болѣе: этотъ романъ есть мой собственный, исторїя моей любви и женитьбы на вашей покойной тещѣ, моей незабвенной, милой Вѣрѣ Дмитриевнѣ.» — «Что вы, папенька?» сказала съ недоумѣнїемъ Авдотья Петровна: «какъ это возможно? Это невѣроятно.» — «Мало-ли что невѣроятно!» возразилъ старикъ: «а между-тѣмъ сбилось дѣйствительно. Если хотите, если не боитесь соскучиться при разказахъ шестидесятишестилѣтняго старика о любви былыхъ годовъ — я вамъ сообщу исторїю моей юности.» — «Съ удовольствїемъ! охотно! сдѣлайте милость!» раздолось со всѣхъ сторонъ. — Старикъ выколотилъ докуренную трубку, набилъ ее снова, закурилъ, и началъ разказъ:

«Вы знаете, что я учился въ Московскомъ Университетѣ. Это было около тридцатыхъ годовъ. Я занимался науками усердно и неутомимо, видя въ нихъ единственное средство честно прожить на свѣтѣ. На-

чальные годы моей жизни, моихъ учебныхъ занятій прошли тихо, незамѣтно. Помню только еще, какъ, при появленіи въ Москвѣ холеры, которая была тогда болѣзнь неизвѣстная, страшная, опасная, я дежурилъ въ госпиталяхъ съ безпечными моими товарищами; какъ мы преспокойно спали на постеляхъ, лишь только оставленныхъ больными, дѣлились съ ними порціею, даже купались въ ихъ ваннахъ — и первые, сами того не зная, доказали Европѣ незаразительность этой болѣзни. И это время прошло. Я кончилъ науки, выдержалъ экзаменъ на доктора Медицины и Хирургіи, получилъ золотую медаль, воображалъ себя лейбмедикомъ, президентомъ Медицинской Академіи, и Богъ знаетъ чѣмъ. Одинъ мой товарищъ, выпущенный года за два до меня, и получившій выгодное мѣсто въ Петербургѣ, звалъ меня туда. Разумѣется, что я не колебался. Собралъ кое-какъ шестьдесятъ рублей, взялъ мѣсто въ кабриолетъ Петербургскаго дилижанса, и наканунѣ отъѣзда пошелъ къ одному изъ нашихъ профессоровъ, который, за недосугами, не подписалъ еще моего диплома. Я не нашель его: въ званіи визитатора частныхъ училищъ былъ онъ на экзаменъ въ одномъ женскомъ пансіонѣ, и такъ какъ испытанія въ наукахъ обыкновенно оканчиваются танцами и вистомъ, то я и долженъ былъ дожидаться его до глубокой ночи. Прочитавъ въ двухсотый разъ великолѣпно напечатанный дипломъ свой, я было задремалъ, и вдругъ разбуженъ былъ чѣмъ-то громкимъ голосомъ. Я раскрылъ глаза: передо мною стоялъ старичекъ въ простой одеждѣ, разстроенный, трепещущій, съ выкатившимися глазами, и дергалъ меня за сюртукъ. — «Не докторъ ли вы?» спросилъ онъ меня страшнымъ голосомъ. — «Докторъ Медицины и Хирургіи,» отвѣчалъ я, протирая глаза. — «Такъ пожалуйста поскорѣ!» закричалъ онъ съ радостью, амъ надѣлъ мнѣ на голову мою шляпу, и потащилъ

за собою. Я не успѣлъ опомниться, какъ онъ усадилъ меня въ сани, самъ сталъ на запятки, и закричалъ кучеру: пошелъ! Сани полетѣли — я не видѣлъ, куда и чрезъ полчаса остановились въ отдаленной части города, передъ деревяннымъ домомъ. Провожатый мой вытащилъ меня изъ саней, и опрометью повлекъ за собою на крыльцо. «Вотъ онъ! вотъ докторъ!» кричалъ онъ безъ памяти: «Что Вѣра Дмитріевна? жива еще, что ли?» — «Тише, Михенчъ,» сказала ему старушка. «другой докторъ прѣхалъ безъ тебѣ. Этого не надо!» — «Какъ не надо!» закричалъ Михенчъ жалобно: «не одного, не двухъ, двадцати мало! Матушка ты моя родная, праведная моя, Вѣра Дмитріевна! Не умирай, сударыня!» Слезы въ три ручья полились по лицу старика. — Старушка повела меня въ комнату, тускло освѣщенную одною свѣчею. Больная лежала въ постель, за занавѣсками. У изголовья ея сидѣли почтеннаго виду мужчина и женщина, видно родители ея, въ безмолвной тоскѣ, и смотрѣли на моего профессора, который, въ парадномъ мундирѣ, при шагѣ, стоялъ передъ больною и глядѣлъ на нее пристально. При входѣ моемъ въ комнату онъ обратился ко мнѣ: «Это вы, Свѣтловъ? Какъ вы сюда попали? — Я рассказалъ ему, что сидѣлъ въ его залѣ, и что меня, за его отсутствіемъ, привезли сюда. — «Вене!» сказалъ онъ: «я усталъ до смерти, *carissime!* Оставайтесь здѣсь на ночь! Бѣдная страдальца имѣетъ надобность въ скорой помощи и въ неусынномъ попеченіи. Пустите ей четыре чашки крови изъ лѣвой руки, и потомъ давайте прописанное мною, коль скоро принесутъ изъ аптеки. Забудьте каждая четверть часа, что происходитъ, и въ случаяхъ важныхъ записывайте. — Вамъ, молодой человѣкъ, прибавилъ онъ пресерьіозно по-Латыни: предстоитъ большое поученіе и наслажденіе. Кадаверъ удивительный. Юльзнь ея необыкновенная, при-

ключилась скоропостижно, и трупоразятію никто противиться не смѣетъ. — Завтра, сказалъ онъ по-Русски, обратясь къ родителямъ, въ восемь часовъ утра я прѣйду, а до того времени остается здѣсь господинъ докторъ Свѣтиловъ. Будьте благонадежны, почтѣннѣйшіе! *Spes in vobis, in Deo exitus.*» Онъ поклонился имъ и съ важностью вышелъ. Мать взяла меня за руку, и подвела къ больной. Я остолбенѣлъ. При слабомъ мерцаніи свѣчи представилось мнѣ существо неземное, невиданное, невообразимое! Дѣвица лѣтъ девятнадцати, въ бѣломъ платьѣ, въ бѣломъ на головѣ чепчикѣ, подвязанномъ розовою лентою, лежала на постелѣ безъ движенія. Глаза ея были закрыты. Черные локоны вырывались изъ подъ кружевной обшивки чепчика. Я вперилъ въ нее глаза, и не зналъ, что со мною дѣлается, гдѣ я, что вижу. Мать замѣтила мое вниманіе. «Не правда ли, она очень худая?» сказала она съ выраженіемъ боязни. «Она?» спросилъ я въ свою очередь: она? нѣтъ! быть не можетъ!» — «Въ самомъ дѣлѣ?» спросила оживленная надеждою. — «Богъ милостивъ!» сказалъ я, опомнившись. «Ей должно пустить кровь, по приказанію профессора.» — Какъ изволите! отвѣчала мать. Отецъ подошелъ, чтобъ помочь мнѣ. Я взялъ больную за руку, засучилъ рукавъ ея до плеча — сердце мое сильно забилось. Я мысленно молилъ Бога о твердости. Руки мои дрожали. Я вынулъ изъ кармана готовальню, перевязалъ руку, коснулся ланцетомъ нѣжной жилки, и кровь брызнула. Я чуть было не закричалъ. Операція кончилась благополучно. Я унялъ кровь платкомъ своимъ, перевязалъ руку, спустилъ рукавъ: наружъ осталась ручка прелестнѣйшее созданіе Природы. Я сѣлъ подлѣ постели, и смотрѣлъ въ прекрасное лице страдальцы. Волненіе ея начало утихать. Казалось, что она заснула. «Слава Богу!» сказалъ я: «кажется что ей легче.» Лучъ блаженнѣйшаго чувства бле-

снулъ въ глазахъ родителей. Видно было, что отцу трудно было не ложиться. «Поди, поди» сказала ему жена: «поди, другъ мой, Дмитрій Степановичъ! успокойся. Мы съ господиномъ докторомъ останемся у Вѣрочки. Занеможешь ты, такъ я совершенно пропа-ла.» Старикъ всталъ, перекрестилъ больную, взглянулъ на жену съ выраженіемъ любви и довѣренности, молча пожалъ мнѣ руку, и вышелъ. Я остался при больной одинъ съ ея матерью. Мало-по-малу оглядѣлся я въ комнату. Въ переднемъ углу вспыхивалъ огонь въ лампадѣ подъ божницею. Все въ комнатѣ было чисто, порядочно, уютно, но не богато, не великолѣпно. Повсему замѣчалъ я, что нахожусь въ домѣ купеческомъ. Но болѣе всего обращала на себя вниманіе моя больная. Она лежала неподвижно, блѣдная какъ мраморъ; длинныя черныя рѣсницы измѣняли прекраснымъ глазамъ; посинѣлыя уста были еще прелестны. Грудь ея иногда поднималась, но чаще всего лежала она безъ движенія, и нерѣдко устрашенной матери казалось что любимица ея испустила послѣднее дыханіе. Пощупайте у ней пульсъ, говорила она мнѣ съ умоляющимъ взглядомъ. Я брался за руку, и успокаивалъ ее. Однажды я какъ то взялъ ее выше кисти, и не дощупался пульса. Видно, испугъ изобразился на моемъ лицѣ. «Такъ нѣтъ пульсу!» закричала мать, забывая, что должно хранить молчаніе. «Ради Бога, пощупайте сердце — если и оно остановилось.....» — Не зная, что дѣлаю, я приложилъ руку къ сердцу больной; оно билось, но я не могъ отнять руки. Каждое біеніе этого сердца раздавалось въ моемъ громовыми ударами. Что-жь? спрашивала мать — «Бьется,» сказалъ я медленно, отнимая руку. — Долго не могъ я прійти въ себя, сидѣлъ въ безмолвіи и забыти, устремивъ глаза на прекрасную страданицу. Добрая мать, видно, приписывала это вниманіе моему усердію въ исполненіи должности, благодарила

меня взглядами, и не замѣчала, что мнѣ двадцать четвертый годъ отъ роду. Въ комнатѣ господствовала глубокая тишина. Только маятникъ столовыхъ часовъ указывалъ теченіе времени. Каждая четверть часа давали мы больной лекарство, каждая четверть часа приближалась минута разлуки. Стало свѣтать. Лучъ солнечный проникъ сквозь бѣлую миткалевую занавѣску. Улица проснулась. Зашумѣло на дворѣ. Съ послѣднимъ ударомъ осьми часовъ, вошелъ мой профессоръ. — «Что больная?» спросилъ онъ. — Я описалъ проведенную ею ночь. Онъ взялъ ее за пульсъ, и покачавъ головой, сказалъ мнѣ по-Латыни: «Чудеса совершаются, но не всегда.» Этотъ приговоръ жестоко поразилъ меня. Не зная предшествовавшаго хода болѣзни, не имѣвъ возможности узнать ее теперь, я еще меньше матери могъ судить о состояніи больной. — «Благодарю васъ, любезный Свѣтиловъ!» сказалъ профессоръ: «за исполненіе моей просьбы. Я знаю, вамъ должно сегодня вѣхать. Ступайте съ Богомъ. Я нашелъ у себя дома вашъ дипломъ, подписалъ его и отправилъ къ вамъ. Простите! Желаю вамъ счастливаго пути!» Онъ обнялъ и поцѣловалъ меня. Я не зналъ, что со мною дѣлается; посмотрѣлъ еще разъ на больную съ горестнымъ чувствомъ, котораго ни описать, ни вообразить не умѣю, поклонился матери, вышелъ изъ спальни. Въ другой комнатѣ встрѣтилъ меня отецъ, и съ страхомъ освѣдомлялся о состояніи дочери. Я отвѣчалъ, что она провела ночь спокойно. Онъ пожалъ мнѣ руку, и вошелъ въ спальню. Въ рукѣ у меня осталась какая-то бумажка. Я развернулъ ее — пять рублей! Огорченный платою, я хотѣлъ было пойти къ нему и возвратить деньги, но опомнился, взглянулъ на окровавленный платокъ, прижалъ его къ губамъ, и бросился изъ дому не помню какъ.

Я пріѣхалъ въ Петербургъ, преслѣдуемый зрѣлищемъ умирающей Вѣры. Въ волненіи своемъ, въ тос-

къ и недоумѣннѣи, я не догадался спросить при выхо-
дѣ изъ дому, у кого былъ, кто больная; не помнилъ
даже переулка, въ которомъ стоялъ домъ этотъ. У ме-
ни осталось одно воспоминаніе о ней и — окровавлен-
ный платокъ. Я былъ увѣренъ, что она умерла. —
Встрѣчаясь съ прекрасною, цвѣтущею дѣвицею, я
говорилъ про себя: «Такова была Вѣра. И ты, юная
дѣва, будешь то, что Вѣра теперь.» — Я вступилъ въ
службу въ одинъ гвардейскій полкъ, и жилъ доволь-
но пріятно и весело. Начальникъ у меня былъ чело-
вѣкъ умный и добрый. Офицеры полюбили меня и
приняли въ свое общество; только, замѣтивъ мою за-
думчивость и особенное выраженіе унынія, когда я
смотрѣлъ на молодыхъ, прекрасныхъ дѣвицъ, мучи-
ли меня вопросами, забрасывали шутками. Я отшу-
чивался, сколько могъ, и наконецъ, видя, что странная
моя мизантропія можетъ дѣйствительно повредить мнѣ
въ мнѣннѣи людей, которые скорѣе повѣрятъ всему,
нежели искреннему, безкорыстному чувству, рѣшился
преодолѣть себя, не отказываться отъ общественныхъ
удовольствій, разсѣять свою безполезную тоску въ бе-
сѣдахъ любезной молодежи.

Однажды сговорилось нѣсколько молодыхъ людей
(это было въ Августъ мѣсяцъ) поѣхать въ садъ Нѣмец-
каго танцклуба, поволочиться за хорошенькими Нѣ-
мочками, побѣсить ревнивыхъ Нѣмцевъ. Я поѣхалъ
съ ними. Мнѣ очень нравились эти полусельскіе ба-
лы. Въ просторномъ, иллюминированномъ саду гремитъ
музыка. Пестрыя толпы расхаживаютъ по аллеямъ.
Вокругъ столиковъ, подъ навѣсомъ деревь, курятъ
табакъ, пьютъ чай, ужинаютъ. Въ залѣ танцуютъ.
Всѣ веселы, довольны. Наши шалуны, вступивъ въ
садъ, забыли о своемъ намѣреніи, и приняли участіе
въ общемъ веселіи; нашли тамъ нѣсколько пріятелей
во фракахъ, и гуляли съ ними по аллеямъ, любуясь

цвѣточками изъ Нѣмецкихъ оранжерей, въ Русскомъ климатѣ. Я прїѣхалъ также съ намѣреніемъ повеселиться, и впалъ въ неизъяснимую тоску: чѣмъ болѣе наполнялся садъ, чѣмъ гуще и пестрѣе становились группы миловидныхъ дѣвицъ, тѣмъ мнѣ дѣлалось грустнѣе. Вѣра! Вѣра! шептала мнѣ на ухо какой-то таинственный голосъ. Я сидѣлъ на скамьѣ въ самой большой аллеѣ. Вдругъ замѣчаю, что одна почтенная дама, проходя мимо, посматриваетъ на меня пристально, какъ-будто припоминая стараго знакомаго. Прошла она разъ, прошла два раза; все смотритъ и разглядываетъ. Что бы это значило? Наконецъ, проходя въ третій разъ, она остановилась, сказала спутницамъ своимъ, чтобъ онѣ шли далѣе, и подошла ко мнѣ. — «Если я не ошибаюсь,» сказала она боязливо: «вы господинъ докторъ Свѣтиловъ?» — «Такъ точно, сударыня!» сказалъ я, вставъ съ скамейки. — «Не беспокойтесь,» возразила она: «я къ вамъ присяду!» и съ этимъ словомъ сѣла она подлѣ меня. — «Вашъ военный мундиръ,» сказала она учтиво: «немного сбилъ меня съ толку; но я слишкомъ хорошо васъ помню.» — Мнѣ она была совершенно незнакома. Я старался припомнить черты лица ея. — «Извините, сударыня,» сказалъ я наконецъ: «я не имѣю чести...» — «Это приносить честь вашему усердію къ своему дѣлу» сказала она съ прїятною улыбкою: «вы такъ занимались больною, что и не взглянули на здоровую. Помните ли вы, въ Москвѣ прошлаго года, зимою вы пользовали дочь мою...» — «Вѣру.... Вѣру...» пробормоталъ я въ оцѣпенѣніи. — «Точно, Вѣру Дмитріевну.» — «И она...» сказалъ я, смущенный веселымъ тономъ матери. — «Слава Богу, выздоровѣла!» — Камень свалился съ моего сердца. Я не могъ удержать слезъ своихъ, взялъ руку доброй матери, и покрылъ ее поцѣлуями. — «Милый, любезный докторъ!» говорила она, утирая слезы: «какъ мнѣ прїятно видѣть въ васъ такое со-

страданіе. Счастливы тѣ, которыхъ вы пользуете! Не повѣрите, какъ я рада, что нашла васъ. Мой добрый Дмитрій Степановичъ, по манеру, къ которому онъ привыкъ въ Германіи, заплатилъ вамъ за визитъ, какъ платятъ какому нибудь ремесленнику. Мнѣ было крайне совѣстно. Я натвердила Вѣринькѣ, что она именно вашему попеченію объ ней обязана своею жизнію. Лишь только вы ушли, съ нею сдѣлался кризисъ, и она была спасена.» — «Нѣтъ, сударыня!» сказала я ей: «не моимъ стараніямъ обязана она сохраненіемъ дней своихъ. Нѣтъ врача въ мірѣ, который могъ бы замѣнить хоть въ соугую долю попеченія матери. Я только скорбѣлъ о ней, а помочь ей не могъ.» — Я не зналъ, какъ спросить ее, гдѣ теперь Вѣра, что она дѣлаетъ, какъ онъ очутились въ Петербургѣ. Словоохотная дама предупредила меня. Съ длиннымъ предисловіемъ и безконечными вставками и эпизодами, она рассказала мнѣ, что мужъ ея, Дмитрій Степановичъ Коробовъ, купецъ, бывшій комисіонеръ нѣкоторыхъ Петербургскихъ негоціантовъ по внутренней торговлѣ, теперь пріѣхалъ въ Петербургъ; что у него много дѣлъ и непріятностей, и такъ далѣе, и такъ далѣе, но о главномъ предметѣ, объ одномъ, что меня интересовало и мучило — ни слова. Я воспользовался минутою, когда она понюхала табакъ, чтобъ прервать нить ея повѣсти — «Такъ Вѣра Дмитріевна совершенно выздоровѣла!» — Слава Богу! слава Богу! вы сами въ томъ удостовѣритесь! Да вотъ и она. Вѣринька, душа моя! поди сюда на минуточку.» Отъ шеренги проходившихъ мимо насъ, разряженныхъ дѣвицъ отделилась одна, и подошла къ намъ. Я взглянулъ на нее. Предо мною стояла, во всей полнотѣ жизни, юности и красоты, та самая, которую я воображалъ тлѣющею подъ гробовымъ камнемъ. «Вотъ, другъ мой!» сказала мать: «Богъ услышалъ мои молитвы. Вотъ тотъ молодой докторъ, которому ты обязана жизнію.»

— «Помилюте,» сказалъ я въ смущеніи. Вѣра обратила на меня глаза съ такимъ выраженіемъ, какого я не могъ вообразить. — «А онъ, подумай Вѣрочка, онъ ничего не помнитъ; онъ было совершенно забывалъ.» — «Нѣтъ, нѣтъ, сударыня, извините!» сказалъ я поспѣшно, и вынулъ изъ-за пазухи платокъ, который съ тѣхъ поръ, какъ талисманъ, сопровождалъ меня повсюду. Не помню въ точности, что за тѣмъ послѣдовало; только я познакомился съ Вѣрою; онъ пригласили меня къ себѣ; отца не было на балъ, но онъ увѣряли, что мое посѣщеніе будетъ ему приятно. Между-тѣмъ въ саду становилось сыро и холодно — онъ раскланялись со мною; я проводилъ ихъ до кареты. Последнимъ словомъ Вѣры было: «Не забывайте насъ! сдержите слово!» — Я воротился къ товарищамъ, сидѣвшимъ за ужиномъ. Они видѣли меня въ бесѣдѣ съ дамами, и стали шутить надо мною. Но какъ они удивились, замѣтивъ совершенное во мнѣ перерожденіе. Скромный, тихій, молчаливый Свѣтловъ сдѣлался веселымъ, развязнымъ, шумнымъ, чуть не буяномъ. Шампанскаго! закричалъ я такимъ громкимъ голосомъ, что изъ двадцати угловъ слышались восклицанія испуганныхъ Нѣмокъ: Ach, Herr Jesus! Ужинъ проведенъ былъ съ шумными измѣненіями и возмѣненіями. Что сдѣлалось съ нашимъ Эскулапомъ! спрашивали офицеры. Эскулапъ былъ въ третьемъ небѣ: Вѣра, прекрасная Вѣра жива; Вѣра здѣсь; я увижу Вѣру!

На другой день я отыскалъ семейство Коробова, и былъ принятъ, какъ давно знакомый, какъ родной. Дмитрій Степановичъ былъ человекъ добрый, умный, степенный, образованный. Онъ служилъ долгое время въ Петербургской конторѣ одного богатаго Англійскаго купца, ѣздилъ за коммерческими дѣлами по разнымъ странамъ Европы, приобрѣлъ много познаній,

опытности, умѣнья жить въ свѣтъ, но не приобрѣлъ главнаго — денегъ; поступалъ по правиламъ строжайшей честности, каждую хозяйскую копейку считалъ священной, а тѣмъ, что приобрѣталъ самъ по расположенію и дружбѣ своего хозяина, дѣлился съ бѣдными земляками. Жена его, Авдотья Яковлевна, была предобрая женщина, привѣтливая, веселая, словоохотная — величайшимъ свидѣтельствомъ любви ея къ дочери было то, что она промолчала цѣлую ночь у постели больной. А дочь — это была ваша добрая мать, моя незабвенная жена, съ которою я прожилъ счастливо, какъ въ раю, тридцать четыре года, которой не перестану оплакивать до новаго свиданія съ нею.»

Петръ Елиссевичъ умолкъ, и утеръ слезу. Дѣти молчали также, объятые чувствомъ горестнаго воспоминанія. Черезъ нѣсколько минутъ онъ собрался съ духомъ и продолжалъ:

«Не много нужно было времени, чтобъ познакомиться въ этомъ почтенномъ семействѣ. Мнѣ казалось, что я, дотолѣ сирота безродный и безпріютный, нашелъ своихъ, родныхъ. Тоскливые, бурные порывы во мнѣ утихли. Вѣра, убѣжденная въ томъ, что мнѣ обязана спасеніемъ жизни, обходилась со мною, какъ съ братомъ. По ея примѣру, я началъ называть ея родителей батюшкою и матушкою. И эта связь была такъ чиста, благородна, безкорыстна, что я и не воображалъ влюбляться въ Вѣру, не думалъ, что могу, что долженъ на ней жениться. Такъ быть должно! думалъ я, благодаря Провидѣнію, которое привело меня къ моимъ роднымъ.»

Такъ быть должно! думаетъ человекъ. Не такъ! возражаетъ строгая судьба. Дмитрій Степановичъ занимался въ то время дѣлами одного богатаго откуп-

щика, Рысина, человека жаднаго, цедовѣрчиваго, жестокаго, который обижалъ и оскорблялъ всѣхъ своихъ товарищей, помощниковъ и комисіонеровъ, и немного еще щадилъ Коробова, имѣя въ немъ необходимую нужду. Почтенный Дмитрій Степановичъ нерѣдко приходилъ домой къ обѣду, разстроенный, печальный, убитый. Видно было, какъ трудно ему служить орудіемъ жестокосердію и жадности. Привѣтливость жены, ласки дочери, участіе немногихъ друзей, посѣщавшихъ его, едва могли разсѣять облака унынія на челѣ его. Самого Рысина я не зналъ и никогда не видалъ; вмѣсто его, являлся иногда сынъ его, Иванъ, Русскій Ванька Каинъ, воспитанный въ Англій. Онъ былъ одаренъ отъ Природы умомъ и наружнымъ благообразіемъ; но честь, совесть, сердце замѣнялись въ немъ спѣсью, корыстолюбіемъ и гнуснѣйшимъ развратомъ. Въ Англій усовершенствовалъ онъ свои природныя способности и дарованія, и, главное, научился скрывать ихъ, казаться благороднымъ, великодушнымъ, сострадательнымъ. Являясь къ Коробову по порученіямъ отца своего, сначала онъ обращался съ нимъ грубо и дерзко, какъ съ наемникомъ, но увидѣвъ нечаянно Вѣру, вдругъ перемѣнилъ свой тонъ и обращеніе, и старался втереться въ домъ того человека, котораго презиралъ въ душѣ своей, какъ бѣднаго илота, сотвореннаго для исполненія приказаній и прихотей богача. Онъ сталъ часто ѣздить къ Коробову. Всѣхъ болѣе была ему рада Авдотья Яковлевна: она воображала въ немъ жениха своей Вѣрочкѣ. Вѣра принимала его ласково и привѣтливо: предъ нею онъ носилъ маску человека благороднаго, честнаго, учтиваго. Старикъ только терпѣлъ его, не имѣя возможности выпроводить этого незванаго гостя. Страдалъ одинъ я. При первомъ появленіи Ивана Кузьмича Рысина въ домъ Коробовыхъ, я почувствовалъ, какъ

будто ударъ въ сердце, котораго не могъ себѣ истолковать, сколько ни рылся въ Физиологiи. Я замѣчалъ его ухаживанье за Вѣрою Дмитріевною, его угодливость Авдотѣ Яковлевнѣ; замѣчалъ и ихъ равнодушіе къ нему. Передо мною, бѣднымъ полковымъ лекаремъ, онъ не считалъ нужнымъ скрываться, да если бъ и хотѣлъ, то конечно бы не успѣлъ въ томъ. Любовь зорка. Да, любовь! При первомъ препятствіи, при первомъ движеніи ревности я узналъ, какъ называется чувство, которое привязываетъ меня къ Вѣрѣ. Жестокое состояніи! Я видѣлъ Ивана Кузьмича насквозь. Природа создала его красавцемъ, но впалыя щеки, синета подъ глазами, сильный голосъ измѣняли слѣдамъ дурнаго поведенія. На кончикъ его носа зардѣлось уже красненькое пятнышко, обѣщавшее вскорѣ покрыть все лице малиновою мантиею — мундиромъ защитныхъ пльницъ. Но онъ былъ очень остороженъ, и никогда ни являлся къ дамамъ тотчасъ послѣ обѣда. — Мои мечты начали разсѣваться. Вѣра Дмитріевна была со мною ласкова, дружелюбна, пріятлива по-прежнему, но иногда замѣчалъ я, что въ бесѣдѣ со мною, она вздрагивала при малѣйшемъ шумѣ на улицѣ или въ передней, какъ будто ожидая чьего-то пріѣзда, и обманувшись въ этомъ ожиданіи, долго не могла оправиться. Авдотья Яковлевна подняла тонъ цѣлою октавою выше. Одинъ Дмитрій Степановичъ не измѣнялся: онъ зналъ, какъ опытный торговый человекъ, цѣну этому негодяю. Я рѣшился мало-по-малу оставить ихъ домъ. Больно было моему сердцу покинуть Вѣру; но меня поддерживало оскорбленное самолюбіе. Я сыщъ честныхъ родителей, самъ полезный членъ общества; знаю наизусть Цицерона и Виргилія, читаю въ подлинникъ Гомера и Демосѣена, понимаю Канта, Фихте, Шеллинга и Окена; докторъ Медицины и Хирургіи; спасъ жизнь и возвратилъ здоровье десяткамъ, сотнямъ

полезныхъ людей; еще недавно сдѣлалъ такую операцію, что самъ нашъ лихой Илья Васильевичъ Бульскій ахнулъ отъ удивленія, (а его бывало удивить трудно!), представленъ къ слѣдующему чину и къ кресту — и долженъ уступать мѣсто негодяю, пьянице, развратнику, который чванится тѣмъ, что отецъ его награлъ миллионы при подрядахъ, а самъ онъ выучился въ Лондонѣ лаять по-Англійски! — Я сталъ ходить къ нимъ рѣже и рѣже — а онъ этого и не замѣчали! — Однажды явился я къ нимъ послѣ двухнедѣльнаго отсутствія, и нашелъ весь домъ въ какомъ-то смущеніи и разстройствѣ. Авдотья Яковлевна молчала. Вѣра Дмитріевна, сидя за пальцами, едва поднимала глаза, покраснѣвшіе отъ слезъ! Дмитрій Степановичъ былъ спокойнѣе прочихъ. Онъ взялъ меня за руку, повелъ въ свой кабинетъ, и рассказалъ причину этого общаго огорченія. За недѣлю до того сидѣлъ онъ вечеромъ въ своемъ кабинетѣ за работою. Въ третьей комнатѣ, гдѣ были жена и дочь его; послышалось ему, раздався какой-то необыкновенный шумъ. Онъ всталъ и пошелъ туда. У нихъ былъ Иванъ Рысинъ въ положеніи чловѣка, лишь только вышедшаго изъ-за Англо-Россійскаго объѣда. Вѣра, трепеща, прижалась въ уголь комнаты. Авдотья Яковлевна умоляла его отправиться домой. Рысинъ замахнулся на нее въ то самое мгновеніе, когда мужъ ея входилъ въ комнату. Дмитрій Степановичъ схватилъ его за руку выше локтя, и не говоря ни слова, вывелъ въ переднюю, въ сѣни, и столкнулъ съ крыльца. «Я отплачу тебѣ, мерзавецъ!» кричалъ Рысинъ, вскарабкиваясь на ноги.

Негодяй былъ узнанъ и изгнанъ изъ дому, но не трудно было предвидѣть, что это происшествіе повлечетъ за собою самыя непріятныя послѣдствія.

Дмитрій Степановичъ на другой же день написалъ старику Рысину, что по обстоятельствамъ долженъ оставить службу въ его домѣ, и просилъ принять бывшій у него на рукахъ письменный дѣла и деньги. — Рысинъ разсердился, не хотѣлъ было отпустить хорошаго помощника, но видя его непреклонность, согласился, рѣшась въ то же время жестоко отомстить ему. Дмитрій Степановичъ, известный во всемъ Петербургскомъ коммерческомъ мѣрѣ своею честностью, исправностью и познаніями, не затруднялся присканіемъ хорошаго мѣста: и самъ Баронъ Штиглицъ охотно взялъ бы его въ свою контору.

Мало-по-малу утихла тревога, причиненная въ домѣ Коробова дерзкимъ поступкомъ Ивана Рысина; все пришло въ прежній порядокъ. И Вѣра Дмитриевна, и Авдотья Яковлевна стыдились въ душѣ предпочтснїа, которое оказывали недостойному человѣку. Я представился, что ничего не замѣчаю, и въ короткое время это непрїятное происшествіе было совершенно забыто. Онѣ были, по старому, ласковы и дружелюбны со мною. Любовь къ Вѣрѣ возникла въ моемъ сердцѣ съ прежнею силою: я чувствовалъ, что съ нею одною могу быть счастливъ, и рѣшился непременно на ней посвататься, увѣренный, что и она ко мнѣ не равнодушна.

Между-тѣмъ злоба и месть не дремали. Иванъ Рысинъ смелъ отцу своему сказку о дерзкомъ поступкѣ съ нимъ Коробова, и они вмѣстѣ составили заговоръ, погубить его. Старикъ Рысинъ, знавшій, что Дмитрій Степановичъ принужденъ былъ войти въ долги отъ слѣдствій какого-то заморскаго банкротства, купилъ одинъ его вексель, и подарилъ его сыну, а тотъ подалъ его ко взысканію. Я былъ у Коробова, когда явился квартальный надзиратель съ предписа-

ніемъ взыскать съ него двадцать тысячъ рублей, и въ случаѣ неплатежа, описать его движимое имѣніе, а самого отправить въ тюрьму. Все семейство было въ ужасѣ, въ отчаяніи. Сроку дано было двадцать четыре часа. Въ первый разъ отъ роду возроптавъ-было я на судьбу, не надѣлившую меня богатствомъ. Весь день прошелъ въ составленіи разныхъ плановъ, но ни одинъ не былъ удобенъ въ исполненіи, ни одинъ не вслѣ къ цѣли. Вечеромъ получено было по городской почтѣ письмо руки Ивана Рысина, безъ подписи: оно еще увеличило общее отчаяніе и огорченіе, но во мнѣ родило искру надежды. Гнусный этотъ человекъ писалъ Дмитрію Степановичу, что мститъ за горькую обиду, нанесенную ему въ домъ, куда онъ былъ заманенъ разными хитростями; что соглашается на отсрочку уплаты, если и отецъ, и мать, и дочь признаютъ себя виновными въ дурномъ съ нимъ обращеніи, и станутъ просить у него прощенія; что онъ рѣшится даже вовсе уничтожить долгъ, если они, послѣ этого примиренія, примутъ его опять, по прежнему, въ своемъ домъ. Эта дерзость вывела меня изъ терпѣнія, но въ то же время я увидѣлъ средство изобличить Рысина въ личной его злобѣ на бѣднаго должника, и ослабить дѣйствіе взысканія. Простодушный жрецъ чистой матери Природы — я прошелъ Философію и Медицину, а не заглядывалъ въ лабиринтъ Юриспруденціи: я не зналъ правила, что гдѣ рука, тутъ и голова! — Я сообщилъ мое замѣчаніе Дмитрію Степановичу и его семейству. Они также, особенно женщины, оживились надеждою. Я взялся быть ихъ адвокатомъ; объявилъ, что имѣю друзей, товарищей университетскихъ во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ, даже въ Сенатъ, и что завтрашняго же числа утромъ приведу въ движеніе всѣхъ извѣстныхъ мнѣ законопиковъ. Я говорилъ съ такимъ жаромъ, что до слезъ тронулъ добраго Дмит-

рія Степановича. «Благородный человек!» сказалъ онъ: «возможно ли такое состраданіе къ бѣдѣ семейства, вамъ почти совершенно чуждаго!» — «Да я еще ничего не сдѣлалъ!» отвѣчалъ я печально. — «Все равно!» возразилъ онъ: «все же вы мнѣ истинный другъ и благодѣтель! Удастся или не удастся — это въ волю Божіей, но въ вашемъ сердцѣ судьба моя уже рѣшена. Чѣмъ могу возблагодарить васъ?» — Я взглянулъ на Вѣру. Она потушила наполненные слезы глаза, и покраснѣла. — «Понимаю!» сказалъ Дмитрій Степановичъ: «понимаешь ли и ты, другъ мой, Авдотья Яковлевна?» — «Давно поняла!» отвѣчала она, утирая глаза. — «Сбьющіе слезами радостию пожнуть!» возгласилъ онъ, соединяя наши руки.

Я оставилъ ихъ поздно, а въ какомъ состояніи, описать не умѣю. Это было смѣшеніе всѣхъ горестныхъ, всѣхъ радостныхъ чувствъ, растворившихся наконецъ въ одной общей, неизглаголанной молитвѣ предъ Богомъ-сердцевѣдцемъ. Я не ложился спать. На другой день отправился къ должности, въ госпиталь, отпрапортовалъ полковому командиру; потомъ надѣлъ фракъ, и полетѣлъ въ Сенатъ отыскивать товарищей-правовѣдцевъ. Въ то время Сенатъ толпою что былъ переведенъ въ новое зданіе. Я вошелъ въ нижнія сѣни; народу множество. Взошелъ на крыльце, потомъ отправился въ комнату направо, тамъ налево, и наконецъ въ большую залу. Вездѣ толпится народъ всякаго разбора, племени и чина. И отставные всенные и купцы, и помѣщики и жидаы, все это движется, шепчетъ, толкуетъ, охаетъ, присвистываетъ. Чиновниковъ сенатскихъ не видать нигдѣ. Что это за суматоха? спросилъ я у одного незнакомаго мнѣ человека. «Какъ, сударь? вы не знаете, что теперь идутъ торги о винномъ откупѣ! Это все кандидаты въ банкиры или въ банкроты.» — «Покорнѣйше благодарю за наставле-

ніе, » сказалъ я, пробираясь сквозь густую толпу, и самъ не зная куда. Если бъ я не былъ въ тревогѣ, въ отчаяніи, какую занимательную картину могъ бы составить изъ того, что въ этотъ день привелось мнѣ видѣть и слышать! Всѣ дѣйствующія лица этой трагикомедіи играли роль свою превосходно, натурально, отчетисто, усердно. Я пробрался до мѣста присутствія. Секретарь возглашалъ наименованія городовъ, и сколько кто за нихъ даетъ. Слыша объявленіе: за городъ Череповецъ четыреста тысячъ даетъ такой-то! я говорилъ въ умъ: только бы двадцатую долю — и бѣдный Коробовъ спасенъ отъ стыда и разоренія. Я стоялъ, выпяливъ глаза, разинувъ ротъ, и жадно сдѣлалъ за объявленіями. Одинъ изъ торгующихся, дѣтина толстый и высокій, въ венгерскѣ со шнурками, сталъ въ меня вглядываться, и наконецъ спросилъ довольно грубо: «А вы, сударь, зачѣмъ сюда пожаловали?» — Этотъ дерзкій вопросъ разсердилъ меня. «Какая вамъ нужда!» сказалъ я смѣло: «за тѣмъ вѣроятно, за чѣмъ и вы.» — Онъ пріутихъ, подошелъ ко мнѣ ближе, взялъ учтиво за руку, и отвелъ къ окну. «Извините мой нескромный вопросъ!» сказалъ онъ, понизивъ голосъ: «Мы всѣ теперь, какъ на горячихъ угляхъ. Сдѣлайте милость, не мѣшайте намъ.» — «Странно!» возразилъ я: «почему жъ именно я вамъ мѣшаю!» — «Полно-те, полно-те!» продолжалъ онъ съ принужденною улыбкою: «Къ чему тутъ окончности? Компания наша покорнѣе проситъ васъ не торговаться сегодня. Завтра, сколько вамъ угодно. Возьмите, вотъ двадцать пять тысячъ рублей, и ступайте съ Богомъ.» Съ симъ словомъ онъ сунулъ мнѣ въ руку толстый пакетъ. — «Помилуйте?» пробормоталъ я въ оцѣпѣнѣніи. — «Неужели этого мало?» спросилъ онъ со страхомъ. «Вѣрьте Богу, мы въ убыткѣ будемъ! Теперь пожалуйста!» Онъ взялъ меня подъ руку, вывелъ изъ залы, свелъ съ крыльца, и сказалъ: «Честное сло-

во, что вы сегодня не будете торговаться?» — «Честное слово, но позвольте....» — «Кончено, сударь! я иняю ваше честное слово. Прощайте!» — Въ снѣгахъ сторожъ подамъ мнѣ шинель, и я съ трудомъ отыскалъ въ карманѣ гривенникъ, ему на водку. На улицѣ развернулъ я пакетъ: въ немъ было сто билетовъ Казначейства, новенькихъ, свѣженькихъ, свѣтленькихъ! — Въ изступленіи радостнаго восторга сълъ я на извозщика, и велѣлъ гнать въ Гороховую улицу, гдѣ жилъ Коробовъ. Не помню, какъ я туда прѣхалъ, какъ вошли на крыльцо. Въ передней ноги у меня подкосились: я упалъ на стулъ. Вдругъ слышу несущійся изъ комнаты голосъ оцѣнщика: «Комодъ краснаго дерева, съ бронзою, съ тремя выдвигными ящиками, весьма подержанный, оцѣнка двадцать рублей!» Я вскакиваю съ изступленіемъ, отворяю дверь и кричу: «Стой! все кончено, вотъ деньги!» Съ симъ словомъ подаю я мой пакетъ Дмитрію Степановичу. «Что это!» спросилъ онъ. — «Это деньги, въ уплату по векселю; я досталъ, я занялъ; только удовлетворите этихъ господъ.» Надзиратель подошелъ учтиво, принялъ деньги, отдалъ вексель съ распискою, и хотѣлъ уйти. «Куда, сударь!» спросила Авдотья Яковлевна, по уплатѣ долга почувствовавшая все свое достоинство: «Умѣли вы разстроить все въ домѣ, свалили въ кучу и мебель, и посуду, и платье. Теперь извольте поставить все на прежнее мѣсто.» — «Справедливо, сударыня!» отвѣчалъ квартальный, и приказалъ своей командѣ все уставить и прибрать какъ было. — «Теперь извольте идти, куда угодно,» сказала она: «и кланяйтесь Кузьмѣ Ерофеечу.» — «Не премину!» отвѣчалъ надзиратель съ низкимъ поклономъ, и отправился по принадлежности.

Когда мы остались одни, старикъ приступилъ ко мнѣ съ распросами, откуда я досталъ деньги. Не знаю,

почему, мнѣ совѣстно было сказать правду. Я отвѣчалъ, что мнѣ далъ ихъ займы одинъ старый пріятель, университетскій товарищъ. Благодареніямъ не было конца. Остальныя пять тысячъ опредѣлилъ я на обзаведеніе своего дома и на свадьбу.

Между-тѣмъ мнѣ все казалось, что я пріобрѣлъ эти деньги не честнымъ образомъ. Мнѣ слѣдовало бы объявить незнакомцу, кто я, зачѣмъ пришелъ въ Сенатъ, и тѣмъ отклонить его предложеніе. Но тогда погибло бы семейство друзей моихъ!—Случалось ли вамъ замѣчать, друзья мои, что такія мысли о дѣйствительномъ достоинствѣ нашихъ поступковъ, о настоящей цѣпѣ вещей въ мірѣ, возникаютъ въ душѣ нашей чаще всего въ часы тишины и уединенія? Такъ бываетъ со мною. По утрамъ, въ тѣ минуты, когда душа, отдохнувъ отъ вчерашнихъ заботъ, еще неотуманилась своекорыстными мыслями о житейскихъ попеченіяхъ, неуступила еще власти надъ собою вельніямъ нужды и необходимости, я здраво, чисто и совѣстно помышляю о своихъ дѣлахъ, предпріятіяхъ, надеждахъ и опасеніяхъ. Такимъ образомъ въ одно утро, сидя за чаемъ, думалъ я о происшествіи въ Сенатѣ, и упрекалъ себя въ присвоеніи себѣ чужой собственности. Вдругъ входитъ денщикъ и докладываетъ мнѣ, что меня просятъ пожаловать поскорѣе къ одному больному. Я одѣлся наскоро, сѣлъ въ присланную за мною прекрасную карету, и пріѣхалъ въ великолѣпный домъ какого-то отставнаго полковника Трепетова. Самъ хозяинъ, объявили мнѣ, вдругъ занемогъ опасно. Меня ввели въ темную спальню. Кто-то лежалъ въ постели, и охалъ. — «Что съ вами сдѣлалось, сударь?» спросилъ я, подошедши къ нему, и взявъ его за руку. Жаръ въ немъ былъ необыкновенный. — «Отъ сущихъ пустяковъ, сударь!» отвѣчалъ онъ. «Вообразите! вчера мы, на радостяхъ, съ добрыми пріятеля-

ми, роспили ящикъ шампанскаго. Кажись не впервые, а теперь такъ схватило, что я думалъ Богу душу отдать. Проклятый Рысинъ!» — Голосъ больного казался мнѣ знакомымъ. Имя Рысина еще болѣе возбудило мое любопытство. Я прописалъ ему что нужно было, и далъ нѣсколько совѣтовъ, увѣряя, что это пустое и скоро пройдетъ. — «Пройдетъ, пройдетъ» отвѣчалъ онъ: «а теперь смертельно голова болитъ.» — «Видно, радость была большая?» спросилъ я. — «Да, не часто удается такъ повеселиться. Мы съ пріятелями, во-первыхъ, успѣли взять превыгодно нѣсколько городовъ на откупъ; во-вторыхъ, посадили одного разбойника въ петлю. Не слыхалиль вы объ Рысинѣ?» — «Какъ не слыхать!» — «Этотъ злодѣй хотѣлъ надуть насъ на триста тысячъ, да мы Кузьму подкузьмили. Онъ самъ заплатилъ двѣсти, чтобъ только отвязаться. Впрочемъ и намъ стало это не дешево. Двоимъ дали по двадцати пяти тысячъ, чтобъ отстали. Ой, батюшки! рѣжетъ! ой, проклятый Рысинъ! — Такъ мы, сударь, вчера по этому случаю старинку вспомнили.» — Тутъ узналъ я голосъ моего сенатскаго благодѣтеля. Онъ, въ темной комнатѣ, не могъ различить меня, да и возможно ли было бы подумать, что дерзкій торгашъ на откупа, и смиренный полковой лекаръ одна и та же персона? — Увѣривъ моего пациента, что его болѣзнь не опасна и скоро кончится благополучно, я поспѣшилъ убраться. — На совѣсти у меня отлегло: деньги, которыми я помогъ моему будущему тестю, вышли изъ сундука его злодѣя и губителя!

«Вотъ мой романъ, любезныя дѣти! Вы конечно прежде этого знали нѣкоторыя его подробности; но вполнѣ, кажется, я рассказалъ его вамъ теперь въ первый разъ.»

«Покорнѣе благодарниѣ васъ, батюшка!» сказалъ Андрей: «но я все ждалъ, что дѣло дойдетъ до водки, до сивухи, какъ вы обѣщали.»

«А развѣ ея не было!» спросилъ Петръ Елисеевичъ: «на что же торговались въ Сенатѣ? за что же дали мнѣ двадцать пять тысячъ? Не будь сивухи, не было бы и развязки моего романа.»

«Оно такъ,» возразилъ Андрей: «однако я не желалъ бы называть романа этого гнусными именами водки или сивухи.»

«Придумай ему другое названіе, а дѣло останется то же.»

«Какъ назывались деньги, которыя получали торгующіеся за уступку своего права?»

«Это называлось *отсталое*,» отвѣчалъ отецъ.

НИКОЛАЙ ГРЕЧЪ.

ДВА МУЖА.

=

— Не лзя ли попросить у васъ позволенія, милостивыя государыни, взглянуть на этотъ листъ? сказалъ графъ Рошбель женѣ своей и ея пріятельницамъ, помогавшимъ ей составлять списокъ приглашеній для наступающаго бала.

— Мы только-что хотѣли представить его на ваше разсмотрѣніе, отвѣчала графиня Рошбель, голосомъ, котораго боязливость, казалось, не соответствовала ласковому вопросу ея мужа.

— А зачѣмъ ему показывать? вскричала г-жа Деверрьеръ, молодая вѣтреница, которая всегда проповѣдовала бунтъ и возмущеніе противъ власти мужей: зачѣмъ показывать ему списокъ? Какъ-будто онъ не можетъ положиться на насъ въ выборъ гостей, которые пожалуютъ къ нему въ домъ? Главное, чтобъ нять какъ можно больше хорошенькихъ и со вкусомъ одѣтыхъ женщинъ, прекрасныхъ и ловкихъ танцоровъ; да побольше старыхъ князей, молодыхъ писателей, двухъ или трехъ поэтовъ, и Тольбека прежде всѣхъ.

— Да въ этомъ числѣ, душа моя, возразила старая маркиза Дорбессонъ: могутъ случиться люди весьма дурнаго тона и дурно образованные. Куда тебѣ, въ твой лѣта, умѣть составить бальное общество! Ужъ оставь этотъ трудъ намъ, старухамъ. Не потому, что я его воспитала, но надо сказать правду, — мой племянникъ извѣстенъ въ Парижѣ за человека, знающаго приличія и людей, какъ не лзя лучше.

— Много чести, тетушка! подхватилъ г. Рошбель: я не довольно хорошо воспользовался вашими наставленіями, чтобы постичь во всей тонкости искусство составить общество только изъ такихъ людей, которые бы другъ другу нравились, и о которыхъ бы не лъзя было сказать ничего худаго.

— Надо бы вамъ быть колдуномъ, чтобъ до этого достигнуть! вскричала г-жа Деверрьеръ: да еще Богъ знаетъ, какъ такое общество было бы скучно и несносно!

— Мы только прибавили нѣсколько человекъ къ числу добрыхъ пріятелей, посвящающихъ насъ обыкновенно; и вы очень насъ обяжете, если объявите намъ откровенно, хорошъ ли нашъ выборъ, или нѣтъ, сказала графиня Рошбель, передавая списокъ своему мужу.

— Не терплю такихъ снисхожденій! вскричала г-жа Деверрьеръ, съ досадою. Въ самомъ дѣлѣ, милая Албертина, если твой мужъ самъ за себя не вступится, ты кончишь тѣмъ, что сдѣлаешь его смѣшнымъ въ глазахъ общества своею неумѣстною покорностію, и этимъ печальнымъ видомъ, этимъ почти дрожащимъ голосомъ, когда ты съ нимъ говоришь. Если бъ мы его не такъ хорошо знали, мы бы имѣли все право почитать его вторымъ Отелло.

— Ха, ха, ха! прекрасная шутка! вскричалъ графъ Рошбель, захохотавъ такимъ хохотомъ, который не сообщился никому. Изъ всѣхъ вымысловъ, клеветующихъ на честнаго человека, согласитесь, эта клевета была бы для меня самая неопасная: не правда ли, сударыня? Я ревнивъ! я? Да гдѣ вы нынче найдете ревниваго мужа? Скажите. Я думаю, никто въ свѣтѣ не имѣетъ столько духу, чтобъ быть смѣшнымъ до такой степени.....

— Вы правы, тысячу разъ правы! прервала г-жа Деверрьеръ: и притомъ, ревность мужа ни къ чему не служить. Онъ мучитъ жену, а его мучитъ весь міръ; всь, наперерывъ, ищутъ бьсить его. Замѣтилиль вы, какъ на балъ у маркизы Ж*** всь старались водить и удерживать г-на П*** въ той залъ, гдѣ не было жены его? И это дѣлалось изъ челоувколюбія, — чтобъ дать ей время наговориться съ молодымъ Камилломъ Нелисенъ. Какъ смѣялись надъ его безпокойствомъ и усиліями вытащить жену съ бала! Лишь только, преодолевъ всь препятствія, онъ могъ добраться до своей дражайшей половины, вотъ сталъ повторять ей разъ десять на всьхъ языкахъ, что наканунъ она была нездорова, что ей вредно быть долго на балъ, что ей пора ѣхать, что онъ увѣренъ въ ея согласіи ѣхать, что если она не поѣдетъ, онъ не ручается за ея здоровье. Думая, что убѣдилъ ее своими разсужденіями, онъ вышелъ въ переднюю, велѣтъ подавать карету, а она воспользовалась его отсутствіемъ, чтобы снова танцовать съ Камилломъ: какъ всь наслаждались его изумленіемъ, когда, по возвращеніи своемъ въ залу, онъ нашелъ жену во власти несноснаго соперника, галоширующую до упаду съ глазами блестящими отъ удовольствія, и отвѣчающую самыми лестными улыбками на сладкія рѣчи, которыя шумъ оркестра допускалъ только до ея ушей! Увѣрю васъ, что это была самая забавная комедія.

— Крайне сожалью, что мнѣ не удалось быть на этомъ представленіи, возразилъ графъ Рошбель съ язвительною улыбкою: нынче такіа зрѣлища становятся оченъ рѣдки. Не понимаю, какъ г-нъ П*** могъ предаться такой непростительной слабости!... Тѣмъ болѣе, что жена его употребила, по моему мнѣнію, всь средства, чтобъ умѣрить ревнивую его нѣжность.... Извините меня, сударыни, но, по истинѣ, надо быть страст-

нымъ обожателемъ дамъ, чтобъ находить васъ еще прелестными послѣ галопа. Видѣть, какъ безбожно, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, трясутъ васъ самымъ невыгоднымъ образомъ для красоты вашей и вашего наряда; видѣть, какъ васъ грубо перебрасываютъ изъ рукъ въ руки, безъ всякой пощады; видѣть ваши пылающія лица, ваши волосы въ беспорядкѣ, виски облитые потомъ, всю одежду вашу измятую, васъ самихъ почти безъ дыханія и безъ силъ; видѣть это все, и.... Право, надо имѣть очень дурной вкусъ, или быть влюблену до безумія, чтобъ дорожить еще женщиною, которую чужой мужчина приведетъ ко мнѣ въ такомъ видѣ!

— Въ этой сатирѣ, я ничего не принимаю на свой счетъ, возразила г-жа Деверрьеръ: потому что я никогда не танцую галопа.

— О женщины! вскричалъ графъ Рошбель: вы всегда умѣете быть правы.

Всѣ засмѣялись, кромѣ графини Рошбель, которая слишкомъ хорошо понимала, что наставленіе ея мужа относилось къ ней одной.

— Да, кстати! продолжалъ графъ: мы заговорили объ этомъ танцѣ, который обратилъ наши бальныя залы въ манежи: я долженъ спросить, почему не вижу въ вашемъ спискѣ героя всѣхъ галоповъ, блистательнаго Г. Дартенѣ?

— Албертина помѣшала мнѣ его вписать, отвѣчала г-жа Деверрьеръ.

— А зачѣмъ это? спросилъ онъ, бросивъ недовольный взглядъ на жену.

— Право, не знаю, отвѣчала г-жа Деверрьеръ: Албертина наговорила намъ тму причинъ, — и все пустихъ. Говорить, что не довольно его знаетъ. Какъ

будто непременно надо коротко знать танцоровъ , которыхъ приглашаютъ на балъ ! Увѣрять , что онъ слишкомъ живъ , слишкомъ вѣтренъ , слишкомъ преданъ модѣ , слишкомъ самъ въ модѣ.....

— И можетъ-быть слишкомъ миль , слишкомъ опасенъ для женщинъ ? прервалъ г-нъ Рошбель . О , ужъ это было бы много ему чести ! Это было бы такъ для него лестно , что онъ готовъ бы думать , что его бояться , и я прошу васъ , сударыни , не исключать изъ числа моихъ гостей такого незначащаго человѣка .

На миловидно грустномъ лицѣ графини Рошбель разлилось невыразимое чувство , но внимательный наблюдатель могъ бы разгадать его : онъ бы понялъ , что накануне того самаго дня , графъ Рошбель разбранилъ жену до слезъ за молодого Дартенѣ .

Онъ приглашаетъ его къ себѣ , подумала Албертина , послѣ тѣхъ упрековъ , которые мнѣ надѣлалъ ! И моя ли вина , что въ Италіанской оперѣ , этотъ вѣтренникъ съѣлъ возлъ моей ложи , и что вчера въ Булонскомъ лѣсу онъ ѣхалъ верхомъ за моею коляскою ? Боже мой , какъ мой мужъ самъ себя противорѣчить !

И въ самомъ дѣлѣ , бѣдная Албертина никакъ не понимала , чтобы можно было , изъ самолюбія , жертвовать своимъ спокойствіемъ , осторожностію , даже своею ревностію для того , чтобы не сознаться въ этой страсти .

— А деревенскихъ сосѣдей вашихъ ? спросила г-жа Деверрьеръ . Надѣюсь , вы не забудете позвать эту хорошенькую г-жу Мениваль , отъ которой и полковникъ Долеривъ не отходитъ ни на шагъ , какъ тѣнь . Они оба прекрасно танцуютъ , и притомъ мужъ ея такъ забавенъ своею слѣпою довѣренностію и плоскими шутками на счетъ обманутыхъ мужей . Умора ! Ужъ тотъ-то мужъ не ревнивъ , согласитесь .

— Не менѣе того, онъ все-таки очень смѣшонъ, возразила маркиза Дорбессонъ. Ослѣпленіе его такъ непонятно, что можно бы счесть добровольнымъ, если бъ связь съ Долеривомъ доставляла ему какія-нибудь выгоды; но у полковника одно только имя, хотя звучное, однако безъ всякой подпоры, безъ состоянія, безъ родства при Дворѣ, и притомъ Мениваль дорожить только своими милліонами..... Не думаю, чтобъ ему когда-нибудь удалось прочесть хотя четыре страницы изъ Французской Исторіи. Происходи себѣ, пожалуй, въ прямой линіи, хоть отъ Фарамона, — ему все равно: онъ за это не уважитъ тебя ни крошечки болѣе. Ну ужъ за то и самъ смѣшонъ! Такъ смѣшонъ, что мнѣ даже часто жаль его.

— Жаль этого добраго, толстаго Мениваля! вскричала г-жа Деверрьеръ: помиуйте, маркиза, да нѣтъ челоуѣка блаженнѣе его на свѣтѣ! Всегда доволенъ собою, всегда въ духѣ; влюбленъ самъ въ себя; увѣренъ, что его всѣ обожаютъ, убѣжденъ, что деньги даютъ все, — умъ, любезность, образованность; что милліонщикъ-идоль, которому все поклоняется, котораго не смѣетъ обманывать жена, и надъ которымъ никто не смѣетъ насмѣхаться.

— Ну, ужъ не увѣрите меня, чтобъ онъ обманывалъ самъ себя до такой крайности! возразила маркиза: нельзя ему не замѣтить, что всѣ хохочутъ, лишь только онъ разинетъ ротъ.

— И вы воображаете, что онъ объ этомъ очень беспокоится? прервала г-жа Деверрьеръ: напрасно вы такъ думаете. Онъ увѣренъ, что всѣхъ веселитъ умомъ своимъ и любезностію; а если и случится ему примѣтить, что надъ нимъ въ самомъ дѣлѣ насмѣхаются, тогда, о, тогда онъ убѣжденъ, что это отъ зависти! Я не видывала такого страннаго чудака во всей моей жизни.

— Если все правда, что говорить на счет его жены, подхватил графъ Рошбель: то вы найдете тму такихъ чудаковъ, какъ онъ. Но вы любите этотъ родъ людей, и я непременно позову Менивала: онъ замѣнитъ однимъ собою Вернета, Одри и всю труппу комическихкихъ артистовъ.

Когда списокъ приглашеній былъ окончанъ, и всѣ разъѣхались, Албертина, оставшись наединѣ съ своимъ мужемъ, просила его объяснить ей непонятное свое поведеніе, и почему онъ такъ настаивалъ, чтобы г-нъ Дартенѣ былъ приглашенъ на балъ, когда накануне сдѣлалъ ей столько выговоровъ и упрековъ за него.

— Тебя это удивляетъ, Албертина? возразилъ графъ. И ты, съ твоимъ знаніемъ свѣта, меня не понимаешь? Хочешь ли, чтобъ я показывалъ, что боюсь этого вертопраха, который за тобою волочится? Его приторная услужливость можетъ повредить тебѣ, — я тебя предупреждаю. Мой долгъ тебя предостеречь; остальное зависитъ отъ тебя.

Въ наше время, молодой человекъ влюбляется только въ такую женщину, которая сама этого желаетъ. Дай ему почувствовать, что ласкательства его тебѣ неприятны, и я ручаюсь, что онъ вскорѣ перестанетъ тебя преслѣдовать. Но требовать, чтобъ я избавилъ тебя отъ этого труда, устранивъ Дартенѣ съ грубой невѣжливостью или посредствомъ слишкомъ для него лестнаго исключенія, — этого ты отъ меня никогда не дождешься! Я не намѣренъ прослыть ревнивымъ и быть смѣшнымъ въ глазахъ всего общества.

Такимъ образомъ, Рошбель, терзаемый ревностью, хотѣлъ лучше испытать мученіе видѣть въ своемъ домѣ человека, котораго опасался наиболѣе въ мірѣ, нежели прослыть мужемъ, который боится за жену свою.

Свободный отъ всѣхъ мукъ ревности, г-нъ Мениваль, получивъ записку, приглашающую его на балъ къ графинѣ Рошбель, ни о чемъ столько не заботится, какъ чтобъ достать подобное же приглашеніе другу своему, полковнику Долериву. Онъ кидается ко всѣмъ знакомымъ графини; говоритъ и толкуетъ всѣмъ и каждому, что ему не возможно будетъ ѣхать безъ Долерива, котораго любить какъ роднаго сына. Онъ у всѣхъ спрашивается, какъ-бы заставить пригласить полковника. Ему отвѣчаютъ, что вѣроятно г. Долеривъ также будетъ на балъ и получитъ приглашеніе въ свое время, что можетъ быть ужъ онъ и получилъ записку; но Мениваль ничего не слушаетъ, никому не вѣритъ, и пишетъ къ графу Рошбель, чтобы удостовѣриться, будетъ ли Долеривъ приглашенъ на балъ. Можно себѣ представить, какимъ насмѣшкамъ подвергается это несчастное письмо, по содержанію своему и слогу! Но добрый Мениваль ничего не подозреваетъ: онъ досталъ приглашеніе на балъ своему другу, и доволенъ.

Наступилъ ожидаемый вечеръ. Графиня Рошбель одѣта еще съ бѣльшимъ вкусомъ, нежели обыкновенно. Все знаютъ, что богатый нарядъ запрещенъ хозяйкѣ дома; и этотъ законъ почти всегда служитъ къ бѣльшему ихъ украшенію, если онъ умѣютъ соединить вкусъ съ предписанною простотою. Но въ этотъ вечеръ, несмотря на всю ея красоту, несмотря на всю прелесть ея улыбокъ, грусть, глубоко начертанная на гладкомъ челѣ ея, примѣтная осторожность малѣйшихъ поступковъ, разсѣянность взоровъ, старавшихся убѣгать какого-то предмета, — все доказывало, что сердце нѣкогда рѣзвой, веселой Адбертины, страдало подъ бременемъ тяжелой печали.

Это принужденіе, эта недовѣрчивость къ себѣ самой, это волненіе, которое тяготило ее, и которому са-

ма она не могла найти причины, — все это произвели въ ней упреки мужа. Прежде нежели онъ сталъ такъ горько насмѣхаться надъ страстью къ ней Дартенѣ, она не имѣла никакого подозрѣнія о существованіи этой страсти; ея обращеніе съ нимъ было просто, откровенно, невинно, какъ она сама. Но съ тѣхъ поръ какъ она знала, что за нею присматриваютъ, съ тѣхъ поръ какъ самому пустому слову, самому чистому взгляду, каждому бездѣльному поступку, приписывалось преступное, или по-крайней-мѣрѣ предосудительное намѣреніе, она чувствовала смущеніе, страхъ, казалась встревоженною, и упрекала себя въ слабости, именно за то, что предавалась терзавшимъ ее опасеніямъ.

Если бъ г. Рошбель, откровенно уступивъ своей ревности, удалилъ Дартенѣ изъ своего дома; если бъ онъ ободрилъ и поддержалъ жену въ намѣреніи убѣгать этого молодаго повѣсы, она бы скоро его забыла, — тѣмъ скорѣе, что сама чрезвычайно того желала. Но графъ требовалъ, чтобъ она безпрестанно встрѣчалась съ влюбленнымъ Дартенѣ, въ обществѣ, у себя, всюду; чтобъ она слушала его вкрадчивыя изъясненія, переносила пламя страстныхъ взоровъ его, подвергалась всѣмъ его нападеніямъ, — и чтобъ осталась невредимою, не подала бы ему ни малѣйшей надежды! Всѣ мужа, даже всѣ жены сознаются, что это безразсудно.

Дартенѣ, несмотря на свою молодость, былъ слишкомъ опытенъ, и не могъ не примѣтить, какое смущеніе производило его присутствіе въ мысляхъ графини Рошбель. Глупецъ счелъ бы себя обожаемымъ; но Дартенѣ ясно видѣлъ причину этого состоянія души, и безошибочно приписывалъ его ревности мужа. Этою ревностью онъ и рѣшился воспользоваться. «Она теперь только боится меня,» разсуждалъ онъ самъ съ

собою : «но я доведу ее до того, что страхъ обратится въ любовь. Потомъ, когда мы поладимъ, я приму такой жалкій видъ несчастнаго любовника, что бѣдный мужъ, чтобъ не прослыть ревнивымъ, никогда не осмѣлится выгнать меня изъ дому, какъ опаснаго соперника.»

Придумавъ адскій планъ, Дартенè въ тотъ же вечеръ началъ приводить его въ исполненіе. Учивость требовала, чтобъ онъ протанцовалъ съ хозяйкою дома. Она отказываетъ ему разъ, отказываетъ два; наконецъ, въ котильонъ, онъ подходитъ къ ней со всею свойственною ему смѣлостію, беретъ ее за руку безъ всякихъ предисловіи, и увлекаетъ за собою, нашептывая ей въ полголоса : «Зачѣмъ такая жестокость? Вы хотите отбить меня отъ себя вашею холодностію? Напрасный трудъ, графиня. Никто не можетъ болѣе меня самого стараться объ истребленіи этой страсти, которой я вижу всю нелѣпость; но она сильнѣе всѣхъ препятствій : ничто не можетъ истребить ее; ни моя воля, — ни даже ваша!»

Албертина, пораженная этими словами, остается нѣсколько минутъ какъ окаменѣлая. Ея очередь начинать фигуру; но она того не примѣчаетъ. Опомнившись немного, она переходитъ въ противную сторону: по счастью, фигура того требовала, — и это избавляетъ ее отъ необходимости отвѣчать Дартенè. Однако ей хотѣлось бы воспользоваться случаемъ, и объявить ему, что его преслѣдованія обижаютъ ее; что они ей неприятны. Но какъ солгать! Ложь, для души, несносна и невозможна. Слова бѣгутъ прочь. И что сказать въ такомъ случаѣ? ... Между-тѣмъ, удобная минута ускользнула; праздные гости уже обступили хозяйку, и каждый лепечетъ ей привѣтствія по-своему. Мысль, занимающая Албертину, испытала уже

три, или четыре перемъны. Какъ возобновить объясненіе, и сказать, что имъ обижены? Это было бы обращать слишкомъ много вниманія на дерзость молодого человѣка. Лучше сдѣлать видъ, что ее забыли, или даже и не поняли. Да! это будетъ гораздо лучше. Графиня Рошбель рѣшилась не говорить ни слова.

Не менѣе того, ударъ нанесенъ: краска, вспыхнувшая на прелестномъ лицѣ ея, невольный блескъ ея взоровъ въ ту минуту, когда она узнала, что страстно любима, стараніе не обращать вниманія на столь явное признаніе, — ничто, ничто не укрылось отъ наблюдательнаго Дартенё, и онъ началъ уже поздравлять себя съ побѣдою.

Красавицы, особенно замужнія, не слушайте, если можете, льстивыхъ словъ мужчины, который говоритъ, что онъ влюбленъ въ васъ! Слова его ядъ, который отравляетъ чистоту души вашей, истребляетъ ваше спокойствіе, спокойствіе всего вашего семейства. Тѣмъ менѣе достойны они вашего слуха, что почти всегда происходятъ не отъ чистой любви къ вамъ, но, увы, отъ измѣнническаго желанія погубить васъ! Не слушайте, если можете.

Но что это за шумъ на балѣ? Всѣ бѣгутъ къ окнамъ, обращеннымъ во дворъ; всѣ шепчутся, всѣ помираютъ со смѣха. Что бы это значило?....

На дворъ взѣхала плетеная бричка, которую швейцаръ не хочетъ допустить къ крыльцу: ни кучеръ, ни лошади не слушаютъ швейцара. Бричка у крыльца. Весь дворъ ярко освѣщенъ плашками: изъ оконъ видна вся эта потѣха. Притомъ, молодой Нелисенъ, обогнавшій плетеную бричку и выскочившій изъ своего тильбюри, въ минуту триумфальнаго въѣзда ея во дворъ, вошелъ въ это время въ залъ. Всѣ его окружили, и слушаютъ рассказъ со смѣхомъ:

— Вообразите себя, говорит онъ, тройку тощихъ лошадей, въ изорванныхъ, повозочныхъ хомутахъ, впряженныхъ веревками въ плетеную корзинку на колесахъ, изъ которой выглядываютъ три большія бѣлыя пера, съ дюжину золотыхъ колосьевъ и жѣсколько брилліантовыхъ украшеній, — словомъ, всѣ признаки бальной прически. Толстый мужчина, сидящій вмѣсто кучера на козлахъ этой великолѣпной колесницы, кричитъ «поди!» изо всей силы; подлѣ него, вѣроятно ему въ помощь, сидитъ что-то похожее на человѣческую фигуру, въ охотничьемъ платьѣ, безъ шляпы, которая, безъ сомнѣнія, не могла помѣститься на головѣ по тѣснотѣ мѣста въ экипажѣ. Когда пришлось выѣзжать изъ чудной повозки, бѣдная дама жалобно закричала, что она переломитъ себѣ ногу, если ей прійдется выскочить безъ помощи изъ этой корзины; человѣкъ въ охотничьемъ платьѣ, между-тѣмъ, умолялъ толстаго господина на козлахъ крѣпче держать лошадей, которыя, пугаясь плашекъ, дымящихся подлѣ ихъ ноздрями, фыркали и становились на дыбы. Мнѣ очень хотѣлось предложить руку бѣдной оперенной дамѣ, потому что, несмотря на странность ея положенія, она показалась мнѣ очень пригожею; но какъ услышалъ толстяка, — «Моя Минеточка, берегись, пожалуйста, когда будешь выходить!» — я такъ расхохотался, что долженъ былъ бѣжать сюда, предоставивъ участь этихъ чудаковъ на произволъ судьбы.

Едва успѣлъ онъ кончить, какъ официантъ, вошедшій въ залу, доложилъ о пріѣздѣ г-на и г-жи Мениваль. Нелисенъ вскричалъ: — «Это они!» — и хохотъ возобновился.

— Какъ я радъ, что здѣсь всѣ такъ веселы! сказалъ Мениваль, входя въ комнату. Въ самомъ дѣлѣ, я хо-

рошо сдѣлалъ, что пріѣхалъ сюда, несмотря ни на какія препятствія. Другой, на моемъ мѣстѣ, ни за что бы не поѣхалъ, тѣмъ болѣе, что мнѣ надо было принудить жену ѣхать со мною, хотя она любитъ балы до безумія. Вообразите, съ нами встрѣтилось столько препятствій, что вся ея твердость исчезла! Она ужь хотѣла раздѣться, снять прическу, и лечь въ постель. Подумайте, что случилось: кучеръ нашъ напился пьянъ; только съѣздивъ со мною въ театръ, отпрягъ карету мою коричневаго цвѣта, — глядь, ось переломлена! Видя, что нельзя ѣхать въ каретѣ, я послалъ своего егеря нанять какой-нибудь экипажъ, но въ десять часовъ вечера, въ Воскресенье, да еще и въ мясоѣдъ; не найдешь ни людей, ни скотовъ на биржѣ. Въ такой крайности, я вдругъ вспомнилъ о бричкѣ, которую купилъ моимъ людямъ ѣздить въ деревню. Она крытая: мы будемъ подъ защитой. Вздумаю, сдѣлано. Черезъ пять минутъ лошади впряжены въ бричку; но тутъ-то предстояла трудность, какъ усадить въ нее мою Минету, съ ея брилліантами, съ перьями и съ креповымъ платьемъ. Ну она спорить со мною: «И смѣшны-то мы будемъ! и всѣ-то станутъ надъ нами смѣяться! И всѣ-то будутъ указывать на насъ пальцами! И ноги-то она переломаетъ! И платье-то изомнетъ! И брилліанты-то свои растеряетъ! И перья-то ея распадутся!» Наконецъ объявила, что она никогда не сядетъ въ такую дрянную повозку. «Вотъ тебѣ на!» сказалъ я: «если не сядешь, такъ тебя посадятъ. Велика ли бѣда, что мы пріѣдемъ не въ каретѣ, а въ бричкѣ? Всякой только скажетъ, что мы пріѣхали въ бричкѣ, а не въ каретѣ: вотъ и все тутъ. Поговорятъ, а потомъ и перестанутъ; а ты все-таки будешь г-жа Мениваль; твое платье и твои брилліанты не подурнѣютъ отъ того, что прокатаются въ бричкѣ; а между тѣмъ ты будешь на балѣ, и будешь веселиться, вмѣсто, чтобъ сидѣть дома и плакать съ досады, — да еще

бѣдный Долеривъ, который теперь дожидается насъ на балъ, ужасъ какъ перетревожится, не видя насъ!» Наконецъ, насилу, насилу, я уговорилъ ее, и мы поѣхали.

— Счастіе для насъ и для нашего бала, что вы въ томъ успѣли! возразилъ графъ Рошбель, съ свойственною ему учтивостию: вы угадали, что присутствіе ваше необходимо, для полнаго нашего удовольствія, и мнѣ остается только благодарить васъ за оказанное къ намъ снисхожденіе.

Потомъ, обращаясь къ женѣ, — графиня, прибавилъ онъ: поручаю вамъ г. Мениваля; потрудитесь устроить для него партію въ вистъ.

Всѣ окружили Мениваля, всѣ его привѣтствуютъ, ласкаютъ; спрашиваютъ, какъ напился пьянъ его кучеръ, какъ переломилась ось кареты коричневаго цвѣта, какъ жена спорила съ нимъ до ссоры, и прочая. И Мениваль въ восхищеніи, что всѣ имъ такъ занимаютъ! Онъ внутренно не можетъ нарадоваться, что превозмогъ всѣ препятствія, и пріѣхалъ насладиться этимъ великолѣпнымъ праздникомъ.

— Вотъ, безспорно величайшій мудрецъ изъ всего общества, сказалъ г. Мюренъ, подошедши къ г-жѣ Деверрьеръ: онъ насмѣхается надъ насмѣшками!

— Какъ! вы называете его мудрецомъ? возразила она, расхохотавшись. Да посмотрите только, съ кѣмъ жена его танцуетъ уже въ третій разъ?

— Вижу. Съ полковникомъ Долеривомъ.

— Ну, признайтесь, что если бъ вашъ мудрецъ лишилъ себя удовольствія привезти сюда свою дражайшую половину въ телѣжкѣ, за тѣмъ, чтобъ дать ей средство срамить себя и его во все продолженіе бала, онъ былъ бы тогда, по-крайней-мѣрѣ, умнѣе.

— Ахъ, Боже мой, какъ вы ошибаетесь! Тогда бѣднѣйшій мужъ не зналъ бы, куда дѣваться цѣлую недѣлю. Жена бы его дулась; она бы замучила Долерива своею ревностію за то, что онъ смѣлъ повеселиться на балѣ, гдѣ ея не было; и Богъ знаетъ еще, что бы изъ этого вышло. Повѣрьте, никто не умѣетъ жить на свѣтѣ лучше этого толстаго Менивала: взгляните только на его всегда довольный видъ, на его безсмѣнную улыбку!

Разговоръ былъ прерванъ приближеніемъ хозяина дома, который подошелъ къ г-жѣ Деверрьеръ съ намѣреніемъ наговорить ей тму привѣтствій на счетъ ея красоты и наряда. Но слова его замирали; онъ былъ блѣденъ какъ смерть, дыханіе спиралось, голосъ дрожалъ; вмѣсто улыбки, какое-то судорожное движеніе выражалось на всѣхъ чертахъ лица его. Онъ заговорилъ-было объ удовольствіи, съ какимъ видѣлъ такое блистательное общество въ своемъ домѣ, но вся наружность противорѣчила его увѣреніямъ.

Онъ потерялъ нѣсколько значительныхъ пари въ экартѣ, и проигралъ множество робберовъ Менивалю, который, будучи увѣренъ въ своемъ счастьи, игралъ въ вистъ по самой большой, — что часто доставляло ему честь участвовать въ партіи знатныхъ особъ. Хотя не равной съ ними силы, онъ почти всегда ихъ обыгривалъ: столько-то полное вниманіе ограниченнаго ума имѣетъ преимущества передъ соображеніями самыхъ тонкихъ, но разсѣянныхъ умовъ.

Усиливаясь продолжать разговоръ съ г-жею Деверрьеръ, графъ Рошбель глазами искалъ жены, которая, чувствовала, понимала этотъ взглядъ, и поспѣшно удалилась отъ Дартенѣ. Она подошла къ тому мѣсту, гдѣ мужъ ея разговаривалъ съ ея пріятельницею. Дартенѣ послѣдовалъ за нею, и пришелъ жало-

ваться графу, что жена его отказывается танцевать съ нимъ галопъ.

— По-истинѣ, говорилъ онъ: графиня обременяетъ меня самымъ обиднымъ презрѣніемъ, и я прибѣгаю къ супружеской власти, чтобъ умѣрить ея жестокость. Мнѣ предпочитаютъ крошечнаго Левиса, конечно потому что онъ ужасно безобразенъ. Хотя это достоинство не изъ послѣднихъ, но я не хочу, чтобъ меня приносили въ жертву такому идолу. Ссылаюсь на г-жу Деверрьеръ: пусть она разсудитъ!

— И точно, отвѣчала она: да вы тысячу разъ правы! Только вы напрасно такъ сильно жалуетесь на вашу участь: знаете ли, что на мѣсть графа, я бы лопнула отъ ревности; именно отъ того, что вамъ предпочитаютъ безобразнаго Левиса?

— Въ самомъ дѣлѣ, возразилъ графъ, улыбаясь съ большою пріятностію: я думаю, что мнѣ надо бы послѣдовать вашему совету. Такая жестокость выказываетъ обыкновенно противоположныя чувства, весьма опасныя для мужей. Но что жъ дѣлать! Я не могу противиться моей участи.

— Это-то всего и хуже! подхватилъ Дартенё. Когда ревность мужа не помогаетъ намъ, бѣднымъ волокитамъ, тогда прощай вся надежда на успѣхъ.

— Я отъ этого въ отчаяніи! повторилъ графъ, не оставляя ироническаго тона: но несмотря на все мое желаніе угодить вамъ, не могу сдѣлаться посмѣшищемъ и быть ревнивымъ мужемъ.

— Однако, ваше спокойствіе обнаруживаетъ такую непростительную самонадѣянность, что становится даже обиднымъ для бѣднаго Дартенё, прервала г-жа Деверрьеръ: это выводитъ меня изъ терпѣнія, и я пе-

рехожу къ непріятелю, — предупреждаю васъ. Если намъ удастся промучить васъ весь балъ, я буду въ восхищеніи! Прошу тебя, милая Албертина, помоги нашему заговору, и доставь намъ удовольствіе потышиться ревностію твоего мужа: онъ заслуживаетъ это маленькое наказаніе за свою дерзкую безпечность.

Албертина знала, какъ понимать мнимую безпечность своего мужа. Она улыбнулась вмѣсто отвѣта; потомъ, немного покашляла, — что всегда случается съ молодою женщиною, когда она не знаетъ, что отвѣчать.

Отчего въ этомъ вѣкъ просвѣщенія и утонченности бальныя празднества такъ невеселы? Оттого, что нѣтъ ни искренности, ни радушія между веселящимися. Никто не старается даже скрывать своего недоброжелательства къ другимъ: его можно читать во всѣхъ взорахъ. Каждая женщина, хорошая и дурная, непременно подвергается игу враждебнаго наблюденія, столь же неумолимаго для прелестей, какъ и недостатковъ. Это убѣжденіе даетъ принужденный видъ всѣмъ красавицамъ; а которыя изъ нихъ посмѣлѣе, тѣ сами заняты мыслию острить стрѣлы мщенія, злословія и досады, въ уплату врагамъ своимъ. На балъ нынѣ всѣ осторожны, всѣ боятся другъ друга: гдѣ жъ тутъ веселье, которое основывается только на общей довѣренности, на общей благосклонности присутствующихъ? Чтобъ увѣрить другихъ въ своей веселости, всѣ шумятъ, хлопчутъ; чтобъ скрыть непріятность или оскорбленіе, всѣ показываютъ видъ торжествующій; наконецъ, каждый болѣе или менѣе измученъ тысячью ничтожныхъ терзаній самолюбія, — и отъ того-то всѣ эти пышные праздники суть собранія самыя скучныя, самыя печальныя.

Особенно, когда первые дневные лучи уже скользят сквозь затворенныя ставни, и блескомъ своимъ затмѣваютъ тусклый свѣтъ лампъ и свѣчей; когда усталость примѣшивается къ грусти, неразлучной спутницѣ угасающаго удовольствія, — тогда-то въ полной мѣрѣ обнаруживаются пустота и смущеніе, которыя то же самое удовольствіе заронило въ душу, созданную для радостей чистыхъ и безмятежныхъ!

Графиня Рошбель томно принимала послѣднія привѣтствія разъяжающихся гостей; она оставалась одна въ обширныхъ, великолѣпно убранныхъ комнатахъ, гдѣ разсыяныя мебели, деревья, кустарники и цвѣты, напудренные пылью, доказывали и многочисленность разсыявшейся толпы, и неутомимость движеній, продолжившихъ праздникъ до самаго утра.

Эта минута спокойствія, наступающая послѣ шума, обыкновенно бываетъ посвящена исчисленію всѣхъ чувствованій, испытанныхъ въ теченіе вечера. Нежная красавица спрашиваетъ себя, не слишкомъ ли она слушала, не сказала ли чего лишняго. Чистосердечіе борется съ хитростію разсудка, и долго, долго побѣда остается нерѣшенной. Воспоминанія сердца смущаютъ его, беспокоятъ, но лукавыя софизмы какъ тутъ, чтобъ назвать реблчествомъ опасенія, чтобы внушить, что добродѣтель не боится ни какихъ искушеній. Этого рода софизмы удивительно нравятся женщинамъ, и Албертина предавалась имъ, какъ и многія другія. Она не могла, однако же, не признаться себѣ самой, что романъ, затѣваемый Дартенсемъ, уже сильно занималъ ея воображеніе; но, твердо убѣжденная въ силу своего разсудка, она ни мало не сомнѣвалась, что всегда останется выше всѣхъ затѣй обольщенія. Увѣренная въ своей добродѣтели, она надѣялась избѣгнуть незаслуженнаго несчастія.

Если бъ Графъ не приглашалъ къ себѣ Дартенѣ такъ настойчиво при каждомъ случаѣ, начатый молодымъ вѣтренникомъ романъ остановился бы на первой страницѣ. Но каждый день видѣть, слушать челоуѣка, который нравится, привыкать къ его услугамъ, къ его попеченіямъ, — не значить ли уступать поменьку свое сердце? И Албертина сама скоро примѣтила, что дала слишкомъ много надъ собою власти тому, кого мужъ ея называлъ, съ колкою улыбкою, достойнѣйшимъ изъ ея обожателей!

Но Албертина не напрасно была такъ убѣждена въ своей добродѣтели. Какъ скоро увидѣла и постигла всю опасность своего положенія, она приняла твердое намѣреніе убѣгать Дартенѣ, сколько позволитъ упрямое самолюбіе мужа. Она сдѣлала болѣе: рѣшилась просить самого Дартенѣ посѣщать ее гораздо рѣже, заниматься ею менѣе. Она говорила ему, что боялась подвергнуться злословію; но его трудно было обмануть. «Долгъ всего сильнѣе въ ея душѣ!» подумалъ онъ: «она жертвуетъ мною, мною, котораго обратила къ истинной любви! Она не боится довести меня до отчаянія. О, если бъ я могъ причинить ей столько же мученій, сколько я самъ ихъ терплю!»

Огорченный, но вмѣстѣ съ тѣмъ и восхищенный такою добродѣтельною въ обожаемой имъ женщинѣ, Дартенѣ вздумалъ возбудить ея ревность.

Г-жа Мениваль была хороша собою, и притомъ ее можно было встрѣчать вездѣ, — на гуляньяхъ, на балахъ, въ театрѣ, и между-тѣмъ она отлично принимала у себя всѣхъ, кто только желалъ быть знакомъ въ ея домѣ. Дартенѣ избралъ ее для исполненія своихъ намѣреній, и менѣе чѣмъ чрезъ недѣлю, столько успѣлъ въ своемъ предпріятіи, что всѣ пріатели по-

здравляли его съ благосклонностію г-жи Мениваль. Сама Графиня Рошбель не могла не пошутить надъ его новою страстію, съ улыбкою на лицѣ, съ крупными слезами на глазахъ.

Одинъ только человекъ взбунтовался противъ удачи Дартенё. Каждый пойметъ, конечно, что этотъ мятежникъ былъ не г. Мениваль. Нѣтъ! другъ его, Долеривъ, не могъ видѣть безъ досады, что столь опасный соперникъ былъ такъ отлично принятъ хорошенькою г-жею Мениваль. Онъ сталъ дѣлать упреки; надъ нимъ смѣялись, и Долеривъ, видя, что никакъ не можетъ преодолѣть прихоти избалованной кокетки, взялся просто за самого Дартенё.

Это было въ театрѣ: причины къ спору нашлись очень скоро между людьми, которые хотѣли ссориться. Какое-то политическое разсужденіе послужило предлогомъ: Долеривъ, осмѣявъ и разбранивъ своего соперника, вынулъ его требовать удовлетворенія.

При этой ссорѣ были свидѣтели; одинъ изъ нихъ, конечно изъ участія, поспѣшилъ въ ложу г-жи Мениваль, чтобъ пересказать ей, что случилось между Долеривомъ и Дартенё.

— Вотъ глупость! вскричалъ г-нъ Мениваль: видано ли ссориться до драки за какой нибудь проектъ закона! Ай-да молодцы! Есть за что побраниться! Но ужъ этого-то я не допущу! я заставлю ихъ быть умными вопреки имъ самимъ.

Выговоривъ это, онъ вышелъ изъ ложи съ намѣреніемъ отыскать своего пріятеля, Долерива; но его ужъ не было въ театрѣ. Когда Мениваль возвратился къ женѣ, она была такъ блѣдна, и такъ встревожена, что самъ мужъ совѣтовалъ ей вѣхать домой.

Неизвестно навѣрное, за котораго изъ двухъ противниковъ г-жа Мениваль наиболее беспокоилась; но надо полагать, что старая привязанность была въ этомъ случаѣ сильнѣе минутной прихоти. Притомъ, какая женщина, считающая себя причиною дуэля, не будетъ въ отчаяніи? Однако все, что сожалѣніе, страхъ, угрызеніе совѣсти и даже сама любовь ни внушали въ ту минуту г-жѣ Мениваль, не могло еще сравниться съ изступленіемъ бѣднаго Мениваля. Онъ выходилъ изъ себя при одной мысли, что другъ его Долеривъ можетъ-быть убить или пострадать отъ дуэля, затѣяннаго такъ глупо, по поводу какой-то политической бессмыслицы.

На слѣдующее утро, съ шести часовъ, Мениваль уже у Дартенэ, уже ублажаетъ его и упрашиваетъ, чтобъ онъ не находилъ ни какой обиды въ маленькой вспыльчивости его друга. Никогда отецъ, ни братъ, оспаривающій у самаго грубаго предразсудка жизнь любимѣйшаго предмета въ мірѣ, не выражался съ такимъ жаромъ и усердіемъ. Но Дартенэ остался неколебимъ.

— Право, сказалъ онъ своимъ секундантамъ, когда Мениваль уѣхалъ: право можешь на себя надѣяться, когда имѣлъ довольно духу слушать цѣлый часъ этого толстяка, безъ смѣха! Онъ такъ боится, чтобъ я не убилъ любовника его жены, что мнѣ даже жаль его.

Надѣясь болѣе подѣйствовать на Долерива, Мениваль летитъ къ нему; но тотъ уже уѣхалъ въ Сень-Манде. Тогда Мениваль рѣшается на все, лишь бы предупредить несчастіе: онъ велитъ кучеру гнать лошадей во весь духъ, чтобы настичь коляску Дартенэ; наконецъ, достигаетъ мѣста сраженія, но уже въ ту минуту, когда секунданты обѣихъ сторонъ помогали

переносить, — увы! — тяжело раненаго Домерива, который утопалъ въ крови, и отъ сильной слабости лишень былъ чувствъ. Дартенé, блѣдный, встревоженный, обремененный раскаяніемъ, оказываетъ ему живѣйшее участіе и самыя нѣжныя попеченія; но Мениваль, въ неистовствѣ, отталкиваетъ палача отъ жертвы и, надъ безчувственнымъ другомъ, изливаетъ всю свою горестъ и весь свой гнѣвъ.

— Поберегите больнаго, сударь! говорятъ ему: вы слишкомъ придавили его рану.

Мениваль ничего не слышитъ; онъ кричитъ, мечется, терзается, такъ, что легко бы могъ уморить Домерива, если бъ тотъ пришелъ въ чувство.

— Не мѣшайте намъ помочь ему, сказалъ наконецъ Дартенé, повернувъ прочь толстаго Мениваля такъ шибко, что онъ насилу опомнился. Между тѣмъ, къ раненому подошелъ лекаръ съ инструментами, катаплазмами и лекарствами.

Перевязавъ рану, хотѣли перенести больнаго къ нему въ домъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, господа! вскричалъ опять Мениваль. Я не потерплю, что бы моего лучшаго друга отнесли въ его пустую, холостую комнату, гдѣ не кому будетъ за нимъ и присмотрѣть. Ко мнѣ, ко мнѣ его! У меня всегда сыщется для него мѣсто. Онъ найдетъ у меня все, чего требуетъ его положеніе, и мы сами будемъ беречь его. Жена моя такъ добра, такъ сострадательна къ больнымъ! Ахъ, Боже мой, лишь бы попеченія наши послужили ему въ пользу!

Дартенé и всѣ, тутъ бывшіе, слишкомъ хорошо знали, какъ сильно подобное приглашеніе могло подействовать на выздоровленіе Домерива, и немедленно согласились.

— Погодите минуту, господа, сказалъ Мениваль, немного не доходя до своего дома. Надо предупредить жену, а то можно уморить ее со страха. Дайте мнѣ показаться ей напередъ, чтобъ она не думала, что это меня несутъ къ ней въ такомъ положеніи: бѣдняжка перепугалась бы до смерти!... Пойдите тутъ! Я вернусь къ вамъ, лишь только ее приготовлю. Ахъ, Боже мой, какое происшествіе!

Мениваль бѣжитъ готовить жену, а пріятели его, оставшіеся на улицѣ, смѣются надъ его ослѣпленіемъ. Что жъ дѣлать! всѣ люди такъ созданы. Когда что-нибудь насъ размѣшитъ, мы готовы смѣяться и надъ тѣломъ умирающаго. А что могло быть смѣшнѣе Мениваля въ этомъ случаѣ!

— Не пугайся, моя Минеточка! вскричалъ Мениваль, отворивъ настежь дверь въ комнату жены. Во-первыхъ, ты видишь, что я живъ и цѣлъ.

— Ахъ, Боже мой! вы меня пугаете, вскрикнула г-жа Мениваль, встревоженнымъ голосомъ. Что такое случилось! Эдгаръ....

Она не могла продолжать, и упала въ кресла, почти безъ дыханія.

— Полно, полно, будь умнѣе! возразилъ мужъ: вѣдь ты видишь, что со мною ничего не случилось, хоть я чуть не переломилъ себѣ шею, гнавшись за ними безъ памяти, и перескакивая чрезъ эти проклятые рвы, чтобъ ихъ догнать. Но все это, слава Богу, кончилось только однимъ испугомъ и горестію видѣть паденіе бѣднаго Домерива.

Пронзительный крикъ вырвался изъ груди г-жи Мениваль.

— Но лекаря не отнимають еще у насъ надежды, продолжалъ онъ: и конечно, наши попеченія....

— Такъ онъ не умеръ? вскричала она.

— Нѣтъ, слава Богу, — не умеръ! Кто жъ тебѣ сказалъ, что онъ умеръ? Я принесъ его на носилкахъ, за собою: онъ тамъ, внизу; но я не хотѣлъ, чтобъ ты видѣла это жалкое шествіе, не бывъ предупреждена мною.

Пока онъ кончалъ свой рассказъ, г-жа Мениваль уже летѣла навстрѣчу раненому. Онъ ожилъ при звукѣ ея голоса. Восхищеніе видѣть ее, читать безпокойство на ея лицѣ, мститъ ей опасностію своего положенія, — столько сладкихъ ощущеній вдругъ произвели благотворное обращеніе крови въ жилахъ больного, и онъ возвратился къ жизни. Рана его была глубока; но искусный врачъ умѣлъ залечить ее. Мнѣе нежели черезъ восемь дней, Долеривъ былъ уже внѣ опасности. Не лзя пріискать словъ, чтобъ описать, какъ онъ былъ счастливъ во время своего выздоровленія. Возвращеніе къ удовольствіямъ жизни, радость г-жи Мениваль и эта шумная веселость добраго Мениваля, который не переставалъ рассказывать, какъ онъ спасъ и вылечилъ своего друга, составляли картину несравненную.

Между-тѣмъ, какъ любовь, миръ, довѣренность и спокойствіе царствовали у Мениваля, домъ г-на Рошбеля былъ непрерывнымъ позорищемъ самыхъ горькихъ бѣдъ. Ревность графа могла бы немного утихнуть послѣ дуэля между Долеривомъ и Дартенѣ, происшедшаго, какъ всѣ знали, изъ соперничества ихъ въ любви къ г-жѣ Мениваль, но графъ примѣтилъ блѣдность на лицѣ жены своей, когда ей объ этомъ

разсказывали, и этого было довольно, чтобъ удостоверить его въ мнимомъ его несчастіи. Онъ почиталъ себя обманутымъ. Хотя Албертина, чтобъ его успокоить, прервала всѣ сношенія съ Дартенё, перестала принимать его у себя, даже говорить съ нимъ въ чужихъ домахъ; хотя непорочность ея могла быть ему известна, какъ была всему обществу, однако мысль, будто онъ играетъ въ свѣтъ роль обманутаго мужа, завладѣла умомъ его до такой степени, что потрясенный мозгъ его не перенесъ сего испытанія, и счастливый супругъ лишился разсудка.

Несмотря на всѣ жестокія его несправедливости, жена его не покинула; и нѣжная, нѣкогда блестящая графиня Рошбель, теперь добровольно заключила събя дома, въ сообществѣ сумасброда, который непрерывно обижаетъ ее и злословитъ, который, можетъ стать, уже нанесъ бы ей смертельный ударъ въ своемъ неистовствѣ, если бъ приставленные къ нему смотрители не воспрепятствовали.

— Это бѣдный Рошбель! говоритъ Мениваль. Ну, не глупо ли, съ его стороны, сойти съ ума, потому что Дартенё вздумалъ поволочиться за его женою? Не онъ развѣ, хозяинъ въ домѣ, и не могъ ли онъ сказать на-отрѣзъ женѣ, какъ я бы сказалъ своей, если бъ такая мысль могла помѣститься въ мой головѣ: «Минеточка моя! этотъ господинъ очень милъ, я въ томъ согласенъ.» Говоря это, Мениваль взялъ Долерива за руку. «Но какъ онъ слыветъ въ свѣтъ твоимъ любовникомъ, то позволь мнѣ, со всею возможною учтивостію, выпроводить его за дверь.» Онъ довелъ пріятеля своего, Долерива, до двери, между тѣмъ-какъ смятеніе послѣдняго равнялось только удивленію всѣхъ присутствовавшихъ, которые не знали, чѣмъ все это кончится. Мениваль, слѣдуя своей мысли, и

не заботясь, какой видъ дѣлають зрители, продолжалъ: «Мнѣ очень жаль, милостивый государь,» сказалъ бы я ему: «но какъ я взялъ жену собственно для себя, то вы меня извините, что я не намѣренъ дѣлиться ею съ вами. Въ слѣдствіе сего, извольте, сударь, вонъ изъ моего дома. И сказавъ это,» — тутъ Мениваль выпустилъ руку Долерива и сталъ у камина, — «я бы возвратился къ своимъ привычкамъ. Жена моя, не имѣя красавца передъ своими глазами, скоро бы его забыла, а я бы сберегъ и жену и разсудокъ.»

— Вотъ истинный философъ! вскричалъ какой-то шалунъ изъ бывшихъ въ залѣ.

— Ахъ, Боже мой, какъ я испугалась! сказала тихонько г-жа Мениваль Долериву.

— Философъ, или нѣтъ, я этого не знаю, возразилъ Мениваль! Но я доволенъ участію, которую послало мнѣ небо: вѣрная жена, неизмѣнный другъ, прекрасныя дѣти, веселые товарищи, которые всегда со мною смѣются, здоровье, довольство, достатокъ, — съ такими выгодами, можно назвать себя счастливымъ! Не правда ли?»

И всѣ съ нимъ согласились.

АННА СЕТИКОВА.

ДОМОРОЩЕННЫЕ ГЕНИИ.

=

Кто изъ васъ видалъ эти странные характеры, которые нерѣдко возникають въ шумную эпоху раскаленной и молотами обдѣльваемой образованности, въ странахъ наскоро просвѣщающихся въ искусственномъ жару парниковъ? Всѣ вы ихъ видали! Характеры, имѣющіе всю тонкую чувствительность поэтическаго гениа, и лишеныя его могущества, — его раздражительное сложеніе, — его сердитую надменность, — его раннее влеченіе къ побѣгу отъ житейскихъ удовольствій, чтобъ поселиться въ одной мечтѣ, лихорадочной и завистливой, чтобъ окопаться въ одной системѣ, обыкновенно чужой, и оттуда стрѣлять по всѣмъ картечью наглыхъ сужденій и желчію? Это доморощенные гении. Это люди, которымъ Природа даровала способности, часто даже гениальныя; которымъ отказала она въ умѣ чистомъ и ясномъ; которымъ отрывочное воспитаніе не дало опредѣленной цѣли; которыхъ понятія не упрочились на основательномъ ученіи; которые алчутъ славы, пишутъ, тщатся, хвалятъ, бранятъ, презираютъ — и все невпопадъ; которые мучатъ общество своими неполными, полусовершенными дарованіями, своимъ домогательствомъ умственнаго величія, и которыхъ общество мучитъ взаимно своимъ равнодушіемъ. Смѣшные для многихъ, для насъ они представляютъ печальное зрѣлище. Оно печально даже и въ такомъ случаѣ, когда, какъ, въ примѣръ Байрона и Руссо, украшено всѣмъ блескомъ успѣха, поставлено въ длинной галереѣ славы, и предназначено быть безсмертнымъ. Съ какимъ же прискорбіемъ не должно смотрѣть на эти грустныя картины, когда еще цвѣта ихъ видимобле-

кнутъ при глазахъ зрителя; когда знаешь, что скоро будутъ онѣ брошены въ уголь, межъ лохмотье вѣка, презрѣны, забыты! Это добровольное озлобленіе на людей, на таланты, на чужія извѣстности, въ которомъ счастье пропадаетъ даромъ, — эта болѣзненная щекотливость въ отношеніи къ общему и частному мнѣнію, громко презираемому съ столь же болѣзненною спѣсью, — это пожертвованіе здоровьемъ и тѣла и сердца, — эта мечтательная юность, — этотъ нелюдимый зрѣлый возрастъ, — эта недовольная, но все еще предпримчивая старость, — мрачная бровь безъ лавроваго вѣнка, — терзанія Руссо безъ его торжествъ. Мы не преувеличиваемъ несчастнаго положенія въ мірѣ подобныхъ людей, — людей, которые увѣрены въ томъ, что они необыкновенные умы, чувствуютъ даже огонь генія въ груди, и между-тѣмъ, помилости кореннаго порока въ головѣ или воспитаніи, лишены возможности убѣдить въ этомъ публику, и между-тѣмъ переходятъ изъ неудачи въ неудачу, изъ полусуспѣховъ въ конечное забвеніе. Сильное понятіе о внутреннемъ своемъ достоинствѣ, о правахъ своихъ на знаменитость, окружаетъ ихъ густымъ облакомъ самолюбія, ласкаетъ, прельщаетъ, обманываетъ до самаго края пропасти. Устарѣвъ въ склонностяхъ и привычкахъ генія, они принимаютъ склонности за рѣшительныя дарованія, и въ привычкахъ видятъ его доказательства. Въ литературныхъ и художественныхъ занятіяхъ есть счастье, — счастье высшее, отвлеченное, неприступное для людей обыкновенныхъ: но ощущаютъ ли его эти неудавшіеся Тассы, Гиббоны, Шеллинги? Нѣтъ, они его не знаютъ. Изъ всѣхъ пріятностей званія имъ извѣстно только уединеніе.

Неоспоримо, что во всѣхъ вѣкахъ большая часть великихъ умовъ обнаруживала явное влеченіе къ нелюдимости. Это слѣдствіе любви къ одиночеству, —

любви, столь свойственной созерцательнымъ душамъ, — склонности, въ сущемъ своемъ себлюбивой. Это кузальня, въ которой умъ освѣжается, выравнившись изъ лихорадочной атмосферы толпы; въ которой укрѣпляются нервы понятія, очищается сужденіе. Временное удаленіе отъ свѣта безъ-сомнѣнія, полезно: литературные характеры естественнымъ образомъ очень чувствительны; ихъ дѣйствія такъ тѣсно связаны съ исканіемъ общественнаго уваженія, что они легко подвергаются огорченіямъ, преувеличиваютъ испытанныя непріятности, даже ихъ себя выдумываютъ. Тогда имъ необходимо спокойствіе: оно возобновляетъ силы тѣлесныя и душевныя; рассматривая издали обстоятельство, наполнявшее насъ печалью, мы часто даже удивляемся, что привидніе исчезаетъ въ лучѣ чистѣйшаго свѣта: и какъ нельзя разстаться съ желаніемъ славы, то, съ его возвращеніемъ, возвращается въ насъ и благоволеніе къ тѣмъ, которые славою платятъ намъ за приносимую имъ пользу. Изъ пещеры, которую показывали еще во времена Плутарха, именно изъ пещеры, выходилъ Демосѣенъ съ новымъ сердцемъ и новымъ могуществомъ, чтобъ оглашать Грецію громомъ своего божественнаго краснорѣчія. Но отлучки отъ общества должны быть кратковременны: употребленіе ихъ благородно, злоупотребленіе — губительно. Есть одиночество божества и одиночество дикаго звѣря. Человѣкъ рожденъ для того, чтобы жить съ собой подобными, — да и самая Поэзія обитаетъ въ людяхъ, а не въ пустынь. Благорасположеніе къ ближнему — первая его общественная добродѣтель. Пифагоръ говорилъ, что «человѣкъ долженъ быть зрителемъ жизни;» Баконъ, — что «въ театрѣ человеческой жизни одинъ Богъ и его ангелы имѣютъ право быть зрителями». Пифагоръ и Баконъ оба равноправны: умы, призванные прививать къ обществу, къ

вѣтъкъ своей мысли, должны по-переменно жить съ людьми для ихъ и своей пользы, и по временамъ уединяться для наблюденія. Но уединеніе гордое, упрямое, питающее немилосердіе, раздувающее въ сердцѣ ненависть, — смрадная и звонкая пещера, изъ которой исходятъ зловѣщія прорицанія, — это не пріютъ генія, а пріютъ зависти, которая въ вѣчной войнѣ съ геніемъ, съ талантомъ, со всѣмъ, что только выше посредственности, и имѣетъ право на отличіе. Тамъ обыкновенно затворяются съ досады тѣ, которые, промотавъ по пустыкамъ свои самородныя дарованія, ничего не сдѣлали ни для себя, ни для людей.

Слѣдствія этого гнѣвнаго отложенія отъ человечества, этого скопленія всѣхъ лучей раздраженной мысли въ единомъ фокусѣ своего лица, для нихъ же самихъ ужасны: Молодые люди! если вы получили отъ Природы зародышъ силы, невольно увлекающей человѣка къ авторской славѣ, вникните въ нихъ порядкомъ, чтобъ умѣли вы избѣгнуть ихъ приличнымъ развитіемъ и употребленіемъ своихъ способностей. Первое изъ этихъ слѣдствій — искривленіе всего характера. Скоро привыкаете вы не признавать въ мірѣ никого кромѣ себя самихъ, дѣлаетесь для себя богами, и тѣхъ, которые смѣютъ оспаривать ваши притязанія, считаете почти извергами, поносителями святыни. Вы тогда похожи на тѣхъ древнихъ географовъ, такъ забавно осмѣиваемыхъ Плутархомъ, которые, начертавъ дурную карту маленькаго участка земли, извѣстнаго ихъ невѣжеству, все, что лежало внѣ его, означали словами — Непроходимыя пещеры и Страшныя пустыни. Вы, ваши занятія и мнѣнія, вашъ кругъ, ваши обожатели или льстецы, — вотъ ваша географическая карта: а тамъ далѣе живутъ антропофаги, люди, питающіеся человеческимъ мясомъ, и уроды «съ головою, растущею ниже плеча». И это разобщеніе мысли и сердца со

свѣтомъ постепенно разрушить красоту гения и сновитость характера: вы сдѣлаетесь смѣшными и жалкими!.....

О, если тогда избѣгнете выпирмѣра ужасной моды, свирѣпствующей теперь въ литературномъ мѣрѣ, моды писать свои записки, картины своего вѣка, очерки своихъ современниковъ, анекдоты о вашихъ недображелателяхъ, жалобы на несправедливость, зависть, злобу, — если вы ея избѣгнете, я назову еще васъ счастливыми! Но врядъ ли оборонитесь вы отъ настойчивости больнаго, покрытаго ранами самолюбія. Оно принудитъ васъ торжественно отдать самимъ себя справедливости. И что жъ вы скажете вашимъ читателямъ? О врагахъ — все дурное; о себѣ — все я — я — и я! Больше вы о себѣ сказать не можете. Благодаря песообразному издержанію вашихъ способностей, вы никогда не возвысились ни до той восхитительной вѣжности чувствованія, которою дышатъ гениальныя страницы автобіографіи Руссо, хотя и набитыя съ верху до низу собственною его особою, ни до тѣхъ неземныхъ стоновъ о Тирзѣ, которыми Байронъ заставляетъ простить себѣ его презрѣніе къ нашему роду. Для вашихъ «Ночныхъ Мечтаній» нѣтъ Нарсиссы, для вашего «Пильгримствованія» нѣтъ Ады. Вы остаетесь, передъ лицомъ строгаго судьи, одни съ вашимъ сухимъ самолюбіемъ да съ вашимъ отвратительнымъ — я!

Мы отнюдь не оуждаемъ безусловно всякихъ признаній публикѣ, біографій мнѣнія и мысли: они составляютъ важную и прелестную часть Словесности. Но, для благороднаго признанія, надо по-крайней-мѣрѣ заpastись въ жизни прекрасными чертами, многими достойнымъ вниманія. Мы не произносимъ тоже анафемы всему самолюбію: только злоупотребленіе его опасно и недостойно. Извѣстная степень самоуваженія не только весьма естественна высшимъ умамъ,

но даже необходима для полного ихъ дѣйствія. Безъ этого, мы только эхо пошлыхъ криковъ толпы, ея рабы и жертвы. Кто отказалъ въ почтеніи и соучастіи Мильтону, за его частыя обращенія къ своей особѣ? Быть можетъ, во всемъ архивѣ Литературы нѣтъ другихъ строкъ, столь самолюбивыхъ, какъ слѣдующія: «Что касается до свѣта, то я считаю «его не гостинницей, но госпиталью; мѣстомъ, куда пришелъ я не жить, а умереть. Свѣтъ, который созерцаю, это — я! Въ мой собственный міръ, «въ маленькій міръ моей твари углубляю я свое «вниманіе, а тотъ міръ — я только его потребляю, «какъ мой шаръ, — и верчу имъ иногда, для своей «забавы. Люди, которые смотрятъ на меня извнѣ «да мѣряютъ меня по моему званію и богатству, «ошибаются на счетъ моей высоты: я выше Атласа, «взятаго вмѣстѣ съ вселенною, что у него на плечахъ!..... Земля — точка непримѣтная, не «только въ отношеніи къ небу, которое надъ нами, «но и въ сравненіи съ священною, небесною частицею, которая въ насъ. Эта масса плоти, которую «я окруженъ, не очерчиваетъ моего ума. Эта геометрическая площадь говоритъ мнѣ, что и небеса «имѣютъ свой предѣлъ; но она не въ силахъ доказать мнѣ, чтобъ я имѣлъ какой-либо. Въ моемъ «кругу болѣе трехъсотъ шестидесяти градусовъ. Хотя мое тѣло и можетъ быть измѣрено числомъ отъ «длений дуги, но для угла моего ума нѣтъ чиселъ «въ мірѣ. Когда силою постигнутъ, какъ образую «я микрокосмъ, маленькій міръ, право, я нахожу, «что я больше великаго! Часть божества несомнѣнно «принадлежитъ намъ, — нѣчто такое, что было «еще до стихій, и что необязано поклономъ ничему «подъ солнцемъ. Кто меня не понялъ, тотъ не «знаетъ перваго своего урока, не смыслить и аза «въ грамотѣ человѣческой.»

Въ этомъ пышномъ отрывкѣ, торжественномъ шествіи порфириносной мысли, чувство собственного достоинства, самолюбіе, составляетъ еще красоту. Гордость великаго поэта дѣлаетъ гордымъ даже его читателя. Его признаніе облагороживаетъ цѣлый родъ человѣческой. Но Мильтона Богъ одарилъ, кромѣ гениа, еще отличнымъ умомъ и здравымъ разсудкомъ, безъ которыхъ гений есть парадоксъ, ежели не донъ-кихотство. Да и почастию для него, онъ жилъ тому два столѣтія. Въ тѣ времена люди рѣже попадали въ доморощенные гении.

Есть пороки, собственно принадлежащіе извѣстнымъ вѣкамъ. Болѣзнь нашего — честолюбіе; не то сильное и похвальное честолюбіе, которое предполагаетъ себѣ цѣль, и стремится къ этой цѣли, но честолюбіе неопредѣленное, безпокойное, завистливое, которое ко всему стремится, всего хочетъ достигнуть, все обнять, захватить, поглотить; которое даже не знаетъ, удовлетворить ли его желанія это гигантское завоеваніе, которое пожираетъ свои собственныя внутренности, которое смѣшивается съ завистью, съ прихотями, со всеми ненавистными и низкими чувствованіями; которое заражаетъ даже умы здравые, души сильныя, дарованія возвышенныя. Почти нельзя вооружаться гнѣвомъ и сатирою противъ этого общаго порока, разлигаго почти во всемъ нашемъ поколѣніи. Увы! это скорѣе болѣзнь, — болѣзнь тяжкая, убійственная: не знаю, есть ли въ свѣтѣ казнь ужаснѣе, нравственная пытка мучительнѣе честолюбія безъ цѣли. Такъ осужденный на каторгу въ Трѣдъ-Мильскихъ мельницахъ идетъ непрерывно по колесу, покрытый потомъ, блѣдный, измученный, съ натянутыми мышцами, съ потухшими глазами, не зная куда идетъ онъ, не чувствуя ничего, кромѣ непрерывнаго и непреодолимаго волненія. Желаніе пылко, воля немощна. Необузданная жажда уснѣха пожираетъ душу, а силы, необхо-

димой для его пріобрѣтенія, не достаесть этимъ несчастнымъ. Они лѣнны, любятъ роскошь, ненавидятъ работу, предаются своимъ прихотямъ; и они же хотятъ богатства, славы, почестей, всего, что фортуна продаетъ, а не даетъ даромъ. Чѣмъ болѣе увѣрены они въ своемъ геніи, тѣмъ болѣе упорствуютъ въ недѣтельности, тѣмъ болѣе жалуется и клянутъ несправедливость судьбы. Отъ другихъ требуютъ всего, сами для другихъ ничего не дѣлаютъ; хотятъ, чтобы фортуна сама отыскала ихъ и посадила на торжественную колесницу; не хотятъ даже принять на себя труда взлѣзть на нее. Между-тѣмъ ихъ со всѣхъ сторонъ опережаютъ. Другіе, болѣе искусные, болѣе дѣятельные, болѣе счастливые получаютъ желанную награду; остается одно только горькое сожалѣніе о томъ, что награда, съ такимъ нетерпѣніемъ ожиданная, досталась соперникамъ. Чѣмъ болѣе виновны они противъ общества, тѣмъ болѣе на него сердятся и упрекаютъ его въ томъ, въ чемъ бы должны были упрекать самихъ себя. Тутъ начинаются жалобы, горесть, ярость; это не ненависть къ людямъ, но досада на нихъ; человекъ недоволенъ собою, и сердится за это на другихъ.

Если бы эти неудовольствія, это негодованіе являлись подъ старость, въ возрастъ остывшихъ жилъ, печальной и мертвой улыбки, въ возрастъ, для котораго надежда уже не существуетъ, для котораго даже и прошедшее сжедневно изглаживается; это было бы понятно: немощность желаній извинительна въ такомъ возрастѣ, когда все немощно, и тайная зависть простительна въ такія лѣта, когда человекъ уже лишился всѣхъ благъ, которыя вкушалъ прежде. Но это неопредѣленное честолюбіе, смѣшанное съ неспособностію и недѣлательностію, болѣзнь столь общая въ нашемъ вѣкѣ, что даже и юность заражена ею. Ей всего хочется: богатства, почестей, власти и все это

безъ труда, безъ вознагражденія, какъ будто и небо и люди ея данники. Большая часть этихъ честолюбцевъ вѣрить только въ свое собственное достоинство; они не знаютъ или не хотятъ знать, что достоинство безъ терпѣнія, безъ постоянства, безъ силы души, ничего не значить. Когда характеръ челоуѣка не соответствуетъ его темпераменту и желаніямъ, онъ несчаствѣйшій изъ людей. Честолюбіе требуетъ, чтобы онъ шелъ впередъ; недѣятельность, чтобы онъ оставался на мѣстѣ и жилъ въ нѣгѣ; какъ же управлять ему колесницею своей жизни, когда силы, движущія эту колесницу, дѣйствуютъ не дружно, не по одному направленію? Отъ этого несогласія въ способностяхъ рождается несчастная несообразность, дѣйствующая на всю жизнь челоуѣка.

Величайшій полководецъ нашего времени, Наполеонъ, очень хорошо распознавалъ эту неполноту характеровъ. Онъ говорилъ объ одномъ изъ своихъ маршаловъ: «Этотъ челоуѣкъ превосходный генералъ въ комнатѣ; но у него недостаетъ храбрости для исполненія своихъ плановъ на полѣ сраженія.» О другомъ: «Этотъ храбрѣйшій изъ моихъ солдатъ: какой бы генералъ вышелъ изъ него, если бы я могъ придать ему немножко разсудка и способностей!» Такъ и въ литературной жизни видимъ множество людей съ гениемъ безъ разсудка, съ разсудкомъ безъ генія.

Если бъ отъ насъ потребовали привести полный и разительный примѣръ несчастія, происходящаго отъ этой несообразности, живой образецъ, къ которому бы плотно примѣнялись всѣ предъидущія замѣчанія, мы избрали бъ для этого Сиръ Иджертонъ-Бриджза*.

* Мы уже говорили объ этомъ дивномъ челоуѣкѣ въ предъидущей книгѣ Б. для Ч., по поводу издавннхъ ннхъ Записокъ о своей жизни и своихъ современникахъ, подъ заглавіемъ — *The Autobiography, times, opinions and contemporaries of Sir Egerton Brydges, per legem tetrae Baron Chandos, of Sudeley*. Мы не ругаемся за степень спра-

Это въ полномъ смыслѣ слова — доморощенный гений. Мы его и избираемъ. Вы видите передъ собой чело-
вѣка, наиболѣе облагодѣтельствованнаго Природою и
наименѣе исполнившаго свое предназначеніе. Гени-
альный духъ, живая чувствительность, способность
сообразовать и сравнивать, даръ наблюденія, даръ
слога, даже извѣстная ученость; все это у него было:
но къ чему служить необыкновенныя способности
и дарованія, когда они уничтожаются ненасытною
желаніемъ, болѣзненною ихъ насильственностію, хиже-
рами обманутаго воображенія и совершеннымъ отсут-
ствіемъ какой-либо цѣли! Сирь Иджертоунъ-Бриджъ
происходитъ отъ одной изъ знатнѣйшихъ въ государ-
ствѣ фамилій, получилъ отъ отца большое имѣніе, а
отъ Бога блестящіе таланты. Какой же результатъ про-
извело существованіе, столь хорошо приготовленное?
Какое твореніе оставилъ онъ по себѣ? какіе памятни-
ки возвѣщаютъ объ усиліяхъ его юности? Достигнувъ
глубокой старости, сдѣлавшись горькимъ мизантро-
помъ, онъ долго странствовалъ по Европѣ, жилъ въ
Женевѣ, Римѣ, Флоренціи, Венеціи, Парижѣ, Неа-
полѣ; теперь ему семьдесятъ три года; состояніе его
разстроено, репутація гораздо ниже дарованій; воспо-

ведѣнности всего, что объ немъ здѣсь сказано: кслечпо, много лично-
сти скрывается въ этой картинѣ: но мы предлагаемъ ее какъ превос-
ходную, тонко и чисто нарисованную характеристику того рода лю-
дей, на которыхъ достаточно указываетъ самое заглавіе статьи. Вѣр-
но, никогда большее число знаменитыхъ талантовъ не участвовало
въ составленіи одной журнальной статьи, какъ въ настоящемъ слу-
чаѣ. Она обдѣлана для *Revue Britannique* извѣстнымъ Француз-
скимъ писателемъ, Г. Шалемъ, изъ двухъ отличныхъ статей *Quarterly
Review*, о сочиненіи Г. Шарпа и объ автобиографіи Сирь Иджертоунъ-
Бриджа, и принадлежащихъ лучшимъ перьямъ этого Журнала, а на-
чало ея взято изъ статьи о Сирь Иджертоунѣ, помѣщенной въ *Edin-
burgh Review*, и приписываемой Англійскими журналами Лорду Бруму.
Изъ этого соединенія четырехъ мыслей вышла весьма примѣчательная
картина, но болѣе общая и отвлеченная, чѣмъ положительная и част-
ная.

мнѣніе обманутыхъ надеждъ его преслѣдуетъ и томить въ горькомъ уединеніи. Напрасно старается онъ заглушить досаду на самого себя, составляя біографическія записки, сочиняя сатиры и пасквили, которые онъ раздаетъ даромъ за тѣмъ, что никто ихъ не покупаетъ: всѣ эти выходки оскорбленнаго честолюбія не залечиваютъ раны, а только растрavляютъ ее. Придать другимъ не значитъ доказывать свое собственное достоинство. Видѣть въ другихъ одни недостатки, значитъ исполнять обязанность земледѣльческаго орудія, которымъ *вѣютъ* хлѣбъ, отдѣляя шелуху отъ зерна. Злой критикъ оставляетъ доброе зерно другимъ, а самъ питается тѣмъ, что въ человѣчествѣ безполезнаго, сухаго и негоднаго. Что надобно, чтобы уиѣть открывать въ другихъ погрѣшности и недостатки? Немножко злости и самолюбія. Напротивъ, чтобы симпатизировать съ добродѣтелью и талантомъ, чтобы понимать, чувствовать ихъ, надобны талантъ, великодушіе и доброта. Ничего нѣтъ легче, какъ выказывать умъ и проницательность на счетъ доброты, справедливости и разсудка. Одинъ старинный Французскій писатель весьма остроумно сказалъ о своемъ пріятелѣ, который надѣялся возвыситься, унижая другихъ:

S'il n'avait pas mal parlé des autres,
On n'eût jamais parlé de lui.

Человѣкъ съ умомъ и душою всегда расположенъ къ снисходительности. «Я коротко зналъ, говорить одинъ очень умный человѣкъ, именно Г. Шарпъ, въ послѣднемъ своемъ сочиненіи: я коротко зналъ величайшихъ гениевъ нашего времени: всѣ они были слишкомъ снисходительны. Они всегда находили превосходныя причины, которыми прикрывали чужіе пороки и недостатки, не только не унижали достоинства другаго, но еще преувеличивали ихъ. Боркъ, Джонсонъ, Фоксъ, Питтъ, Кеннингъ, Вальтеръ-Скоттъ,

приписывали талантъ даже самой рѣшительной посредственности. Вашъ недоброжелательный сатирикъ, человекъ, который раскрываетъ ротъ только для того, чтобы порицать ближняго, вашъ тонкій аналитъ недостатковъ своихъ сосѣдей, обыкновенно бываетъ жалкое твореніе, столь же ядовитое и ложное въ лести, какъ и въ порицаніи. Милый мой сынъ! продолжаетъ тотъ же удивительный, но мало извѣстный на твердой землѣ писатель, изъ котораго заимствуемъ мы это мѣсто: не предавайся никогда страсти порицать и отыскивать въ другихъ дурное. Не мѣшайся съ тѣми, которые презираютъ все, кромѣ безстыднаго порока и успѣха, хорошими или дурными средствами добытаго. Они жалки. Повѣрь мнѣ, Фенелонъ, который всегда прощаетъ, счастливѣе сатирика Гакона. Добрый епископъ Берлеми не промѣнялъ бы своей жизни на блестящую, низкую, желчную, честолюбивую жизнь доктора Свифта, который умеръ безъ головы, потому что жилъ безъ сердца!»

Этотъ недостатокъ, котораго причиною обыкновенно бываетъ ограниченность души и бѣдность мысли, не былъ врожденнымъ въ Сиръ Иджертоу. Застуженная лихорадка тщеславія, ѣдкое неудовольствіе на все на свѣтѣ, горькое воспоминаніе о неисполнившихся надеждахъ, ввергли его въ пессимизмъ, заставили его видѣть въ свѣтѣ только скопище страданій и огорченій, чернить всѣ свои картины, темнить всѣ портреты, ничему не удивляться, ничего не уважать. Правда, что въ теченіе его жизни многія непріятныя обстоятельства должны были испортить его характеръ; но эти непріятности ничего не значатъ въ сравненіи съ несчастіями Тасса, Данта, Макиавеля и многихъ другихъ людей съ гениемъ, которые превозмогли злосчастіе, боролись съ нимъ, и въ этой продолжительной, постоянной борьбѣ почерпали новыя силы.

Сиръ Иджертоуъ былъ одаренъ отъ природы гени-емъ; но въ характеръ его не доставало силы, и его чрезвычайная раздражительность только увеличивала слабость его. Одна изъ болѣзней, порожденныхъ нашею образованностію, есть характеръ безпокойный, который бѣжитъ на встрѣчу несчастію, вмѣсто того, чтобы съ твердостію ожидать его, который питается сожалѣніями, мучится, изыскивая новыя средства достигнуть славы и счастья, и забываетъ урокъ, заключающійся въ прекрасномъ стихѣ Вольтера —

On doit être heureux sans trop penser à l'être.

Мы привѣнили къ Г. Бриджзу еще одно мѣсто изъ писателя, котораго приводили мы выше, и котораго всѣ страницы проникнуты самою глубокою и истинно практическою философіею. «Если вы не можете быть счастливы однимъ образомъ, говорить Г. Шарпъ, то старайтесь сдѣлаться счастливыми какъ-нибудь иначе; для этого большею частію нужны только доброе расположеніе, доброе здоровье и добрый характеръ. Я знавалъ много людей, бѣгавшихъ за счастіемъ, какъ провинціалъ бѣгалъ за шляпой, которая была у него на головѣ. Мелкія злополучія жизни несносны, какъ невидимыя насѣкомыя, проникающія въ поры кожи; но тайна быть счастливымъ состоитъ именно въ томъ, чтобы немучиться бездѣлками, и радоваться малымъ наслажденіямъ, частицамъ счастья, которыя Богъ разсыпалъ въ нашей жизни. Улы! большія радости, счастье въ гигантскомъ значеніи этого слова не дано въ удѣлъ человѣку. Многіе впадаютъ въ уныніе и отчаяніе именно потому, что всегда стремятся къ неизмѣримому идеалу, и пренебрегаютъ суммою удовольствій, достающеюся на ихъ долю.»

Сиръ Иджертоуъ-Бриджзъ былъ однимъ изъ несчаствѣйшихъ людей нашего времени, именно потому, что не слѣдовалъ этой простой философіи. У него бы-

ло два рода честолюбія : онъ жаждалъ почестей и литературной славы. Одно удовлетворено было только вполонину и онъ ничего не сдѣлалъ, чтобы упрочить себя другую. Онъ родился въ 1762 году, въ древнемъ замкѣ Вуговъ, близъ Канторбери; отецъ оставилъ ему значительное состояніе; мать была изъ древней и знаменитой фамиліи Иджертоновъ. Смерть нѣсколькихъ родственниковъ упрочила ему помѣстья Бриджсвъ. Онъ былъ воспитанъ въ Кембриджъ, гдѣ не хотѣлъ ничему учиться основательно. Все обѣщало ему жизнь блестящую. Онъ объяснилъ въ твореніи, исполненномъ ума и эгоизма, первыя свои ощущенія, свою ссору съ университетскимъ воспитаніемъ и то, какимъ образомъ развились въ немъ сѣмена безпокойства, расположенія къ несчастію, которыя мучили и тиранили его во всю жизнь.

«Первый припадокъ мизантропіи, говоритъ онъ, почувствовалъ я тогда, когда вступилъ въ школу. Какъ горько, какъ прискорбно выйти изъ объятій матери, чтобы попасть подъ ферулу стараго учителя и подъ удары грубыхъ товарищей! До пятнадцати лѣтъ я тщательно скрывалъ эти идеи и чувствованія, которыя, какъ я думалъ, должны сдѣлать меня смѣшнымъ; но въ глубинѣ души моеи крылось пламенное желаніе славы и отличій. Я былъ самымъ несчастнымъ ребенкомъ; воспоминаніе о томъ, что покидалъ я, набрасывало тѣнь на мой новый горизонтъ. Я жилъ подъ открытымъ небомъ, на чистомъ воздухѣ, на поляхъ, усыянныхъ цвѣтами, безъ соперниковъ, безъ тирана и безъ рабовъ. Теперь потолокъ залы давилъ меня; я съ отвращеніемъ думалъ о прошедшемъ днѣ, настоящій день былъ мнѣ въ тягость, завтрашняго ожидалъ я съ трепетомъ. Все, касающееся до моего семейства, до стараго жилища отцевъ моихъ, до моего парка, украшалось въ моемъ воображеніи цвѣтами райскими. Когда съ днемъ Рождества Христова наступали вакаціи, радость моя была столь судорожна, хохотъ столь насильственъ, что родители мои пугались; и какъ страдалъ я, когда надобно было возвратиться въ

Майдстонъ и опять сидѣть на лавкѣ, посреди дѣтей-деспотовъ, покоряющихся деспоту, могущественнѣе ихъ!

«Отецъ мой часто говаривалъ о своемъ предкѣ, Лордѣ-Канцлерѣ Иджертонѣ. и о знаменитыхъ Бриджеватерахъ-Иджертонахъ, въ жилахъ которыхъ нѣсколько вѣковъ текла кровь почти всѣхъ царскихъ домовъ. Онъ рассказывалъ мнѣ также дѣянія Канцлера Гердвика, родственника его по жепѣ; портреты ихъ висѣли въ нашей гостиной. Съ какимъ вниманіемъ смотрѣлъ я на этихъ людей, въ ихъ длинныхъ парламентскихъ робахъ; мнѣ казалось, что ихъ важный взглядъ, ихъ торжественныя фizioноміи берегутъ мою юность. Я старался разбирать геральдическіе символы, вырѣзанные на рамахъ, гербъ Гиббоновъ съ крестомъ Св. Андрея Юрковъ. Эти подробности производили на меня живѣйшее впечатлѣніе. Въ зрѣломъ возрастѣ я продолжалъ заниматься изученіемъ Геральдики, которое гораздо важнѣе для Исторіи, чѣмъ какъ обыкновенно думаютъ, и которое помогло мнѣ при изданіи Коллинсовой Peetage, — родословной Англійскихъ перовъ.»

Къ этому уваженію къ званію, въ душѣ Иджертона примѣшивалось высокое и живое честолюбіе литературное. Первое твореніе, которое возбудило въ немъ это честолюбіе, была книга безъ гениа и вкуса: «Британская Біографія», сухая и неплодная компиляція, составленная по образцу Белева Словаря.

«Мнѣ было девять лѣтъ, когда я въ первый разъ сталъ читать ее. Всѣ эти истинные романы, всѣ эти подробности частной жизни, столь занимательныя и такъ дурно рассказанныя, овладѣвали умомъ моимъ. Возвращаясь домой, я тотчасъ хватался за одну изъ старыхъ книгъ, лежавшихъ по окнамъ; и когда шелъ снѣгъ, когда ревелъ буря, какое благополучіе было для меня остаться въ комнатѣ отца моего, придвинуть къ камину дѣдовскія кресла и разложить на колѣняхъ огромное in-folio! Я ужасно сердился на всякаго, кто прерывалъ мое чтеніе. Вместе съ «Британскою Біографіею» читалъ я Латинскія поэмы Бечанапа и Мильтона; я читалъ ихъ на перилахъ дорогъ, на обрубѣ колодца, подъ тѣнію дубовъ, на поляхъ, на дересвяхъ, въ постель.

Съ четырнадцати до пятнадцати лѣтъ мечты литературнаго честолюбія лѣзвали, восхищали, питали, поглощали меня.»

Само собою разумѣется, что идеи наслѣдственнаго величія и личнаго значенія не покидали его и въ Кембриджѣ. Въмѣсто того, чтобъ прилежно слушать положенный курсъ наукъ въ тамошнемъ университетѣ, знаменитомъ по образовавшимся въ немъ математикамъ, Сиръ Иджертоу предался занятіямъ совершенно другаго рода, почитая себя несравненно выше всѣхъ положенныхъ курсовъ. Устройство Кембриджскаго университета таково, что тамъ нельзя ожидать никакихъ отличій, если не занимаешься точными науками. Сиръ-Иджертоу не хотѣлъ объ нихъ и слышать. *Alma mater* заплатила невниманіемъ за невниманіе, оказываемое ей ея воспитанникомъ. Этотъ первый ложный шагъ на поприщѣ повлекъ за собою и многія другія. За то, въ своихъ Запискахъ, Сиръ Иджертоу не упускаетъ ни одного случая порицать Кембриджское воспитаніе, тамошнихъ профессоровъ, тамошніе лавры и отличія. Въ слѣдующихъ словахъ видна смѣсь истины съ заблужденіемъ, которую читатель легко различить и разбереть.

«Какое заблужденіе думать, будто -бы университетскія отличія служатъ ручательствомъ за будущій талантъ! Изъ двухъ тысячъ девяти сотъ человѣкъ, которыхъ имѣна съ 1680 по 1830 годъ блистали въ спискахъ Кембриджскихъ конкурсовъ, развѣ только двое или трое сдѣлались извѣстными въ зрѣломъ возрастѣ или подъ старость. Грей и Вордсвортъ были самыми плохими учениками; надъ Греемъ даже всегда смѣялись. Правда, что онъ былъ человѣчекъ довольно странный, старый холостякъ, изгнѣженный, прихотливый и часто смѣшной. Привычка и недостаточное состояніе удерживали его въ Кембриджѣ. Я знавалъ тамъ другихъ странныхъ людей, которые никакъ не могли отказаться отъ этой монастырской и уединенной жизни: на примѣръ доктора Плондура, который проводилъ всю жизнь въ томъ, что писалъ на карточкахъ каламбуры; Фермера, Шекспирова комен-

татора, который вечно лежал на ковръ, посреди книгъ своихъ и былъ счастливъ своею ученою нѣгою; знаменитаго Порсона, котораго весь даръ состоялъ въ хорошей памяти; онъ былъ человекъ небольшого роста, тщеславный, беспокойный, наглый, властолюбивый и пошлый. Что значить эта нетрудная слава, которую приобрѣлъ онъ своими примѣчаніями, комментаріями, диссертациями и исправленіями Греческихъ текстовъ? За что поставили ему пьедесталь, который онъ возвысилъ странностію своей жизни?»

Вотъ что скажемъ мы въ отвѣтъ на это Сиръ Иджертоу. Твореніе, которое кажется только ученымъ, иногда болѣе чѣмъ самое блестящее твореніе, доказываетъ умственное могущество. Порсонъ былъ человекъ съ головою сильною, который обратилъ всю энергію своего характера на ученость. По нашему мнѣнію, лучшимъ свидѣтельствомъ обширности ума и душевныхъ способностей, служить большая или меньшая сфера, нами избранная. Человекъ, который бы понималъ превосходство только на одномъ поприщѣ, хотя бы онъ былъ и чрезвычайно искусенъ въ своемъ дѣлѣ, всегда казался бы намъ умомъ ограниченнымъ. У него не доставало бы двухъ способностей: изобрѣтенія и соображенія. Несправедливый къ Порсону, Сиръ Иджертоу возносить до небесъ несчастнаго Четтертона, который, конечно, былъ человекъ съ гениемъ, но котораго душа была заражена болѣзнію, о которой мы говорили выше, честолюбіемъ самымъ пылкимъ, самымъ неопредѣленнымъ, самымъ нетерпѣливымъ. Впрочемъ, разсужденія Сира Иджертона объ этомъ предметѣ столь же глубоки, какъ и краснорѣчивы.

«Вальполь, который своимъ высокоуміемъ и небрежностію довель до самоубійства бѣднаго молодаго провинціала, сказавшаго ему — *Я гений*; Вальполь смѣшалъ его съ толпою безталанныхъ и безстыдныхъ прощелцовъ, которые всякой день пріѣзжаютъ въ Лондонъ, въ надеждѣ получить первый выигрышъ въ лоттерей фортуны; Вальполь похо-

дьяль въ этомъ случаѣ на большинство людей, на публику безпечную и высококомѣрную, неспособную къ истинной и внимательной наблюдательности. Вообще мы принимаемъ мнѣнія свои безъ разбора; впечатлѣнія и особенно впечатлѣнія неблагопріятныя, достаются намъ отъ перваго попавшагося. Занимаютъ насъ только мелкія наши выгоды, мелкія наши страсти; до остальнаго намъ и дѣла нѣтъ. Четвертошъ былъ бѣденъ, гордъ; его называли кичливымъ и безразсуднымъ. Вальполь допустилъ его умереть съ голода.»

Соскучивъ неудачами своими въ Кембриджъ, Идджертошъ началъ готовиться въ адвокаты; ремесло трудное, утомительное, шаткое, въ которомъ можно добиться денегъ и славы только цѣною тягостныхъ бдѣній и долговременнаго постоянства. Это ему надоѣло; онъ удалился въ свой Гемпширскій замокъ, написалъ на бѣгу пера нѣсколько стихотвореній, довольно хорошо принятыхъ, и Романъ «Марія Клиффордъ», который имѣлъ успѣхъ и заслуживалъ успѣхъ равнительностію нѣкоторыхъ сценъ и силою характеровъ. «Марія Клиффордъ» безспорно лучшее произведеніе Сиръ Идджертона. Онъ написалъ его въ два мѣсяца; и почитаетъ этотъ подвигъ необычайнымъ. Онъ забылъ, что «Танкредъ» Вольтера оконченъ въ недѣлю, «Гю и Меннерингъ» Вальтеръ-Скотта въ мѣсяцъ; «Расселась» Джонсона въ шесть вечеровъ, «Пиршество Александра» Драйдена въ одинъ день, а «Виндзорскія кумушки» въ двѣ недѣли!

«Едва только Марія Клиффордъ собрала похвалы журналистовъ и публики, которые приняли ее весьма хорошо, какъ я снова сдѣдался топографомъ, геральдистомъ, генеалогомъ, библіографомъ, всѣмъ, чѣмъ бы я не долженъ быть. Эги бесполезныя занятія изсушили мои мысли, и погубили драгоценное время. Зачѣмъ не шелъ я тѣрдымъ, ровнымъ, постояннымъ шагомъ по одной дорогѣ! Зачѣмъ погребалъ я пылокое воображеніе подъ развалинами геральдической науки, подъ пепломъ учености? Я далъ внутреннему пламени моей мысли исчахнуть и угаснуть; самонадѣянность,

без которой ничто не возможно, мало - по - малу потухла, энергия пропала, тяжелыя цѣпи обременили независимый умъ мой. Чѣмъ болѣе чувствовалъ я свою силу, тѣмъ болѣе бѣсился, что никто ея не знаетъ; глупцы, которые парили надъ моею головою, взлѣзали мнѣ на плеча, огорчали и сердили меня. Я чувствовалъ нужду въ поощреніи, и никто не поощрялъ меня; можетъ-быть, впрочемъ, что я предполагалъ въ публикѣ болѣе равнодушія ко мнѣ, нежели сколько она въ самомъ дѣлѣ показывала. Я мучился этою мыслию и былъ истинно несчастливъ.

«Сколько человѣкъ, одаренныхъ отличными дарованіями, утаски и уничтожились, по недостатку поощренія! Коллѣнскій, который написалъ въ жизнь свою одну только оду, но который былъ однимъ изъ величайшихъ нашихъ поэтовъ, произвелъ бы, вѣроятно, превосходныя творенія, если бы робость его нашла опору. У человѣка рѣдко достаетъ мужества идти прямо къ своей цѣли, если никто не подаетъ ему руки, не помогаетъ ему, не пособляетъ въ нуждѣ, не утѣшаетъ при неудачахъ и не указываетъ вдали на рядъ успѣховъ. Кто не ожидаетъ награды, тотъ работаетъ слабо и неусердно; онъ не покидаетъ своего труда, но продолжаетъ его съ отвращеніемъ и тайнымъ отчаяніемъ. Человѣкъ съ дарованіемъ, котораго поощряютъ, выказываетъ иногда качества неожиданныя; человѣкъ съ гениемъ, но пренебреженный, впадаетъ въ отчаяніе и тупость. Въ теченіе моей жизни, которую облака такъ часто затмѣвали, я часто завидовалъ судьбѣ вертопраха или глупца, котораго извѣстность уносила на своихъ крыльяхъ и ставила на вершинѣ славы! Какъ этому человѣку не считать себя царемъ земли, когда онъ сталъ предметомъ всеобщаго восхищенія и лести, когда ему такъ удивляются, когда его такъ ласкаютъ, когда онъ носится, порхаетъ, паритъ въ воздухъ! Толпа подымаетъ глаза и любитъ; покуда вѣтеръ дуетъ, полетъ этого счастливица продолжается; но вдругъ вѣтеръ переменяется, герой падаетъ, великій человѣкъ исчезаетъ, и публика дивится безобразнымъ развалинамъ, обломкамъ, покрывающимъ землю. Стоило ли подыматься такъ высоко, чтобы упасть такъ низко? Даже люди съ гениемъ, которые попадаютъ въ моду, дѣлаются ея жертвою; пылче Байрона читаютъ менѣе чѣмъ Вальтеръ-Скот-

та. Слава Байрона возникла вдругъ, слава Вальтера-Скотта образовалась медленно. Мысль его, какъ у Борка, какъ у Мильтона, какъ у Драйдена, постепенно улучшалась. Это нѣкотораго рода воспитаніе умственныхъ способностей, у людей могущественныхъ, останавливается на границахъ самой глубокой старости. — Они растутъ по мѣрѣ того, какъ идутъ впередъ: превосходившія творенія нашихъ великихъ авторовъ написаны ими въ престарѣлыхъ лѣтахъ; напротивъ того, люди, у которыхъ только какой-то временной пылъ, и у которыхъ вдохновеніе происходитъ болѣе отъ чувствъ и силы юности, нежели отъ зрѣлости размышленія, блестятъ нѣсколько времени, и потомъ исчезаютъ; будущность не имъ принадлежитъ.

Старшій братъ Сира Иджертона умеръ, и онъ получилъ по немъ богатые помѣстья въ графствѣ Кентскомъ. Собиратель древностей, любитель старыхъ книгъ, авторъ, полиграфъ, антикварій, поэтъ, даже типографщикъ, онъ завелъ въ древнемъ Лійскомъ приорствѣ типографскіе станки для своего собственнаго употребленія. Онъ печаталъ ими только свои творенія; къ несчастію посреди этого умственнаго гарема, который онъ себя создалъ, Сиръ Иджертонъ не пекся ни о славѣ, ни о дѣлахъ своихъ. Погруженный въ нѣкотораго рода сибаритизмъ мысли, онъ не хотѣлъ видѣть своего затруднительнаго положенія. Обстоятельства его разстроились; за богатствомъ послѣдовало весьма затруднительное состояніе; управители его грабили; старинныя денежныя претензіи, увеличенныя законо-искусниками, сдѣлались весьма важными. Вотъ какимъ образомъ самъ Сиръ Иджертонъ рассказываетъ, какъ его имѣніе растаяло и уничтожилось въ рукахъ его.

«Измученный безпрерывною бдительностію, которой требуютъ денежныя дѣла, я ввѣрилъ ихъ нѣсколькимъ управителямъ. Эти люди охотно получаютъ, а платить неохотники. Всякой управитель, по своему положенію, подвергается искушенію извлечь пользу изъ капиталовъ, которые

находятся у него въ рукахъ, и человекъ искусный, который умѣетъ вести счеты, располагаетъ ихъ какъ ему угодно. Нѣтъ на свѣтѣ вещи болѣе гибкой и терпѣливой, какъ цифры; онѣ удивительно хорошо располагаются въ стоворчивые столбцы, которые доказываютъ все, что вамъ угодно. Развѣ самая только крайняя нужда можетъ заставитьъ меня провѣрить счетъ; подчиненные весьма скоро угадываютъ это отвращеніе; мало-по-малу, шагъ за шагомъ, переходя отъ плутовства къ плутовству, они спутываютъ всѣ расчеты, съ намѣреніемъ и на досугъ дѣлаютъ ихъ чрезвычайно сложными и ведутъ довѣрителя своего къ разоренію. Вывести результатъ изъ этихъ счетовъ всякой день становится труднѣе и труднѣе. А человекъ, который не рѣшается просмотрѣть счетовъ своихъ за мѣсяць, врядъ-ли станетъ разсматривать отчеты за годъ!

«Какъ счастливъ и несчастливъ былъ я въ моемъ Кентскомъ помѣстьѣ! Какъ нравились моей душѣ, моей мысли эти зеленѣющіяся поляны, эти прелестные виды, это удивленіе, это спокойствіе, эти книги, эти ученые разысканія! Мои земледѣльческія занятія дополняли это блаженство сельское, ученое и поэтическое. Къ несчастію опыты мои стоили мнѣ дорого; управители мои меня обкрадывали; деньги уходили отъ меня, и никогда уже не возвращались. Несмотря на все мое богатство, я скоро былъ опутанъ тенетами экзекутора и кредитора, адвоката и приказнаго. Мипутная небрежность, временная недѣятельность, одномѣсячное бездѣйствіе повлекли за собою слѣдствія неисчислимыя. Суммы самыя маловажныя, увеличиваясь, умножаясь, разростаясь усилили капиталъ моего долга. Изъ всѣхъ человѣческихъ злополучій, денежныя затрудненія суть самыя важныя. Я имѣлъ досугъ написать какое-нибудь большое твореніе; но умственные силы мои были потрясены мелочными огорченіями, неважными затрудненіями, которыя ежеминутно меня мучили и не давали мнѣ покоя. Къ денежнымъ затрудненіямъ присоединились всѣ оскорбленія, всѣ горести, всѣ крики, всѣ гоненія, которыя принуждены терпѣть должникъ, и которыя, какъ Фурія, преслѣдуютъ его по пятамъ. Лучше убить отца, чѣмъ задолжать двѣ гиней. Будьте отцеубійцею, вы еще можете какъ ни-

будь избавиться от мести законовъ; но будьте несостоятельнымъ плательщикомъ, и вы сдѣлаетесь гнуснѣе самаго ужаснаго разбойника.

«А тутъ являются забвеніе отъ родственниковъ, холодность друзей, ихъ лживые панегирики и соболѣзнованія, въ которыхъ замѣтна ваша виновность и ихъ великодушіе; а тамъ презрѣніе отъ толпы, людей безъ чувства, безъ мысли, безъ сердца, для которыхъ порицаніе есть отрада, единственная остающаяся имъ отрада, и которые, глядя только на дурную сторону дѣлъ человѣческихъ, охотно смѣшиваютъ проступки, происходящіе отъ безпечности, съ проступками порочными, питаются огорченіемъ, какъ пѣкотогаго рода пчелы ядомъ, и обогатившагося вора называютъ почтеннымъ господиномъ, а поэта или художника, который мало заботится о своихъ приходахъ и расходахъ, негодяемъ и мошенникомъ. Наконецъ въ списокъ золъ происходящихъ отъ положенія, которое я старался изобразить, надобно помѣстить легионъ человѣческихъ гарпій, которыя участвуютъ въ движеніи общества только тѣмъ, что обогащаются его жалкими обломками, для которыхъ разореніе неосторожныхъ и безразсудныхъ составляетъ вѣрный доходъ: экзекуторовъ, адвокатовъ, людей дѣловыхъ, людей денежныхъ, племя нечистое и неумолимое, которому мы обязаны большею частію общественнаго развращенія. Между-тѣмъ, страдая этою безпрерывною лихорадкою, я предпринималъ и оканчивалъ литературныя произведенія; но оригинальность, сила мысли во мнѣ потухли. Чтобы заглушить чувствованіе моего положенія, чтобы забыть хотя на время мои мученія, я разбиралъ старинныя рукописи, переписывалъ лѣтописи. Эти тягостныя работы занимали мою душу, но не удовлетворяли меня. Смирная тропа, по которой я шелъ, оскорбляла мою гордость, унижала меня въ собственныхъ глазахъ моихъ; и между тѣмъ я былъ совершенно не въ силахъ вступить на путь болѣе трудный и широкій, который бы потребовалъ сосредоточенія моихъ мыслей. Правда, что въ этихъ компиляціяхъ, переводахъ, опытахъ, не мудрено было распознать руку человѣка, который можетъ, долженъ дѣлать что нибудь лучше этого. Поручите самую скромную работу человѣку съ умомъ могущественнымъ; вы

тотчасъ узнаете львиныя когти. Трудолюбивая терпѣливость ученаго безъ мыслей, никогда до этого не достигнетъ.

Къ числу несчастій моихъ принадлежить и то, что я жилъ посреди людей полудеревенскихъ, полуобразованныхъ, которые меня не понимали, и которыхъ я ненавиждѣлъ. Я былъ въ постоянной враждѣ со всеми сосѣдними squires, или мелкими помѣщиками. Я имѣлъ на Чандосское баронство права, которыя старался доказать и отъ которыхъ и теперь не отказываюсь; я былъ писателемъ, а они не навѣдаютъ книги. Въ Романѣ моемъ—«Артуръ Физъ-Альбинн» я не пощадилъ деревенскихъ дворянъ. Глушцы сами приѣхали къ себѣ самые забавные мои очерки. Я былъ чувствителенъ, раздражителенъ, съ недоверчивостію толковалъ каждое слово, каждое движеніе, каждый взглядъ, и потому они скоро не влюбились меня; притомъ между нами не было ничего общаго. Я ни сколько не зналъ ни терминовъ, ни обычаевъ охоты; гоньба за оленями или за лисицами, скачка къ колокольнямъ ни сколько не занимали меня. Я не умѣлъ разбирать достоинствъ ни скаковой, ни рабочей лошади; пить былъ я такой же не мастеръ, какъ и охотиться; если бы мнѣ случилось сказать чтонибудь замѣчательное, остроумное, никто бы меня не понялъ; идея политическая, нравственное замѣчаніе, скользнули бы по этимъ умамъ, какъ вода по мрамору; судить о вещахъ и людяхъ мнѣ было не возможно, если я не хотѣлъ вытерпѣть какуюнибудь насмѣшку грубую, тяжелую, лѣнивую, но неумолимую. Въ этихъ толстыхъ богатыхъ джентльменахъ, которые управляютъ судьбою конституціонныхъ государствъ, мало умственного; за то они всегда избираютъ изъ своей среды когонибудь, нѣсколько повыше другихъ и за нимъ слѣдуютъ. Въ графствѣ Кентскомъ всѣ эти посредственности шли рядомъ, и притомъ съ ужасно-досаднымъ согласіемъ.

«Наконецъ намъ удалось взаимно другъ друга возненавидѣть, отъ всей души и откровенно. Если которыйнибудь изъ моихъ сосѣдей пріѣзжалъ въ мой замокъ, онъ не могъ безъ тошноты смотрѣть на пирамиды запыленныхъ книгъ, лежащихъ въ моемъ кабинетѣ. Этотъ хаосъ готическихкихъ

томовъ возбуждалъ въ немъ совершенное отвращеніе. Онъ, казалось, хотѣлъ бы сказать мнѣ: «Что вы это дѣлаете? Что за жалкая жизнь! О, возвратите мнѣ мою лошадь! дайте мнѣ чистаго воздуха, дайте перескочить черезъ двадцать рвовъ, двадцать плетней, дайте погоняться за лисицею, а потомъ приготовьте мнѣ хорошій обѣдъ, побольше вина и сзовите веселыхъ товарищей.» Для нихъ, этотъ человѣкъ блѣдный, со впалыми глазами, истощенный бѣднѣями, былъ просто бѣднякъ, лишившійся здраваго смысла. Я видѣлъ, что они меня не уважаютъ, и это унижало меня въ собственныхъ глазахъ моихъ, и въ присутствіи моихъ сосѣдей я дѣлался болѣе чѣмъ когда нибудь, смиреннымъ, робкимъ, несчастнымъ. Образование лагеря, по близости моего замка, избраніе меня въ члены Парламента, прѣрвали теченіе этой однообразной и между тѣмъ безпокойной жизни. Признаюсь, что я вовсе не имѣлъ ораторскихъ успѣховъ; по моей нервической раздражительности, я не могъ производить никакого впечатлѣнія на совѣщательныя собранія.

«Великіе ораторы рѣдки: въ этомъ, какъ и во многомъ другомъ, смѣлость есть одинъ изъ главнѣйшихъ стихій успѣха. Кеннингъ занкался при началѣ рѣчей своихъ; казался робкимъ, нерѣшительнымъ со вступленія до заключенія; Ванситтартъ бормоталъ свои фразы такъ, что въ двухъ шагахъ отъ него ничего нельзя было разслушать; Граттанъ съ силою и важностію произносилъ пышные пустяки; Уайтбредъ принималъ надутость словъ за силу идей, пѣну краснорѣчія за самое краснорѣчіе; Понсонби говорилъ эпиграммами, и крошилъ рѣчи свои на сентенціи краткія, часто лаконическія, но не новыя и не разительныя; Грентъ подражалъ Кеннингу и осыпалъ насъ цвѣтами академической декламациі; Робинсонъ забавлялъ насмѣшками свѣтскаго человѣка, такъ же какъ и Тіерни, который всегда будто смѣялся надъ Парламентомъ и надъ самимъ собою; наконецъ Госкиссонъ, жалкій ораторъ, съ простонароднымъ произношеніемъ, неловкими жестами и пошлою осанкою. Трудно опредѣлить слогъ и ораторскія привычки Сиръ Френсиса Бордетта. Посреди торжественности важной, однообразной, иногда скучной, онъ вдругъ возвышалъ

ся, оживлялся, и даже приближался къ истинному краснорѣчію. Стефенъ, человекъ не безъ таланта, портилъ его произношеніемъ столь простонароднымъ, что не возможно было слушать его безъ отвращенія; Вильберфорсъ со своимъ крикливымъ звонкимъ голосомъ, медленнымъ произношеніемъ и проповѣдническимъ гнусивымъ выговоромъ, выражалъ всегда идеи возвышенныя, и никогда не вдавался въ общія мѣста; но его элегическія и мизантропическія сѣтованія скоро наскучали. Мекинтошъ, человекъ рѣчистый, но слишкомъ принужденный, слишкомъ ученый, изысканный, имѣлъ мало успѣха, какъ ораторъ. Для человека, который хочетъ дѣйствовать на людей дѣловыхъ и государственныхъ, ничего не можетъ быть пагубнѣе принужденности и педантизма. Философія и патриотизм Ромпили возносились слишкомъ высоко для собранія столь разнохарактернаго. Плонкетъ, адвокатъ превосходный, котораго всѣ мысли были сильны и разительны, не умѣлъ произносить рѣчей своихъ. Ораторъ прежде всего долженъ пріобрѣсти искусство владѣть собою. Онъ не долженъ ничего бояться, и прямо идти къ своей цѣли, не обращая вниманія на вопросы, восклицанія и угрозы. Человекъ, слишкомъ чувствительный или робкій, испугается собственнаго своего голоса: если бы онъ даже говорилъ превосходнѣйшія въ свѣтѣ вещи, то и тогда ни чьего ума не поразитъ. Половина могущества Мирабо состояла въ его громовомъ голосѣ, хладнокровіи и безстыдствѣ.

»Францискъ Беконъ говоритъ: «Есть родъ дѣла, изъ котораго строятъ корабли, сопротивляющіеся бурямъ; есть и другой родъ дѣла, изъ котораго дѣлаютъ домашнюю утварь и балки для домовъ. Такъ и въ человѣческихъ характерахъ, одни назначены для бурь жизни публичной, другіе для спокойствія домашней жизни.» Не пускайтесь на перовный и опасный путь политики, если не чувствуете въ себѣ нѣкоторой суровости души, глубокаго равнодушія къ выгодамъ другихъ, и особенно мужества переносить, не блѣднѣя, всѣ обиды и оскорбленія. Между Кеннингомъ и Кастльри былъ человекъ столь же искусный, столь же замѣчательный какъ и они, но котораго жизнь была совсѣмъ не такъ блистательна; то былъ Лордъ Ливерпуль. Кротость

и терпѣливость его, уступили повелительной живости Кеннинга и оглушительной риторикѣ этого челоуѣка, который по уму былъ ниже его. Онъ не умѣлъ сопротивляться и выдерживать нападенія; умъ его былъ слишкомъ гибокъ, слишкомъ податливъ, слишкомъ сговорчивъ. Что касается до Лорда Кастльри, который былъ не столь знающъ, не такъ хорошо понималъ людей и вещи, глядѣлъ не съ такою ясностію; но онъ имѣлъ передъ нимъ преимущество весьма важное—рѣшительность, онъ превосходно умѣлъ *летать*. Правъ ли онъ былъ или неправъ, но онъ всегда одерживалъ побѣду своею отважностію; онъ овладѣвалъ пунктами, на которые Лордъ Ливерпуль не осмѣлился бы и пасть. Робость Лорда Ливерпуля придавала ему холодный, перъшительный видъ, весьма непріятный; между тѣмъ какъ Кастльри наружною своею искренностію, своимъ смѣлымъ и самоуувренннымъ видомъ, и Кеннингъ своею остроумною говорливостію производили невольное очарованіе. Питтъ, котораго я такъ часто видывалъ на охотѣ, съ поднятымъ къверху лицомъ и скачущимъ по полямъ и лѣсамъ, ни сколько не имѣлъ воображенія. Вокругъ его толпилось нѣсколько челоуѣкъ съ умомъ хитрымъ, политиковъ тонкихъ, старыхъ дипломатовъ, которые были слышными орудіями его ловкости и, такъ же какъ и всѣ его современники, покорялись могуществу его генія.»

Всякъ видитъ, какъ много выразительности, наблюденія и живости въ этихъ очеркахъ, и какъ сильно неудачи Сиръ Иджертона дѣйствовали на его мнѣніе. Какъ могъ онъ надѣяться достигнуть славы Байрона и Вальтеръ-Скотта, печатая на свой счетъ какія-то лѣтописи! Несчастливый тѣмъ, что слава, которой онъ такъ желалъ, на него низходила, онъ былъ пораженъ второю раною, не менѣе чувствительною. Старинное баронство Чендосское принадлежало ему: такъ, по крайней-мѣрѣ, онъ думалъ; быть можетъ, что право его основательно, но у него не было законныхъ доказательствъ. Палата перовъ не признала требованій Сиръ Иджертона; и судьи и адвокаты объявили, что законныя формы пера не выполнены.

Этотъ процессъ, тянувшійся весьма долго, чрезвычайно огорчилъ его. Онъ проклялъ свою родину, и, отряхнувъ, какъ пророкъ, пылъ своихъ сандалій, онъ простился съ Англіею, съ графствомъ Кентскимъ, съ бѣшенными охотниками, которыхъ сосѣдство такъ надоѣло ему, съ лордами, которые не хотѣли принять его въ свою Палату, съ членами Нижней Палаты, которые затмѣвали его своими дарованіями, и литераторами, которые болѣе его славились. Въ Запискахъ его, изданныхъ въ разное время частями, отрывками, и съ беспорядочностію, которая весьма хорошо показываетъ безпокойство и судорожное состояніе этого несчастнаго умнаго человѣка, — заключается множество литературныхъ и другихъ портретовъ. Лордамъ въ особенности въ нихъ достается: тѣ, которые подали голосъ противъ допущенія его въ Палату перовъ, — одни неблагодарны, — другіе завистливы, — а всѣ набитые дураки или не столбовые дворяне. Разумѣется и вразсужденія литераторовъ не снисходительность была музою Сиръ Иджертона. Знаменитая миссъ Сивардъ, одна изъ тѣхъ мимолетныхъ звѣздъ, которыя исчезаютъ какъ палящія лѣтніе пары, не оставляя послѣ себя на небѣ ни малѣйшаго слѣда; Комберлендъ, который разнообразіемъ своихъ усилій пользовался нѣсколько лѣтъ славою, заслуженною имъ только за нѣсколько хорошихъ комедій; геній втораго разряда, поумѣвшій поддерживать свою посредственность лестью другимъ, окружавшимъ его посредственностямъ; сапожникъ Робертъ Блумфильдъ, погубленный униженіемъ, заставившимъ его покинуть свою лавку, и заняться ремесломъ, я чуть было не сказалъ, торгомъ политическимъ, разобраны Сиръ Иджертономъ чрезвычайно вѣрно, строго и остроумно.

«Нѣкоторыя воспоминанія, говорить онъ въ одномъ мѣстѣ, дѣлаютъ честь Англійской публикѣ, доказывая, что рѣшенія ея навсегда основываются на предразсудкахъ, мо-

дѣ и прихоти. Въ 1820 году я былъ въ Лондонѣ, куда привлекли меня мои новыя парламентскія обязанности. Въ то время вышли двѣ книги; одна, подъ заглавіемъ «Португалія» сочиненіе Лорда Ногента, другая — «Чайльдъ-Гарольдъ.» Байрона презирали, ненавидѣли; утверждали, что у него нѣтъ ни сколько поэтическаго таланта. «Часы досуга,» *Hours of idleness*, въ которыхъ я замѣтилъ столько признаковъ превосходнаго таланта, не имѣли ни какого успеха; Лордъ Ногентъ блисталъ въ сферѣ возвышенной; его гению вѣрили.

«Между-тѣмъ какъ скоро Бондъ-стритскіе книгопродавцы выставили свои афишки, какъ скоро нѣсколько чело-вѣкъ пробѣжали стансы Чайльд-Гарольда, все переменялось. Колоссальная слава Байрона была дѣломъ одного дня, одного часа, одной минуты. Горючія вещества были готовы; искра упала и взрывъ последовалъ. Въ полдень, никто еще не понималъ Байрона; къ вечеру вокругъ его имени горѣло пламя, которое никогда не погаснетъ. Очищенный, восторженный, улучшенный своимъ торжествомъ, онъ собралъ плоды его; онъ удвоилъ свои усилія. Онъ продолжалъ твореніе свое въ Греціи, въ Италиі, въ Швейцаріи, и если въ славѣ его были періоды успокоенія и мрака, за то какимъ блескомъ сіяла она въ другое время! Иные говорятъ, что «чувствованія, выражаемыя Лордомъ Байрономъ слишкомъ сильны, и потому уже ложны; талантъ его отзывается мелодрамой». Нѣтъ, эти чувствованія пылкія, пламенные, необычайныя, въ отношеніи къ нему истинны. Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчалъ я имъ съ презрѣніемъ, притворно выказывать подобныя страданія невозможно, придумывать подобныхъ мыслей нельзя. Прихотливый, но искренній, онъ часто сегодня отвергалъ свои вчерашнія идеи; но кто осмѣлится утверждать, чтобы беспорядочность, излишняя пылкость и непостоянство уничтожали все достоинство въ нашей бѣдной человѣческой породѣ?»

«Быть-можетъ, я при рожденіи моемъ получилъ способности, которыя должны были бы возбудить вниманіе публики, и расположить ко мнѣ чувствованія моихъ современниковъ. Но природа не дала мнѣ стойкости, силы характера, безъ которой большихъ твореній совершить нельзя.

Чтобы достичь какойнибудь цѣли, надобно работать постоянно, а не по временамъ; по прихоти. Человѣкъ слишкомъ робкій или слишкомъ прихотливый чувствуетъ въ себѣ силу только тогда, когда постороннее вліяніе отторгаетъ его отъ лѣности, которую мы всѣ такъ любимъ. Такъ: прошли по-крайней мѣрѣ сорокъ лѣтъ моей жизни; ничего я не создалъ, ни какого важнаго творенія не произвелъ. Правда, что вознамѣрившись совершить подобное предпріятіе, надобно отказаться отъ надеждъ на будущность и богатство; книгопродавецъ-издатель, купецъ, продающій напечатанную имъ мысль, не станетъ рисковать капиталомъ въ спекуляціи, которая можетъ только просвѣтить человечество. Я очень жалью, что не употребилъ на чтонибудь полезнѣйшее типографіи, которую завелъ я въ пріорствѣ Лійскомъ.»

Этотъ странный мизантропъ, столь безвредный для другихъ и столь несчастливый, переносилъ блуждающихъ своихъ пенатовъ во Флоренцію, Римъ, Неаполь, Парижъ и Женеvu. Вездѣ онъ собиралъ старыя книги, разбиралъ рукописи, писалъ пасквили, которыхъ уже никто не помнитъ. По своей щекотливости, самолюбію и непостоянству, онъ расточилъ талантъ свой. Теперь ему семьдесятъ три года; извѣстность его не велика, благодаря страшному раздробленію его способностей. Не много есть писателей ученѣе его. Онъ написалъ нѣсколько изъ прекраснѣйшихъ страницъ, принадлежащихъ нашему времени; нѣсколько страницъ, которыя живостію производимаго ими впечатлѣнія и чистотою колорита напоминаютъ Жанъ-Жака Руссо. Сиръ Иджертонъ живетъ нынче въ Женевѣ. Онъ описываетъ свое положеніе слѣдующимъ образомъ:

«Я сижу у окна маленькаго моего Женевскаго домика; и тутъ, устремивъ взоры на величественную пелену озера, забываю свѣтъ, который своею завистью, клеветою и ненавистью тревожилъ меня иногда, и надъ которымъ у меня не достало силы восторжествовать. Чтомнѣ теперь до этихъ порочныхъ стра-

тей! Я старъ; колесницы ихъ, проводятъ колени по дорогъ, но меня незадвѣаютъ. Я вижу ихъ пыль, слышу ихъ шумъ; но спокойствіе мое этимъ не нарушается. Общество мое, пріятельскій кругъ мой составляютъ великіе поэты прежнихъ временъ, самые нѣжные, самые утѣшительные моралисты; всѣ тѣ, которые, подобно мнѣ, убѣгаютъ свѣта, которые, подобно мнѣ, страдали отъ его несправедливостей, оказываютъ благорасположеніе свое ко мнѣ; чего же мнѣ не достаетъ? Развѣ не все зависитъ отъ нашего воображенія, развѣ не мысль наша устроиваетъ наше счастье? Между - тѣмъ, несмотря на всѣ мои неудачи, на все, чего я желалъ и не получилъ, на всѣ мои страданія, ни въ комъ не возбуждившія соболѣзнованія; несмотря на столько сожалѣній и заботъ, я чувствую, что есть наслажденія и для старости, и для уединенія и для одиночества. Пусть клевета шумитъ вѣвъ моего круга; я ея не услышу.»

Сиръ Иджертоу, расточившій огромное имѣніе своими безразсудными поступками, напоминаетъ Тимона Аѳинскаго, котораго Шекспиръ изобразилъ такъ хорошо. Взглянемъ съ соболѣзнованіемъ на челоуѣка съ рѣдкими достоинствами, которыя онъ такъ дурно употреблялъ. Сиръ Иджертоу челоуѣкъ образованный, хорошій грамматикъ, писатель со слогомъ не только свободнымъ, но пріятнымъ и острымъ, и потому онъ могъ бы занять на старости роль, которую Бель присвоилъ себѣ съ такимъ мужествомъ и успехомъ. Это было бы на послѣдніе годы жизни этого челоуѣка замѣчательнаго, который былъ долгое время палачемъ своего собственнаго дарованія, — занятіе выгодное для его славы, и полезное для потомства.

*Edinburgh Review. — Quarterly Review. —
Revue Britannique.*

КИТАЙСКІЯ

ЖЕНЩИНЫ - ПОЭТЫ.

=

Къ списку, уже довольно длинному, женщинъ, которыя получили отъ неба дары вдохновенія и піитическаго таланта надобно прибавить цѣлую сотню Восточныхъ поэтовъ того же пола, о которыхъ одинъ Англійскій синологъ возвѣстилъ Европѣ, приславъ въ Лондонъ весьма любопытное собраніе мелкихъ стихотвореній, написанныхъ дамами Поднебесной Имперіи. Не нужно сказывать, что эти стихотворенія не отличаются ни смѣлостью мысли, ни рѣзкостью выраженія: въ Китаѣ, женщина не смѣетъ сообщать всего что чувствуетъ, или по-крайней мѣрѣ имѣетъ еще столько стыдливости, что не въ состояніи написать ни «Валентины», ни «Лелии.» Ея поэзія является тамъ подъ покровомъ притчи, подъ формами скромными и пріятными.

Изо ста Китайскихъ женщинъ, которыхъ труды составляютъ присланное собраніе, нѣтъ ни одной, которая бы уклонилась отъ этого правила. Никогда уста ихъ не изъявляли негодованія на супружество, никогда перо ихъ не писало ничего ѣдкаго, никогда пѣсни ихъ не были внушены мщеніемъ. Нѣжныя и простодушныя, онѣ чистосердечно говорятъ о любви своей; любя и будучи любимыми, онѣ дышатъ однимъ сладострастіемъ; покинутыя, онѣ плачутъ; обманутыя, презрѣнныя, тоже плачутъ. Надобно знать, что и мандарины тоже обманываютъ женщинъ.

Всѣ стихотворенія этого собранія написаны въ анакреонтическомъ родѣ: вотъ гимнъ любви; вотъ эротическое посланіе; переверните страницу, — тамъ четы-

рестишіе или эпиграмма, которыхъ предметомъ та же любовь; вотъ еще элегія и тоже разсказъ о любовныхъ несчастіяхъ. Вообще, стихотворенія эти написаны со вкусомъ и пріятностію; образы въ нихъ живы, фигуры блестящи, выраженія живописны; не смотря на свѣжесть колорита, въ нихъ царствуетъ какой-то слезливый оттѣнокъ, котораго не можемъ объяснить себѣ. Даже пѣсни радости запечатлѣны выраженіемъ горести и задумчивости, совершенно противоположнымъ предмету поэмы: точно какъ будто предчувствіе несчастія мучитъ этихъ женщинъ, и онѣ не смѣютъ вполне предаваться радости. Отъ чего это происходитъ? отъ общественнаго состоянія женщинъ? отъ вліянія-ли климата, нравовъ народа или воспитанія? Не здѣсь мѣсто разсматривать этотъ вопросъ, который завелъ бы насъ слишкомъ далеко: отрывки, которые мы приведемъ, лучше всѣхъ комментарій покажутъ умъ и характеръ ихъ сочинительницъ.

Первая — является *Чу-шеу-чинъ*. Ей приписываютъ множество замѣчательныхъ стихотвореній и, между прочимъ, собраніе небольшихъ поэмъ, которымъ она придала заглавіе — «*Сердечныя печали.*» *Чу-шеу-чинъ* была молода, чувствительна и страстна: она испытала всѣ несчастія, которымъ можетъ быть подвержена женщина. Сначала, предметъ ея страсти не отвѣчалъ ей взаимною любовью; потомъ она, какъ Сафо, была обманута; наконецъ, покинута. Съ растерзаннымъ сердцемъ, съ глазами, наполненными слезъ, она пѣла свои несчастія. Одна изъ знаменитѣйшихъ ея элегій есть та, которую сочинила она на «праздникъ фонарей.» Мы переведемъ изъ нея двѣ строфы.

«Я помню, годъ назадъ, въ этотъ же самый день, луна освѣщала небо, фонари блестя на землѣ, и невѣстное мое сердце любви еще не знало.

«Нынче, какъ и тогда, фонари на землѣ блестятъ, луна освѣщаетъ небосклонъ, а изъ глазъ монаховъ текутъ слезы; увы! я нынче люблю и никто не отвѣчаетъ моею страсти!»

Кай-Янь была въ числѣ женщинъ гарема Императора Янь-Цуня. Часто, по примѣру подругъ своихъ, писала она стихи на корѣ деревь, и повѣряла въ трамъ тайны своего сердца; однажды, въ великолѣпныхъ покояхъ своей темницы, она шила платье для солдатъ, охранявшихъ границу, и вложила въ карманъ одного изъ этихъ платьевъ записочку со слѣдующими стансами:

«О ты, котораго люблю, но не знаю! когда посреди студенной ночи, ты будешь стоять на стражѣ, опираясь побѣдоносными руками на оружіе, вспомни, что это платье шила тебѣ женщина!»

«Какъ пріятна, какъ легка эта работа! какъ хотѣлось бы мнѣ посвящать ей и другія минуты! Посмотри на эту ткань, взгляни на эти вышивки и узоры; это работа любви!»

«Но кто знаетъ, станешь-ли ты, неизвѣстный, отвѣчать на нѣжную любовь мою? Кто знаетъ, быть можетъ, ты уже выбралъ себѣ подругу? О, я умру тогда: мнѣ нужно вѣрить, что я любима!»

Солдату, которому досталось платье, сшитое юною *Кай-Янь*, показалъ эти стихи своему офицеру; это приключеніе переходило изъ устъ въ уста, и пройдя всѣ степени воинской іерархіи, дошло до Императора. Тотчасъ отданы были самыя строгія приказанія; въ теремъ произведены точнѣйшія разысканія, и сочинительница стиховъ найдена; несчастная *Кай-Янь* приговорена къ смерти. Между-тѣмъ, въ минуту исполненія казни, жалость родилась въ сердцѣ Янь-Цуна: онъ простилъ неблагодарную и невѣрную супругу, и отдалъ ее за счастливаго солдата которому случай оказалъ такую услугу. Вотъ онъ! сказалъ повелитель

улыбаясь: вотъ тотъ, котораго ты такъ желала! По крайней мѣрѣ о тебѣ не скажутъ, что надежда тебя обманула.»

Жинь-ши не была еще за-мужемъ, и уже ввѣряла прелестному вѣтерку поэтическія свои вдохновенія; ученый мандаринъ *Ху-дзи-ду* увидѣлъ подъ ногами своими бамбуковый листокъ, на которомъ что-то было весьма красиво написано. То были стансы:

«Приди, о мой любезный, приди осушить слезы, текущія изъ глазъ моихъ; приди меня утѣшить; оставь позлащенные свои палаты, и приди ко мнѣ увѣриться, можетъ-ли любовь овладѣть твоимъ сердцемъ.

«Нѣтъ, я не ввѣрю скорби моей бумагѣ, не вырѣжу ея на камнѣ, но займу у осени одинъ изъ листковъ, которые отдѣляетъ она отъ вѣтвистыхъ деревь, и ввѣрю его дуновенію зефировъ.

«Летите, зефиры, несите тихимъ своимъ дыханіемъ легкій листокъ мой къ тому, о комъ я вздыхаю; пусть прочтетъ онъ его, пусть полюбитъ онъ меня, и любовь его исторгнетъ меня изъ объятій смерти.

«Но ахъ, что говорю я! Быть-можетъ, онъ не захочетъ внимать моему голосу! Быть-можетъ, онъ не покорится владычеству любви! О, я безумная, быть-можетъ, тотъ, кто найдетъ драгоценный листокъ мой, никогда меня не узнаетъ!»

Счастливый *Ху-дзи-ду* нашелъ это сокровище, и тщательно хранилъ его: онъ часто читалъ и часто произносилъ вслухъ стансы, на немъ написанные. Между-тѣмъ наступило для него время женитьбы, и, конечно игрою случая, онъ выбралъ въ супруги *Жинь-ши*. До тѣхъ поръ ничто не показывало ему, что она была сочинительницею этого стихотворенія. Однажды *Ху-дзи-ду*, по обыкновенію своему повторялъ эти стансы. Услышавъ первые стихи, она бро-

силась въ его объятія и вскричала: «Постой, постой! эти стихи мои;» и она прочла ему всю эту оду. Стихотворенія Жинь-ши прелестны, стихи ея плавны и гладки. У нея не замѣтно, какъ у ея соперницъ, роскоши метафоръ, преувеличенныхъ выраженій, которыя такъ часто встрѣчаются въ Восточной поэзи. Творенія этой женщины пользуются въ Китаѣ большимъ уваженіемъ: они находятся всѣ въ *Чи-мей-шюнь*, или «Книгъ ста женщинъ,» изъ которой взяты эти отрывки.

Си-хуэй была жена офицера, по имени Ту-дао, изгнаннаго изъ государства за политическіе проступки. Ту-дао удалился въ пустыни Шамскія, и провелъ тамъ три года. Си-хуэй, женщина дѣятельная и предприимчивая, не разъ просила Императора возвратить ея мужа; но все было тщетно. Ей оставалось одно средство. Зная, что Императоръ любитъ шелковыя ткани, она своими руками сработала прелестную ткань, и вышила на ней разными цвѣтами болѣе двухъ сотъ литеръ. Императоръ былъ этимъ тронутъ, принялъ подарокъ, и возвратилъ ея мужа.

Си-хуэй не писала другихъ стиховъ, кромѣ тѣхъ, которые посылала къ мужу во время его изгнанія. Эти посланія могутъ служить образцемъ прелести трогательнаго простодушія; это безпечное наслажденіе жены въ объятіяхъ мужа; вздохи любовницы, разлученной со своимъ любезнымъ, сладостныя утѣшенія нѣжнаго друга.

«О! сколько слезъ пролила я, когда ты отправился въ изгнаніе! Отсюда слѣдовала я за твоими стопами, отсюда переходила съ тобою синія горы, отсюда переплывала рѣки, и попирала ногами пески пустыни.

«Безмолвная, умирающая, я хотѣла кричать, но голосъ замиралъ на устахъ моихъ; ты не могъ слышать меня, когда

я говорила тебѣ: «Не забывай меня, мой милый, не забывай меня!»

«Время неизмѣримое протекло съ твоего отъѣзда, и я не знаю, живъ ли ты еще! Ложь, свидѣтель любви нашей, простыло. Кіоски, тобой воздвигнутые, террасы, тобой устроенныя, остаются пустыми; великолѣпные покои, въ которыхъ отдыхалъ ты, покрыты пылью.

«Съ послѣдняго нашего прощанія, надежда для меня уже не существуетъ; безъ тебя все кажется мнѣ печальнымъ. О, милый! когда позволено мнѣ будетъ снова тебя увидѣть! Какъ бы хотѣла я быть облакомъ, покрывающимъ гору, или блѣднымъ лучемъ луны, отражающимся въ морѣ!

«Это облако покоитъ тебя своею твнью, и луна, съ лазореваго своего трона, освѣщаетъ шаги твои. О! для чего, существа, къ тебѣ равнодушныя, наслаждаются твоимъ присутствіемъ? и для чего же мнѣ суждено имъ завидовать, когда я такъ люблю тебя?

«Ахъ, если бы за этими печальными скалами было хоть одно нѣжное сердце, которое бы сжалилось надъ твоимъ злополучіемъ; если бъ хоть одна благотворительная рука разсыпала на пути твоей жизни цвѣты удовольствія. Но ахъ! желанія мои не исполняются; они исчезаютъ какъ легкое сновидѣніе!

«Сады твои поросли травой, и я горюю въ одиночествѣ. Дворецъ твой пусть, лютя виситъ на стѣнѣ; въ долину не слышно звуковъ твоего сладостнаго голоса; повсюду царствуетъ молчаніе. Ахъ! когда же возвратишься ты, чтобы снова оживить насъ жизнью!

«Горы, возвышающіяся въ воздухѣ, рѣки, катящія спокойныя свои воды, раздѣляютъ вѣрныя наши души; а я, днемъ, опершись на вѣтви ивы, думаю о тебѣ, и плачу; ночью, простертая на охладѣломъ моемъ ложѣ, думаю о тебѣ, и снова плачу.

«Вотъ уже третью весну птицы возвращаются изъ своего изгнанія, а ты, ты не являешься! Сердце мое разрывается съ горести. Довольно; слезы кропятъ бумагу, которой повѣрю я печаль мою.

«О! не забудь о любви моей; та, которая тебя любила, любить тебя и понынѣ; для тебя только живетъ она. Быть-можетъ, небо, утомленное нашими несчастіями, смягчитъ сердце государя, и можетъ-быть, оно скоро возвратитъ тебя въ мои объятія!

Мей-фо была наложницею Императора Минъ-тана. Въ ея сочиненіяхъ замѣтна нѣжность и тонкость ума. Мей-фо не всегда имѣла счастье нравиться своему властителю: онъ оставилъ ее, но при удаленіи хотѣлъ оказать ей знаки своего благоволенія, и подарилъ ей жемчужное ожерелье. Мей-фо отказалась, и отвѣчала Императору слѣдующимъ четырестишіемъ :

«Ужели ты не видишь, какъ я горюю и печалюсь? Ты знаешь, что я хочу только любви твоей; зачѣмъ же предлагаешь ты мнѣ перлы?»

Если это эпиграмма, какъ увѣряютъ Китайцы, то надобно признаться, что Муза ихъ очень кротка! Ихъ стоило бѣ отдать въ ученіе къ нѣкоторымъ изъ нашихъ поэтовъ: тогда бы они узнали, что такое эпиграмма!

Имя *Фунъ-сянь-линъ* напоминаетъ величайшія злополучія. Она была царицею, и пользовалась всею любовью Императора; во время завоеванія Китая Манджурами, она перешла съ трона въ тюрьму. Фунъ, одинъ изъ завоевателей, взялъ ее въ плѣнъ; и она старалась усладить горестъ рабства музыкою и поэзіею. Однажды, когда она играла на *пепъ* (родъ лиры) въ присутствіи своего господина, одна струна порвалась и поль-

зуюсь этимъ обстоятельствомъ, она прочла безъ притотвления слѣдующее четырехстишіе :

«Я пѣла, овеликій царь, и между-тѣмъ я была печальна: я думала о моемъ возлюбленномъ супругѣ. Ты хочешь знать состояніе моего сердца: взгляни на эту струну!»

По мнѣнію Китайскихъ литераторовъ, это тоже эпиграмма. Какъ-бы то ни было, но Фунъ, тронутый этою эпиграммою, возвратилъ сочинительницу ея супругу.

Довольно! Слишкомъ долго было бы исчислять всѣ имена, составляющія это поэтическое созвѣдіе.

О.

Revue Britannique.

ГЁТЕ

ВЪ ПОСМЕРТНЫХЪ ЕГО СОЧИНЕНІЯХЪ.

=

Вотъ уже вышли въ свѣтъ послѣдніе десять томовъ сочиненій и переводовъ, оставшихся по смерти Гёте, — послѣдніе обломки нѣкогда колоссальной мысли, — послѣднее подаяніе человечеству отъ имени великаго ума, улетѣвшаго съ земли въ свѣтлое отечество духа*. Не спрашивайте, что заключается въ этихъ томахъ, — спросите лучше, чего въ нихъ нѣтъ! Содержаніе ихъ разнообразно какъ грезы генія, и какъ грезы же безсвязно, неровно, переходчиво. Это отдѣльныя статьи въ стихахъ и въ прозѣ: стихи — по большей части лирическіе; проза особенно богата критическими замѣчаніями на книги и произведенія Искусства. Можно себѣ представить, что знаменитый писатель не ограничился ни однимъ народомъ, ни одною или немногими Литературами: Греція, Франція, Англія, Италія, Востокъ попеременно обращаютъ на себя его вниманіе

* Хотя подъ этою статью читатели найдутъ фирму одного Англійскаго журнала, но мы предупреждаемъ однажды навсегда, въ изъясненіе всякихъ недоразумѣній, что статей, заимствованныхъ изъ иностранныхъ журналовъ, не должно почитать за простые переводы. Б. для Ч. беретъ изъ нихъ только главный предметъ, иногда лишь *нѣкоторыя* части. Форма этихъ статей всегда почти принадлежитъ исключительно Б. для Ч., которая многое прибавляетъ, убавляетъ, передѣлываетъ совершенно, какъ скоро въ заглавіи не выставлено имени какого знаменитаго автора; часто двѣ, три, четыре статьи изъ разныхъ повременныхъ изданій сливаются она въ одну статью, соединяя разнородныя ея части своими разсужденіями, и сообщая ей совсѣмъ другой видъ. Б. для Ч. не переводитъ, а говоритъ вмѣстѣ съ издателями иностранныхъ журналовъ *о томъ же предметѣ*, безъ спросу отвергаетъ ихъ сужденія, несогласныя съ своими понятіями, и безъ хвастовствъ замѣняетъ ихъ собственными своими мыслями. Дѣлю ядуть о пользѣ и удовольствіи

и подають поводъ къ глубокимъ или по-крайней-мѣрѣ остроумнымъ замѣчаніямъ. Эти бѣглыя, смѣлыя, тонкія, часто неокончанныя, иногда загадочныя, сужденія вкуса или взрывы вдохновенія ускользають отъ всякаго разбора, но они достойны изученія со стороны литераторовъ. Большая ихъ часть была напечатана съ подписью имени или безименно въ разныхъ временныхъ изданіяхъ. Въ девятомъ томѣ есть цѣлое собраніе житскіихъ правилъ, максимъ и размышлений; въ десятомъ нравственные и метафизическіе опыты; одиннадцатый посвященъ Минералогіи, Геологіи, Метѳорологіи; остальные четыре занимаетъ его Farbenlehre, теорія цвѣтовъ солнечнаго луча, гдѣ онъ старается опровергнуть ученія Ньютона. Это полная Исторія мыслей, сердца, желаній и предубѣждений автора, съ подлинными ея документами.

Осьмой томъ кажется намъ всѣхъ занимательнѣе и важнѣе, потому что это послѣдняя часть его *Dichtung und Wahrheit*, то есть, жизни автора, описанной имъ самимъ, — исповѣдь, высказанная съ такимъ же чистосердечіемъ и полнотою чувства, какъ Жанъ-Жакъ Руссо, но отнюдь на нее не похожая. Въ этой авто-

стии благомыслищихъ читателей, а не о томъ, какъ про себя думать какой-то заграничный журналистъ. Б. для Ч. не отвѣчаетъ своихъ передѣлокъ посредствомъ выносокъ, потому что онѣ слишкомъ многочисленны, и что это было бы скучно, безвкусно и бесполезно, — и если она расходуетъ мысли и познанія своихъ сотрудниковъ для статей, подписанныхъ именами иностранныхъ журналовъ, такъ это ужъ ея убытокъ. Обожатели всего чужаго, сколько довелось слышать, иногда находили, что такъ называемая ими переводная часть Б. для Ч. лучше оригинальной: въ этомъ еще не было бы ничего обиднаго для нашего Русскаго ума, потому что эта переводная часть есть извлеченіе всего отличнѣйшаго почти изъ сорока иностранныхъ журналовъ; но Б. для Ч. покорнѣе просила бы почтённыхъ обожателей всего не-Русскаго сличить многія изъ меймо переводныхъ статей съ ихъ подлинниками, и сказать, кому принадлежатъ ихъ форма и занимательность. Б. для Ч.

біографіи множество любопытныхъ анекдотовъ, странныхъ приключеній, картинъ дышащихъ жизнью, острыхъ критикъ и бойкихъ разсказовъ, которые часто проливаютъ новый, особенный, яркій свѣтъ не только на самого автора, но и на большую часть современныхъ ему литературныхъ знаменитостей. Сказываютъ, что Лордъ Байронъ предлагалъ сто фунтовъ стерлинговъ, чтобъ кто-нибудь перевелъ для него эту книгу. Въ первой части, исторія автора была доведена до 1775 или даже 76 года; вторая часть, которой вышелъ только одинъ томъ, содержала поѣздки его въ Италію въ 1786 году, а послѣдняя, изданная нынѣ, не столько продолженіе сколько дополненіе къ первымъ.

Она начинается размышленіями о Спинозѣ, доказывающими, что Гёте питалъ къ нему глубокое уваженіе. Такъ прилежно изучалъ онъ въ молодости этого философа, что, говорятъ, Гердеръ однажды сказалъ ему: «Кромъ Спинозы, вы буквально не читали ни одной Латинской книги.» Эти размышленія служатъ введеніемъ въ любопытныя подробности умственного его развитія.

«На внутренній поэтический талантъ мой, говоритъ здѣсь Гёте, сталъ я смотрѣть какъ на Природу тѣмъ болѣе, что во внѣшней Природѣ мнѣ видѣлась его прямая противоположность. Проявленіе этого поэтическаго дара конечно могло быть возбуждено и направлено случаемъ, но отрадіиѣ и роскошнѣе изливался онъ безъ всякаго произволенія и даже противъ моей воли.

«Я такъ привыкъ сочинять про себя пѣсни и потомъ сейчасъ забывать ихъ, что однажды бросился къ письменному столику, и даже не давъ себѣ передвинуть листа бумаги, который лежалъ наискось, не трогаясь съ мѣста, написалъ все стихотвореніе съ начала до конца діагонально. Тогда мнѣ лучше казалось писать карандашомъ, потому что онъ какъ-то послушнѣе, а перо, несноснымъ скрипомъ своимъ, иногда будило меня съ полуночныхъ грезъ поэзи,

развлекало мое вниманіе, и губило дѣтя мое при самомъ его рожденіи. Я особенно уважалъ такія стихотворенія, чувствуя къ нимъ почти то же самое, что насѣдка къ цыплатамъ, которыя только вылупились и чиликають вокругъ матери. Во мнѣ возобновилось прежнее желаніе сообщать ихъ другимъ посредствомъ чтенія, но мѣнять ихъ на золото казалось мнѣ прискорбно. Здѣсь кстати упомянуть объ одномъ случаѣ, хотя онъ былъ со мной немного позже. Когда начали день ото дня болѣе требовать моихъ сочиненій, и даже вызывали меня издать ихъ въ полномъ собраніи, а чувства, о которыхъ я сейчасъ говорилъ, мѣшали мнѣ приступить къ дѣлу, Гимбергъ воспользовался этою нерешимостью, и вдругъ я получалъ нѣсколько экземпляровъ собранія моихъ сочиненій. Этотъ непритяженный издатель нагло хвалился передъ публикой оказаніемъ ей такой услуги на мой счетъ, и предлагалъ, если я хочу, прислать мнѣ Берлинскаго фарфору въ вознагражденіе. Я вспомнилъ при этомъ случаѣ, что когда жида въ Берлинѣ женятся, ихъ принуждаютъ покупать известное количество фарфору для поддержанія Королевской мануфактуры. Презрѣніе, какое чувствовалъ я къ этому безстыдному разбойнику, побѣдило во мнѣ самое неудовольствіе, котораго не могла не причинить мнѣ потеря. Я не отвѣчалъ ему ни слова, и за поживу мою собственностью преспокойно отомстилъ ѣдкими стихами.

«Но какъ Природа, самовольно проявлявшаяся въ такихъ созданіяхъ, часто требовала продолжительнаго отдыха, а иногда въ длинныя промежутки времени я ничего не могъ написать, при всемъ моемъ желаніи, и слѣдственно страдалъ отъ скуки, то, съ сознаніемъ этой противоположности, родилась во мнѣ мысль, не долженъ ли я употребить то, что есть во мнѣ человѣческаго, разумнаго и особеннаго, къ моей собственной пользѣ и ко благу другихъ, и посвятить промежуточное время свѣтской дѣятельности, не оставляя такимъ образомъ ни одной способности праздною. Я нашелъ, что эта мысль, произтекшая казалась изъ однихъ общихъ соображеній, до того соответствовала моему характеру и положенію, что рѣшился дѣйствовать именно такимъ образомъ, и черезъ-то дать твердое основаніе моимъ

дотомъ зыбкимъ и колебавшимся наклонностямъ. Для меня пріятно было думать, что я буду въ правъ требовать дѣйствительнаго вознагражденія за дѣйствительныя услуги человечеству, продолжалъ дѣлать съ другими отраднѣйшій даръ Природы безкорыстно, какъ нѣчто священное.»

Для возникающаго у насъ поколѣнія писателей и художниковъ, мы должны выписать сужденіе Гёте объ развлекательномъ вліяніи общества :

«Одинъ умный Французъ говоритъ, что едва только человекъ съ талантомъ обратитъ на себя вниманіе публики хорошиимъ произведеніемъ, люди всѣми силами стараются помѣшать ему создать другое, подобное. Это сущая правда: сдѣлайте въ спокойномъ уединеніи юности что-нибудь хорошее, обличающее въ васъ истинный даръ, — вы заслужите ободреніе, но и утратите независимость; сосредоточенную силу нарочно вовлекаютъ въ разсыпаніе, потому что думаютъ поживиться отъ ея личности и присвоить кое-что себѣ. Съ этой цѣлью дѣлали мнѣ бездну приглашеній, или не то, что приглашеній, а пріятель, знакомый навязется бывало, не смотря ни на какія отговорки, ввести меня въ тотъ или въ другой домъ.»

Мало вопросовъ, о которыхъ столько было бы спору, какъ о томъ, должно ли художнику часто бывать въ обществѣ, или не должно. Г-жа Джемисонъ отвѣчаетъ на это отрицательно. Мы говорили уже въ послѣдней книжкѣ Б. для Ч. о сочиненіи этой преумной и ученой Англичанки, и сообщили изъ него, въ «Смѣси», нѣсколько прекрасныхъ строкъ о знаменитыхъ живописицахъ. Опредѣливъ себѣ цѣлю неуклонно слѣдовать за ходомъ Словесности и Наукъ въ цѣломъ образованномъ мірѣ и содержать публику въ извѣстности о всѣхъ новыхъ усиліяхъ и подвигахъ ума, мы рѣшились знакомить нашихъ читателей, при всякомъ удобномъ случаѣ, по-крайней-мѣрѣ съ примѣчательнѣйшими мѣстами лучшихъ твореній, вновь появляющихся въ разныхъ краяхъ, если предѣлы изданія и краткость времени не дозволяютъ намъ предста-

влять обширныхъ извлеченій. Вопросъ, котораго Гёте коснулся въ приведенныхъ здѣсь строкахъ, кажется намъ законнымъ предлогомъ къ тому, чтобъ еще разъ сблизить читателя съ мыслию и талантомъ Г- жи Джемисонъ. Вотъ краснорѣчивыя слова ея о томъ же предметѣ.

Альда.

« Не угодно ли послать молодаго художника, особенно ваятеля, изучать челоѳеческую природу въ Лондонъ или въ Парижъ? искать идеаловъ между магазищицами и танцовщицами? Высокаго и Изящнаго между ничтожными вертушками, деньголюбцами, полуживотными? Отъ того ли, кто сгубилъ молодость въ пошломъ разсѣянъ, чтобъ другихъ посютреть и себя показать, отъ того ли, кто искалъ покровительства за обѣдами, будете вы требовать выспренняго вдохновенія и вмѣстѣ терпѣливой рукодѣльности, безъ которыхъ нельзя ни постигнуть великаго и поэтическаго, ни провести многихъ лѣтъ надъ изображеніемъ мысли своей въ вѣчномъ мраморѣ? »

Медонъ.

« А въ теченіе этихъ лѣтъ чѣмъ жить самому ваятелю? Борьба должна быть самая тяжкая. Я слыхалъ отъ молодыхъ художниковъ, что они вынуждены были прибѣгнуть къ разсѣянной жизни, какъ къ средству чего-нибудь добиться въ свѣтъ. »

Альда.

« Я то же слышалъ. Это такой низкій предлогъ, что я вообще считаю его оправданіемъ не разсѣянности, а ужъ безпутства. Тѣ, которые говорятъ это, — люди потерянные; они или будутъ ползти всю жизнь въ посредственности и зависимости до самаго гроба, или, когда при хитромъ умѣ и бойкости, послужить имъ счастье, — войдутъ въ моду и поднимутся: они могутъ быть портретными живописцами или ваяте-

«лями бюстовъ; но если дерзнуть воспарить въ историческую или идеальную область Искусства, то пасть смѣшать боговъ и людей своимъ безсилемъ: высшіе, «священные источники вдохновенія для нихъ затворены».

Медонъ.

«Но подумайте объ искушеніяхъ общества.

Альда.

«Я думаю объ тѣхъ, которые превозмогли ихъ. Художникъ долженъ избрать себѣ предметъ обожанія. Онъ не можетъ работать и Богу и мамону. Тотъ геніальный человѣкъ, который думаетъ войти въ сдѣлку съ своими высокими дарами, чтобъ порой наслаждаться излишествами свѣта, нисходитъ отъ своего призванія къ нечистотамъ земли, и предаваться теченію обыкновенной жизни въ надеждѣ, что врожденныя силы опять вознесутъ его, — о! вѣрьте мнѣ, тотъ человѣкъ пускается въ отчаянную игру, губительную для девяноста девяти изъ ста.»

Это и краснорѣчиво и истинно, только немного односторонно: неужели всѣ общественныя удовольствія ведутъ въ разврату и сопровождаются излишествомъ? Да и исторія Искусства едва ли подойдетъ подъ эту теорію. Остроумная писательница самаразсказываетъ намъ, что Гвидо былъ игрокъ, а Тиціанъ веселый сибаритъ; кромѣ того, намъ извѣстно изъ другихъ источниковъ, что Фанъ-Дайкъ былъ отъявленный франтъ, царь щеголей своего времени, и не сводилъ глазъ съ самого себя.

Но возвратимся къ Гёте. Начало и большая часть слѣдующей главы заняты воспоминаніями о Лилли, — Лилли, одной изъ знаменитѣйшихъ его любовницъ: здѣсь есть между-прочимъ такія черты чувства, на которыя отзовется сердце каждаго, кто былъ въ подобномъ состояніи. Послушайте старика, воспоминающаго о своей молодости.

«Тогда возникла взаимная потребность, привычка видеть друг друга; но сколько дней, сколько вечеров мне пришлось бы отказывать себя въ этомъ удовольствіи, если бы я не въ силахъ былъ рѣшиться видѣть милую въ собственномъ кругу ея! Но и тутъ какія неприятности! Я не могу жить безъ нея, она безъ меня, а въ сообществѣ и подвліяніемъ извѣстныхъ членовъ ея круга, сколько улетало часовъ и дней безотрадныхъ!»

У Лилли была странная фантазія, которая, кажется, имѣла для него особенную прелесть:

«Поводомъ къ этой фантазіи была чрезвычайно неловкая невѣжливость, которую она разъ сдѣлала за столомъ, когда сидѣвшій подлѣ нея незнакомецъ завелъ какой-то нескрипичный разговоръ. Ни сколько не измѣняясь въ очаровательномъ лицѣ своемъ, она съ неизъяснимою пріятностью повела правою ручкою по скатерти и преспокойно столкнула на полъ все, что могла — ножи, вилки, хлѣбъ, солонку, даже нѣкоторыя вещи, приготовленные для ея сосѣда. Всѣ изумились, слуги подняли бѣготню, никто не зналъ, что это такое, кромѣ немногихъ догадливыхъ наблюдателей, которые радовались, что неблагопристойный разговоръ былъ такъ искусно перерванъ. Съ тѣхъ поръ движеніе правою рукою всегда было у насъ знакомъ отвращенія; но столкнуть что-нибудь позволяла себя только она одна, и то изрѣдка и всегда у мѣста.»

Онъ съ явною неохотою оставляетъ отношенія свои къ Лилли, чтобъ сообщить нѣсколько подробностей касательно его собственнаго положенія при тогдашнемъ ходѣ общественныхъ дѣлъ. Фридрихъ II, говорить онъ, опираясь на свою силу, казалось, все еще правилъ судьбою Европы и человечества, а великая Екатерина, войнами съ Турціей, пролагала новые пути для предприимчивости. Корсика и Паоли, Америка и Вашингтонъ, попеременно обращали на себя всеобщее вниманіе; дѣла во Франціи созрѣвали для перелома, хотя въ патріотическихъ видахъ молодого Короля все еще представлялись утѣшительныя на-

даждь къ отвращенію грозившей бурн. «Однако жъ, въ этихъ этихъ обстоятельствахъ принималъ я участіе только по мѣрѣ отношенія ихъ къ обществу, въ собственномъ смыслѣ: ни я, ни тѣсный кружокъ мой, не занимались въ чтеніе газетъ и въ новости; намъ хотѣлось ознакомиться съ отвлеченнымъ человѣкомъ, а не съ людьми, людьми взятыми въ сложности, могли бы сказать, что имъ угодно.» Замѣчательно, что точно такое равнодушіе обнаруживалъ онъ всю жизнь свою. Такъ какъ многіе его за это порицали, то мы выпинили объясненіе, данное на этотъ счетъ однимъ изъ друзей и защитниковъ его преданнѣйшихъ друзей:

«Где, говоритъ фонъ Мюллеръ, часто упрекали въ томъ, что онъ мало бралъ участія въ политическихъ формахъ своего отечества; что онъ не подалъ своего голоса въ минуты величайшаго политическаго возбудженія, и во многихъ случаяхъ показывалъ даже отвращеніе отъ либеральныхъ мнѣній. Конечно, характеръ его былъ не таковъ, чтобъ ему стремиться къ политической дѣятельности, которой первѣйшія условія были несомвѣстны съ избранною имъ сферой существованія, и которой слѣдствія выходили изъ круга его зрѣнія. Смотри на Исторію съ точки возвышенной, онъ видѣлъ въ ней памятную записку вѣчно повторяющейся и необходимой борьбы безразсудства и страстей человѣческихъ съ благороднѣйшими выгодами образованности; онъ слишкомъ хорошо зналъ опасности или по-крайней-мѣрѣ весьма загадочные результаты незванаго вмѣшательства; чистоту своихъ мыслей и созданій не хотѣлъ онъ возмущать шумными событіями того времени, а еще менѣе сдѣлаться послушной трубою какой-нибудь партіи, хотя, по увѣренію Галля, органъ публичнаго краснорѣчія былъ чрезвычайно развитъ въ головѣ его.

«Онъ былъ убѣжденъ, что для человѣка гораздо менѣе можно сдѣлать извнѣ, чѣмъ изнутри, и что бла-

гая и сильная воля сумѣетъ проложить себѣ путь и употребить въ пользу свою дѣятельность по какому бы то ни было формою гражданского общества.

»Въ этомъ убѣжденіи, онъ крѣпко держался порядка и повиновенія законамъ какъ главному средству общественнаго блага. Все, что угрожало задержанію ходу нравственнаго и умственнаго совершенствованія и методическому приложенію и употребленію врожденныхъ способностей; все, что вело къ предоставленію лучшаго и возвышеннѣйшаго въ жизни на произволъ дикой и необузданной страсти, во власть людскихъ, буйныхъ и жестокихъ, — все это почиталъ настоящимъ тиранствомъ, смертельнымъ врагомъ истинной свободы, зломъ совершенно нестерпимымъ.

«Вотъ убѣжденіе, оживлявшее все его стараніе действовать на умы другихъ изустно и письменно — внушать, поучать, ободрять, удерживать; выставять ложное, уродливое, пошлое, во всемъ ихъ ничтожество, соединяться вполне съ душами благородными и неколебимо поддерживать ту высшую свободу мысли и воли, управляемой разумомъ, которая возноситъ людей къ истинному достоинству человеческой природы.»

Несмотря на эту умную защиту, Гёте намъ не кажется совершенно чуждымъ упрека въ содѣйствіи къ несчастному раздраженію умовъ въ Германскомъ юношестве. Онъ увлекся господствовавшей въ прошломъ столѣтіи модою низвергать все такъ называемое феодальное, не примѣтивъ того, что въ этомъ низверженіи несогласныхъ съ новыми понятіями готическихъ прикрасъ общественнаго зданія могли быть повреждены истинныя пользы общества. Онъ не расчелъ, что возстаніе такого ума, каковъ былъ его, противъ нѣкоторыхъ обветшалыхъ правъ баронства, уменьшало въ то же время уваженіе къ аристократіи, которой начало долженъ онъ былъ отдѣлать отъ старинныхъ

и поддерживать всею силою своего
 основную опору прочности и величія об-
 щества. Даже какъ природное учрежденіе человѣче-
 ской инстинктъ нашего рода, въ отвѣтственномъ и
 общественномъ отношеніи. «Аристократія, гово-
 ритъ и именно Германская аристократія, упра-
 вляемъ и безпрекословно пользовалась всеми
 моральными и политическими преимуществами,
 доставшимися ей отъ предковъ, когда въ «Вертеръ»
 Гёте въ «Гёцъ фонъ-Берлихингенъ» явились
 сдѣланы выходки, хотя и косвенныя выходки, на ея
 пріоритетъ.» Намеки въ Вертеръ прошли благополучно,
 потому что не имѣли ни какой непосредственной
 или предъменной цѣли; но въ Гёцъ, картина стра-
 дающаго, которая терпѣло общество отъ феодальныхъ
 владѣтелей, обратила на себя больше вниманія, и вве-
 ла автора въ подозрѣніе; и весьма справедливое, у выс-
 шихъ классовъ и людей здраво понимающихъ начала
 благоденствія народовъ.

Но довольно о политикѣ, которой мы терпѣть не
 можемъ. Сказавъ, что по совѣсти слѣдовало ска-
 зать о политическихъ понятіяхъ Гёте, поспѣшимъ къ
 пріятнѣйшему для всѣхъ, и для насъ въ особенности,
 предмету, — къ Словесности, къ изящному, къ за-
 мѣчаніямъ автора о томъ, какъ поэзія начала при-
 немъ отбрасывать риму и даже предпочитать прозаиче-
 скую форму стихотворной: именно, Клопштокъ на-
 писалъ тогда Мессіяду въ гекзаметрахъ, а повесть
 о Германновомъ боѣ и Смерть Адама въ прозѣ. По
 словамъ Гёте, это произвело въ литературѣ довольно
 замѣшательства и недоумѣнія, потому что толпа пи-
 сателей не имѣла ни какого понятія обьистинныхъ
 началахъ мстра. Ту же самую склонность видимъ
 мы теперь въ Англии, и даже во Франціи, гдѣ лучшіе
 поэты сдѣлались прозаиками. Такъ какъ мы постоян-
 но стараемся совокуплять въ нашемъ изданіи все

примѣчательнѣйшіе современные помыслы, то отъ Гёте сдѣлаемъ *сальто-мортале* на Г. Бульвера и на его «Рейнскихъ Пилгримовъ,» о которыхъ уже однажды говорили довольно подробно. Вотъ, что говоритъ Г. Бульверъ въ своихъ Рейнскихъ Пилгримахъ: «Мнѣ, право, кажется, что, въ настоящемъ «возрастѣ нашего просвѣщенія, мы, не замѣчая это- «го, ошибаемся всѣ вообще на счетъ достоинства сти- «хотворства, которое, по старой привычкѣ, называютъ «исключительно поэзіею. Оно по-прежнему услади- «тельно, но перестало поучать. Проза сердца про- «свѣщаетъ, трогаетъ, возвышаетъ гораздо болѣе поэ- «зін. Самый философскій поэтъ вашъ, переложен- «ный въ прозу, сдѣлается пошлымъ. Чайльд Га- «рольдъ, кажущійся такимъ глубокомысленнымъ тво- «реніемъ, обязанъ этимъ глубокомыслиемъ своему ме- «трическому слогу: въ самомъ дѣлѣ, въ немъ нѣтъ ни- «чего новаго, кромѣ механизма слова. Стихъ не мо- «жетъ вмѣстить въ себѣ той нѣжно-уточенной мы- «сли, которую выражаетъ великій писатель въ прозѣ; «пріема всегда ее увѣчить: она можетъ имѣть дѣло «только съ простѣйшими задачами человѣческой при- «роды, теперь уже пошлыми, а не съ тонкими фило- «софическими заключеніями, которыя можно взъ нихъ «вывести. Стало-быть, хоть это и покажется сначала «парадоксомъ, пошлость болѣе стихія поэзін, нежели «прозы. Чувствуя это, Шиллеръ написалъ въ прозѣ «своего Фіеско, самую глубокую изъ новѣйшихъ тра- «гедій.»

Станемъ продолжать прежнія выписки. Гёте зна- комить насъ съ графами Штольбергъ, съ которыми сблизило его участвованіе въ Геттингенскомъ «Аль- мапахъ Музь.»

«Въ то время, говоритъ онъ, люди имѣли странныя по- нятія о любви и дружбѣ. Влеченіе другъ къ другу, похожее

на взаимную доверенность, считалось за любовь, за непреодолимую склонность: я сам обманывался на счет этого чувства съ другими, и терпѣлъ за то много лѣтъ и во многихъ отношеніяхъ.»

По совѣту своихъ родителей, которымъ хотѣлось разлучить его съ Лилли и еще съ нѣкоторыми знакомствами во Франкфуртѣ, онъ побѣжалъ со Штольбергами въ Швейцарію. «Ты съ ними не долго пребудешь,» сказалъ ему пріятель его, Меркъ, прозванный Меонстофелемъ, за колкость, смѣшанную съ природнымъ добродушіемъ, и подкрѣпилъ пророчество свое замѣчаніемъ, которое Гёте повторилъ за нихъ и потомъ часто находилъ очень вѣрнымъ: «Твое стремленіе, твое неизмѣнное стремленіе то, чтобъ давать поэтическую форму дѣйствительному; другіе хотятъ осуществить такъ называемое поэтическое, мечтательное, и изъ этого выходятъ однѣ нелѣпости.»

«Когда постигнешь, говорить Гёте, неизмѣримое разстояніе, существующее между этими двумя родами дѣятельности, когда вникнешь въ оба, и испытаешь ихъ въ приложеніи, какой это значительный шагъ къ разрѣшенію тысячи другихъ вещей.» По несчастію, еще не успѣли они выѣхать изъ Дармштата, то есть, первой ихъ станціи отъ Франкфурта, какъ ужъ представился случай, который разительно подтвердилъ Мерково замѣчаніе.

«Къ числу сумасбродствъ того времени, основанныхъ на мысли, что человѣкъ долженъ стараться перенестись въ естественное состояніе, принадлежало купанье въ чистой водѣ, на открытомъ воздухѣ, и друзья наши не могли пропустить ни одного удобнаго къ тому случая. Дармштадтъ лежитъ на песчаной равнинѣ и не имѣетъ текучей воды; но въ окрестности былъ небольшой прудъ, о которомъ я тутъ только и слышалъ. Ревностные послѣдователи Природы вздумали освежиться въ этомъ прудѣ: видъ нагихъ молодыхъ людей среди дня могъ показаться страненъ сосѣдямъ, и во всякомъ случаѣ, былъ неблагопріисоенъ. Острота Мерко-

выхъ заключеній меня поразила, и, признаюсь, я ускорилъ нашъ отъездъ.»

Въ Карльсруэ встрѣтился онъ съ Герцогомъ и Герцогинею Саксенъ-Веймарскими, которые изъявили ему искреннее желаніе видѣть его въ Веймарѣ. Тамъ же, нѣсколько разъ видѣлся онъ съ Клопштокомъ, и сообщилъ ему новѣйшія сцены Фауста. Клопштокъ, который, сказываютъ, отнюдь не любилъ хвалить, отзывался объ нихъ самымъ лестнымъ образомъ, не только самому автору, но и многимъ другимъ особамъ, прибавляя, что очень желалъ бы видѣть окончаніе піесы.

Въ Карльсруэ, Гёте разстался съ Штольбергами, чтобъ посѣтить шурина своего, Шлоссера, въ Эммендингенъ, а оттуда поѣхалъ въ Цюрихъ, гдѣ Лафатеръ занимался своими фізіономическими изслѣдованіями. Онъ принялъ его дружелюбно, почти съ восхищеніемъ, да и не даромъ: онъ не только наслаждался удовольствіемъ говорить и разсуждать о своихъ теоріяхъ съ первымъ гніемъ того времени, но даже взвалилъ на него тяжкій трудъ пересмотрѣть его сочиненіе:

«Это былъ одинъ изъ обременительнѣйшихъ налоговъ, какимъ только подвергалась моя дѣятельность. Пусть читатель разсудитъ самъ. Рукопись съ принадлежащими къ ней рисунками послѣдовала за мной во Франкфуртъ. Я получилъ право вычеркивать все, что мнѣ не понравится, перемѣнять, вставляя, что захочу, но, признаться, я пользовался этимъ правомъ весьма умеренно.»

Единство и связность, которыя находимъ теперь въ Лафатеровомъ сочиненіи, не смотря на разнообразіе матеріаловъ, Гёте приписываетъ въ особенностяхъ необычайнымъ дарованіямъ рисовальщика и гравера, Липса.

Всѣ удивлялись истинѣ и живости, съ какими Гёте описывалъ мѣстоположенія. Слѣдующія строки от-

части объяснять намъ, какъ усовершенствовалось въ немъ это особенное искусство :

«Прежде, чѣмъ спустимся съ этихъ величественныхъ высотъ къ озеру и къ городу, который улыбается тамъ внизу, я замѣчу кое-что о своихъ попыткахъ унести съ собою въ рисункахъ и очеркахъ тѣ виды, которые мнѣ особенно понравятся. Привычка моя, съ дѣтства, смотреть на мѣстоположеніе какъ на картину, вела меня къ тому, чтобъ вглядываться пристально, когда увижу картинный видъ въ дѣйствительной Природѣ, и укоренять въ памяти неизгладимыя впечатлѣнія. Желаніе снять такой видъ, соединенное съ торопливостью, заставило меня прибѣгнуть къ странному способу: окинувъ взоромъ какой-нибудь замѣтательный предметъ, я тотчасъ означалъ его въ немногихъ и самыхъ общихъ чертахъ на бумагѣ, а подробности, которыхъ не могъ выразить карандашемъ, дополнялъ словами, и черезъ-то пріобрѣталъ такое внутреннее созерцаніе этихъ видовъ, что, въ случаѣ нужды въ нихъ для какого-нибудь сочиненія, я могъ вызвать любой, и онъ всегда былъ готовъ явиться передо мною.»

Воротившись въ Цюрихъ, онъ уже не засталъ тамъ Штольберговъ, потому что пребываніе ихъ въ этомъ городѣ сократилось отъ возобновленія попытки осуществить прекрасный идеалъ пастушеской простоты. Добродушные Швейцарцы, кажется, еще болѣе Дармштадтцевъ, оскорбились ихъ нескромнымъ купаньемъ, и однажды, когда они плескались въ горномъ потокѣ, градъ камней, низринутый съ высотъ, принудилъ ихъ къ поспѣшной ретирадѣ, и они благодарили судьбу, что могли убраться съ пожитками, то есть, съ платьемъ. Въ негодованіи они поспѣшили отъѣздомъ изъ Цюриха, предоставляя Лафатеру оправдываться какъ угодно за такихъ бѣшеныхъ и буйныхъ гостей, не Христіанъ, а сушихъ язычниковъ, — такъ честили ихъ въ цѣломъ околodкѣ. Гёте опять сошелся здѣсь съ Лафатеромъ, и каковы бы ни были достоинства системы знаменитаго физиогномиста, но личною

проницательностию и острою умъ онъ произвести въ своемъ посѣтителѣ самое живое впечатлѣніе:

«Всякой талантъ, основанный на рѣшительномъ природномъ дарованіи, кажется намъ въ какой-то магической оболочкѣ, потому что мы не можемъ составить себѣ определеннаго понятія ни объ немъ самомъ, ни объ его произведеніяхъ. Вѣрность Лафатерова взгляда на отдѣльныя лица была точно непостижима: нельзя было не изумляться, когда онъ откровенно говорилъ объ томъ или объ другомъ человѣкѣ; ужасъ бралъ жить подлѣ существа, которое, казалось, ясно видить за предѣлы, ограничивающіе, по закону Природы, всѣхъ, ему подобныхъ.»

Вотъ чудный примѣръ Лафатерова навыка къ мелочному наблюденію:

«По Воскресеньямъ, послѣ проповѣди, онъ какъ пасторъ, обязанъ былъ стоять съ кошелькомъ при выходѣ, и принимать подаванія прихожанъ съ благословеніями. Разъ, онъ нарочно рѣшился не смотрѣть ни на кого, а только обращать вниманіе на руки, и по нимъ представлять себѣ лица. Не только форма пальцевъ, но самое положеніе ихъ при подачѣ денегъ не ускользнуло отъ его проницательности, и онъ наговорилъ мнѣ объ этомъ очень много.»

Рядомъ съ сужденіями о Лафатерѣ находимъ любопытныя размышленія о гениі:

«Никто добровольно не признаетъ въ другомъ преимущества, до тѣхъ поръ, пока есть возможность отрицать его. Всего менѣе можно отрицать естественныя преимущества, между-тѣмъ общій говоръ того времени допускалъ гениі въ однихъ поэтахъ. Теперь же, казалось, вдругъ возникъ новый міръ: гениі стали требовать отъ врача, отъ генерала, отъ государственнаго человѣка и наконецъ отъ всякаго, кто вздумаетъ отличиться въ теоретическомъ или практическомъ отношеніи. Особенно Циммерманъ пустилъ въ ходъ эти требованія. Лафатеръ, въ своей Физіономикѣ, по необходимости долженъ былъ прибѣгнуть къ раздѣленію умственныхъ способностей, болѣе общему: словомъ — гениі — все разрывалось, и слыша его такъ часто, люди дѣйствительно стали думать, что означаемое имъ свойство у всякаго

подъ рукою. Оттого что каждый считалъ себя въ правѣ требовать генія отъ другихъ, всѣ увидѣли его въ самихъ себѣ. Еще далеко было до того времени, когда можно было вымолвить, что геній есть та способность чловѣка, которая, дѣйствуя и творя, даетъ законы и правила. Въ ту пору онъ проявлялся только нарушеніемъ существующихъ законовъ, испроверженіемъ установленныхъ правилъ, и возгласами о своей неограниченности. По-этому, легко было прослыть геніемъ, и нѣтъ ничего естественнѣе, что такое злоупотребленіе слова и дѣла побудило всѣхъ людей съ правилами противустать этой безурядицѣ.

«Если кто-нибудь бѣжалъ пѣшкомъ по свѣту, не зная куда и зачѣмъ, это называлось геніальнымъ путешествіемъ; если кто предпринималъ что-нибудь превратное безъ всякой полезной цѣли, говорили, что это внушено геніемъ. Молодые, кипящіе жизнью и нервдко дѣйствительно даровитые люди, совершенно терялись въ безпредѣльномъ, а старшіе и благоразумнѣйшіе, пользуясь удобнымъ случаемъ, нарочно представляли публикѣ ихъ промахи, съ самой смѣшной стороны.

«Я увидѣлъ, что содѣйствіемъ и вліаніемъ тѣхъ, которые раздѣляли мои виды, удерживался я отъ развитія и выраженія самого себя гораздо болѣе, нежели противоборствомъ тѣхъ, которые были со мною несогласны. Слова, присловья, фразы, выдуманная для уничтоженія высшихъ умственныхъ способностей, до того распространились въ толпѣ бездушниковъ съ презрительной улыбкой, что ихъ по-сю-пору слышишь иногда отъ необразованныхъ: они даже втерлись въ словари, и слово геній подвергалось такимъ превратностямъ смысла, что изъ этого вздумали выводить необходимость совершеннаго изгнанія его изъ Нѣмецкаго языка. Такимъ образомъ, Германцы, у которыхъ пошлаго вообще гораздо болѣе, чѣмъ у другихъ народовъ, вѣроятно сами лишили бѣ себя прелестнѣйшаго цвѣта рвчи чловѣческой, слова, только кажущагося чуждымъ, но равно принадлежащаго всѣмъ племенамъ, если бѣ, къ счастью, не установилось чувство высшаго и лучшаго, основанное на глубокомысленнѣйшей философіи.»

Такова была судьба генія во всѣ времена.

Decipit exemplar vitii imitabile; quod si
Pallerem casu, biberem ex sanguine cuminum.

«Образецъ влечетъ къ подражанію самыми недо-
«статками: вы, котораго называютъ геніемъ, поблѣд-
«или случайно, а многіе готовы напиться уксусу,
«чтобъ и съ ними было то же.»

Если бъ Лордъ Байронъ увидалъ, что за люди вы-
пускали воротъ рубашки изъ-за галстуха, и старались
быть меланхолическими джентельменами, въ подра-
жаніе Его Милости, онъ вѣрно бы проклялъ унылый
тонъ, облачился бъ въ крахмаленные воротнички, и
былъ бы весельчакомъ и вертопрахомъ по гробъ свой.

Гёте называетъ геній «тою способностью человѣка,
которая, дѣйствуя и творя, даетъ законы и правила.»
Любопытно сравнить это съ нѣкоторыми другими
опредѣленіями или описаніями генія. Бюффонъ, на-
примѣръ, утверждалъ, что это только высшая терпѣ-
ливость; Газмизъ, одинъ изъ оригинальнѣйшихъ мы-
слителей своего времени, говоритъ: «Геній, или ори-
гинальность, есть, по большей части, какое-нибудь
сильное свойство души, соответствующее какому-ни-
будь новому и разительному свойству въ Природѣ, и
выводящее его наружу.» Джонсонъ толкуетъ, что это
«та способность, которая составляетъ поэта; то ка-
чество, безъ котораго сужденіе холодно, и знаніе кос-
но; та мощь, которая собираетъ, соображаетъ, допол-
няетъ и одушевляетъ.» Предоставляя читателямъ
на выборъ эти четыре опредѣленія, мы чистосердечно
признаемся, что ни одного изъ нихъ не находимъ удо-
влетворительнымъ. Если бъ у насъ спросили, что
есть геній, — мы бы отвѣчали: совершеннѣйшее или
ближайшее къ совершенству, задуманному Творцемъ,
устройство человѣческой головы, — мозгъ, который хо-
дитъ такъ исправно какъ Брежетовы часы, и на кото-
ромъ душа можетъ очень легко и съ большою точно-

стью производить всё, и самыя тонкія, свои дѣйствія. Но и это не довольно ясно. Очевидно лишь одно — нелѣпость стараго предразсудка, отдающаго поэгамъ монополію генія: въ самомъ дѣлѣ, почти каждое искусство, каждая наука, можетъ служить ему поприщемъ, и д'Аламберъ утверждалъ отнюдь не парадоксъ, а сущую истину, сказавъ, что Геометрія требуетъ столько же воображенія, какъ и Поэзія, и что изъ всѣхъ великихъ мужей древности Архимедъ имѣетъ можетъ быть наиболѣе права стоять наряду съ Гомеромъ.

Гётево возвращеніе во Франкфуртъ не слишкомъ обрадовало его родителей, потому что они боялись возобновленія связей его съ Лилли, и теперь ему не легко было устоять противъ искушенія: она торжественно объявила, что готова пожертвовать для него всёмъ на свѣтъ, и бѣжать съ нимъ въ Америку, которая — говоритъ онъ намъ — была въ то время гораздо болѣе вышшняго Эльдорадомъ для тѣхъ, кто чувствовалъ себя стѣсненнымъ существующими постановленіями или обстоятельствами. «Но именно то, что должно было оживотворить мои надежды, напротивъ подавило ихъ. Мой милый родительскій домъ, во стѣ шаговъ отъ ея жилища, все таки казался мнѣ гораздо сноснѣе, гораздо пріятнѣе далекой, безвѣстной стороны за моремъ; однако жъ правда и то, что подлѣ нея оживали всё мои надежды, всё желанія, и я опять не зналъ, на что рѣшиться.»

Между-тѣмъ онъ прилежно занимался Литературой, ободряемый отцемъ, который, не такъ какъ Петраркинъ, убѣдился наконецъ въ безразсудствѣ своихъ усилій сдѣлать сына законовѣдцемъ.

«По счастью, наклонности мои согласовались съ желаніями и мнѣніями моего отца. Онъ такъ много воображалъ себѣ объ моемъ поэтическомъ дарованіи, и такъ душевно радовался успѣхамъ первыхъ моихъ сочиненій, что часто

разговаривалъ со мною объ новыхъ, обширнѣйшихъ предпріятіяхъ.»

Такъ развилась въ немъ мысль объ Эгмонтѣ. Кромѣ Словесности, онъ прилежно занимался рисованьемъ, и, подѣ руководствомъ художника Крауза, сдѣлалъ, кажется, значительные успѣхи.

«Близость художника необходима для дилеттанта, который видитъ въ немъ дополненіе самого себя: его желанія осуществляются художникомъ.

«Съ нѣкоторою природною способностью и упражненіемъ, я довольно успѣлъ въ очеркѣ, и не затруднился съемкой съ натуры; но мнѣ не доставало настоящей пластической силы, удачной тушовки, для отгласенія моихъ очерковъ надлежащимъ размѣщеніемъ свѣта и тѣни. Подражанія мои были какими-то отдаленными предчувствіями того или другаго образа, и фигуры походили у меня на легкія, воздушныя существа Дантова Чистилища, которыя, не бросая отъ себя тѣни, съ ужасомъ отпращиваютъ отъ тѣней настоящихъ тѣлъ.

«Благодаря Лафатеровой физиономической ловлѣ, какъ можно назвать неутомимую ревность, съ которою настаивалъ онъ, чтобъ не только все всматривались въ лица, но и срисовывали ихъ по крайнему разумѣнію, — я приобрѣлъ нѣкоторый навѣкъ, списывая портреты съ пріятелей бѣлымъ или чернымъ карандашемъ на сѣрой бумагѣ. Сходства нельзя было не замѣтить, но требовалось содѣйствіе моего артиста-пріятеля для вызова ихъ изъ царства тмы.»

Въ послѣдствіи собраніе мѣловыхъ портретовъ превратилось у Гёте въ какую-то страсть. Разъ у него было ихъ отъ четырехъ до пяти сотъ вмѣстѣ.

Теперь насъ ожидаетъ занимательный и драматически изложенный разсказъ о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя предшествовали отъѣзду его изъ Франкфурта.

«Съ вершины одной Швейцарской горы я воротился, не заглянувъ въ Италію, потому что не могъ жить безъ Англи. Склонность, основанная на сладкой надеждѣ взаимнаго обладанія, неразрывнаго союза на всю жизнь, — такая склонность не умираетъ внезапно; нѣтъ, она находитъ себя

пищу въ созерцаніи благоразумныхъ желаній и непорочныхъ чаяній, которыми мы сами себя обольщаемъ.

«Очень естественно, что дѣвушка, въ такихъ случаяхъ, рѣшается скорѣе молодаго мужчины. Какъ внучки Пандоры, эти милыя созданія обладаютъ завиднымъ даромъ привлекать, заманивать, собирать вокругъ себя, — и не столько по склонности, какъ по естественному побужденію, даже просто изъ одного коварства! Оттого онѣ часто сами пускаются толпы своихъ поклонниковъ, какъ новичекъ въ Магін трусить вызванныхъ имъ духовъ. Но прійдется жъ наконецъ сдѣлать выборъ, рѣшительно предпочесть одного всѣмъ прочимъ, и этотъ одинъ убедеть къ себѣ суженую...

«И какъ зависить отъ случая то, что даетъ здѣсь направление выбору, что рѣшаетъ выбирающую! Я отрекся отъ Лилли по собственному убѣжденію, но любовь сдѣлала для меня это убѣжденіе подозрительнымъ. Точно такъ и Лилли разсталась со мною: для развлечения предпринялъ я пріятное путешествіе, но оно произвело совсмѣ не то, чего я ожидалъ.

«Пока я былъ въ отсутствіи, я вѣрилъ нашей разлуки, но не разрыву нашей связи. Надежды, воспоминанія, желанія, — все это во мнѣ кипѣло. Теперь я воротился, и какъ свиданіе ничѣмъ не связанныхъ, счастливыхъ любовниковъ есть самое небо, такъ свиданіе двухъ особъ, разлученныхъ доводами разсудка, есть нестерпимое чистилище, настоящее преддверіе ада. Явившись опять подлѣ Лилли, я сталъ чувствовать вдвойнѣ всѣ несоответствія, поколебавшія отношенія наши другъ къ другу, и увидѣвъ себя снова въ ея присутствіи, я постигъ всю тягость той мысли, что Лилли для меня не существуетъ.

«По-этому я часто рѣшался бѣжать ея, и почелъ для себя самымъ благопріятнымъ случаемъ прибытіе изъ Карльсруэ во Франкфуртъ юной Герцогско-Веймарской четы, которой приглашеніями я могъ теперь воспользоваться, чтобы ухать въ Веймаръ. Я всегда удостоивался отъ этихъ высокихъ особъ самаго милостиваго, радушнаго пріема, и платилъ имъ за то съ своей стороны чувствомъ искренней признательности. Привязанность моя къ Герцогу, возникшая съ первой минуты нашего знакомства; уваженіе къ

принцессъ, которую я давно зналъ, хотя только и по виду; желаніе, сколько-нибудь доказать дружелюбіе мое къ Виланду, который поступалъ въ отношеніи ко мнѣ такъ великодушно, и загладить полуумышленный и полуслучайный недостатокъ вѣжливости въ прежнихъ моихъ сношеніяхъ съ этимъ человѣкомъ, — вотъ побудительныя причины, достаточныя къ убѣжденію, или лучше къ воспламененію, молодого человѣка, даже и безстрастнаго. Но къ этому присовокуплялась еще необходимость бѣжать отъ Лилля такъ или иначе: на югъ, гдѣ ежедневные рассказы батюшки судили мнѣ рай Искусства и Природы или на сѣверъ, куда такой замѣчательный кругъ отличныхъ людей приглашалъ меня.

«Высокая чета прибыла, на возвратномъ пути своемъ, во Франкфуртъ. Тутъ же былъ тогда Дворъ Мейнингенскій, и какъ особы этого Двора, такъ и Тайный Совѣтникъ Дуркгеймъ, сопровождавшій молодыхъ принцевъ, принимали меня какъ нельзя дружелюбнѣе. Но чтобъ и тутъ не обошлось безъ юношеской странной выходки, то простой недомакъ поставилъ меня въ чрезвычайное и вмѣстѣ смѣшное затрудненіе.

«Веймарская и Мейнингенская фамиліи помѣщались въ одномъ и томъ же домѣ. Приглашаютъ меня къ обѣду. Голова моя такъ запята Веймарскимъ Дворомъ, что я ни о чемъ больше не думаю; и мнѣ даже не пришло на умъ, чтобъ могла обратить на меня вниманіе Мейнингенская фамилія. Являюсь въ приличномъ нарядѣ въ отель, подъ вывѣской Римскаго Императора, нахожу комнаты Веймарскихъ гостей пустыми, и узнавъ, что они у Мейнингенцевъ, иду туда и встрѣчаю ласковый пріемъ. Я думалъ, что это дообѣденный визитъ, или, что они обѣдаютъ вмѣстѣ, и ожидалъ, что будетъ далѣе. Вдругъ Веймарское общество собралось итти, и я за нимъ; но вмѣсто того, чтобъ возвратиться въ свои покои, эти господа пошли прямо съ лестницы къ экипажамъ, и я очутился съ ними на улицѣ.

«Вмѣсто того, чтобъ вникнуть въ дѣло обстоятельнѣе и разузнать какъ и что, я тотчасъ побѣжалъ домой, какъ взбалмошной, и засталъ своихъ за десертомъ. Батюшка покачалъ головой, а матушка постаралась вознаграждать меня, по

мврѣ возможности. Въ вечеру она объявила мнѣ за тайну, что когда я пошелъ изъ дому, батюшка дивился, какъ я, будучи неглупымъ малымъ, не хотѣлъ догадаться, что приглашеніе съ той стороны сдѣлано мнѣ въ пику. Но это замѣчаніе меня не тронуло, потому что я уже выдѣлся съ Дуркгеймомъ, который съ шуточными упреками потребовалъ отъ меня отчета въ моемъ поступкѣ. Тутъ лишь пробудился я отъ моего сна, и сыскалъ случай просить прощенія и благодарить за милость, оказанную мнѣ сверхъ всякаго чаянья.

«Когда, по весьма уважительнымъ причинамъ, я согласился на дружественныя предложенія Веймарскаго Двора, то касательно отъѣзда моего положено было слѣдующее: пѣкто, оставшійся въ Кальсруэ во ожиданіи ландо изъ Страсбурга, долженъ былъ проѣзжать черезъ Франкфуртъ въ известный день, и мнѣ надлежало быть готовымъ немедленно отправиться съ нимъ въ Веймаръ. Милостивое прощанье, которымъ удостоила меня юная чета, и дружественное расположеніе всей ея свиты, дѣлали для меня это путешествіе чрезвычайно пріятнымъ, кромѣ того, что и способы, казалось, улажены были какъ нельзя лучше.

«При всемъ томъ, даже эта простая, безкорыстная сдѣлка долженствовала затрудниться случайностями, возмутиться страстями и почти совсѣмъ разстроиться. Простившись съ знакомыми, объявивъ всѣмъ, когда я ѣду, поспѣшно уложивъ вещи и съ ними рукописные труды свои, я ждалъ того часа, который долженъ былъ припестъ съ собою моего пріятеля въ новой каретѣ, и унестъ меня въ новый край, къ новымъ связямъ. Минуль часъ, минуль и день, и чтобъ не повторять прощальной церемоніи или не быть измучену посещеніями, я послѣ этого не сказывался дома, принужденъ былъ не выходить даже изъ своей комнаты, и такимъ образомъ увидѣлъ себя въ довольно странномъ положеніи.

«Уединеніе и затворничество имѣло, однако жъ, свои выгоды: чтобъ провести время, я трудился надъ Эгмонтъ и почти его докончилъ. Я прочелъ его батюнкѣ, которому эта піеса особенно нравилась, и онъ ничего такъ не желалъ, какъ видѣть ее конченной и въ печати, надѣясь,

что через этот труд известность сына его еще более распространится. Впрочемъ, ему и надо было утѣшать меня, потому что онъ пускался въ самые подозрительные толки на счетъ долгаго неприбытія кареты. Часто все это считалъ онъ за выдумку, не вѣрилъ ни въ какое ландо, и въ свѣдокъ видѣлъ одну мечту воображенія. Со мной онъ говорилъ только обипяками, но за то какъ мучился самъ и мучилъ матушку! Ему казалось, что это просто дворская шутка, сыгранная со мной за мою невѣжливость, чтобъ огорчить и пристыдить меня, взманивъ почестью, и потомъ внасмѣшливо оставивъ дома. Я все еще не перемѣнялъ своихъ прежнихъ мыслей, радовался моему затворничеству, гдѣ не мѣшали мнѣ ни друзья, ни гости, ни общественныя приличія, и усердно писалъ себѣ Эдмонта, хотя и не безъ душевнаго волненія. Это расположеніе духа, быть-можетъ, улучшило піесу, которая, вмѣщая въ себѣ такъ много страстей, не могла быть хорошо написана при совершенномъ безстрастіи.

«Такъ прошло восемь дней, и сколько еще, не знаю, но мое тѣсное заключеніе стало надоедать мнѣ. Привыкнувъ въ теченіе многихъ лѣтъ жить на открытомъ воздухѣ, въ сообществѣ друзей, съ которыми я былъ въ самыхъ безкорыстныхъ и дѣятельныхъ отношеніяхъ; вблизи милой, съ которою я хоть и задумалъ разстаться, однако жъ непреодолимо желалъ быть вмѣстѣ пока могъ, — привыкнувъ ко всему этому, я началъ теперь скучать до такой степени, что увлекательность моей трагедіи могла отъ того пострадать какъ нельзя больше: творческая сила поэзіи совершенно подавлялась во мнѣ терпѣніемъ. Уже нѣсколько вечеровъ не могъ я усидѣть дома. Завернувшись въ широкій плащъ, я бродилъ по городу, слонялся передъ домами друзей и, знакомыхъ, и разумеется, не упустилъ случая подойти къ окну своей Лилли. Она жила въ угольномъ домѣ, внизу; зеленныя шторы были опущены, однако жъ я могъ ясно разглядѣть, что свѣчи стоятъ на обычномъ мѣстѣ. Слышу, она поетъ съ клависинномъ — *Ach, wie ziehst du mich unwiderstehlich* (Ты влечешь меня непреодолимо), — пісня, которая еще безъ малаго за годъ написана и поднесена ей мною. Мнѣ казалось, что она поетъ вырази-

тольке обыкновеннаго; я ловилъ каждое слово, приложивъ ухо такъ плотно, какъ только позволяла рѣшетка. Когда она спѣла до конца, я увидѣлъ по тѣни, падавшей на шторы, что она встала и начала ходить взадъ и впередъ по комнатѣ; но тщетно старался я поймать очеркъ милаго лица сквозь толстую штору. Только твердое мое намѣреніе не показываться ей на глаза, не возмущать ея моимъ присутствіемъ, отречься отъ нея невозвратно, одно это намѣреніе и мысль о томъ, какъ изумило бы ее мое печальное появленіе, могли заставить меня удалиться отъ такого очаровательнаго сосѣдства.

«Прошло еще нѣсколько дней, и батюшкино предположеніе становилось часъ отъ часу правдоподобнѣе, потому что изъ Карльсруэ не было ни слуху, ни духу о ландо. Поэтическіе труды мои остановились; батюшка увидѣлъ всю тягость моего безпокойнаго положенія, и предложилъ мнѣ слѣдующее: дѣлу пособить печѣмъ, вещи мои все уложены, онъ даетъ мнѣ денегъ и кредитъ для путешествія въ Италію, но съ тѣмъ, чтобъ я рѣшился взять немедленно. Сомнѣваясь и колеблясь въ этихъ критическихъ обстоятельствахъ, я наконецъ согласился, если въ назначенный часъ не будетъ ни кареты, ни извѣстія, отправиться сперва въ Гейдельбергъ, и оттуда ужъ не Швейцаріей, а черезъ Тирольскія Альпы, въ Италію.

«Чудныя дѣла совершаются, когда опрометчивую юность, сбивающуюся на каждомъ шагу съ прямой дороги, подстрекаетъ еще упорное заблужденіе старости. Но съ юностью бываетъ то же, что съ жизнію вообще: все мы обыкновенно узнаемъ тактику по окончаніи похода. Въ кругу житейскихъ дѣлъ, такой случай легко могъ бы объясниться; но мы какъ нарочно стакиваемся съ заблужденіемъ противъ прямой истины, точно такъ, какъ тасуемъ карты передъ сдачею, чтобъ случайность и тутъ не лишилась вліянія: вотъ основаніе той стихіи, въ которой демонъ такъ усердно дѣйствуетъ, и обходится съ нами тѣмъ хуже, чѣмъ сильнѣе мы предчувствуемъ его близость.»

Назначенный день насталь, но ландо все не бывало, и Гёте, простившись потихоньку съ другомъ сво-

нимъ пассавантомъ, отправился въ Гейдельбергъ по пути въ Италію. Онъ поѣхалъ на Гейдельбергъ по двумъ причинамъ: онъ все еще надѣялся услышать что-нибудь объ ландо, и желалъ повидаться съ дѣвицею Дельфъ, съ которою могъ говорить о страсти своей къ Лилли. Въ Гейдельбергъ познакомился онъ съ однимъ семействомъ, въ которомъ была между-прочимъ премиленькая дѣвушка, пменемъ Фридерика, очень похожая на одну изъ прежнихъ его милыхъ.

«Еще съ неугасшей страстью въ сердцѣ, возбуждая я здѣсь участіе безъ всякаго умысла, даже не говоря о томъ ни слова, и сдѣлался домашнимъ, необходимымъ въ этомъ кругу человѣкомъ, совершенно забывая, что, послѣ немногихъ вечеровъ, проведенныхъ вмѣстѣ, мнѣ надо будетъ продолжать свое путешествіе.»

Пріятельница его, мамзель Дельфъ, была, кажется, одною изъ тѣхъ добрыхъ душъ, которыя до смерти любятъ сватать. Видя необходимость разрыва связи его съ Лилли, она всѣми силами старалась замѣнить ее новою, и довела Гёте до того, что онъ слушалъ безъ прекословія, какъ она располагалась женить его на молодой дѣвушкѣ, о которой мы сейчасъ упоминали, и даже съ тѣмъ, чтобъ ему основаться въ Гейдельбергъ, если, по возвратѣ изъ Италіи, онъ увидитъ, что возрастающая склонность его суженой созрѣла въ положительную любовь. Тутъ разсказъ его опять оживляется.

«Правда, я не отвергалъ этихъ предложеній; но безразсчетный образъ моей жизни не могъ всегда согласоваться съ систематическими предначертаніями усердной пріятельницы: я наслаждался мгновеннымъ блаженствомъ; образъ Лилли былъ всегда передо мною, во снѣ и на яву; онъ сливался со всѣмъ, что мнѣ нравилось или развлекало мои думы. Но теперь я вообразилъ себѣ всю важность предпринятаго мною путешествія, и рѣшился ускользнуть самымъ скромнымъ, учтивымъ образомъ, и черезъ нѣсколько дней выѣхать отсюда непременно.»

«До поздней ночи объяснила мнѣ мамзель Дельфъ подробности своихъ плановъ и того, что хотѣтъ сдѣлать для меня добрые люди. Такое расположеніе конечно заслуживало съ моей стороны одной почтительной признательности, хотя тутъ и проглядывали виды на чаемый успѣхъ мой при Дворѣ. Мы разошлись не ранѣе перваго часа, и едва успѣвъ я заснуть крѣпкимъ сномъ, какъ разбудилъ меня рогъ почталіона, остановившагося у воротъ. Вскорѣ явилась мамзель Дельфъ со свѣчею и письмомъ въ рукъ. «Вотъ оно!» говорила она: прочтите и скажите мнѣ, объ чемъ это. Вѣрно ужъ отъ Веймарцевъ. Если это приглашеніе, не принимайте его; помните, что я вамъ говорила.» Я просилъ ее дать мнѣ свѣчу и полчаса уединенія. Она вышла нехотя. Я призадумался, не распечатывая письма. Почта изъ Франкфурта; рука и печать мнѣ знакомы; стало-быть пріятель мой тамъ: недоувѣрчивость и неизвѣстность заставили насъ слишкомъ поторопиться. Зачѣмъ бы не дождаться человека, который непременно долженъ былъ пріѣхать, но котораго могли задержать тысячи вещей? Тутъ только завѣса ушла съ глазъ моихъ. Всѣ прежнія ласки, благосклонность, довѣренность живо предстали моему воображенію: я устыдился страннаго моего побѣга. Наконецъ, распечатываю письмо, и вижу, что все случилось самымъ естественнымъ образомъ. Товарищъ мой ждалъ новой кареты, какъ я его, — со дня на день, съ часу на часъ; потомъ, отправившись по дѣламъ въ Мангеймъ, заѣхалъ во Франкфуртъ, и къ ужасу своему не засталъ меня. Онъ тотчасъ послалъ нарочнаго съ письмомъ ко мнѣ, чтобъ, по полученіи этого объясненія, я немедленно воротился и не подвергъ его непріятности явиться въ Веймаръ безъ моей особы. Къ этому склоняли меня и разумокъ, и душевное расположеніе, однако новое мое предпріятіе также имѣло сильные доводы въ свою пользу. Батюшка назначилъ мнѣ славную дорогу и подарилъ маленькую бібліотеку, съ помощью которой я могъ заранѣе приготовляться и быть собственнымъ своимъ путешводителемъ въ тѣхъ мѣстахъ, которыя пришлось бы мнѣ посѣтить. Въ свободные часы, у меня доселѣ не было другаго занятія, а въ последнее кратковременное мое путешествіе я только объ этомъ и думалъ. Тѣ величественные

предметы, съ которыми еще въ дѣтствѣ знакомился я черезъ рассказы и описанія, собрались теперь передъ умственнымъ моимъ взоромъ; и мнѣ казалось вѣрхомъ благополучія приближаться къ нимъ часъ отъ часу болѣе, по мѣрѣ удаленія моего отъ Лилли.

«Между-тѣмъ, я одѣлся и расхаживалъ по комнатамъ. Входить моя нетерпѣливая хозяйка. «Чего мнѣ надѣяться?» говорить она. «Лучшій другъ мой! отвѣчалъ я ей, не наставляйте долѣе: я рѣшился воротиться; я самъ извѣсилъ побудительныя причины; повторять ихъ вовсе бесполезно. Должно наконецъ рѣшиться, и кому жъ предпринять этотъ шагъ, если не тому, на кого окончательно падеть отвѣтственность?» Я былъ растроганъ, она также; жаркая сцена произошла между нами, и я кончилъ ее приказаніемъ, чтобъ слугавельъ подавать лошадей. Тщетно я просилъ свою хозяйку успокоиться и принять вчерашнее шуточное прощанье мое со всѣмъ обществомъ за настоящее; тщетно уговаривалъ размыслить, что дѣло идетъ о посѣщеніи, о кратковременной гостябъ; что мнѣ нельзя отказаться отъ путешествія въ Италію, точно такъ, какъ и отъ возвращенія въ Мангеймъ. Она ничего не хотѣла слушать, и только усугубляла причины моего разстройства. Карста была подана, все уложено, почталіонъ обычнымъ знакомъ изъявлялъ свое нетерпѣніе. Я порывался уйти, но она все меня удерживала, осыпая довольно мѣткими доводами изъ настоящаго, такъ что наконецъ съ жаромъ и страстію проговорилъ я словами Эгмонта: — Дитя! дитя! перестань. Какъ бы гонимые невидимыми духами, кони солнца мчатъ легкую колесницу судьбы человѣческой, и намъ больше нечего дѣлать, какъ, вооружившись мужествомъ, туго держать бразды и поворачивать то въ ту, то въ другую сторону, здѣсь мимо камня, тамъ мимо пня. Кто знаетъ, куда идетъ? Право, едва ли кто помнить и откуда.»

Этими словами оканчивается послѣдняя глава автобіографіи.

В. К.

Foreign Quarterly Review.

МА-КА-ТАЙ-МИ-ШИ-КЯ-КЯКЪ.

=

Мы уже говорили въ этомъ изданіи о всѣхъ возможныхъ Словесностяхъ, — старыхъ, юныхъ, древнихъ, новыхъ, Западныхъ, Восточныхъ, всего чаще о дикой Словесности людей образованныхъ; но мы еще не говорили о образованной Словесности дикарей. О великій Азансь! ты правъ, ты стократно правъ: на свѣтъ все одно другимъ вознаграждается, — тогда какъ Г. Жанеъ писалъ своего «Барнава,» Америкаускій дикарь сочинилъ умную и благопристойную книгу. И вы, добродушные любители чтенія! ежели хотите читать, въ 1834 году отъ Р. X., что-нибудь истинно романическое, истинно занимательное и оригинальное, читайте сочиненіе людобда Ма-ка-тай-ми-ши-кя-кяка *. Ма-ка-тай-ми-ши-кя-кякъ самый оригинальный авторъ нашего времени.

Все, что относится къ первобытнымъ племенамъ, обитающимъ въ лѣсахъ и на полянахъ Сѣверной Америки, — ихъ жизнь, наполненная приключеніями зверолова, — ихъ вѣрованіе въ Великаго Духа, правителя вселенной, — ихъ поэтическое краснорѣчіе, — ихъ иносказательная логика, — отчаянное мужество, — кровавыя понятія, — любовь къ независимости и страданія, претерпѣваемыя отъ образованности, которая ихъ преслѣдуетъ, — все это поистинѣ болѣе похоже на

* *Life of Ma ka-tai-me-she-kia-kiak*, or. *Black Hawk*, etc. Жизнь Ма кат-тай-ми-ши-кя-кяка, или Чернаго Сокола, изображающая жизнь предка его племени, войны Америкаускихъ Индейцевъ, ихъ нравы, обычаи, и проч., съ присовокупленіемъ свѣдѣній о причинахъ и исторіи послѣдней войны между ними и Соединенными Штатами Сѣверной Америки, — описанная имъ самимъ и посвященная генералу Аткин-сону. Бостонъ, 1834.

романъ, чѣмъ нажитейскую дѣйствительность. Мы съ любопытствомъ и участіемъ встрѣчаемъ ихъ въ Повѣсти и Путешествіи, въ Трагедіи и Исторіи. Нельзя не сожалѣть объ ихъ судьбѣ: челоѵколюбивые граждане Сѣверной Америки поклялись извести ихъ водкой и картечью, и если дикари иногда на своихъ воинскихъ пирахъ пьютъ ромъ изъ череповъ республиканцевъ, за то и просвѣщенные «сыны свободы,» въ сношеніяхъ своихъ съ ними, обнаруживаютъ такіа чувствованія, въ которыхъ бы ни одинъ папа Янины не признался для чести Турецкаго народа. Г-нъ М^{***}, нѣкогда членъ Палаты представителей въ Вашингтонѣ, бывшій въ 18^{**} году посланникомъ Соединенныхъ Штатовъ въ Англіи, безъ обиняковъ показывалъ Лондонскимъ друзьямъ своимъ два бритвенные ремня, сдѣланные изъ кожи одного знаменитаго предводителя Индѣйцевъ, помогавшаго Англичанамъ въ послѣдней войнѣ противъ Американцевъ, и погибшаго на полѣ брани, и увѣрялъ, что ни на какой въ свѣтъ кожъ бритвы не правятся такъ славно, какъ на Индѣйской!!! Тѣснимые оружіемъ и политикою Соединенныхъ Штатовъ, которые все болѣе и болѣе распространяютъ границы свои за Аллеганскими горами, эти несчастныя поколѣнія оставляютъ имъ родныя области, усталыя своими трупами, если республиканская жадность не выманила у нихъ отечества за нѣсколько бочекъ рому и скудное денежное вознагражденіе, и бѣгутъ далѣе, къ западному берегу похищеннаго у нихъ материка, смѣшивать свои слезы съ брызгами волнъ океана. Мы не можемъ не привести одного, весьма недавняго случая, который превосходно знаменуетъ оригинальный умъ Американскихъ Индѣйцевъ, и нынѣшнее ихъ положеніе. Дѣло шло о небольшой землицѣ, которую Вашингтонское правительство желало очистить отъ Индѣйцевъ и присоединить къ штату Иллиноисъ. По обыкновенію, спер-

ва сдѣлали имъ предложеніе уступить ее за деньги. Устрашенный предводитель поколѣнія прибѣжалъ въ Вашингтонъ, чтобъ лично объясниться съ «отцемъ Большимъ Ножемъ,» — такъ называютъ они президента Соединенныхъ Штатовъ. Онъ былъ принятъ съ честью генераломъ Джексономъ, который, послѣ обычныхъ привѣтствій, спросилъ, намѣрены ли они заключить сдѣлку. — Конечно, намѣрены, отвѣчалъ предводитель: но мы должны прежде, отецъ Большой Ножъ, хорошенько потолковать съ тобою. — Слушаю! — Нѣтъ, не слушай, а садись, вотъ на этой кочкѣ.

Дикарь схватилъ табуретъ, поставилъ его въ срединѣ залы, и настоятельно просилъ президента садиться. Генералъ Джексонъ, нѣсколько изумленный предложеніемъ, повиновался ему изъ любопытства.

— Пусти же теперь меня, отецъ Большой Ножъ, присѣсть на краю, рядкомъ съ тобою. — Садись, мой другъ! — Подвинься, отецъ Большой Ножъ: я сяду лучше. — Изволь! — Подвинься еще.....

Президентъ подавался всторону при каждомъ требованіи своего гостя, который наконецъ занялъ почти все мѣсто, и когда хозяинъ съ трудомъ уже держался на самомъ краю табурета, Индѣецъ вдругъ подавилъ его такъ сильно, что отецъ Большой Ножъ свалился на землю. — Что это значитъ? вскрикнулъ президентъ, быстро привставая на ноги. — Не сердись, отецъ Большой Ножъ! Въ дружескомъ объясненіи сердиться не прилично. Я тебѣ толкую свое дѣло. Вы пришли сюда, и сѣли на краю нашей земли. Потомъ вы намъ сказали: подвиньтесь! Мы подвинулись. Подвиньтесь еще! Подвинулись. Ну подвиньтесь, подвиньтесь..... Да куда жъ подвигаться? Вы уже стѣснили насъ такъ больно, что наконецъ мы опрокинемся въ море, какъ теперь ты, отецъ Большой Ножъ, съ этой кочки на землю. Какъ же тебѣ не понимать этого?....

Ма-ка-тай-ми-ши-кя-кякъ, то есть «Черный Соколъ,» былъ просто такой же предводитель одного изъ Американскихъ племенъ. Потерявъ власть и подвластныхъ, онъ пошелъ съ горъ въ сочинители, и Слоvesность получила отъ него прекрасный подарокъ. Кромѣ живописной прелести, книга его особенно любопытна тѣмъ, что знакомить насъ съ образомъ мыслей и понятіями дикаря, примѣчательнаго по своимъ необыкновеннымъ способностямъ. Подлинность ея не подлежитъ сомнѣнію: по-крайней-мѣрѣ журналъ North American Review признаеть ее неподложною. Она крайне занимательна: въ ней описаны, вѣрно и подробно, обстоятельства очень простые для самаго повѣствователя, но чрезвычайно страшныя, верѣяко ужасныя для образованнаго Европейца; она исполнена остроумныхъ и колкихъ разсужденій о мудрости и политикѣ «бѣлыхъ людей»; на ся страницахъ встрѣчаются иногда такія замѣчанія, которыхъ побѣдителямъ и владыкамъ этихъ чадъ пустыни нельзя читать не краснѣя. Послушайте только, какъ Черный Соколъ разсказываетъ свою повесть! Вступленіе дышитъ чувствомъ: мы вполнѣ его выписываемъ:

П О С В Я Щ Е Н І Е

«Г. Бригадному Генералу Аткинсону.

«Непостоянство судьбы и переменчивость военного счастья содѣлали тебя моимъ побѣдителемъ. Когда я лишился всѣхъ средствъ; когда дальніе и утомительные переходы изпурили моихъ воиновъ, тогда мы положили оружіе, и я увидѣлъ себя твоимъ пленникомъ.

«Исторія моей жизни изложена на слѣдующихъ страницахъ: она тѣсно соединена съ твоею, и, въ нѣкоторомъ отношеніи, составляетъ ея часть: поэтому я тебѣ ее и посвящаю. Я устарѣлъ подъ бременемъ лѣтъ, и едва могу надѣяться прожить еще нѣсколько лунъ. Прежде нежели отправлюсь въ безконечный путь, въ страну отцовъ моихъ,

я хочу изложить причины прежней вражды моей къ бѣлымъ, и оградить себя отъ ложныхъ сужденій. Снисходительность, оказанная мнѣ тобою во время моего плѣна, ручается мнѣ въ томъ, что ты не откажешься засвидѣтельствовать истину излагаемыхъ мною, известныхъ тебѣ, событий.

«Я теперь ничего не значу въ народѣ, который прежде высоко чтилъ меня. Путь къ славѣ тернистъ и мраченъ. Да озарить тебя Великій Духъ свѣтомъ своимъ, да не попуститъ онъ тебя испытать того униженія, въ которое привело меня могущество Сѣверо-Американскаго правительства! Вотъ желаніе того, кто былъ некогда, въ родныхъ лѣсахъ своихъ, столь же смѣлъ и отваженъ, какъ ты въ чистомъ полѣ.

Черный Соколъ.

10-го мѣсяца, 1833.

Черный Соколъ родился въ 1767 году въ деревнѣ Сакъ, при рѣкѣ Гокъ. Онъ знатнаго происхожденія: еще прадѣдъ, его прозванный Грономъ, былъ удостоенъ хранить *лекарственный мышекъ* своего племени за мудрость и отважность. Описаніе набѣга почетнаго прадѣда съ двумя его братьями, Щукою и Осетромъ, на ставку Французскаго генерала, и искусство, съ какимъ воспользовался онъ жестокою грозю, чтобъ утвердить за собою почетное званіе хранителя мышка съ лекарствами, составляетъ начало повѣствованія Чернаго Сокола, но мы обратимся прямо къ нашему герою:

«Въ этой-то деревнѣ родился я, говоритъ онъ. Я прихожу по прямой линіи отъ перваго нашего предводителя—На-на-ма-ки, или Грома. Я почти не помню, что дѣлалъ до пятнадцати-лѣтняго возраста. Мнѣ не дозволяли ни разрисовывать себѣ кожу, ни украшаться перьями; но уже въ юныхъ лѣтахъ прославился я множествомъ ранъ, нанесенныхъ врагамъ, и былъ поставленъ на ряду съ храбрыми.»

Съ этого времени духъ мужества ни на минуту не засыпалъ въ немъ; битвы съ Озажами слѣдовали одна

за другою; часто вступалъ онъ въ бой съ меньшимъ противъ непріятеля числомъ, и почти всегда выходилъ побѣдителемъ. Этимъ снискалъ онъ себѣ уваженіе, и по смерти отца, получилъ *лекарственный млышекъ*, а вмѣстѣ съ нимъ и верховное начальство надъ племенемъ. Черный-Соколъ говоритъ, что потерявъ родителя, онъ вычернилъ себѣ лице: сверхъ того онъ постился и молился Великому Духу, занимаясь, какъ простой дикарь, звѣриною и рыбною ловлей.

Скоро потомъ, посѣтивъ крѣпость Сень-Луи, онъ услышалъ, что Американцы идутъ занять городъ и всю страну, и «что Испанскій Отецъ» намѣренъ ее оставить. Это подало поводъ къ первому изъ многочисленныхъ его набѣговъ; причиною втораго было появленіе на рѣкѣ Гокъ судна подъ командою генерала Пейна, который хорошо былъ принятъ дикими.

«Мы были весьма довольны рѣчью, произнесенною молодымъ предводителемъ судна. Онъ подалъ намъ добрый советъ; сказалъ, что Американскій Отецъ нашъ будетъ хорошо обращаться съ нами. Онъ подарилъ намъ Американскій флагъ, который и былъ поднятъ. Тогда онъ сталъ требовать, чтобы мы спустили наши Британскіе флаги, и отдали ему наши Британскія медали, обѣщая прислать въ замѣнъ ихъ другія. Мы отвергли это предложеніе, потому что желали имѣть *двухъ отцевъ!*»

«Нѣсколько мѣсяцевъ послѣ, юный вождь судна спустился по Миссисипи. Одинъ изъ нашихъ убилъ Американца, и былъ за то посаженъ въ тюрьму Сень-Луи. Мы держали советъ о томъ, какъ бы помочь ему, и рѣшили, что Квашъ-ква-ми, Па-ши-па-го, У-ши-ква-ка и Га-ши-квар-ги-ква должны отправиться въ городъ, увидѣть нашего Американскаго Отца, и сдѣлать все возможное, чтобъ освободить нашего товарища, — заплатить за убитаго, сколько за него приходится по числу зубовъ, вырванныхъ имъ у непріятеля, и такимъ образомъ смыть пролитую кровь, удовлетворивъ родственниковъ покойнаго. Этимъ только средствомъ можно

спасти у насъ убійцу: мы тогда еще думали, что у бѣлыхъ то же самое.

«По прибытіи въ Сень-Луи, послы наши явились къ Американскому Отцу, объяснили дѣло, и потребовали освобожденія товарища. Американскій предводитель отвѣчалъ имъ, что ему нужна земля, и они согласились уступить известное пространство на западной сторонѣ Миссисипи, и еще клочекъ на Иллинойской сторонѣ. Когда все было слажено, они ожидали, что товарищу ихъ будетъ дозволено взять съ ними. Въ самомъ дѣлѣ его выпустили изъ заключенія; но едва пробѣжалъ онъ небольшое пространство, какъ былъ застрѣленъ на повалъ! Болѣе они ничего не припомнить о томъ, что было говорено и сдѣлано. Они были пьяны почти во все время пребыванія своего въ Сень-Луи'.

«Я и самъ ничего больше не знаю о договорѣ 1804 года: впоследствии мнѣ его объяснили. Я вижу, что по этому договору, вся наша страна на востокъ отъ Миссисипи и на югъ отъ Джефрена была уступлена Соединеннымъ Штатамъ за тысячу долларовъ!»

Черный Соколъ разсуждаетъ по-свѣдому о законности подобныхъ сдѣлокъ.

«Разсудокъ говорить мнѣ, что земли нельзя *продавать*. Великій Духъ далъ ее дѣтямъ своимъ для того, чтобъ они жили на ней и воздѣлывали ее, сколько нужно для ихъ существованія. Доколѣ они ее населяютъ и обрабатываютъ, до тѣхъ поръ продолжается ихъ на нее право, но если они добровольно оставляютъ ее, другіе имѣютъ право на ней поселиться. Однѣ только вещи могутъ быть продаваемы.

Мы пропускаемъ борьбу съ Американскимъ отрядомъ, который расположился неподалеку отъ селеній Des Moines и выстроилъ тамъ крѣпость, названную Фортъ-Мадисонъ, и побѣгъ его отъ воиновъ Чернаго

* Это значить, что почтенные республиканцы поили пословъ ромомъ, чтобъ удобнѣе заключить съ пьяными известный договоръ свой 1804 года; а между-тѣмъ Индѣецъ, для спасенія котораго дикари сдѣлали всѣ уступки, былъ разстрѣлянъ на законномъ основаніи. Прекрасно!

Сокола. Эта крепость сдѣлалась предметомъ несогласій и нападеній. Черный Соколь рассказываетъ здѣсь происшествіе и дѣлаетъ замѣчанія, которыхъ мы не хотимъ перейти молчаніемъ.

«На слѣдующій день я взялъ ружье, перестрѣлилъ веревку, на которой былъ поднятъ ихъ флагъ, и не допустилъ вновь поднять его. Мы продолжали стрѣлять, покуда всѣ потроны не истощились. Видя, что не можемъ взять крепости, мы возвратились домой. Во время осады у насъ убили одного *виннебаго* и одного ранили. Въ послѣдствіи я узналъ, что купецъ, жившій въ крепости, ранилъ *виннебаго*, когда тотъ *скальпировалъ* перваго убитаго имъ человека! *Виннебаго* оправился отъ раны; онъ живъ и теперь, и весьма дружески расположенъ къ купцу, котораго считаетъ большимъ храбрецомъ.

«Скоро по возвращеніи нашемъ восвояси, дошли до насъ слухи, что между Американцами и Англичанами загорается война: безпрестанно прибѣгали вѣстники отъ разныхъ племенъ, подтверждая слухъ о раздорѣ. Британскій агентъ, полковникъ Диксонъ, убѣждалъ и дарилъ нашихъ. Я не зналъ, что дѣлать: пристать ли мнѣ къ Британцамъ или вовсе не вмѣшиваться въ дѣло? Въ Американцахъ, приходившихъ къ намъ, я не замѣчалъ ни одного похвального качества. Они дѣлаютъ богатые обѣщанія, но *никогда ихъ не исполняютъ*. Напротивъ Англичане обѣщаютъ мало, но мы всегда могли полагаться на ихъ слово.

И это психологическое наблюденіе дикаря надъ нравственностью республиканцевъ побуждаетъ насъ присоединить къ нему изъ другой части книги примѣчательный анекдотъ о добросовѣстности Индѣйцевъ и собственныя его мысли, свидѣтельствующія о здравомъ смыслѣ достопримѣчательнаго старца :

«Одинъ изъ нашихъ убилъ Француза на Собачьемъ Лугу : Англичане взяли его въ плѣнъ, и объявили, что на другой же день будутъ въ него стрѣлять, по закону своей вѣры. Семейство его кочевало недалеко отъ устья Уйсконина.

Онъ просилъ позволенія сходить повидаться со своими почью, такъ какъ ему уже следовало умереть на другой день. Ему дозволили, съ тѣмъ, чтобъ онъ непременно возвратился на слѣдующее утро съ восходомъ солнца. Онъ навѣстилъ семейство, состоявшее изъ жены и шестерыхъ дѣтей. Я не умѣю описать ихъ свиданія и разлуки такъ, чтобы бѣлые меня поняли! Кажется, они думаютъ и дѣйствуютъ по правиламъ, которыя преподають имъ ихъ вѣщунны, пишущіе квиви да журналы, между-тѣмъ, какъ нами управляетъ внутреннее, природное чувство. Онъ простился съ женою и дѣтьми, быстро пробѣжалъ Собачій Лугъ, и вовремя достигъ крѣпости. Солдаты были уже готовы: они немедленно выступили и *разстрѣляли его!* Я посѣтилъ семейство благороднаго соотечественника, который далеко не такъ какъ бѣлые умѣлъ держать свое слово, и пыталъ его охотою и рыбодовствомъ, доколѣ не соединилось оно съ своими родными.

«Сужденія наши о правомъ и неправомъ необходимо зависятъ отъ понятій, которыя мы имѣемъ о добрѣ и злѣ: въ этомъ случаѣ мы во многомъ несогласны съ бѣлыми. Они, — такъ по-крайней-мѣрѣ довелось имъ слышать, — толкуютъ: будь хоть вѣкъ негодяемъ, лишь бы передъ концомъ потужить хорошенько, такъ все будетъ ладно! А по нашему, такъ всю жизнь дѣлай то, что совѣсть указываетъ. Случится ли у тебя въ избыткѣ хлѣбъ и мясо, а сосѣдъ голодаеть, — подѣлись съ нимъ. Есть ли лишняя одежда, — отдай тому, кто въ ней нуждается. Да я лучше расскажу вамъ обо всемъ нашемъ житьѣ-бытьѣ.

И рассказавъ объ немъ, Черный Соколъ излагаетъ, какимъ образомъ племя его вовлечено было *обманомъ* въ войну за независимость Американскихъ Штатовъ. Описываемыя имъ событія чрезвычайно занимательны. Повѣсть о старикѣ, котораго герой нашъ находитъ, по возвращеніи своемъ въ селеніе, въ уединенномъ мѣстѣ, возносящимъ мольбы къ Великому Духу, и въ этихъ мольбахъ ищущаго утѣшенія о потерѣ сына, молодаго воина, усыновленнаго Чернымъ Соко-

ломъ, и умерщвленнаго бѣлыми, — исполнена живѣйшаго чувства; но въ ней еще нѣтъ той оригинальности, которою отличается сужденіе его о образѣ войны Англичанъ и Американцевъ.

Прибывъ въ селеніе, къ нашимъ, я былъ встрѣченъ предводителемъ и храбрѣйшими воинами, которые проводили меня въ шалашъ, нарочно приготовленный для этого случая. Послѣ объѣда я сталъ рассказывать имъ обо всемъ, что видѣлъ и дѣлалъ; между-прочимъ и о правилахъ, по которымъ Англичане и Американцы воюють между собою. Вмѣсто того, чтобъ грабить и всячески стараться побить какъ-можно больше враговъ, и какъ-можно менѣе потерять своихъ товарищей, — въ чемъ у насъ полагается все искусство военачальника, — они, напротивъ, выступаютъ въ поле среди бѣла дня, лѣзутъ другъ на друга безъ всякихъ уловокъ, и бьются, не заботясь о числѣ погибающихъ товарищей. Подравшись хорошенько, они начинаютъ пить и веселиться, какъ-будто ни въ чемъ не бывало; потомъ дѣлають *письменное описаніе* своихъ подвиговъ, въ которомъ обѣ стороны присвоиваютъ себѣ побѣду, и ни одна не сознается и въ половинѣ убитыхъ у ней воиновъ. Они бьются храбро, но не умѣють вести войну по нашему! Наше правило бить врага и защищать своихъ, — а они, хотѣли бы грести, да править-то челномъ нѣтъ охоты! Американцы стрѣляютъ мѣтче Англичанъ; за то они хуже ихъ одѣты, и ѣдятъ не такъ хорошо.»

Въ это время, нѣкто Ки-о-Кукъ началъ пріобрѣтать сильную власть въ племени Чернаго Сокола. Могущество соперника причинило ему много непріятностей. Случай, скоро затѣмъ послѣдовавшій, чрезвычайно занимателенъ :

«Тотчасъ собралъ я тридцать храбрыхъ воиновъ, говорить Черный Соколъ, и объяснилъ имъ, что намѣренъ отмстить смерть усыновленнаго мною юноши, котораго злодѣйски и поносно умертвили бѣлые. Я сказалъ имъ, что далъ въ этомъ клятву духу отца его. Всѣ согласились идти

со мною, все хотѣли исполнить данное мною слово. Мы свѣли на челноки, и спустились вдоль по Миссисипи до мѣста, гдѣ стояла крѣпость Мадисонъ. Она была оставлена и выжжена бѣлыми: однѣ трубы только уцѣлѣли. Мы радовались, что враги покинули нашу родину, и продолжали плыть внизъ по теченію. Близъ Зеленаго Мыса, вышѣлъ я на берегъ съ однимъ товарищемъ: остальные отправились къ устью Квивера. Мы направились наискось къ тропѣ, ведущей отъ устья Квивера къ одному укрѣпленію, и скоро услышали выстрѣлы со стороны небольшого залива. Мы притаились въ сторонѣ, близъ дороги, и черезъ нѣсколько минутъ увидѣли двухъ всадниковъ, во всю прыть скачущихъ на одной лошади, по направленію откуда слышалась перепалка. Подпустивъ ихъ довольно близко, мы разомъ по нимъ выстрѣлили: лошадь кинулась въ сторону, и оба всадника свалились на-земь. Мы бросились къ нимъ: одинъ всталъ и пустился бѣжать. Я за нимъ. Я уже догонялъ его, какъ онъ, забежавъ за кучу недавно вырубленныхъ кольевъ, схватилъ одинъ изъ нихъ и ударилъ меня. Тутъ увидѣлъ я его въ лицѣ, и узналъ въ немъ человѣка, учившаго жителей деревни Квашъ-ква-ми пахать землю. Онъ слылъ у насъ добрымъ человѣкомъ, и я, не желая лишить его жизни, пересталъ его преслѣдовать. Возвратясь къ товарищу, я увидѣлъ въ рукахъ его содранную съ головы убитаго имъ врага кожу. Мы пошли далѣе; но едва сдѣлали нѣсколько шаговъ, какъ вдругъ увидѣли человѣка, котораго считали уже убитымъ, шедшаго къ намъ на встрѣчу. Онъ шатался какъ пьяный, и былъ весь покрытъ кровью. Никогда не видывалъ я зрѣлища ужаснѣе этого! Убей его, сказалъ я моему товарищу, и прекрати тѣмъ его муку.... Смотрѣть на него былъ я не въ силахъ. Проходя мимо его, услышалъ я въ кустарникѣ шелестъ, взглянулъ, и увидѣлъ двухъ малютокъ, старавшихся спрятаться. Дѣти мои живо мнѣ представились, и я миновалъ кусты, какъ-бы не замѣчая бѣдняжекъ. Тутъ подоспѣлъ ко мнѣ товарищъ, и мы скоро встрѣтили прочихъ нашихъ удалцовъ. Я говорилъ, что за нами будетъ погоня, и велѣлъ всемъ имъ слѣдовать за мною. Мы перѣехали черезъ заливъ, и засѣли за срубленные деревья. Но недолго оставались мы одни: толпа вооруженныхъ

всадниковъ ударила на насъ съ удивительною стремительною. Я хорошо прицѣлился, и на мѣстѣ положилъ начальника отряда. Наши сдѣлали залпъ, но безуспѣшно. Между-тѣмъ, прежде нежели мы успѣли снова зарядить ружья, непріятель окружилъ насъ и принудилъ бѣжать въ находившееся неподалеку болото, въ концѣ котораго былъ кустарникъ. Зарядивъ ружья, ожидали мы нападенія. Враги устремлялись къ болоту, и выпаливъ въ насъ, убили одного вонна. Мы отвѣчали тѣмъ же, — и одинъ изъ нихъ, мертвый упалъ съ лошади. Въ третій разъ зарядили мы ружья, и поставивъ часовыхъ, для наблюденія за непріателемъ, начали выкапывать въ берегу ямы, чтобъ укрыться отъ выстрѣловъ. Каждую минуту должно было ожидать нападенія. Нѣкоторые изъ насъ начали пѣть *пѣснь смерти*. Мнѣ было слышно, какъ бѣлые разговаривали между собою, и я закричалъ имъ, чтобъ они къ намъ подвинулись да подрались бы съ нами. Мнѣ надобно дожидаться; я хотѣлъ скорѣй рѣшить дѣло. Въ толпѣ ихъ послышались удары топора и молота. Я не могъ понять, что бы это значило. Скоро выкатили они противъ насъ баттарею на колесахъ, и дали залпъ, не задѣвъ ни одного изъ насъ. Я вторично закричалъ имъ, что, если они *храбрецы*, такъ чтобъ шли на насъ правдою и головою. Вместо того, они, съ наступившею темнотою, ушли въ свое укрѣпленіе. Ихъ было восемьдесятъ въ *этой западнѣ*. Всѣ мы, исключая одного, были живы и цѣлы. Тѣло убитаго непріятеля оставалось на томъ же мѣстѣ, гдѣ онъ упалъ. Бѣлые не взяли его, боясь нашихъ выстрѣловъ. Оскальпировавъ его, мы положили на него нашего мертваго товарища: могъ ли онъ покоиться лучше, какъ лежа на трупѣ врага?»

Черный Соколъ говорить объ изгнаніи своего племени изъ его селенія. Разсказъ этотъ наполняетъ сердце невыразимою грустью. Последнее средство, употребленное дикими для отвращенія грозившаго имъ несчастія, трогательно своею простотою:

«Советъ разошелся, и непріятельскій военачальникъ удалился въ укрѣпленіе. Я снова спросилъ вѣщуна: онъ от-

вчалъ, что Великій Духъ повелѣлъ ему во снѣ, чтобы дочь Ма-та-та-са, стараго предводителя племени, взявъ въ руки коль, пошла къ военачальнику крѣпости, и сказала, что она дочь Ма-та-та-са, который всегда былъ «другомъ бывшихъ»; что онъ съ ними за одно сражался, и получалъ раны въ рядахъ ихъ; что онъ никогда не говорилъ объ нихъ худо, и что она ни разу отъ него не слыхала, чтобы селеніе было продано ихъ предводителемъ. Она должна была прибавить, что хотя бѣлые сильны числомъ и могутъ, если захотятъ, отнять у нихъ селеніе, но что они конечно того не сдѣлаютъ. Но если ужъ этому должно случиться, такъ она проситъ дозволить племени остаться только, покуда жатва съ полей будетъ убрана; что она бѣдная женщина и много трудилась, чтобы достать пропитаніе своимъ дѣтямъ, но что если племя будетъ изгнано, не успѣвъ убрать хлѣба, то не только они, но можетъ-быть и дѣти всѣхъ другихъ матерей должны будутъ погибнуть съ голоду!

«Съ этимъ именно дочь Ма-та-та-сы была отправлена въ укрѣпленіе, въ сопровожденіи многихъ изъ нашихъ молодыхъ людей. Они были допущены къ начальнику; но когда дочь Ма-та-та-сы пересказала приказаніе вѣщуна, онъ отвѣчалъ, что президентъ послалъ его не за тѣмъ, чтобы договариваться или совѣтоваться съ бабами, а чтобы соблюдать пользы «свободы»; что молодые мужчины должны убираться вонъ, а она можетъ, если хочетъ, остаться въ селеніи. Соблюдать пользы свободы! Мы долго толковали объ этомъ между собою, и никакъ не могли понять — что прибыли свободѣ отнимать у насъ собственное наше селеніе, когда мы не хотимъ его оставить?»

Плачь Чернаго Сокола о бѣдствіяхъ его народа исполненъ поэтическаго чувства :

«Если бъ какой-нибудь вѣщунъ явился въ тѣ дни посреди насъ, и вздумалъ предсказывать то, что со-временемъ съ нами случится, кто бы ему повѣрилъ? Кто бы ему повѣрилъ, что мы будемъ изгнаны изъ жилищъ и лѣсовъ нашихъ, и не будемъ даже смѣть посѣщать кладбища нашихъ отцовъ!

«Бѣлые не поймутъ всей горести этого лишенія: у насъ есть обычай посѣщать гробницы умершихъ друзей, и охрѣнять ихъ отъ разрушенія сколько возможно долѣе. Мать уходитъ одна плакать надъ прахомъ своего дѣтища; храбрый съ радостію посѣпаетъ могилу отца, возвратясь съ счастливо оконченной войны, и наводитъ красками его памятникъ; въ часы горести и печали лучшее убожище — кладбище милыхъ сердцу. Тамъ Великій Духъ слышитъ мольбы наши!»

«Но теперъ мы лишены и этого утѣшенія. Были дни, когда мы чувствовали себя счастливыми, какъ буйволы среди степей: теперъ мы похожи на голодныхъ волчицъ, воющихъ въ пустынь!... Но я отступилъ отъ моего повѣствованія. Грустныя мысли стѣснили духъ мой, и сердце должно было излить печаль свою.»

Сочиненіе, изъ котораго мы заимствовали эти простыя и прелестныя строки, содержитъ въ себѣ еще много любопытнаго. Свиданіе Чернаго Сокола съ отцомъ Большимъ Ножемъ, въ Вашингтонѣ, посѣщеніе разныхъ другихъ городовъ Союза, сужденія его о видѣнныхъ имъ предметахъ и т. д., весьма оригинальны и умны. Гдѣ бы вы ни повстрѣчались съ Чернымъ Соколомъ, въ большомъ ли селеніи бѣлыхъ, гдѣ дѣлаютъ они *деньги* и *медали*, — такъ называетъ онъ Филадельфію, — въ родныхъ ли лѣсахъ его, онъ вездѣ является человекомъ необыкновеннымъ; вездѣ и всегда онъ мыслить такъ же хорошо, какъ и дѣйствуетъ; наблюдаетъ поступки бѣлыхъ, такъ же остроумно, какъ храбро сражается съ ними за родину, и великодушною покорностью волю Промысла поселяетъ къ себѣ уваженіе и соучастіе читателя.

ГАЙДЕРЪ - САИБЪ.

=

ОСТЬ-ИНДСКАЯ ВЪЛЪ *.

=

— Милая, дорогая Мирза, ты не знаешь, какимъ страданіямъ обреченъ воинъ во время войны! Ты едва вышла изъ дѣтства: твое прекрасное, пѣжное тѣло не будетъ въ силахъ непрерывно бороться съ усталостію и страхомъ, съ голодомъ, стужею и зноемъ, съ дождевыми ливнями, съ раскаленными пустынями и съ горными бурями.

— Гайдеръ, вотъ первая просьба въ которой, ты мнѣ отказываешь: какъ часто превозносилъ ты похвалами мое терпѣніе, и говорилъ, что я способна къ возвышеннымъ чувствамъ, которыя вливаютъ въ насъ сверхъестественную силу.

— Твое обо мнѣ безпокойство только увеличитъ мои страданія. Твоя чувствительная душа не въ силахъ сносить трудовъ военной жизни. Меня ужасаетъ мысль, что твои невинные взоры будутъ оскверняться зрѣлищемъ жестокостей, кровопролитій, игры необузданныхъ страстей. Нѣтъ, *валияхъ!* *билляхъ!* недостойные взгляды грубыхъ воиновъ никогда не увидятъ этого прелестнаго образа!...

— Невинность умѣетъ вездѣ сохранить свою чистоту, любезный Гайдеръ. Порокъ отвратителенъ, не-

* Удивительный случай, рассказанный въ этой Повѣсти, есть историческій фактъ: онъ засвидѣтельствованъ подлиннымъ «Описаніемъ похода Сиръ Эйръ Кута». Для большей ясности дѣла, мы еще можемъ здѣсь присовокупить, что *саибъ*, или *сахибъ*, принимается въ Ость-Индіи въ смыслъ «господинъ», а *гайдеръ*, Арабское слово, значитъ «левъ». Гайдеръ-Саибъ — то же, что *Левъ-Господинъ*. Б. для Ч.

причастный ему духъ не понимаетъ даже грубыхъ его оскорбленій.

— Но опасности, дорогая Мирза! Опасности будутъ угрожать тебѣ. Ты легко можешь отстать отъ моеи свиты и быть захвачена непріателемъ. Нѣтъ, нѣтъ, милый другъ мой! останься лучше въ Мадрасъ, и пережди тамъ время опасности. Среди тревогъ и безпорядковъ воинской жизни, союзники наши, Христіане, могутъ легко нарушить права здѣшнихъ жителей; но въ Мадрасъ, подъ защитою ихъ правительства, ты будешь охраняема и чтима, какъ въ мирное время.

— Ахъ, другъ мой, зачѣмъ вступилъ ты въ союзъ съ Христіанами! Съ этими врагами и разорителями нашей отчизны!

— Не терзай меня упреками, Мирза. Я сдѣлалъ ужасный выборъ, но не стоналъ ли каждый истинный сынъ отечества подъ игомъ свирѣпаго магоматанскаго Падишаха! Мирза, Мирза, не стѣсняется ли сердце твое при воспоминаніи о безчеловѣчномъ поступкѣ со мною Гайдеръ-Алія? Вспомни ту ужасную ночь, когда неистовыя толпы его воиновъ нахлынули на наши земли. Вспомни, какъ жилище наше было предано пламени; какъ отецъ мой, облитый кровью, палъ подъ ихъ ударами; какъ мать, моя несчастная мать, тщетно боролась съ злодѣями; какъ ты сама, лишенная чувствъ, была исхищена мною изъ кровожадной толпы; какъ изнуренные усталостью, покрытые ранами, лишенные всего, — самой даже надежды, — принуждены мы были скитаться безъ приюта?..... Не бойся, Мирза; не склоняй твоей прелестной головы, не проливай слезъ. Не жажда мщенія заставила меня соединиться съ Христіанами: они такіе же враги нашей родины, какъ и Гайдеръ-Али. Нѣтъ; но я читаю въ будущемъ: они просвѣтятъ здѣшній край; введутъ въ него Науки и Художества, учредятъ кроткое правленіе. Безъ нихъ, невѣжество и тиранство магометанъ

никогда бы не прекратились. Осуши свои слезы, милая Мирза, и пришихни къ моей груди. Бѣдствія наши миновались: теперь наступаютъ дни блаженства. Да! дни постояннаго, несмущаемаго блаженства.

Разговоръ этотъ происходилъ въ 1778 году между Гайдеръ-Сайбомъ и его молодой женою, въ Индѣйской мызѣ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Мадраса, среди роскошнаго, лѣсистаго мѣстоположенія, на берегахъ свѣтлаго и широкаго Паль-Авера. Мертвая тишина ночи, теплота воздуха, густая зелень огромныхъ деревъ, и ясный блескъ луны, отражаемый поверхностію рѣки, составляли разительную противоположность съ встревоженными чувствами Мирзы.

Послѣ долгихъ войнъ съ Мараттами, Гайдеръ-Али, вторгся-было со стотысячною арміею, отчасти образованною Французскими офицерами, въ Карнатикъ, съ намѣреніемъ изгнать оттуда Англичанъ. Огонь и мечъ провели широкую полосу разоренія черезъ мѣста, по которымъ прошелъ этотъ искусный, но свирѣпый полководецъ. Сами Англичане не могли ему противиться. Сиръ Эйръ-Кутъ, главнокомандовавшій Британскимъ войскомъ, употреблялъ всѣ усилія, чтобъ соединить свои силы съ корпусомъ генерала Бели: онъ зналъ, что если не успѣетъ въ этомъ, отрядъ послѣдняго подвергнется неминуемой гибели. Въ столь затруднительномъ положеніи, Сиръ Эйръ прибѣгнулъ къ помощи Гайдеръ-Сайба, какъ надежнѣйшаго союзника, и разговоръ, приведенный въ началѣ разказа, происходилъ наканунѣ отбытія его къ Англійскому войску, изъ уединеннаго и живописнаго убѣжища, гдѣ въ истинномъ блаженствѣ провелъ онъ первые четыре мѣсяца своего супружества.

Гайдеръ-Сайбъ былъ одинъ изъ тѣхъ необычайныхъ людей, которые въ ту эпоху нерѣдко появлялись въ гористыхъ странахъ сѣверной Индіи. Съ исполинскимъ ростомъ и атлетическими членами соеди-

нялъ онъ величественную осанку, свойственную жителямъ Востока; и прѣ всемъ томъ, пріятное и благородное лице его не имѣло ничего суроваго. Въ нравахъ уроженцевъ этихъ жаркихъ странъ обыкновенно ветрѣчаются двѣ крайности, — или безчувственное хладнокровіе, или неукротимая свирѣпость страстей. Но есть исключенія, въ которыхъ природный разумъ дѣйствуетъ спокойно, ясно и быстро. Находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Французами и Англичанами, Гайдеръ-Саибъ прилежно изучалъ языки того и другаго народа, и успѣлъ даже пріобрѣсти основательныя свѣдѣнія въ разныхъ наукахъ. Онъ происходилъ изъ одного магометанскаго поколѣнія, и владѣлъ небольшимъ округомъ, — наследственнымъ достояніемъ его рода. Замысливъ ввести въ свое отечество нѣкоторыя улучшенія, перенятая имъ у Европейцевъ, Гайдеръ-Саибъ навлекъ на себя негодованіе Гайдеръ-Алія, который опасался нововведеній, противныхъ, по его мнѣнію, мудрымъ обычаямъ предковъ. Гайдеръ-Али прибѣгнулъ и въ этомъ случаѣ къ обыкновенному своему средству, — истребленію противника. Окруживъ ночью владѣніе Гайдеръ-Саиба, онъ предалъ разоренію и смерти всѣхъ жителей области, и потопилъ въ ихъ крови его семейство. Самъ Гайдеръ-Саибъ, защищаясь съ отчаяннымъ мужествомъ, спасся почти чудомъ, и унесъ на рукахъ четырнадцати-лѣтнюю Мирзу.

Мирза была дочь одной туземной княжны и Французскаго генерала, проживавшаго въ Серингапатамъ при Дворѣ Гайдеръ-Алія, въ званіи тайнаго агента Французскаго правительства, для возбужденія зависти и вражды къ Англичанамъ. Мать ея вдругъ исчезла помощію средствъ, очень хорошо извѣстныхъ кровавому честолюбію Гайдеръ-Алія; отецъ, во время одного набѣга, попалъ измѣною въ руки Мараттамъ, кото-

рые тотчасъ лишили его жизни. Наказаніе этихъ злодѣевъ было первымъ воинскимъ подвигомъ юнаго Гайдеръ - Саиба: предводитель разбойничей шайки палъ отъ его руки, и всѣ плѣнники были отбиты. Между ними была и Мирза. Гайдеръ - Саибъ, зная изъ участіе ея родителей, что въ Серингапатамъ ожидаетъ ее вѣрная гибель, далъ ей убѣжище въ своемъ домѣ, гдѣ мать избавителя приняла ее какъ родную дочь.

Съ лѣтами развернулись въ Мирзѣ необыкновенныя прелести. Лице ея было очерчено тою круглою роскошью, которая такъ красиво созрѣваетъ подъ обильными лучами южнаго солнца. Въ большихъ, черныхъ глазахъ, осѣненныхъ густыми рѣсницами, превосходно отражался ея характеръ, — ясный, понятливый, невинный; она была весела, чувствительна и доверчива. Мирза соединяла съ удивительною нѣжностію чувствованій рѣдкую твердость духа; но испытанныя уже бѣдствія облекли все ея существо томною грустью. Гайдеръ - Саибъ старался ознакомить ее съ Европейскою образованностію, и умъ ея столько же украсился чтеніемъ, сколько сердце было украшено добродѣтелью. Одною изъ причинъ, побудившихъ Гайдеръ - Алиа напасть на округъ Гайдеръ - Саиба, было желаніе овладѣть Мирзою: слухъ объ ея красотѣ и достоинствахъ уже доходилъ до сладострастнаго тирана. Но Гайдеръ - Саибъ успѣлъ скрыть ее отъ преслѣдованій Падишаха, и, достигнувъ Англійскихъ владѣній, предложилъ ей замѣнить имя брата нѣжнѣйшимъ именемъ супруга. Около трехъ сотъ всадниковъ, храбростію спасшихся отъ истребленія, составляли всю его силу. Съ этою горсткою удалыхъ горцевъ Гайдеръ - Саибъ присоединился къ Англійской арміи, и совершилъ изумительные подвиги. Искусство, съ которымъ владѣлъ онъ оружіемъ, удивляло Англійскихъ воиновъ. Притомъ, онъ отлично зналъ все мѣстоположеніе, очень мало извѣстное тогда Ев-

ропейцамъ. Теченіе всякаго потока, малѣйшая горная или лѣсная тропинка такъ же хорошо были ему знакомы, какъ и внутреннія средства каждаго округа, какъ и характеръ, склонности и расположеніе племенъ и правителей. Съ непостижимою догадливостію попадалъ онъ на запасныя магазины непріятеля, сокрытыя, по обычаю страны, въ пещерахъ, подземельяхъ, густотѣ лѣсовъ и неприступныхъ горахъ. Неразъ его познанія и ловкость, съ какою узнавалъ онъ замыслы хитраго врага, спасали Англійское войско. Съ тремя сотнями своихъ сподвижниковъ пускался онъ на отважнѣйшія предпріятія, соединяя въ высочайшей степени предчувствіе и молодечество дикаря съ тонкими соображеніями просвѣщеннаго человѣка.

Упросивъ Англійскаго полководца, чтобы Мирза оставалась въ продолженіе военныхъ дѣйствій въ обществѣ его супруги и дочери, Гайдеръ-Саибъ вторично присоединился къ арміи. Это случилось скоро послѣ того разговора между нимъ и Мирзою.

Война, всегда влекущая за собою всякаго рода бѣдствія, на этотъ разъ была еще сопряжена съ неслыханными опасностями и страданіями. Чрезвычайная засуха истребила весь вьючный скотъ, и войско подверглось истощенію, голоду. За засухою послѣдовали проливные дожди и ураганы, которые срывали цѣлыя станы, ломали и разстраивали обозы. Войско принуждено было бросить багажъ и, несмотря на палящій зной, итти усиленными маршами. Наконецъ оно расположилось биваками; но тутъ пронзительные горныя вѣтры нагнали такую стужу, что солдаты гибли толпами. Въ жалкой хижинѣ, построенной изъ жердей, связанныхъ вверху вѣтвями, среди тлѣющими углями, сидѣлъ Гайдеръ-Саибъ, только-что возвратившійся съ кровопролитной битвы; въ объятіяхъ его, склонясь къ нему на грудь болящею главою, лежала Мирза.

— Какъ жестоко упрекаю я себя, милый мой, нѣжный другъ, говорилъ онъ, что согласился, чтобъ ты сопутствовала мнѣ въ этомъ бѣдственномъ походѣ. Мирза, Мирза! красота твоя поблекла, силы исчезли; угасъ блескъ твоихъ очей, уста твои засохли; въ мягкихъ твоихъ ручкахъ я чувствую жаръ недуга. Взгляни, взгляни на меня, другъ мой!

— Не трудности войны, Гайдеръ, гнетутъ меня, сказала Мирза: нѣтъ, ничто бы не крушило меня, если бы не твоя суровость....

— Моя суровость, Мирза? Что ты говоришь? Я, который о тебѣ только и думаю, тобой только и живу?... Мирза, если смерть похититъ тебя, — я за тобою поспѣдую!

— Гайдеръ! произнесла она голосомъ твердымъ, хотя взволнованнымъ отъ сильнаго чувства, и томный взоръ ея оживился. Гайдеръ! скажи, что случилось бы съ твоей Мирзою, оставленною безъ помощи и защиты среди этихъ чужеземцевъ? что было бы съ нею, безъ единственнаго ея друга; безъ того, съ кѣмъ дѣлать она мысли и жизнь свою? Скажи, къ чему такое существованіе? О, Гайдеръ! присовокупила она, схвативъ его руку: я слышала сегодня, что говорилъ Англійскій полководецъ о твоей безразсудной храбрости, о твоихъ отчаянныхъ нападеніяхъ и дерзкихъ схваткахъ съ непріателемъ. Если ты не щадишь себя, то пожалѣй хотя твоихъ сподвижниковъ: изъ двухъ сотъ, выступившихъ сегодня съ тобою, возвратились только восемь человекъ!

— Мирза, ты ошибаешься въ своихъ опасеніяхъ. Въ битвахъ, я удерживаю свою храбрость. Къ чему она мнѣ? Я служу въ рядахъ бѣлокожихъ иностранцевъ, гдѣ предубѣжденіе противъ моей касты лишаетъ меня единственной награды достойной мужества, — славы! Никогда не вступаю я въ бой, если меня не одушевляетъ надежда отмстить моимъ злодѣ-

ямъ. И сегодняшнее нападеніе было направлено противъ тѣлохранителей Алія. Я увидѣлъ разбойника; я вспомнилъ смерть кровныхъ, вспомнилъ гибель моихъ приверженцевъ и разореніе родительскаго достоянія. Твой образъ носился предо мною среди этого воспоминанія, мщеніе закипѣло во мнѣ, и я врѣзался въ средину враговъ. Еще мигъ — и, клянусь Аллахомъ, мой мечъ пронзилъ бы сердце изверга, я растопталъ бы презрѣнный трупъ его. Но мой конь палъ подъ градомъ ударовъ, и натискъ конницы разлучилъ насъ. Бѣдные мои товарищи! Но по крайней мѣрѣ они дорого продали жизнь свою, — и кто бы не позавидывалъ такой смерти...

Разсказъ Гайдеръ — Саиба былъ внезапно прерванъ появленіемъ адъютанта Сиръ Эйра, присланнаго объявить ему; что военный совѣтъ собрался, и что главнокомандующій желаетъ немедленно съ нимъ увидѣться. Гайдеръ нѣжно простился съ Мирзою, уверивъ ее въ скоромъ возвращеніи.

— Гайдеръ — Саибъ! сказалъ Сиръ Эйръ-Кутъ, когда тотъ вошелъ въ его ставку. Не разъ уже извѣдывалъ я ваше мужество; но сегодня принужденъ подвергнуть его самому строгому испытанію. Если генералъ Бели сегодня же не получитъ отъ насъ извѣстій, то армія неминуемо погибла, и власть наша въ Индіи пропала. Вамъ понятно наше положеніе. Вотъ письмо, которое откроетъ вамъ путь къ довѣренности генерала. Прочее должно быть сообщено изустно.

Около четверти часа провели еще Сиръ Эйръ-Кутъ и Гайдеръ — Саибъ въ разсматриваніи плановъ, ландкартъ и перехваченныхъ бумагъ, писанныхъ по Персидски. Потомъ, они долго еще разсуждали тихимъ голосомъ.

По нѣкоторомъ молчаніи, Гайдеръ — Саибъ, всплеснувъ руками, началъ съ большимъ чувствомъ говорить про себя о какомъ-то предметѣ. Мрачныя черты

его обнаруживали по временамъ сильное внутреннее волненіе. Имя Мирзы слышалось нѣсколько разъ; но болѣе ничего не лзя было разобрать: вѣтеръ ревѣлъ и дождь лилъ съ такою силою, что совершенно заглушалъ шопоть Гайдеръ-Саиба. Наконецъ, онъ быстро всталъ съ мѣста, и прохаживаясь по палаткѣ съ Англійскимъ полководцемъ, по-видимому опять началъ говорить о томъ же важномъ предметѣ. Тутъ Сиръ-Эйръ произнесъ тихимъ, но торжественнымъ голосомъ: — Я сей часъ же пошлю за Мирзою. Саибъ! я читаю въ вашихъ мысляхъ: она будетъ неразлучна съ моею женою до вашего возвращенія. Если жъ вы погибнете, то щедрая пенсія будетъ назначена ей правительствомъ. Въ этомъ ручаюсь я честью Британскаго офицера. Такъ, мой храбрый Гайдеръ-Саибъ, — скорѣе въ путь! Въ эту минуту, вы больше вашего начальника. Носилки, съ прислужницами моей жены и охранною стражею, будутъ тотчасъ отправлены за Мирзою. Дай Богъ, храбрый витязь, чтобъ вы скорѣе къ ней вернулись, счастливо окончивъ дѣло, отъ котораго зависитъ участь цѣлой арміи.

— Сиръ Эйръ! сказалъ Гайдеръ-Саибъ, быстро вскакивалъ на коня: если такъ, моя Мирза въ безопасности. Не дѣлайте ни какихъ распоряженій въ надеждѣ на успѣхъ моего предпріятія. Это почти невозможно..... Вы ручаетесь за безопасность Мирзы честнымъ словомъ Христіанина?

— Скорѣе измѣню отечеству, чѣмъ нарушу данное слово. Спѣшите, спѣшите! Если до разсвѣта не успѣете проскакать добрыхъ десяти миль, — мы погибли! Я буду драться только въ улицахъ Мадраса.

Гайдеръ-Саибъ былъ одаренъ отъ Природы геройскимъ духомъ. Въ битвахъ, когда представлялся случай доказать свою смѣлость и отвагу, его мужество было непобѣдимо. Онъ удалилъ отъ себя мысль о Мирзѣ, — мысль, которая могла бы ослабить духъ его, и

устремилъ всѣ силы къ успѣшному совершенію подвига. Уже проскакалъ онъ опасныя десять миль, и сталъ объѣзжать вокругъ одного огромнаго утеса, какъ вдругъ увидѣлъ себя посреди непріятельскаго разѣзда. Въ одно мгновеніе, сабельнымъ ударомъ повергъ онъ начальника отряда и также быстро и удачно отразилъ нападеніе четырехъ остальныхъ воиновъ. Но выстрѣлъ, сдѣланный павшимъ врагомъ, поднялъ расположенныя въ окрестности войска.

Спереди, сзади и слѣва засверкали копья и ружья, и отсюда послышался топотъ скачущихъ всадниковъ. Одна правая сторона оставалась свободною: она примыкала къ потоку, столь быстрому, что, говорятъ, никогда ни человекъ, ни звѣрь не дерзали перешлыть его. «Сдайся!» кричали ему враги, но вмѣсто отвѣта, онъ вонзилъ шпоры въ бока своего коня и, среди града пуль, низвергся съ крутаго берега. Перевердя духъ на краю самаго потока, онъ смѣло пустился въ глубину. Конь не старался плыть; быстрота теченія увлекала его съ непреодолимою силою. Наконецъ, пользуясь встрѣтившимся водоворотомъ, Гайдеръ-Санбу удалось подплыть къ выдававшемуся утесу, и взобраться на него съ конемъ. Закинувъ ружье за плеча, онъ взлѣзъ по обрывистому берегу; бѣдный конь не могъ за нимъ слѣдовать, остался на узкомъ утесѣ, и долженъ былъ погибнуть. Сквозь узкія расщелины и глубокія трещины въ утесистомъ берегу, съ трудомъ пробрался онъ, ползя на рукахъ и коленяхъ. Онъ съ сожалѣніемъ взглянулъ еще разъ на своего вѣрнаго спутника, и собравъ сколько могъ травы по обрывамъ, бросилъ ему... Тогда взобрался онъ на вершину берега: но тутъ, вмѣсто открытаго поля, увидѣлъ — станъ непріятельскій! Эта нечаянная встрѣча была для него тѣмъ ужаснѣе, что служила доказательствомъ истребленія войска генерала Белли: иначе могъ ли бы непріятель стоять спокойно по эту

сторону рѣки? Двое часовыхъ шевелились у великолѣпной ставки, подлѣ которой была привязана богато убранная лошадь. Благодаря темнотѣ, Гайдеръ-Самбъ успѣлъ спрятаться за дерево, стоявшее въ концѣ дистанціи, по которой расхаживали стражи, и выждавъ то мгновеніе, когда они повертели въ противоположную сторону, бросился на нихъ. Проколовъ одного саблею, онъ сжалъ другому горло съ такою силою, что тотъ не могъ произнести ни малѣйшаго звука — и въ ту жъ минуту поразилъ его кинжаломъ; потомъ устремился на лошадь, перескочилъ черезъ заставу, и скрылся, не будучи никѣмъ преслѣдуемъ. Черезъ нѣсколько часовъ узналъ онъ, что войско генерала Бели дѣйствительно претерпѣло наканунѣ того дня совершенное пораженіе, и что слабый остатокъ его воиновъ, на честныхъ условіяхъ положившій оружіе, былъ хладнокровно избитъ, среди радостныхъ кликовъ и злобныхъ насмѣшекъ побѣдителей. Спасеніе главной Англійской арміи зависѣло отъ сообщенія этого извѣстія Сиръ Эйръ-Куту, Гайдеръ-Самбъ, давъ себѣ не болѣе одного часа отдыха, рѣшился вновь подвергнуться всѣмъ тѣмъ опасностямъ, которыхъ только-что онъ избѣгнулъ.

Съ невѣроятнымъ мужествомъ и постоянствомъ перенесъ онъ зной, голодъ, жажду и усталость опаснаго пути, превозмогъ всѣ препятствія, укрылся отъ всѣхъ преслѣдованій, и проложилъ себѣ путь сквозь тысячи враговъ. Восторжествовавъ надъ безчисленными опасностями, онъ благополучно продолжалъ путь къ Британскому лагерю. Онъ пробылъ цѣлый день въ пути безъ малѣйшей пищи и питья, и былъ застигнутъ мракомъ ночи. Объятый воздухомъ душнымъ, недвижимымъ и наполненнымъ клейкою влагою, которая въ этихъ знойныхъ странахъ подавляетъ всю бодрость тѣла и духа; ослабленный страхомъ, усталостію и голодомъ, доведенный почти до изсту-

пленія ужасною жаждою, вдругъ, при свѣтъ мѣсяца, увидѣлъ онъ потокъ, протекавшій не подалеку отъ его пути. Онъ подѣхалъ къ берегу. Конь, томимый также жаждою, хотѣлъ пить, но едва коснулся бѣгущихъ струй, какъ захрапѣлъ и задрожалъ отъ ужаса. Гайдеръ-Саибъ склонился къ потоку, и примѣтилъ, что воды его закрашены кровью! Ужасное открытіе доказывало, что въ этихъ мѣстахъ, не задолго передъ тѣмъ, произошла упорная битва. Догадка подтверждалась на каждомъ шагѣ попадавшимися трупами, изорванными палатками, разбитыми и изломанными пороховыми ящиками и множествомъ другихъ обломковъ кровопролитнаго боя. Здѣсь толпа поверженныхъ сипаевъ свидѣтельствовала, что на этомъ холмѣ началось сраженіе. Тамъ цѣлый полкъ Англійской пѣхоты, лежащій сомкнутымъ строемъ, и груды убитыхъ лошадей и всадниковъ по флангамъ, извѣщали, что тутъ происходила самая жаркая схватка, и что побѣжденные погибли до одного, не отступивъ ни на шагъ.

Лошадь Гайдеръ-Саиба дрожала отъ страха, съ отвращеніемъ ступая по бездушнымъ тѣламъ: вдругъ, она громко захрапѣла, откинула голову назадъ, и устала неподвижно глаза. Ни удары шпоръ, ни понужденія голосомъ не могли заставить ее двинуться съ мѣста. Она стояла какъ вкопанная.

Въ нѣсколькихъ шагахъ, вѣво отъ дороги, изъ закупы тѣмъ поднялась человѣческая фигура. Бѣлое одѣянье призрака освѣщалось лучами мѣсяца: онъ простиралъ руки, какъ-бы умоляя о чемъ-то. Гайдеръ-Саибу представилось, что это какой нибудь раненый воинъ, который, слышавъ конскій топотъ, употребилъ послѣднее усиліе, чтобъ привлечь на себя сострадательное вниманіе. Но вдругъ фигура, съ признаками отчаянія обратилась въ противную сторону, и Саибъ увидѣлъ предъ собою огромнаго тигра!

Отягченный кровавою пищею пожранныхъ труповъ, звѣрь медленно къ нему приближался. Витязь схватилъ ружье, прицѣлился, и въ одинъ мигъ страшный посѣтитель, съ пробитымъ близь самыхъ глазъ черепомъ распростерся на прахъ, не испустивъ даже стона.

Фигура въ бѣлой одеждѣ опять приняла умоляющее положеніе. Гайдеръ соскочилъ съ коня, который все еще стоялъ недвижимо, и подбѣжалъ къ ней. Представьте его ужасъ, когда, приблизясь, онъ различилъ, что это была молодая женщина, у которой картечнымъ выстрѣломъ оторвало нижнюю челюсть!.... Еще мгновеніе, — и онъ съ пронзительнымъ воплемъ заключилъ въ своихъ объятіяхъ — Мирзу.

Несчастная хотѣла говорить, но, вмѣсто словъ, кровь хлынула изъ раны, ея усиліе осталось тщетнымъ. Она обхватила мужа руками, и, прижимая его къ сердцу, среди жесточайшихъ, послѣднихъ страданій, взорами выражала еще огненную любовь. И вдругъ вырвавшись изъ его объятій, съ горестнымъ видомъ, стала указывать на что-то близь нея лежащее, но темнота воспрепятствовала Гайдеру разсмотрѣть предметъ. Онъ опять обнялъ ее, называлъ нѣжнѣйшими именами, покрывалъ поцѣлуями и, среди убійственной печали, старался сколько-нибудь облегчить ея мученія. Но бѣдная страдалица, продолжая указывать въ ту же сторону, тихо сомкнула глаза: голова ея склонилась на плечо злополучнаго супруга, — и онъ, вмѣстѣ съ ея бездыханнымъ тѣломъ, повергся на землю!.....

Лѣвое крыло Англійской арміи было атаковано превосходною силою Гайдеръ-Алія. Сиръ Эйръ-Куть, несмотря на жестокій уронъ, нанесенный имъ врагу, принужденъ былъ отступить, для занятія крѣпчайшей позиціи. Въ смятеніи ночнаго отступленія бѣдная Мирза была оставлена безъ всякой защиты, безъ всякихъ средствъ къ бѣгству: послѣдній выстрѣлъ непріятель-

скаго орудіа сразилъ ее! Боль, изнеможеніе, страхъ о Гайдеръ-Саибъ, страданіе, причиненное раною, привели ее къ преждевременному разрѣшенію отъ бремени. Она обернула младенца своего шалью, которая служила перевязкою ея ранъ, и въ послѣднюю минуту жизни, съ материнскою пѣжностію поручала его попеченіямъ отца.

Подъ знойнымъ небомъ Индіи тлѣніе мертвыхъ тѣлъ происходитъ чрезвычайно быстро. Скоро послѣ побѣды, одержанной Гайдеръ-Аліемъ, самъ онъ претерпѣлъ низложеніе; Англійская армія опять двинулась впередъ, и заняла прежнюю позицію. Сиръ Эйръ Кутъ, въ сопровожденіи одного изъ своихъ адъютантовъ, объѣзжалъ поле, гдѣ не задолго передъ тѣмъ, войска его были разбиты. Приблизясь къ тому самому мѣсту, гдѣ стояла его палатка, онъ вдругъ пораженъ былъ необычайнымъ зрѣлищемъ: предъ нимъ лежали, обнявъ другъ друга два человѣчскіе остава. Одежда одного изъ нихъ обнаруживала, что это была женщина; замѣчательная величина другаго показывала въ погибшемъ челоуѣка необыкновеннаго роста. Въ умѣ полководца внезапно блеснулъ лучъ истины. Онъ сталъ ближе разсматривать оставы, и на шеѣ большаго изъ нихъ открылъ миниатюрный портретъ Мирзы, висѣвшій вмѣстѣ съ талисманомъ на золотой цѣпи: въ складкахъ рубашки было письмо къ генералу Бели, — то самое, которое онъ вручилъ при разстаніи Гайдеръ-Саибу. Кости младенца досказали ему печальную повѣсть!

В.І. МИХАЙЛОВЪ.

New Monthly Magazine.

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

ИЗЫСКАНИЕ

О СТАРИННЫХЪ СВАДЕБНЫХЪ ОБРЯДАХЪ У РУССКИХЪ.

Le bon vieux temps!

Обычаи измѣняются: мы живемъ не такъ, какъ наши дѣды, а они жили не такъ, какъ ихъ прародители. Нынѣ лучшее сословіе наше сравнялось съ образованнымъ Европейскимъ обществомъ; старина осталась между простымъ народомъ, и то не вездѣ, а только въ отдаленныхъ отъ столицъ мѣстахъ; въ ближайшихъ областяхъ и въ самыхъ столицахъ, хотя еще и существуетъ, но уже съ сильною примѣсью новѣйшаго. Домашній бытъ нашихъ прародителей для насъ, можно сказать, совсѣмъ неизвѣстенъ, и поэтому картины его не могутъ не приносить намъ удовольствія. Взглянемъ на наши свадебные обряды, одну изъ важнѣйшихъ частей въ обычаяхъ всякаго народа, потому что въ ней отражаются его понятія о гражданскомъ назначеніи женщины: это обыкновенно символическое представленіе положенія ея въ обществѣ.

Къ сожалѣнію, наши лѣтописи и другіе акты скупы на описанія современной домашней жизни: ихъ должно искать и ловить въ разбросанныхъ бумагахъ; оттого свѣдѣнія, относящіяся не только до глубо-

кой древности, но даже до XV вѣка, чрезвычайно скудны.

О свадебныхъ обрядахъ Русскихъ Славянъ язычниковъ мы ничего не знаемъ.

Съ водвореніемъ гражданственности и нѣкотораго просвѣщенія, менѣе дикіе обычаи заняли мѣсто другихъ болѣе джкихъ. Но въ чемъ состояли и тогда свадебные обряды, тоже неизвѣстно. Только изъ исторіи Рогнеды, въ X вѣкѣ, видимъ, что новобрачная обязана была въ первый день брака *разувать* своего мужа, и что подъ этимъ словомъ разумѣлся самый бракъ. Когда отецъ Полоцкой княжны спросилъ ее: хочетъ ли она за Володимира, князя Новгородскаго, она отвѣчала: «Не хочу *разути* рабичича», то есть, сына рабыни: извѣстно, что Володимиръ былъ прижитъ Святославомъ отъ рабы.

Древній этотъ обычай существуетъ еще и нынѣ кое-гдѣ между простымъ народомъ. Женихъ, въ день свадьбы, кладетъ себѣ въ правый сапогъ деньги, а въ лѣвый плетку; послѣ вѣнца, вошедъ въ подклѣтъ, то есть, брачную комнату, мужъ садится на постелю, а жена, въ знакъ своей покорности, должна разуть его: снявъ лѣвый сапогъ, она получаетъ нѣсколько легкихъ ударовъ плеткою, а находящіяся въ правомъ сапогѣ деньги достаются ей. Въ иныхъ мѣстахъ однако жъ плети не бываетъ, а только деньги; и когда жена сниметъ сапогъ, мужъ бьетъ ее слегка голенищемъ по спицѣ, и приказываетъ взять выпавшія изъ сапога деньги.

Объ этомъ обычаѣ упоминаетъ и Англичанинъ Ченслоръ, бывшій въ Россіи въ половинѣ XVI вѣка, присовокупляя, что «если женѣ удастся снять тотъ сапогъ, въ которомъ деньги, то не только деньги достаются ей, но она навсегда освобождается отъ обя-

занности разувать своего мужа: въ противномъ случаѣ, она лишается денегъ, и принуждена всю жизнь разувать своего мужа.» Въ этомъ послѣднемъ случаѣ добрый Англичанинъ, кажется, что-нибудь не такъ понялъ.

Тотъ же Ченслоръ и Флечеръ, бывшій въ Россіи въ 1588 году, говорятъ, что женихъ присылалъ къ невѣстѣ ларчикъ съ иголками, булавками, ножницами, шелкомъ и новенькою плеткою, давая тѣмъ знать ей, что ежели она въ чемъ провинится, то будетъ наказываема плетью.

Оба писателя относятъ это къ обычаямъ простаго народа; но Корбъ, пріѣзжавшій въ Россію въ 1698 году, утверждаетъ, будто плеть была не послѣднею вещью на свадьбахъ и высшихъ сословій. «Когда, говоритъ онъ, всѣ брачныя условія кончатся, родитель невѣсты призываетъ, въ присутствіи жениха, свою дочь, закрытую покрываломъ, и спрашиваетъ ее, хочетъ ли она быть женою предстоящаго юноши. Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ беретъ въ руки новую плетку, и бьетъ ею дочь по-тихоньку, приговаривая: «эти послѣдніе удары да напоминаютъ тебѣ, любезная дочь, о родительской власти, подъ которою до сихъ поръ ты находилась: власть эта и теперъ не прекращается, а только переходитъ въ другія руки; если ты не будешь слушаться своего мужа, то онъ вмѣсто меня будетъ наказывать тебя этою плетью. За симъ отецъ отдастъ плетку жениху, который однако жъ оговариваетъ, что хотя онъ и полагаетъ, что не будетъ имѣть въ ней нужды, но принимаетъ ее, какъ дорогой подарокъ и будетъ беречь. По обыкновенію, женихъ долженъ былъ полученную отъ нареченнаго тестя плетку заткнуть себѣ за кушакъ.»

Ченслоръ, Флечеръ, ни Олеарій, не говорятъ однако жъ этого, хотя прежде его были въ Россіи.

Самое первое, дошедшее до насъ описаніе брачныхъ обрядовъ, относится къ позднимъ уже временамъ, именно, къ началу XVI вѣка: это описаніе свадьбы князя Василія Даниловича Холмскаго съ дочерью великаго князя Ивана Васильевича, 13 Февраля 1500 года; но оно очень коротко. За симъ слѣдуетъ весьма подробное описаніе второй свадьбы того жъ Василія Ивановича съ княжною Еленою Васильевною Глинскою, 28 Января 1526 года: это уже настоящій церемоніаль; въ немъ говорится не о томъ, что было, а о томъ, чему и какъ должно быть по порядку. Есть еще описанія свадебъ нѣкоторыхъ удѣльныхъ князей, царя Казанскаго Симеона, да короля Арцымагнуса *, котораго царь Иванъ Васильевичъ женилъ въ 1573 году на Маріи, дочери Старицкаго князя Володиміра Андреевича. Эта свадьба, бывшая въ Новгородѣ, замѣчательна тѣмъ, что женихъ былъ римско-католическаго закона, и вѣнчали ихъ въ Русской церкви, княжну по *христіанскому* закону Русскій попъ, а короля по *его* закону Римскій попъ, и въ описаніи именно сказано, чтобы, пріѣхавъ къ вѣнчанію, княжнѣ итти въ церковь, а королю стать въ паперти.

Церемоніаль 1526 года весьма любопытенъ потому, что служилъ образцемъ для всѣхъ послѣдующихъ, и что въ составленіи его участвовали боярыни: онѣ приговаривали, какъ нести корован, стлать постель и убирать сѣнникъ.

Нельзя пропустить безъ замѣчанія и слѣдующаго случая, относящагося также къ великому князю, Василію Ивановичу. Извѣстно, какое уваженіе предки наши имѣли къ бородѣ: несмотря на то, онъ выбрилъ

* Такъ въ Россіи называли Магнуса, сына короля Датскаго Христіана III, котораго царь Иванъ Васильевичъ, вызвавъ къ себѣ, провозгласилъ королемъ Ливонскимъ въ 1570 году.

ее на свадьбѣ съ княжною Глинскою. Это рязскаживаетъ Герберштейнъ: «Когда, говоритъ онъ, мы объѣдали у Государя, онъ спросилъ у меня шуткою, бривалъ ли я себѣ когда бороду. Я отвѣчалъ ему, что случалось. — И со мною это было однажды, сказалъ онъ: на второй моей свадьбѣ.»

Изъ всѣхъ послѣдующихъ царскихъ свадебъ подробно всѣхъ вторая царя Михаила Теодоровича съ Евдокіею Лукьяновною Стрѣшневою, 5 Февраля 1626, и первая царя Алексѣя Михайловича съ Маріею Ильиничною Мидославскою, 26 Февраля 1648 года. Описание первой кто-то изъ современниковъ изобразилъ въ лицахъ, и оно было издано въ Москвѣ 1810 года П. П. Бекетовымъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что дошедшій до насъ свадебный церемоніаль 1526 года, былъ составленъ по обрядамъ, давно уже существовавшимъ въ народѣ, о которыхъ намекаютъ намъ и лѣтописи. Такъ подъ 1239 годомъ сказано: «Оженися князь Александръ Ярославичъ (Невскій), поя въ Полотскъ у Брячислава дщерь, и вѣнчашася въ Торопцъ: ту кашу чинъ, а въ Новѣгородъ другую.» Каша составляла необходимую принадлежность свадьбы, какъ увидимъ послѣ.

Сверхъ того, въ извѣстїи о бракосочетанїи дочери в. к. Ивана Васильевича Елены съ Александромъ в. к. Литовскимъ, въ Вильнѣ 1495 года, читаемъ мы, что великой княжнѣ въ церкви расплели косу, чесали голову, убрали ее въ кичу, въ покровъ, осыпали хмѣлемъ, держали надъ нею вѣнецъ, и сткляницу съ виномъ растоптали. Бракъ этотъ совершался въ Латинскомъ *кастель* (церкви) *бискупомъ* Польскимъ и пономъ Русскимъ, и хотя Александръ и бискупъ сердчились и запрещали попу говорить молитвы и держать надъ княжною вѣнецъ, однако жъ поппъ ихъ не послушался. Мыльни на другой день свадьбы не было, и

пріѣхавшіе съ княжною бояре заявили Александру о нарушеніи этого непреложнаго для Русскихъ обряда. Въ подробностяхъ этой свадьбы вообще замѣтны нѣкоторые Польскіе обычаи того вѣка.

По дошедшимъ до насъ описаніямъ свадебъ и по существующимъ еще между простымъ народомъ обычаямъ, можно догадываться о тѣхъ обрядахъ, какіе наблюдались въ древнѣйшія времена: разница быть можетъ та, что въ первыя времена было менѣ пышности, нежели въ послѣдующія, и что только Государи и богатые вельможи, какъ то бываетъ-вездѣ и всегда, употребляли на своихъ свадьбахъ болѣе великолѣпія.

Прежніе Государи, какъ извѣстно, принявъ намѣреніе вступить въ бракъ, собирали къ себѣ во дворецъ всѣхъ боярскихъ и дворянскихъ дочерей дѣвицъ, о красотѣ которыхъ носилась молва, и изъ нихъ выбирали себѣ въ жену ту, которая болѣе имъ понравилась. Но этотъ обычай, можно сказать почти съ достовѣрностію, начался только при в. к. Василии Ивановичѣ; ибо, какъ справедливо замѣчаетъ Карамзинъ, его отецъ, дѣдъ и предки женились обыкновенно на княжнахъ владѣтельныхъ. Отечественныхъ извѣстій о первомъ этомъ сборѣ дѣвицъ, или по тогдашнему, *обираньѣ*, выборѣ, до насъ не дошло; но объ немъ уведомляетъ насъ Павелъ Ювій, славный того времени историкъ, узнавшій это отъ Дмитрія Герасимова, который въ 1526 году пріѣзжалъ отъ великаго князя въ Римъ гойцемъ, зналъ Латинскій языкъ, и былъ чловѣкъ образованный; также Герберштейнъ. Первый говоритъ: «Великій Князь, вздумавъ жениться, объяродовалъ во всемъ государствѣ, чтобы для него выбрали самыхъ прекраснѣйшихъ дѣвицъ, знатныхъ и незнатныхъ безъ различія. Привезли ихъ въ Москву болѣе 500; изъ нихъ выбрали 300, изъ сихъ 200, по-

слѣ 100, наконецъ только 10, осмотрѣнныхъ новивальными бабками; изъ сихъ послѣднихъ Василій выбралъ себя невѣсту, и женился на ней.» Герберштейнъ говоритъ только, что для этого собрано было 1500 дѣвицъ.

Царь Иванъ Васильевичъ Грозный, принявъ намѣреніе вступить въ первый бракъ, послалъ во все государство знатныхъ сановниковъ видѣть дѣвицъ и представить ему лучшихъ невѣсть. Вотъ его указъ слово въ слово, — онъ писанъ въ Декабрь 1546 года: «Отъ в.к. Ивана Васильевича всеа Руси, въ нашу отчину, въ Великій Новгородъ, въ Бѣжитскую пятину, отъ Новогорода верстъ за 100, и за 150, и за 200, княземъ и дѣтемъ боярскимъ. Послалъ есми въ свою отчину, въ Великій Новгородъ окольникего своего Ивана Дмитріевича Шсина, а велѣлъ есми бояромъ своимъ и намѣстникомъ, князю Юрью Михайловичу Булгакову, да Василью Дмитріевичу, да окольничему своему Ивану, смотрѣти у васъ дочерей дѣвокъ, намъ невѣсты. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и у которыхъ у васъ будутъ дочери дѣвки, и выбѣ съ ними часа того хвали въ Великій Новгородъ, а дочерей бы есте у себя дѣвокъ однолично не таили, повези бы есте въ Великій Новгородъ часа того не мотчая. А которой васъ дочь дѣвку у себя утаитъ, и къ боярамъ нашимъ и къ намѣстникамъ (слѣдуютъ имена) и къ окольничему нашему Ивану не повезетъ, и тому отъ меня быть въ великой овалъ и въ казни. А грамоту посылайте межъ себя сами, не издержавъ ни часу.» Эта копія отправлена была въ Новгородъ, какъ видно изъ ея содержанія: въ прочія области посланы такіе же указы. Вяземцы и Дорогобужцы указа не послушались, и къ нимъ посланъ былъ вторичный, въ которомъ сказано, что они то чинятъ не гораздо, что царскихъ грамотъ не слушаютъ.

Но царь Иванъ Васильевичъ соблюлъ только ста-

рый обычай: изъ исторіи его видно, что онъ напередъ уже избралъ себѣ въ супруги Анастасію Романовну.

Точно то же сдѣлалъ и царь Алексѣй Михайловичъ. Принявъ намѣреніе вступить въ бракъ съ Наталіею Кириловною, онъ объявилъ о томъ боярину Матвѣеву, въ домъ котораго она воспитывалась; но бояринъ просилъ, чтобы Государь поступилъ въ этомъ дѣлѣ по старому обычаю, и по крайней мѣрѣ для вида приказалъ собрать ко Двору нѣсколько дѣвицъ, и между ними Наталію. Государь соизволилъ. Штелинъ и Голиковъ слышали это отъ графини Марьи Андреевны Румянцовой, внуки боярина Матвѣева, и словесное ея преданіе о сборѣ дѣвицъ подтверждается недавно найденнымъ мною архивнымъ извѣстіемъ, которое будетъ напечатано.

Царь Иванъ Васильевичъ, вздумавъ въ 1548 году женить брата своего, князя Юрія Васильевича Углицкаго, велѣлъ «бояромъ и князьямъ, дочери дѣвки привезти на свой царскій дворъ, и какъ дѣвки свезли, и царь съ братомъ дѣвокъ смотрѣли, и полюбилъ князь Юрья княже Дмитріеву дочь Ѳедоровича Палецкаго, княжну Ульяну.» Тотъ же царь, въ 1550 году, приговорилъ женить двоюроднаго своего брата, князя Володиміра Андреевича Старицкаго, и велѣлъ «прописать у бояръ и князей дочерей дѣвокъ, и смотрѣлъ ихъ съ братомъ, и князь Володиміръ полюбилъ дѣвку Авдотью Александрову, дочь Михайловича Нагова.»

Дни за два или за три до свадьбы, избранную Государемъ невѣсту вводили во дворецъ, и нарекали ее великою княжною, послѣ царевною.

На свадьбу приглашали родственниковъ, жившихъ какъ въ Москвѣ, такъ и внѣ ея. Великій князь Василій Ивановичъ посылалъ въ Дмитровъ къ брату своему Юрію Ивановичу сказать: «Хотимъ Андрея брата же-

нить, и ты бѣ братъ нашъ повхаль къ мнѣ и къ Андрею брату на свадьбу.»

На обрученіе и бракосочетаніе просили, какъ само собою разумѣется, благословенія родителей, если они еще здравствовали, и сверхъ того благословлялися у Митрополитовъ, въ послѣдствіи у Патріарховъ.

Свадьбъ дѣлался *розрядъ*, то есть, нарядъ чиновниковъ къ разнымъ должностямъ: знатнѣйшія были слѣдующія:

Посаженный отецъ. Въ первѣйшемъ церемоніалѣ онъ названъ — «*тотъ, которому сидѣть за столомъ въ большомъ мѣстѣ*», а въ послѣдующихъ — «*вмѣсто отца*.» Вотъ въ чемъ состояла его должность. Женихъ, получивъ извѣстіе, что невѣста вышла въ палату столовую, посылалъ туда посаженаго отца въ сопровожденіи нѣсколькихъ бояръ. Отецъ, пришедши въ палату, кланялся Св. иконамъ на всѣ четыре стороны, ударялъ челомъ Государынѣ, садился за столъ въ большое мѣсто, изсажалъ пришедшихъ съ нимъ, и посылалъ къ жениху боярина говорить такую рѣчь: «Князь (или Царь) Великій Государь! Н. Н. велѣлъ тебѣ говорить: *взѣмъ Бога на помощь (или, или прося у Бога милости)*, время тебѣ, Государю, ити къ своему дѣлу.» Въ эту должность назначались первѣйшія особы, обыкновенно ближайшіе родственники, братья Государевы, ежели были: на третьей и седьмой свадьбахъ царя Ивана Васильевича занималъ ее сынъ его, царевичъ Θεодоръ. Замѣчательно, что во всѣхъ церемоніалахъ упоминается о посаженныхъ отцѣ и матери только съ жениховой стороны; но на первой свадьбѣ царя Михаила Θεодоровича съ княжною Марією Владиміровою Долгоруковою показаны они и съ ея стороны, и, что еще страннѣе, въ отцово мѣсто былъ отецъ его, бояринъ князь Володиміръ Тимоѣевичъ, а въ материну князь Андреева жена Даниловича Сицкаго, княгиня Феодора.

На свадьбахъ нѣкоторыхъ удѣльныхъ князей посаженными отцами бывали сами Государи, и тогда посланный отъ нихъ къ жениху говорилъ такъ: «Князь (или Царь) Великій велѣлъ тебѣ говорить, чтобы еси шелъ на мѣсто.»

Посажена я мать, или «вмѣсто матери.» Въ первѣйшемъ церемоніалѣ объ ней не говорится, но вѣроятно она была, потому что на первой уже свадьбѣ царя Ивана Васильевича, вмѣсто матери сидѣла княгиня Евфросинія, супруга дяди его, Андрея Ивановича, князя Старицкаго, а свадьба эта происходила по точному содержанію первѣйшаго церемоніала. Посажена я мать не отлучалась отъ невесты, и за столомъ занимала первое подлѣ нея мѣсто.

Тысяцкій. Какимъ образомъ и когда этотъ высшій военный сановникъ очутился на свадьбахъ, не извѣстно. Изъ церемоніала видно, что онъ не отлучался отъ жениха, и, во все время обрядовъ, водилъ его подъ руку. Въ эту должность назначались также первѣйшія особы, братья и сыновья государскіе или знатнѣйшіе изъ вельможъ,

Жена Тысяцкаго. Объ ней говорится только въ первѣйшемъ церемоніалѣ: она занималась тѣмъ же, чѣмъ на послѣдующихъ свадьбахъ занимались старшія свахи.

Дружки, Греческіе паранимфы, нынѣшніе шаферы. Они назначались съ обѣихъ сторонъ, по два съ каждой, и раздѣлялись на большихъ и меньшихъ или поддатней: въ большіе назначались обыкновенно бояре. Къ нимъ опредѣлялось по нѣскольку человекъ на посылки. Обязанность ихъ заключалась въ рѣзаніи перепечи, раздачѣ ширинокъ и проч.

Дружки существуютъ и нынѣ на свадьбахъ крестьянскихъ и мѣщанскихъ: они распоряжаются всею це-

ремонию и, чтобы ихъ знали, надвѣваютъ себѣ на плеча вѣстрѣй или бѣлый платокъ, или черезъ плечо кушакъ.

Свахи, Римскія пронубы: назначались изъ боярынь, по двѣ съ каждой стороны, также на старшихъ и младшихъ; но съ третьей свадьбы царя Ивана Васильевича показывается еще пятая, которая приносила и держала кичу.

Тотъ, кто выдавалъ (или отдавалъ) новобрачную ея мужу. Должность почетнѣйшая, которая почти всегда возлагалась на посаженаго отца. Обрядъ выдаванія происходилъ въ то время, когда новобрачные, послѣ вѣнца посидѣвъ за столомъ, отходили въ сѣнникъ, въ дверяхъ столовой палаты, гдѣ мужъ принималъ свою жену, стоя за порогомъ. Выдававшій говорилъ рѣчь, которая не прописана въ первѣйшемъ церемоніалѣ; но содержаніе ея узнаемъ мы изъ послѣдующихъ. Царю Ивану Васильевичу говорили такъ: «Государь, царь и великій князь всея Россіи! Велѣніемъ Божиимъ и Пречистыя Богородицы, и великихъ Чудотворцевъ и родителей твоихъ государскихъ молитвами, изволилъ тебѣ, Государю, Богъ сочетатися законному браку, пояти великую княгиню Анастасію, а нашу Государыню; держи, какъ Богъ въ законъ православной вѣры устроилъ.» Вторую свургу Царя Михаила Теодоровича выдавали съ слѣдующею рѣчью: «Великій Государь, царь и великій князь всея Россіи! По волѣ всемогущаго и всеильнаго, въ Троицѣ славимаго Бога нашего, и по благословенію отца твоего, великаго Государя святѣйшаго патріарха Филарета Никитича Московскаго и всея Россіи, и матери твоея, великія Государыни инокини Марѣы Іоанновны, изволилъ ты, Государь, по преданію апостольскому и Святыхъ Отецъ правиломъ, сочетатися законному браку, въ наслѣдіе вѣч-

«но вашему царскому роду, во обладаніе великихъ государствъ вашихъ, а пояти за себя царицу и великую княгиню, Евдокію Лукьянову. И ты, великій Государь, свою царицу, и нашу Государыню, приѣмли и держи, какъ челоувѣколюбивый Богъ въ законѣ нашемъ истинныя Христіанскія вѣры устроилъ, и Апостоли, и Отцы предаша.» Выговоривъ рѣчь, поклонился. Послѣ того Государь принималъ свою супругу, и взявъ ее за руку, шелъ далѣе, *не распуцаясь.*

Ежели на свадьбѣ удѣльнаго князя или вельможи, новобрачную выдавалъ самъ Государь; то рѣчь состояла въ слѣдующемъ: «Божіимъ велѣніемъ и нашимъ жалованьемъ, велѣлъ тебѣ Богъ жениться, пояти N. N., и ты свою жену N. N., держи по тому, какъ Богъ устроилъ.»

Тотъ, кто вскрывалъ новобрачную. Должность важнѣйшая изъ всѣхъ. Въ церемоніалахъ, первоначальномъ и первой свадьбы царя Ивана Васильевича, не сказано, кому это поручено было, а только: «кому государь велить.» Вторую супругу царя Михаила Феодоровича вскрывалъ дядя его и посаженный отецъ, бояринъ Иванъ Никитичъ Романовъ, *поднявъ покровъ стрѣлою*: причѣмъ присутствовали жена его боярыня, тысяцкій, ближнія боярыни и свахи. На первой свадьбѣ царя Алексѣя Михайловича это исполнилъ посаженный же отецъ, бояринъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ, бывшій дядька его.

Къ удѣльнымъ князьямъ посылались для этого бояре, по государеву назначенію; только супругу князя Юрія Васильевича Углицкаго вскрывалъ самъ царь Иванъ Васильевичъ.

Этотъ обрядъ, существующій на востокъ съ глубочайшей древности, и извѣстный у мусульманъ подѣ

ишемъ *джильвѣ*, выведенъ изъ употребленія въ нашихъ высшихъ сословіяхъ образованностью, введенною Петромъ Великимъ; но онъ наблюдается еще и теперь во многихъ уѣздныхъ городахъ и селеніяхъ между простымъ народомъ. Слѣдствіемъ его бываетъ иногда огорченіе для родителей новобрачной: имъ доносятъ объ ея срамъ съ нѣкоторыми особенными церемоніалами. Рейтенфелсъ, жившій въ Москвѣ въ исходѣ XVII вѣка, пишетъ, что когда бывшіе на свадьбѣ гости узнавали о неблагополучномъ возвѣщеніи, всѣ отъ ужаса разсыпались тотчасъ по домамъ. Въ Бѣлоруссіи и въ Малороссіи еще весьма недавно надѣвали хомутъ на шею несчастной, и водили ее по всей деревнѣ: примѣры этого непристойнаго и безпозлезнаго для нравственности обычая, говорятъ, встрѣчаются тамъ и въ наше время. Иногда, мѣсто виновной застукаетъ наряженный женщиною болванъ.

Бояре и Боярыни сидячія. Объ нихъ впервые упоминается въ 1573 году на свадьбѣ короля Арцымагнуса. Бояре назначались съ обѣихъ сторонъ, а боярыни только со стороны невѣсты. Они составляли почетную свиту и за столомъ сидѣли на особыхъ мѣстахъ.

Поѣзжа не назначались изъ бояръ и дѣтей боярскихъ, съ ихъ женами, если были женаты, и умножали собою блескъ торжества; мужчинъ собирали и всѣмъ поѣздомъ вѣдали окольнічіе.

И нынѣ на свадьбахъ купеческихъ и крестьянскихъ, тѣмъ многочисленнѣе бываетъ поѣздъ, тѣмъ честнѣе считается свадьба.

Тотъ, кто несъ колпакъ государевъ. Надобно знать, что колпакъ значилъ прежде шапку особаго рода. Герберштейнъ видѣлъ в. к. Василія Ивановича на охотѣ въ бѣломъ колпакѣ, у котораго околышь усаженъ былъ драгоценными камнями, а спереди укра-

шенъ золотыми перьями, которыя колебались при каждомъ движеніи головы. Бывшій въ 1518 году посломъ у Императора Максимилиана дьякъ Племянниковъ говорилъ на аудіенціи рѣчь, имѣя на головѣ колпакъ.

Тотъ, кто ѣздилъ на государевомъ конѣ вокругъ подклѣта. Это поручалось обыкновенно конюшему, но иногда и другимъ, по назначенію государя.

Слѣдующія вещи непременно требовались для свадьбы, и къ каждой изъ нихъ назначалось по одному или по нѣскольку человекъ.

Коровай: хлѣбное, приготовляемое на яйцахъ и маслѣ изъ пшеничной или крупчатой муки; съ обѣихъ сторонъ по одному. На каждый коровай клалось по тридцати пенязей (жетоновъ, медалей) большихъ, серебряныхъ, широкихъ, гроша по два одинъ пенязь, съ одну сторону золочоны и чеканены, а съ другую бѣлы и гладки. Изъ описанія свадьбы царя Михаила Феодоровича видно, что пенязи нашивались на коровайные покровы, и что государевъ коровай былъ покрытъ бархатомъ золотнымъ Турскимъ, а царицынъ атласомъ золотымъ участковымъ. На свадьбѣ царя Алексѣя Михайловича сверхъ того положено было на каждый коровай 4 пары соболей. Сей хлѣбъ дѣлался такой огромной величины, что носился на *носилахъ*, обшитыхъ бархатомъ червчатымъ гладкимъ, четырьмя чиновниками, кои на сей случай назывались коровайниками.

Въ первоначальномъ церемоніалѣ сказано: «Боярыни приговорили: короваи нести утрѣ рано изъ той избы, гдѣ ихъ пекли, да принести ихъ въ наугольную палату отъ Пречистой, да класти ихъ на носила, и *шлемъ* (въ другомъ спискѣ, *шледки*?) положить, да свѣчи тутъ же принести. Да какъ княжну наря-

дять, и какъ уже пойти на мѣсто, ино короваи взяти и свѣчи тѣмъ, которымъ нести, да тутъ же ихъ принести; да какъ Княгиня пойдетъ на мѣсто, ино передъ нею короваи и свѣчи нести.»

Перепеча и сыръ. Перепеча есть сдобное хлѣбное, особой формы съ гранью, похожею на ананасную. Перепеча, сыръ и соль въ солонкѣ, ставились на столъ передъ новобрачными, и послѣ, въ свое время, старшій дружка со стороны жениха, принявъ благословеніе у отца и матери посаженныхъ, рѣзалъ перепечу и сыръ, ставилъ ихъ во всѣ столы, и разсымалъ, вмѣстѣ съ короваями, къ отсутствовавшимъ даже въ отдаленныя мѣста, напримѣръ въ Тихвинъ ко вдовствовавшей царя Ивана Васильевича супругѣ Дарьѣ Алексѣевнѣ. Удостоившіеся сей чести дарили приносившаго: такъ Патріархъ Іоакимъ, присланнаго отъ царицы Наталіи Кириловны, благословилъ образомъ и подарилъ ему кубокъ серебряный, золоченый на оба лица, въсомъ два фунта, да атласъ, да камку. Въ первоначальномъ церемоніалѣ перепечу замѣняли *калами*.

Всѣ эти предметы составляли то, что нынѣ мы разумѣемъ подъ словомъ «хлѣбъ-соль», которая обыкновенно представляется въ знакъ мира и согласія. Флечеръ, который въ 1588 году пріѣзжалъ въ Россію посломъ отъ Англійской королевы Елисаветы къ царю Феодору Ивановичу, описывая Русскіе обычаи, говорить, что вкушеніе на свадьбѣ хлѣба значило то, что родственники съ обѣихъ сторонъ хотятъ жить между собою въ истинной любви, и имѣть такую же связь, какъ зерна, спекшіяся въ одномъ хлѣбѣ.

Мѣсто, или чертожное мѣсто. То былъ родъ трона: оно облакивалось бархатомъ и кайками. На него клался два *шитые сголовья*, бархатные золотные въ одинъ узоръ, а на каждое изъ нихъ по сороку собо-

лей. Передъ мѣстомъ ставился *столъ съ лавками*, которые накрывались *полавочниками* перваго (лучшаго) наряда, «суконными со львы». На столъ накрывали три скатерти, и на него ставились перепеча, сыръ и соль. Въ первый день не ставили ничего болѣе. По отшествіи въ церковь, женихово сголовье клали на невѣстину, а сверху ихъ оба сорока соболей, и отнесли ихъ въ церковь. На первой свадьбѣ царя Алексѣя Михайловича чертожное мѣсто устроено было въ грановитой палатѣ на рундукѣ, гдѣ государь саживался при послахъ, отодвинувъ отъ лавки подаль, лицомъ къ столу.

Гребень и чесаніе головы. По занятіи женихомъ и невѣстою мѣсть за столомъ, священникъ творилъ молитву *покровенію главы невѣсты*, послѣ чего большая сваха начинала чесать имъ голову. Для этого готовъ былъ гребень и чара съ виномъ (на второй свадьбѣ царя Михаила Феодоровича, съ медомъ), которыми омачивали гребень. Засимъ сваха, взявъ кикку, надѣвала ее на невѣсту, и клала на нее *покровъ, фату, вуаль*. На свадьбѣ царей Михаила Феодоровича и сына его покрывали сверхъ того невѣсть унизаннымъ жемчугомъ съ золотыми дробницами, *убрусомъ*, лентою, которая пришивается къ передней части кики, и покрываетъ чело женщины.

Здѣсь надобно замѣтить, что Русскія дѣвицы встарину не имѣли на головѣ другаго убора, кромѣ широкой по челу повязки (Римская *vitta* простая), оставляя верхъ головы открытымъ, а волосы заплетали въ косу, которая изъ подъ повязки низвѣшивалася по спинѣ. Къ концу косы привязывался *косникъ*, который дѣлался изъ картузной бумаги треугольникомъ, и обвивался шелковою тканью, а у богатыхъ украшался въ узоръ жемчугомъ и дорогими камнями. Косу заплетали какъ-можно слабѣе, чтобы она была шире;

волосы раздѣляли на множество прядей, перебивая ихъ золотыми нитками, на которыя богатыя нашивали жемчугъ. Дѣвицы щеголяли своими косами, и требовалось большое искусство и навыкъ, чтобъ заплести косу такъ, чтобъ она закрывала всю шею отъ самыхъ ушей и, низвѣсиваясь по спинѣ, постепенно сужалась до самаго косника. Заплетенная такимъ образомъ коса представляла видъ искусно связанной рѣшетки.

Замужнія, напротивъ того, никогда уже не ходили съ непокрытою головою: коса и волосы исчезали вмѣстѣ со вступленіемъ въ бракъ. Невѣста, въ день своей свадьбы, не заплетала волосъ въ косу, а распускала ихъ просто по плечамъ. Приступая къ обряду чесать невѣстѣ волосы, снимали съ головы ея дѣвическій уборъ, и раздѣливъ волосы на затылкѣ на двое, заплетали двѣ косы, которыя обвертывъ около головы, надѣвали на нее кичу, или кокошникъ (Римская *vitta* двойная), и покрывали фатою.

Рейтенфельсъ говорить, что жениховъ отецъ, въ день свадьбы, раздѣлялъ у невѣсты волосы спереди остриемъ стрѣлы.

Обрядъ чесанія головы и уборки ея существуетъ еще по сіе время между простымъ народомъ, съ тою только разницею, что исполняется послѣ вѣчанія и въ церковной трапезѣ.

Осыпало и опахало. Первое составлялось изъ хмѣля, насыпаннаго на трехъ углахъ золотой мисы; сверхъ того по угламъ клалось тридевять соболей, по девяти на каждое мѣсто, и столько же платковъ бархатныхъ, камчатныхъ и атласныхъ, въ одинъ цвѣтъ, безъ разныхъ шелковъ, мѣрою въ длину $\frac{1}{4}$ аршина съ верхкомъ, а поперегъ $\frac{1}{4}$: на второй свадьбѣ Царя Михаила Феодоровича, $\frac{1}{2}$ аршина; да на трехъ же углахъ тридевять, на каждое мѣсто по девяти пенязей, менѣе тѣхъ, которые клалась на короваи, величиною

съ золотой, или мало меньше: на свадьбѣ Царя Михаила положено было восемнадцать пенязей золоченыхъ и девять золотыхъ Угорскихъ, да тридцать бѣлокъ. Такое же осыпало приготовлялось къ постелѣ, гдѣ однако жъ осыпаніе производилось съ особенною церемоніею: именно, сваха надѣвала на себя двѣ собольи шубы, одну по обычаю, а другую сверхъ оной на изворотъ, шерстью вверхъ. Опахало составлялось изъ особаго сорока соболей.

Флечеръ говоритъ, что осыпаніе новобрачныхъ дѣлалось въ знакъ того, чтобы они не оскудѣвали никогда въ изобиліи и плодородіи.

Этотъ обрядъ наблюдается только въ отдаленныхъ мѣстахъ между простолюдинами.

Ширшки и убрусы: платки и полотенцы, вышитые разными узорами, приготовлялись только со стороны невѣсты, которая дарила ими жениха и всѣхъ, бывшихъ на свадьбѣ. Раздавать ихъ было обязанностію младшаго царичина дружки. Убрусы являются со времени царя Михаила Феодоровича; въ описаніи второй его свадьбы сказано, что послѣ осыпанія поднесли государю отъ царевны убрусецъ тафтянъ, ипзанъ жемчугомъ, шпринку и коровай, что все послано и къ отсутствовавшимъ. *Обрус* по-Польски значитъ «скатерть.»

Свѣчи и фонари. Сверхъ обручальныхъ свѣчей, дѣлалось еще нарочно съ каждой стороны по одной огромной свѣчѣ: у Михаила Феодоровича была въ три, а у невѣсты его въ два пуда; у Алексѣя Михайловича въ два, а у невѣсты его въ полтора пуда: для ношенія каждой назначалось по два человѣка, обыкновенно изъ стольниковъ, которые на тотъ разъ назывались свѣчниками. На свѣчи клались обручи широкіе чеканные, оба края золочоны, и обвивали ихъ соболями. Надъ ними носились фонари, каждый также дву-

мя фонарищками. Въ то время, когда начинали чесать голову, свѣчи эти зажигали *водокишеною*, то есть, освященною въ навечеріи дня Богоявленія Господня свѣчею. Послѣ вѣнчанія, относили ихъ къ постель, гдѣ ставили объ вмѣстѣ въ одну кадь (со пшеницею; обручей съ нихъ не снимали въ продолженіе трехъ дней, послѣ чего, соскавъ ихъ вмѣстѣ, ставили въ церкви у мѣстныхъ образовъ.

Кадь съ хлѣбомъ зерновымъ ставилась подлѣ постели въ прознаменованіе будущаго изобилія повобрачныхъ.

Сткляница съ виномъ фряжскимъ, винограднымъ краснымъ, или такъ называемымъ церковнымъ: вино, какъ извѣстно, употребляется въ православной церкви при совершеніи таинства брака. Встарину было при этомъ обыкновеніе, что женихъ, по совершеніи церковнаго обряда съ виномъ, бросалъ сткляницу о землю, и растапывалъ ее ногами; въ первоначальномъ церемоніаль именно сказано, что самъ «Государь потопчетъ сткляницу ногою, а иному никому не велятъ топтати.» Хотя этотъ обычай при дворѣ уничтоженъ Царемъ Михаиломъ Θεодоровичемъ, который, вмѣсто топтанія сткляницы, отдалъ ее вѣнчавшему его священнику, приказавъ отнести въ алтарь, однако жъ народъ не оставлялъ его: еще Олеарій упоминаетъ объ немъ, присовокупляя, что женихъ и цѣвѣста растапывали сткляницу вмѣстѣ, приговаривая: «Такъ да падуть къ ногамъ нашимъ и сокрушатся всѣ тѣ, кои вздумаютъ ссорить насъ между собою.» Вино и сткляницу порознь приносили въ церковь погребные ключники; тамъ уже наливали вино въ сткляницу съ *отливкою*. Сткляницу въ церкви держалъ обыкновенно бояринъ, или окольничій.

Подножіе, которое для вступающихъ въ бракъ стелется въ церкви. На свадьбѣ царя Михаила Θεодо-

ровнича оно сдѣлано было изъ камки червчатой, куфтеръ 5 аршина, свито вдвое, а на него положено сорокъ соболей, по двадцати головами вмѣстѣ. Обязанность стлать подножіе возлагалось чаще всего на дружекъ.

Скамьи: онѣ ставились въ церкви, покрывались коврами золотыми, а на нихъ клались сголовьи, такия же, какъ и на чертожномъ мѣстѣ. Новобрачные, по окончаніи вѣнчанія, садились на скамьи и принимали поздравленіе. Передъ скамьями ставились *колодки*, или *колодочки*, то есть, скамеечки подъ ноги, обитые участкомъ золотнымъ.

Куря, жареное, то есть курица: приносилось по возвращеніи изъ церкви за столъ, и ставилось передъ новобрачными, которые однако жъ тутъ до него не касались, а черезъ короткое время, большой дружка, взявъ его со стола, съ блюдомъ, перепечью и солонкою, все вмѣстѣ завертывалъ въ верхнюю скатерть, и относилъ къ постель, гдѣ уже кормили имъ новобрачныхъ.

Каша: ею кормили новобрачныхъ въ сѣнникѣ на другой день послѣ мыльни. Каша разсылалась къ почетнѣйшимъ особамъ: такъ Казанскій царь Симеонъ посылалъ ее къ царю Иоанну Васильевичу и его царицѣ, къ князю Юрію Васильевичу Углицкому и его княгинѣ, ко вдовствовавшей княгинѣ Старинкой и ея сыну.

Сѣнникъ и постель. Сѣнникъ, иначе подклѣть, было то, что нынѣ называется брауткамерою. Комната эта, на случай свадьбы, никогда не топилась, какъ бы холодно ни было. Татищевъ говоритъ, что нѣкоторые нарочно строили для этого деревянные покои не только безъ печей, но даже и на потолокъ не клали земли.

Сѣнникъ убирался такимъ образомъ: въ сѣняхъ его, во естѣхъ четьрехъ углахъ ставилось по неощѣ,

а на дверяхъ, снутри и снаружи, и надъ окнами въ сѣнникѣ, золотые кресты съ мощами. Сѣнникъ внутри оболакивался *запонами*, а по четыремъ угламъ втыкались *стрѣлы*, а на стрѣлахъ по сороку соболей, или по одному соболю, какъ государь приказывалъ, да по *колачу*. Въ каждомъ углу ставилось по *оловечнику* меда.

Постель стлалась въ сѣнникѣ на тридевяти ржаныхъ снопахъ; а сверху сноповъ клалось семь перинъ и бумажниковъ, и сголовей бархатныхъ и камчатныхъ и атласныхъ, и покрывалось одвѣломъ; въ головахъ клалъ два *сголовійца*, сшитыя вмѣстѣ, а въ низахъ на коврѣ одѣяло кунье и шуба соболя, которая покрывалась простынею.

Для постилки постели назначались особые бояре, боярыни и дѣти боярскіе; сверхъ того лица, которыхъ не отходили отъ постели до прихода новобрачныхъ въ сѣнникъ, и бояре, которые должны были спать «у постели», въ другой комнатѣ.

При составленіи первоначальнаго церемоніала боярыни приговорили: «Когда постелю понесутъ въ сѣнникъ стлать, то нести передъ нею до Рождества (иконны): Рождество Христово, да Рождество Пречистыя Богородицы, да крестъ воздвизальный, и поставити у постели въ головахъ, а въ сѣнникъ средь стѣны поставити четыре иконы Пречистыя Богородицы со Младенцемъ, на каждой стѣнѣ по одной.»

Мыльня. Утромъ на другой день свадьбы новобрачные ходили въ мыльню. Для топленья государевой мыльни назначались чиновники изъ постельничихъ, или изъ дѣтей боярскихъ, обыкновенно не болѣе двухъ. Къ выемкѣ воды, которой водѣ въ мыльнѣ быти, назначались иногда два, иногда четыре человека; одинъ разъ были у этого печатникъ да думный дьякъ. Сверхъ того, государь назначалъ тѣхъ, кому

надлежало вмѣстѣ съ нимъ мыться въ бань, обыкновенно изъ бояръ и ближнихъ людей. Для мытья ихъ наряжались мовники, изъ спальниковъ или другихъ нижнихъ чиновниковъ. Особые чиновники приносили въ мыльни бѣлье и платье, и сдавали ихъ тѣмъ, которые *стряпали* (прислуживали) у государя въ мыльнѣ. Тутъ же бывали и столы.

Въ слѣдующихъ церемоніалахъ встрѣчаются нѣкоторые предметы, о которыхъ не говорится во всѣхъ прочихъ.

На свадьбѣ князя Андрея Ивановича Старицкаго, 1555, и сына его Володимира, 1550, показаны *плясцы*. Въ то время, когда на первой свадьбѣ великая княгиня, а на послѣдней царица, бывшія посаженными матерями, шествовали изъ своихъ комнатъ въ палату къ чертожному мѣсту, предъ ними шли плясцы; но въ палату ихъ не впустили, и онѣ оставались въ сѣняхъ. Дальнѣйшаго свѣдѣнія объ нихъ нѣтъ*.

На свадьбѣ Ростриги, 1606, были *рынды*, въ бѣломъ, по обыкновенію платье; однако жъ ни прежде, ни

* Для соображенія любопытныхъ и занимающихся отечественной стариною, прилагаемъ здѣсь выписку изъ первоначальнаго церемоніала, съ дополненіемъ изъ описанія свадебъ, — второй царя Михаила Феодоровича, и первой царя Алексѣя Михайловича. Но какъ оба эти церемоніала весьма сходны между собою; то небольшія отмыки въ послѣднемъ будутъ показаны въ скобкахъ, а выписки изъ обоихъ означатся чужесловами. Все это представить полную и, какъ мы полагаемъ, занимательную картину царской свадьбы XVI и XVII вѣковъ.

1. Княгиня, наряжаясь, сидѣла въ своихъ хоромахъ съ женою тысяцкаго, свахами и боярынями; тутъ же приготовлены были свѣчи и ворован.

«Царевну наряжали по государскому чину: въ платье и въ вѣсь «золотой съ города»: съ камнемъ и жемчугомъ.»

2. Великій Князь, наряжаясь, пошелъ въ брусную столовую избу, а съ ними тысяцкій и весь поѣздъ.

«Царь вышелъ въ золотую среднюю палату. Онъ наряжаясь былъ

послѣ, на подобныхъ церемоніяхъ они не бывали. Но свадьбу эту нельзя назвать чисто Русскою.

Наконецъ должно замѣтить, что ежели кто изъ на-

• въ аксамитный (бархатный) золотный козухъ (тулупъ, kotosh) на со-
• боляхъ, да въ шубу русскую соболью, крытую бархатомъ золотымъ,
• *заметаеъ помы назадъ за плеча.* (Царь Алексѣй Михайловичъ былъ
• въ такомъ же нарядѣ, да въ шапкѣ горлатной черной лисьей. А что
• бывало въ прежнихъ государскихъ радостяхъ, чтобы у шубы заме-
• тать помы назадъ за плеча, и того государь учинити не изволилъ, а
• въ то мѣсто велѣлъ сдѣлать у шубы ожерелье (воротникъ) долгое со-
• болѣе большое.) Поясъ былъ кованый золотный. Передъ нимъ шли
• *поѣзжане*, за ними дружки, а потомъ государь, котораго тысяцкій
• велъ подъ руку; шествіе заключалось боярами, стольниками, стряп-
• чими и дворянами, конъ все были въ золотѣ, въ черныхъ шапкахъ и
• въ ожерельяхъ стоячихъ и отложныхъ визаннскихъ.»

3. По выходѣ великаго князя изъ своихъ хоромъ, онъ послалъ ска-
зать боярынямъ, чтобы вѣвсту вели къ мѣсту.

• Государь, вошедъ въ золотую палату и поклонясь святымъ иконамъ,
• кон поставлены были на большомъ мѣстѣ и на четырехъ стѣнахъ съ
• *лазѣнками (пеленами) визаннскими*, сѣлъ на своемъ мѣстѣ на лавкѣ, на
• столовъ бархатномъ персидскомъ, а колодочка была золотная участ-
• ковая. Посаженому отцу, тысяцкому и боярамъ велѣлъ сѣсть въ боль-
• шей лавкѣ, а поѣзжанамъ въ другой, послѣ чего послалъ царицыныхъ
• дружкѣ къ царевнѣ сказать, чтобы она шла въ грановитую палату
• на мѣсто. Они, пришедъ и поклонясь святымъ иконамъ, ударили че-
• ломъ царевнѣ, и старшій изъ нихъ сказалъ: Великій Государь Царь
• и Великій Князь велѣлъ тебѣ, царевнѣ, итти въ грановитую палату
• на мѣсто.»

4. Великая княжна, выслушавъ рѣчь, пошла со вѣтми бывшими при
вѣй боярынями: передъ нею шли бояре, поименно назначенные госу-
дарехъ, а за ними несли обѣ свѣчи и оба короваля.

• Передъ царевною шли свѣчники, коровайники и фонарики, въ
• *терничкахъ* (родъ камзола съ пуговками) золотыхъ на соболяхъ, кон
• *давы* имъ съ казненнаго двора, (подпоясався кушаками золотыми), и въ
• шапкахъ черныхъ горлатныхъ лисьихъ (своихъ собственныхъ). Въ
• этомъ нарядѣ ходили они все три дни. Богоявленскую свѣчу и об-
• ружальныя несли стряпчие, въ золотѣ и въ черныхъ шапкахъ. За ни-
• ми все осыпало думный дьякъ, а за нимъ шли царевнины дружки;
• *потомъ окольниковый и дьякъ*, напередъ по сторонамъ, и берегли пути,
• чтобы никто не переходилъ. За нимъ шелъ попъ, кропя путь святою
• *водою*; за попомъ шествовала царевна: большія свахи вели ее подъ

значенныхъ чиновниковъ не могъ, по какой-нибудь причинѣ, бытъ на свадьбѣ, а мѣсто его занималъ другой; то послѣдній назывался уже не своимъ именемъ,

«руки, а подлѣ нее были двѣ боярыни для береженія; за снѣгъ шли боярыни сидячія, и одна, которая несла куклу на серебряномъ блюдѣ. Шествиѣ заключалось постельницами, кои несли убрусы и шпринки на золоченыхъ блюдахъ.»

5. По пришествіи княжны въ палату, посадили ее на ея мѣсто, а на мѣсто великаго князя княжну Анастасію, меньшую сестру ея.

«Пришедъ въ палату, пощъ покропилъ чертожное мѣсто святою водою, и царевау посадили на ея мѣсто на столовьѣ, съ котораго снявъ сорокъ соболей, дали держать дяку, а на царское мѣсто посадили князя Якова Куденковича Черкаскаго (князя Ивана Александровича Воротынскаго).»

6. Жена тысяцкаго и свахи сѣли подлѣ княжны на своихъ мѣстахъ, а боярыни за большой столъ по лавкѣ. Со свѣчами и коровами стали у свахъ съ лѣвой стороны.

«Свахи всѣ стали у царевнина мѣста у стола, а боярыни сѣли по мѣстамъ въ большой лавкѣ за столомъ, посаженная мать выше всѣхъ. Со свѣчами стали направъ противъ государева мѣста у лавки, а съ коровами и фонарями по лѣвой сторонѣ, отодвинулся подаль, подлѣ поставца.»

7. Послѣ сего дали вѣсть государю, который послалъ кому сидѣть на большемъ мѣстѣ; а съ нимъ бояръ и дѣтей боярскихъ.

«А съ нимъ бояръ и дѣтей боярскихъ (которымъ сидѣть въ сидячихъ).»

8. Посланный, вошедъ въ палату, сѣлъ на большое мѣсто, и възжавъ пришедшихъ съ нимъ, послалъ по государя боярина большого.

«Посланный вшедъ въ палату, поклонился образамъ на всѣ стороны, и ударя челоу царевнѣ, сѣлъ за столъ на большемъ мѣстѣ въ лавкѣ выше матери, и пр.»

9. Великій князь, выслушавъ рѣчь присланнаго, пошелъ со всѣмъ своимъ потѣдомъ, и вошедъ въ палату, поклонился Святымъ, да поилъ княжну Анастасію, сѣлъ на свое мѣсто.

«Государь, выслушавъ рѣчь присланнаго, поклонился образамъ и благословяся крестомъ у попа, отправился. Напередъ шли потѣжаме, «потомъ дружки, за ними бояре, потомъ пощъ съ крестомъ, а за нимъ «царь, котораго тысяцкій велъ подъ руку. Путь передъ государемъ»

а именемъ перваго. Такъ на свадьбѣ царевича Канбулина, 1625, въ сидячихъ боярыняхъ была жена Ивана Яковлевича Вельяминова; но на свадьбѣ назы-

«кропиль Св. водою крестовый медвильный (т. е. домовый очередной)
«попъ. За государемъ шелъ съ его колпакомъ стольникъ, а за нимъ
«сладовали стольники и стряпчіе, остававшіеся за чинами и сидѣвшіе,
«до выхода государева, въ столовой избѣ. Пришедъ въ палату, госу-
«дарь благословился у попа крестомъ, и поклонясь иконамъ, пошелъ
«къ своему мѣсту, съ котораго между тѣмъ большій дружка поднималъ
«сидѣвшаго на немъ, и государь занялъ его, а соболи отдали держать
«другому дяку.

10. Государь, посадивъ мало, велѣлъ священнику говорить молитву покровенію главы невѣсты.

11. Послѣ сего началось чесаніе головъ, а между тѣмъ зажгли большія свѣчи.

12. За симъ осыпаніе и опахиваніе.

13. Рѣзаніе и раздача перепечи и сыра.

14. Раздача шпринокъ и убрусцевъ.

15. Посадивъ мало, отправились въ церковь: сперва великій князь съ своимъ повозомъ, потомъ княжна въ саняхъ съ женою тысяцкаго и большими свахами, а другія свахи сѣли въ опричныя сани. Передъ санями несли свѣчи и корован, а за санями шли бояре, двѣ боярскіе и дяки. А княжна Анастасія и боярыни пошли въ государынины хоромы.

«По отправленіи въ церковь, первую скатерть, на которой рѣзали
«перепечу и сыръ, дружки, снявъ и запечатавъ, отдали на дворецъ
«ключникамъ нмивно, и велѣли беречь, а на столѣ остались двѣ ска-
«терть. Царь и царевна шли вмѣстѣ, и стряпчіе устилали подъ ними
«путь камками червчатыми (и желтыми). Государь, сошедъ съ лѣстни-
«цы, сѣлъ на армака, подведеннаго ясельничимъ, а до того на этомъ
«конѣ сидѣлъ бояринъ и конюшій. Передъ государемъ ѣхали повъжа-
«не, стольники и дворяне большіе, за ними дружки, а за дружками
«тысяцкій мало поперегъ государя по сторонамъ; бояринъ же и конюшій
«шелъ пѣшь у государя подлѣ коня. Свѣчи и корован несли передъ го-
«сударемъ. Цесаревна ѣхала за государемъ въ большихъ саняхъ *инал-*
«*цовскихъ*, обитыя золотыми атласы, а противъ нее сидѣли всѣ четы-
«ре свахи, а до тѣхъ мѣсть, какъ царевна вышла изъ дворца въ сани,
«сидѣлъ ясельничій (окольникій); когда же она сѣла въ сани, то онъ

вали ее Ивановною, женою Плещеева: въ ея мѣсто она была.

Свадьбы назывались *веселиемъ* и *радостью*: по-

«пошелъ у государева коня. За саньми шли: окольнічій, да дьякъ, да дворяне Московскіе сверстные (т. е. лучше), а съ ними для береженія, чтобъ никто между царскаго пути не переходилъ, шли 20 человекъ дѣтей боярскихъ Царицыныхъ.»

16. Вошедъ въ церковь (Успенскій Соборъ), великій князь сталъ на правой сторонѣ у столба, у митрополита мѣста, по лѣву столба, а княжна стала отъ него на лѣвой сторонѣ. Со свѣчами и коровами стали у другаго столба на лѣвъ, по праву столба. У того же столба поставили скамью.

«Передъ царемъ шли въ церковь: тысяцкій и дружки, да бояре, написанные ходить передъ государемъ. А царевну вели подъ руки большія свахи, а меньшія шли за нею. Между тѣмъ потажане зашли на коняхъ (стояли отъ дворцовой лѣвѣнцы и до церкви по обѣ стороны на коняхъ). На государева жеребца сѣлъ козюшій, а въ санни окольнічій, а царицны дѣти боярскія въ то время берегли путь, чтобъ между коня и савей не переходилъ никто. Вошедъ въ церковь, царь и царевна стали противъ царскихъ дверей. Со свѣчами стали на правѣ противъ патриаршаго мѣста, а съ коровами близъ лѣваго крылоса. У лѣваго же крылоса у столба поставили скамью, да положили на нее два сголовья изъ червчатаго бархата съ золотомъ въ одинъ цѣтъ. Сголовья несли въ церковь стряпчие, а передъ каждымъ шелъ окольнічій. Передъ скамьями поставили двѣ колодки.»

17. А какъ пошли къ вѣнчанію, то дружки постлали имъ подъ ноги камку, да положили 40 собелей. Великій князь и княжна стали на это мѣсто. Вѣнчалъ ихъ митрополитъ.

«Подножіе и соболы принесены въ церковь двумя стряпчими, а въ церкви сталъ его стольникъ. Вѣнчалъ протопопъ Успенскаго Собора (по священному предавію), а при немъ дѣйствовали протодіаконъ, да два ключаря. На крылосѣ пѣли дьяки строками (по нотамъ).»

18. Въ стекляницѣ вино фряжское держалъ бояринъ.

«Стакляницу держалъ бояринъ (окольнічій), а несли за нимъ-то вино и стакляницу два человекъ погребныхъ ключниковъ, а шли всѣ въ золотѣ.»

19. Обвѣнчавшись, великій князь и княжна сѣли на скамью, государь съ правую сторону, и принимали поздравленіе отъ присутство-

Дальше свадьба — wesele, и первое названіе очевидно взято отъ этого слова; второе, кажется, переводъ перваго.

вашихъ; между тѣмъ пѣвчіе дѣлки на обонхъ крылосахъ пѣли нмъ многолѣтіе.

«Царь сѣлъ на скамью съ правую сторону, а царицу посадили свахи съ лѣвую у него сторону. И поучалъ ихъ протопопъ по священному преданію. За симъ принимали они поздравленіе, а пѣвчіе пѣли многолѣтіе, демество большое.»

20. Отъ церкви великій князь пошелъ къ себѣ завтракать, а княгиня шествовала въ свои хоромы. Въ сани ея сѣлъ ясельничій и отвезъ ихъ на конюшню.

«Послѣ вѣнчанія царь взялъ царицу за руку, повелъ ее изъ церкви до саней, и сѣвъ на армагака, поѣхалъ на дворъ (т. е. дворець), а царица въ саняхъ прежнимъ порядкомъ. Приѣхавъ ко двору, государь сѣлъ съ коня, и взявъ царицу за руку, повелъ ее лѣвшацею, по камкамъ червчатымъ (и желтымъ) въ грановитую палату. Между тѣмъ на жеребца его сѣлъ бояринъ и конюшій, и поѣхалъ къ сѣннику, и ѣздилъ около сѣнника во все время, какъ государь былъ въ немъ (и во всю ночь) съ голымъ мечемъ въ рукахъ.»

21. Свѣчи и корован отнесли изъ церкви къ постель.

«Изъ церкви несли ихъ передъ государемъ и вошедъ въ грановитую палату, стали на прежнихъ мѣстахъ.»

22. Послѣ завтрака государь, въ сопровожденіи всего пѣзда, отправился по монастырямъ и по церквамъ. Возвратясь, послалъ онъ вѣсть, чтобы великая княгиня шла къ столу. Она пришедъ, сѣла на свое мѣсто; жена тысяцкаго и свахи заняли свои мѣста, а боярыни сѣли за большій столъ по лавкѣ. Послѣ сего государь прислалъ посаженнаго отца, а съ нимъ бояръ и дѣтей боярскихъ: первый, занявъ большое мѣсто, разсажалъ пришедшихъ съ нимъ за окольничій и кривой столы. Великій князь, пришедъ, сѣлъ за столъ на свое мѣсто, приказавъ тысяцкому, дружкамъ и всѣмъ прочимъ сѣсть по своимъ мѣстамъ. Между тѣмъ на его коня сѣлъ конюшій и въ продолженіе всего стола и всей ночи ѣздилъ при подклѣтѣ съ голымъ мечемъ въ рукахъ.

«Государь ѣздилъ по монастырямъ и по церквамъ поутру, а изъ церкви, какъ сказано выше, пришелъ съ царицею въ грановитую палату, гдѣ и сѣли на прежнихъ мѣстахъ.»

23. Да какъ всѣ сѣли, то передъ великимъ княземъ и княгинею по-

О свадьбах бояръ и другихъ благородныхъ сословій, упасъ нѣтъ отечественныхъ свидѣтельствъ, и мы должны прибѣгнуть къ иностраннымъ путешествен-

ставили куря печеное, которое тотъ же часъ отвесилъ къ постелѣ, какъ сказано выше. И великій князь велѣлъ въ столы яствы ставить.

«Какъ все съѣли, царь приказалъ подавать въ столы яствы и вина «фряжскія. (И подали государю три кубка, — романин, ренскаго и бестры, и тѣмъ кубкамъ государь пожаловалъ бояръ, Морозова и Пушкина, и боярыню Морозова). А послѣ третьей яствы поставили куря «вереное, которое большой дружка отнесъ къ сѣннику, и отдалъ именно бывшему при постелѣ боярину.»

24. И какъ по порвѣ, великій князь, вставъ изъ-за стола, пошелъ съ княгинею къ постелѣ, а съ ними тысяцкій, дружки и свахи все, и тотъ, кому онъ велѣлъ выдавать новобрачную. И какъ пришла къ дверямъ той палаты, въ которой былъ столъ, то оставовились, и тотъ, кому выдавать княгиню, выдавалъ ее въ дверяхъ и говорилъ рѣчь.

«Послѣ отнесенія куряти, царь, вставъ изъ-за стола, взялъ царицу за руку, и пошли къ сѣннику, а съ ними тысяцкій, дружки и свахи все, а боярину, которому выдавать новобрачную, велѣлъ идти передъ собою до дверей; въ это время путь передъ государями стлали «стольники. Пришедъ къ дверямъ, выдававшій говорилъ рѣчь, по окончаніи которой поклонился (и пошелъ назадъ и свѣлъ, и бояре все съѣли за столъ). Образами новобрачныхъ тутъ не благословляли. Послѣ сего царь съ царицею пошли къ сѣннику въ сопровожденіи бояръ и боярынь сидячихъ. Свѣчи и короваи несли передъ ними.»

25. По пришествіи къ постелѣ, осыпали ихъ вторично.

26. Потомъ свахи большія и дружки кормили ихъ курятемъ.

«Препровождавшіе возвратились отъ сѣнника, боярыни въ царичьины хоромы, а бояре въ грановитую палату, гдѣ съѣвъ за столы, учили кушать. — И по времени, велѣлъ государь позвать къ себѣ въ сѣнникъ отца и мать посаженныхъ, и тысяцкаго, и дружекъ, и свагъ, и бояръ, и боярынь, и ближнихъ, которые въ комнать, и которые у постели. И они пришедъ, кормили государя въ сѣняхъ передъ сѣнникомъ, отецъ и мать, и бояре ближніе, а государыню кормили въ сѣнникѣ мать, и свахи, и боярыни. А яствы были приказныя (папорокъ лебединъ подъ шафраннымъ взваромъ, рябъ искрошенный подъ лимоны, потрохъ гусиный, да квасъ въ серебряной лоцатой братиивъ. «Государыни царичъ подавали: гусь жаркій, пороса жаркое, кури въ

никамъ. Писали объ этомъ предметъ Флечерь въ походъ XV, Оларій, Рейтенфельсъ, Петрей и Корбъ въ XVII столѣтіи. Но какъ Петрей почти во всемъ схо-

«каль съ лимоны, куря въ лапшѣ, куря во щахъ богатыхъ. Да цѣрю и царицъ подѣвались хлѣбными яствы: перепеча крупчатая въ три лопатки *недомърюкъ*, четь хлѣба ситнаго, курникъ подсыпанъ яйцы, пироги съ бараниною, блюдо пироговъ кислыхъ съ сырѣмъ, блюдо жаворонковъ, блюдо блиновъ тонкихъ, блюдо пироговъ съ яйцы, блюдо сырниковъ, блюдо карасей съ бараниною).»

27. А на завтракъ послѣ мыльни, великаго князя и княгиню кормили у постели кашею, да тотъ, кому государь приказалъ, вскрылъ княгиню.

Здѣсь кончатся первоначальный церемоніаль.

«А на завтракъ государь царь, вышелъ изъ сѣнника, былъ въ мыльнѣ (мыльнѣ) и кушалъ тамъ. И жаловалъ государь, подавалъ ближнимъ боярамъ яствы, а боярамъ и окольниковымъ романею въ кубкахъ. (Царь Алексѣй Михайловичъ не кушалъ въ мыльнѣ, и романею не жаловалъ, однако же для него приготовлены были слѣдующія яствы, которыя послѣ подавали въ столъ: курникъ подсыпанъ яйцы, пироги росольный, блюдо пироговъ подовыхъ на *торговое дѣло*, блюдо карасей съ бараниною, коровай ячкій (ячменный), блюдо блиновъ тонкихъ, блюдо пироговъ кислыхъ, блюдо сырниковъ, блюдо жаворонковъ, блюдо пироговъ съ яйцы).»

«А царица кушала въ *избушкѣ*. (Царица Алексѣя Михайловна кушала у себя въ хоромахъ, и ей подавали тѣ же яствы, что и цѣрю, да сверхъ того: куличъ *недомърюкъ*, кольцо и полхлѣбца).»

«А послѣ кушанья царь и царица были въ сѣнникѣ, а съ ними: посаженные отецъ и мать, да тысяцкій, да боярыни ближнія, да сватъ, и раскрывалъ государыню посаженный отецъ. Послѣ сего пожаловалъ государь, велѣлъ видѣть свои царскія и царицныя очи всѣмъ боярамъ, и окольниковымъ, и думнымъ людямъ, въ сѣнникѣ. За симъ новобрачныхъ кормили кашею, которую подавали въ двухъ горшечкахъ фарфоровыхъ, обогнутыхъ двумя парами соборей, на одномъ блюдѣ; передъ государемъ держалъ большой дружка, а передъ царицею большая сваха.»

28. «А въ то время, какъ государь пошелъ въ мыльню, во весь день и до вечера, и въ ночи, на дворѣ играли въ сурны, и въ трубы, и были по накрамъ. (Но царь Алексѣй Михайловичъ накрамъ и трубамъ быти не изволилъ, а велѣлъ во свои государскіе столы,

день съ Олеаріемъ, а Корбъ съ Флечеромъ, то остаются только три свидѣтеля.

Флечеръ говоритъ, что невѣсту, наканунѣ свадьбы, привозили въ колымагѣ, или въ саняхъ, въ домъ жениховъ, а съ нею все ея приданое, и въ особенности брачное ложе, которое обыкновенно бывало очень великолѣпно. Мать невѣсты, съ своими пріятельни-

« вмѣсто трубъ и органовъ, и всякихъ свадебныхъ потѣхъ, пѣти своимъ пѣвчимъ дьякамъ, всѣмъ станицамъ перемѣнялась, строчные и демественные большіе стихи, изъ праздниковъ и изъ тріодей драгія вещи, со всякимъ благочиніемъ. И по сто мудрому и благочестному «разсмотрѣнію бысть тишина, и радость, и благочиніе велие, яко всѣмъ «сущимъ ту дивитися и возсылати славу Богу, и хвалити, и удивлятися о мудромъ его разумѣ и благочиніи).»

29. «А столъ въ то время былъ въ грановитой палатѣ. Государь и «государыня сидѣли за золотымъ столомъ близко стѣны. И стояли «у стола предъ государемъ дружки, а у царицы свахи; да свѣжи «же, для подчиванія, поставленъ былъ столикъ не великой, выше большаго боярскаго стола. А послѣ стола подавали всѣмъ овощи, и царица пошла въ свои хоромы, и столъ былъ у нее большой. (Царя «Алексѣя Михайловича за столомъ въ грановитой палатѣ не было), а «былъ у нее въ хорамахъ особый столъ для боярынь. Бояре же, «и околыпчіе, и думные люди, сидѣли за большимъ столомъ, и были «въ шубахъ нагольныхъ и въ шапкахъ горлатныхъ. Послѣ стола «егое время пѣли пѣвчіе, а потомъ государь пошелъ въ свои хоромы, «а бояре и прочіе разѣидошася въ свои дома).»

30. «На третій день такой же столъ. (Царь Алексѣй Михайловичъ «былъ опять одинъ безъ царицы, и послѣ стола жаловалъ многихъ «изъ своихъ рукъ, и подачи овощей всѣмъ, бывшимъ за столомъ, отъ «государя были нескудныя: по цѣлому блюду, а инымъ и по два).»

31. «На четвертый день государь принималъ въ золотой палатѣ «патріарха со властями, кои поднесли ему дары. Послѣ того онъ принималъ бояръ и думныхъ людей, а за ними приходили съ драми гости и разныхъ сотней торговые люди; но даровъ государь не принималъ ни отъ кого. Наконецъ государь съ патріархомъ, властями и «болрами, пошелъ къ царицѣ, которой также поднесли дары. И того «дня патріархъ и власти яли у государя; столъ былъ въ грановитой «палатѣ по обычаю безъ свадебныхъ чиновъ, а винары и овощи по- «давали въ столы по свадебному обычаю.»

цами, оставались при ней всю ночь. Впрочемъ, ни женихъ, ни его родные, въ это время совсѣмъ не говорили съ невестою.

Въ день свадьбы, на невесту клали покрывало, которое закрывало не только ея лице, но и все тѣло. Потомъ она съ своими поѣзжанами, а женихъ съ своими, отправлялись въ церковь на лошадахъ, какъ бы церковь ни была близко. Послѣ вѣнчанія невеста подходила къ жениху и, въ знакъ своей покорности, кланялась ему въ ноги, а онъ накрывалъ ее полою своего платья, означая симъ, что будетъ ее любить и оберегать. Далѣе отецъ и родственники невесты подходили къ жениху и кланялись ему низко, а отецъ и родственники жениха подходили къ невестѣ, и также ей кланялись. Обрядъ этотъ показываетъ взаимную радость о новомъ родствѣ, и добрую волю исполнять родственныя обязанности. Вскорѣ послѣ этого жениховъ отецъ подносилъ священнику хлѣбъ, а онъ передавалъ его отцу и родственникамъ невесты, при чемъ невестинъ отецъ удостовѣрялъ, что онъ отдалъ или отдастъ въ назначенное время приданое своей дочери. Засимъ хлѣбъ ломали и съѣдали. Значеніе этого обряда объяснено въ статьѣ о перепечахъ.

По окончаніи, женихъ бралъ невесту за руку, и входилъ съ нею и со всѣми присутствовавшими въ церковныя двери (въ притворы?). Здѣсь подавали имъ стакапы и сткляницы съ медомъ, или Русскимъ виномъ. Женихъ пилъ здоровье невестино, а потомъ она отвѣчала ему тѣмъ же, поднимая свое покрывало такъ, чтобы можно было ей поднести стаканъ къ губамъ.

Изъ церкви женихъ отправлялся не въ свой, а въ родительскій домъ, а невеста также въ домъ своихъ родителей, гдѣ родственники съ обѣихъ сторонъ принимались и угощались *честно*. При входѣ мужа и жены въ дома ихъ родителей, осыпали ихъ хлѣбными зернами. Вечеромъ привозили жену въ домъ ея

свекра, гдѣ она во всю ночь не снимала съ себя покрывала, и не говорила ни слова съ своимъ мужемъ, чтобы онъ не могъ ее ни видѣть, ни слышать. По Русскому обычаю, новобрачная могла показаться своему мужу только на другой день свадьбы. Въ продолженіе трехъ первыхъ дней, она не должна была не говорить ничего, кромѣ нѣкоторыхъ словъ, которыя, по старому обычаю, говорила она за столомъ (?). На третій день молодые отправлялись въ свой домъ.

Въ продолженіе свадебнаго пира, всѣ гости называли новобрачную *кнлгиню*, а новобрачнаго *княземъ*. Названіе это и теперь еще въ употребленіи; также и свадебный пиръ называется княжимъ пиромъ.

Свѣдѣніе это весьма недостаточно; но любопытно тѣмъ, что объясняетъ значеніе нѣкоторыхъ обрядовъ: за то Оларій входитъ въ большія подробности.

Къ жениху и къ невѣстѣ, говорятъ онъ, опредѣлялись по одной женщинѣ, которыя назывались *сватами*: онѣ занимались приготовленіемъ къ свадьбѣ разныхъ вещей. Невѣстина сваха, въ день свадьбы, отправлялась въ домъ жениха, гдѣ приготовляла брачное ложе, а съ нею человекъ со сто слугъ, изъ коихъ каждый носилъ на головѣ что-нибудь пужное для постели и украшенія брачной комнаты. Брачное ложе приготовлялось на сороку ржаныхъ снопахъ, а подлѣ него ставилось нѣсколько кадей съ пшеницею, ячменемъ и овсомъ, въ знакъ того, чтобы молодые жили въ изобиліи.

По изготовленіи всего, женихъ съ своими друзьями (поѣзжанами) и съ попомъ впереди, приѣзжалъ поздно вечеромъ въ домъ невѣсты, гдѣ происходило обрученіе. Друзья съ невѣстиной стороны принимали ихъ ласково, а почетнѣйшихъ сажали за столъ, гдѣ ставилось три яствы, до которыхъ однако жъ никто не касался. Между тѣмъ, какъ женихъ занимался разговорами съ невѣстными друзьями, оставля-

лось для него въ столъ большое мѣсто, на которое сажали мальчика, котораго женихъ поднималъ ласково, и садился, а подлѣ него сажали и невѣсту, наряженную въ богатое платье, и чтобы они не смотрѣли другъ на друга, два мальчика держали между ими кусокъ красной тафты. Тутъ подходила невѣстина сваха, чесала ей волосы *, распушенные по плечамъ заплетала ихъ въ двѣ косы, клала на нее вѣнецъ (кику, кокошникъ) съ другимъ нарядомъ, и оставляла ее съ открытымъ лицомъ. Вѣнецъ, обложенный тканію, дѣлался изъ тонкой золотой или серебряной бити, а у ушей, которыя онъ нѣсколько закрывалъ, висѣли по четыре, по шести и болѣе нитокъ крупнаго жемчуга. Платье ея спереди до подола, также рукава, длиною аршина въ три, и стоячій воротникъ шириною пальца въ три, унизывались крупнымъ жемчугомъ: такое платье стоило гораздо болѣе тысячи талеровъ. И жениху также сваха чесала голову.

Между-тѣмъ женщины садились по лавкамъ и, пѣли всякій вздоръ, свадебныя пѣсни. Тутъ, двое хорошо наряженныхъ молодыхъ мужчинъ приносили на носилкахъ, подъ соболіною покрывшкою, преогромный сыръ и нѣсколько хлѣбовъ; то же приносили и со стороны невѣсты: это называлось, какъ говорить Олеарій, *крабейники*, корован. Попъ, пріѣхавшій съ женихомъ, благословлялъ сыръ и хлѣбъ, которые относили въ церковь въ то время, когда женихъ съ невѣстою туда отправлялись.

Послѣ того, ставили на столъ большую серебряную лису, съ четверугольными кусками атласа и тафты (ширинки), гладкими четверугольными же кусочками серебра (пенязи), хмѣлемъ, ячменемъ и овсомъ, перемѣшанными вмѣстѣ (осьпало).

* Рейтенфельсъ говоритъ о семъ иначе (См. выше, о гребнѣ), при-
совокупляя, что въ это время собравшіеся на свадьбу гости подноси-
ли невѣстѣ дары.

Затѣмъ приходила сваха, и, покрывъ опять невѣсту (фатою), осыпала сказаннымъ хмѣлемъ ее, бояръ и всѣхъ мужчинъ. Кто хотѣлъ, тотъ могъ взять съ мисы атласъ и серебро. Между-тѣмъ пѣли пѣсни. Наконецъ, отцы невѣстинъ и жениховъ, вставъ, мѣняли сговоренныхъ кольцами; послѣ чего сваха брала невѣсту, сажала въ сани, и отправлялась съ нею въ церковь. Грива лошади, запряженной въ сани, и дуга увѣщивались лисьми хвостами. За санями ѣхали поѣзжане и множество слугъ; потомъ ѣхалъ женихъ верхомъ съ своимъ поѣздомъ и съ попомъ.

Полъ въ церкви почти весь устилался красною тафтою, а на нее клался еще особо кусокъ ткани, на который становились вступающіе въ бракъ (подножіе). Тутъ слѣдовало вѣнчаніе и топтаніе сткляницы съ виномъ.

Женщины осыпали молодыхъ льнянымъ и коноплянымъ семянемъ, поздравляли ихъ, и тащили къ себѣ молодую, какъ-будто отнимая ее у мужа. По окончаніи этой комедіи, мужъ приводилъ жену къ санямъ, а самъ садился на своего коня. Подлѣ саней несли шесть восковыхъ свѣчъ.

Отъ церкви всѣ пріѣзжали уже въ домъ жениха, гдѣ онъ съ гостями садился за столъ, и начинали ѣсть, пить и веселиться *. Между-тѣмъ молодую, раздѣвъ совѣмъ, клали въ постелю, а потомъ приводили къ ней мужа, передъ которымъ шесть или восемь мальчиковъ несли зажженные факелы, свадебныя свѣчи. Молодая, услышавъ приходъ мужа, вставала, надѣвала на себя собалью шубу, и принимала его съ понижшею головою. Мальчики, поставя факелы въ кадн со пшеницею, уходили. Мужъ садился съ женою, которую онъ тутъ только впервые видѣлъ въ лице, за

* Рейтенфельсъ прибавляетъ, что невѣста оставалась за столомъ до третьей яствы, и во все это время оплакивала дѣвическое свое состояніе.

накрытый столъ: имъ подавали кушанье, и между прочимъ жареную курицу; онъ, разорвавъ ее на части, бросалъ крыло или ногу, что попадалось прежде, черезъ себя назадъ, а остальное они съѣдали. Тогда ихъ оставяла. Гости между-тѣмъ пили, ѣли и шумѣли.

Черезъ нѣкоторое время молодые отправлялись въ баню, каждый въ осебую, гдѣ ихъ мыли вѣдою, медомъ и виномъ. Молодая дарила мужу рубашку, у которой воротъ вышивался жемчугомъ, да новое дорогое платье *.

Слѣдующіе два дни проводились въ пирахъ, пляскѣ и разныхъ забавахъ, причемъ бывала различная музыка и между прочимъ одинъ инструментъ, который Русскіе называли *псалтирю* (гусли), и играли на немъ пальцами, какъ на арфѣ.

О старинныхъ свадьбахъ простолюдиновъ пишутъ Ченселоръ и Олсарій.

По наступленіи времени, повѣствуетъ первый изъ нихъ, отправляться въ церковь, невеста противится этому всѣми силами; но наконецъ двѣ пожилыя женщины какъ-будто насильно принуждаютъ ее идти изъ родительскаго дома. Дорогою продолжаетъ она плакать и выть, и можно назвать счастиемъ, присовокупляетъ онъ, что Русскія невесты закрываютъ себѣ лице покрываломъ, чтобы не каждый могъ видѣть ихъ притворство. За невестою слѣдовалъ женихъ съ своими друзьями, везя съ собою довольно большую стекляницу съ медомъ или съ виномъ. Послѣ вѣнчанія невеста цѣла здоровье жениха изъ стекляницы, женихъ дѣлалъ то же въ свою очередь, и бросалъ стаканъ на полъ: тутъ оба они старались одинъ прежде другаго наступить на него ногою, воображая, что кто изъ нихъ первый наступитъ на стекляницу, тотъ и будетъ господствовать надъ другимъ. Не ошибся ли Ченселоръ? Стекляницу растапывалъ одинъ мужъ. Слова его ско-

* Рейтеноельсъ упоминаетъ здѣсь о провозглашеніи невинности.

рве можно отнести къ подножію, что и нынѣ еще дѣлаютъ нѣкоторые не только простые, но и высшіе сословія невѣсты, стараясь прежде мужа ступить на него. Это довольно похоже на невинный обрядъ, заимствованный новѣйшею образованностью у Французовъ, въ которомъ молодая ставитъ шутя свой башмакъ на голову новому своему мужу, съ тѣмъ, чтобъ онъ всегда былъ у нея *подъ каблукомъ*. Послѣ вѣчанія молодая, которая уже въ церкви снимала съ себя покрывало, возвращалась въ свой домъ съ открытымъ лицомъ. Тамъ садилась она за столъ въ большое мѣсто, а мужъ подлѣ нее. Въ продолженіе стола играли одинъ или нѣсколько музыкантовъ, и двое полуобязанныхъ мужчинъ (?), которые уже изъ церкви шли за невѣстою, плясали долго передъ гостями. Послѣ доброй попойки, молодыхъ отводили къ постелѣ, и это дѣлалось въ настоящее время, потому что Рускіе вѣчались всегда подлѣ вечера. Заснѣ слѣдуетъ обрядъ съ плеткою, о которомъ мы уже говорили. На свадьбахъ пировали обыкновенно три дня, въ продолженіе которыхъ молодыхъ величали княземъ и княгинею.

Олеарій говоритъ, что простой человекъ, или мѣщанинъ, помолвивъ, посылалъ своей невѣстѣ, за день до свадьбы, платье, чепецъ (кику) и пару черевикъ, все новое, да ларецъ съ румянами, гребнемъ и зеркаломъ. Въ день свадьбы приходилъ поцъ; жениха и невѣсту сажали за столъ, и между ними держали такую же красную тафту, какъ и на боярскихъ свадьбахъ. Но когда начиналось чесаніе головы, невѣста должна была щеку свою приложить къ щекѣ жениха, и такимъ образомъ они смотрѣли другъ на друга въ зеркало, и улыбались одинъ другому. Потомъ свахи осыпали ихъ и гостей хмѣлемъ, и затѣмъ отправлялись въ церковь.

Д. ЯЗЫКОВЪ.

СИКСТЪ V.

=

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА *.

=

Въ то самое время, когда монахъ Феличе Монтальто, теологъ и совѣтникъ папскаго посольства при Дворѣ Испанскомъ, говорилъ, въ королевской часовнѣ, въ присутствіи набожнаго Филиппа II, краснорѣчивую проповѣдь, на текстъ — *Я далъ тебя во свѣтъ языковъ, да изыдетъ спасеніе мое даже до послѣднихъ земли,* — въ то самое время Пій IV умеръ, и тронъ Папскій остался празднымъ.

Не столько радовали славолюбиваго Монтальто успѣхи проповѣдей его, похвалы и даже ласки строгаго Филиппа, не столько самое торжество надъ завистливымъ критикомъ, дерзнувшимъ порицать проповѣдь,

* Современность есть цѣль и существо нашего Журнала: читателямъ известно, что, изъ всего прошедшаго, допускаетъ онъ въ свой составъ только предметы, относящіеся къ отечественнымъ исторіямъ и древностямъ, которые всегда будутъ новы для любопытства Русскихъ. Хотя ни какое новое явленіе въ литературномъ мірѣ не подаетъ намъ законнаго повода говорить о знаменитомъ Папѣ, котораго имя выставлено вверху страницъ, однако жъ эта прекрасная и ученая характеристика, начертанная для Б. для Ч. искуснымъ перомъ С. П. Шевырева, не можетъ назваться нарушеніемъ ея плана. Кардиналъ Монтальто, впоследствии Сикстъ V, состоитъ въ некоторой связи съ нашею Исторіею, и кому не любопытно ближе познакомиться съ человекомъ, черезъ руки котораго проходили важныя сношенія посла Іоанна Грознаго съ главою Западной Церкви въ одинъ изъ самыхъ затруднительныхъ часовъ, какой только можетъ пробить въ эпоху необыкновеннаго политическаго могущества? Это обстоятельство намъ кажется достаточнымъ оправданіемъ въ помѣщеніи статьи о предметѣ не слишкомъ сопряженномъ, тѣмъ болѣе, что статья сама оправдываетъ себя своею занимательностью. Мы сожалѣемъ, что изобиліе вопросовъ, нынѣ занимающихъ Европейскій литературный свѣтъ, и самые предѣлы нашего Журнала не позволяютъ намъ напечатать ее во всемъ ея пространствѣ. Б. для Ч.

посвященную Его Католическому Величеству, и высокая честь, которой онъ удостоился именоваться проповѣдникомъ Короля Испанскаго, сколько печальная для Католическаго міра вѣсть о смерти его владыки, была причина этой радости. По смерти Пія IV открывались большія надежды кардиналу Александрійскому, покровителю монаха Феличе, на получение трехэтажной тиары, — а въ случаѣ успѣха, и монаху Феличе готовилась круглая, широкополая, зеленая шляпа съ кистями, утверждающая простаго инока на ряду съ Принцами кровп, на послѣдней ступени къ одному изъ престоловъ Европы, который хотя и стоитъ теперь какъ вулканъ безъ изверженій, но некогда первенствовалъ на всемъ западѣ, и въ XVI вѣкѣ еще не рѣдко металъ свои молніи.

Надежды Монтальто исполнились. Кардиналъ Александрійскій вышелъ изъ конклава Папою, Піемъ V. Въ то же самое время умеръ генераль монашескаго ордена Св. Франциска, къ которому принадлежалъ Феличе Монтальто. Новый Папа тотчасъ вспомнилъ о своемъ клиентѣ въ Испаніи, и несмотря на соперничество отца-прокуратора Францискановъ, немедленно велѣлъ отправить нарочнаго въ Испанію съ указомъ о наименованіи Монтальто генераломъ ордена. Нарочный встрѣтилъ Папское посольство на возвратномъ пути изъ Мадрита въ Римъ. Кардиналъ Буонкомпаньо, легать посольства, въ послѣдствіи Папа Григорій XIII, видя благоволеніе Пія V къ своему еологу и совѣтнику, самъ принесъ къ нему въ комнату указъ Папскій, и далъ праздникъ всему посольству, по случаю сего назначенія. Монтальто униженно принималъ поздравленія, и вскорѣ, въ Римѣ, съ особеннымъ жаромъ облобызавъ ту шитую крестомъ туфлю, которая творила чудеса надъ бѣднымъ инокомъ, получилъ отъ Его Святѣйшества крѣпкое объятіе, залогъ будущаго возвышенія.

Въ теченіе своей монастырской жизни, которую прошел Монтальто отъ первой степени монастырскаго мальчика на послугахъ у всѣхъ монаховъ до ученыхъ степеней бакалавра, доктора, проповѣдника, и до верхней ступени генерала своего ордена, — въ теченіе всей этой жизни, исполненной униженій, искательства, страданій, скуки, споровъ, интригъ, Фра-Феличе своимъ горячимъ, заносчивымъ характеромъ, тщеславіемъ учености, легко доступной его живому уму, но неправившейся невѣжественнымъ монахамъ, наконецъ строгою любовью къ правдѣ, которая въ послѣдствіи дала великую черту папской его физиономіи, успѣлъ по всѣмъ монастырямъ своего ордена нажить себя безчисленныхъ враговъ. И вотъ онъ явился безусловнымъ главою тѣхъ монастырей, гдѣ кишать враги его, — и по долгу своему ѣдетъ ихъ осматривать, и всѣ монахи трепещутъ новаго начальника. Монастырь Святыхъ Апостоловъ въ Римѣ, гдѣ Монтальто терпѣлъ наибольшія непріятности, устраиваетъ ему такой торжественный пріемъ съ панегириками, музыкою, стихами и освѣщеніемъ, какого не бывало ни одному генералу ордена. Будущій кардиналъ и Папа поступилъ хитро: онъ объѣхалъ всѣ монастыри свои, осмотрѣлъ ихъ строго, но нигдѣ не обнаружилъ чувства мщенія, и даже иногда позволялъ себѣ смотреть сквозь пальцы на неважныя злоупотребленія враговъ своихъ, чтобы не подать повода къ мысли о томъ, будто онъ дѣйствуетъ изъ мести.

По возвращеніи въ Римъ, лукавый монахъ сталъ особенно ухаживать за кардиналомъ Александрійскимъ, Бонелло, племянникомъ Папы. Непотизмъ, введенный еще Сикстомъ IV, продолжался тогда во всей своей силѣ. У новаго Папы никогда не было недостатка въ племянникѣ, котораго онъ немедленно облакалъ въ пурпуровую мантию. Кардиналъ-племянникъ наследовалъ всегда прежній титулъ своего святѣйшаго

дяди, и служилъ ему правою рукою во всѣхъ дѣлахъ. Монтальто зналъ, черезъ кого дѣйствовать. Онъ безпрестанно хвалилъ Папѣ его племянника, а племянникъ возвышалъ передъ своимъ дядею Монтальто. Плодомъ этихъ похвалъ вскорѣ было то, что генералъ Францисканскаго ордена удостоился получить высокій санъ чрезвычайнаго исповѣдника Папы, санъ, который свидѣтельствовалъ особенную, искреннюю пріязнь послѣдняго къ своему любимцу.

Гоненія Королевы Елисаветы противъ католиковъ въ Англіи, и раздоры ея съ Филиппомъ II занимали тогда преимущественно кабинетъ Папскій. Составился особенный совѣтъ изъ кардиналовъ и прелатовъ. Папа хотѣлъ, чтобы Монтальто былъ непременно членомъ совѣта, и для этой цѣли далъ ему санъ епископа. Монтальто служилъ посредникомъ между Папою и совѣтомъ, и своимъ пронырливымъ умомъ болѣе и болѣе снискивалъ любовь Пія V.

Митра епископа не обрадовала однако Монтальто, потому что не ея желалъ онъ. Папа, украшая его митрою, имѣлъ въ виду освободить Монтальто отъ рысы монашеской, чтобы, въ случаѣ необходимости, имѣть наготовѣ умнаго Нунція: известно было, что камзолы прелатовъ при Дворахъ нравились болѣе, чѣмъ монашеская одежда.

Между тѣмъ совѣщанія объ Англіи продолжались. Филиппъ II, кипѣвшій злобою противъ Елисаветы, узнавъ объ именахъ членовъ совѣта, писалъ къ самому Монтальто поздравленія, и поощрялъ его убѣдять Папу къ обнародованію церковнаго отрѣшенія противъ Королевы, имъ обоемъ враждебной. Совѣтъ давно задумывалъ ужъ это, но все еще не рѣшался. Однажды Монтальто, бесѣдуя съ Папой, рассказалъ, въ какихъ бы выраженіяхъ думалъ онъ написать это отрѣшеніе: Пій V предложилъ ему сдѣлать опытъ. Бѣдкій и краснорѣчивый Монтальто измилъ весь лѣтъ

своей желчи на бумагу. Образецъ понравился и Папѣ и совѣту. Въ присутствіи всего священнаго Коллегіума кардиналовъ прочтено было отрѣшеніе: Пій V, предъ лицомъ всѣхъ порфиросныхъ его членовъ, хвалилъ ревность епископа Монтальто и предвѣщалъ отъ него великія заслуги Церкви. Всѣ заключили изъ словъ Пія, что въ будущемъ спискѣ кандидатовъ на кардинальство не пропуститъ онъ имени Феличе Монтальто.

Однажды, послѣ обычныхъ похвалъ, воздаваемыхъ ему передъ Папою кардиналомъ-племянникомъ, святѣйшій дядя поручилъ племяннику сказать епископу Монтальто между прочимъ: «Монсиньоръ Монтальто! дядя мой въ добромъ къ вамъ расположеніи; черезъ нѣсколько дней, надѣюсь, мы обнимемся братьями.» Монтальто отвѣчалъ: «Я буду всегда слугою Вашей Святлости, если бы даже былъ и Папою.» Пій V не даромъ поручилъ эти слова своему племяннику: какъ добрый дядя, онъ уже думалъ о своемъ наследникѣ, и къ кардинальской мантии послѣдняго хотѣлъ прицѣпить судьбу умнаго и надежнаго кардинала — приверженца.

Въ Апрѣль мѣсяцъ 1570 года, Папа получилъ радостное извѣстіе изъ Индіи, что усиліями миссіонеровъ Вѣра Христіанская тамъ чрезвычайно распространилась; что многіе цари и народы крестились, и тѣмъ обѣщаютъ будущихъ данниковъ Папскому трону. Пій V учредилъ по сему случаю торжественную процессію; но чтобы оживить Римъ еще болѣею радостію, положилъ произвести новыхъ кардиналовъ. 16 Маія Фра-Феличе Перетти Монтальто изъ Марки Анконской, генераль ордена Францисканцевъ, епископъ Св. Агаты, получилъ изъ рукъ Его Святѣйшества желанную шляпу съ благословеніемъ и крестомъ, и наименовался свлщенникомъ-кардиналомъ Славянской церкви Св. Іеронима. Феличе Перетти родилъ

ся отъ бѣднаго садовника, Франциска Перетти, въ хижинѣ, 1521 года Декабря 13. Слѣдовательно, ему былъ ужь сорокъ девятый годъ, когда онъ, въ залѣ Ватикана, принялъ ту волшебную шляпу, которую оставалось ему теперь обратить въ царскую тиару. Вмѣстѣ съ кардиналомъ Монтальто произведены были другіе кардиналы изъ монаховъ же, почему это производство прослыло въ народѣ «монашескимъ». Пасквино, обрадовавшись случаю, написалъ на себя остроу: вообразивъ, что у него на головѣ тыква, онъ спросилъ у Марфоріо: — Пристала ли ко мнѣ эта шляпа? Марфоріо отвѣчалъ: — Точно такъ же, какъ кардинальская шапка къ головѣ монаха.*

Несмотря на эти безвредныя шутки, несмотря на то, что всякое новое назначеніе кардиналовъ влечетъ за собою новые налоги; Римскій народъ, этотъ добрый шутильщикъ Пасквино, безопасно радуется и веселится новымъ князьямъ Церкви, новымъ лицамъ въ его любимыхъ процессіяхъ и церемоніяхъ, услаждающихъ однообразную жизнь его. Весь Римъ блещетъ тогда огнями, покрытъ заревомъ. Дворцы новыхъ кардиналовъ иллюминуются великолѣпно. По площадямъ, по улицамъ, народъ зажигаетъ кучи хвороста и осмоленыя бочки. Корсо дрожитъ отъ стука раззолоченныхъ, пышныхъ каретъ. Въ залахъ новыхъ кардиналовъ блещутъ посланники съ ихъ свитами, тѣснятся прелаты въ чулкахъ фіолетовыхъ, аббаты, прочіе духовные и свѣтскіе чиповники Рима. Вездѣ поздравленія, вездѣ огонь, шумъ, радость.

Догорѣли послѣдніе ночные огни на кардинальскомъ праздникѣ; всѣ новые кардиналы, утомленные шумомъ поздравленій и радостію, спали глубокимъ сномъ: говорятъ, что одинъ изъ нихъ бодрствовалъ,

* Пасквино и Марфоріо, какъ извѣстно, статуи, на которыхъ Римскій народъ пишетъ свои эпиграммы, влагая ихъ въ уста самихъ статуй.

и что, будто-бы, при свѣтѣ лампы, рука его чертила слѣдующее:

«Отецъ небесный! въ священной сокровищницѣ Твоего безконечнаго Провидѣнія погребены таинства судьбы, которымъ на земли подлежить человѣчество: просвѣти же умъ мой лучами Твоей благодатной любви, сего истиннаго солнца смертныхъ, и дай мнѣ силы открыть путь, Тобою мнѣ предназначенный, на которомъ могъ бы я сойтись съ предначертаніями Твоего промысла. Мужайся, мое сердце; бодрствуйте, мои надежды; небо мнѣ ясно; оно общаетъ путь добрый, счастье высшее. Иначе, съ какою бы целью, сей чудесный Правительъ вселенной призвалъ меня отъ нечистаго стада къ степени доктора Церкви, отъ палки свинопаса къ управленію орденомъ Францисканскимъ, отъ капишова къ митрѣ, и наконецъ къ багряницѣ? Зачѣмъ было спасать меня отъ тмѣ гоненій, въ конхъ едва не погнѣя я? Ужели во всѣхъ этихъ успѣхахъ моихъ не видно чудесъ? Ужели я даромъ былъ возвышенъ изъ праха? Ужели всѣ эти друзья, съ такимъ рвеніемъ противоставшіе врагамъ моимъ, посланы мнѣ были безъ всякаго умысла? Я самъ, своимъ рожденіемъ и воспитаніемъ, не похожъ ли на какое-то чудное растение, которое было подъ особенною поливою самого Промысла и Имъ чудесно предохранено отъ всѣхъ ядовитыхъ укушеній моей злой собратіи? Поставить меня главою Ордена, гдѣ ненависть едва терпѣла меня и въ послѣднихъ; избрать первосвященника, одушевленнаго такимъ расположеніемъ ко мнѣ; внушить ему мысль вѣнчать меня митрою и наконецъ, возложивъ пурпуръ на плеча мои, поставить меня въ такое краткое время наряду съ принцами крови: на какой конецъ всѣ эти чудеса устроены Провидѣніемъ, если не на тотъ, чтобы дать мнѣ путь къ исполненію другаго важнѣйшаго замысла, угоднаго самому Промыслу?»

«А эти рѣзкіе намеки о будущемъ моемъ папствѣ, которые такъ часто случалось мнѣ или самому говорить въ шутку или слышать отъ другихъ? ужели они даромъ? Кто знаетъ, можетъ быть, они были внушеніемъ звѣздъ, намеками,

* Известно, что Сикстъ V, въ своемъ дѣтствѣ, у отца пасъ свиней.

посланными изъ того Хранилища, гдѣ заключено и прошедшее и настоящее, и откуда истекають всѣ вліанія на судьбу людей, ихъ униженіе и величіе, и зло и благо? Я не знаю сердець человѣческихъ: одному Богу они вскрыты. Я не знаю того, что другіе думаютъ о своемъ предначеніи, какія мечты блуждаютъ въ головѣ ихъ о будущемъ ихъ жребіи; но что касается до меня, съ тѣхъ поръ какъ я сталъ себя помнить, ни одна мысль такъ живо, такъ сильно не играла моимъ воображеніемъ, какъ мысль о томъ, что я некогда могъ бы сдѣлаться Папою, — и всего замѣчательнѣе: эта мысль тогда еще сильнѣе занимала мою голову, когда менѣе всего я видѣлъ возможности ее исполнить. Кто же вложилъ мнѣ въ умъ эти мечты, эти мысли? Звѣзда моей жизни; мой ангель-вожатый; Провидѣніе, распределяющее свои сокровища на земныя орудія людямъ: отъ чего и происходитъ часто недоумѣніе наше, когда мы видимъ счастье въ рукахъ недостойнаго, бремя несчастія надъ достойнымъ, и, налагая перстъ на уста, предаемся добровольно той рукѣ Всемогущей, которая съ своего неба сыплетъ различныя чудеса по живущему на змѣѣ человечеству.

«Ни какая лѣствица въ мірѣ такъ не крута, какъ лѣствица, ведущая къ тиарѣ Папской; и не я ли всѣхъ менѣе имѣлъ права думать, какъ взойти бы на эту лѣствицу? Однако я взошелъ на нее, и стою теперь на послѣдней ступени; я достигъ наконецъ двери, ею же входятъ и которая одна мнѣ осталась преградою; я достигъ того, что теперь уже не въ шутку, а важно могу сказать себѣ: «кто знаетъ, можетъ быть и я буду Папою?» — Но какъ толкнуться въ эту дверь мнѣ, бѣдному кардиналу-монаху? Не дерзость ли даже и думать объ этомъ? Мнѣ быть Папою! Но какими образомъ? Гдѣ у меня сильное родство? Гдѣ заслуга опытовъ въ посольствахъ, въ важныхъ дѣлахъ внѣ и внутри государства? Кто подумаетъ вручить кормило великаго корабля Св. Церкви и управленіе государствомъ столь знаменитымъ кардиналу, который, въ теченіе всей своей жизни, жилъ въ своей кельѣ, и зналъ управленіе только однихъ монаховъ? Кабалы монастырей и ихъ жителей мнѣ слишкомъ знакомы; но кабалы Двора и конклавовъ совершенно иное дѣло. Есть ли мнѣ возможность составить какую-нибудь пар-

тію въ конклавъ? Главы разныхъ партій обратятъ ли вниманіе на лице мое? А безъ этого какъ быть Папою? Замышлять такіе планы безъ партій не все ли то же, что искать спасенія отъ Силуамской купели, не имѣя Ангела, который возмутитъ бы воду?

«Если бѣ достаточно было одной доброй воли къ тому, чтобы войти въ Ватиканъ, никто бы прежде меня не вошелъ въ него. Если бы доброе мнѣніе о себѣ было ключемъ, подходящимъ къ двери Ватикана, — прежде всѣхъ я бы ее отперъ. Но къ чему же терять духъ? Если Провидѣніе творитъ Папъ, какъ я вѣрю и долженъ вѣрить, то я никакъ не отчаиваюсь въ томъ, чтобы я не имѣлъ какой-нибудь части во всемогущемъ Его предрасположеніи. Одно Провидѣніе знаетъ до глубины, въ чемъ состояли бы мои замыслы на престолѣ Папскомъ, каково было бѣ мое рвеніе къ Церкви, мое управленіе государствомъ, мои уставы въ Христіанствѣ: а зная это, оно одно могло бы распахнуть мнѣ двери, вопреки всѣмъ препятствіямъ человѣческимъ, всѣмъ личнымъ выгодамъ тѣхъ, которые управляютъ конклавами по своему. Будь я только Папою, всѣ политики міра подпяли бы брови отъ удивленія; всѣ закричали бы громкимъ голосомъ — *Како сей вѣсть книги не учился?* Всѣ бы въ изумленіи воскликнули: возможно ли, чтобы этотъ бѣдный монахъ, низкаго рода, неопытный, одинъ преобразовалъ Римъ, уничтожилъ злоупотребленія, развратъ, злодѣяство, натворилъ чудесъ, посмѣваясь древнимъ Римлянамъ, и обогатилъ казну замка при тяжкой нищетѣ народа? Чувствую, что я бы это сдѣлалъ.

«Феличе! твои высокіе замыслы о счастіи Рима, можетъ быть, когда-нибудь исполнятся: ибо столь великія намѣренія не сообщаются природою безъ внушенія свыше. Да, Монтальто! небо простираетъ къ тебѣ руку; божественное Провидѣніе зоветъ тебя; не будь же съ своей стороны глухъ къ его призыву, не медли и ты простереть твою руку къ рукъ Всемогущей. Зачѣмъ Богъ, при созданіи человека, опредѣлилъ жить ему *въ рукъ собственнаго совѣта?* Зачѣмъ, чтобы зналъ человекъ, что хотя небо и правитъ землею, хотя Провидѣніе и располагаетъ всѣми путями человѣковъ, и добромъ и зломъ, коимъ они подвержены; но хочеть видѣ-

ствъ съ тѣмъ, чтобы люди, свободнымъ произволомъ, добровольнымъ поѣтомъ лица, стремились избѣгать вреда своего и достигать добра и славы.

«Бодрствуй, Монтальто! Ударь въ колоколъ своего благоумія, сзови воедино всѣ силы твоего духа, и спроси нѣтъ совѣта о томъ, какими средствами пытаться тебѣ твое вшествіе въ Ватиканъ? У тебя нѣтъ ни друзей, ни родныхъ, ни опоры, ни партіи, ни богатства, ни видимыхъ заслугъ, у тебя нѣтъ ни одного изъ всѣхъ этихъ средствъ: начерти же себѣ другую дорогу. Главными твоими врагами и препятствіями будутъ тѣ, которые знали тебя еще въ монахахъ: они прославятъ тебя человѣкомъ сварливымъ, горячимъ, упрямымъ, суровымъ въ управленіи. Какъ же пособить этому вредному о тебѣ мнѣнію и упрочить за тобою блага, на которыя ты надвѣнешся? Облеки свою душу, отъ природы горячую и строгую, ложнымъ покровомъ простоты и кротости. Оставь кожу льва, и надѣнь на себя шкуру овцы. Ты не могъ прежде стерпеть ни малѣйшей обиды: приготовься теперъ сносить не одну, а всѣ, и самыя тяжкія.

«Кто не умѣетъ притворяться, не умѣетъ жить, *qui nescit fingere, nescit vivere*: нѣтъ орудія сильнѣе лицемѣрія и притворства къ тому, чтобы ослѣпить умъ человѣчскій; но надо умѣть направлять ловко эти обманы: иначе лицемѣръ будетъ похожъ на человѣка, который плюетъ вверхъ на воздухъ, и самъ заплывиваетъ лице свое. Этотъ обманъ долженъ быть естественъ: если жъ откроется его подложность, то вмѣсто пользы принесетъ онъ одинъ вредъ. Обманъ грѣхъ, и это знаю; но если бы я желалъ папской тиары для себя, для своей славы, для своего честолюбія, — сіе орудіе лицемѣрія и притворства, которое я поднимаю на врата Ватикана, какъ тяжкое преступленіе, отяготило бы на моей совѣсти; но такъ какъ замысль моя стремится ко благу государства и Церкви, то грѣхъ мой принесетъ плодъ добрый.

«Но какое средство обуздать мнѣ собственныя страсти, въ одно мгновеніе убить свою плоть, изнасиловать правъ, оковать духъ и сдѣлаться пльвникомъ самаго себя? Что говорю: пльвникомъ? Живаго зарыть себя въ гробъ, потому что надо уже рѣшиться или не думать о тиарѣ, или быть

между другими живымъ мертвецомъ. Твердая рѣшимость дуа побѣждаетъ всякое препятствіе плоти. Поставлю же себя передъ свѣтскими и духовными образцемъ совершенства, эмблемой простоты, зеркаломъ смиренія, примѣромъ святости, притчею добронравія. Всякой духъ гнѣва да выйдетъ изъ моей груди; всякая мысль о мщеніи да искоренится изъ сердца; мое природное побужденіе къ строгости правосудія да сожмется тѣснѣе въ душѣ моей; чувства мои да окуются такъ, чтобъ я казался міру безчувственнымъ. Я учень: сдѣлаюсь невеждой. Я силенъ и крѣпокъ: притворюсь слабымъ, умирающимъ. Я честолюбивъ: пусть думаютъ всѣ, что я примѣръ смиренія. Я отъ природы нетерпѣливъ: буду казаться терпѣливымъ. Я люблю свои выгоды: явлюсь безкорыстнымъ. Я люблю сытный столъ: буду поститься. Однимъ словомъ, если я хочу тиары, только подобною монетою я могу купить ее, — и да будетъ часто напоминать мнѣ сердце, что монета сія не должна казаться ложною, ни насильственного чекана, но какъ будто-бы она была вылита изъ самаго чистаго и свѣтлаго металла. Бодрствуй же, Монтальто; помни, что самые великіе монархи за горсть славы жертвовали жизнью, и часто безъ славы падали въ крови своей; ты болѣе чѣмъ они въ правѣ дѣлать насилія своему духу и тѣлу, ибо ты обращаешь свои замыслы на тиару духовнаго владыки міра.»

Авторъ жизнеописанія Сикста V говоритъ, что это сочиненіе, написанное собственною его рукою, найдено было въ бумагахъ кардинала Кастаньи, и что внизу были подписаны послѣднимъ слѣдующія слова: «Сикстъ V, будучи еще кардиналомъ Монтальто, своею рукою написалъ сей монологъ, какъ памятную записку для своего поведенія, и имѣлъ въ обычаѣ читать ее довольно часто, особенно въ тѣ минуты, когда чувствовалъ въ себѣ волненіе какой-нибудь страсти. Онъ умѣлъ сочинить ее, умѣлъ и выполнить. Сильная побѣда надъ самимъ собою отворила ему двери Ватикана.»

Нельзя однакожь поручиться, чтобы эта бумага бы-

ла действительно написана кардиналомъ Монталью: рѣзкіе намеки на будущее, неестественная откровенность челоуѣка съ самимъ собою, внушаютъ подозрѣнія; но она одушевлена жаромъ души горячей, проникнута мыслію Сикстовой; слогъ ея, испещренный фигурами, есть слогъ того времени и обличаетъ пламеннаго сочинителя многихъ проповѣдей. Во всякомъ случаѣ она замѣчательна: если авторъ ея не самъ Сикстъ V, то по крайней мѣрѣ челоуѣкъ, вполне постигшій характеръ великаго Папы и главную мысль всей его жизни, къ которой, какъ къ средоточію, примыкали всѣ дѣла его.

Въ вѣкѣ рожденія Іезуитовъ, въ томъ вѣкѣ, когда католическое духовенство, истощивъ всѣ возможные средства къ поддержанію своей власти, рѣшилось наконецъ на избраніе орудій самыхъ скрытыхъ и для своихъ цѣлей позволило всѣ средства, — въ такомъ вѣкѣ понятно, что въ головѣ властолюбиваго монаха-генія, чувствовавшего силу мышцъ и воли, могла родиться мысль употребить самое низкое орудіе челоуѣческое, лицезвріе, для того, чтобы, взявши тіару, скрѣпить узы слабѣвшей Западной Церкви и устроить свое несчастное отечество. Въ первыхъ вѣкахъ Церкви, сыны ея, открытымъ примѣромъ истинной добродѣтели, снискивали власть и распространяли силу Вѣры; но въ XVI вѣкѣ Церкви Западной, геній, радѣвшій объ оной, только непрерывнымъ рядомъ подлыхъ униженій, личною слабости тѣлесной и умственной, могъ достигать той же цѣли. Первые поборники смиряли страсти свои силою воли, преданной Богу, не имѣя въ виду ничего кромѣ спасенія души своей; кардиналъ XVI вѣка смирялъ страсти свои насиліемъ воли, преданной властолюбію, хотя и съ добрыми цѣлями. Всѣ нечистыя стихіи духовной жизни вѣка звучатъ въ этихъ словахъ Сикста: *грѣхомъ сотворю плодъ добрый!* Здѣсь ужъ нарушено слово Еван-

гельское, — «Древо доброе творить плоды добрые, древо злое — плоды злые.»

Другая мысль, связывающая подвигъ кардинала Монтальто съ его вѣкомъ, есть вѣра въ предназначене, въ звезду, ведущую его путями неизвѣстными къ цѣли высшей. Безъ этой мысли, что Провидѣніе само участвуетъ въ его подвигѣ, безъ этой вѣры въ себя, какъ въ чудо Божіе, кардиналъ Монтальто едва ли бы увѣнчалъ свое стремленіе такимъ блистательнымъ успѣхомъ.

Эти двѣ мысли, одушевляющія приведенное нами сочиненіе, дѣлаютъ его весьма примѣчательнымъ, и скрѣпляютъ дѣло Сикста печатью генія и вѣка.

Наступило наконецъ время искуса для Монтальто. Мы видели, какъ онъ призывалъ свои силы натяжкій подвигъ, и какое орудіе избралъ для его совершенія. Но это униженіе, это лицемеріе были плодомъ не мгновенной рѣшимости въ Монтальто: зародышъ ихъ открывается и въ прежней его жизни; иное возвышеніе невозможно было въ вѣкъ, который пародировалъ высокое слово Евангельское — «Смирися вознесетъ.» Увидѣвъ себя въ возможности надѣть тиару, Монтальто рѣшился наконецъ собрать свои силы и подавить въ себя временнымъ пепломъ пламень души и жизни. Здѣсь мы видимъ духъ сына юга, новѣйшаго Римлянина, который способенъ цѣлыя десятилѣтія носить въ груди своей, какъ закрытый кладъ, мщение, злобы: такъ Монтальто носилъ въ себя свой высокій замыселъ.

При жизни своего покровителя, Папы Пія V, онъ не могъ вдругъ отказаться отъ дѣла и уединиться въ жизни тѣмъ болѣе, что, по случаю отсутствія племянника-кардинала, всѣ дѣла его въ столицѣ ему были поручены. Въ это время своего управленія, онъ успѣлъ, несмотря на сопротивленіе Испаніи, утвердить во всѣхъ государствахъ католическихъ учрежденіе новыхъ цер-

ковныхъ судилищъ, которыя зависѣли бы непосредственно отъ Папскихъ нунціевъ, и пздать буллу, которою запрещалось всѣмъ Государямъ католическимъ брать какую бы то ни было подать съ духовныхъ, подъ страхомъ отлученія отъ Церкви. Въ этихъ двухъ дѣствіяхъ кардинала виденъ его монашескій духъ, всегда горячо заботившійся о власти и выгодахъ святителей.

Лишь только кардиналъ-племянникъ возвратился въ Римъ, Монтальто немедленно сдалъ ему всѣ дѣла, и началъ приступать къ исполненію своего замысла. Онъ видѣлъ далеко, и зналъ, что прежде всего надлежало ему примириться съ врагами, особенно политическими, которыхъ нажилъ ему горячій его характеръ. Такая всеобщая мировая была первымъ необходимымъ условіемъ для искателя тиары. Булла противъ податей съ духовныхъ возбудила во всѣхъ посланникахъ досаду на Монтальто, какъ главнаго ея виновника. Онъ оправдался передъ ними своею къ нимъ покорностью. Опаснѣйшіе враги его были въ Венеціи: исправляя тамъ должность инквизитора со всею ревностію пылкаго монаха, чуждаго свѣтской утонченности, Монтальто вооружилъ противъ себя весь Сенатъ и даже духовенство. Онъ опять пріобрѣлъ ихъ благосклонность искусною лестію.

Въ 1572 году умеръ Пій V. Смерть Папы благопріятствовала его намѣренію — устраниться отъ дѣлъ, потому что признательность къ своему благодѣтелю, Пію, требовала отъ него дѣятельности. Кардиналы вошли въ конклавъ; партіи раздѣлились; начались интриги: одного Монтальто не было слышно. Притворись, что ничего не видитъ и не знаетъ, онъ выходилъ изъ своей кельи только къ обѣднѣ; избѣгалъ всякой партіи, чтобы показаться самымъ безпристрастнымъ, и увѣрялъ всѣхъ, что желалъ бы имѣть столько голосовъ, сколько кардиналовъ въ конклавѣ.

На этотъ разъ въ Римъ не долго ждали Папы: избранъ кардиналъ Буонкомпаньо, известный своимъ кроткимъ характеромъ.

Тогда Римъ огласился вѣстью о кровавой почвѣ Св. Вареолема. Скорѣе, чѣмъ гдѣ-либо, нашлись въ Римѣ люди, которые называли эту ночь дѣломъ святымъ и праведнымъ; но мягкосердечный Папа, къ его славы, не радъ былъ новости. Онъ спрашивалъ мнѣніи у кардиналовъ и между-прочимъ у Монтальто, который, зная кротость Григорія, такъ отвѣчалъ ему: «Конечно, должно желать, чтобы католическая религія очищена была отъ ересей, которыя ее одолеваяютъ; но средства къ тому должны быть законныя и человѣческія. Нв убій! — начертано было на скрижаляхъ законовъ, въ то самое время, когда между Іудеями были, вѣроятно, многіе святотатцы и идолопоклонники. Что скажутъ теперь сами еретики, услышавъ насъ поющихъ слова Христовы: «Не хочу смерти грѣшника, но еже обратится и живу быти ему?» Я думаю, что празднества и освѣщенія теперь вовсе намъ не приличны, и тѣмъ болѣе, что такое убійство совершенно противно кроткой душѣ вашего святѣйшества: да и слѣдуетъ ли Церкви Христовой радоваться пролитію какой бы то ни было крови человѣческой?»—Отвѣтъ, сочиненный въ духъ новаго Папы, ему понравился.

Удаляясь отъ дѣлъ политическихъ, Монтальто предавался болѣе занятіямъ ученымъ. Онъ искалъ уединенія; купилъ себѣ небольшую *vigna*, виноградный садъ, около Санта-Марія-Маджіоре; поселился въ ней скромно; началъ умножать свою бібліотеку, несмотря на скудные доходы; получалъ въ подарокъ книги отъ кардиналовъ; привелъ къ окончанію и напечаталъ давно имъ начатое сочиненіе «О трудахъ Св. Амвросія». Желая поддерживать милость къ себѣ Папы, онъ посвятилъ ему свое изданіе.

Однако, несмотря на униженіе передъ нимъ и его племянникомъ, кардиналомъ Буонкомпаньо, Монтальто не нравился Григорию XIII. Этому находятъ двѣ причины: Монтальто былъ созданіемъ Пія V, который не любилъ Григорія въ кардиналахъ; Григорій, будучи легатомъ въ Испаніи, зналъ горячій его характеръ, и видѣлъ въ настоящемъ его поведеніи одно притворство, такъ какъ и многіе изъ кардиналовъ. Подъ предлогомъ уменьшенія расходовъ государственныхъ, Папа лишилъ Монтальто даже той пенсін, которая Піемъ V была ему назначена, какъ бѣдному кардиналу. Но Монтальто, умѣривъ свои расходы, не обнаружилъ ни какого неудовольствія, и увѣрялъ кардинала-племянника, что онъ, видя въ его святѣйшествѣ такую ревность къ обогащенію Церкви, не только съ радостью отказывается отъ милостыни, ему назначенной, но радъ бы отдать свое послѣднее въ руки столь благонамѣреннаго пастыря.

Монтальто имѣлъ сестру, Камиллу, и брата, Антонію, которые съ своими семьями жили вдали отъ Рима. Антонію, услышавъ, что братъ его сдѣлавъ кардиналомъ, обрадовался и отправился въ Римъ, въ надеждѣ, что братъ поможетъ ему, бѣдной семьѣ его, и возьметъ къ себѣ его сына, чтобы, по обычаю вѣка, приготовить себѣ будущаго кардинала-племянника. Сестра написала письмо къ свѣтлѣйшему и любезному брату, просила денегъ, сама просилась въ Римъ, хотя въ прачки къ его свѣтлости. Но всѣ надежды ихъ были напрасны: Антонію воротился съ 60 піастрами въ карманѣ, не болѣе; сестра получила столько же и отвѣтъ на письмо, въ которомъ братъ объяснялъ ей, что онъ пожалованъ въ кардиналы съ тѣмъ, чтобы пещись не о родныхъ своихъ, а о Церкви Божіей; что онъ живетъ какъ монахъ, вдали отъ свѣта; что онъ отказался отъ всѣхъ узъ крови, отъ всякой земной страсти.

Въ народѣ пошла молва: вотъ кардиналъ достойный!

онъ не такъ какъ другіе; не обогащаетъ родни своей на счетъ народа! — Монтальто достигалъ своей цѣли, а бѣдный Антоніо, лишившись всѣхъ надеждъ своихъ, умеръ съ горя. Настоятель монастыря Святыхъ Апостоловъ, отъ имени генерала, явился къ кардиналу Монтальто съ угодливымъ предложеніемъ отслужить великолѣпную панихиду за упокой души его брата. Монтальто отвѣчалъ, что онъ не понимаетъ предложенія генерала; что родные для него давно уже мертвы, какъ и онъ для нихъ; что за простую обѣдню о душѣ его брата онъ будетъ монастырю благодаренъ, а пышная панихида крестьянину не прилична.

Изъ жалости ли къ покойному брату и бѣднымъ сиротамъ его, или желая имѣть при себѣ близкаго родственника, который сообщалъ бы ему городскіе слухи, кардиналъ рѣшился взять къ себѣ въ Римъ старшаго своего племянника. Ктому жъ, протоіерей того мѣстечка, гдѣ жили его родные, черезъ котораго кардиналъ помогалъ имъ, хвалилъ ему живыя способности семнадцатилѣтняго юноши, и успѣхи въ наукахъ. Монтальто помѣстилъ его у себя въ домѣ, и посылалъ въ школу къ Іезуитамъ. Племянникъ былъ характеромъ, вѣроятно, въ своего дядю: скоро поссорился съ товарищамъ, и послѣ сильной распри, ночью былъ убитъ и найденъ мертвымъ на улицѣ. Монтальто огорчился, по скрѣпилъ сердце. Беспорядки Рима, по мягкосердечію Папы, дошли до крайности: убить племянника кардинала — неслыханное злодѣйство! Многіе члены Коллегіума навѣстили дядю въ горь; убѣждали его просить Папу, чтобы онъ вступился и нашелъ убійць; самъ кардиналъ Фарнезскій, врагъ Монтальто, побуждалъ его къ отмщенію; но смиренникъ увѣрялъ, что не хочетъ мстить живымъ за мертваго родственника; что мщеніе грѣхъ передъ Богомъ; что онъ предоставляетъ все волю его святѣйшества. Виновныхъ не нашли при Григоріи XIII, потому

что не искали; но Сикстъ V умѣлъ найти и наказать ихъ.

Такъ удалялся Монтальто отъ узъ крови, отъ богатства; такъ убѣгалъ онъ почестей и дѣлъ политическихъ. Великій Магистръ Мальтійскихъ Кавалеровъ, находившійся въ Римѣ, пламенный былъ смиреніемъ Монтальто, и говорилъ: «Смотря на него, я, кажется, вижу одного изъ первосвященниковъ первоначальной Церкви.» Монтальто торжествовалъ изъ-за своей маски.

Нѣсколько разъ Папа приглашалъ его засѣдать въ конгрегаціяхъ кардиналовъ; но онъ отказывался, сначала незнаніемъ дѣлъ, потомъ слабостью и болѣзнями; говорилъ, что его занятіе — книги богословскія, а не политика, не война, не свѣтъ. Папа сначала досадовалъ, подозрѣвалъ притворство, замыслы на будущій конклавъ; однако призывалъ его иногда на совѣтъ: Монтальто отдѣлывался общими мѣстами, и убѣждалъ наконецъ Папу въ своей неспособности къ дѣламъ. Перестали приглашать его на совѣщанія, и поручали ему одни дѣла ученыхъ.

Однимъ изъ такихъ ученыхъ порученій для Монтальто былъ приемъ Русскаго посланника въ Римѣ. Царь Иванъ Васильевичъ, въ 1580 году, отправилъ посла, Истому Шеврягина, къ Папѣ съ просьбою о томъ, чтобы онъ взялся быть примирителемъ между имъ и Стефаномъ Польскимъ. Это былъ наружный предлогъ посольства: тайный предметъ его состоялъ въ томъ, чтобы подвинуть Папу противъ Султана, который угрожалъ войною Россіи. Царь считалъ Папу душою всего Европейскаго союза противъ Турокъ, и, возбудивъ его, думалъ подилтъ Австрію и Испанію, и тѣмъ отвратить отъ себя Оттоманскую тучу. Но Европа утомлена была борьбою; Венеціанцы покорились; Филиппъ также заключилъ примиреніе съ Портою, — и посольство Царское не имѣло успѣха.

Однако, посланникъ былъ принятъ великолѣпно: Приготовляясь къ первой аудіенціи, Русскій не соглашался поцѣловать туфлю Папы, какъ ни увѣрили его, что сами Императоры не могутъ имѣть аудіенціи у его святѣйшества безъ совершенія этого обряда. Вѣрный посолъ отправилъ гонца въ Россію просить разрѣшенія на то у своего Государя. Монтальто поручено было убѣдить посла къ согласію на обрядъ, потому что разговоръ съ посольствомъ происходилъ по-Латини, а Монтальто, какъ ученѣйшій изъ кардиналовъ, лучше всѣхъ выражался на этомъ языкѣ. Краснорѣчіе смиреннаго кардинала скоро подѣйствовало, и Русскій посолъ согласился коснуться устами Папской туфли.

Монтальто же поручено было возить Русскаго гостя по Риму, показывать ему всѣ рѣдкости древней столицы. Кардиналъ-монахъ носилъ бороду: такой чичероне былъ подъ пару Русскому XVI вѣка. Сѣверные гости возбуждали живое любопытство въ жителяхъ юга. Римляне съ удивленіемъ смотрѣли, какъ Москвиты подливаютъ водки въ самыя лучшія виноградныя вина. Охотно ѣздили наши соотечественники въ церкви смотрѣть церемоніи католическія; но лишь только замѣчали собаку въ храмѣ, тотчасъ выходили. Вельно было заботливо выгонять собакъ изъ церквей; особенно когда ожидали Русскаго посланника. Жители Рима, привыкшіе видѣть собакъ въ самыхъ пышныхъ церемоніяхъ папскихъ, въ храмѣ Св. Петра, удивлялись этому отвращенію нашихъ соотечей, въ которомъ Русскіе XIX вѣка вѣрно сходятся съ Русскими XVI.

Московскій посолъ, передъ отъѣздомъ, отдалъ благодарственные визиты всѣмъ кардиналамъ. Какъ удивился онъ, когда, послѣ царскихъ чертоговъ прочей братіи священнаго Коллегіума, пріѣхалъ въ скромный домикъ своего кардинала-чичероне, убранный весь-

ма просто! Въ простую душу Русскаго, вѣроятно, и не запала мысль, что все это смиреніе была одна причина, и что это бѣдное жилище вскорѣ должно было превратиться въ великолѣпные чертоги.

Долго разсуждали у Папы передъ отъѣздомъ нашего посла, отправлять ли въ Москву нунція. Многіе кардиналы подали мнѣпія противъ этого; Монтальто былъ спрошенъ послѣдній, и отвѣчалъ: «Когда посылали нунція къ еретической королеви Елисаветѣ, гонительницѣ Церкви, отчего не послать къ Государю, покровительствующему у себя католиковъ?» И Антоній Поссевинъ былъ отправленъ, согласно мнѣнію Сикста V, еще кардинала.

Второе ученое дѣло, гдѣ Монтальто принималъ большое участіе, было измѣненіе календаря. Еще во время посольства въ Испанію, онъ говорилъ съ Григоріемъ о необходимости его исправить. Наконецъ, въ 1582 году, медикъ Антоній Лилій, по совѣту Монтальто, представилъ Папѣ трудъ брата своего, Алонзія Лилія, — книгу, содержащую планъ новаго календаря. Разсмотрѣніе ея поручено было ученому кардиналу, который, давно имѣвши тотъ же планъ въ виду, изъявилъ полное одобреніе. Немедленно собрали консисторія, рѣшили дѣло, отправили копіи новаго календаря ко всѣмъ Государямъ Христіанскимъ, во всѣ знаменитыя школы и академіи Европы; получили согласіе. Отличные ученые приглашены были въ Римъ на совѣтъ; главное предсѣдательство его поручено Монтальто. Въ скромной еѣ комнатѣ совершилось дѣло исправленія: отняли у Октября мѣсяца 1582 года 10 дней, и булла Папы, начинающаяся словами — *Inter gravissimis pastoralis officii nostri curas ea postrema non est*, возвѣстила Европѣ новый календарь, который хотя и наименованъ Григоріанскимъ, но по всѣмъ правамъ долженъ бы носить имя Монтальто.

1582-й и 3-й годы были тяжелы для Рима. Не родилось ни хлѣба, ни винограду, ни какихъ плодовъ: народъ мучился голодомъ. Но главная вина бѣдствія лежала на родственникахъ Папы. Въ Тосканѣ былъ голодъ передъ этимъ, — и хлѣбъ во Флоренціи вздорожалъ. Родственники Папы послали туда не только весь хлѣбъ изъ городскихъ магазиновъ, но еще, за претивъ вывозъ хлѣба частнымъ людямъ, скупили его, продали во Флоренцію, и обогатили самихъ себя. Народъ ропталъ и мучился. Пиастра было мало въ день, чтобы прокормиться человѣку. Монтальто самъ, съ своимъ скуднымъ доходомъ, съ шестью человѣками въ домъ, находился въ крайности. Онъ прибѣгнулъ къ кардиналу Колоннѣ, своему другу, который оказалъ ему помощь. Колонна не вытерпѣлъ, отправился къ племяннику Папы, жаловался ему, что неприлично оставлять кардинала въ такомъ крайнемъ положеніи; но Буонкомпаньо былъ глухъ къ увѣщаніямъ, не доставало денегъ на народныя пужды. Монтальто, въ своемъ бѣдствіи, рѣшился прибѣгнуть къ вицерою Неаполитанскому, который благоволилъ къ нему еще въ Испаніи; онъ спрашивалъ на то разрѣшенія у кардинала — племянника: «Просите милости, если вамъ это нравится,» отвѣчалъ ему послѣдній. Монтальто перенесъ обидное слово, и вскорѣ получилъ такое пособіе изъ Неаполя, что не только прокормилъ домъ свой, но и щедро помогалъ бѣднымъ. Тогда-то особенно народныя сердца обратились къ нему; вездѣ слышно было: Вотъ кардиналъ примѣрный! самъ живетъ милостышею, и даетъ милостыню народу; а отъ другихъ, которые сыты имуществомъ Церкви, только и слышно: идите въ богадельню! — Приятны были эти слова Монтальто; онъ продалъ свое серебро, и раздавалъ деньги бѣднымъ; ходилъ въ церкви исповѣдывать народъ, утѣшая его во время всеобщаго бѣдствія, и казался ему ангеломъ-спасителемъ.

Къ народному бѣдствію присоединилось еще междоусобіе васалловъ Орсини и Папскихъ сбирровъ. Улицы Рима обагрялись кровію. Чтобы нѣсколько утѣшить народъ, терзаемый голодомъ и страхомъ, Папа сдѣлалъ девятнадцать новыхъ кардиналовъ. Уже въ теченіе трехъ лѣтъ, Монтальто притворялся слабѣющимъ и дряхлымъ. Начались поздравленія новопбраннымъ. Монтальто зналъ, что они предпочитаютъ особенно дряхлыхъ товарищей, которые своею непрочною обезпечиваютъ имъ скорѣйшій путь къ престолу. Онъ поѣхалъ къ новымъ кардиналамъ съ тою цѣлю, чтобы показать свою ветхость и ею привлечь ихъ голоса въ свою пользу, въ будущемъ конклавѣ. Въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, онъ занятъ былъ визитами, извиняясь въ медленности слабостію силъ, уже непослушныхъ его доброй волѣ.

Новую маску недужнаго Монтальто довелъ до совершенства. Она увѣичала его подвигъ. Первоначальное его притворство, личина смиренія, удаленіе отъ дѣлъ и всего земнаго, тотчасъ были подмѣнены кардиналами, особенно тѣми, которые прежде знали его пылкой характеръ. «А! Монтальто задумалъ въ Папы,» говорили всѣ въ одинъ голосъ. «Монтальто притворяется.» Но съ людьми пужно постоянство: только этимъ орудіемъ можно завоевать ихъ вѣру. Монтальто все шель своею дорогой. Пятнадцатилѣтняя постоянная личина, выдержавшая сильнымъ характеромъ генія, задумавшаго великія дѣла, кому бы наконецъ не показалась лицомъ истиннымъ? И Папа, и кардиналы, и Римскій народъ невольно были очарованы желѣзнымъ самонасиіемъ души великой, крѣпкой души древняго Римлянина въ тѣлѣ монаха, современнаго Лоіюль. Но заключительную маску болѣзни и дряхлости Монтальто надѣлъ тогда уже, когда всѣ вѣрили въ истину его притворной жизни. Мало-по-малу, онъ прибавилъ къ годамъ своимъ еще семь

лѣтъ, а ровесниковъ, которые прежде сочлись съ нимъ годами и знали его возрастъ, увѣрялъ, что чело-вѣку больному десять лѣтъ идуť за двадцать. Съ трудомъ взбирался по отлогимъ лѣстницамъ Ватикана, когда прїѣзжалъ на конгрегаціи; опирался на двухъ нѣжныхъ слугъ, кашлялъ, задыхался, отдыхалъ по четверти часа, взошедь на лѣстницу; всѣ кардиналы между тѣмъ его обгоняли, и онъ, послѣдній, добирался съ посошкомъ своимъ до залы совѣта. На обѣдахъ у кардиналовъ ѣлъ какъ можно менѣе; иногда падалъ въ обморокъ отъ слабости, — и когда предлагали ему лечиться, онъ говорилъ, что аптекари даютъ лекарство, а не отнимаютъ лѣтъ. Глупѣлъ, мало видѣлъ, становился глухъ. Наконецъ всѣ эти усилія прїобрѣли титулъ «четверодневнаго Лазаря» и «осла Марки.»

Какъ торжествовалъ лицемѣръ, когда на совѣщаніяхъ въ Ватиканѣ, его товарищи, вѣря въ притворную его глухоту, при немъ самомъ, называли его — *asino della Marca!* Этого сана, послѣ кардинальской шапки, всего болѣе искалъ Монтальто. «Вы называете меня осломъ: скоро назовете Папою!» думалъ онъ внутренно.

Но этотъ поглупѣвшій, полуслѣпой и оглохшій старикъ болѣе видѣлъ и слышалъ, чѣмъ всѣ члены священнаго Коллегіума вмѣстѣ. Готовясь къ управленію государствомъ, не на болтливыхъ совѣщаніяхъ кардинальскихъ узнавалъ онъ жизнь Рима, состояніе народа, злоупотребленія власти. У него были на то другія средства.

Слабость Григорія XIII и корыстолюбіе его родственниковъ превратили столицу Папъ въ вертепъ бѣдности, разбоя, неправды и всѣхъ пороковъ. Монтальто имѣлъ у себя двухъ вѣрныхъ приверженцевъ изъ духовнаго званія, которые доносили ему все, что ни дѣлалось въ городѣ. Съ тою же цѣлю, какъ думаютъ, вызвалъ онъ къ себѣ и племян-

ника, который такъ несчастно кончилъ жизнь свою. Сверхъ того, Монтальто имѣлъ еще два своихъ собственныхъ средства. Первымъ было незаметное окошко въ его комнату самаго нижняго этажа, выходившей на улицу. Здѣсь запершись, онъ подслушивалъ все, что говорили между собою прохожіе, и замѣчательное вносилъ въ свою памятную книжку. Но главное, самое сильное, самое вѣрное, самое ужасное средство было его собственное ухо и право исповѣди. Во время святаго 1575 года, или юбилея, когда Римъ и вся католическая Европа очищала грѣхи свои за цѣлое двадцатипяти-лѣтіе великими постами, — въ тяжкія времена голода и другихъ бѣдствій народныхъ, когда выставлялось въ храмахъ Святое Причастіе, Монтальто ходилъ изъ церкви въ церковь, и исповѣдывалъ народъ. Наружно-святая, постная жизнь его, кротость характера, щедрость къ бѣднымъ, снисхождение къ слабостямъ человѣческимъ, простое, утѣшительное краснорѣчіе пріобрѣтали ему сердца народа и множество кающихся. Смиренно затворяясь въ шкафъ исповѣдника, онъ выставлялъ свое ухо въ отверстіе, и, для своихъ скрытыхъ цѣлей, ловилъ минуты покаянія въ развращенномъ народѣ Рима. Здѣсь набожное преступленіе юга, въ свои чистыя минуты, повѣряло ему кровавыя тайны. Убійца, разбойникъ, воръ, корыстный судья, покрывавшій ихъ злодѣйства, грѣшная дѣва, злоупотребители власти, — слагали у него тяжкое бремя грѣховъ. Здѣсь обличалась передъ нимъ вся жизнь Рима, всѣ интриги ея, злодѣянія, развратъ, всѣ тайныя мысли города. Народъ, простодушный и въ порокахъ, приносилъ всю свою совѣсть, всю нечистоту свою; но не зналъ того, что все, что только ни входило въ это ухо, печаталось въ головѣ будущаго Папы, строгаго казнителя виновныхъ. Пятнадцать лѣтъ такой исповѣди должны были обогатить памятные записки кардинала, готовившагося въ первосвя-

тителю, и доставить ему даръ того обвинительнаго всезнанія, которое явилось нѣкимъ чудомъ для народовъ.

Въ великій постъ 1585 года, Монтальто, проживши восемь дней въ монастырѣ Святыхъ Апостоловъ, отдыхалъ въ своемъ виноградномъ саду отъ трудовъ поста и исповѣди народной. Внезапно приглашаютъ его къ умирающему Папѣ. Онъ отправился въ Ватиканъ; но еще на дорогѣ печальный звукъ Капитолійскаго колокола возвѣстилъ ему кончину Григорія XIII. Кардиналъ, съ нимъ ѣхавшій, звалъ его въ Ватиканъ посмотреть хотя на мертваго Папу; но Монтальто отвѣчалъ: «Нѣтъ! я лучше пойду домой думать о себѣ: какъ бы и мнѣ скоро не пришлось за нимъ слѣдовать!»

Мертвый Папа, въ домашней своей одеждѣ, былъ выставленъ для народа, въ часовнѣ Ватикана. Народъ толпился вокругъ него, съ чувствомъ одного любопытства. Не страшень былъ ему и живой владыка; но увидѣвъ его мертваго, онъ совсѣмъ предался порыву своей вольности. Въ Римѣ гнѣздились разбойники; ни собственность гражданъ, ни даже невинность дѣвъ не были обезпечены; судьи грабили вмѣстѣ съ ворами; всеобщій развратъ проникалъ и въ стѣны монастырей; не проходило ночи безъ убійствъ, безъ похщеній; самые дворцы кардиналовъ не спасались отъ грабежа. Однимъ словомъ, народъ, избалованный слабостію Папы, праздновалъ въ полной мѣрѣ шабашъ порядка и власти. Кардиналы сходились на безплодныя конгрегациі; пѣли обѣдни за упокой скончавшагося; въ храмъ Св. Петра выставили тѣло въ полномъ облаченіи папскомъ, и народъ приходилъ въ послѣдній разъ лобызать его туфлю; наконецъ заколотили гробъ. Между-тѣмъ, давно уже изо всѣхъ заставъ Рима, скакали курьеры возвѣщать Дворамъ о смерти первосвященника, и собирать кардиналовъ для новаго конклава.

Въ теченіе десяти дней, пока совершались похороны Григорія XIII, многіе отсутствовавшіе кардиналы въѣхали въ Римъ. Интриги начались еще до конклава. Начальники партій вооружились. По улицамъ часто видны были раззолоченныя кареты, и въ нихъ лица кардиналовъ: каждый изъ нихъ спѣшилъ пристать къ своей партіи. Всѣхъ сильнѣе былъ кардиналъ Фарнезскій; всѣхъ слабѣе Монтальто. Первый питалъ сначала вражду, потомъ презрѣніе къ послѣднему. Его сила основывалась на славѣ племянника, Александра Фарнезе, правителя Фландріи, знаменитаго полководца, склонявшаго бурную свободу Голландцевъ подъ иго Филиппа. Кардиналъ Фарнезскій своею рукою посадилъ уже пять Папъ на престолъ: онъ хотѣлъ посадить и шестаго, но неудача произошла отъ того, что этимъ шестымъ хотѣлъ онъ быть самъ.

Нащъ мнимо-семидесятилѣтній герой, съ своимъ посошкомъ, прикашливая и задыхался болѣе нежели когда-нибудь, сдѣлалъ визиты всѣмъ кардиналамъ; но у Фарнезскаго былъ два раза, въ послѣдній разъ наканунѣ самаго вступленія въ конклавъ, чтобы постояннымъ униженіемъ привлечь его нѣсколько на свою сторону. Монтальто приносилъ ему поздравленія съ побѣдами его племянника во Фландріи и выражалъ свое уваженіе къ высокимъ заслугамъ свѣтлѣйшей фамиліи Фарнезе. «Монсиньоре! отвѣчалъ ему Фарнезскій: время думать о папствѣ, не о комплиментѣхъ.»— Да! сказалъ Монтальто: Церковь Божія и святой престолъ имѣютъ нужду въ доблести вашего племянника, въ достоинствахъ и опытности вашей свѣтлости. «Не все сказали что думаете,» возразилъ Фарнезскій. Въ другой разъ, Монтальто, относясь къ нему, какъ къ декану, говорилъ, что онъ, по болѣзни своей не вошелъ бы въ конклавъ, потому что не надѣется дожить до избранія, но входитъ только съ тою цѣлю, чтобы дать голосъ въ пользу его свѣтлости.

Испанскій посоль, графъ Оливаресъ, стараясь склонить избраніе въ пользу видовъ своего Двора и желая пріобрѣсти многихъ кардиналовъ, привезъ рекомендательное письмо къ Монтальто отъ Неаполитанскаго вицероя, и склонялъ его дѣйствовать въ пользу Испаніи; но слыша отъ него только кашель и жалобы на бользни, оставилъ его скоро, и сожалѣлъ, что потерялъ время въ разговоръ съ кардиналомъ-групомъ.»

Кардиналь Ипполитъ д'Эсте, славный строитель великолѣпной виллы въ Тиволи, въ отсутствіе Французскаго посла дѣйствовавшей за пользы Франціи, узнавши о томъ, что Испанскій посоль былъ у Монтальто, самъ поѣхалъ къ нему, хотя нарушалъ тѣмъ обычай своей гордости. Послѣ обыкновенныхъ разговоровъ о недугахъ Монтальто, онъ сказалъ ему: «Скажите по правдѣ: если бъ представился случай сдѣлать васъ Папою, такъ какъ бываетъ иногда, что Папу избираютъ какъ можно, а не какъ хочется, — не отказались бы вы отъ тиары?» — Съ тою же откровенностію, съ какою вы мнѣ говорите, отвѣчалъ Монтальто, и я вамъ скажу, что думаю. Я въ Папахъ былъ бы то же, что старикъ въ мужьяхъ: воля есть, да силы плохи. Если бъ и достало у меня рвенія, — гдѣ здоровье, гдѣ способности? А кто согласится взять на себя бремя служить опорой падающему? — «О, за этимъ дѣло не станетъ!» возразилъ д'Эсте. «Но все имѣютъ-ли вашу ревность, вашъ разумъ въ управленіи?» — Все это дары неба, которые невсякому даются, прибавилъ Монтальто.

Конклавъ былъ изготовленъ. Дворецкіе кардиналовъ разобрали по жеребью комнаты для господъ своихъ. Замѣчательно, что комната, доставшаяся Монтальто, находилась между комнатами кардинала Фарнезскаго, вице-канцлера Церкви, и камерлинга, — двухъ главныхъ сановниковъ при Папѣ. Всѣ сочи

это за доброе предвѣщаніе, — и многіе изъ челяди конклава уже поздравляли Монतालто съ избраніемъ.

11 Апрѣля 1585 года, въ первый день Пасхи, каждый изъ кардиналовъ-священниковъ отслужилъ у себя раннюю обѣдню. Потомъ всѣ отправились въ храмъ Св. Петра, гдѣ съ пышнымъ хоромъ и музыкою, при многочисленномъ стеченіи народа, отслужена обычная обѣдня, въ которой призывается сошествіе Святаго Духа на кардиналовъ. Во время Евангелія, прочтена торжественно молитва *De summo pontifice eligendo*. По окончаніи обѣдни, всѣ кардиналы процессіею вошли въ конклавъ.

Я видѣлъ нынѣ царствующаго Григоріа XVI, когда онъ въ первый разъ явился народу на балковѣ Квиринальскаго дворца. Я очень помню слово старушки, которая стояла возлѣ меня. Выпятивъ голову, вытаращивъ глаза на новаго Папу, она закричала: *Ah! come è giovane!* «Ахъ! какъ онъ молодъ! Сколько лѣтъ ему?» — Только шестьдесятъ два года, отвѣчалъ ей кто-то. Народъ Римскій такъ привыкъ видѣть на тронѣ дряхлыхъ государей, что съдовласый старецъ шестидесяти двухъ лѣтъ показался молодъ моей сосѣдкѣ.

Дворецъ Квиринальскій не былъ еще тогда построенъ, и конклавъ учреждался во дворцѣ Ватиканскомъ. Всякой шелъ съ надеждою и страхомъ, съ замысломъ тайнымъ выйти главою Церкви, повелителемъ народа. Вслѣдъ за свсими товарищами, вѣроятно послѣдній, вѣроятно съ тѣмъ же кашлемъ и одышкой, опираясь на свой посошокъ и на слугъ, втащился и Монतालто въ чертоги Ватикана.

Кардиналовъ было тридцать девять. Но въ самый день вступленія подоспѣли въ Римъ двое, Австрійскій и Мадруччи. Пріѣхавшій впослѣдствіи Верчелли дополнилъ число сорока двухъ, которое было необходимо для полноты конклава и для прочности избранія. Всѣмъ кардиналамъ прочтены были двѣ буллы «О со-

храненіи имущества Церкви» и одна «Противъ симоніи при избраніи Папы.»

Каждый, по вступленіи, далъ клятву, какъ требовалъ сего обычай, въ случаѣ избранія его въ Папы, ненарушимо соблюдать слѣдующія условія: хранить всеобщій миръ въ Христіанствѣ, а войну вести только съ Турками и еретиками; не переносить Папской столицы изъ Рима; требовать строгаго отчета отъ сановниковъ государства; назначать кардиналовъ по достоинству, и не назначать двухъ братьевъ; сохранять въ цѣлости достояніе Церкви; безъ совѣта священнаго Коллегіума не предпринимать войны и не судить его членовъ.

Сорокъ два кардинала раздѣлились на пять партій, которыхъ начальники были: Фарнезскій, сильнѣйшій, племянникъ Папы Павла III и его созданіе; д'Эсте, гордый и богатый; Александрійскій, или Бонелло, племянникъ Пія V, покровитель Монтальто; Альтамъ, глава креатуръ Пія IV, и Буонкомпаньо, или Санъ-Систо, племянникъ покойнаго Папы, имѣвшій самую многочисленную партію, потому что всѣ кардиналы Григорія XIII были имъ созданы. По этой-то причинѣ Фарнезскій старался привлечь его на свою сторону. Четырнадцать кардиналовъ были на примѣтъ у избирателей: Фарнезскій, который, какъ сказано, самъ хотѣлъ быть Папою, и Савелло, оба кардиналы Павла III Фарнезе; Прѣсперо Санта-Кроче Римлянинъ; Палеотто, Сан-Джіорджіо и Сирлето, кардиналы Пія IV; Монтальто, Чезисъ, Альбано и Санъ-Северино, кардиналы Пія V; Факинетто, Торресъ, Мондови и Кастанья, кардиналы Григорія XIII. Не всѣ однако допущены были къ избранію.

Первые предлагаемые на избраніе бываютъ всегда жертвами перваго жара партій; Альтамъ, Медичи и Александрійскій хотѣли хитростью провозгласить Че-

зиса; но Санъ-Систо, одинъ изъ противниковъ, узналъ объ умыслѣ, и дѣло разстроилось.

На другой день Фарнезскій, въ качествѣ декана, отслужилъ обѣдню въ часовнѣ Павла III, и причастилъ кардиналовъ. Послѣдовала балотировка: Альбанѡ собралъ большее число голосовъ въ свою пользу.

Альтамъ, Медичи и креатуры Пія IV начали потомъ умышлять въ пользу Сирмето; но Фарнезскій, д'Эсте и Сфорца сильно противустали, особенно первый. Ктому жъ, Сирмето былъ другомъ кардинала Комо, который имѣлъ многихъ враговъ въ Коллегиумѣ. Альтамъ слишкомъ поторопился своимъ предложеніемъ: иные даже думаютъ, что эта торопливость была умышленная; что онъ, не желая избранія Сирмето, принесъ его въ жертву, а втайнѣ благоволилъ другому.

Санъ-Систо началъ дѣйствовать въ пользу Кастаньи; но это былъ кардиналъ Григорія XIII, еще новъ и молодъ, и потому всѣ старые воспротивились.

Медичи сталъ предлагать Савелло. Враги послѣдняго, Колонна и Чезисъ, сказали Медичи: «Если такъ, мы примемъ за Фарнезскаго,» — котораго Медичи боялся. Савелло былъ не любимъ за гордость. Ему не помогли ни заслуги въ должности верховнаго инквизитора и викарія Папы, ни притворныя болѣзни: видно, не одинъ Монтальто имѣлъ ихъ. Но главнымъ препятствіемъ было множество незаконныхъ его дѣтей. Колонна угрожалъ новымъ Александромъ VI въ лицѣ Савелло, правленіемъ бастардовъ, въ соблазнъ правовѣрныхъ, во славу еретиковъ. Наконецъ Савелло былъ Римлянинъ, а Колонна и Чезисъ также Римляне.

Принялись за Торреса. Онъ былъ въ отсутствіи; его ожидали Фарнезскій и Санъ-Систо. Кардиналы имѣютъ обычай всѣ вмѣстѣ встрѣчать вновь пріѣзжающаго товарища: хотѣли воспользоваться этимъ слу-

чаемъ, и при входѣ провозгласить его. Прочіе не отказались бы потомъ отъ поклоненія. Медици сильно воспротивился этому умыслу : онъ зналъ, что при Торресѣ Фарнезскій будетъ править Ватиканомъ, а какъ Торресъ былъ старъ, то могъ пережить его и, надѣлавъ при немъ своихъ кардиналовъ, увеличить свою партію и получить тиару.

Въ это время противники Фарнезскаго принались за Монтальто. Два начальника партій ему благоволили, — Александрійскій, его прежній покровитель, и д'Эсте. Но первый, кто началъ дѣйствовать въ его пользу, былъ кардиналъ Рустикуччи, землякъ и другъ Монтальто, помогавшій ему еще при Пин V получить шляпу кардинала. Горячій и честолюбивый Рустикуччи имѣлъ въ виду управленіе государствомъ, если успѣетъ въ избраніи. Онъ зналъ, что Александрійскій благоволитъ Монтальто; но, не имѣя твердости характера, не смѣетъ приступить къ дѣйствию. Рустикуччи открылъ ему свои мысли, и тотъ былъ радъ, что нашелъ себѣ дѣятельнаго товарища. Оба, устроивъ свой замыселъ, повѣрили дѣло Эсту, который любилъ Рустикуччи: д'Эсте, и прежде не чуждавшійся Монтальто, согласился, а д'Эсте представлялъ мнѣніе Франціи, и имѣлъ большую партію. Всѣ трое дали слово другъ другу дѣйствовать подъ великою тайною, какъ можно осторожно, потому что всѣ они страшались Фарнезскаго, который могъ разстроить ихъ замыслы. Надо было выиграть Медици : Александрійскій, чувствуя слабость воли, отказался отъ переговоровъ; нетерпѣливый Рустикуччи взялся за нихъ, и, напугавши Медици угрожающимъ успѣхомъ Фарнезскаго, склонилъ его на свою сторону. Это была важная побѣда, потому что Медици представлялъ мнѣніе Испаніи. Такимъ образомъ Франція, Испанія и четыре сильные кардинала были уже за Монтальто. Онъ, по-прежнему, казался глухъ и слѣпъ, каш-

лалъ и жаловался на недуги; четки не выходили изъ рукъ его; всегда заставляли его за молитвенникомъ; всякой день служилъ онъ обѣдню на своемъ алтарѣ. Между тѣмъ, однако не переставалъ льстить и кланяться д'Эсту, Фарнезскому, Санъ-Систу и другимъ главамъ партій. Но эту лесть расточалъ онъ имъ не въ лицо, а черезъ ихъ болтливыхъ кліентовъ.

Однажды, ночью, Монтальто тихо читалъ свой молитвенникъ. Отворилась дверь. Рустикуччи, д'Эсте и Александрійскій вкрались въ комнату, одинъ за другимъ, какъ-можно тише, чтобы не услышалъ сосѣдъ его, Фарнезскій, и шопотомъ объявили предложеніе избрать его въ Папы. Монтальто изъяснилъ изумленіе, и тѣмъ же шопотомъ сталъ сначала отказываться отъ избранія, какъ дѣла невозможнаго, ссылаясь на свою дряхлость, болѣзни, наконецъ на недостатокъ опытности въ дѣлахъ, и заключилъ рѣчь свою тѣмъ, что онъ видитъ одно только средство къ исполненію ихъ намѣренія, — избрать съ нимъ вмѣстѣ двухъ или трехъ Папъ. Кардиналы внушали ему довѣріе ко Всевышнему, который можетъ и немощному дать силы на управленіе своей Церкви. Монтальто, видя ихъ настойчивость и какъ-будто уступая краснорѣчивымъ убѣжденіямъ, еказалъ: «Если вы ужъ такъ хотите, я рѣшусь принять тіару; но только съ условіемъ, чтобы вы дали мнѣ клятву вмѣстѣ со мною «управлять Церковью и государствомъ, помогать мнѣ «денно и ночью, потому что, по совѣсти говорю, одинъ «я не въ силахъ поднять этого бремени. Избравши «меня Папою, сдѣлайте самихъ себя Папами: я возьму «санъ и имя; вы же берите на себя власть и правленіе.» Многолѣтнее притворство придало такую силу этимъ словамъ, что лучшаго не надо было средства, чтобы возбудить въ четырехъ честолюбцахъ самое пламенное рвеніе. «Онъ боленъ, онъ слабъ, онъ не имѣетъ родъ «ни, онъ не знаетъ дѣлъ политики; онъ по неволѣ будеть нашъ,» — думали они.

Утвердивъ свой планъ, заговорщики начали подыскиваться подъ партію Фарнезскаго. Распустили слухъ, что Торресъ прїѣдетъ черезъ два дни; что въ случаѣ неуспѣха въ избраніи Торреса, Фарнезскій непременно сдѣлаетъ себя Папою; что онъ умышленно медлитъ, потому ждетъ помощи отъ Франціи и Испаніи, куда послалъ курьеровъ. Партія Санъ-Систо и другіе кардиналы хотѣли Торреса, которому одно его отсутствіе помѣшало быть Папою; но Фарнезскаго не хотѣли.

Заговоръ созрѣвалъ. Главное и послѣднее препятствіе состояло въ томъ, чтобы пріобрѣсти Санъ-Систо и его партію, и тѣмъ разбить силу Фарнезскаго. Начали съ кліентовъ Санъ-Систо: стараніями четырехъ главъ заговора пріобрѣтены были Ріаріо, Гваставилано, Спинола, Гонцага, Кастанья и другіе. Рустикуччи, — боясь слабости характера въ Александрійскомъ и вліянія искательствъ, какими Фарнезскій привлекалъ, д'Эста, — дѣйствовалъ всюду, сдерживалъ всѣхъ и былъ средоточіемъ партіи. Всѣ переговоры происходили ночью. Крѣпкій сонъ Фарнезскаго благоприятствовалъ этому. Однажды, замѣтили, какъ неосторожный Александрійскій прокрадывался, перодѣтый, по конклаву: такая неосторожность могла быть гибельна для замысла, но видно и судьба была за одно съ партією Монтальто. Фарнезскій, хотя и зналъ о существованіи этой партіи, но никакъ не воображалъ ея сильною. Онъ все думалъ, что власть еще въ рукахъ его; медлилъ, какъ будто выжидая Торреса, но болѣе съ тою цѣлію, чтобы самому быть Папою. Это желаніе его погубило, и онъ потерялъ своего сильнаго помощника, Санъ-Систо.

Наканунъ избранія, хитрый Ріаріо, одинъ изъ кліентовъ Санъ-Систо, привлеченный на сторону Монтальто, вошелъ къ своему патрону, и рѣшительно объявилъ ему, что Монтальто непременно будетъ Папою;

что партія его сильна; что противиться этому значило бы пріобрѣсти врага въ будущемъ Папѣ. Вошедшій вскорѣ Гваставиллано подтвердилъ слова Ріаріо. Эта внезапность испугала Санъ-Систо: потерявши духъ, изумленный, онъ въ душѣ отшатнулся отъ медителя Фарнезскаго.

Монтальто между-тѣмъ давалъ полную волю начальникамъ своей партіи дѣйствовать, какъ имъ угодно; но только часто напоминалъ имъ о данномъ ему словѣ — раздѣлить съ нимъ бремя правленія.

Наступило 24 Апрѣля, давно ожидаемый день избранія. Утромъ, на счастье Монтальто, пріѣхалъ еще кардиналъ Верчелли. Всею братіею собравшись вмѣстѣ въ одной залѣ, приняли гостя. Медици съ другими овладѣлъ тотчасъ его мнѣніемъ въ пользу Монтальто. Новичокъ въ конклавѣ не зналъ состоянія партій, и поддакъ первому призыву. Вообще кардиналы, сколько бываютъ упрямы при началѣ конклава, столько же легко поддаются послѣ, боясь послѣдствій своего сопротивленія. Вошли въ часовню, отслужили обѣдню. Деканъ велѣлъ прочесть буллы новопрѣбжему, а потомъ слѣдовало приступить къ балотированію. Между-тѣмъ какъ читалась первая булла, д'Эсте подавъ знакъ Александрійскому, который, обернувшись къ скамьѣ какъ-будто для написанія билета, ловко вызвалъ Санъ-Систо, сидѣвшаго съ нимъ рядомъ, и выпшелъ съ нимъ вмѣстѣ изъ часовни. Въ прилежащей залѣ онъ открылъ ему, что Монтальто будетъ избранъ, и что избиратели изъ уваженія къ нему предупреждаютъ его объэтомъ. Санъ-Систо, приготовленный наканунѣ Ріаріемъ, совершенно былъ пойманъ и далъ свое согласіе. Кардиналы Санъ-Систа, также знавшіе дѣло, вскорѣ вышли за нимъ и получили приказаніе избирать Монтальто. Фарнезскій замѣтилъ всѣ эти движенія: увѣренность въ Санъ-Систо и личная гордость мѣшали ему прервать чтеніе буллъ, и вступить въ

дѣло. Тогда, какъ Санъ-Систо поручалъ своимъ кардиналамъ избраніе Монтальто, Александрійскій вошелъ въ часовню, подсѣлъ къ Фарнезскому, объявилъ ему Папу, и поразилъ его изумленіемъ. Фарнезскій, до тѣхъ поръ вѣрившій въ свою силу, внезапно смутился, не зная что дѣлать, и въ нерѣшимости проигралъ битву. Можетъ-быть, внутренно онъ утѣшался старостию и болѣзнями Монтальто.

Санъ-Систо вошелъ въ часовню съ толпою кардиналовъ. Предложили балотированіе; но Санъ-Систо, не вытерпѣвъ и желая показать новому Папѣ свое усердіе, всталъ съ мѣста, далъ знакъ Александрійскому, и они вмѣстѣ съ толпою кардиналовъ, устремились къ Монтальто, закричали: — Вотъ Папа! — кланялись ему и обнимали его.

Что происходило въ то время въ душѣ Монтальто? Замыселъ, замершій въ сердцѣ, сбывался въ очахъ его. Эта далекая цѣль, для которой онъ столько принесъ въ жертву, была почти въ его рукахъ. Какой огонь долженъ былъ разгораться въ немъ изъ-подъ кучи пепла, подъ которымъ такъ заботливо хоронилъ онъ его на самомъ днѣ глубокой души!...

Фарнезскій собрался съ духомъ, и, по праву декана, остановилъ стремленіе кардиналовъ: основываясь на буллѣ подтверждать голосами избраніе «по вдохновенію,» онъ предложилъ балотированіе. Тогда, въ первый разъ блеснула искра нетерпѣнія въ неслышномъ до сихъ поръ герое конклава. Онъ стоялъ близъ Санъ-Систо, наклонился къ нему науху и сказалъ: «Требуйте, чтобы балотированіе было не въ противность провозглашенію!» Это движеніе, хотя и показалось страннымъ для Санъ-Систо, но вдругъ онъ не могъ понять его; и когда деканъ воскликнулъ — «Начинать балотированіе» Санъ-Систо прибавилъ: «Не во вредъ, однако, провозглашенію.»

Деканъ-священникъ и два кардинала-діакона поставили на алтарь часовни ту роковую чашу, откуда долженъ былъ вынутъся жребій будущаго главы Церкви. Кардиналы по-очереди подходили къ ней, преклоняли колѣни предъ алтаремъ, и клали въ чашу билеты съ именемъ избираемаго. Между-тѣмъ нѣкоторые замѣчали, что Монтальто какъ-то необыкновенно скоро ходилъ по часовнѣ.

Всѣ положили билеты, и сѣли по мѣстамъ. Кардиналъ-діаконъ подошелъ къ алтарю, взялъ чашу, поднялъ ее, показалъ собранію, и передалъ кардиналудекану. Они вмѣстѣ сочли число билетовъ: оно было вѣрно, соответствовало числу кардиналовъ. Наконецъ Фарнезскій сталъ вынимать по одному билету, и отдавать кардиналу-діакону, для громогласнаго прочтенія. Между-тѣмъ, всякой изъ кардиналовъ, вышувъ свою записную книжку, чертилъ въ ней голоса, достававшіеся на его долю.

Голоса читались. Чаше всѣхъ упоминалось имя Монтальто. Чаше всѣхъ чертилъ онъ въ своей книжкѣ. Еще не кончилось чтеніе голосовъ, еще билеты оставались въ чашѣ, еще Фарнезскій въ досадѣ нарочно вынималъ ихъ медленнѣе, какъ Монтальто уже видѣлъ, что добыча была въ рукахъ его.

Старикъ, царь своей воли, умерщвлявшій въ себѣ всякое побужденіе страсти и терпѣвшій цѣлыя пятнадцать лѣтъ, не могъ вытерпѣть одной послѣдней минуты, когда почувствовалъ, что желанная тіара уже коснулась рукъ его. Онъ пересталъ записывать, всталъ съ табурета, посохъ выпалъ изъ его руки... Кардиналы оборотились на стукъ: старикъ прямѣлъ станомъ, выросалъ, металъ огненные взгляды на собраніе. Всѣ, изумленные, смотрѣли на чудо превращенія, и не вѣрили глазамъ.

Фарнезскій, духомъ сильнѣйшій другихъ, замѣтивъ недоумѣніе въ Санъ-Систѣ и Александрійскомъ, хо-

тѣмъ воспользоваться минутою и воскликнулъ: «Остановите чтеніе баловъ: есть ошибка въ голосахъ.» — «Нѣтъ! воскликнулъ Монтальто громче Фарнезскаго: «ошибки нѣтъ, избраніе вѣрно!» Окинувъ всѣхъ однимъ огненнымъ взглядомъ, онъ сразилъ имъ Фарнезскаго, и самъ, громкимъ голосомъ крѣпкаго мужа, противъ обычаевъ избранія, возгласилъ — *Тебе Бога хвалимъ*. Деканъ могъ остановить его, потому что начинать гимнъ было правомъ декана; но испытанная воля одного человѣка, въ теченіи полужизни носившаго въ себѣ одну мысль, уже совершала чудо власти надъ безсильными. Пока Фарнезскій не могъ выйти изъ смущенія, всѣ кардиналы начали вторить пѣнію своего нареченнаго, и гордый Фарнезскій невольно последовалъ за всѣми.

Когда поющіе дошли до стиха — *Тебя убо просимъ, помози рабомъ своимъ, ихъ же безцѣнною кровію искупилъ еси*, — Монтальто твердыми шагами подошелъ къ алтарю, и сталъ на колѣни: за нимъ последовали прочіе. Кончилось пѣніе; онъ молился тихо, но, какъ замѣтили, не открывая устъ, а неподвижно устремивъ очи на Распятіе. Тутъ подошли къ нему церемоніймейстеры, и, какъ требовалъ обычай, одинъ изъ нихъ, ставши у алтаря на колѣни, предложилъ ему вопросъ: Свѣтлѣйшій кардиналъ, Монтальто! Священный Коллегіумъ Гг. кардиналовъ-избирателей, большинствомъ голосовъ избравшій васъ Папою, желаетъ знать, примете ли вы Папство. Монтальто устремилъ неподвижный взоръ на церемоніймейстера, и произнесъ: «Вопросъ лишній: возгласивши сами «Тебе Бога хвалимъ», мы ужъ тѣмъ изъявили наше согласіе. Да! мы приедемъ Папство, ибо знаемъ, что Всевышній намъ далъ способность и силу, при Его содѣйствіи, править не только однимъ, но и двумя царствами.» Первый изъ кардиналовъ-священниковъ и первый изъ діаконовъ подошли потомъ къ нему, и спросили объ имени, ка-

кое желаетъ онъ принять, и Монтальто наименовалъ себя Сикстомъ V.

Церемоніймейстеры повели Сикста V за алтарь часовни, въ ризницу, для возложенія на него домашней одежды Римскаго первосвященника. Всѣ удивлялись, съ какою ловкостью и скоростью надѣвалъ онъ на себя бѣлую сутану армазинную, пелерину изъ пунцоваго бархата на грудь, такой же беретъ на голову, и туфли съ вышитымъ золотымъ крестомъ. Любопытно было бы знать, что говорили между собою кардиналы, остававшіеся въ часовнѣ, тогда какъ ихъ бывшій товарищъ мѣнялъ одежду кардинала на папскую.

Сикстъ V не долго заставилъ ждать себя: возвратившись въ одежду Папы, онъ возведенъ былъ кардиналами на алтарь часовни, величаво сѣлъ на него, какъ на тронъ Папскій, и начался обрядъ «поклоненія» или «обожанія». Сынъ бѣднаго садовника, свинопасъ, монастырскій служка, *осель Марки*, сидѣлъ на престолѣ передъ Священнымъ Коллегіумомъ. Всѣ кардиналы, нѣсколько минутъ тому назадъ его равные, его братья, попарно подходили къ сидѣвшему, работливо преклонялись у ногъ его, лобзали его туфлю, потомъ лѣвую руку; между-тѣмъ правою Папа благословлялъ ихъ, и въ заключеніе цѣловалъ каждого въ обѣ щеки, даруя *лобзаніе мира*, *osculum pacis*.

Площадь Святаго Петра кипѣла нетерпѣливымъ народомъ. Завѣтное окно конклава отворилось; народъ увидѣлъ Распятіе, знакъ избранія Папы, и, обнаживъ голову, преклонилъ колѣни. Кардиналъ-діаконъ воскликнулъ къ народу: «Возвѣщаю вамъ радость великую. Имѣемъ Папу, свѣтлѣйшаго и достопочтеннаго господина кардинала Перетти Монтальто, который принялъ на себя имя Сикста V.» Вскорѣ явился самъ Сикстъ V, и благословилъ народъ. Вивать! загремя по площади; съ крѣпости Святаго Ангела грянули пушки; за колоколомъ Капитолія загудѣли всѣ коло-

кола Рима. Народъ, совершивъ свой обрядъ поклоненія, хотѣлъ броситься въ домъ кардинала, сдѣланнаго Папою, чтобы ограбить его, — таковъ былъ обычай; — но вспомнивъ, что въ домъ Монтальто грабить было нечего, успокоился.

Послѣ завтрака, начался исходъ изъ конклава: съ тѣмъ же Распятіемъ впереди, кардиналы процессіей отправились въ храмъ Св. Петра; скороходы дворцовые несли Папу, сидѣвшаго на тронѣ. Народъ тѣснился въ храмъ и его притворахъ. Всѣ всматривались въ новаго владыку; всѣ старались узнать въ немъ того дряхлаго, больнаго кардинала, который ходилъ согнувшись и казался умирающимъ. Сикстъ V бодро и прямо возсѣдалъ на тронѣ, и, величаво простирая сильную десницу, неумоимо во всѣ стороны расточалъ благословенія народу. Раздавались голоса: Святой Отець, дай намъ изобиліе, дай правосудіе, молимъ тебѣ! — «Изобиліе будетъ вамъ нашею милостію,» громко отвѣчалъ Папа, «а правосудіе Богъ вложилъ намъ въ сердце.»

Римляне еще не понимали чуда: кардиналы понимали его, и нѣкоторые изъ нихъ, въ порывѣ первой смѣлости, напомнили Папѣ о прежнемъ его смиреніи. Тогда-то онъ далъ имъ знаменитый отвѣтъ, который не только остался историческою пословицею въ устахъ Римскаго народа, но перешелъ и къ другимъ: «Бывши кардиналомъ, мы ходили согнувшись и смотрѣли въ землю, потому что на ней искали ключей небесныхъ; нашедши ихъ, мы смотримъ въ небо, потому что на землѣ намъ никто ужъ не нуженъ.» Еще примѣчательнѣе отвѣтъ Сикста своему исповѣднику. Когда тотъ говорилъ ему, что всѣ при дворѣ удивлялись, какъ въ теченіе столькихъ лѣтъ своего кардинальства могъ онъ поддерживать лицемѣріе, Сикстъ отвѣчалъ: «Скажи тѣмъ, которые удивляются, что на насъ была десница божественнаго Провидѣнія; что оно одно да-

ло намъ силу поддерживать лицемѣріе, признавая его въ насъ за добродѣтель, потому что оно проникало въ наше святое намѣреніе укрѣпить государство Церкви, престоль Апостольскій, и возвеличить славу Рима. Совѣсть наша спокойна.»

Скоро и Римскій народъ понялъ чудо превращенія, сначала къ своему ужасу, потомъ къ своему счастью. Въ теченіе тринадцати дней конклава, этого пиршества вольности народной, много новыхъ злодѣяній совершилось въ Римѣ. Преступники въ день избранія Папы имѣли обычай открывать свои злодѣянія, и добровольно заключаться въ темницы, въ надеждѣ на милостивый манифестъ, издаваемый въ день вънчанія Папы. Двѣсти преступниковъ заключились въ темницы, услышавъ объ избраніи кроткаго и добраго кардинала Монтальто, но тщетно ожидали потомъ манифеста отъ Сикста V. Онъ не выдалъ его, несмотря на просьбы самихъ кардиналовъ, сказавъ: «Хочу, чтобы народъ мой зналъ, что я призванъ Богомъ на правосудіе, — и дамъ ему въ одинъ и тотъ же день два зрѣлища: мое вънчаніе и казнь преступниковъ.»

О многихъ Папахъ живеть преданіе въ Римскомъ народѣ; но всѣхъ сильнѣе напечатлѣлась память о правосудномъ Сикстѣ V. Многихъ государей своихъ чтить онъ какъ святыхъ; но въ немъ поклоняется величію души Римлянина. До сихъ поръ изъ устъ Римской черни вы услышите, что Сикстъ Пятый царствовалъ пять лѣтъ, построилъ пять дворцовъ, пять храмовъ, пять улицъ, воздвигъ пять древнихъobelisksовъ, и за всѣмъ этимъ, въ запасной казнѣ Св. Ангела, оставилъ по смерти своей пять милліоновъ скудовъ.

С. ШЕВЫРЕВЪ.

О ДОСТОВѢРНОСТИ ДРЕВНЕЙ РУССКОЙ ИСТОРИИ.

=

Говорятъ—у насъ нѣтъ достовѣрной Исторіи девятаго, десятаго, одиннадцатаго вѣковъ, потому что нѣтъ официальныхъ документовъ и современныхъ летописей: летопись Несторова подложная, другихъ свидѣтельствъ мало, — слѣдовательно у насъ нѣтъ достовѣрной Исторіи тѣхъ вѣковъ. Прежде всего раздѣлимъ это показаніе на составные вопросы.

Какъ древняя наша Исторія, и на чемъ она основывается?

Можно ли вѣрить нашимъ летописямъ о IX, X и XI вѣкахъ?

Когда положено имъ основаніе?

Писалъ ли Несторъ?

Что писалъ онъ?

Этихъ вопросовъ не должно смѣшивать. Отъ смѣшенія ихъ именно и произошло много превратныхъ толковъ. Важность ихъ различна. Первый есть главный, безъ всякаго сравненія съ остальными; второй тѣсно связанъ съ первымъ. На этотъ разъ рассмотримъ только первый и второй вопросы: остальные требуютъ отдѣльнаго разбора, къ которому приступимъ мы въ скоромъ времени.

Достовѣрная Русская Исторія начинается только съ XII или XIII столѣтія!

Но, милостивые государи, Константинопольскій патріархъ, Фотій, въ грамматъ своей послѣ 866 года, свидѣтельствуетъ о Руссахъ, которые при немъ нападали на Константинополь.¹

¹ Народъ, столь часто многими превозносимый, и какъ жестоко-стью, такъ и жаждою человѣческой крови, всѣ другіе народы пре-

Походъ Руссовъ на берега Каспійскаго моря въ 912 году описанъ у *Массуди*, почти современника. Ибнъ-Фозланъ рассказываетъ множество подробностей о пріѣзжихъ торговцахъ Русскихъ, которыхъ онъ видѣлъ на Волгѣ въ 921 году.²

Есть современное описаніе опустошенія Барды въ 944 году³.

Кремонскій епископъ Литбрандъ, бывшій посломъ въ Константинополь въ 946 году, описалъ походъ Игоря въ 941, «какъ слышалъ отъ своего отчима, очевидца⁴.»

Ольгу крестилъ Императоръ Константинъ-Багрянородный, и самъ онъ говоритъ подробно объ ея пре-

восходящій, я говорю Руссы, которые, покоривъ окружные сосѣдніе народы, возгордились, и имѣя о себѣ весьма высокія мысли, подыали оружіе на Римскую державу, теперь и сами преложили вѣчестное языческое суевѣріе на чистую и неблазную Христіанскую Вѣру, и ведутъ себя яко послушные сыны и друзья, несмотря на то, что *незадолго предъ симъ тревожили насъ своими разболами и учинили великое злодѣяніе*. «Шлецеровъ Песторъ 11, 40. Подробности о семъ походѣ пишутъ Левъ Грамматикъ, Георгій монахъ, и прочіе.

² Руссы, плывъ по Волгѣ, «достигли до города Итиля, и черезъ городъ до устья рѣки, въ Козарское море. Потомъ разсѣялись сунъ Руссовъ по сему морю, и толпы ихъ разсыпались по Джилю, Дилему, Табристану, и пр. Вездѣ Руссы проливали много крови, похищали женъ и дѣтей, грабили всякое достояніе, палили и жгли. Возстали тогда утрашенные народы, жившіе по тому морю. *Никогда съ незапамятныхъ временъ не видали они непріятели на семъ морѣ, посѣщаемомъ единственно купцами и рыболовами*. Frähn's *Ibn Foslan's und anderer Aialer Berichte uber die Russen älterer Zeit*, 245.

³ Тамъ же, 59. Объ этомъ есть особыя сочиненія профессоръ Эрмана и Шармуа.

⁴ Шл. Пест. III, 43. Послѣ сего Ингеръ въ большомъ беспорядкѣ возвратился во своелсп. Греки же, одержавъ побѣду, съ радостію возвратились въ Константинополь, ведя съ собою многіихъ пленныхъ, которымъ всѣмъ Романъ, *въ присутствіи Гугонова посла, моего отчима, велѣлъ отрубить головы*.»

бываніи въ Константинополь, около 955 года. Онъ же описалъ намъ собраніе дани Русскими Князьями изъ Кіева съ подвластныхъ имъ Славянскихъ племенъ; плаваніе ихъ по Днѣпру въ походахъ на Константинополь. Далѣе у него находятся извѣстія о племенахъ Славянскихъ съ разными подробностями ⁵.

Святослава лицомъ къ лицу видѣлъ Левъ-Діаконъ, и описалъ даже его царужность въ подробной Исторіи войны сего Князя при Императорахъ Шикифоръ и Зимисхи ⁶.

О родствѣ Владиміра съ Греческими Императорами свидѣтельствуютъ историки Нѣмецкіе, Греческіе и Арабскіе ⁷.

⁵ Извѣстія В зинтійскихъ Историковъ III, 47—55. — Тамъ же, 58: какъ скоро наступитъ Поляръ мѣсяцъ, Россійскіе Князья, оставивъ со собою своимъ народомъ Кіевъ, развѣзжались по другимъ городамъ, которые у нихъ называли гирами; или отправлялись въ земли Вервянь (Древлянь), Другувичей (Дреговичей), Кривичей, Сервянь (Свервянь) и другихъ, Россамъ подчиненныхъ Славянь. Здѣсь провождали они зиму, а какъ Днѣпръ вскрыется, то отъѣзжали назадъ въ Апрель мѣсяцъ въ Кіевъ, и, вооруживъ надлежащимъ, какъ выше объявлено, образомъ суда свои, предпринимали обыкновенное путешествіе въ Грецію. — Тамъ же, 34: «Суда, на которыхъ Руссы приходили къ Царьгороду, были изъ Негогарды (Шовгородъ), столицы Россійскаго Князя Свендослава, сына Ингорева, также изъ Миллипски (Смоленскъ), Теліюцы (Любечъ?), Чернигова и Вусеграда (Вышгорода). Отъ сихъ городовъ привозили ихъ сперва на рѣку Днѣпръ, а наконецъ собирались у Кіева, который прозванъ былъ Самватасъ. Это слово, по объясненію Добровскаго, значить сборное мѣсто лодокъ: sam по-Шведски вмѣстѣ, а bad — лодка или боть. Плаваніе чрезъ Днѣпровскіе пороги описано преподабно 36 — 42. — Тамъ же, 34: «Подчиненныя Россамъ Славяне, а именво Кривитяmine, Лещанине и прочія Славянскія отродія, рубили зимою у себя на горахъ лѣсъ для оныхъ судовъ и строили ихъ. А какъ ледъ растаетъ, то немедленно сплавливали ихъ въ поближнія озера, и потомъ далѣе по рѣкѣ Днѣпру, въ Кіевъ. Здѣсь вытаскивали они ихъ на берегъ, и продавали Россіянамъ, которые брали одѣя токмо ладья.»

⁶ См. Льва Діакона Калойскаго.

⁷ См. указанія у Карамзина I, прим. 452.

Дитмеръ, епископъ Мерзебургскій, рассказываетъ о современномъ ему Святополкѣ по поводу родства его съ Болеславомъ храбрымъ, Королемъ Польскимъ, съ которымъ въ Русскомъ походѣ были его знакомцы⁸.

Последній походъ Руссовъ на Грековъ при Ярославѣ, по поводу ссоры между купцами, описанъ Кедриномъ⁹.

О Ярославѣ много извѣстій у сѣверныхъ летописателей¹⁰.

Изяславъ, выгнанный братьями изъ Кіева, былъ у Нѣмецкаго Императора Генриха IV, который послалъ къ Святославу, брату его, пословъ, что засвидѣтельствовано современнымъ летописцемъ Ламбертомъ Ашаффенбургскимъ, Зигбертомъ Гембагурскимъ. Есть письма объ немъ Папы Григорія VII къ Болеславу Польскому¹¹.»

О значительной торговлѣ Руссовъ въ Италію и Константинополь свидѣтельствуютъ Константинъ—Багрянородный, Ибнъ-Фозланъ, Кедринъ и другіе; объ ихъ богатствѣ же историки Нѣмецкіе. Остановимся на этомъ.

Вѣрите ли вы этимъ свидѣтелямъ? Нельзя не вѣрить. Это все очевидцы, современники описанныхъ ими происшествій, въ которыхъ инымъ даже случилось быть дѣйствующими лицами. Они не сговаривались между собою: одинъ жилъ въ Константинополь, другой въ Багдадѣ, третій внутри Германіи,

⁸ Кар. II, прим. 1.

⁹ Изв. Виз. Истор., III, 107 — 116.

¹⁰ См. указанія у Карамзина II, прим. 27, 32, 33, 58, 59 и прочія. Также Эймуудову Сагу.

¹¹ Тамъ же, II, прим. 428.

четвертый на островъ Исландіи, пятый въ Кременъ, шестой въ Александріи. Они не списывали другъ у друга: Византіецъ не зналъ по-Арабски, Арабъ по-Исландски, Нѣмецъ по-Арабски. Имъ не было нужды выдумывать: они описывали другіе предметы, а объ насъ большею частію роняли по нѣскольку словъ мимоходомъ. Такъ, имъ нельзя не вѣрить; даже стыдно доказывать ихъ достоверность. О прочихъ близкихъ и позднихъ свидѣтеляхъ, которыхъ на всякое почти происшествіе можно набрать много; о другихъ происшествіяхъ, засвидѣтельствованныхъ не современниками, а близкими потомками, — я не говорилъ ни слова, чтобы не подать повода къ частнымъ спорамъ мною главнаго вопроса.

Теперь вообразите, что мы не имѣемъ рѣшительно ни какихъ собственныхъ лѣтописей, ни какихъ свидѣтельствъ о IX, X и XI вѣкахъ нашей Исторіи. Составьте изъ этихъ извѣстій иностранныхъ начало Русской Исторіи. Что выйдетъ?

Вверхъ по Днѣпру по сторонамъ жили въ IX вѣкѣ разныя племена Славянскія.

Племена эти были подъ игомъ, и платили дань Руссамъ, которыхъ Князья вѣжали за нею изъ Кіева.

Руссы черезъ Днѣпръ и Черное Море нападали часто на Константинополь.

Первое ихъ нападеніе, неудачное, относится къ 866 году, до котораго они были тамъ неизвѣстны. Тогда же нѣкоторые изъ нихъ приняли Христіанскую Вѣру.

Съ 912 года нападали они на берега Каспійскаго Моря, спокойные дотоль.

Въ 941 году Князь ихъ, Игорь, былъ прогнанъ отъ Константинополя.

Ольга, супруга его, съ многочисленную свитою была въ Константинополь, и приняла тамъ (если не прежде) святое крещеніе.

Святославъ, сынъ Игоря, покорилъ Болгарію, по договору, для Греческаго Императора Никифора Фоки, хотѣлъ остаться тамъ навсегда по вторичномъ прибытіи, но былъ принужденъ Зимисхіемъ, послѣ упорнаго сопротивленія, оставить Болгарію, и убить на слѣдующую весну Печенѣгами въ порогахъ Дитровскихъ.

Владиміръ, женатый на сестрѣ Византійскихъ Императоровъ, Василя и Константина, и принявшій Христіанскую Вѣру, жилъ въ согласіи съ Греками; скоро потомъ была война (послѣдняя) по поводу ссоры Русскихъ купцовъ, которыхъ всегда очень много торговало въ Константинополь. Послѣ него начинаются междоусобія.

Вотъ очеркъ нашей Исторіи въ IX, X и XI вѣкахъ, составленный безъ помощи нашихъ лѣтописей, изъ однихъ иностранныхъ, вѣрныхъ, неоспоримыхъ свидѣтельствъ!

Какъ же называть ее недостоверною? Какъ отвергать ее? Какъ начинать ее съ XII или XIII столѣтій?

Теперь обратимся къ нашимъ лѣтописямъ въ томъ видѣ, какъ онѣ намъ съ перваго взгляда представляются. Вы отвергаете ихъ? Но позвольте спросить: онѣ противорѣчатъ извѣстіямъ, на которыя указалъ я теперь?

Нѣтъ!

По-крайней-мѣрѣ онѣ не представляютъ этихъ извѣстій, а даютъ намъ нныя?

Нѣтъ! Нельзя не признаться, что въ нихъ шъ же самыя извѣстія, хотя лѣтописатели наши вѣрно не

знали ни по-Арабски, ни по-Исландски, ни по-Латынни, если и знали по-Гречески. Они говорятъ и объ раздѣленіи племень, и о собираніи дани Руссами съ Славянъ, и о походе Игоря, и о путешествіи Ольги, и о двукратной войнѣ Святослава, и о намѣреніи его остаться въ Болгаріи, и объ умерщвленіи Печенѣгами, и о помощи Болеславовой Святополку, и о междоусобіи сыновъ Ярославовыхъ, и о посольствѣ Нѣмецкомъ.

У нихъ тѣ же извѣстія съ небольшими измѣненіями.

Такъ зачто же вы имъ не вѣрите?

Пишучи это, признаюсь, я недоумѣваю, какимъ образомъ, по какому закону мысли, по какому закону Критики, могла возникнуть такая недоувѣрчивость къ главнымъ происшествіямъ нашей древней Исторіи. Это для меня задача психологическая, и только съ этой стороны можно объяснять ее.

Русская лѣтопись Несторова, или лѣтопись подъ буквою А, или начало лѣтописей, — Русскій лѣтописатель X или Z или Y, — говоритъ то же, что Арабъ, что Грекъ, что Нѣмецъ, что Исландецъ, что Италіанецъ, съ которыми онъ, изъ глубокой и темной своей пещеры, не могъ ни сговариваться, ни перемигиваться, — а ему не вѣрятъ!

Обратите вниманіе на нѣкоторыя частныя извѣстія: какое разительное согласіе! Сравните, напримѣръ, извѣстія Константина-Багрянороднаго объ отношеніи племень Славянскихъ къ Руссамъ или о плаваніи Днѣпровскомъ, съ извѣстіями нашихъ лѣтописей. Сравните съ ними Эймундову Сагу или, если хотите, сказку: какъ договариваются тамъ Норманны съ Ярославомъ, какія порученія возлагаются на нихъ, какъ они поступаютъ. Не точно ли такъ описываются наши

Варяги? Игорь, возвратясь изъ несчастнаго похода, «посла по Варяги.» Владиміръ отъ Святополка «бѣжа за море..... приде съ Варяги.» Ярополка убили два Варяга. По взятіи Владиміромъ Кіева «рѣша Варязи Володиміру: се градъ нашъ, и мы пріяхомъ е, да хочемъ имати окупъ на нихъ по 13 гривнѣ отъ человека.» Могутъ ли историческія извѣстія бытъ достовѣрныѣ, яснѣе, согласнѣе?

Сравните внѣшнія дѣйствія Варяговъ нашихъ этой лѣтописи съ Руссами Арабскихъ и Греческихъ лѣтописей, съ Норманнами въ Англіи, Франціи и Италіи. Одни и тѣ же люди, одинъ духъ, одни пріемы. Доказательство, что въ нашихъ лѣтописяхъ они описаны вѣрно.

Слѣдовательно лѣтописи наши достовѣрны въ главномъ, подтверждаясь свидѣтельствами иностранцами. Слѣдовательно Исторія наша IX, X и XI вѣка сугубо достовѣрна, будучи основана на иностранныхъ свидѣтельствахъ и подтверждена отечественными.

Знаете ли, какое сдѣлаю я вамъ предложеніе? Не угодно ли вамъ сообразить, что мы не имѣемъ не только своихъ лѣтописей, но даже иностранныхъ извѣстій о IX, X и XI вѣкѣ. Русская Исторія и безъ нихъ останется на своемъ основаніи. Читатели подумаютъ, что я шучу, и что здѣсь заключается какое нибудь двусмысліе. Нѣтъ, я говорю безъ шутокъ; пусть слова мои принимаются въ ихъ буквальный смыслъ.

Дайте мнѣ точку, съ которой вы начинаете несомнѣнную Русскую Исторію. Вамъ угодно начинать еѣ съ XII столѣтія? Очень хорошо! Слушайте: Въ XII столѣтіи являются на сцену слѣдующія дѣйствующія лица: Святополкъ Изяславовичъ, Владиміръ Всево-

лодовичъ, Олегъ Святославовичъ, Давидъ Игоревичъ, Володаръ Ростиславовичъ, Василько Ростиславовичъ, Рюрикъ Ростиславовичъ, Мстиславъ Святополковичъ, Ярославъ Святополковичъ, и прочая.

Всѣ они двоюродные братья и дяди между собою, какъ замѣчаю я при первыхъ взаимныхъ ихъ отношеніяхъ, допускаемыхъ вами: слѣдовательно, разсуждаю я далѣе, по образцу геометрической пропорціи, въ которой тремя извѣстными членами отыскивается четвертый неизвѣстный, сторона наша искони принадлежала одному роду; слѣдовательно она не была завоевана, потому что, бывъ завоевана, она была бы роздана, какъ вездѣ, между завоевателями; слѣдовательно она была занята мало-по-малу, по мѣрѣ размноженія сего рода; точно какъ и въ эту допускаемую эпоху, одинъ Князь Ярославъ Святославовичъ, выгнанный племянникомъ изъ Чернигова, идетъ передъ моими глазами въ сторону Рязанскую, и основываетъ тамъ особенное Рязанское княженіе, другой, Владиміръ Володаровичъ, — Галицкое, третій, Георгій Владиміровичъ, — Владимірское. Отдѣльные Новгородцы, признавая и изгоняя Князей, указываютъ мнѣ на древній свой обычай. Земля, мало населенная съ областями, которыя отдѣлены одна отъ другой степями, лѣсами, болотами, подтверждаютъ мои выводы.

Далѣе: имена, встрѣчаемая мною въ этомъ допускаемомъ XII столѣтіи, кажутся мнѣ двухъ родовъ, кромѣ Христіанскихъ: одни имѣютъ смыслъ на нашемъ языкѣ — Святославъ, Святополкъ, Мстиславъ; другихъ я никакъ объяснить не могу — Олегъ, Игорь, Рюрикъ. Эти имена, разсуждаю я попрежнему, принадлежать вѣрно другому племени. Слѣдовательно у насъ, какъ и вездѣ по Европѣ, были пришельцы и туземцы. Кому же принадлежать эти имена,

пришлому племени или туземному? Разумѣется, пришлому, потому что сихъ непонятныхъ именъ несравненно меньше понятныхъ, принадлежащихъ языку туземцевъ. Слѣдовательно, пришельцы эти явились у насъ вѣрно за долго до XII столѣтія, ибо языкъ ихъ, сколько можно судить по первому взгляду, потерялся, и даже именъ ихъ осталось мало въ употребленіи. На сѣверѣ жь встрѣчаю множество этихъ именъ въ то самое время, изъ чего и заключаю, что пришлое племя родомъ съ сѣвера.

Наконецъ я вижу, что всѣ эти Князья и ихъ подданные исповѣдуютъ вѣру Греческую. Слѣдовательно, предки ихъ получили ее изъ Константинополя; слѣдовательно, имѣли связь съ этимъ городомъ, больше нежели съ западомъ, и съ юга, а не съ сѣвера.

Вотъ заключенія о древней нашей Исторіи, выводимыя посредствомъ немногихъ посылокъ назадъ изъ состоянія нашей стороны въ XII вѣкъ, съ котораго хотятъ начинать нашу Исторію.

Эти заключенія касаются до главныхъ частей Исторіи, — о составѣ народа, о образѣ управленія, о Религіи. Онѣ совершенно согласны съ Исторіею, составленною нами изъ иностранныхъ свидѣтельствъ, и сохраненною для насъ нашими лѣтописцами. —

Иностранныя свидѣтельства, математическія заключенія отъ извѣстнаго безспорнаго о неизвѣстномъ, и наши лѣтописи говорятъ одно. Какую историко-критическую силу имѣетъ это согласіе! Какъ этимъ согласіемъ каждое положеніе еще болѣе подтверждается!

И слѣдовательно, древняя Исторія наша достовѣрна, достовѣрна, какъ Французская, Англійская, Гер-

манская, достовѣрнѣе Греческой, Римской, Шведской, Польской, и прочая.

И слѣдовательно ее должно начинать не съ XII, не съ XI, не съ X столѣтія, а съ IX, какъ дослѣ было принято.

И слѣдовательно начало нашихъ лѣтописей, — когда бы, гдѣ бы, кѣмъ бы ни было писано, — достовѣрно, что касается до главныхъ положеній.

Теперь о томъ, кто могъ писать его, и когда именно. Послѣ вопроса о достовѣрности, это задача важнѣйшая.

Начну прискорбіемъ, что лѣтописи наши до сихъ поръ большею частію скрываются подъ спудомъ въ неприступныхъ архивахъ и библіотекахъ; прискорбіемъ, которое постоянно изъявлялъ я съ 1824 года, какъ и многіе наши изслѣдователи, а громогласнѣе всѣхъ Шлецеръ ¹². Только тогда можно будетъ произнести имъ рѣшительный приговоръ, только тогда можно будетъ пользоваться ими вполне историкомъ, когда онѣ будутъ сличены, рассмотрѣны и изданы, какъ завѣщаль намъ этотъ славный нашъ учитель. Теперь мы можемъ судить о нихъ приблизительно, можемъ извлекать изъ нихъ одно главное, общее, ясное.

Я буду говорить здѣсь о лѣтописяхъ по печатнымъ изданіямъ, которыя у всѣхъ въ рукахъ. Постараюсь представить доказательства самыя ощутительныя по моему мнѣнію, самыя тѣлесныя. Беру начало лѣто-

¹² Незабвенный Графъ Н. П. Румянцовъ пожертвовалъ, какъ было слышно, значительный капиталъ на изданіе Лаврентьевскаго списка и другихъ лѣтописей; но онъ вѣрно увеличивается теперь чрезъ *приращеніе процентами*. А время течетъ, изслѣдователи нуждаются.

писи, какъ оно дошло до насъ, въ невѣрныхъ спискахъ, со всѣми сказками, ошибками, описками, приписками, словомъ, безъ малѣйшей очистки и обработки.

Во многихъ древнихъ спискахъ, по свидѣтельству Карамзина, ¹³ подъ годомъ 1110, находятся слѣдующія строки: «Игумень Сильвестръ Св. Михаила написахъ ¹⁴ книги си лѣтописецъ, надѣяся отъ Бога милость пріяти, при князи Володимеръ, княжащю ему Киевъ, а мнѣ въ то время игуменящю у Св. Михаила въ 6624, индикта 9 лѣта; а иже чететь книги сія, то буди ми въ молитвахъ ¹⁵».

¹³ Исторія Госуд. Росс. Т. II, пр. 213. Карамзину въ этомъ случаѣ нельзя не повѣрять. Можно не соглашаться съ нимъ въ томъ или другомъ мнѣніи, — всякой человекъ имѣетъ свой взглядъ на вещи, и судить по своему, — но подозревать его въ ложномъ показаніи никто не имѣетъ права. Трудъ его есть трудъ честный, добросовѣстный, и въ двадцать лѣтъ не найдено въ немъ ни одной умышленной ошибки. Если онъ говоритъ, то онъ видѣлъ, то онъ точно видѣлъ, — и никто не смѣетъ утверждать противное.

¹⁴ Тамъ же. «*Написахъ* значитъ списалъ: въ концѣ многихъ рукописныхъ Евангелій, псалтирей и другихъ церковныхъ книгъ видны такія подписи.» Впрочемъ намъ до этого теперь нѣтъ дѣла: списалъ или написалъ, — это для насъ пока все равно. Мы толкуемъ теперь о времени лѣтописи, а не объ именахъ сочинителей.

¹⁵ Эта приписка вотъ уже какъ распространенка и изукрашеніе въ Никоновскомъ спискѣ. (Ч. II, с. 54): «Се азъ грѣшнй інокъ Сильвестръ, игумень Святаго Михаила, написахъ книги сія, глаголемыя Греческимъ языкомъ Хронографъ, Русскимъ же языкомъ толкуется времяникъ, еже есть лѣтописецъ, во священно и божественно священноначальство Господина Никноора Митрополита Киевскаго и всеа Русіи, въ обладаніе держави Киевские православнаго и благочестиваго Великаго Кнзя Владимира Монаха, сына Всеволожа, зюка Ярославля, правнука великаго и равно-Апостолнаго Святаго Владимира, нареченнаго въ святомъ Крещеніи Василя, крестившаго всю Рускую землю. Писа же вся сія любви ради Господа Бога и Пречистые Богородицы и Святыхъ его, и своего ради отечества Руския земли, во спасеніе и пользу всѣмъ, и молю всѣхъ прочитающихъ книги сія, да помолатся о мнѣ во святыхъ своихъ молитвахъ, да сладостный и ра-

Въ этихъ строкахъ я вижу, что начало лѣтописи было переписано извѣстнымъ лицомъ XI и XII столѣтія, и слѣдовательно было сочинено по крайней мѣрѣ около этого времени.

Но эта приписка, говорятъ, ничего не значить: она вымышленная, подложная. Желательно бы узнать улики! Впрочемъ я оставляю пока разсужденіе объ этой припискѣ, какъ спорной; уступлю это первое доказательство, что въ числѣ сочинителей или переписчиковъ лѣтописей было извѣстное лице XI столѣтія¹⁶.

Далѣе. Татищевъ говоритъ, что въ лѣтописи за годомъ 1098 находится слово *аминь*.

Возразить: Карамзинъ не нашелъ этого важнаго аминя. Но Карамзинъ не нашелъ въ своихъ спискахъ, а у Татищева были другіе¹⁷.

дѣстныи гласъ услышу отъ Господа Бога, вѣднъ онъ суда великого избавленъ буду безконечныхъ мученіи, и обещанныхъ благихъ отъ Господа «получю, молитвами Пречвстыя Богородицы и всѣхъ Святыхъ, аминь.» Я нарочно привожу ее здѣсь для примѣра, какъ древнія извѣстія распространяются и изукрашаются въ позднѣйшихъ спискахъ.

¹⁶ Но я говорю про себя: Почему эта выдуманная приписка поставлена здѣсь, а не индѣ? Почему имя Сильвестра, а не какое другое? Во время игуменства, а не епископства? Неужели коварный переписчикъ XIII столѣтія (приписка находилась во многихъ спискахъ, была и въ ихъ подлинникахъ) разсуждалъ такъ, переписавши: «Я скрою свое собственное имя, а увѣрю, что переписывалъ игумень Сильвестръ; чтобы этому повѣрили, лучше я вставлю мою приписку въ эпоху существованія Сильвестра». Не слишкомъ ли это вѣтвѣливо, остроумно? Какое хитрое разсужденіе, какой ученый подлогъ! Обманываютъ для себя, а не для другихъ, не для поколѣнниковъ. Мы желаемъ, чтобы вѣрили намъ, а желать, чтобы вѣрили другимъ вещамъ, безъ насъ, — не естественно.

¹⁷ И Татищева нельзя подозревать въ выдумкѣ, по крайней мѣрѣ здѣсь: для него разумѣется все равно было, стоялъ ли *аминь* подѣ

Впрочемъ такъ и быть. Татищевскіе списки вид-но затерялись; указать пальцемъ на этотъ *аминь* я не могу, а потому не возьму и его въ доказательство, что здѣсь былъ перерывъ, то есть, что лѣтопись оканчивалась первоначально 1093 годомъ.

Но не могу не взять слѣдующаго завѣтнаго.

Время отъ 1104 до 1110 года, до Сильвестровой (допустимъ, подложной) приписки, оставлено по многимъ древнимъ спискамъ безъ описанія, которое слѣдуетъ уже за нею ¹⁸. То есть, шесть лѣтъ до 1110 года по порядку не описаны, а описаны послѣ, хотя случились прежде. Боюсь, чтобъ не вышло какого недоразумѣнія: объяснюсь еще другимъ образомъ: 1103 годъ описанъ; 1104, 5, 6, 7, 8, 9, не описаны; за 1110 приписка подложная, а за припиской описаніе предъидущихъ пропущенныхъ лѣтъ.

Вотъ важнѣйшее для меня доказательство, что въ началѣ XII столѣтія или концѣ XI въ лѣтописи былъ перерывъ: одинъ сочинитель кончилъ, другой захватилъ нѣсколько предъидущаго времени, неописаннаго у

1093, или подъ 1094, или 1110. Мнѣ не случилось еще изучить такъ Татищева, скажу откровенно, какъ я изучилъ Шлецера или Карамзина, и потому я не могу говорить объ немъ утвердительно въ этомъ отношеніи. Замѣчу здѣсь только мимоходомъ: Исторія Татищева заключаетъ въ себѣ много прибавленій, но въ нѣкоторыхъ изъ нихъ все нельзя и предполагать обмана, умысла, и она заслуживаетъ обстоятельнаго изслѣдованія. Вотъ занятіе для молодыхъ любителей науки, — на первый случай, хоть собрать прибавленія Татищева (изъ Никоновскаго списка также). Онъ выдумалъ Іоакима, положимъ, для какой-нибудь цѣли, чтобъ подтвердить свое любимое мнѣніе; но для Нестора, для Сильвестра (въ его списокъ, въ числѣ присутствовавшихъ при украшеніи раки Бориса и Глѣба, сказано: *и азъ Сильвестръ Михайловскій*), изъ какой бы стати, кажется, ему обманывать?

¹⁸ Кар. II, прим. 243. Карамзинъ употребилъ это замѣчаніе только въ доказательство, что Сильвестръ былъ не сочинитель, а переписчикъ.

предшественника, и сталъ продолжать. Слѣдовательно, начало его оканчивалось около этого времени, и слѣдовательно было сочинено по крайней мѣрѣ въ XI столѣтіи.

Далѣе. Послѣ краткихъ извѣстій около 1125 или 1127 года, извѣстія, замѣчаетъ Карамзинъ, дѣлаются вдругъ гораздо подробнѣе. Онъ думаетъ, что это трудъ другаго, для насъ безыменнаго, человѣка. И весьма вѣроятно, потому что отчего бы одному человѣку, на одномъ мѣстѣ, въ однихъ обстоятельствахъ, писать подробно, потомъ коротко, потомъ опять подробно? Новое доказательство, что въ началѣ XII столѣтія былъ перерывъ.

Наконецъ: въ нѣкоторыхъ лучшихъ спискахъ, по замѣчанію Карамзина же ¹⁹, происшествія, бывшія въ концѣ XI вѣка, описаны вдвойнѣ, одинъ разъ подробно, а другой коротко. Напримѣръ, война Святополкова съ Давидомъ, бѣдствіе Венгровъ въ Галиціи, и кончина Мстислава описаны весьма обстоятельно, а послѣ сказано опять: «Въ лѣто 6607 изыде Святополкъ на Давида и прогна въ Ляхы; въ се же лѣто побѣни Угри у Перемышля; въ се же лѣто убьенъ Мстиславъ, сынъ Святополчъ.» Первый переписчикъ или писатель, повторившій эти извѣстія, былъ чловѣкъ безтолковый, — это ясно; но я благодарю его отъ искренняго сердца, потому онъ своимъ повтореніемъ указываетъ мнѣ прямо на бывшій перерывъ въ лѣтописи около этого времени: я вижу, въ дополненіе къ прежнимъ примѣтамъ, что кто-то кончилъ писать около XII вѣка. Одинъ чловѣкъ, по справедливому замѣчанію Карамзина, не могъ писать

¹⁹ Въ спискахъ Пушкинскомъ, Хлѣбниковскомъ, Ипатьевскомъ и другихъ, если я такъ понимаю слова его, II, примѣч. 184.

сперва подробно, а тамъ коротко въ томъ же случаѣ²⁰.

Да! около XII вѣка былъ перерывъ. Слѣдовательно, начало лѣтописи написано въ XI столѣтїи²¹.

Есть еще много доказательствъ.

Въ харатейныхъ спискахъ Нестора есть извѣстїе: «Матери бо родивши, бысть ему (Всеславу, умершему въ 1101 году) язвено на главѣ его; рекоша бо волсви матери его: се язвено, навяжи нань, да носить е до живота своего — еже носить Всеславъ и до сего дне на собѣ; сего ради не милостивъ есть на кровопролитѣ»²².

Не чувствуете ли вы бїенїя истины въ этихъ словахъ?

И такъ эти строки писаны во время жизни Всеслава, то есть, въ XI столѣтїи.

Подъ годомъ 1089 въ Никоновскомъ спискѣ читается извѣстїе: «Того же лѣта преставися Иванъ Митрополитъ Кїевскїй и всеа Руссїи. Бысть же сей Иванъ мужъ хитръ книгамъ и учению, милостивъ ко убогимъ, речистъ же книгамъ святымъ и утѣшая печаль-

²⁰ Возраженїя противъ этихъ доказательствъ я не могу придумать ни какого: не скажетъ ли развѣ кто-нибудь въ объясненїе перерыва: «Лѣтописатель, жившїй въ XIII или XIV вѣкѣ, могъ писать только до XII.» — Но почему же не доходилъ онъ до своего времени? — «Онъ знаemothъ, отвлеченъ былъ посторонними обстоятельствами, умеръ.» — Хитрое предположенїе! А почему же послѣднихъ шести лѣтъ передъ концемъ своего труда онъ не описалъ такъ подробно, какъ первыхъ? Но такихъ натянутыхъ возраженїй нечего и опровергать.

²¹ Впрочемъ, повторяю, все это требуетъ еще строжайшихъ, точнѣшнихъ изслѣдованїй надъ списками, на которые слѣдуетъ взглянуть именно въ этомъ отношенїи.

²² Кар. II, прим. 118. — Въ Софїйскомъ временникѣ это уже перемѣнено. I, 155.

ныя. И таковаго не бысть въ Руси преже, и по нсмъ, не вѣмъ, будетъ ли таковъ.»

Воля ваша, а я думаю, что лѣтописецъ написалъ эти строки въ минуту кончины Іоанновой, и положилъ свое перо, то есть, свое писало, на столъ, пока не случилось другаго происшествія, которое вписать ему вздумалось.

Это подтверждается для меня еще болѣе слѣдующими строками, написанными, видно, уже послѣ, какъ пріѣхалъ другой митрополитъ. Въ лѣто 1090 иде Янка къ Царюграду въ Греки, дщи Всеволожа. И приведъ Янка Митрополита Киеву и всеа Росіи Ивана Скопца; о немъ же людіе рѣша: Сей новый Іоаннъ пришелъ есть; но і будетъ ли таковъ, яко же первый Иванъ?»

Какъ это истинно! Какалъ свѣжая молва! «И отъ года до года пребысть преставися: бѣ же сей мужъ не книженъ, и умомъ простъ, и просторѣкъ.»

Не очевиденъ ли современникъ!

Подъ годомъ 1065 въ лѣтописи встрѣчается мѣсто: «Того же лѣта въ Киевъ рыболове ловяше рыбы, выволокоша вневодъ дѣтищъ, его же сходящися лозороватомъ до вечера дивящася, и паки ввергоша его вводу: бѣше бо у него на лица срамниі удове; иного же нельзя сказати срама ради.»

Мы смотрѣли до вечера!..... Кто можетъ говорить такъ, кромѣ очевидца?

Подъ годомъ 1096 описано нападеніе Боняка Половецкаго на Киевъ: «Того же мѣсяца впятюкъ приде Бонякъ безбожнѣй, шелудивѣй, отай хыщникъ х Киеву внезапно, и мало во градъ не вѣхаша Половцы, и зажгоша боломье около града, и возвратишася

въ монастырь, и зажгоша Стефановъ монастырь, и деревяне, (у Карамзина II, пр. 174 деревней Германа) и придоша в монастырь Печерскіи, *намъ сущимъ по кльнямъ почивающимъ по заутрени, і кликаша около монастыря, и поставиша стяга два, и вшедь враты монастырскими, на ложе бгъжащимъ за домъ монастыря, а другимъ възбгъжшимъ на полаті. Безбожніи же сынове Измаилтеви высекоша врата монастырю, и пойдоша по кльямъ высекающе двери, и износлаху, что обретающе в кльняхъ. Посемъ зажгоша домъ Святыя Богородицы владычицы нашея, и придоша къ церкви, и вожгоша двери, еже къ югу устроенныя, другія же к северу, и влѣзше впритворъ у гроба Θεодосіева, емлюще іконы, и зажигающе двери.» Далѣ слѣдуетъ нравственное размышленіе. «Тогда же зажгоша и дворъ красній, его же поставилъ благоверный князь Всеволодъ на холму, нарицаемомъ Выдобычи, то все окаянніи Половцы запалиша..... нѣколько отъ братіи нашея оружіемъ.»*

Это нападеніе совершенно подобно прочимъ нападеніямъ Половецкимъ въ XII и XIII вѣкахъ.

«Того же мѣсяца впятокъ, намъ сущимъ по кельямъ почивающимъ.» Какъ предположить подлогъ въ такихъ выраженіяхъ? Кому придетъ въ голову вставлять такія строки въ сказочныя, выдуманныя описанія!

Такъ, и это описаніе сдѣлано современникомъ, то есть, въ XI столѣтіи.

Есть еще два мѣста, гдѣ лѣтописатель, рассказывая о происшествіяхъ въ концѣ XI вѣка, говоритъ о себѣ въ первомъ лицѣ: о прибытіи своемъ въ монастырь и о обрѣтеніи мощей Св. Θεодосія. Но эти мѣста читаютъ нѣкоторые вставленными, и потому я также

не приму ихъ какъ доказательство, что лѣтопись сочинена въ XI столѣтіи.

Подъ годомъ 1106: «Въ се же лѣто преставися Янь, старецъ добрый, живъ лѣтъ 90, въ старости маститъ, живъ по закону Божью; не хуже бѣ первыхъ праведникъ; *отъ него же и язъ многа словеса слышашъ*; еже и вписахъ въ лѣтописаньи семъ. Бѣ бо мужъ благъ и кротокъ и смиренъ, отгребояся всякая вещи, его же и гробъ естъ въ Печерскомъ монастыри, въ притворъ, иде же лежить тѣло его положено мѣсяца Іуны въ 24.»

Слѣдовательно, это писано въ самомъ началѣ XII столѣтія. Но это, говорятъ, выдуманно. Какъ, выдуманно и въ лѣтописи, и въ патерикъ? Надъ этимъ Янемъ что-то особенно смѣются, — не понимаю за что. Все выдуманно, все выдуманно! Но, ей-ей, гораздо труднѣе, мудренѣе выдумать столько лжи, чѣмъ передать столько правды!

Подъ годомъ 1098 находится извѣстіе: «Васильку же сущу въ Володимери..... и яко приближися постъ великій, и *мнѣ грѣшному тамо сущи* в Володимери и воедино ношъ присла по меня князь Давидъ Игоревичъ, и прійдохъ к нему, и съдаху около его дружина, и посадивъ мя, и рече ми: се молвилъ Василько сей ноши ко Улану и к Колчю, рекъ тако: се слышу; яко идетъ Володимерь и Святополкъ на Давыда; даже бы мене Давидъ послушалъ, дабыхъ послалъ мужъ свой къ Володимеру: воротися веде бо ся сънимъ, что молвилъ; да се Василю шлю ты, иди к Васильку *тезю своему* (такъ и въ спискѣ Пушкинскомъ, Хлѣбниковскомъ, Ипатьевскомъ и другихъ) ссима отрокама, и молви ему тако: оже хочещи послати мужъ свои, и воротится Володимерь, то вдамъ ти, которой ти городъ любъ, либо Всеволожъ, либо Тереволь, либо Пере-

дивль. Азже идохъ къ Васильку, і повѣдахъ ему вся рѣчи Давыдовы. Онже рече: сего есмь не молвилъ, но надвюбося на Бога пошлю, да быша не пролиали крови мене ради..... *Мнѣ же рѣша*: иди къ Давыду, и рѣчи ему: пришли ми Кулмѣя, да его пошлю къ Володимиру. И не послуша его Давидъ, и посла мя, паки рекъ: вѣсть Кулмѣя. *И рече ми Василько*: посьди мало. *И повелѣ своему слугѣ ийти вонъ и съде со мною и нача ми глаголати,*» и проч.

Ясно, что все это писано самимъ дѣйствующимъ лицомъ, современникомъ, который вездѣ говоритъ отъ перваго лица: слѣдственно, въ XI столѣтїи.

Но первое лице, говорить, выдуманно или вставлено.

Признаюсь, очень мудро предположить здѣсь выдумку, развѣ есть какая ясная улика. Что за охота выдумывать челоуѣку, который умалчиваетъ все, что относится собственно до него, и по необходимости употребляетъ одно личное мѣстоименіе. — Поди къ своему тѣскѣ и скажи ему — Я пошелъ сказалъ, а тотъ отвѣчалъ мнѣ вотъ что! Выдумываютъ сказанія затѣливыя, страницы, а такого простаго, строгаго извѣстія не стоило и труда выдумывать, особенно въ XIII или XIV столѣтїи.

Обращу вниманіе и на то, что такія нечаянныя указанія о времени существованія того или другаго летописателя встрѣчаются часто и послѣ: какъ одинъ летописецъ въ XI столѣтїи, о которомъ идетъ рѣчь теперь у насъ, сказалъ, что его посылали къ Васильку для переговоровъ; другой, что нападеніе Половцевъ на Печерскій монастырь было «ему сущу въ кельѣ почивающу.» Третій, а можетъ быть тотъ же, что Полоцкій князь Всеславъ, быешій долго въ Кіевѣ, въ его время носилъ повязку на головѣ; четвертый, что

онъ ходилъ смотрѣть на урода, пойманнаго рыболовами въ Кіевѣ; такъ точно, послѣ сего XI столѣтія, одинъ случайно говоритъ, что онъ былъ посвященъ епископомъ Нифонтомъ въ Новъгородъ въ 1144 году; другой въ 1146 г., что пѣвалъ часто во Владимірѣ въ церкви, съ Игоремъ вторымъ; третій, описавъ кончину Боголюбскаго въ молитвѣ своей къ нему, даетъ намъ знать, что онъ жилъ въ княженіе его брата, Всеволода Георгиевича, въ концѣ XII столѣтія — «Молися Богу помилovati князя нашего, господина Всеволода, своего же приснаго брата, да подасть ему побѣду на противныхъ и многа лѣта съ княгинею и съ благородными дѣтми и мирну державу и царство²³, а въ другомъ мѣстѣ: «Нехотящихъ намъ (жителямъ Владиміра) добра завистью граду сему и живущимъ въ немъ.» Четвертый говоритъ, что въ 1180 году былъ пожаръ здѣсь (въ Кіевѣ), и потомъ, что Рюрикъ Василій построилъ въ 1198 году каменную стѣну подъ церковью Св. Михаила, стоявшею дотолъ сто одиннадцать лѣтъ: «Благослови Богъ вдохнути мысль благу великому князю Рюрикови-Василюю. Того-бо лѣта Іюня въ 10 день, въ Суб., заложилъ стѣну каменну подъ церковью Св. Михаила у Днѣпра, иже на Выдобичи, о ней же мнози не дрѣзнуша помыслити отъ древнихъ, али но (не только) дѣлу ятися. Сто бо и одиннадцать лѣтъ и мать, отнележе создана бысть, и мнози самодержцы преидоша држаще столъ княженія Кіевскаго, отъ того же Боголюбия Всеволода, иже созда (въ 1088) церковь ту²⁴. Пятый, описавъ кончину Владиміра Вольмскаго въ 1289 году, призваніемъ его благословенія даетъ также

²³ Кар. III, прим. 24 По новой методѣ, если можно назвать методою, слѣдовало бы здѣсь воскликнуть: Царство! Какъ царство? Царство у насъ является въ XV столѣтіи, или лучше въ XVI, а здѣсь говорится о XII. Это подлогъ! это сказки!

²⁴ Это послѣднее извѣстіе Кіевской лѣтописи. Объ освященіи церкви Всеволодомъ. См. Карам. II, прим. 158.

разумѣть, что жилъ въ его время. «Возстани изъ гроба.... возведи очи, какою ти чти Господь тамо сподобивъ, и на земли не безъ памяти ты оставихъ братомъ твоимъ Мстиславомъ; возстани и видь брата твоего красящаго столъ земли твоея. Къ семужь вижь и благовѣрн. свою княгиню, како преклоняется имени твоему.»

Всѣ эти очевидно нечаянныя, оброненныя, а не умышленныя или вставленныя указанія, по которымъ можемъ мы только угадывать о времени и мѣстѣ жительства сочинителей, указанія одинаковой природы въ XI, XII, XIII и XIV столѣтіяхъ, подтверждаются одно другимъ, имѣютъ связь между собою, носятъ на себѣ одну печать истины, и равно достовѣрны. Подлога предположить невозможно ни какого. Источники подлоговъ бываютъ вотъ какіе: красной хочеть отличиться, убѣдить, тронуть; хвастунъ, чтобы пріобрѣсти себѣ славу, высокое мнѣніе; плутъ, чтобы получить выгоду себѣ или своимъ; льстецъ, чтобы ошискать благосклонность лица, котораго подвиги прославляетъ; фантазеръ, покоряясь своему пѣтлическому расположенію; аббатъ рассказываетъ очудесахъ своего монастыря, о правахъ данныхъ ему такимъ-то герцогомъ въ такой-то грамотѣ, объ уваженіи къ нему такого-то маркграфа. Такимъ образомъ понимаю я Никоновскій списокъ, Степенную Книгу, Синописи, древнія сказки объ Олегѣ, Игорѣ, Ольгѣ, Владимірѣ; такимъ образомъ понимаю я Саксона грамматика, Споррона Стурлесона и другихъ баснословныхъ писателей; но къ древней нашей лѣтописи съ XI вѣка, когда лѣтописцы руководствовались уже не преданіями, а личными свѣденіями, нельзя совершенно приложить ни одного такого разсужденія. Что мы находимъ въ нихъ? Сухія, голыя, строчныя извѣстія. Наши монахи писали для себя, не для публики: кого имъ было обманыв-

вать! Вотъ обстоятельство, на которое не обращаютъ вниманія; и я, признаюсь, никакъ не могу понять, чтобъ эти монахи вставляли кое-гдѣ по простому, незначительному словцу, не для чего другаго какъ для удостовѣренія, что лѣтописи писаны не ими. Это былъ бы обманъ чудесный, поддѣлка глубокая, достойная только нашего времени, и которой нѣтъ ничего подобнаго во всей исторической литературѣ. Почему въ IX, X, въ началѣ XI вѣка нѣтъ такихъ личныхъ мѣстоименій? Но довольно объ этомъ²⁵.

Перейдемъ къ другимъ доказательствамъ, — доказательствамъ третьяго рода.

Въ IX, X, XI вѣкахъ главными дѣйствующими лицами я вижу Варяговъ. Въ продолженіе этого времени они упоминаются до шестидесяти разъ въ лѣтописи. Лѣтописецъ знаетъ ихъ коротко: всѣ дѣйствія его Варяговъ имѣютъ одну определенную физиономію, точно какъ Славяне имѣютъ другую, и ни въ одномъ мѣстѣ не прійдетъ вамъ въ голову сказать: Нѣтъ, это не въ Варяжскомъ духѣ! Нигдѣ не найдете противорѣчій. Это очень замѣчательно: такую вѣрность въ изображеніи народнаго характера мудро сохранить нынѣ, въ искусственномъ произведеніи, съ намѣреніемъ и желаніемъ. А тогда? Слѣдовательно Варяги лѣтописные списаны съ природы, просто, безъ затѣй. Примутъ ли нѣкоторые это въ доказательство, безъ цитаты, безъ буквы?..... Если бы лѣтопись была сочинена въ XIV или XIII вѣкѣ, то могла ли бы она не только приписывать вѣрно какія-либо дѣйствія Варагамъ, но даже знать ихъ имя? Въ XIV, XIII и даже XII вѣкѣ они сошли со сцены, перестали дѣйствовать, и имя это за-

²⁵ Характеръ нашихъ простодушныхъ лѣтописателей вѣрно схваченъ въ новеллѣ Памена у Пушкина, — буди сказано не во гнѣвъ нашимъ ученымъ толкователямъ.

молкло въ народѣ, а у сосѣдей никогда и не слышалось, и слѣдъ ихъ пропалъ. Съ чего бы взять ихъ было лѣтописателю, кто бы онъ ни былъ? Переводя съ Греческаго, онъ говорилъ бы о Скиѣахъ, Руссахъ, а не о Варягахъ; въ Латинскихъ и Нѣмецкихъ лѣтописателяхъ онъ не нашелъ бы этого имени съ такими обстоятельствами, какъ не находимъ мы; передъ собою онъ не видалъ уже ни одного Варяга, и имя это сохранилось только въ собственныхъ именахъ урочищъ — Варяжская пещера въ Кіевѣ, — Варяжская улица въ Новгородѣ, — Варяжскій островъ въ устьѣ Днѣпровскомъ.

Слѣдовательно, начало нашей лѣтописи писано въ ту эпоху, когда можно было знать о Варягахъ, въ эпоху, близкую къ Варягамъ. Слѣдовательно, по-крайней-мѣрѣ въ XI столѣтіи.

Выдумайте, какое хотите, лице; помѣстите его, куда пожелаете, въ какое бы то ни было время послѣ XI столѣтія; окружите его какими угодно обстоятельствами, — никакъ нельзя вамъ будетъ сообщить ему возможность такъ знать и такъ писать о Варягахъ, какъ мы читаемъ объ нихъ въ нашей лѣтописи.

Почти то же можно сказать и о племенахъ Славянскихъ, исчисленныхъ и описанныхъ въ лѣтописи. Въ XII столѣтіи они начали пропадать, а въ XIII совсѣмъ пропали, замѣненные именами княженій и городовъ. Въ XII столѣтіи слѣдовательно было трудно, а въ XIII едва ли возможно собрать и размѣстить ихъ по мѣстамъ: тогда былъ уже Кіевъ, а не Поляне; Черниговъ, Новгородъ, а не Съверяне; Владиміръ, а не Древляне; Смоленскъ, а не Кривичи. Лѣтописецъ не могъ списать ихъ у иностранныхъ писателей, потому что нигдѣ нѣтъ ихъ въ такой собокупности: притомъ Греки доставили бы ему, въ краткихъ своихъ извѣстіяхъ, Кривитянь, а не Кривичей; Вервянь, а не Древлянь,

и онъ не умѣлъ бы поправить ихъ, если бъ самъ не зналъ изъ другихъ источниковъ. Слѣдовательно, онъ описывалъ племена также съ натуры, съ живаго преданія, когда они не успѣли еще затеряться, то есть, въ XI столѣтіи. Точно ли были сіи племена, объ этомъ говорить нечего: такимъ состояніемъ начинаются Исторіи всѣхъ государствъ, древнихъ и новыхъ. Не говорю уже о томъ, что почти всѣ они сохранились въ собственныхъ именахъ урочищъ.

Доказательства четвертаго рода, — хотя ихъ право, кажется, и не нужно! Но такъ и быть. Постараемся убѣдить нашихъ скептиковъ, что они начали сомнѣваться, не осмотрѣвши своего предмета со всѣхъ сторонъ. Чѣмъ болѣе я вникаю въ предметъ, тѣмъ болѣе чувствую смѣлости.

Въ началѣ летописи разсѣяно множество выраженій, показывающихъ, что описаніе сдѣлано какъ бы по горячимъ слѣдамъ происшествія, когда оно было еще въ свѣжей памяти у близкихъ потомковъ. Вотъ нѣсколько ихъ для примѣра.

«И оубиша Аскольда и Дира, несоша на гору, и погребоша и на горѣ, еже ся ныне зоветь Оугорское, кде ныне Ольминъ дворъ; на той могилѣ постави Ольга церковь Святаго Николу; а Дирова могила за святою Ориною.» Несторъ, по Лаврентьевскому списку, стр. 14.

«А хрестяную Русь водиша ротъ вцеркви святаго Ильи, лже есть надъ ручасмъ, конецъ Пасынъчъ бесѣды и Козаръ». Стр. 26.

«И погребенъ бысть Игорь; есть могила его оу Исгорьстѣня города въ Деревъхъ и до сего дне.» Стр. 27.

«И послаша Деревляне лучшие мужи числомъ 20 въ лодыи к Ользѣ, и присташа подъ Боричевымъ в

«лоды. Бѣ бо тогда вода текущи возлѣ горы Кіевь-
«скыя, и на Подольи не съяху людье, но на горы;
«градъ же бѣ Кіевъ; идеже есть дворъ Гордятивъ и
«Нифовъ, а дворъ княжь бяше въ городѣ, идеже
«есть дворъ Демьстиковъ, за святою Богородицею.»
Стр. 27.

«Иде Вольга Новугороду и оустави по Мьсть пово-
«сты и дани, и по Лузѣ оброки и дани; ловища ея
«суть по всей земли, знамяня и мѣста, и повосты; и
«сами ея стоять въ Плесковѣ и до сего дне; и по Дѣтъ-
«ру перевѣсища и по Деснѣ; и есть село ея Ольжичи
«и досель.» Стр. 31.

«И погребоша Ольга (Олега, сына Святославова) на
«мѣсть оу города Вручога, и есть могила его и до сего
«дне оу Вручого.» Стр. 44.

«Стояша Володимеръ обрывся на Дорогожичи, ме-
«жю Дорогожичемъ и Капичемъ, и есть ровъ и до сего
«дне.» Стр. 45.

«А Володимеръ вниде въ Кіевъ, и осѣде Ярополка
«въ Роднѣ, и бѣ гладь великъ в немъ; есть притча
«и до сего дне: бѣда аки въ Роднѣ.» Стр. 46.

«Жряху бѣсомъ, оскверняху землю теребани сво-
«ми, и оскверниша кровью земля Руска и холм-отъ.
«Но преблагій Богъ не хотя смерти грѣшникомъ; на
«томъ холмѣ нынѣ церковь стоитъ, Святаго Василья
«есть, якоже послѣди скажемъ,» и прочая. Стр. 48.

Такихъ живыхъ преданій нельзя было имѣть поз-
же XI столѣтія!

Доказательства пятого рода. Языкъ въ началѣ лѣ-
тописей носить на себѣ явные признаки древности
относительной. Стоитъ сравнить только описаніе про-
исшествія древняго съ описаніемъ происшествія, быв-
шаго въ XIII или въ XIV вѣкѣ. Напримѣръ, объ Оле-

гъ: «Поча Олегъ воевати Деревляны и примучивъ і,
 «имаше на ихъ дань по чернѣ кунѣ. Въ лѣто.....
 «иде на Сѣверяне, и побѣди Сѣверяны, и возложи нань
 «дань легьку, и не дасть имъ Козаромъ дани платити,
 «рекъ: азъ имъ противенъ, а вамъ нечему. Въ лѣто....
 «посла ко Радимичемъ рька: камо дань даете? они же
 «ръша: Козаромъ; и рече имъ Олегъ: не дайте Ко-
 «заромъ, но мнѣ дайте; и вѣдаша Ольгови по щыля-
 «гу, якоже Козаромъ даху. И бѣ обладая Олегъ По-
 «ляны и Деревляны, Сѣверены, и Радимичи, а Сули-
 «чи и Тѣверци имаше рать.»

Это по древнѣйшему Лаврентьевскому списку, но
 вотъ другое извѣстіе изъ подновленнаго Софійскаго:

«Пріиде Ярополкъ (въ 1087) изъ Ляховъ и сътвори
 «миръ съ Володимеромъ, и иде Володимеръ всплѣ
 «къ Чернигову; а Ярополкъ сѣде въ Володимерѣ. И
 «пребысть мало, изиде къ Звенигороду, и не дошед-
 «шу ему града, прободенъ бысть отъ проклятаго Не-
 «радца отъ діавола научена и отъ злыхъ челоувѣкъ, ле-
 «жащу ему на возѣ, саблею съ коня прободе и, тогда
 «въздвигнувся Ярополкъ, выторгъ изъ себе мечъ и
 «рече веліимъ гласомъ: охъ, тотъ мя вороже прободе!
 «И бѣжа Нерадца треклятый къ Перемышлю, къ Рю-
 «риковичу; а Ярополка въземши отроци на конь предъ
 «ся, Радко Ивокинъ и иніи несоша къ Володимеру
 «оттуду къ Кіеву.»

А вотъ какимъ языкомъ въ томъ же самомъ спискѣ
 описано происшествіе 1327 года: «Того же лѣта прі-
 «ѣха изъ Орды посолъ силенъ на Тѣбрь, именемъ
 «Шолканъ, со множествомъ Татаръ, и велико насиліе
 «начаша творити; а князя Александра Михайловича
 «и его брата хотяще убити, а самъ хотя състи въ Тѣрь
 «ри на княженіе, а иныхъ князей своихъ хотя поса-
 «жати по инымъ городомъ по Русьскимъ, хотя еще
 «привести Христіяны въ бесерменскую вѣру. Силою

« великого Спаса и молитвою Пречистыя его Богомате-
 « ре, владычицы нашея Богородици, Честнаго въ Успе-
 « ній, и молитвою новоявленною Святыхъ мученикъ
 « Князей Русьскихъ Бориса и Глѣба, созва князь Тѣ-
 « рпчъ и поиде на Щолкана, рекъ: не азъ почаль из-
 « бивати, по онъ; Богъ да будетъ отместникъ крови
 « отца моего, великаго князя Михаила, и брата моего
 « князя Дмитрія, зане пролія кровь праведну, егда не
 « и мнѣ сеже створить, — и поиде на нихъ. »

Ухо не чувствуетъ ли явно, что эти описанія, не-
 смотря на поправки, принадлежать разнымъ столѣті-
 ямъ, и если послѣднее принадлежитъ XIV вѣку, то
 первое, вмѣстѣ съ прежними, должно быть вѣками
 двумя старше.

Обращу наконецъ вниманіе на форму драматиче-
 скую, форму древнѣйшую, въ которую отлито все на-
 чало летописи. Пойдите се въ XIII, XIV или XV сто-
 лѣтіяхъ въ такомъ видѣ!

Кажется довольно, слишкомъ довольно доказа-
 тельствъ, что начало нашихъ летописей писано въ
одинадцатомъ столѣтіи, если не ранѣе; доказательства
 разнообразныхъ и положительныхъ, — примѣты пе-
 ревыва; указанія современности писателей съ лицами
 и происшествіями XI вѣка; описанія, которыхъ не-
 лзя было сдѣлать позднѣе этого времени; мѣста, ук-
 зывающія на близость къ происшествіямъ, на живость
 преданія; языкъ, форма драматическая. Доказатель-
 ства отъ противнаго я отлагаю до другаго времени.

Остается вопросъ, маловажный въ сравненіи съ предъ-
 идущими, вопросъ историческаго любопытства, а
 не нужды: кому принадлежитъ основаніе нашихъ
 летописей? Объ этомъ особо.

ПОГОДИНЪ.

СРЕДНЯЯ АЗИЯ.

=

**ПУТЕШЕСТВІЯ МУРАВЬЕВА, МЕЙЕНДОРФА, КОНОЛЛИ
И БОРНСА.**

=

Политическое и общественное состояніе Средней Азии, остававшееся въ небреженіи со временъ Марко-Поло и Рубрукиса, съ недавнихъ поръ обратило на себя то вниманіе, какого оно заслуживаетъ по своей важности. Распространеніе Россійскихъ владѣній съ одной стороны и Англійскихъ съ другой естественнымъ образомъ открыло новые виды для дѣятельности обвѣхъ державъ, а превосходныя Гереновы изслѣдованія о большихъ путяхъ древней торговли пробудили и въ ученомъ и политическомъ свѣтъ мысль о возможности открыть ихъ снова и оживить мертвую бездѣйственность тѣхъ странъ, гдѣ процвѣтали Вавилонъ, Тиръ, Бактрія и многочисленные города Греческіе. Два предмета подвергнуты были изысканіямъ и разбору: въ Россіи, съ жаромъ надежды на государственную пользу заговорили о способахъ учредить по сухому пути прямую торговлю между Астраханью и Индією; въ Англии, съ горечью зависти къ нашимъ успѣхамъ стали разсматривать средства защиты Остъ-Индскихъ владѣній отъ вторженія тѣмъ же путемъ Русскаго штыка. Тогда какъ Баронъ Мейендорфъ, Французскій консулъ Гамба и здѣшняя Коммерческая Газета много писали въ пользу и противъ перваго вопроса, неотступное приближеніе побѣдоносной арміи, скачущей на верблюдахъ изъ глубины сѣвера къ берегамъ Гангеса, терзало безпрестанно воображенія Лондонскихъ журналистовъ и политиковъ: статьи за

статьями, книги за книгами появляются тамъ и по нынѣ, чтобъ доказать угрожающее бѣдствіе или явную невѣроятность подобнаго событія. Если бѣ дѣло само по себѣ не было столь смѣшно, съ нашей стороны право стоило бѣ оставить дальновидныхъ резонѣровъ въ мучительной увѣренности, будто предположенія ихъ основательны, — хотъ бы для того, чтобъ наказать ихъ за удивительное невѣдѣніе благородства и безкорыстія политики, которой Россія слѣдуетъ такъ неуклонно. Но мы всѣ знаемъ, что должно думать объ этой странной мечтѣ ихъ безпокойнаго недоброжелательства, и опровергать ее не нужно для нашихъ читателей, хотя появленіе въ свѣтъ Путешествія поручика Бориса подвняло въ послѣдніе мѣсяцы цѣлую тучу перьевъ, которыя крѣпко настращали Англійскую публику нмными замыслами «Сѣвера,» или старались утѣшить ее доводами ихъ несбыточности. Скорѣе обратимся къ предмету болѣе миролюбивому и согласному съ истинными нашими пользами, — къ предмету возстановленія прямой торговли между Европою и Индіею черезъ Среднюю Азію, который остался нерешеннымъ послѣ долгихъ споровъ, происходившихъ въ послѣднемъ десятилѣтіи, и съ которымъ было связано путешествіе Барона Мейендорфа.

Чтобъ рѣшить вопросъ, до какой степени эта мысль можетъ почестъся удобоисполнимою, должно обозрѣть земли, лежащія между Россіею и Индіею. Къ счастью, кромѣ сочиненій Муравьева и Мейендорфа, новѣйшія Конолли и Борнса * заключаютъ въ себѣ такіе обильные

* TRAVELS INTO BOKHARA, being an Account a journey from India to Cabool, Tartary and Persia, and of a voyage on the Indus. By Lieut. Alexander Burns. 1834. 3 vols.

JOURNEY TO THE NORTH OF INDIA overland from England. By Lieut Arthur Conolly, 1834. 2 vols. Изъ этого сочиненія мы уже сообщали въ осьмой книжкѣ Б. для Ч. охому автора за гіеною въ Аггаскихъ улусахъ.

запасы свѣдѣній, что разсмотрѣніе такого рода дѣлается теперь возможнымъ почти во всѣхъ отношеніяхъ, и мы намѣрены представить въ этой статьѣ краткій сводъ того, что по сіе время извѣстно Европѣ изъ Русскихъ и Англійскихъ путешественниковъ о нынѣшнемъ состояніи самой любопытной и самой недоступной части Азіи. Само собою разумѣется, что ни какіе въ свѣтъ торговые виды не заставятъ насъ забыть объ удовольствіи читателей: мы обставимъ наши доводы занимательнѣйшими чертами сочиненій, на которыхъ будемъ опираться наши разсужденія.

Сухопутная дорога отъ Астрахани до Хивы, если не совсѣмъ, такъ по-крайней мѣрѣ почти непроѣзжа: она большею частію идетъ черезъ голыя степи, а если кое-гдѣ выдастся клочекъ зелени, то онъ занятъ «сынами пустыни,» которые только и поджидаютъ путешественниковъ: это ихъ добыча. Кратчайшій и безопаснѣйшій путь представляетъ Каспійское Море, и его-то избралъ Муравьевъ, отправляясь въ 1819 году въ Хиву. Онъ вышелъ на берегъ въ Балканскомъ заливѣ, и, добывъ съ нѣкоторымъ затрудненіемъ верблюдовъ и лошадей, пустился въ дорогу по обнаженной степи, гдѣ не видно ни звѣря, ни птицы, ни зелени. Однако, видъ этой пустыни становился тѣмъ менѣе дикъ, чѣмъ ближе нашъ путешественникъ подъѣзжалъ къ Хивѣ, и наконецъ достигъ онъ богатаго и плодоноснаго края, орошаемаго рукавами Аму-дарьи (Оксуса) и другихъ меньшихъ рѣкъ.

По словамъ его, даже и въ Германіи не видалъ онъ полей, такъ тщательно обработанныхъ, какъ около столицъ Хивинскаго ханства. Всѣ дома окружены каналами, черезъ которые пролегаютъ легкіе мостики. Прекрасныя поляны усажены богатыми плодовыми деревьями. Кибитки и мазанки, разсыяныя по этому прелестному краю, представляли ему одинъ

изъ пріятнѣйшихъ видовъ, какіе можетъ создать воображеніе. Онъ спросилъ своихъ вожатыхъ, принадлежавшихъ къ одному изъ степныхъ племенъ, почему они также не занимаются земледѣіемъ или почему не предпочтутъ плодоносныхъ полей Хивинскихъ своей дикой пустынь? «Мы господа, отвѣчали они, а это работники; они боятся наибольшаго, а мы только Бога.»

Между-тѣмъ онъ имѣлъ часть-отъ-часу болѣе причинъ къ опасенію, что предпринятое имъ путешествіе кончится неблагопріятнымъ для него образомъ. Вопросы его о разстояніяхъ мѣсть, о положеніи и глубинѣ родниковъ, и о томъ, въ какую пору лучше путешествовать, почитались несомнѣнными доказательствами, что онъ лазутчикъ, а безпрестанные рассказы Хивинцевъ о жестокостяхъ, которымъ подвергались Русскіе невольники, не обещали ему ничего добраго. Однако жъ, послѣ сороко-восьми-дневнаго заточенія, онъ успѣлъ возвратиться въ Европу.

Если бъ этотъ оазисъ, говорить онъ, былъ подъ властію просвѣщеннаго правительства, онъ содѣлался бы средоточіемъ торговли между Средней Азіею и Европой. Онъ отправляетъ уже значительный торгъ съ Оренбургомъ караванами черезъ Киргизскія степи, и съ Астраханью караванами жъ, которые грузятъ товары на Русскія суда въ Балканскомъ заливѣ. Поэтому, Г. Муравьевъ считаетъ весьма важнымъ для Россіи пріобрѣтеніе этого края, и совершенно убѣжденъ, что такимъ образомъ получила бы она въ свои руки и торговлю съ Бухарою. Замѣтимъ, что на вопросъ его, далеко ли отъ Хивы до Бухары, одинъ Туркменецъ отвѣчалъ ему: «Семь дней пути для честнаго человѣка, а для вора три дня.»

Поручикъ Конолли называетъ предположеніе Г. Муравьева романическимъ, поставляя въ числѣ глав-

ныхъ препятствій къ исполненію его въломство Туркменцевъ и трудность сообщеній между Каспійскимъ Моремъ и Хивою, которое, по словамъ его, отъ жаровъ съ начала Іюня до половины Августа, почти совершенно прекращается.

Но союзъ съ какимъ-нибудь сильнымъ Туркменскимъ владѣтелемъ или даже съ Персією не достаточно ли для того, чтобъ упрочить тамъ вліяніе Россіи, которое дастъ новую жизнь древнему благосостоянію Харезма? Что жъ касается до песковъ, лежащихъ между Хивою и Каспійскимъ Моремъ, то они носятъ явный слѣдъ прежней обработки, Г. Конолли самъ говоритъ намъ, что, при обыкновенномъ трудѣ, имъ легко возвратить плодоносіе.

Прежде чѣмъ разстанемся съ путешествіемъ Г. Муравьева, скажемъ нѣсколько словъ о древнемъ соединеніи Оксуса (Аму-дарья) съ Каспійскимъ Моремъ. Г. Муравьевъ не сомнѣвается въ прежнемъ существованіи такого соединенія, а поручикъ Борнсъ почитаетъ это болѣе нежели сомнительнымъ. Поручикъ Конолли хотя и видѣлъ русло большой изсякшей рѣки, однако жъ не отваживается утверждать, чтобъ это былъ именно рукавъ Оксуса. Легко быть можетъ, что Геродотъ говоритъ о теченіи этой рѣки въ Каспійское Море только потому, что ему не было извѣстно существованіе Аральскаго. Въ новѣйшія времена, потоки, простирающіеся изъ Харезма, или Хивы, въ степь, могли утвердить Абулгазія во мнѣніи, будто и Оксусъ текъ нѣкогда въ ту сторону. Свидѣтельство Абулгазія можетъ быть впрочемъ только выраженіе мѣстнаго повѣрья. Кажется, Гг. Муравьевъ и Конолли видѣли высохшія соляныя озера или рвы, промытые тающимъ снѣгомъ: по-крайней-мѣрѣ покатость этой части материка къ сѣверу противорѣчитъ древнему существованію такого сообщенія. Профессоръ Сенков-

скій, присоединившій къ путешествію Барона Мейендорфа, между прочимъ, переведенный съ Персидскаго свѣдѣнія о торговомъ пути изъ Семицалатинска въ Тибетъ, первый возсталъ противъ правдоподобія общепринятой сплетни, будто Оксусъ нѣкогда вливался въ Черное Море : онъ основывалъ разсужденіе свое особенно на томъ, что, по измѣренію полковника Берга, Каспійское Море кажется только 16-тью футами выше Чернаго, и что — по такой не значительной покатости, которой горизонтальная черта простирается на нѣсколько сотъ верстъ, ни какая рѣка течетъ не въ состояніи. Если измѣреніе полковника Берга вѣрно, то этотъ доводъ можно почесть неопровержимымъ, хотя Виленскій профессоръ, Г. Эйхвальдъ, посѣщавшій восточный берегъ Чернаго Моря, вполне убѣжденъ въ основательности показаній Геродота и Абулгази. Да если бъ предполагаемый рукавъ Оксуса и действительно отыскался, то едва ли бъ можно было сдѣлать его по-прежнему судоходнымъ, и потому отъ Чернаго Моря до нынѣшняго теченія рѣки въ Аралъ товары могутъ идти не иначе, какъ караванами. Для перехода промежуточной степи потребно около десяти дней.

Перейдемъ къ путешествію Барона Мейендорфа изъ Оренбурга въ Бухару. Посольство, при которомъ онъ находился, провожалъ отрядъ изъ 200 казаковъ, 200 пѣшихъ солдатъ, 25 башкировъ и 2 пушекъ.

«Намъ угрожали безчисленныя опасности. Киргизы, которые вообще не любятъ, чтобъ Русскіе высматривали ихъ край, легко могли напасть на насъ ночью, и предположеніе это было не безъ основанія: въ 1805 году, не далеко отъ Сыръ-дарьи (древняго Яксарта) напали они на поручика Гавердовскаго: при упорившей оборонѣ едва спасся онъ самъ съ женою и лекаремъ, а три четверти бывшаго съ нимъ отряда осталось въ рукахъ кочевыхъ хищниковъ.»

Даже не дѣлая прямого нападенія, они могли за-
жечь траву и кустарникъ, или украсть у нихъ лоша-
дей на мочлегѣ, или наконецъ, убивъ часовыхъ, огра-
бить путешественниковъ такъ, что они этого бы и не
слыхали. Подобно сѣверо-Американскимъ Индѣйцамъ,
Киргизы въ полной мѣрѣ обладаютъ хитростью дика-
рей, которая часто побуждаетъ благоразуміе образо-
ванности. Договоромъ съ Киргизскимъ Султаномъ
отвратили эту опасность, но надлежало еще ожидать
нападенія Хивинцевъ, которые также преданы разбою
и мастера дѣлать набѣги. Иногда пускаются они на
грабежъ въ числѣ четырехъ или пяти тысячъ, и упо-
требляютъ совсѣмъ не тѣ хитрости, какія Киргизы:
рѣдко бываетъ, чтобъ предосторожность, полезная
одной орды, годилась и противъ другой. Одна изъ
обыкновеннѣйшихъ уловокъ состоитъ у нихъ въ томъ,
чтобъ напугать верблюдовъ въ караванъ дикими воп-
лями, и напасть въ расплохъ, когда эти животныя
разбѣгутся во всѣ стороны.

Несмотря на это хищничество, баронъ Мейендорфъ
полагаетъ возможнымъ распространить спасительное
вліяніе Россійскаго правительства на степныя племе-
на, кочующія отъ береговъ Волги до Сыръ-даріи, и
обеспечить свободный ходъ Индѣйскихъ каравановъ
черезъ ихъ степи; но нѣтъ сомнѣнія, что перемѣна во
нравахъ какого бы то ни было народа требуетъ силь-
наго, постояннаго и долговременнаго труда образова-
ннѣйшихъ сосѣдей. Вотъ еще нѣсколько подробностей
о Киргизахъ.

«Грабежъ и скотоводство кажутся имъ легчайшими спо-
собами существованія, нежели воздѣлываніе почвы, вообще
довольно неблагоприятной. Они больше всего на свѣтъ бо-
ятся осѣдлости и полагаютъ свое счастье въ томъ, чтобъ
почитать себя «вольными какъ птицы», — сравненіе, упо-
требляемое ими всегда, когда говорятъ они о кочевой своей

жизни. Теперь легко себя представить, отъ чего Киргизы, развъ только въ крайности, дѣлаются землепашцами, не говоря о томъ, что у нихъ есть древнее и часто повторяемое преданіе, которое гласить, что Киргизы утратятъ свою вольность, какъ скоро поселятся въ дома и примутся за земледѣліе.»

Не у нихъ однихъ закоренѣлыя понятія облакаются въ форму пророчества: Японцамъ предсказано тоже самое, если они откроютъ свои пристани для Европейской торговли. Впрочемъ у нихъ въ глазахъ живые примѣры по берегамъ Индѣйскаго океана. Константинопольскіе Турки и Греки имѣютъ такія же пророчества о близкомъ паденіи Стамбула, и вѣруютъ въ нихъ отъ всей души.

«Киргизы часто проводятъ цѣлую половину ночи, сидя на камнѣ, смотря на мѣсяцъ, и налаживая унылыя пѣсни на еще печальнѣйшіе голоса. У нихъ есть историческія баллады, напоминающія подвиги ихъ героевъ; но поэмы такого рода поются только записными пѣвцами: я очень сожалею, что не слыхалъ ихъ. Я часто говаривалъ Киргизамъ, что мнѣ хотѣлось бы послушать ихъ народныхъ пѣсень; но они пѣли только наскоро сложенные привѣтствія, почти не стоющія вниманія; однако нѣсколько отрывковъ осталось у меня въ памяти. Одинъ Киргизскій бегъ, человекъ богатый, не безъ вкуса и дарованія, и притомъ глава многочисленнаго семейства, спѣлъ мнѣ однажды слѣдующій экспромтъ: — «Ты хочешь, чтобъ я спѣлъ тебѣ пѣсню. Изволь, я скажу тебѣ, что честный бегъ, хоть и бѣдный человекъ, выше коварнаго хана.» Эти слова совершенно выражали его чувства, потому что онъ былъ отъявленнымъ врагомъ хана Киргизскаго. Разъ молодой Киргизъ затянулъ слѣдующую пѣсню, сложенную молодою дѣвушкой: «Видишь ты этотъ снѣгъ? — а кожа у меня бѣлая! Видишь, какъ кровь убитой овцы алзаетъ на снѣгу? — а щеки-то у меня румяныя. Повзжай черезъ гору, и увидишь обгорѣлый пень, — а волосы у меня черныя его! У султана въ палатѣ сидятъ мулы и пишутъ безъ устали; — а брови у меня темныя ихъ

черниль!» Вотъ образчикъ понятій Киргиза, сына степи, который, за исключеніемъ религій (магометанской), ничего не заимствовалъ у другихъ народовъ. Непокоримый, воинственный, дикій, онъ одинъ на конѣ своемъ пускается въ средину степи, и проѣзжаетъ пять или шесть сотъ верстъ съ удивительной быстротою, чтобъ повидаться съ родственникомъ или пріятелемъ въ другой ордѣ. Дорогой, останавливается онъ почти у каждаго аула, рассказываетъ новости и, увѣренный въ хорошемъ пріемѣ, знакомъ ли онъ или незнакомъ съ хозяевами, садится за ихъ трапезу. Пища состоитъ обыкновенно изъ крута, или сыру, который и видомъ, и вкусомъ похожъ на кирпичъ; гайрану, или слегка свернушагося овечьяго молока; мяса и курнъ, или творожниковъ изъ кобыльаго молока, которые считаются у нихъ за большое лакомство. Онъ никогда не забудетъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ проѣзжалъ однажды, и черезъ нѣсколько дней, обогащенный новыми рассказами, возвращается тѣмъ же слѣдомъ домой отдыхать съ женою и дѣтьми. Жены — его главная и иногда единственная прислуга: онъ готовитъ пищу, шьютъ платье, осѣдываютъ лошадь, а онъ, въ непоколебимой безопасности, ограничиваетъ заботы свои тѣмъ, что преспокойно стережетъ стада. Я самъ видѣлъ, какъ братъ Султана, чрезвычайно уважаемый Киргизами, пасъ овецъ своихъ: на лошади и въ курткѣ изъ краснаго сукна, скитался онъ за ними недѣли двѣ, отнюдь не думая уронить тѣмъ свое достоинство.»

Но намъ столько предстоитъ предметовъ, что мы должны скорѣе разстаться съ Киргизами, живущими, такъ сказать, у воротъ Средней Азіи, и отослать тѣхъ, которые пожелають узнать ихъ получше, къ прекрасному «Описанію Киргизъ-Кайсацкихъ степей» Г. Левшина. Посольство было принято Бухарскимъ ханомъ съ величайшею благосклонностію. Отдавая полную справедливость блистательному изображенію ханской столицы, начертанному Барономъ Мейендорфомъ, мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи ознакомить читателей съ новѣйшими по-

дробностями, сообщаемыми объ этомъ городѣ Борнсомъ, тѣмъ болѣе, что онъ гораздо свѣжѣе.

«По пріѣздѣ въ Бухару, говоритъ онъ, мы прежде всего принялись за свои наряды, соображаясь во всемъ съ обыченностями, какія предписываются законами этого края. Въ сто чалмы надѣли мы косматыя овчинныя шапки, мѣломъ шнуръ, а кемербенды, или кушаки, замѣнили грубыми шерееками или тесьмами. Мы сняли верхнее платье и чулки, потому что во «святѣмъ градѣ» Бухарѣ они служатъ отличемъ между невѣрными и вѣрующими. Намъ сказали еще, что, въ стѣнахъ ея, никто, кромѣ магометанина, не можетъ ѣздить верхомъ, и какое-то внутреннее чувство убѣждало насъ соглашаться на все эти пожертвованія, лишь бы дозволили намъ пожить въ столицѣ. Стихи, описывающіе Самаркандъ земнымъ раемъ, именуютъ Бухару «крѣпостью вѣры Ислама»: при безсильномъ невѣрнѣ могла ли намъ прійти охота испытывать терпѣніе людей, по крайней мѣрѣ стѣншихъ такими святошами?

«При вѣздѣ въ городъ насъ даже и не обыскали; но, послѣ объѣда, чиновникъ потребовалъ насъ къ визирю. Товарищъ мой, докторъ Джерардъ, все еще страдалъ лихорадкою, и потому не могъ мнѣ сопутствовать: я пошелъ одинъ въ аркъ, или дворецъ, гдѣ министръ жилъ вмѣстѣ съ царемъ, и не могъ надивиться тому, что видѣлъ передъ собою, идучи версты три улицами Бухары до цитадели. Меня тотчасъ ввели къ визирю, или такъ называемому *Кушбеги*, «сокольникъ», челоуѣку преклонныхъ лѣтъ и пользующемуся большою властію. Онъ сидѣлъ въ маленькой комнаткѣ, передъ которою былъ особенный дворъ, и тутъ-то онъ пригласилъ меня сѣсть на помостъ; впрочемъ былъ такъ ласковъ и снисходителенъ, что это меня поуспокоило. Я поднесъ серебряныя часы и кашемировый парядъ, для этого нарочно мною привезенные; но онъ отъ всего отказывался, называя себя рабомъ хана. Потомъ, часа два распрашивалъ онъ о моихъ дѣлахъ и о томъ, что привело меня въ такую дальнюю сторону. Я рассказалъ ему обычную повѣсть о возвратномъ путешествіи нашемъ на родину и предъявлялъ паспортъ, выданный отъ Остъ-Индскаго гене-

ралъ-губернатора, министр прочелъ его съ особеннымъ вниманіемъ. Послѣ этого я говорилъ ему о знаменитости Бухарь у восточныхъ народовъ, и о томъ, что желаніе ее видѣть преимущественно влекло меня въ Туркистанъ. «А какого вы званія?» спросилъ министр. Я сказался офицеромъ Остѣ-Индской арміи. На вопросы его о нашей кледи, я считъ нужнымъ отвѣчать, что у меня есть секстантъ, полагаю, что насъ стануть обыскивать, и что лучше предупредить нечаянное открытіе. Я сказалъ ему тоже, что люблю наблюдать звѣзды и другія небесныя тѣла, потому что это весьма привлекательное занятіе. Визирь обратилъ особенное вниманіе на слова мои, и просилъ довольно настоятельно, хотя смиреннымъ голосомъ, чтобъ я сказалъ ему, когда будетъ благопріятное соединеніе планеть, и какую цѣну на хлѣбъ предзнаменуетъ оно въ слѣдующемъ году. Когда я сталъ говорить, что наши астрономическія знанія не такого рода, онъ обнаружилъ чувство недоумѣнія; но вообще казался нами доволенъ, и общалъ мнѣ свое покровительство. Онъ говорилъ, что пока мы въ Бухарь, ему нельзя дозволить намъ употребленія пера и чернилъ, потому что это могутъ представить царю съ дурной стороны и тѣмъ повредить намъ.

«Черезъ два дня послѣ этого свиданія, я опять позванъ былъ къ визирю, и нашелъ его окруженнаго множествомъ почтенныхъ особъ, которымъ ему какъ-будто хотѣлось показать меня. Мнѣ дѣлали такіе распросы, которые заставили меня думать, что насъ все еще въ чемъ-то подозрѣваютъ; но визирь примолвилъ въ шутку: «Вы вѣрно ужъ написали что-нибудь о Бухарь?» Такъ какъ я въ первый разъ сказалъ ему всю правду, то не боялся теперь спутаться, и смѣло объявлялъ этимъ господамъ, что пріѣхалъ посмотреть на чудеса Бухары, и что, по благосклонности визиря, уже ходилъ по городу и видѣлъ даже сады за стѣнами. Когда я воротился домой, мнѣ пришло въ голову, что любопытному визирю вѣрно понравится патентованный компасъ со стеклами, винтами и рефлекторами; но могло быть и то, что владѣтель такого многосложнаго механизма покажется ему не въ весьма благопріятномъ свѣтъ. Одіако жъ я отправился съ инструментомъ въ карманъ, и скоро очутился

въ его присутствіи. Я сказалъ, что у меня есть любопытная вещь, которая, думаю, ему понравится, и вынулъ компасъ, совершенно новый и прекраснѣйшей работы. Я описывалъ его пользу и выставлялъ красоту отъѣвки до тѣхъ поръ, что визирь какъ будто ужъ и забылъ, «что онъ только рабъ хана и принять ничего не можетъ»: онъ началъ условливаться о цѣнѣ, но я прервалъ его увѣреніями, что привезъ инструментъ изъ Индостана именно ему въ подарокъ, потому что слышанъ объ усердіи его къ вѣрѣ, а съ помощію компаса онъ всегда угадаетъ, для исправности своихъ молитвъ, въ которой сторонѣ лежитъ Мекка, и даже исправить по немъ въ главной мечети, которую строятъ теперь въ Бухарѣ, *киблу*, или нишу, показывающій направленіе Меккскаго храма: я жъ потому не могу принять отъ него ни какого вознагражденія, что онъ уже съ лихвою оплатилъ намъ своимъ покровительствомъ. Купъ-беги схватилъ компасъ съ торопливостію ребенка, который боится, чтобъ у него не отняли новой игрушки, и сказалъ, что повезетъ его прямо къ Его Ханскому Благополучію, и опишетъ дивную хитрость нашего народа.

«По вечерамъ я обыкновенно бывалъ въ Бухарскомъ *регистанѣ*, то есть, на обширной площади передъ дворцомъ. Съ двухъ другихъ сторонъ ограждаютъ ее тяжелыя зданія *медресе*, или семинарій, а съ четвертой устроены водометъ, обнесенный высокими деревьями, гдѣ праздныя и въстощки собираются около Азіатскихъ и Европейскихъ товаровъ, выставленныхъ на продажу. Привѣзшему стоитъ только посидѣть на лавкѣ *регистана*, чтобъ узнать и Узбековъ, и Бухарцевъ. Тутъ онъ можетъ наговориться съ уроженцами Персіи, Турціи, Россіи, Татарин, Китая, Индіи и Кабула. Онъ увидитъ Туркменцевъ, Калмыковъ, Киргизовъ, которые сошлись изъ окрестныхъ степей, и, вмѣстѣ съ ними, жителей странъ плодоноснѣйшихъ. Онъ сравнитъ вѣжливость подданныхъ «Великаго Царя» — такъ именуется Бухарскій ханъ, — съ грубымъ обращеніемъ скитающагося въ пустынѣ Турка. Онъ увидитъ Узбековъ изъ всѣхъ ханствъ Мавераннегра: и на лицъ ихъ прочтетъ перемѣны, причиняемыя временемъ и мѣстомъ въ каждой породѣ че-

ловъческой. Въ Узбекъ Бухарскомъ едва можно признать Турка или Татарина, -- такъ перемѣшался онъ съ Персидскою кровью! Уроженцы сосѣдственной Кокани меньше измѣнились, а сосѣди Ургенджа, столицы древняго Харезма, или выѣшніе Хивинцы, сохранили въ чертахъ своихъ какую-то особенную рѣзкость. Ихъ можно различить отъ всѣхъ другихъ по темнымъ овчиннымъ шапкамъ, *кальпакъ*, имѣющимъ около фута въ вышину. Русая борода, свѣрые глаза и блѣлое лице остановить иногда вниманіе чужестранца: это Русскій, лишенный отечества и свободы, и бѣдствующій здѣсь въ тяжелой неволѣ. Тамъ-п-сямъ попадетса Китаецъ въ такомъ же несчастномъ положеніи: длинная коса его острижена, и вѣвчикъ спрятанъ подъ чалму, потому что онъ играетъ здѣсь роль магометанина. А вотъ Индѣецъ въ парадѣ, чуждомъ и ему и его отечеству. Маленькая четырёхугольная шапочка, и веревка, вмѣсто пояса, отличаютъ его отъ магометанъ, и, -- какъ скажутъ вамъ сами мослемины, -- предостерегаютъ отъ оскверненія установленныхъ привѣтствій употребленіемъ ихъ въ разговоръ съ идолопоклонникомъ. Кромѣ этихъ отлѣчій, Индѣйца можно узнать по его угрюмому взгляду и по всегдашнему старанію избѣгать сообщенія съ толпою. Онъ водится съ весьма немногими людьми, въ одинаковыхъ съ нимъ обстоятельствахъ. Жидъ такое же замѣтное существо, какъ и Индѣецъ, только онъ одѣтъ нѣсколько иначе и носить коническую шапку. Но главнѣйшее его отлѣчїе, это всѣмъ извѣстныя черты Еврейскаго народа. Въ Бухарѣ, Жиды прекрасной породы, и мнѣ случилось видѣть не одну Ревекку въ мнѣхъ странствіяхъ. Выраженіе лица ихъ много выигрываетъ отъ прекрасныхъ кудрей, вьющихся по щекамъ и по шеѣ. Въ Бухарѣ до 4000 Жидовъ, выходцевъ изъ Мешгеда, въ Персіи, и главнѣйшее занятіе ихъ состоитъ въ крашеніи суконъ. Съ ними здѣсь такъ же обходятся, какъ съ Индѣйцами. Заѣзжіи Армянипы, опять въ другомъ нарядѣ, представляетъ свой скитающійся народъ; однако жъ земляковъ его здѣсь очень мало. За этими исключеніями, чужестранецъ видитъ на базарахъ статную, красивую и хорошо одѣтую массу народа, -- Туркистанскихъ магометанъ. Большая бѣлая чалма и темноцвѣтная «чога», или шуба, подъ

которую еще три или четыре таких же, составляют обыкновенную одежду; но регистанъ, у самаго дворца, а Узбекъ любятъ являться передъ царемъ своимъ въ пестромъ шелковомъ платьѣ, называемомъ *адресъ*: оно самыхъ яркихъ цвѣтовъ, и показалось бы нестерпимо всякому, кромѣ Узбека. Нѣкоторыя высшія особы одѣваются въ парчу, и тѣ, которыя близки къ государю, въѣзжаютъ въ ограду, а прочія слезаютъ съ лошадей у воротъ. Почти все являютъ къ хану въ сопровожденіи невольника, и хотя эти люди по большей части Персіяне или ихъ потомки, но у нихъ совсѣмъ особенная наружность. Дѣйствительно, говорятъ, что три четверги Бухарскаго населенія происходятъ отъ невольниковъ; потому что рѣдкому пѣвнику, приведенному изъ Персіи, позволяютъ возвратиться на родину, а многіе изъ нихъ даже и сами этого не желаютъ. Большую часть Бухарцевъ видишь верхомъ, но на конѣ ли, или пѣшіе, они всегда въ сапогахъ, и притомъ съ такими высокими и острыми каблуками, что мнѣ трудно было не только ходить, но и стоять на нихъ. Они вершка въ полтора вышиною, а въ верхушкѣ пѣтъ и третя вершка поперечнику. Это народная обувь Узбековъ. У иныхъ знатныхъ людей поверхъ сапоговъ башмаки, которые при входѣ въ комнату снимаются. Не забыть было мнѣ барынь въ этомъ общемъ переборѣ всего народонаселенія: онѣ обыкновенно являются верхомъ, и притомъ сидя по-мужски; очень немногія ходятъ прогуливаться, и все подъ черными волосатыми покрывалами. Сквозь нихъ такъ трудно смотрѣть, что бедняжки вглядываются въ васъ какъ въ маскарадъ. Только, Бога ради, не говорите съ ними, а если идетъ мимо васъ затворница царскаго гарема, вамъ даже посовѣтуютъ отвернуться, а не послушаетесь совѣта, такъ ударъ въ голову будетъ достойнымъ наказаніемъ. Такъ священны красавицы «священной» Бухары!

«Быть-можетъ, читатель имѣетъ теперь нѣкоторое понятіе о наружности ея жителей. Съ утра до ночи стоитъ шумный гулъ надъ толпою, и невольно изумляешься, видя эту массу движущихся людей. Посреди площади продаются разные плоды подъ навѣсомъ изъ четырехугольной рогож-

ки, утвержденной на одномъ шесть. Удивительна неутомимость продавцевъ безпрестанно раздающихъ виноградъ, дыни, алычи, яблоки, персики, груши, сливы непрерывной чередъ покупателей. Съ трудомъ продерешься въ улицахъ; того и гледи, что задавить лошадь или осель. Ослы здѣсь прекрасные, и бѣгутъ славной рысью съ сѣдоками и ношами. Легкія повозочки скачутъ вверхъ и внизъ, кромѣ тѣхъ улицъ, которыя слишкомъ тѣсны для ѣзды на колесахъ. На базарахъ вездѣ есть люди, разливающіе чай, который дѣлается въ большихъ Европейскихъ самоварахъ, а не въ чайникахъ, и нагрѣвается металлической трубою. Я думаю, никто такъ не любитъ чаю, какъ Бухарцы: они пьютъ его вездѣ и во всякое время, съ сахаромъ и безъ сахара, со сливками и безъ сливокъ, съ саломъ, съ солью, со всемъ въ мѣрѣ. Рядомъ съ продавцами этого горячаго напитка можете вы купить *рахвет-и-джанъ* «отраду души» — виноградное желѣ, или сиропъ, взбитый со льдомъ. Обиліе льду есть одно изъ величайшихъ наслажденій въ Бухарѣ: его всегда можно имѣть до тѣхъ самыхъ поръ, пока съ наступленіемъ холодной погоды проходить въ немъ надобность. Имъ запасаются зимою, и продаютъ его по самой сходной цѣнѣ. Въ Бухарѣ ни одинъ человекъ не станетъ пить воды безо льду; и мужикъ покупаетъ его, жалусь на крайнюю бѣдность, и нищій проситъ милостыни у прохожаго «на ледъ». Прохладительно даже видѣть огромныя его кучи при 90 градусахъ Фаренгейтова термометра. Безконечно было бы описывать все сословіе торговцевъ; довольно сказать, что почти нѣтъ вещи, которой бы нельзя было купить въ регистанѣ: тутъ найдете галантерейныя и стальныя издѣлія Европы, хоть, правду сказать, довольно грубыя; найдете и Китайскій чай, и Индѣйскій сахаръ, и Манильскія пряныя зелья, и прочая, и прочая. Можно приумножить запасъ своихъ Турецкихъ и Персидскихъ знаній въ книжныхъ лавкахъ, гдѣ ученые и желающіе казаться учеными корпятъ надъ пестрыми страницами. Уходя вечеромъ изъ этой шумной толпы въ отдаленнѣйшія части города, пробираешься подъ сводами опустылыхъ базаровъ, мимо мечетей, увѣнчанныхъ прекрасными куполами, и отдаленныхъ съ тѣмъ простымъ великолѣпіемъ, какое допус-

каютъ въ этомъ случаѣ магометане. Послѣ базарныхъ часовъ, къ нимъ толпится народъ на вечернюю молитву. У дверей семинарій, которыя обыкновенно пасупротивъ мечетей, вы видите учениковъ, наслаждающихся праздностью послѣ дневнаго труда; однако жъ они не такъ веселы и молоды, какъ студенты Европейскихъ университетовъ: напротивъ, многіе изъ нихъ угрюмые старики; въ нихъ больше лицемѣрія, но отнюдь не меньше порока, чѣмъ въ юношахъ другихъ странъ свѣта. Съ сумерками оканчивается вся хлопотня; бьетъ царскій бубень, *накара*, за нимъ раздаются и другіе во всѣхъ частяхъ города, и въ известный часъ ужъ никому не дозволяется выходить безъ фонаря. Отъ этихъ распоряженій, полиція въ городѣ превосходная: во всѣхъ улицахъ безопасно оставляются на ночь огромныя кupy сукна. Все безмолвствуетъ до утра, когда шумъ опять начинается въ регистанѣ. День встрѣчаютъ тѣмъ же жрапъемъ и чайничаньемъ; сотни мальчишекъ и ослятъ, нагруженныхъ молокомъ, спѣшатъ къ суетливой толпѣ. Молоко продается въ чашечкахъ съ устоемъ сливокъ наверху: мальчикъ приноситъ ихъ на рынокъ двадцать или тридцать на палочкахъ, висящихъ у него на палкѣ за плечомъ. Сколько бы ни нанесли молока, его тотчасъ расхватываетъ чаелюбивое населеніе этого обширнаго города.

«Я воспользовался первымъ случаемъ, чтобъ видѣть невольничій базаръ, бывающій здѣсь каждую Субботу по утрамъ. Узбеки всѣ дѣла свои отправляютъ черезъ невольниковъ, которые преимущественно вывозятся Туркменцами изъ Персіи. Здѣсь выставляютъ этихъ бѣдняковъ на продажу; подъ нихъ занято тридцать или сорокъ водмоствокъ, гдѣ ихъ осматриваютъ какъ рогатый скотъ, съ тою только разницею, что они могутъ давать о себѣ отчетъ изустно, — чего рогатые скоты не дѣлаютъ. Утромъ я пошелъ на базаръ; тамъ было только шесть невольниковъ, и я видѣлъ, какъ ихъ продаютъ. Во-первыхъ спрашиваютъ относительно родства и обстоятельствъ плѣна; также, магометане ли они, то есть, *сумми*. Вопросъ предлагается такимъ образомъ потому, что Узбеки не почитаютъ *мии*, послѣдователя Аліева, за правовѣрнаго: для нихъ, какъ для

Иезуитовъ, раскольникъ непаивистіе инновѣрца. Если торгующій удовлетворится тѣмъ, что невольникъ — *кафиръ*, то есть, невѣрный, онъ осматриваетъ его тѣло, особенно примѣчая, нѣтъ ли на немъ проказы, столь обыкновенной въ Туркистанѣ, и потомъ уже начинаетъ условливаться съ продавцемъ о цѣнѣ. Трое Персидскихъ мальчиковъ продавались по тридцати *тилла* золотомъ каждый, что составляетъ 200 рупій, или 500 рублей: удивительно, что эти несчастные казались еще довольны своимъ жребіемъ!

«Съ невольничьяго рынка я въ то же утро пошелъ на большой базаръ, и первое зрѣлище, представившееся глазамъ моимъ, были нарушители магометанской Пятницы: четверо взрослыхъ, найденныхъ спящими въ часъ молитвы и одинъ юноша, который осмѣлился курить всепародно. Всѣ они были привязаны другъ къ другу, и преступный табачникъ открывалъ шествіе съ кальяномъ въ рукъ. Полицейскій приставъ шелъ за ними съ претолстымъ ремнемъ, и хлесталъ ихъ, крича громко: «Послѣдователя Ислама смотрите, какъ наказываются тотъ, кто нарушаетъ законъ!» Между-тѣмъ, въ цѣломъ мірѣ нѣтъ нѣлпте того противорѣчія, какое существуетъ между практикою и теорією вѣры въ Бухарь. Вы можете явно покупать табакъ и всѣ лучшія курительныя принадлежности, а если увидятъ, что вы курите при всѣхъ, васъ тотчасъ потащатъ къ *кази*, судья, высѣкутъ, или заставятъ, съ выпачканнымъ сажею лицомъ, разѣзжать на ослѣ по городу. Кто въ Пятницу гоняетъ голубей, того возятъ на верблюдѣ, привязавъ мертвую птичку къ шеѣ виновнаго.

«Я забылъ сказать, что Бухарскія барыни красятъ себѣ зубы какъ можно чернѣе, и, отращивая волосы, распускаютъ ихъ въ косахъ по плечамъ. Одежда ихъ похожа на мужскую; онѣ носятъ такія же шубы, только рукава не надѣваются, а связываются назадъ. Даже дома ходятъ онѣ въ огромныхъ бархатныхъ сапогахъ, тщательно изукрашенныхъ.»

Эти живописныя и любопытныя подробности, взятая изъ разныхъ мѣстъ книги, кромѣ удовольствія,

могутъ еще служить достаточнымъ доказательствомъ, что Бухара — теперь главный рынокъ Средне-Азійской торговли, и что если бѣ открылось постоянное и безопасное сообщеніе между этой страной и однимъ изъ Европейскихъ государствъ, — разумѣется Россією, — оно было бѣ чрезвычайно выгодно для обоихъ. Изъ Россіи есть еще третій путь въ Бухару, по которому ѣздятъ теперь Персидскіе купцы, именно черезъ Хорасанъ, куда легко проникнуть изъ Астрабада. Но этотъ путь служитъ только за-Кавказскому краю, да и тутъ, между Хорасаномъ и Бухарою должно опасаться хищничества Туркменцевъ и безводности обширныхъ степей. О послѣдней поручикъ Борнсъ говоритъ слѣдующее:

«Мы и прежде слышали о пустыняхъ къ югу отъ Оксу-са (Аму-дарьи), а теперь могли судить объ нихъ какъ самовидцы. Передъ нами бѣлѣлись на солнцѣ оставы верблюдовъ и лошадей, падшихъ отъ жажды. Дороги или тропинки здѣсь таковы, что онѣ весьма легко забываются, а стоитъ лишь разъ сбиться съ дороги, и человекъ и животное, оба погибаютъ. Именно, такое обстоятельство случилось за нѣсколько дней передъ выездомъ нашимъ изъ Чарджуй. Три человека, отправившись изъ Хивинскаго станова, заблудились, и издержали всю свою воду. Обѣ ихъ лошади пали отъ томительной жажды, и несчастные, отворивъ кровь остававшемуся въ живыхъ верблюду, питались ею, и такимъ образомъ достигли до Чарджуй, а верблюдъ ихъ издохъ на дорогѣ. Такіе случаи бываютъ часто. Хивинскій ханъ въ послѣднемъ походѣ своемъ лишился болѣе двухъ тысячъ верблюдовъ, навьюченныхъ водою и съестными припасами для его войска. Дорогою, онъ рылъ колодези, но воды показывалось очень мало. Верблюды очень терпливо сносятъ жажду, однако жъ довольно пошлая ошибка, полагать, что они могутъ долго прожить безъ воды. Они обыкновенно начинаютъ страдать и умираютъ въ четвертый день, а если очень жарко, такъ и прежде.»

Любимое предположеніе о возможности поворотить Аму-дарью изъ Арала въ Черное Морс, чтобъ тѣмъ открыть водяную коммуникацію изъ Астрахани во внутренность Азіи, кажется намъ мечтою, которой ни какой Дарій, ни Артаксерксъ не могъ бы привести въ исполненіе. Съ этой стороны судоходный путь навсегда потерянь, и приведенныя нами свѣдѣнія о характерѣ поколѣній, обитающихъ въ той части степи, не дозволяютъ даже надѣяться на удобную караванную торговлю. Остается обыкновенная дорога, — отъ Оренбурга черезъ Бухару.

Если постоянное торговое сообщеніе между Россіею и Бухарою могло бѣ быть источникомъ важныхъ выгодъ, то конечно кругъ нашей дѣятельности въ той сторонѣ получилъ бы еще пространнѣйшій объемъ съ открытіемъ удобнаго пути изъ Бухары въ Индію, а возможность такого событія легко доказать теперь простымъ соображеніемъ мѣстностей. По Аму-дарьѣ товары могутъ итти вверхъ до Кундуза; отсюда до рѣки Кабула волокомъ, и потомъ внизъ по Кабулу до города Аттока, гдѣ эта рѣка впадаетъ въ Индъ.

Главное возраженіе, противопоставляемое открытію этого пути, заключается въ томъ, что товары, привозимые прямо изъ Индіи въ Россію, можетъ быть, обойдутся не дешевле тѣхъ, которые проходятъ вкругъ Мыса Доброй Надежды. Это еще не доказано. Но положимъ, что оно такъ: не должно жъ забывать, и того что цѣны въ разныхъ областяхъ столь обширнаго государства не одинаковы! Есть мѣста, гдѣ сбытъ прошедшихъ черезъ всю Азію предметовъ приносилъ бы еще значительную прибыль торговцу; притомъ же, это дѣло надобно предоставить купцамъ, они всегда найдутъ средства выиграть на товаръ, тѣмъ болѣе, что могутъ заплатить за него произведеніями, не имѣющими въ тѣхъ мѣстахъ почти ни какой цѣнности.

Вывозная торговля заслуживаетъ также быть принята въ соображеніе въ этомъ случаѣ; и вообще всякая торговая дѣятельность, какъ бы ничтожною ни казалась она на бумагѣ, питаетъ тысячи людей и ведетъ сотни ихъ къ благосостоянію.

«Выгоды Аму-дарья, говоритъ Борнсъ, должно почитать весьма важными и въ политическомъ, и въ торговомъ отношеніи; по удобствамъ своимъ, эта рѣка какъ бы предназначена быть путемъ для перевозки товаровъ или для какой-нибудь военной экспедиціи. И не по одному руслу дѣлаемъ мы это заключеніе. Должно припомнить, что берега ея населены и обработаны. Слѣдственно, это рѣка не только судоходная, но и обладающая всеми удобствами къ расширенію нынѣшняго судоходства. Она имѣетъ самое прямое теченіе, и, за исключеніемъ небольшой степи, соединяетъ Европейскіе народы съ отдаленными странами Средней Азіи.»

Довольно говорили мы о торговыхъ сообщеніяхъ. *Foreign Quarterly Review*, который въ послѣдней книжкѣ всею силою своего краснорѣчія защищаетъ свою Индѣйскую державу отъ нашествія на нее Русскихъ, превосходно доказалъ и удобность пути оттуда въ Бухару, и неисчислимыя выгоды торговли съ нею для Англичанъ. Трудъ его чрезвычайно упрощаетъ наше разсужденіе: какъ скоро путь удобенъ изъ Бухары въ Индію, онъ такъ же хорошъ и обратно; если Индѣйская торговля очень выгодна для Бухарцевъ, она столько же выгодна и для тѣхъ частей Россіи, которыя поближе къ Бухаріи. Все дѣло довольно точно выражается въ слѣдующихъ словахъ: когда сообщеніе съ Бухарою будетъ безопасно, мы можемъ съ пользою участвовать въ прямой торговлѣ съ Индіею. Займемся теперь исключительно любопытными подробностями прекраснаго путешествія поручика Борнса.

Въ началѣ 1831 года, Г. Борнсъ отправился изъ Индіи съ пятью лошадьми, посланными отъ Англійскаго правительства въ подарокъ Лагорскому магараджѣ, или властителю, Ренджитъ-Сину. Ему поручено было слѣдовать вверхъ по Инду, и собирать всевозможныя свѣдѣнія о плаваніи этою могущественной рѣкою. Ненависть эмировъ Синдскихъ едва не уничтожила этого предпріятія, но должна была уступить твердости и благоразумію посланнаго, и рѣка Индъ была осмотрѣна Европейскими плавателями въ первый разъ послѣ Александра Великаго. Увидѣвъ плывущихъ Англичанъ, одинъ изъ стоявшихъ на берегу Синдовъ воскликнулъ: «Пришелъ конецъ Синдскому краю, когда *Ингилизы* явились на нашей святой рѣкѣ!» Этотъ Синдъ вѣрно былъ изъ пророковъ.

Наконецъ они достигли страны Сейковъ, принадлежащей Ренджитъ-Сину. Это было вечеромъ.

«Только разсвѣло, и подданные магараджи засуетились, любопытствуя видѣть лошадей: мы выгрузили ихъ папоказъ. Удивленіе ихъ было чрезвычайно: «Да это не лошади, а маленькіе слоны!» говорили они. Гривы и хвосты ихъ нравились, кажется, потому, что были похожи на шерсть Тибетскихъ коровъ. Не легко мнѣ было отвѣчать на все вопросы. Эти люди думали, что подарокъ Англійскаго Короля долженъ быть чѣмъ-то необычайнымъ во всехъ возможныхъ отношеніяхъ: они полагали, наиримѣръ, что лошадь идетъ и большимъ и малымъ галопомъ, и дѣлаетъ все эволюціи, къ какимъ способно только самое легкое животное. Изумленіе ихъ достигло высшей степени, когда они стали разсматривать копыта, и все неотступно просили, чтобъ я дозволилъ послать одну подкову въ Лагоръ, потому что въ ней найдено было 100 рупій вѣсу, то есть, вчетверо противъ здѣшнихъ. Эту рѣдкость отправили съ парочнымъ, присоединивъ къ ней самое точное измѣреніе каждой лошади для подробнаго доклада Ренджитъ-Сину. Можно себя представлять, въ какомъ уваженіи была эта достопримѣча-

тельность, когда послѣ говорили, что «глядя на нее, новый мѣсяцъ поблѣднѣлъ отъ зависти!»

Въ Лагорѣ путешественники видѣли великолѣпный садъ Шахъ-Джихана. Это остатокъ Могольской роскоши, въ полмили длиною, съ тремя террасами, возвышающимися уступомъ. Каналъ, проведенный издалека, пересѣкаетъ этотъ прекрасный садъ, и снабжаетъ водою четыреста пятьдесятъ фонтановъ, освежающихъ воздухъ.

Г. Борнсъ не нахвалится обхожденіемъ Ренджитъ-Сина, и описываетъ его, какъ и Викторъ Жакмонъ, человѣкомъ дѣятельнымъ, смѣливымъ и любознательнымъ. Онъ показывалъ путешественникамъ свое войско, весьма хорошо обученное Французскими офицерами, и съ любопытствомъ разсиранивалъ о сравнительной силѣ Англіи и Франціи.

Исполнивъ возложенное на него порученіе, поручикъ Борнсъ предпринялъ, въ сопровожденіи доктора Джерарда, дальнѣйшее путешествіе въ средину Азій. Изъ владѣній Ренджитъ-Сина перешли они въ страху Афганцевъ, и остановились въ главномъ городѣ Кабульскаго ханства, Пишаверѣ, гдѣ Султанъ Мухаммедъ-Ханъ принялъ ихъ самымъ дружелюбнымъ образомъ. Бѣдному доктору было много хлопотъ съ Афганцами, которые, въ своей тераціи, придерживаются суевѣрія древнихъ Грековъ, и тогда только слушаются врача, когда онъ подробно объяснитъ имъ дѣйствіе предписаннаго лекарства на всѣ органы. Особенно любопытствуютъ они знать, горчичимъ или холоднымъ путемъ оно дѣйствуетъ на мокроты. Несмотря на частыя ихъ посѣщенія, путешественники были довольны пребываніемъ своимъ въ Пишаверѣ и обществомъ Афганцевъ, которыхъ обычанъ больше Европейскіе, чѣмъ Азіятскіе. Однако жъ кушанья

тамъ не разнообразны и замѣчательны только обиліемъ жирныхъ мясъ: приготовленіе ихъ очень похоже на наше, хотя здѣсь не знаютъ употребленія ножей и вилокъ. Борнсъ и товарищъ его часто приглашаемы были обѣдать въ садахъ, на открытомъ воздухѣ, среди благоуханія прекрасныхъ цвѣтовъ; но лучи палящаго солнца обыкновенно дѣлали для нихъ эти обѣды несносными. Когда они пріѣхали въ Пишаверь, виноградъ, груши и яблоки были въ совершенной зрѣлости, но еще задолго до ихъ отъѣзда все это посохло отъ солнца.

Пишаверская равнина лежитъ въ тысячѣ семи стахъ футовъ надъ поверхностью моря. Когда путешественники прибыли въ Пишаверь, вершины окрестныхъ горъ покрыты были снѣгомъ, но къ 1 Апрѣля не осталось и слѣдовъ его. Рѣдкость дождей, которые идутъ очень непостоянно, содѣлываетъ жары въ Іюнь и въ Іюль несносными, за то зимы здѣсь холодны и продолжительны. Растенія и травы прозябаютъ съ удивительной силою; но не видно ни елей, ни другихъ деревьевъ, украшающихъ страны сѣвера.

Путешественники пріѣхали въ городъ Кабуль 1 Мая, а на другой день встрѣтились съ знаменитымъ миссіонеромъ, перекрещенцемъ изъ Жидовъ, Вольфомъ, который только что воротился изъ чрезвычайно опаснаго путешествія въ Мешгедъ. Его схватили и сдѣлали невольникомъ; но, по физической его малощности, онъ былъ отпущенъ Туркменцами за небольшой выкупъ. Близъ Балха грозили ему смертію, если онъ не приметъ магометанской вѣры: онъ и тутъ выпутался изъ бѣды, отдавъ послѣдній гульденъ. Послѣ того, избитый до полусмерти, онъ долженъ былъ проѣзжать чрезъ длинный хребетъ горъ по снѣгу, въ сажень глубиною, и, къ довершенію своего несчастія, лишился тамъ лошади. Онъ пришелъ

въ Кабуль безъ платья и безъ денегъ, и встрѣча съ нашими путешественниками была для него неожиданнымъ благополучіемъ. Въ страствіяхъ своихъ онъ особенно занимается изслѣдованіемъ всего относящагося до поклѣтій Евреевъ. Не даромъ побывалъ онъ и въ Кабуль: Афганцы сами выдаютъ себя за отрасль Іудейскаго народа, и именно за одно изъ утраченныхъ колѣнъ. Не знаемъ, наши ли этимологи увѣрили ихъ въ этой глупости, или они нашли эту глупость, — но то вѣрно, что послѣдніе нашли въ ихъ языкѣ множество Еврейскихъ словъ. Патеръ Крусиинскій, авторъ известной исторіи покоренія Персіи Афганцами, сочиненной имъ на двухъ языкахъ, Латинскомъ и Турецкомъ, былъ также увѣренъ, что они «изъ Жидовъ.» Г. Вольфъ, несмотря на глубокія свѣдѣнія во всѣхъ языкахъ Востока, занимается своимъ предметомъ исключительно, и гордится тѣмъ, что онъ въ жизнь свою не сблалъ и десяти шаговъ въ сторону для посѣщенія какихъ-нибудь древнихъ развалинъ. Онъ объѣхалъ Египеть, Персію, Палестину и многія другія земли, ища повсюду слѣда Евреевъ, и теперь та же цѣль поведетъ его въ Тибеть, Китай, Японію и Тимбукту. Кажется, что, въ бытность свою въ Кабуль, онъ очень забавлялъ товарищей своею образностью и живостью религіозныхъ своихъ мнѣній.

Достъ-Магометъ, ханъ Кабульскій, принялъ путешественниковъ какъ нельзя лучше, и дѣлалъ имъ такіе вопросы, которые показываютъ въ немъ необыкновенную для Азіятца образованность. Слышавъ отъ Русскихъ купцевъ о рекрутскомъ наборѣ и о воспитательныхъ домахъ въ Россіи, онъ разсуждалъ объ этомъ съ поручикомъ Борнсомъ; спрашивалъ его о состояніи Европы, Китая, Индіи, и о цѣли его путешествія. Замѣчательно, что Кабуль не имѣетъ съ Индіей такихъ важныхъ сношеній какъ съ Россією, ко-

торой слава день ото дня здѣсь распространяется. Русскихъ хвалятъ все въ одинъ голосъ, и нѣтъ сомнѣнія, что въ случаѣ нужды мы нашли бъ въ Афганцахъ усердныхъ союзниковъ. Почтеніе, питаемое здѣшними жителями къ Русскому имени, изумило Англійскаго поручика, который съ досады вздумалъ увѣрять ихъ, будто мы, Русскіе, такъ дурно учимся Географіи, что даже не знаемъ, гдѣ лежитъ Кабуль. Читатели! пристыдите этого дерзкаго поручика, скажите, гдѣ лежитъ Кабуль, гдѣ живутъ наши обожаемые, Афганцы.....?

«Кабуль чрезвычайно шумный и населенный городъ. После обѣда такой гвалтъ, что нельзя разговаривать на улицѣ. Большой базаръ — красивая аркада около 600 футовъ въ длину и около тридцати въ ширину; онъ раздѣленъ на четыре равныя части. Кровля выкрашена, и надъ лавками выстроено нѣсколько домовъ. Планъ очень хорошій, но некончанный; также оставлены принадлежащіе сюда водометы и чистерны. При всемъ томъ, мало такихъ базаровъ на Востокъ, и нельзя не удивляться множеству шелковъ, суконъ и товаровъ, разложенныхъ подъ его сводами. Любопытно видѣть его вечеромъ; каждая лавка освѣщена лампою, привѣшенною спереди, отчего весь городъ кажется иллюминированнымъ. Здѣсь для всякаго промысла особенный базаръ, и все они заняты. Есть, между прочимъ, торгующіе книгами и бумагой, которая по большей части Русская и сипяго цвѣта. Май мѣсяцъ настоящая пора для *фелюдѣ*, или бѣлаго сирона, который добываютъ изъ пшеницы, и пьютъ съ шербетомъ и сивгомъ. Народъ очень его любитъ, и лавочники во всѣхъ частяхъ города безпрестанно продаютъ. Подлѣ, стоитъ сивжанный столпъ, а вблизи бьетъ фонтанъ, и освѣжая воздухъ, придаетъ лавкамъ опрятную наружность. Вокругъ пекаренъ шумятъ толпы народа, ожидающія хлѣба. Его пекутъ, примазывая къ стѣнкамъ печи. Кабуль славится своими *кебабами*, или жаренымъ мясомъ, изрѣзаннымъ въ глотки, котораго очень много покупаютъ, и рѣдкій жаритъ его у себя дома. Въ Маѣ мѣсяцъ лакомятся здѣсь *реваншемъ*.

Это просто бѣлый ремень, взрощенный во всегдашней тѣни, и чрезвычайно вкусный. *Шабашъ ремешъ!* «Вивать ремень!» кричатъ разношники по улицамъ. Въ многлюднѣйшихъ частяхъ города есть разскащики, какъ и въ Персiи, забавляющіе зѣвакъ, и дервиши, воспѣвающіе славу и подвиги пророковъ. Только попадись этимъ господамъ лѣбникъ, они сейчасъ требуютъ отъ него булки во имя всякаго пророка поочередно, и если судить по числу ихъ, то ремесло должно быть очень прибыльно. Въ Кабуль не ѣздятъ на колесахъ; но улицы не очень тѣсны: въ сухую погоду содержатся онѣ въ весьма хорошемъ состояніи, и пересѣкаются маленькими крытыми водопроводами съ чистою водою, что очень удобно для народа. Базары были для меня не такою новостью, какъ самая наружность людей. Они раслаживали въ своихъ овчинныхъ тулупахъ, и казались толсты какъ бочки отъ множества надѣтаго на нихъ платья. Дети всѣ съ полными и такими румяными щеками, такъ что я принялъ-было это за искусственную краску. Тѣ, кто постарѣе, кажется, его теряютъ. Въ Кабуль до 60,000 жителей, и всѣ единогласно утверждаютъ, что ихъ городу по-крайней-мѣрѣ 6000 лѣтъ. Есть народное повѣрье, что когда діаволь свергнуть былъ съ неба, онъ упалъ прямо въ Кабуль: жаль, если не въ дождливую погоду, потому что тогда онъ утонулъ бы въ грязи на улицѣ.»

Довольные пребываніемъ въ Кабуль, путешественники отправились наконецъ далѣе черезъ Гинду-кушъ, грозный хребетъ снѣжныхъ горъ, и достигли знаменитаго Баміана.

Этотъ древній городъ, можетъ-быть, тотъ самый, который Александръ Великій основалъ у Паропамиза, нынѣшняго Гинду-куша, передъ вторженіемъ своимъ въ Бактрію. Страна отъ Кабула до Балха по-сюпору называется *Бахтаръ-земинь*, то есть, «Бахтаръ-земля.» Имя «Бахтаръ» напоминаетъ древнюю Бактру. Самое названіе Баміанъ какъ будто указываетъ на возвышенность мѣстоположенія, потому что *бамъ* значитъ по-Персидски «плоская кровля» домовъ. Здѣсь

есть безчисленное множество пещеръ, въ которыхъ живеть большая часть народонаселенія. Одинокій холмъ посреди долины усѣянъ ими, какъ сотъ ячеями, и напоминаетъ Троглодитовъ, описываемыхъ историками Александра. Холмъ состоитъ изъ глины и гольшей, и потому легко было вырывать въ немъ пещеры: удивительно лишь, до какой степени это здѣсь простерлось. По обѣимъ сторонамъ долины есть также пещеры, но болѣе къ сѣверу, гдѣ находятся и истуканы. Они по большей части съ куфическими, то есть, старо-Арабскими надписями, и слѣдственно относятся ко временамъ послѣ Магомета. Нѣкоторыя пещеры выведены куполомъ, и по краямъ его тянется фризь. Кромъ этого, не видно ни какихъ архитектурныхъ украшеній.

Ни одинъ памятникъ Азіятской древности не обращалъ на себя такого вниманія Ученыхъ, какъ колоссальные идолы Баміана. Это двѣ фигуры, одна мужская, другая женская: первая называется Самалъ, вторая Шахъ-Мама. Мужская фигура около 120 футовъ вышиною, и занимаетъ фасъ въ 70 футовъ: ширина, въ которой она изваяна, простирается также на 70 футовъ во внутренность утеса. Ноги истукана изуродованы пушечными выстрѣлами, и лице выше рта все истреблено. Губы очень широки, уши длинны и вислячи, а на головѣ была, по видимому, діадема. Вся фигура обвѣшана мантиею, сдѣланною какъ бы изъ цемента. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ старались еще укрѣпить ее деревянными кольями. Впрочемъ, въ отдѣлкѣ нѣтъ ни соразмѣрности, ни чистоты. Руки, поддерживавшія мантию на распашку, обѣ отбиты.

Женская фигура лучше выполнена, но одѣта такъ же, какъ мужская. Она около 200 локтей отъ первой, высѣчена изъ того же утеса, но въ половину ниже. Ни-

ни обоихъ истукановъ были покрыты цементомъ, и расписаны человѣческими изображеніями. Теперь, живопись видна только надъ головами идоловъ. Краски такъ же ярки и очерки такъ же рѣзки, какъ въ Египетскихъ гробницахъ. Всѣ эти изображенія представляютъ женскіе бюсты, съ хохломъ волосъ на головѣ и съ какою-то тогою по груди. Все это окружено однимъ сіяніемъ, а голова другимъ. Въ одномъ мѣстѣ видна группа изъ трехъ женскихъ фигуръ, какъ бы идущихъ другъ за другомъ.

Народныя сказанія объ этихъ истуканахъ сбивчивы и неудовлетворительны. Утверждаютъ, что около Рождества Христова они изсѣчены были племенемъ невѣрныхъ, которые хотѣли изобразить царя Селсея съ женою, царствовавшего въ какой-то отдаленной странѣ, и обоготвореннаго за его величіе (или за величину?). Индѣйцы говорятъ, что эти истуканы сдѣланы поколѣніемъ Панду, и что будто объ нихъ упомянуто въ Магабаратѣ. Одно то достовѣрно, что ни одинъ Индѣецъ не пройдетъ мимо ихъ безъ поклона. Длинныя уши большей фигуры заставляютъ почитать вѣроятнымъ, что объ оныхъ Будданческаго (Далай-ламскаго) происхожденія. Кажется, всего ближе къ истинѣ, что Баміанскими истуканами обязаны мы прихоти какого-нибудь знатнаго властелина, который хотѣлъ увѣковѣчить себя въ этихъ пещерахъ. Но мы забыли о нашихъ путешественникахъ, — потому что эти любопытныя подробности о Баміанскихъ истуканахъ приводимъ изъ *Asiatic Journal*, журнала издаваемого въ Калькуттѣ, а не изъ сочиненія Г. Борнса.

Путешественники посѣтили знаменитый некогда Балхъ, процвѣтавшій и подъ именемъ Бактріи и подъ нынѣшнимъ. Теперь въ немъ только 2000 жителей, но развалины его лежатъ на двадцать миль въ окружности, и свидѣлствуютъ о прежней славѣ этой

«матери городовъ», *умму'ль-биллаъ*. Уже нѣсколько лѣтъ, какъ онъ перешелъ отъ Афганцевъ во власть Бухаріи, которой всегда принадлежалъ.

«Мы выехали изъ Балха въ полночь, съ небольшимъ караваномъ въ двадцать верблюдовъ. У каждаго изъ нихъ висѣло черезъ спину по двѣ корзины, называемыхъ кувями, а въ корзинахъ было по человѣку: такимъ образомъ, докторъ качался съ какимъ-то Афганцемъ, а я съ моимъ Индустанскимъ слугою. Сначала этотъ родъ путешествіанія не могъ казаться удобнымъ, потому что корзины были въ четыре фута длины и въ два съ половиной ширины, и надлежало быть очень гибкимъ и замысловатымъ, чтобъ упрятать въ нихъ, какъ кипу товаровъ, живое тѣло въ шесть футовъ длины безъ малаго. Привычка скоро помирила насъ съ колыханіемъ верблюда и тѣснотой помѣщенія, а сверхъ того мы сдѣлали важное открытіе: тутъ намъ можно было читать и даже писать, не бывъ замѣченными.»

Караванъ, подъ прикрытіемъ Туркменцевъ, достигнулъ береговъ Аму-дарьи. Переправа черезъ эту большую и быструю рѣку достойна вниманія по своей странности: въ лодку впрягаютъ, или точнѣе привязываютъ къ ней канатомъ за гриву пару или четверню лошадей; лодочникъ управляетъ ими, и въ четверть часа вы преспокойно переезжаете пространство воды, съ полмили шириною.

«Близъ того мѣста, куда мы теперь пріѣхали, есть поколеніе Узбековъ, называемое Лакай, и прославившееся своимъ грабительствомъ. У нихъ есть пословица, налагающая проклятіе на тѣхъ, кто умретъ въ постель, потому что истинному Лакаю непремѣнно должно погибнуть въ набѣгѣ, или *чапу*. Мнѣ сказывали, что иногда и женщины сопровождаютъ мужей въ этихъ разбойническихъ экспедиціяхъ, но гораздо достовернѣе, что молодыя красавицы грабятъ только тѣ караваны, которые проходятъ неподалеку отъ ихъ жилищъ. Это племя живетъ близъ Гиссара, — самаго романическаго въ цѣломъ краѣ оазиса съ городомъ того же имени: кромѣ

Лакайскихъ Амазонокъ, тутъ есть еще три или четыре племени, набивающіяся въ потомство Александру Великому.

О пребываніи въ Бухарь имѣли мы случай говорить. Теперь прибавимъ только любопытную о образѣ жизни молодого царя Узбековъ :

«Вода, которую онъ пьетъ, приносится съ рѣки въ мѣхахъ, подъ присмотромъ и за печатью двухъ чиновниковъ. Распечатываетъ ее визирь; даетъ отвѣдать окружающимъ, потомъ самъ отвѣдываетъ, запечатываетъ снова и отсылаетъ къ хану. Ежедневная пища Его Величества подвергается такому же изслѣдованію: министръ откушиваетъ самъ и даетъ окружающимъ; съ часъ ждутъ они, не будетъ ли какого вреднаго дѣйствія, потомъ замыкаютъ въ сундукъ и отправляютъ. У хана одинъ ключъ, у визиря другой. Такъ же точно испытываютъ плоды, варенья и все съѣстное, такъ что доброму царю Узбековъ едва ли когда достается горячій и свѣжій обѣдъ. Ядъ здѣсь въ большомъ употребленіи; даже восшествіе нынѣшняго «Великаго Падишаха» на престолъ окружено сильнымъ подозрѣніемъ, что онъ зелиемъ пособилъ слѣзъ закона о наследствѣнн верховной власти. Разъ, одинъ туземецъ поподчивалъ меня смоквами; я взялъ одну и съѣлъ изъ вѣжливости. Но онъ предостерегъ меня отъ такой оплошности на будущее время: «Всегда, говорилъ онъ, должно «давать напередъ часть предложеннаго лакомства подчивающему, и если онъ станетъ ѣсть, тогда и вы можете послѣдовать его примѣру.»

Несмотря на то, чѣмъ болѣе поручикъ знакомился съ Средне-Азіятцами, тѣмъ они становились ему любезнѣе, и онъ, кажется, романтически наслаждался ихъ обществомъ въ шумныхъ, полныхъ жизнью караванахъ. Какъ радушно дѣлятъ они другъ съ другомъ каждый кусокъ на дорогѣ! Варвары гостеприимны; образованные только вѣжливы.

Въ Мешгедѣ Борисъ видѣлъ Хосрева-Мирзу, сына Аббасъ - Мирзы, бывшаго наследника Персидскаго престола:

«Скоро пустился я осматривать городъ и прежде всего въ аркъ, или цитадель, гдѣ былъ внезапно изумленъ присутствіемъ Хосревъ-Мирзы, того молодаго принца, который ѣздилъ посломъ въ Петербургъ, а теперь исправлялъ должность Мешгедскаго намѣстника, пока отецъ его былъ въ полѣ. Кажется, путешествіе въ Европу принесло ему много пользы: онъ говорилъ со мною цѣлый часъ, распрашивая о моихъ странствіяхъ; потомъ шутилъ надъ моей бородой и одеждою, и увѣрялъ, что это было бѣ большою рѣдкостью въ моемъ отечествѣ. Онъ хотѣлъ знать, католикъ ли я или протестантъ, и дивился, какъ я благополучно достигъ Персіи. Онъ просилъ меня на другой день къ себѣ, что я и не приминувъ исполнить, потому что первый пріемъ оставилъ во мнѣ самое пріятное впечатлѣніе. На слѣдующее утро я засталъ принца за дѣлами въ аркѣ: къ нему приближались съ такимъ же строгимъ церемоніаломъ, какъ бы къ самому государю. Онъ чрезвычайно говорилъ, и рассказывалъ мнѣ о повѣздкѣ своей въ Россію, отзывался съ величайшими похвалами на счетъ воспитанія и любезной образованности тамошнихъ дамъ. Кто-то изъ его свиты, и вѣроятно очень приближенная особа, замѣтилъ, что Его Высочеству непремѣнно слѣдовало возвратиться въ Персію хоть съ однимъ изъ этихъ ангеловъ. Принцъ отвѣчалъ, что это было невозможно, и сослался на меня....»

Замѣчательнѣйшее зданіе въ »Мешгедъ-святомъ» есть гробница Надиръ-Шаха. Здѣсь живутъ еще потомки великаго завоевателя, но лишенные зрѣнія и въ крайней нищетѣ!

Мы не послѣдуемъ за поручикомъ Борнсомъ въ путешествія его по Персіи, а остановимся только на очеркѣ Фетхъ-Али-Шахова Двора:

«Кибле-и-алѣмъ, или Средоточіе Вселенной, — какъ называется шахъ, — сидѣлъ въ зеркальной палатѣ, и когда еще свѣтъ лица его не досягалъ до насъ, мы ужъ вытянулись и отвѣснн по поклону. Потомъ подошли ближе и

опять раскланялись, а Средоточіе Вселенной отвѣчало громко — *Хош-амедидъ!* «добро пожаловать!» Тутъ мы поднялись нѣсколькими ступенями и очутились въ шахскомъ присутствіи. — *Димае — и шума чакъ эстъ?* «исправны ли ваши мозги?» воскликнулъ Его Величество звучнымъ голосомъ. Мы стали въ углу, противоположномъ шахскому мѣсту, и отвѣчали на привѣтствіе поклономъ. Насъ было трое; мирзы-министры стояли по сторонамъ. Шахъ сидѣлъ отъ насъ шагахъ въ двадцати, и множество хрустала, разставленнаго съ лавочнымъ безвкусіемъ, отдѣляло насъ отъ дара царей.»

Подробности этого представленія очень любопытны, но слишкомъ длинны для выписки; вотъ нѣсколько строкъ для примѣра :

«Послѣ небольшого перерыва въ разговорѣ, шахъ спросилъ съ непритворнымъ любопытствомъ, какое величайшее диво видѣлъ я въ моихъ странствіяхъ. Случай къ месту былъ слишкомъ благопріятенъ при такомъ тщеславномъ Дворѣ, какъ Персидскій, и я отвѣчалъ громкимъ голосомъ: «Средоточіе Вселенной! какое зрѣлище сравнится съ тѣмъ, которое теперь созерцаю? Самое большое диво, какое я видѣлъ, это свѣтъ лика вашего, о Убъжище Міра!» Шахъ сдѣлалъ знакъ удовольствія, за которымъ тотчасъ послышался одобрительный говоръ «столповъ государства,» совокупающее измѣненіе чувствъ царя и министровъ.»

Изъ Тегерана поручикъ Борнсъ отправился въ Буширъ, а оттуда моремъ въ Бомбай, совершивъ такимъ образомъ путешествіе, котораго счастливый успѣхъ превзошелъ всякое ожиданіе, и обогатилъ Науку множествомъ самыхъ любопытныхъ свѣдѣній о странахъ, до того весьма мало извѣстныхъ.

Е. К.

Н Ы Н Ъ Ш Н Я Я

А Р Х И Т Е К Т У Р Н А Я Ш К О Л А

В Ъ Г Е Р М А Н И И .

=

Всякъ, кто останавливаетъ вниманіе на новѣйшей Европейской образованности, долженъ невольно поражасться однимъ явнымъ и унижительнымъ для нашей гордости, недостаткомъ ея: она не имѣетъ своей архитектуры! Она, ея поэзія и ея промышленность, живутъ подъ чужимъ кровомъ! Она съ рабскою покорностью вымолила себѣ у старой Греціи нѣскольکو обломковъ зодчества, и построила изъ нихъ свои чертоги. Ии съ трудомъ выдавливаютъ изъ себя поддѣльное удивленіе къ зубчатымъ фантазіямъ среднихъ вѣковъ, и тащится въ другой колеѣ подражательства. Новѣйшей Европѣ легче было произвести Рафаэля, Ньютона, Кеплера и Шекспира, легче создать новую живопись, новую поэзію и новое небо, чѣмъ придумать себѣ особый родъ строенія. Можно ли назвать Италіанскую архитектуру, составъ запечатлѣнныхъ неудачею усилій возсоздать классическую старину, собственною, самобытною школою новѣйшей Европы? Конечно, нѣтъ! Увидимъ ли мы когда-нибудь по этой части зарю новаго, оригинальнаго, прекраснаго?... Она, кажется, уже занимается, и занимается — въ Германіи.

Предубѣжденіе ли это, или добровольное невѣжество, — а должно сознаться, что весьма немногіе въ западной и сѣверной Европѣ имѣютъ настоящее понятіе о томъ, что сдѣлано Германіею въ области Изящ-

ныхъ Искусствъ. Не выдавая себя за пророковъ, мы можемъ предсказать, что вскорѣ одни архитектурныя произведенія будутъ исторгать у путешественниковъ для этой страны тотъ самый восторгъ, который нынѣ изливается такъ безусловно передъ Италією. Германія конечно не можетъ похвалиться остатками искусства и великолѣпія Римлянъ, но она имѣетъ дивныя памятники въ Готическомъ стилѣ, которые въ состояніи вознаграждать труды того, кто бы сталъ изучать подробно, и сверхъ того въ ней уже красуются превосходныя классическія зданія новѣйшихъ временъ, вполне достойныя вниманія народовъ, расточающихъ сокровища на обстройки городовъ и украшеніе своихъ столицъ, и достойныя его столько же, если не болѣе, какъ и превозносимыя произведенія Заальпійской школы. Но говоря по совѣсти, этимъ зданіямъ принадлежитъ несомнѣнное первенство передъ послѣдними: въ нихъ не только видно болѣе истиннаго вкуса и оригинальности, но они еще несравненно лучше приспособлены къ настоящимъ потребностямъ общества и къ нашимъ климатамъ. Превосходство, которымъ Италія пользовалась столь долгое время во всѣхъ изящныхъ предметахъ, было болѣе относительное, чѣмъ основанное на правахъ истинной заслуги. Вліяніе ея было соразмѣрно недостатку образованности ея сосѣдей, и, нѣсколько столѣтій тому назадъ, люди скорѣе бы рѣшились оспаривать непогрѣшимость Папы, нежели усомниться въ дарованіяхъ Микель-Анджело, Палладія или Бернини, въ то время, когда слава ихъ, протрубленная самими Италіявцами, преисполняла вселенную благоговѣніемъ. Съ тѣхъ поръ Аѳины и Агригентъ, Пестумъ и Помпея поколебали наше вѣрованіе: теперь дознано, что не только Греческіе ордена зодчества совершенно отличны отъ орденовъ Виньолы, но что вообще духъ Греческой ар-

хитектуры имѣеть весьма мало сходства съ «классическимъ» стилемъ Италіанскимъ.

Италія много совершила для того времени; но съ той поры, какъ открытіе памятниковъ древности, долго остававшихся въ забвеніи и неизвѣстности, дало новое направленіе и скорѣйшій ходъ Искусствамъ, она сдѣлала мало успѣховъ, сравнительно съ другими странами Европы; да и въ самыхъ своихъ успѣхахъ обнаружила только слѣпую привязанность къ старинному и стремленіе къ безотчетливому подражанію стоящимъ передъ нею образцамъ другаго міра и чуждаго ей общества. Сравнивая утонченныя, но чистыя и строгія красоты Греческаго зодчества, съ столь противоположными ему смазливостью, ребяческими затѣями и причудливостью Италіанскаго рода, легко объясняешь себѣ причину упадка архитектуры въ Италіи, и потерю ею прежняго своего первенства. Страна, эта въ отношеніи къ важнѣйшему и величественнѣйшему изъ Искусствъ, оставалась на одной точкѣ, между-тѣмъ какъ остальная Европа подвигалась впередъ, тѣмъ съ большею быстротою, что ходъ ея не замедлялся воспоминаніями минувшаго величія, и слѣдственно она могла свободно стремиться къ цѣли.

Утвержденныя временемъ и, такъ сказать, закоренѣлыя славы не вдругъ отвергаются. Люди, привыкшіе основывать свои сужденія на преданіяхъ, изъ рода въ родъ переходящихъ, привыкшіе повиноваться безъ изслѣдованія понятіямъ, господствующимъ нѣсколько вѣковъ и заглушающимъ голосъ Критики, вѣроятно будутъ удивлены, когда услышатъ, что мы дерзаемъ говорить противъ Италіанской архитектуры. Не примѣчая перемѣны въ обстоятельствахъ, они даже готовы ополчить на насъ всю рать любимыхъ

своихъ доказательствъ и возгласовъ, и уничтожить насъ прежде, чѣмъ мы успѣемъ высказать наши доводы.

Впрочемъ, къ успокоенію нашему, принятое нами мнѣніе не принадлежитъ намъ исключительно. Несмотря на многочисленность почитателей Палладіевой школы, повсемѣстно встрѣчаются уже люди, которые, ни мало не думая отнимать у нея весь достоинства, перестали однако питать къ ней слѣпое уваженіе и, изъ учтивости, приписываютъ ея ошибки вѣку ея и недостатку въ хорошихъ руководителяхъ. Одинъ весьма умный писатель даже утверждалъ недавно, что почтеніе наше къ древнимъ отзывается изувѣрствомъ, и что лучше было бы, когда бъ весь памятники Греческаго Искусства погибли, чтобы ихъ изученіе не подавляло въ насъ всякаго творческаго чувства, и не ногаало Художеству непреодолимыхъ преградъ.

Къ несчастію, до сей поры мы рассматривали памятники древности точно такъ, какъ заклятый грамматикъ разбираетъ творенія Греческихъ поэтовъ. Духъ писаній считаетъ онъ предметомъ неважнымъ, и обращаетъ исключительное вниманіе на періоды, стопосложеніе, длинность и краткость словъ и тому подобныя мелочи. Такъ и архитекторы: они заботятся только о модуляхъ, діаметрахъ и размѣрахъ. Весьма вѣроятно, что древніе зодчіе, воздвигая славные памятники, которымъ мы теперь дивимся, слѣдовали личному вдохновенію, заставлявшему ихъ избирать произвольно тотъ или другой размѣръ, и что они въ этомъ случаѣ руководствовались не математическимъ расчетомъ, а единственно желаніемъ произвести эффектъ. Предполагать противное, значило бъ то же, что думать, будто Гомеръ считалъ по пальцамъ стопы своей Иліады, будто Виргилій, сочиняя, безпрестанно спра-

влялся съ Gradus ad Parnassum, будто Корреджіо прелестныя черты лицъ своихъ фигуръ проводилъ на полотнѣ по точнымъ законамъ криволинейной Геометріи!

Это отнюдь не клонится къ осмѣянію основательнаго, систематическаго ученія, столь необходимаго для зодчаго; но мы не можемъ не замѣтить, что на него обращаютъ уже слишкомъ много вниманія. Теперь нечего страшиться, что ученіе это будетъ со-временемъ забыто; нѣтъ, Искусству угрожаетъ другаго рода опасность: мы черезчуръ заботимся о вещахъ, не имѣющихъ ни какого *эстетическаго* достоинства. Отсюда произошло, что и архитектурная Критика подчинилась такимъ же механическимъ выкладкамъ, какъ и предметы, на которые она обращается: хвалятъ и порицаютъ по правиламъ или по привычкѣ. Съ возобновленіемъ страсти къ постройкамъ въ послѣднее двадцатилѣтіе, мнѣнія, перешедшія къ намъ по преданію, вновь укоренились въ умахъ съ такою силою, какъ-будто Науки вовсе не подвинулись впередъ со времени рожденія на свѣтъ этихъ мнѣній, или какъ-будто всѣ труды наши были бесполезны. Допуская, что неутомимое изслѣдованіе остатковъ Греческой архитектуры послужило къ чему-нибудь, нельзя не убѣдиться хотя въ той истинѣ, что ученіе о размѣрахъ, созданное въ то время, когда она была почти неизвѣстна Европейцамъ, должно быть теперь отвергнуто или по-крайней-мѣрѣ преобразовано. Многочисленные виды одного и того же ордена такъ разнообразны и неоднородны, что даже предположивъ, будто размѣръ составляетъ основное различіе между орденами, все-таки прійдется раздѣлить каждый изъ нихъ на нѣсколько подраздѣленій. Но размѣръ совсѣмъ не главное различіе въ Греческихъ орденахъ: разсматривая зданія одного и того же ордена, всякъ легко по-

ражается несходствомъ ихъ другаго рода. Какое, на-
примѣръ, разнообразіе въ Ионическомъ ордень! Въ
немъ видимъ мы постепенный переходъ отъ самой
строгой простоты къ изысканной щеголеватости. Въ
Греческомъ зодчествѣ есть еще нѣчто такое, что хотя
и составляетъ главнѣйшую его прелесть, независи-
мую отъ прочихъ, мелкихъ красотъ, однако укрѣлось
отъ вниманія поборниковъ древняго Искусства, или
по-крайней-мѣрѣ не было достаточно оцѣнено ими: мы
говоримъ именно о томъ гармоническомъ согласіи, ко-
торое разлито по всему зданію, такъ что всѣ его ча-
сти выражаютъ одну сосредоточенную идею. Напро-
тивъ, когда разсматриваешь новѣйшія зданія, записан-
ныя въ число образцовыхъ, кажется, будто они соста-
влены изъ разнородныхъ частей, быть-можетъ пре-
красныхъ въ отдѣльности, но не представляющихъ въ
совокупности ничего изящнаго. Прочность, столь не-
обходимая для каждаго художественнаго произведе-
нія, мало входитъ въ систему зодчества, первоначаль-
но основанную новѣйшими Итальянцами на древнихъ
орденахъ, то есть, на орденахъ Римлянъ, которые го-
сподствуютъ теперь въ цѣлой Европѣ, мало подаваясь
къ лучшему. Но наконецъ наступило время улучше-
ній; они воспріяли свое начало, и, пусть только даль-
нѣйшіе успѣхи соотвѣтствуютъ первымъ попыткамъ,
слѣдующее поколѣніе увидитъ зданія, не только кра-
сующіяся Греческими формами, — если ужъ намъ суж-
дено вѣчно подражать Грекамъ, — но и проникнутыми,
въ частяхъ своихъ и въ цѣломъ, духомъ истинно
изящнаго.

Мы уже сказали, что архитектурная Критика на-
чинаетъ изъясняться языкомъ болѣе свободнымъ и
стремиться къ возвышеннѣйшимъ цѣлямъ: говоря о
писателяхъ, которыхъ сочиненія обыщуютъ произве-
сти благотѣльное вліяніе, должно напередъ упомя-

нута о Карль Менцель*. Возводя архитектуру на высокую степень Художества и вмѣстѣ Науки, онъ проситъ запечатлѣть въ памяти, что искусства и смѣтливости недостаточно для изящнаго созданія, но что вдохновеніе всегда было и будетъ источникомъ того, что придаетъ твореніямъ художника эстетическую цѣнность. « Архитектурное произведеніе, въ которомъ проявляется геній, создается подобно поэмѣ; сперва долженъ родиться вымыселъ, или основная идея, и уже къ ней приспособляется въ послѣдствіи ученое искусство: оно обрабатываетъ идею и осуществляетъ то, что первоначально есть только отвлеченное понятіе прекраснаго. Вотъ единственный, истинный процессъ! Слѣдуя инымъ путемъ, мы конечно будемъ въ состояніи воздвигнуть зданіе, во всѣхъ отношеніяхъ сообразное съ своимъ предназначеніемъ, но оно никогда не будетъ имѣть той таинственной прелести, той могущественной силы впечатлѣнія, которую вливаетъ въ него одинъ только геній; оно никогда не проникнетъ зрителя удивленіемъ, хотя онъ и согласится, что исполненіе во всемъ удовлетворительно. »

Мы сожалѣемъ, что сочинитель небольшого, но остроумнаго разсужденія, изъ котораго извлекли мы эти мысли, не разобралъ предмета своего подробнѣе, не пояснилъ замѣчаній своихъ примѣрами отличнѣйшихъ зданій современной Германской архитектуры. Впрочемъ эти примѣры большею частію явились позже, потому что настоящая зодческая школа образовалась въ той странѣ не далѣе какъ лѣтъ за двадцать. Берлинъ и Мюнхенъ суть столицы этой школы, а Шинкель и Кленце главы ея. Оба они много обязаны благопріятнымъ обстоятельствамъ, не потому, что имъ часто представлялись случаи доказать свои способно-

* Versuch einer Darstellung des jetzigen Zustandes der Baukunst. Leipzig, 1834.

сти, а что случаи были такого рода, что поощряли ихъ развернуть свое дарованіе. Оба они исполнили принимаемыя на себя обязанности съ честію, соответствующею важности предмета, и если бъ въ прочія ихъ работы не оправдывали нашей похвалы, два сооруженные ими памятника всегда будутъ заслуживать подробнаго разсмотрѣнія, — именно двѣ Національныя Галереи въ Пруссіи и Баваріи.

Прежде нежели приступимъ къ описанію этихъ зданій, скажемъ нѣсколько словъ о самихъ зодчихъ и о нѣкоторыхъ ихъ современникахъ. Фридрихъ Вейнбреннеръ, почти непосредственный ихъ предшественникъ, пріуготовилъ имъ путь въ области Искусства. Хотя въ произведеніяхъ его замѣтно несравненно болѣе методическаго изученія, нежели оригинальнаго дарованія, хотя видно, что онъ мало цѣнилъ духъ Греческаго зодчества, однако его рисунокъ довольно правилень. Несмотря на его недостатки, онъ составляетъ эпоху, потому что онъ пріуготовилъ переходъ отъ сухаго, прозаическаго стиля, господствовавшаго до конца минувшаго столѣтія, къ роду болѣе поэтическому, болѣе художественному. Хотя собственныя его произведенія не даютъ ему права на высокую степень въ храмъ безсмертія, но онъ достоинъ уваженія за свои усилія освободить архитектуру отъ оковъ стариннаго навыка, и можетъ считаться отцемъ нынѣшняго поколѣнія Германскихъ зодчихъ. Имена однихъ его питомцевъ составляютъ длинный списокъ: въ числѣ ихъ, одинъ изъ отличнѣйшихъ — Георгъ Моллеръ. Занимательное сочиненіе о Готической архитектурѣ сдѣлало его преимущественно извѣстнымъ почитателямъ этого рода: оно и другія его творенія о зодествѣ среднихъ вѣковъ составили ему имя, которое врядъ ли бы заслужилъ онъ своими зданіями. За исключеніемъ театра, казино, католической церкви и нѣкоторыхъ

других строений въ Дармштадтѣ, онъ особенно извѣстенъ исправленіемъ восточной части соборной церкви въ Майнцѣ, и тамошнимъ театромъ. Последний открытъ 21-го Сентября 1833 года, и примѣчательнѣе тѣмъ, что это первый опытъ подражанія древнимъ во вѣншей архитектурѣ театровъ. Католическая церковь есть ротонда, которой внутренней діаметръ имѣетъ 135 футовъ*: нельзя не замѣтить, что она построена по плану Римскаго пантеона; подобно ему, она освѣщается однимъ окномъ, устроеннымъ въ срединѣ купола, и высота послѣдняго равняется внутреннему діаметру перистиля, имѣющему 132 фута. Но самый куполъ несравненно огромнѣе въ отношеніи къ цилиндрической части строенія, такъ какъ высота карниза простирается едва на 60 футовъ. Въ этомъ случаѣ архитекторъ показалъ свою догадливость, потому что, какъ куполъ начинается у самаго карнизнаго обвѣнчанія, то при бѣльшей высотѣ колоннъ внутренняя площадь строенія казалась бы меньшею отъ ихъ толщины; и теперь даже онъ, относительно, огромнѣе колоннъ пантеона, оттого что пространство подъ ними представляется болѣе стѣсненнымъ. Цѣлью архитектора, по собственнымъ его словамъ, было — сохранить всѣ главнѣйшія украшенія, отличающія внутренность Римскаго зданія, отбросивъ многосложныя и мелочныя прибавки, неприличныя величію храма, и разрушающія согласіе частей; и должно сознаться, что ему въ самомъ дѣлѣ удалось значительно упростить зданіе тѣмъ, что вмѣсто безчисленныхъ углубленій и двойнаго ряда колоннъ, какъ въ образцѣ, онъ поставилъ непрерывный перистиль изъ 28 отдѣльныхъ колоннъ, на обвѣнчаніи которыхъ лежитъ весь сводъ. Эффектъ, производимый этою круглою колонадою, можетъ-быть единственною въ своемъ родѣ, еще болѣе увеличиваетъ

* Пантеонъ въ Римѣ имѣетъ 137½ футовъ.

ся близкимъ разстояніемъ колоннъ между собою: промежутки имѣютъ не болѣе полутора діаметра колонны, и это придаетъ храму полную и прочность. Словомъ, все, относящееся до ротонды, купола и круга колоннъ сильно поражаетъ зрителя простымъ, благороднымъ величествомъ. Зданіе это представляетъ даже нѣчто оригинальное, не столько по своему изобрѣтенію, сколько по чрезвычайной простотѣ, которая тоже причиною, что его не умѣютъ оцѣнить по достоинству. Вся красота зданія ограничивается, впрочемъ, куполомъ и перистилемъ: стѣна, окружающая колоннаду, совершенно безъ украшеній. Эта чрезвычайная скупость декорацій превращается уже въ какую-то холодность и наготу, которыя придаютъ цѣлому, вмѣсто простоты, черту неокончанности. Колонны всегда производятъ эффектъ; но величайшая трудность состоитъ въ томъ, чтобы и всѣ прочія части зданія являли видъ не менѣе красивый и величественный, и согласовались съ этимъ наружнымъ убранствомъ: иначе, они будутъ только загромождать мѣсто. Архитекторъ старался еще упростить сколько возможно самый орденъ: хотя капители украшены листьями, но все остальное въ немъ такъ скромно, что едва можно признать его Коринтскимъ. Эта простота еще усилена размѣромъ колоннъ, имѣющихъ едва по девяти діаметровъ въ вышину, что въ этомъ случаѣ скорѣе можетъ быть отнесено къ достоинствамъ, нежели къ недостаткамъ зданія.

Строгая бережливость, которой Мюллеръ долженъ былъ подчиниться, не заражаетъ ни Берлина, ни Мюнхена. Напротивъ, въ первой изъ этихъ столицъ и въ Потсдамѣ, страсть къ эдочеству доходитъ иногда до излишества. Между отличавшимися здѣсь художниками должно замѣтить Карла Готтарда Лангганса. Сооруженные имъ Бранденбургскія Ворота могутъ

считаться однимъ изъ первыхъ произведеній въ Европѣ, и доказательствомъ стремленія Германцевъ къ чистому древнему вкусу. Ланггансъ родился въ 1732 году въ Ландсгутъ, въ Силезіи, и умеръ въ Берлинѣ Октября 2, 1808 года: онъ даже и по времени довольно близокъ къ настоящему періоду; онъ жилъ въ его началѣ, но еще болѣе сблизился съ нимъ своимъ стараніемъ водворить тотъ очищенный вкусъ, который впоследствии бросилъ такой блистательный свѣтъ на зодчество Германцевъ. Прежде чѣмъ Ланггансъ избралъ Берлинъ мѣстомъ своего пребыванія, онъ построилъ въ Бреславлѣ театръ, нѣсколько церквей, и множество прелестныхъ частныхъ зданій въ окрестностяхъ города. Переселившись въ Берлинъ, онъ нашелъ Фридриха II столь же неутомимымъ въ своихъ зодческихъ, какъ и въ воинскихъ предпріятіяхъ. Этотъ знаменитый Монархъ имѣлъ страсть къ архитектурѣ: онъ не только покровительствовалъ художеству, но и самъ дѣлательно въ немъ упражнялся, и, по случаю смерти Барона Кнобельсдорфа, написалъ ему похвальное слово *. Онъ безпрестанно занималъ старшаго и младшаго Бауманновъ, Гоитара, Унгера, Нейманна и многихъ другихъ, и доставилъ Ланггансу случай выказать свое дарованіе. Художнику этому поручено было перестроить внутренность оперной залы, создать казино и театръ, сгорѣвшій въ 1817 году. По трудъ, наиболѣе споспѣшествовавшей его славы, — это Бранденбургскія Ворота, въ которыхъ примѣтно вольное подражаніе Аѳинскому пропилею. Бранденбургскія Ворота, начатыя въ 1789 году, во время Французской революціи, свидѣтельствуютъ уже о переворотѣ въ

* Это случилось 1753 году. Знаменитая оперная зала, начатая въ 1740 году, есть первое примѣчательное зданіе Кнобельсдорфа. Кроме того, онъ сдѣлалъ многія улучшенія въ Потсдамскомъ дворцѣ и въ *Sans-Souci*, гдѣ выстроилъ прелестную колоннаду, которая была разобрана въ 1797 году. ея колонны перенесены въ новый мраморный дворецъ.

изящномъ вкусъ и объ отверженіи тѣхъ прихотливыхъ и ложныхъ правилъ, отъ которыхъ такъ долго страдала архитектура. Проницательный глазъ безъ сомнѣнія откроетъ нѣкоторыя мелочныя неправильности въ подробностяхъ, но цѣлое представляетъ видъ простой и величавый, и служитъ весьма приличнымъ входомъ въ городъ, который скоро наполнился множествомъ зданій, неуступающихъ изящностью Аѳинскимъ *.

Если Гейде не составилъ рѣшительной эпохи, по крайней мѣрѣ, въ монетномъ дворѣ, построенномъ по проекту его, выказалъ болѣе истиннаго характера въ древнемъ Дорическомъ орденѣ, и многія подробности зданія свидѣтельствуютъ о лучшемъ изученіи сущности и болѣе вѣрномъ взглядѣ на эстетическія правила Греческаго зодчества. Кромѣ архитектурныхъ достоинствъ, монетный дворъ его заслуживаетъ вниманіе своими богатыми и приличными скульптурными украшеніями. На фризѣ, имѣющемъ въ длину 116, а въ глубину безъ малаго 6 футовъ, изображены барельефомъ всѣ работы чеканныя и горныя. Изслѣдованіе Греческихъ древностей принесло ту существенную пользу, что научило насъ удачно располагать скульптурныя украшенія всѣхъ родовъ, какъ статуи, такъ и барельефы. По мнѣнію нашему, необходимо, чтобы скульптурныя произведенія, украшающія зданіе, согласовались съ его орденомъ; такъ напримѣръ, кажется, что Дорическому ордену приличествуетъ плоская льпная работа; при орденѣ Ионическомъ можно допустить украшенія болѣе смѣлыя, но не столь рѣшительныя, какъ тѣ, которыя должны быть представлены ордену Коринтскому. Намъ, можетъ-быть,

* Ланггансъ нарисовалъ также красивую ротонду анатомическаго театра Ветеринарной Школы, построилъ театръ въ Шарлотенбургскомъ загородномъ дворцѣ, и украсилъ внутренность мраморнаго дворца.

возразить, что эта классификація не только произвольна, но даже не сообразна съ дѣломъ, потому что мы относимъ самый смѣлый стиль барельефовъ къ самому легкому, нѣжному ордену, и нѣжнѣйшія лѣпныя украшенія къ ордену смѣлому и рѣшительному. Но несообразность заключается здѣсь въ однихъ словахъ, хотя наименѣе выпуклые рельефы, которыхъ фигуры почти совершенно плоски, называемъ мы нѣжными, но они вмѣстѣ съ тѣмъ самыя простыя, самыя прочныя и неизысканной отдѣлки, слѣдственно наиболѣе приличны тому стилю, который менѣе всего требуетъ украшеній. И обратно: хотя мы говоримъ, что медзо-рельефы рѣшительнѣе первыхъ, но за то въ нихъ болѣе жизни и великолѣпія. Такъ, если въ этомъ отношеніи можно постановить какое-нибудь правило, то приведенное нами должно быть основательно, — именно, что богатѣйшія лѣпныя украшенія приивняются только къ богатѣйшимъ орденамъ; и дѣйствительно, самыя смѣло изваянныя Коринскія капители, которыхъ листья принадлежатъ уже къ чистому альто-рельефу, требуютъ вокругъ себя декораций въ такомъ же стилѣ.

Катель преимущественно старался сообщить внутреннимъ украшеніямъ стиль болѣе изящный и классическій; но онъ умеръ преждевременно, не успѣвъ развернуть своихъ видовъ. Катель скончался (въ 1819) на сорокъ третьемъ году отъ рожденія: онъ соединялъ рѣшительное дарованіе съ отлично образованнымъ умомъ, и въ ученыхъ трудахъ своихъ вышелъ смѣло изъ обыкновенныхъ предѣловъ. Небольшое твореніе его о постройкѣ церквей заслуживаетъ особенное вниманіе.

Тогда какъ Шинкель, въ послѣднія двадцать лѣтъ, былъ непрерывно занятъ, многія значительныя зда-

нія воздвигнуты въ столицѣ Пруссіи поначеніями другихъ зодчихъ: изъ числа ихъ, молодой Оттмеръ отличился построеніемъ въ той части Берлина, которая именуется Кенигсштадтъ, театра и новой Академіи Пѣнія *. Вышній видъ перваго не представляетъ ничего особеннаго, но внутреннее устройство обнаруживаетъ столько же искусства, какъ и тонкости соображенія. Хотя большой Шинкелевъ театръ въ известной степени служилъ Оттмеру образцемъ, но должно сказать, что онъ умѣлъ счастливо избѣгнуть его неудобствъ. Академія для Пѣнія, представляющая простой параллелограмъ въ 140 футовъ длины и 60 ширины, и похожая на Греческій *антеросъ*, то есть, храмъ безъ боковыхъ колоннадъ, или портиковъ, болѣе удовлетворяло бѣ нашимъ требованіямъ, если бѣ мы могли забыть о неизяснимо прелестномъ чертежѣ, составленномъ гораздо прежде самимъ Шинкелемъ для того же самаго зданія. Оттмеръ раздѣлилъ фасадъ

* Карлъ Теодоръ Оттмеръ, нынѣ архитекторъ при Брауншвейгскомъ Дворѣ, родился въ Брауншвейгѣ, 1800 года. По приобритеніи практическихъ свѣдѣній, онъ поселился въ 1822 году въ Берлинѣ, и занялся тамъ преподаваніемъ Эстетики, Археологій, Математики и проч., доколѣ постройка новаго театра не представила ему случая доказать на самомъ дѣлѣ зодческія свои дарованія. Это зданіе окончано гдѣто въ 1824 годѣ. Скоро потомъ ему было поручено построить Академію Пѣнія, что онъ и исполнилъ весною 1827. Въ это самое время онъ надзиралъ за внутренними передѣлками въ Лейпцигскомъ театрѣ, и составлялъ чертежи для театра въ Гамбургѣ. Весною 1828, посѣтилъ онъ Неаполь и Пестумъ, и на возвратномъ пути въ Римъ сочинялъ проекты для дворцовъ: одинъ изъ нихъ столь исполнскаго размѣра, что, если бѣ его исполнить, всѣ существующія этого рода зданія бы помрачены. Когда Оттмеръ пріѣхалъ въ Дрезденъ, Герцогъ Саксен-Мейнингенскій поручилъ ему начертать проектъ для строенія, въ которомъ помѣщались бы театръ и казино. Проектъ этотъ былъ составленъ столь удачно, что немедленно приступлено къ исполненію. Весьма недавно представился Оттмеру случай обнаружить болѣе нежели когда-либо свое дарованіе; онъ занялъ теперь построеніемъ новаго дворца въ Брауншвейгѣ; работы начались осенью 1834 г.

на три промежутка, образованные четырьмя Коринфскими пилястрами, и въ этихъ промежуткахъ помѣстилъ четыре широкія двери. Напротивъ, въ чертежъ Шинкеля нѣтъ ни колоннъ, ни пилястровъ; одна только дверь для входа; не видно окна, ни ниши, ни ничего подобнаго. Несмотря на эту чрезвычайную простоту, которая, казалось бы, отвергаетъ не только характеристику, но и самое изобрѣтеніе, онъ такъ оригиналенъ, въ немъ столько выраженія и вкуса, онъ до того преисполненъ Греческимъ чувствомъ изящнаго, что производимое имъ впечатлѣніе имѣетъ въ себѣ нечто магическое, — мы передъ нимъ въ удивленіи. Этотъ проектъ — одна изъ счастливѣйшихъ идей Шинкеля.

Говорилъ объ этомъ великомъ художникѣ, котораго слава наполняетъ всю Германію, разсмотримъ напередъ частныя его обстоятельства. Карлъ Фридрихъ Шинкель родился въ Новомъ-Рупинѣ 1781 года; окончивъ курсъ наукъ въ Берлинской гимназій, гдѣ уже обнаруживалась склонность его къ изящнымъ художествамъ, онъ преданъ архитектурному поприщу подѣ руководствомъ старшаго Гилли, и впоследствии продолжалъ труды свои подѣ наблюдениемъ его сына: ему-то, болѣе нежели первому своему наставнику, обязанъ онъ, — если только въ подобномъ случаѣ можно кому-нибудь быть обязаннымъ, — тѣмъ очищеннымъ, тѣмъ высокимъ и утонченнымъ вкусомъ, какой проявляется во всѣхъ его произведеніяхъ. Не слѣдуетъ тѣмъ, которые думаютъ, будто практическія познанія составляютъ важнѣйшее достоинство архитектора, будто вкусъ и воображеніе — качества, хотя и полезныя, но относительно не столь важныя, — Шинкель весьма справедливо полагалъ, что хорошій зодчій непременно долженъ упражняться во всѣхъ Изящныхъ Искусствахъ, и пріобрѣсть въ нихъ столько свѣ-

дѣній, чтобъ постигать прекрасное, въ какиѣ бы формахъ оно ни выражалось. Не унижая ни практическихъ, ни отвлеченныхъ познаній, скажемъ только, что онъ не что иное, какъ логика Искусства; и какъ однѣ логическія способности не могутъ сдѣлать чело-вѣка поэтомъ, такъ и самыя лучшія математическія познанія недостаточны для образованія превосходнаго зодчаго.

Все это представляется намъ такою неоспорною истиною, что мы даже считаемъ лишнимъ распростра-няться. Тѣ, которые хотѣли бѣ опровергать ее, ознако-мись короче съ произведеніями Шинкеля, сознаются сами, что они въ полной мѣрѣ подтверждаютъ нашъ образъ мыслей. Нѣтъ сомнѣній, что важнѣйшія его архитектурныя подвиги столько же замѣчательны въ отношеніи къ художественному вымыслу, выраже-нію, чувству и тѣмъ болѣе утонченнымъ красотамъ, которыя остаются неосязаемыми для всѣхъ дидакти-ческихъ правилъ, какъ и вразсужденіи прямаго ар-хитектурнаго достоинства. Несмотря на всю тщатель-ность, съ какою составляетъ онъ чертежи, въ нихъ не замѣтно ни малѣйшей принужденности: напротивъ, видно, что они, такъ сказать, молніею вылились изъ сего воображенія. Въ нихъ можно только примѣтить глубокое, полное познаніе всего прекраснаго, заклю-чающагося въ пластическихъ Искусствахъ. Черезъ нѣсколько времени по возвращеніи своемъ изъ Ита-ліи, — это было около 1805 года, — Шинкель исклю-чительно посвятилъ себя живописи и рисункамъ для лѣпныхъ и бронзовыхъ украшеній. Хотя подобныя занятія и могутъ быть сочтены ничтожными, но имено такимъ образомъ упражняя свой вкусъ и вообра-женіе, онъ составилъ себѣ то сокровище разно-родныхъ познаній, которое въ послѣдствіи было ему такъ полезно. Къ числу предметовъ, привлечшихъ

къ себѣ дѣятельность въ это время, принадлежить достойная удивленія панорама Палерма, и нѣсколько мастерскихъ декорацій для Берлинскаго театра. Если бѣ извѣстность, прибрѣтенная Шинкелемъ, не поставляда его превыше придинокъ насмѣшливой Критики, мы конечно поступили бы весьма нескромно, говоря о такнхъ его работахъ, которыя многимъ покажутся отступленіемъ отъ его званія, и которыя, по нхъ мнѣнію, далеко не такъ полезны для архитектора, какъ измѣреніе колоннъ, архитравъ и карнизовъ. Но пути генія непроходимы для умовъ обыкновенныхъ.

Въ 1830 году Шинкель былъ назначенъ членомъ вновь учрежденнаго Строительнаго Комитета, Bau-Deputation, академикомъ и Тайнымъ Совѣтникомъ по строительной части, Geheimer Ober-Baurath. Можно сказать, что собственно съ этого времени начинается архитектурное его поприще. Онъ подтверждаетъ собою ту истину, что всѣ дѣла человѣческія, даже не вмѣющія видимыхъ между собою соотношеній, связаны неразрывною цѣпью. Если бѣ дивныя событія, совершившіяся въ ту эпоху, не возвратили Европѣ тишины и спокойствія, вѣроятно Шинкель не стяжалъ бы нынѣшней своей славы, и вмѣсто сооруженія безсмертныхъ памятниковъ, только наполнялъ бы портфель свой проектами. Окончаніе войны съ Французами поставило попечительнаго и всѣми чтимаго Прусскаго Монарха въ возможность обратить мысль на украшеніе своей столицы. Скоро множество общественныхъ и частныхъ зданій, воздвигнутыхъ или самимъ Шинкелемъ или другими зодчими по его проектамъ, дали Берлину право стать на высокую степень образцоваго архитектурнаго города. Несмотря на многочисленность прежнихъ его чертежей, кажется, что плодовитость его воображенія легко удовлетворяетъ всѣмъ новымъ требованіямъ. Взгляните только на

различныя планы, составленныя имъ для памятника или, лучше сказать, огромнаго зданія въ честь Фридриха Великаго: начертанныя имъ шесть проектовъ не имѣютъ ни какого между собою сходства; нѣкоторые изъ нихъ чрезвычайно огромны и великолѣпны; всѣ оригинальны и преисполнены истиннаго классицизма. Самое подробное описаніе простѣйшаго изъ нихъ, даю бы только слабое объ немъ понятіе. Одно изъ отличительныхъ качествъ Шинкеля, — что его зданія и проекты, наиболее классическіе, независимо отъ большаго или меньшаго подражанія древнимъ, носятъ на себѣ печать особенной оригинальности и незанижствованныхъ красотъ. Эта оригинальность не есть исключительное свойство одного первоначальнаго, основнаго помысла: Шинкель не рѣдко сообщаетъ ее мелочнымъ подробностямъ своихъ проектовъ, и люди, не выходящіе въ него надлежащимъ образомъ, называютъ эту характеристику непростительнымъ своевольствомъ. Что касается до насъ, то мы сожалѣемъ, что слишкомъ немногіе впадаютъ въ тѣ завидныя ошибки, которыя упрочиваютъ славу изобрѣтательности зодчаго. Не лица другихъ примѣровъ, взглянемъ на построенныя Шинкелемъ вахту, Wachtgebäude и музеумъ. Что можетъ быть прелестнѣе небольшихъ фигуръ Победы, поддерживающихъ карнизъ первой въ его обвѣщаніи, или богатыхъ дорическихъ капителей, въ скульптурныхъ залахъ музеума! Сколько тутъ вкуса, чувства, классицизма, изобрѣтательности! Всѣ эти украшенія и даже ихъ обломки были бы съ восторгомъ признаны образцами изящества и драгоценнѣйшими памятниками Греческаго искусства, если бы они были ископаны изъ пыльныхъ вѣдръ Эллады!

Кромѣ разныхъ превосходствъ въ подробностяхъ и въ главномъ вымыслѣ Шинкеля есть еще многія

красоты, принадлежащія болѣе плоскому плану, чѣмъ отвѣсному виду, и такія, которыя не столько примѣтны въ геометрическомъ чертежѣ, сколько разительны въ отстроенномъ зданіи. Къ нимъ можно причислить частое употребленіе колоннъ однихъ за другими, съ отверстіями въ стѣнѣ, черезъ которыя глазъ открываетъ виды архитектурныхъ предметовъ на глубокія разстоянія. И достоинства его не ограничиваются однимъ классическимъ родомъ: онъ еще обнаружилъ необыкновенное могущество таланта въ самой трудной части Искусства, — въ твореніяхъ, гдѣ архитекторъ, не слѣдуя ни какому отдѣльному стилю ни роду, безъ образца, безъ утвержденныхъ опытомъ правилъ, совершенно предоставляется влеченію своего воображенія и вкуса. Такова его *Vauschule* «зодческая Школа» въ Берлинѣ, — строеніе дивное, кирпичное, обильно украшенное глиняною лѣпною работою; въ цѣломъ, является оно нѣсколько однообразнымъ и тяжелымъ, и за всѣмъ тѣмъ достойно вниманія, потому что заключаетъ въ себѣ многія совсѣмъ новыя и замысловатыя идеи, при удивительно искусномъ смѣшеніи богатства съ простотою.

Что касается до произведеній Шинкеля въ Готическомъ стилѣ, то нельзя хвалить ихъ такъ безусловно. Онъ не совсѣмъ счастливъ въ этомъ родѣ; однако и здѣсь никто не укоритъ его недостаткомъ оригинальности; напротивъ, его скорѣе можно упрекнуть тѣмъ, что онъ составилъ себѣ особенную систему, которая сама по себѣ довольно удовлетворительна, но вовсе не соответствуетъ понятіямъ нашимъ о Готической архитектурѣ. Въ ней болѣе виденъ стиль Ломбардскій и Тевтонскій, нежели тотъ, который господствовалъ къ северу отъ Альпъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ нѣкоторыхъ его Готическихъ чертежахъ примѣчается какая-то смѣсь характеровъ, правила и свойства не столько

горизонтальной, сколько перпендикулярной архитектуры, потому что остроконечныя арки замѣнены у него полукруглыми. Разительный примѣръ этого вкуса находимъ мы въ проектѣ церкви для Ораниенбургскаго предмѣстiя: онъ сдѣланъ въ собственно ему принадлежащемъ родѣ; и если относить его къ какому-нибудь стилю, то всего ближе подходитъ онъ къ византiйскому *giffassamento*. Съ опасностью показаться странными тѣмъ, которые выдаютъ себя за пуритовъ и стилитовъ, мы должны объявить, что и въ этомъ проектѣ находимъ много чувства и выраженiя: это мастерское произведенiе! Архитектура начатой въ 1825 году церкви на Вердерской торговой площади, въ главныхъ частяхъ сообразна съ правилами остроконечнаго стиля, но въ остальномъ замѣтны важныя отступленiя, какъ напримѣръ въ дверяхъ портала, въ густомъ карнизѣ ниже парапета, и еще въ нѣкоторыхъ мелочахъ. Долго глаза наши не могли къ нимъ привыкнуть, но мало-по-малу мы начинаемъ находить прекрасными и эти причуды, хотя и не желали бъ въ томъ сознаться. Пусть Шинкель играетъ карандашемъ, какъ угодно: онъ никогда не будетъ безвкусенъ.

Какъ ни кратокъ этотъ разборъ, въ сравненiи съ многочисленностию трудовъ его и съ его заслугами, но пора оставить Шинкеля, и обратиться къ другому художнику, Леону фонъ-Кленце, соучастнику, если не прямо сопернику, его славы. Второй изъ этихъ отличныхъ мужей состоитъ въ тѣхъ же отношенiяхъ къ Мюнхену, въ какихъ первый къ Берлину. Родясь подъ тѣмъ же счастливымъ созвѣздiемъ, Кленце, покровительствуемый великодушнымъ любителемъ Изыщныхъ Искусствъ, Лудвигомъ Баварскимъ, имѣлъ случай воздвигнуть знаменитѣйшiя зданiя нашего времени. Менѣе смѣлый, менѣе изобрѣтательный, менѣе оригинальный, онъ однако обладаетъ столь

же обильнымъ воображеніемъ; онъ умѣлъ извлекать новыя красоты изъ всѣхъ разнородныхъ стилей, которымъ попеременно слѣдовалъ, налагая на каждый изъ нихъ печать своего генія. При сооруженіи Валгаллы, глиптокеки, или хранилища древностей, пинакотеки, или картинной галереи; одеона, новаго дворца, базара и другихъ зданій, онъ держался то Греческаго, то Римскаго, то Византійскаго, то разныхъ Италіянскихъ родовъ. Онъ, кажется, желалъ представить новѣйшему Искусству образцы всѣхъ стилей, за исключеніемъ Готическаго, предпочитая формы, рожденныя отъ Греческаго прекраснаго тому великому, дерзкому, самобытному роду, который созданъ въ туманахъ среднихъ вѣковъ на правилахъ, совершенно противныхъ. Это пренебреженіе Готическаго вкуса у него не дѣло случайности: самъ онъ признается въ немъ въ предисловіи къ великолѣпному творенію, — *Sammlung architektonischer Entwürfe, etc., 1832 — 1834*, — которое, вмѣстѣ съ книгою Менцеля, подало намъ поводъ къ этому разсужденію.

Мнѣнія, изложенныя въ этомъ предисловіи, ясно показываютъ, что Кленце, подъ словомъ «Греческая архитектура», понималъ какъ первобытный стиль классическихъ храмовъ, такъ и тотъ, который присоединилъ арку къ колоннѣ. Онъ полагаетъ, что оба эти рода могутъ весьма удобно составлять одно прекрасное, — и мы съ нимъ согласны. Если бъ отвергать арку, потому что она была неизвѣстна Грекамъ, такъ что жъ пришлось бы сдѣлать съ нашими печами и съ окошечными переплетами, которыхъ тоже они не знали? Но есть люди, которые даже сомнѣваются, можно ли въ зданіи Греческаго стиля употребить куполь! Кленце очень хорошо сдѣлалъ, что презрѣлъ этотъ безвкусный пуризмъ, но такова сила понятій, вперенныхъ первымъ воспитаніемъ, что онъ не

смѣль идти далѣе: онъ боится выступить изъ границъ благоговѣнія передъ Греческимъ умомъ, и счелъ бы себя обязаннымъ возвратить деньги за свое ученіе, если бъ усмотрѣлъ красоту внѣ правильныхъ линий классическаго міра. Простимъ ему несправедливое предубѣжденіе противъ Готическаго стиля, и рассмотримъ два превосходнѣйшіе его памятника, глин-тотеку и пинакотеку. Оба они въ Мюнхенѣ.

Глинтотека—строеніе уединенное со всѣхъ сторонъ, имѣетъ 220 футовъ вдоль и поперекъ; въ серединѣ его находится дворъ; снаружи вовсе нѣтъ оконъ, исключая двухъ большихъ на боковомъ фасадѣ; комнаты освѣщены куполами или окнами, обращенными на дворъ, и устроенными въ аркахъ, поддерживающихъ своды покоевъ. Архитекторъ устранилъ этии многія неудобства, произтекающія изъ самаго назначенія зданія, въ которомъ должны храниться памятники скульптуры: какъ строеніе одно-этажное, то окна могли быть выведены почти до самой крыши, и свѣтъ проникаетъ въ него большею массою, потому что дворъ очень обширенъ въ сравненіи съ высотой стѣнъ. Снаружи царствуетъ стиль Ионическій, нѣсколько измѣненный собственными идеями зодчаго, но впрочемъ въ чистомъ Греческомъ духѣ. Главный фасадъ состоитъ изъ восьми-столбнаго портика, и выдается на одно между столбѣе впередъ за главную черту стѣны, углубляясь внутрь ея на столько же; за первымъ рядомъ колоннъ возвышается другой, внутренній, изъ четырехъ столбовъ и пяти открытыхъ между столбѣй, потому что боковыя между столбѣя заключены между антами. Эффектъ, производимый фасадомъ, очень сильный и совершенно классическій, по причинѣ тѣсноты между столбѣй, множества самыхъ столбовъ и глубокой тѣни, которую они образуютъ. Этотъ портикъ величественъ во всѣхъ отношеніяхъ; но должно замѣ-

тять, что колонны безъ канелюръ, хотя вершины ихъ и украшены скульптурною работою, что придаетъ имъ видъ необычайный, и за всѣмъ тѣмъ милый для глазъ. Какъ ни противно это правиламъ вкуса и обыкновенію Грековъ, но архитекторъ призналъ за лучшее оставить колонны гладкими, во-первыхъ, чтобы не нарушить гармоніи ихъ съ прочими частями фасада, и во-вторыхъ, чтобъ избѣгнуть непріятнаго впечатлѣнія, которое могло бы произойти отъ этого множества перпендикулярныхъ линій, тѣмъ болѣе, что колонны стоятъ весьма тѣсно, и что за первымъ ихъ рядомъ слѣдуетъ второй. Мы не станемъ опровергать причинъ, побудившихъ художника поступить такъ, а не иначе, хотя и полагаемъ, что, для полной красоты, колонны должны быть ложчатая.

Описаніе прочихъ частей наружности было бы не ясно безъ чертежа. Внутреннее распределеніе чрезвычайна просто: это рядъ сквозныхъ покоевъ, слѣдующихъ одни за другими вокругъ внутренняго двора. Первый покой, при входѣ налѣво изъ сѣней, предназначенъ для Египетскихъ древностей. Второй, занимающій одинъ изъ угловъ зданія, представляетъ ротонду, освященную куполомъ: тутъ помѣщены древнѣйшіе образцы Греческаго Искусства. Далѣе, зала, украшенная Эгинскими мраморами; потомъ зала Аполлона, и наконецъ Вакхическая. На другой сторонѣ первый покой называется «заломъ Ніобидъ»; изъ нее переходишь въ два покоя, назначенные для празднествъ и торжественныхъ соборій: они раздѣлены небольшими стѣнами, ведущими къ четыре-столбному портику въ родѣ подъязда, находящемуся по ту сторону зданія. Эти два покоя покрыты неподобными *альфреско* кисти Корнеліуса и его учениковъ, изображающими сцены изъ Греческой Исторіи и Мифологіи. Проникая отсюда въ отдѣленіе, соответствующее залъ

Нюбидъ, сходите вы по нѣсколькимъ ступенямъ въ «Римскую залу», названную такъ по случаю помещенія въ ней собранія скульптурныхъ трудовъ Римлянъ. Это обширнѣйшій покой въ цѣломъ зданіи: онъ образуетъ галерею во всю длину одной стороны двора. Другая лѣстница о нѣсколькихъ ступеняхъ на противулежащемъ концѣ залы, связываетъ ее со второю угловою ротондою, наполненною изваяніями изъ бронзы и цвѣтнаго мрамора. Слѣдующій и послѣдній покой ведетъ обратно въ главныя сѣни фасада, и въ немъ хранятся нѣкоторыя лучшія произведенія современныхъ художниковъ. Всѣ эти залы и галерея, независимо отъ разложенныхъ въ нихъ сокровищъ, возбуждаютъ удивленіе постепенно возрастающею архитектурною роскошью: хотя всюду преобладаетъ одинаковость стила, но при внутренней отдѣлкѣ обращено было величайшее вниманіе на свойство предметовъ, для которыхъ покои воздвигнуты. Такъ, украшенія залы Египетскихъ древностей и другихъ смежныхъ съ нею комнатъ очень просты, между-тѣмъ какъ Римская зала отличается необыкновеннымъ зодческимъ великолѣпіемъ. Полы вездѣ мраморныя; своды и карнизы, независимо отъ своего разнообразія и богатства, получаютъ еще прибавочный блескъ отъ разноцвѣтной расписанной штукатурки и отъ мраморовъ, которыми стѣны осыпаны; но эта галерея, эта чудесная галерея превосходитъ всѣ прочія части зданія, красуясь тремя плоскими куполами, убранными съ большею пышностію въ архитектурномъ отношеніи, подлѣ наѣзнительныхъ золотыхъ декорацій, расположенныхъ по красному грунту, и трехъ большихъ аркъ, заключающихъ въ себѣ окна, и рисованныхъ тоже золотыми арабесками.

Въ сравненіи съ этою щедрою расточительностію въ отдѣлкѣ, даже новыя залы Британскаго музея

въ Лондонѣ покажутся бѣдными, а чтобы сооружаемое нынѣ на Трафалгарскомъ скверѣ зданіе для «Национальной Галереи» могло состязаться внутреннимъ богатствомъ съ Мюнхенскою пинакотекою, о томъ и думать нечего. Многіе художники и знатоки утверждаютъ, что обиліе украшеній неумѣстно, даже предосудительно тамъ, гдѣ выставлены произведенія Художествъ: Кленце вовсе противнаго мнѣнія. Онъ называетъ ложной идеей общепринятое мнѣніе, будто простая архитектура и гладкія, слегка окрашенныя стѣны лучше отражаютъ статуи и бюсты: напротивъ, блестящая и сильная краска, при извѣстномъ богатствѣ въ другихъ отношеніяхъ, не только самимъ изваяніямъ придаетъ болѣе выпуклости и удачнѣе отдѣляетъ ихъ отъ площади, но и на посѣтителя дѣйствуетъ она полезно, потому что производитъ пріятное раздраженіе въ его зрительномъ органѣ и умѣ. Кленце совершенно правъ! Если гдѣ, такъ въ нашихъ холодныхъ и мрачныхъ климатахъ, блескъ и теплота цвѣта, живость и веселость выраженія должны одушевлять стѣну. Наши зодчіе считаютъ комнатную живопись недостойною своихъ соображеній, и мы не разъ слышали, что архитектура должна плѣнять насъ внутреннею красотою собственныхъ формъ своихъ. Но если эту красоту можно усилить разсудительнымъ примѣненіемъ къ ней другаго Изящнаго Искусства, почему жъ пренебрегать столь законнымъ средствомъ? Никто, мы думаемъ, не рѣшится доказывать, что картины лучше развѣшивать безъ рамъ!

Скульптурныя украшенія на фасадѣ глиптотеки, которой лицевая сторона вся мраморная, еще не окончаны: когда онѣ отдѣлаются, это зданіе, хотя и уступающее многимъ другимъ въ величинѣ, будетъ одно изъ знатнѣйшихъ и совершеннѣйшихъ произведеній

нашего вѣка. Оно и Валгалла * суть два главных, можетъ-быть единственныхъ, творенія Кленце въ древнемъ Греческомъ родѣ. Пинакотейка, базарь, новая «резиденція», или дворець, и другія строенія обрисованы, напротивъ, въ такъ называемомъ новомъ Греческомъ стилѣ, въ которомъ сохранилось много Италіянскаго, хотя онъ и значительно очищенъ. Пинакотейка, или «хранилище картинъ», заложена 7 Апрѣля 1826, въ день рожденія Рафаэля. Подобно глиптотекѣ, которая отъ него не далеко, и этотъ второй достойный храмъ художества, совершенно отъдѣленъ отъ прочихъ строеній. Снаружи представляетъ онъ продолговатый четырехугольникъ длиною почти въ 500, шириною въ 90 футовъ, на оконечностяхъ котораго стоятъ два флигеля, придѣланные крестообразно къ главному корпусу, наподобіе двухъ соединенныхъ буквъ *твердо* E—J, что придаетъ всему зданію видъ солидности. Оконечныя фасады имѣютъ по 170 футовъ.

* Валгалла стоитъ на холмѣ Донаустауфъ близъ Регенсбурга: это — великолѣпное храмообразное зданіе въ классико-дорическомъ стилѣ, съ благороднымъ портикомъ въ восемь колоннъ по фронту и въ шесть во внутреннемъ ряду; на каждой сторонѣ строенія находится по семнадцати мраморныхъ колоннъ, поставленныхъ на подстройкѣ, въ которой сдѣланъ въходъ, идущій между двумя массивными стѣнами Циклопской архитектуры. Самое названіе *валгалла* — рай, въ языкѣ древнихъ Норманновъ и Тевтоновъ, — объясняетъ, что это зданіе — родъ Германскаго пантеона, въ которомъ будутъ помѣщаться вѣдательныя изображенія отечественныхъ гражданъ и героев. Внутри находится великолѣпный фризъ работы скульптора Вагнера; основаніе портика будетъ пріятно украшено. Кромѣ обширныхъ построекъ, производимыхъ въ Мюнхенѣ самимъ Кленце, тамъ сооружаются еще другія зданія; въ числѣ ихъ, церковь Св. Лудовика и длинный рядъ строеній для библіотеки и архива. Последніе строятъ Гертнеръ, родившійся въ Кобленцѣ, 1792. стиль ихъ оригиналенъ. Церковь, которой родъ имѣетъ въ себѣ много византійскаго, будетъ украшена афресками работъ знаменитаго Корнелуса; одно изъ нихъ будетъ превосходить огромностію даже картину страшнаго суда Микель-Анжело, находящуюся въ Сикстовомъ придѣлѣ.

Двери и окна выведены арками, заключенными въ четверугольные рамы: мѣсто, остающееся по угламъ рамъ, наполнено навалніями. Колоннада Ионическаго ордена окружаетъ все зданіе, и отличается богатымъ фризомъ. Промежутки между колоннами заняты обширными окнами въ видѣ аркъ: на нихъ лежитъ архитравъ. Расположеніе такого рода, представляя па близкомъ разстояніи множества отверстій, могло бы дать верхней части зданія видъ слишкомъ легкой, если бъ солидность выдающихся частей флигеля, не ослабляла этого впечатлѣнія. Цѣлое такъ красиво и величественно, что, несмотря на отвращеніе наше къ Италіанской архитектурѣ вообще, эффектъ, имъ производимый, заглушаетъ въ насъ всякое другое чувство кромѣ восторга, и мы должны сознаться, что художникъ поставилъ превосходный памятникъ своему искусству. Соображая разстояніе колоннъ, мы видимъ, что онъ не могъ поступить иначе, какъ прислонивъ ихъ: при всемъ томъ, нельзя не пожелать, чтобъ капителі были нѣсколько болѣе въ Греческомъ вкусѣ. Они уже и теперь несравненно лучше обыкновенныхъ Ионическихъ на Италіанскій ладъ, потому что художникъ, не слѣдуя общему примѣру за-Альпійской школы, вмѣсто того чтобъ поставить на четверугольный столбъ круглую шляпу, которая по необходимости должна бы быть незначительнаго размѣра, украсилъ свои пиластры антовыми капителями. Кромѣ этого благоразумнаго нововведенія, онъ еще значительно исправилъ и улучшилъ многое въ подробностяхъ зданія, заимствуясь въ этомъ случаѣ у настоящей Греческой школы. Между прочимъ, онъ принялъ Греческіе ante-fixae.

Величина и число оконъ, — по двадцати пяти въ каждомъ этажѣ должайшихъ боковъ зданія, — можетъ заставить думать, что картинныя галереи освѣщены

сбоку, и что съ тѣхъ сторонъ гдѣ находятся окна, нѣтъ мѣста для картинъ. Но зданіе устроено совсѣмъ другимъ и весьма замысловатымъ образомъ: залы, назначенныя для помѣщенія картинъ различныхъ школъ, находятся въ серединѣ строенія, и всѣ освѣщаются сверху. По одну сторону этой внутренней галереи расположенъ рядъ кабинетовъ, для малыхъ картинъ: ихъ всего двадцать три комнаты. По другую сторону тянется одна, длинная и узкая, галерея, корридоръ, или «ложа», о двадцати пяти окнахъ и столькихъ же малыхъ куполахъ, устроенныхъ въ сводѣ. Минхенскіе художники великолѣпно украсятъ ее арабесками и живописью альфреско. Полы сдѣланы изъ Венеціанскаго *terazzo*; двери обложены красивымъ зеленоватымъ мраморомъ; стѣны будутъ еще покрыты пунцовымъ и зеленымъ штофомъ, а потолки богато изукрашены лѣпною работою. Должно однако замѣтить, что строители этого музея понапрасну рѣшились быть столь же отчаянными мотами на деньги, какъ и на мѣсто: съ одной стороны мраморныя панели, съ другой широкой карнизъ, впрочемъ устроенный съ такимъ искусствомъ, что свѣтъ падаетъ подь угломъ самымъ выгоднымъ для живописи, сокращаютъ болѣе чѣмъ на двадцать футовъ пространство стѣнъ, такъ, что ни одна картина не можетъ быть повѣшена на приличномъ для глаза разстояніи. Богатое убранство стѣнъ штофною матеріею не позволитъ также размѣстить картины тѣсными рядами: вѣдъ надобно жъ хоть мало-мальски показать въ промежуткахъ между рамами свои великолѣпные обои?

Шинкелево зданіе въ Берлинѣ отнюдь не посвящено исключительно одному роду художественныхъ произведеній: оно соединяетъ въ себѣ галерею живописи и скульптуры, и въ этомъ состоитъ важнѣйшее ея различіе съ Минхенскими храмами Искусства.

Впрочемъ оно, подобно имъ, стоитъ совсѣмъ отдѣльно, — что необходимо для всякаго монументальнаго строенія, — главнымъ фасадомъ обращено къ дворцу, и по одну сторону имѣетъ таможию, а по другую соборную церковь. Сверхъ того, тутъ же поблизости расположены и многіе другіе величественные плоды зодчества. Самое зданіе, являющее видъ правильнаго параллелограмма въ 276 футовъ длины и 170 ширины, состоитъ изъ невысокаго подвала и двухъ верхнихъ этажей, снабженныхъ съ трехъ сторонъ окнами. Главный фасадъ, на одномъ изъ должайшихъ боковъ параллелограмма, обращенъ къ югу: это пространная колоннада, образуемая осмнадцатью ложчатыми пиластрами Ионическаго ордена въ сорокъ футовъ вышины, и двѣя угловыми же пиластрами, или антами, огромнаго размѣра. Колонна оперта на массивномъ непрерывномъ постаментѣ, или стѣлѣ, высотой равномъ подвалу, и разбитомъ только въ одномъ мѣстѣ, лѣстницею, помѣщенной въ центрѣ, объемлющемъ пространство семи междустолбій, съ ихъ пиластрами. Внутри портика, этотъ центръ имѣетъ пять открытых междустолбій: тутъ находится невысокій балюстрада со сквозными бронзовыми дверями, предшествующими парадной лѣстницѣ, которой верхняя часть, брошенная такимъ образомъ въ перспективу, не мало содѣйствуетъ живописному величію этой архитектурической сцены. Не менѣе достопримѣчательны и другія части грунта колоннады, по ихъ богатству и вкусу: стѣны, во все протяженіе обвѣнчаны лѣпною работою разныхъ украстельныхъ видовъ, и въ извѣстныхъ разстолбіяхъ выложены цвѣтнымъ мраморомъ, кромъ ряда барельефовъ, занимающихъ промежутки; сверхъ того верхняя ихъ часть будетъ расписана широкими альфресками.

Остановимся, и спросимъ — есть ли гдѣ въ Европѣ твореніе новѣйшаго зодчества, могущее сравниться съ

этими зданіемъ? Какая простота въ наружныхъ формахъ! Сколько разнообразія и оригинальности въ рисункѣ? Какое счастливое соединеніе классическаго чувства съ новымъ изобретеніемъ, расточительной роскоши съ изысканною чистотою стили! Тогда какъ Европейскія столицы наполняются тяжелыми и уродливыми массами по правиламъ безтолковой школы, великій Германскій Художникъ соорудилъ чертогъ, достойный вѣка и генія Искусства, и этого образцоваго чертога никто не примѣчаетъ, — всѣ взоры устремлены на развращенныя стѣны Италіи! Щедрый, но не вычурный въ украшеніяхъ, онъ соединилъ прелесть съ величіемъ и окружилъ свое твореніе лучезарнымъ вѣнцомъ поэтическаго воображенія. Нѣкоторые критики упрекаютъ Шинкелъ въ томъ, что остальные части его музеума не соответствуютъ пышности фасада. Безъ этого недостатка, эффектъ, быть можетъ, усугублялъ бы восхищеніе; но мы полагаемъ, что правило объ одинаковомъ богатствѣ всѣхъ угловъ зданія не должно уже имѣть ни какого вѣсу въ архитектурѣ, подобно тому, какъ оно не имѣетъ ни какого смысла въ Логикѣ. Конечно прочія стороны Берлинскаго музеума не могутъ сравниться въ великолѣпнн съ главнымъ фасадомъ: за то онъ отличается благородною простотою, и еще тѣмъ достоинствомъ, что превосходно сливаются въ одно прекрасное цѣлое; въ немъ нѣтъ тѣхъ рѣзкихъ переходовъ отъ пышнаго къ пошлomu, такъ часто оскорбляющихъ вкусъ въ произведеніяхъ, почитаемыхъ у насъ хорошими. Стройность и отдѣлка всѣхъ частей удивительны. Одни фасады имѣютъ то несравненное достоинство, что будучи даже разсматриваемы отдѣльно, представляютъ высокую и самобытную архитектурную идею.

Мы еще не упомянули объ одной изъ главныхъ вышнихъ чертъ музеума, существенно умножаю-

нить красоту и величіе цѣлой массы: низкая четверугольная надстройка, съ особенною прелестью возвышается по срединѣ крыши, для скрытія верхней части купола большой ротонды. Нашимъ архитекторомъ покажется страннымъ, что Шинкель упряталъ въ четыре стѣны такую прелесть, каковъ вообще куполь; но онъ сдѣлалъ это по внушенію того върнаго и яснаго вкуса, который дается только генію. Куполь, недовольно выходящій изъ крыши, есть скорее безобразіе, нежели украшеніе.

Эта ротонда раздѣляетъ внутреннее пространство зданія на два двора: она имѣетъ 67 футовъ въ діаметръ и 70 въ вышину; нижняя часть ея окружена перистилемъ изъ двадцати ложчатыхъ колоннъ, которыхъ капители осынены листьями въ Греческомъ вкусѣ. Перистиль обведенъ галереєю, имѣющею сообщеніе съ верхнимъ этажемъ. Между покоемъ нижняго, особенно замѣчательны три большія галереи, одна въ 200 и двѣ въ 123 футовъ длины: ширина первой 30, а остальныхъ двухъ 29 футовъ: всѣ онѣ разрѣзаны на три части двумя рядами дорическихъ колоннъ съ красивыми капителями. Галереи эти служатъ для храненія статуй и антиковъ. Надъ ними, въ верхнемъ этажѣ, въ галереяхъ такого же размѣра, помѣщаются произведенія живописи; перегородки, идущія отъ колоннъ, стоящихъ между окнами, раздѣляютъ внутренность ихъ на многіе кабинеты: ихъ всего одиннадцать въ большей и по семи въ меньшихъ галереяхъ. Это распредѣленіе доставляетъ возможность размѣстить большое число картинъ, и имѣетъ ту выгоду, что свѣтъ прямо падаетъ на картины, а не на перегородкахъ, чѣмъ если бъ онѣ развѣшены были по стѣнамъ: тогда онѣ падали бы на нихъ изъ боковыхъ оконъ. Конечно, въ такомъ случаѣ общій видъ галерей менѣе величественъ, но

за то глаза не *разбѣгаются*, и поствѣтитель, окинувъ все однимъ взглядомъ, можетъ заняться исключительнымъ разсмотрѣніемъ одного или нѣсколькихъ отдѣленій. Впрочемъ обширность галерей не совсемъ потеряна для глаза, такъ какъ между перегородками, посрединѣ, оставлено открытое мѣсто въ десять футовъ, дозволяющее видѣть все протяженіе внутренности отъ одного конца до другаго. Самыя перегородки убраны приличнымъ образомъ, и въ предупрежденіе того, чтобъ картины не были помѣщаемы слишкомъ высоко или слишкомъ низко, строитель возвелъ перегородки только вровень съ высотой оконъ, то есть, на восемнадцать футовъ отъ пола, такъ, что между потолкомъ и верхнею чертою перегородокъ остается еще довольно большое пространство.

Мы желали бы поговорить еще о другихъ произведеніяхъ Шинкеля, между прочимъ о превосходномъ фасадѣ недавно выстроеннаго имъ въ Берлинѣ, великолѣпнаго дома г. Фейльнера; но предѣлы статьи, и безъ того уже слишкомъ длинной, заставляютъ насъ положить перо. Если мы утомили ею читателей, то поищемъ себѣ извиненія въ собственной ихъ пользѣ: архитектура, для всякаго народа, который *обстраивается*, предметъ чрезвычайно важный, искусство первой потребности, и въ свѣтъ нѣтъ такой скуки, которой бы не стоило подвергнуться, чтобъ не оставлять потомству вѣковыхъ доказательствъ своего безвкусія.

М. МИХАЙЛОВЪ.

Foreign Quarterly Review.

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

и

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

ЛЕГКИЙ СПОСОБЪ ЗОЛОТИТЬ И СЕРЕБРЯТЬ РАЗНЫЯ ВЕЩИ.

=

Во всякомъ хозяйствѣ есть множество вещей, которыя было бы не только пріятно, но даже и полезно позолотить или посеребрить; но, какъ или по дороговизнѣ этой работы, или за неимѣніемъ по близости мастеровъ, что также нередко случается, многіе по неволѣ должны отказываться отъ сего удобства, то для желающихъ и имѣющихъ время заняться этимъ дома, сообщаемъ нѣкоторые легчайшіе способы серебрить и золотить разныя вещи, считая, впрочемъ излишнимъ описывать здѣсь золоченіе и серебреніе черезъ огонь, ибо эта работа трудна, непріятна и даже вредна для здоровья.

Сортушка для серебрения мѣди. Стерши въ какой-нибудь ступкѣ, только не въ мѣдной, одну часть мелкихъ оловянныхъ опилокъ или стружекъ съ двумя частями ртути, составляется амальгама, въ которую прибавляютъ одну часть чистаго серебра, осажденнаго посредствомъ мѣди изъ раствора онаго въ селитряной кислотѣ* и тщательно перемытаго;

* Это дѣлается слѣдующимъ образомъ: измельчанъ какъ-нибудь известное количество чистаго серебра (листоваго или спущеннаго на капелю) напр. терпугомъ или другимъ образомъ, бросаютъ его повемногу въ крѣпкую водку (селитрянную кислоту), налитую въ стеклянный или фарфоровый сосудъ; когда все серебро распустится, прибавляютъ

все сіе опять растирается въ ступкѣ, и когда серебро совершенно соединится съ амальгамою, прибавляютъ въ смѣсь отъ шести до восьми частей мелкаго порошка пережженныхъ прокаленныхъ добѣла костей. Стерши все вмѣстѣ, получаютъ сухую массу, которая накладывается на металлъ слѣдующимъ образомъ: обернувъ палецъ мокрою ветошкою или льною, и обмакнувъ ее въ приготовленный порошокъ, натраютъ онымъ мѣдную вещь, которая отъ сего посеребрится очень скоро, прочно и красиво. Посеребренная такимъ образомъ вещь, будучи вытерта начисто тонкимъ сухимъ сукномъ, является во всемъ блескѣ, и съ виду ни сколько не уступаетъ настоящей серебряной. — Наведенный по сему способу слой амальгамы, конечно, уступаетъ въ прочности чистой серебряной накладкѣ, наведенной черезъ огонь, однако жъ онъ держится также очень долго, и не измѣняется даже при накаливаніи, разумѣется умеренномъ. Впрочемъ этотъ слой такъ скоро и легко можно возобновлять, что, имея у себя всегда наготовѣ вышеозначенный порошокъ, едва ли стоить платить большія деньги за посеребреніе черезъ огонь многихъ вещей: ибо безъ надлежащей бережи и лучшая серебряная накладка долго не продержится, а въ бережливыхъ рукахъ и самый тонкій слой серебра никогда не сотрется.

въ растворъ чистой, дистиллированной воды вдвое болѣе, нежели сколько употреблено селитряной кислоты. Потомъ погружаютъ въ растворъ кусочекъ вычищенной красной мѣди, повѣсивъ его на нитку. Черезъ четверть часа мѣдь покрывается слоемъ серебра; тогда ее вынимаютъ, а въ растворъ погружаютъ другой кусочекъ мѣди, вынутый же бросятъ въ сосудъ съ холодною водою; черезъ нѣсколько времени серебро отъ мѣди отдѣляется и осѣдаетъ на дно сосуда. Это повторяютъ нѣсколько разъ; до тѣхъ поръ, пока все серебро изъ раствора отдѣлится. Отставшее отъ мѣди серебро перебиваютъ въ извольникъ водахъ, высушиваютъ и хранятъ въ закрытомъ сосудѣ. Почти столь же тонкій порошокъ серебра можно получить и другимъ образомъ, именно, посредствомъ растиранія листового серебра съ мелкой или ветошкою, на гладкомъ камнѣ или шлифованной стеклянной плиткѣ. Когда серебро истерется довольно мелко, тогда вся масса кладется въ теплую воду и хорошеенько размѣшивается: мѣдь растворяется въ водѣ, а серебро осѣдаетъ на дно сосуда, перебивается въ извольникъ водахъ и высушивается. Для сего пригодно также серебро, полученное изъ выжиги серебряныхъ вещей.

Для совершенного успеха въ этомъ дѣлѣ не должно ни на волосъ отступать отъ вышеозначенной пропорціи.

Если потребуется посеребрить многія и притомъ большія вещи, то для ускоренія дѣла можно покрыть ихъ предварительно тонкимъ слоемъ насыщеннаго раствора ртути въ селитровой кислотѣ, чѣмъ дѣлопроизводство значительно облегчается.

Этотъ же порошокъ можетъ быть съ выгодой употребленъ и для серебрения латуни или желтой мѣди.

Здѣсь кстати упомянуть и о нѣкоторыхъ другихъ способахъ серебрить мѣдь и отбѣливать оную безъ примѣси серебра, которые также очень удобно могутъ быть употреблены во всякомъ хозяйствѣ.

Серебрение. Смѣшавъ одну часть, по вѣсу, чистаго серебрянаго порошка, добытаго однимъ изъ вышеописанныхъ способовъ, съ двумя частями креморъ-тартара и двумя частями бѣлой поваренной соли, должно смочить эту смѣсь водою, и сдѣлать изъ нее родъ тѣста. Обернувъ палецъ чистою холстиною или лайкою, взять на нее темнаго сего тѣста и натирать имъ мѣдную вещь, доколѣ она достаточно посеребрится; мѣдь должно напередъ какъ можно лучше вычистить. Посеребренную такимъ образомъ вещь немедленно обмываютъ въ теплой водѣ, въ которой предварительно распущена щепоть поташа или золы изъ перажженныхъ дрождей; засимъ обмакиваютъ ее въ чистую воду, сначала въ теплую, а потомъ въ холодную; наконецъ, вытерши досуха чистымъ полотнищемъ, нагреваютъ ее передъ огнемъ до тѣхъ поръ, пока перестанетъ появляться на ней влага. Съ небольшою вѣрвучкою способъ сей всегда удается; должно только посеребренную вещь обмывать какъ можно скорее.

Отдѣлка безъ серебра. Растворивъ въ желѣзномъ уполовникѣ одну часть, по вѣсу, чистаго олова, прибавляютъ въ него столько же висмуту, и мѣшаютъ желѣзною палочкою, доколѣ висмутъ также расплавится; потомъ снимаютъ

смѣсь съ огня, вливають въ нее одну же часть ртути, размѣшиваютъ и для охлажденія выливають все на мраморную плиту съ закраинами. Истолокши полученный сплавокъ, просѣвають его сквозь частое шелковое сито, и смѣшиваютъ съ четвернымъ, противу вѣса всей смѣси, количествомъ Испанскихъ бѣлилъ, * также истолченныхъ и просѣянныхъ. Мѣдныя и латуновые вещи, натертыя симъ порошокъ, съ виду совершенно похожи на посеребренныя, только должно замѣтить, что эта отбѣлка очень не прочна и скоро сходить.

Сей послѣдній порошокъ, но безъ примѣси бѣлилъ, можно гораздо съ большею пользою употреблять для посеребренія бумаги и дерева: разболтавъ его съ яичнымъ бѣлкомъ, бѣлымъ лакомъ или виннымъ спиртомъ, въ которомъ предварительно распущено нѣсколько Аравійской камеди (*Gummi arabicum* — вишневыи клей), накладывають его широкою кистью на дерево или на бумагу, просушиваютъ и наконецъ лощатъ волчьимъ зубомъ. Отъ сего бумага принимаетъ и очень долго сохраняетъ превосходный металлическій блескъ и цвѣтъ.

Кошачье золото. Во всѣхъ почти химіяхъ можно найти нѣсколько рецептовъ для составленія такъ называемаго кошачьяго золота. Пеллетье, очень много этимъ занимавшійся, предлагаетъ слѣдующій способъ приготовленія сего порошка.

Растопивъ въ желѣзномъ уполовникѣ 7 частей, по вѣсу, чистаго олова, смѣшай оное съ такимъ же количествомъ ртути, и остудивъ сплавокъ, изотри его въ ступкѣ съ пятью частями сѣрныхъ цвѣтовъ и тремя частями нашатыря; всыпавъ смѣсь въ широкій тигель такой величины, чтобы порошокъ занималъ не болѣе одной трети онаго, вложи въ него глиняную крышку съ нѣсколькими небольшими отверстіями, такъ, чтобы она не доходила на дюймъ мѣста до

* Нѣсколько разъ перемытый и отъ всѣхъ постороннихъ частей очищенный мѣлъ. Для сего взявъ обыкновенный мѣлъ, толкутъ его и разболтавъ въ водѣ, дають грубымъ частямъ осѣсть; потомъ бѣлую воду сливають и снова дають ей отстояться. Этотъ-то послѣдній осадокъ и называется Испанскими бѣлилами.

порошка, потомъ закрой тигель второю крышкою, примазавъ ее хорошенько глинною или другою огнепостоянною обмазкою. Приготовленный такимъ образомъ тигель поставь въ песчаную баню, или, что все равно, въ другой тигель, обсыпавъ его тамъ сухимъ пескомъ, и медленно нагревай въ теченіе 8 или 10 часовъ и даже долѣе. Вообще, для полученія хорошаго кошачьего золота, надобно, чтобъ оно было приготовляемо въ легкомъ, но продолжительномъ жару, который долженъ быть не свѣше температуры, нужной для возгонки нашатыря, т. е. ниже температуры темно-краснаго накаливанія. По изготовленіи и охлажденіи кошачьего золота, его толкутъ и просѣвають сквозь частое шелковое сито, и хранятъ для употребленія въ склянкахъ съ притертыми стеклянными пробками.

Поддѣльная позолота мѣди, латуни, дерева, бумаги и проч. Для позолоты мѣди берется одна часть, по вѣсу, кошачьего золота, и смѣшивается съ шестью частями мелкаго порошка пережженныхъ добыла костей; потомъ берутъ нѣсколько этой смѣси на мокрую тряпку, и трутъ ею мѣдную вещь до тѣхъ поръ, пока она получитъ желаемый цвѣтъ, тогда ее вытираютъ сухимъ полотенцомъ и полируютъ волчьимъ зубомъ. Отдѣланныя такимъ образомъ мѣдныя и латуневныя вещи, довольно похожи на золоченыя.

Для позолоты дерева, бумаги, папки и проч., разбалтываютъ кошачье золото въ яичномъ бѣлкѣ, бѣломъ лакѣ или лучше, въ винномъ спиртѣ, въ которомъ распушено достаточное количество Аравійской камеди, и накладываютъ его широкою барсуковою кистью, просушиваютъ и лощатъ волчьимъ зубомъ.

Для сего можно употреблять также и мѣдный порошокъ или поталь, получаемый чрезъ осажденіе онаго посредствомъ кусковъ желѣза изъ раствора мѣди въ крѣпкой водкѣ, такъ же точно, какъ сказано выше объ осажденіи серебра мѣдью.

Другая поддѣльная же позолота. Сплавивъ одну часть цинка (шпіаутера) съ двѣнадцатью частями ртути, растворяютъ эту амальгаму въ соляной кислотѣ, куда прибавляютъ

также листокъ или два золота и нѣсколько виннаго камня. Потомъ, вычистивъ хорошенько мѣдную вещь, которую требуется позолотить, и обмывъ селитряною кислотою, кинуть ее въ вышеозначенномъ растворѣ, гдѣ она и принимаетъ прекрасную позолоту. Вызолоченная такимъ образомъ мѣдная проволока можетъ быть котомъ вытягиваема въ тончайшія нити, которыя вполне сохраняютъ золотистый свой цвѣтъ и блескъ. Симиъ способомъ обыкновенно дѣлается такъ называемая мишура, идущая на приготовленіе галуновъ, разныхъ офицерскихъ и другихъ вещей, по наружному виду очень близко подходящихъ подъ золоченныя.

Настоящій золотой порошокъ. Золото превращается въ порошокъ двумя способами: или посредствомъ растиранія листоватаго золота на камнѣ съ медомъ или патокою; или посредствомъ осажденія онаго изъ раствора золота въ селитро-соляной кислотѣ (въ царской водкѣ). Первый изъ сихъ способовъ описанъ уже выше въ особомъ прилѣченіи, ибо золото и серебро растираются и промываются совершенно одинаковымъ образомъ. Второй же способъ состоитъ въ слѣдующемъ:

Смѣшавъ двѣ части, по вѣсу, селитряной кислоты, съ одною частию соляной*, т. е., составивъ такъ называемую царскую водку, растворяютъ въ ней понемногу листовое золото до насыщенія, т. е., до тѣхъ поръ, пока оно перестанетъ растворяться — обыкновенно же полагаются около одной драхмы золота на двѣ унціи царской водки. Раствореніе это производится въ стекляномъ сосудѣ, поставленномъ въ несокъ, подогреваемый на утолкѣ. Если надобно, чтобъ позолота имѣла красноватый цвѣтъ, должно прибавить въ растворъ отъ 10 до 12 грановъ чистой листовой мѣди или потали; вообще позолота будетъ темъ краснѣе, чѣмъ больше положится мѣди. Приготовивъ растворъ, намачиваютъ въ немъ чистыя полотняныя тряпки, поливая ихъ онымъ слегка до тѣхъ поръ, пока онъ совер-

* Смѣсь сію должно дѣлать съ осторожностію, чтобы не лопнула банка, и для того соляную кислоту приливаютъ понемногу, безпрестанно небольшая банку, ибо безъ того она вдругъ сильно нагрѣется.

зелено или чернотеются; потомъ, положивъ духъ на фарфоровую или фарфоровую тарелку, ставятъ въ теплое мѣсто, хорошенько просушиваютъ, и наконецъ закрываютъ лущинкою: полученный порошокъ и будетъ содержать въ себѣ порошокъ золота.

Чтобы получить золотой порошокъ въ чистомъ металлическомъ видѣ, золотосодержащій растворъ должно напередъ развести перекипяшею водою, потомъ прибавить въ него немного раствора зеленого (железнаго) купороса въ водѣ до тѣхъ поръ, пока перестанетъ отдѣляться осадокъ; оставшуюся жидкость слегка осѣдять, а на осадокъ налить теплой воды, потомъ воду опять слить, и повторять это нѣсколько разъ. Наконецъ, отдѣливъ осадокъ, высушить и подогрѣвать его на легкомъ жару, доколѣ золото воспламенится, причемъ надобно очень остерегаться, чтобъ оно не оплавилось. Впрочемъ эта работа, требующая большой осторожности и точности, для позолоты вовсе не нужна, ибо окисленное золото восстанавливается само собою отъ трѣнія, употребляемаго при золоченіи онымъ.

Позолота серебра и мѣди. Для позолоты серебряныхъ и мѣдныхъ вещей, онѣ сначала хорошенько полируются и потомъ натираются мягкою пробкою, смоченною слегка чистою водою и потомъ обмокнутою въ золотой порошокъ. Когда позолота приметъ надлежащій видъ, и наведенный слой золота получить желаемую толщину, тогда трѣніе прекращается и вещь полируется обыкновеннымъ кровавиновымъ или стальнымъ гладиломъ. Полированіе производится съ мыльною водою. При золоченіи золотымъ порошокомъ, имѣющимъ металлическій блескъ, можно вмѣсто пробки употреблять лайку, обернувъ ее около пальца.

Позолота железа и стали. Давно уже Гютонъ де Морво показалъ весьма легкій и удобный способъ для прочной позолоты железа и стали послѣ отполировки ихъ. Этотъ способъ и донынѣ съ успѣхомъ употребляется вожевщиками, оружейными и другими мастерами для позолоты и надписей на ружьяхъ, пистолетахъ, ножахъ, бритвахъ, ножницахъ

и проч., и состоитъ въ слѣдующемъ: Растворивъ чистое листовое золото въ царской водкѣ до насыщенія, вливають въ растворъ равное ему по объему количество сѣрнаго зѣира, напр. на рюмку кислоты рюмку же зѣира. Эта смѣсь дѣлается въ склянкѣ, емкость которой вдвое болѣе объема обихъ жидкостей. По влитіи зѣира склянка плотно затыкается и содержащаяся въ ней жидкость сильно сбалтывается; при семъ зѣиръ отнимаетъ у кислоты все золото, и принимаетъ красивый желтый цвѣтъ. По прошествіи некотораго времени, золотосодержащій зѣиръ всплываетъ наверхъ, и тогда его уже легко отдынуть отъ кислоты, славая, или просто черезъ край или посредствомъ сифона, или всего лучше посредствомъ стеклянной воронки съ тоненькимъ носкомъ: кислота, будучи тяжела, займетъ въ ней нижнюю часть, а зѣиръ верхнюю; и такъ, спустивъ сначала кислоту въ одну склянку, переносятъ воронку на другую въ то самое мгновеніе, когда начнетъ вытекать зѣиръ. Этотъ составъ хранится для употребленія въ плотно закупоренныхъ склянкахъ съ притертыми стеклянными пробками.

Когда потребуется позолотить желѣзо или сталь, или сдѣлать на нихъ надпись, рисунокъ, узоръ и т. п., металлъ прежде тщательно полируютъ, а потомъ слегка нагрѣвши, намазываютъ золотосодержащимъ зѣиромъ все тѣ мѣста, гдѣ назначено быть позолотѣ, кисточкою или перомъ, смотря по удобности. На тепломъ металлѣ зѣиръ тотчасъ испаряется, а золото остается; тогда его закрѣпляютъ и оживляютъ, полируя обыкновеннымъ гладиломъ.

Говоря о позолотѣ мѣдныхъ и другихъ вещей, кстати уже упомянуть и о способѣ чистить разныя небольшія вещицы изъ дѣльнаго или такъ называемаго Французскаго золота, почернѣвшія отъ времени и долгаго употребленія. Известно, что это золото всегда содержитъ значительную примѣсь мѣди, которая мало-по-малу тускнѣетъ и чернѣетъ. Для совершеннаго очищенія такой вещи стоитъ только вскипятить ее въ растворѣ нашатыря: эта соль растворитъ мѣдь, выступившую на поверхность, и оставитъ золото совершенно чистымъ. Н. Ф.

СОСТАВЪ АРОМАТИЧЕСКОЙ ГОРЧИЦЫ, ИЗВѢСТНОЙ У НАСЪ ПОДЪ НАЗВАНІЕМЪ ФРАНЦУЗСКОЙ.

=

Горчица есть одна изъ необходимѣйшихъ приправъ нашего стола; она весьма полезна, особливо въ холодныхъ и сырыхъ странахъ, для людей слабыхъ, апатическихъ и ведущихъ сидячую жизнь, у которыхъ дурно пищевареніе или которые употребляютъ довольно грубую пищу; она полезна также въ скорбутной и нѣкоторыхъ другихъ болѣзняхъ. — У насъ извѣстны три главные сорта горчицы, а именно, такъ называемыя Англійская, Сарептская и Французская, приготовляемыя изъ семянъ растенія того же имени, которое бываетъ двухъ видовъ: сѣрая горчица (*sinapis nigra*, L.) и желтая (*sinapis alba*, L.). Англійская и Сарептская горчица готовится для стола очень просто: ее смѣшиваютъ съ небольшимъ количествомъ сахара и уксуса, и потомъ разводятъ водою. Любителямъ же самой крѣпкой горчицы рекомендуемъ Сарептскую, приготовленную непременно слѣдующимъ образомъ: перемѣшавъ сухую Сарептскую горчицу съ мелкимъ сахаромъ, положивъ онаго по вкусу болѣе или менѣе, должно прибавить въ смѣсь хорошаго уксуса, и растирать ее деревянною ложкою до тѣхъ поръ, пока всѣ комья разотрутся и составитя густое, совершенно однородное тѣсто, которое потомъ обварить кипяткомъ, и хорошенько размѣшавъ, оставить на цѣлыя сутки въ открытомъ сосудѣ. По прошествіи сего времени, ее можно вылить въ банку и употреблять, но ранѣе эта горчица къ употребленію не годится; ибо, не выстоявшись хорошенько, она имѣетъ въ себѣ очень непріятную горечь.

Ароматическая горчица, извѣстная у насъ подъ названіемъ Французской, готовится чаще изъ сѣрой горчицы, но и желтая, или Англійская, одинаково для сего пригодна. Слѣдующіе два способа приготовленія этой горчицы считаются во Франціи лучшими.

1 способ. На два съ половиною фунта сухой горчицы берется:

Свяжнхъ листьевъ	петрушки	3 $\frac{1}{2}$	золотника.
---	---	кервеля	3 $\frac{1}{2}$ ---
---	---	сельдерея	3 $\frac{1}{2}$ ---
---	---	астрагова	3 $\frac{1}{2}$ ---
		чесноку	1 головка.
		соленыхъ анчоусовъ .	12 штукъ.

Все это вмѣстѣ рубится какъ можно мельче острою ступою, сививается съ горчицею и растирается въ стекляной или каменной ступкѣ до тѣхъ поръ, пока получится самый мелкій и совершенно однородный порошокъ. Потомъ эта смесь подмачивается виноградныхъ суеломъ или, за недостаткомъ оного, обыкновеннымъ сахаромъ, но вкусу каждаго, только не слишкомъ много; наконецъ прибавляется 7 золотниковъ бѣлой поваренной соли въ мелкомъ порошокѣ, и вся смесь растирается, разводится водою и разливается въ банки. Но прежде, нежели банки съ горчицею будутъ закупорены, должно въ каждую изъ нихъ опустить раскаленный докрасна кусокъ железа, величиною въ средний палецъ, и оставить его тамъ до тѣхъ поръ, пока онъ совершенно остынетъ. Это нужно для того, чтобы отнять у горчицы часть остроты, и выпарить лишнюю воду. Вынувъ железо, банки доливаются кипящимъ былымъ уксусомъ, закупориваются и заливаются смолою. Приготовленная такимъ образомъ горчица сохраняется очень хорошо и чѣмъ дольше стоитъ, тѣмъ дѣлается лучше.

2 способ. На два съ половиною фунта горчицы должно взять:

Петрушки	} ко 1-й большой горсти.
Кервеля	
Сельдерея	
Мелкаго луку	$\frac{1}{2}$ гарана.
Чесноку	1 головку.
Мелкой поваренной соли	14 золотниковъ.
Прованскаго масла	7 ---
Корицы въ мелкомъ порошокѣ	1 ---

Гвоздики	1	---
Мушкетного ореха	1	---
Перцу	1	---
Тимьянова масла (essence de thym)	10	капель.
Коричневого	8	---
Эстрагонаго	1	---

Вычистить и изрубить кореньяко петрушку, кервель, сельдерей, лук и чеснокъ, вымачиваютъ ихъ цѣлыя двѣ недѣли въ достаточномъ количествѣ лучшаго бѣлаго уксуса; потомъ вынимаютъ ихъ изъ онаго, растираютъ какъ можно лучше и желче на вингѣ или въ ступкѣ, въ растертую массу высыпаютъ горчицу, и опять растираютъ, потомъ кладутъ туда же соль, прованское масло, душистыя эссенціи и пряности, снова растираютъ эту смесь, и наконецъ разводятъ ее тѣмъ же самымъ уксусомъ, въ которомъ вымачивались вышеозначенныя растенія, и все вмѣстѣ кореньяко размѣшиваютъ. Черезъ двѣ сутокъ разливаютъ приготовленную такимъ образомъ горчицу въ банки, закупориваютъ ихъ, и пробки заливаютъ смолою. Н. Ф.

ПРИГОТОВЛЕНІЕ ВИШНЕВОЙ ВОДКИ ИЛИ КИРШВАССЕРА.

=

Водка сія готовится большею частію изъ ягодъ съ непривитыхъ вишневыхъ деревъ. Оборвавши у вишенъ хвостики, разминаютъ ихъ пестомъ и кладутъ въ чанъ, поставленный въ умеренно тепломъ мѣстѣ. Во время броженія, которое начинается, иногда, по прошествіи двухъ недѣль, а иногда, дни черезъ три или четыре; чанъ закрываютъ крышею, и каждая двое сутокъ мѣшаютъ въ немъ вишни чистою деревянною мѣшалкою. Когда броженіе достигнетъ надлежащей степени, тогда можно или тотчасъ же приступить къ перегонкѣ или хранить нѣсколько дней перебродившую массу, закрывши какъ можно плотнѣе сосудъ, въ которомъ она содержится. Чтобы во время перегонки, вишневая мякоть, находящаяся въ кубѣ, не водитъ

рѣла, мѣшаютъ ее какъ можно чаще и закрываютъ кубъ шлемомъ тогда только, когда уже она начнетъ закипать. Впрочемъ, при перегонкѣ поступаютъ точно такъ же, какъ и съ обыкновеннымъ вишнымъ спиртомъ. Покуда жидкость, выходящая изъ куба, безцвѣтна, до тѣхъ поръ она имѣетъ надлежащую крѣпость, но коль скоро начнетъ мутиться, то это значитъ, что она уже дѣлается слабою, и потому ее получаютъ въ особый приемникъ, и потомъ опять перегоняютъ съ новыми вишнями.

Киршвассеръ можетъ быть получаемъ такъ же и изъ сухихъ вишенъ. Для сего кладутъ ихъ сначала въ горячую воду, а потомъ размявши, складываютъ въ боченокъ съ довольно большимъ количествомъ воды, и подвергаютъ броженію, которое въ этомъ случаѣ происходитъ уже гораздо медленнѣе.

Вишневая косточка и ядра такъ же разбиваются: нѣтъ обыкновенно толкутъ особо, и потомъ уже кладутъ вмѣстѣ съ ягодною мякотью. Отъ нихъ-то собственно и получаетъ вишневая водка тотъ особенный вкусъ и запахъ, которыми она наиболѣе отличается отъ обыкновеннаго хлѣбнаго вина, особливо если ее разсыропить сахаромъ. Чѣмъ дольше эта водка стоитъ, тѣмъ она дѣлается лучше. Водка, подобная вишневой, дѣлается также и изъ сливъ, но сія послѣдняя уступаетъ въ достоинствѣ вишневой, и отъ примѣся къ ней воды бѣзветъ. Водка, сдѣланная такимъ же образомъ изъ ягодъ терновника, предпочитается настоящему киршвассеру. *Н. Ф.*

САКСОНСКІЙ СПОСОБЪ УНАВОЖИВАТЬ ЗЕМЛЮ.

Въ Саксоніи и сосѣдственныхъ съ нею странахъ употребляютъ слѣдующій, очень замысловатый способъ увеличивать количество навоза, идущаго на удобреніе пахотныхъ полей.

По мѣрѣ очищенія скотныхъ дворовъ навозъ сваливаютъ въ кучи, перекладывая его слоями дерна, по возможности наблюдая, чтобы на три воза перваго приходилось по два воза послѣдняго. Дерьнъ сдираютъ не толсто, и перевернувъ вверхъ кореньями, оставляютъ его въ такомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока онъ начнетъ нѣсколько зеленѣть; тогда его употребляютъ для перекладки навоза. Вообще кучи сіи кладутся вышиною около шести футовъ, а длиною и шириною, какъ позволяетъ мѣсто; сверху онѣ дѣлаются нѣсколько впалыми, дабы удобнѣе проникала въ нихъ дождевая вода.

Такое переслоеніе навоза съ дерномъ весьма много способствуетъ къ перегною сего послѣдняго такъ, что онъ въ теченіе лѣта совершенно перепрѣваетъ, а иногда бываетъ даже достаточно для сего и двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ; впрочемъ это болѣе зависитъ отъ погоды. Иногда, смотря по времени, когда кучи сложены и когда онѣ должны быть употреблены въ дѣло, бываетъ нужно ихъ переворачивать; такъ напр. если кучи сложены около Михайлова дня, то это необходимо; ибо, если навозъ долженъ быть положенъ подъ яровой посѣвъ, тогда можетъ случиться, что дернъ не успѣетъ перегнить какъ слѣдуетъ, и потому ему должно пособить въ этомъ, переворачиваніемъ кучи; когда же навозъ назначается подъ озимый хлѣбъ слѣдующаго года, тогда его должно опять перевернуть около Иванова дня, ибо иначе можетъ поле заглухнуть негодными травами.

Множествомъ опытовъ доказано уже, что три тельги сего назема равняются силою своею двумъ тельгамъ чистаго навозу, что и не удивительно; ибо, во-первыхъ, перегнившая трава составляетъ уже сама собою родъ навоза, а во-вторыхъ, дернъ служитъ здѣсь какъ бы губкою, которая, втягивая въ себя всю влагу изъ навоза, столь для почвы питательную, не допускаетъ ее теряться.

Очевидно, что для избѣжанія лишней перевозки дерна, выгоднѣе кучи сіи складывать на самыхъ поляхъ, нежели близъ жилья. Н. Ф.

ЛАКЪ ДЛЯ ПРЕДОХРАНЕНІЯ ДЕРЕВА ОТЪ ГНИЛОСТИ.

=

Все искусство предохраненія дерева отъ гнилости состоитъ единственно въ томъ, чтобы не допустить ни воздуха, ни влаги проникнуть внутрь онаго. Лучшій для сего составъ есть слѣдующій: расплавивъ въ чугунномъ котлѣ 12 унцій смолы, или гарпіусу, прибавить въ него 8 унцій сьры, и когда она соединится съ гарпіусомъ, влить туда 6 осмунъ ворвани (китовый жиръ), и подогревая безпрестанно, прибавлять по частямъ 14 лотовъ изрѣзаннаго въ маленькіе кусочки желтаго воска; перемѣшать хорошенъко, и когда всѣ кусочки разойдутся, положить въ полученную жидкость полфунта растертой на маслѣ какой-нибудь краски, и снова хорошенъко перемѣшать. Если полученнымъ такимъ образомъ горячимъ составомъ вымазать дерево нѣсколько разъ, разумеется, давая прежде нижнему слою высохнуть, то оно можетъ сохраняться отъ порчи цѣлыя столѣтія. Въ холодномъ состояніи составъ сей твердѣетъ, но для употребленія онъ очень удобно плавится. Ему можно сообщать какой угодно цвѣтъ посредствомъ примѣси различныхъ красокъ. Такъ какъ этотъ составъ очень горючъ, то не дурно бы для предосторожности не покрывать имъ такихъ частей зданія, на которыя удобно можетъ попасть огонь. Нѣтъ ничего лучше этого состава для сохраненія отъ порчи частей дерева, зарытыхъ въ землю или песокъ. *Н. Ф.*

КЛЮКВИННЫЯ ВЫМОРОЗКИ.

=

Судя по обширному употребленію клюквы въ Россіи, надобно полагать, что у насъ до нее много охотниковъ; но странно, что повсюду виденъ одинъ только обыкновенный клюквенный сокъ, выморозки же изъ этой ягоды такъ рѣ-

ки, какъ какая-нибудь драгоценность, — въ самомъ же дѣлѣ онѣ могутъ обойтись не многими дороже простаго соку, особливо, если бѣ приготовленіемъ онаго занялись тамъ, гдѣ, какъ говорится, клюква не по чемъ. Морозами же, кажется, насъ тоже Богъ не обидѣлъ.

Клюквенныя выморозки видомъ, вкусомъ и запахомъ отличаются, какъ небо отъ земли, отъ обыкновеннаго соку: онѣ совершенно чисты, прозрачны, имѣютъ въ себѣ ничто ароматическое, чрезвычайно пріятную кислоту и такую крепость, что одной чайной ложки слишкомъ достаточно для приправы цѣлаго стакана воды или чаю. Сверхъ того онѣ имѣютъ еще и ту выгоду, что могутъ быть сохраняемы въ цѣлости неопредѣленное время, лишь бы только заключались въ совершенно чистыхъ и хорошо закупоренныхъ стеклянныхъ сосудахъ. Вотъ способъ приготовленія оныхъ :

Оттаявъ мерзлую клюкву въ теплой комнатѣ, и положивъ ее на рѣшето, дать постоять въ ономъ столько времени, чтобы вся находящаяся въ ней вода стекла въ подставленный для того сосудъ; потомъ, размявъ и растерши хорошенько ягоду въ каменной ступкѣ или въ деревянной чашѣ, сложить мякоть въ кадку, и не закрывая ничѣмъ, кромѣ чистаго полотенца, выставить ее на морозъ недѣли на двѣ; когда вся мякоть порядкомъ промерзнетъ, внести кадку въ теплую комнату, накрыть деревянною крышкою, и, отступя пальца на два отъ днища, просверлить въ ней съ боку одно или нѣсколько отверстій, въ которыя вставить по гусиному перу, а подъ нихъ бутылки для стока жидкости. По мѣрѣ того, какъ клюква начнетъ въ теплѣ понемногу отходить, сокъ будетъ стекать и собираться въ бутылки. Но какъ сихъ выморозковъ стекаетъ очень немного, то, чтобы не потерять оныхъ ни сколько, можно отстоявшую мякоть снова хорошенько перемять, вторично заморозить и отцѣдить тѣмъ же порядкомъ; только уже полученный при семъ сокъ будетъ качествомъ ниже полученнаго въ первый разъ. На оставшуюся мякоть можно налить нѣсколько теплой воды и выжать: получится обыкновенный клюквенный сокъ. *Н. Ф.*

СПОСОБЪ НАКЛЕИВАТЬ НА СТѢНЫ

**БУМАЖНЫЕ ОБОИ ТАКЪ, ЧТОБЪ ВЪ НИХЪ НЕ ЗАВОДИЛИСЯ
КЛОНЫ.**

=

На комнату обыкновенной величины должно взять фунтъ шубнаго клею, и разбивъ, намочить часа на два въ водѣ; потомъ, паливъ на него три штофа воды и прибавивъ туда же восемь унцій скипидару, кипятить, безпрестанно помешивая, доколѣ клей разварится, а скипидаръ въ немъ распустится. Приготовивъ этотъ составъ и оскобливъ и очистивъ хорошенько стѣны отъ сору и пыли, должно покрыть ихъ раза два или три этимъ составомъ, пока онъ еще горячъ. Потомъ, когда стѣны высохнутъ, наклеивать на нихъ обои обыкновеннымъ мучнымъ или крахмальнымъ клейстеромъ, свареннымъ также вмѣстѣ съ скипидаромъ, полагая онаго до пяти унцій на фунтъ муки или крахмала. Этотъ клейстеръ должно, при намазываніи на обои, какъ можно лучше размешивать, дабы скипидаръ не скопился въ одномъ мѣстѣ; ибо въ противномъ случаѣ онъ пройдетъ сквозь бумагу и запянаетъ обои. *Н, Ф.*

=====

ВѢРНОЕ СРЕДСТВО

ЗАСТАВИТЬ ПЯВКУ ПРИНИМАТЬСЯ КЪ БОЛЬНОМУ МѢСТУ.

=

Иногда случается, что большія и здоровыя пѣвки никакъ не принимаются, и тѣмъ сильно досаждаютъ не только больному, но и тѣмъ, кто ихъ приставляетъ. Въ отвращеніе сего употребляются разныя средства, какъ то: натираютъ тѣло рукою или суконкою докрасна, смачиваютъ его чистою или сахарною водою, намазываютъ иногда кровью, буде есть, и проч., но часто безъ всякаго успѣха. Увѣряютъ однако же, что есть вѣрное средство заставить ихъ приниматься, и что для этого стоитъ только натереть тѣло слегка свѣжимъ свинымъ саломъ. *Н. Ф.*

V.

КРИТИКА.

ДЖАКОВО САННАЗАРЪ, *драматическая Фантазія въ четырехъ актахъ, въ стихахъ. Сочиненіе Н. К. Санктпетербургъ, 1834.*

Въ художествѣ, поэма и романъ по части слова то же что статуя по части скульптуры, что картина по части живописи. Я не знаю предметовъ для Критики, достойнѣе поэмы, романа, статуи или картины. Энеида, Донъ-Кихоть, Аполлонъ Бельведерскій, Последній день Помпей, — какіе предметы! Неужели подобные плоды человѣческаго генія не заслуживаютъ всего вниманія человѣка? Неужели за блестящей лучъ теплоты, наслажденія и счастья, который бьетъ изъ нихъ прямо на наше сердце, который его согреваетъ и облагораживаетъ, должны мы платить художнику равнодушіемъ, считая унижительнымъ для нашей образованности и учености распространяться о такихъ пустякахъ? Есть люди, которые это утверждаютъ: я утверждаю противное. Я говорю, что наши удовольствія ничѣмъ не ниже нашихъ польвъ, даже выше ихъ: пользы суть только орудія удовольствія. По моему, настоящая Критика, совокупное сужденіе ума, сердца и удовольствія, находится только тамъ, гдѣ проявляется геній, творческая мысль, воображеніе искусство исполненія; гдѣ всѣ высочайшія умственныя силы человѣка соединены для произведенія новаго, цѣлаго и изящнаго; гдѣ человѣкъ осмѣлился спорить съ Творцемъ своимъ о правъсозданія. Труды учености, въ которыхъ дѣйствуетъ память, логика и прилежаніе, въ которыхъ умъ пережевываетъ событія и

разводить ихъ мыслию , какъ-бы ни были полезны, стоять только разбора и благодарности. Они не что иное, какъ матеріалы для просвѣщенія творческой мысли, хотя гордое педанство и приписываетъ ему превосходство передъ ея плодами. Противъ одной истинно хорошей поэмы въ стихахъ или въ прозѣ , люди производятъ по тысячѣ истинно хорошихъ ученыхъ сочиненій. Нѣтъ! поэма и романъ достойны всего нашего вниманія : это первый и благороднѣйшій предметъ Критики.

Передо мной лежитъ поэма, которая внушила мнѣ эти мысли. Это уже большая похвала книгѣ, если она такъ увлекаетъ въ пользу своего рода того, кто разсматриваетъ ее съ тѣмъ, чтобы составить себѣ объ ней сужденіе. Судья, прельщенный красотой женщины, можетъ быть не правъ и подавать о себѣ дурное мнѣніе; но о женщинѣ, прельстившей судью, нельзя имѣть невыгоднаго понятія : она должна быть прекрасна собою. Признаюсь откровенно, что я уже увлеченъ, растроганъ моею подсудимой. Чувствую, что мое правосудіе колеблется. Ея видъ, ея черты пробудили во мнѣ самыя сладостныя воспомнанія : это младшая сестра той чудесной Фантазіи, которая такъ сильно обворожила меня въ прошлую зиму , — это твореніе пѣвца Торквата Тасса. Онъ очень не похожъ другъ на друга, —

Non dissimiles tamen, — quantum decet esse.

Эта новая Фантазія Г. Кукольника, какъ видно изъ заглавнаго листа, была писана въ то самое время, когда его Тассъ печатался. Я слишкомъ разсудителенъ, чтобы требовать отъ поэта вдругъ двухъ произведеній равнаго достоинства, и хотя первымъ Г. Кукольникъ сдѣлалъ насъ въ отношеніи къ нему очень нелегкими къ удовлетворенію, однако мы радуемся отъ всего сердца и второму. Въ его Санназаръ нѣтъ

тѣхъ сильныхъ порывовъ высокаго лирическаго вдохновенія, того трескучаго пламени, тѣхъ могущественныхъ эффектовъ, которыми красуются разныя части Торквата Тасса, но здѣсь тоже есть множество прекрасныхъ мѣстъ и прекрасныхъ стиховъ. Это очень хорошая поэма, хотя она и не драма, — и даже не фантазія, которой самое названіе обѣщаетъ всегда что-нибудь фантастическое или сверхъестественное. Здѣсь напротивъ, содержаніе весьма просто.

Саннацаро, или, по Испанскому произношенію, Санпазаръ, названный здѣсь Санназаромъ, былъ второстепенный Италіанскій поэтъ XV вѣка: онъ писалъ много по-Италіански и по-Латыни, но сочиненія его примѣчательны болѣе пріятностью и чистотою языка, нежели большими поэтическими достоинствами. Однако при жизни своей, онъ пользовался необычайною славою въ Италіи, всегда склонной къ энтузіазму и преувеличенію, и Венеціанскій сенатъ заплатилъ ему по сто червонныхъ за каждый стихъ славной его Латинской надписи, которая, по-несчастію для поэта, состояла только изъ шести стиховъ. Саннацаро умеръ въ преклонныхъ лѣтахъ, хотя молодость его была преждевременная. Въ дѣтствѣ онъ уже разсуждалъ какъ мужчина, писалъ и импровизировалъ стихи, говорилъ по-Латыни и по-Гречески, а въ восемнадцать лѣтъ былъ избранъ въ члены знаменитой Академіи Понтана. Дѣтская страсть къ маленькой Кармозинѣ Бонифачіо, которая однако была старѣе его тремя годами, отравила его юность: онъ старался развлечь себя посредствомъ путешествій, но не могъ преодолѣть своего сердца, воротился на родину, и уже не засталъ въ живыхъ своей любовницы.

Изъ этого-то періода его жизни Г. Кукольникъ взялъ сюжетъ своей драматической Фантазіи. Очевидно, что изобрѣтеніе должно здѣсь относиться единственно къ причинамъ, противившимся счастью любовниковъ: тре-

бывалось придумать стеченіе такихъ обстоятельствъ, которыя бы воспрепятствовали Саннацару жениться на Кармозинѣ или по-крайней-мѣрѣ быть ея женихомъ, — потому что разница трехъ или четырехъ лѣтъ въ возрастѣ еще не есть законная причина быть несчастнымъ, особенно въ драмѣ, гдѣ молодые люди такъ часто женятся на весьма пожилыхъ красавицахъ. Успѣшно ли исполнилъ поэтъ эту часть своей обязанности? Не знаю! Но два первые акта, въ которыхъ развиты дѣтство и юность влюбленнаго героя, очень милы.

Что можетъ быть прелестнѣе этой сцены полу-обясненія между влюбленными дѣтьми, между Саннацаромъ и Кармозиною, оканчивающейся импровизаціею маленькаго генія?

САНН..... «О Боже, Боже мой!

Что, если бь можно говорить слезами! *(плачетъ.)*

КАРМ. *(про себя).* Я поняла! Понятны эти слезы!

Кого онъ любить, Боже мой, кого? *(громко.)*

Джакобо! САНН. Да, ребенокъ съ этимъ чувствомъ

Несчастное созданіе! — Другимъ

Оно услада горькой жизни; мнѣ

Отрава и какая!... Кармозина,

Уйдите, ахъ, уйдите Кармозина!

КАРМ. Что это съ нимъ? впервые онъ такъ страшенъ.

САНН. Глаза горятъ отъ слезъ; уста отъ жару;

Грудь стѣснена и голова болитъ.

Я нездоровъ, кто вылечитъ меня?

Ахъ, Кармозина, дайте вашу руку!

(дрожа и цѣлуя ея руку!)

Не понимай, божественная дѣва,

Монихъ пустыхъ рвчей не понимай!

Не слушай словъ сердечнаго напѣва,

Насмѣшками сожги душевный рай;

О, удержи порывъ нѣмага гнѣва,

Не понимай меня, не понимай!...

(какъ бы прослувшись, вадрогиваетъ и отходить отъ Кармозины.)

Черезъ годъ послѣ этого, Саннацаро блуждаетъ одинъ въ долину, гдѣ онъ застигнуть ночью. Онъ стоитъ на утѣсѣ:

«Терпѣніе и будущую жизнь!
 О! Я-бъ терпѣль, я-бъ вытерпѣль все муки
 Божественной Комедіи; но если-бъ
 Мнѣ дали каплю сладости земной,
 Минуту полного восторга! — Боже,
 Ты создалъ человека такъ прекрасно,
 А женщину такъ сладостно, роскошно!
 Ты умъ провелъ въ холодной головѣ,
 А сердце спряталъ въ персяхъ! — О зачѣмъ-же
 Соединить ты ихъ не захотѣлъ?
 Уравновѣсь ума расчетъ холодный
 И невоздержные порывы сердца. —

.....
 Какъ хороша роскошная природа!...
 Какъ эта тѣнь отъ тополи бѣжитъ,
 Становится длиннѣе и длиннѣе!...
 Какая тишина!... О, если бъ сердце
 Могло стихать подобно этимъ нивамъ!
 А на горахъ какой-то дивный призракъ
 Таинственно тѣнію почіеть!...
 Луна плыветъ, какъ челнъ;... звезда... темнѣетъ...
 Вѣтеръ не шелокнетъ... Кармозина.... Счастье...
 (раздается пѣсня пастушки)
 Ахъ! гдѣ я былъ? — Туманныя видѣнья!
 И я могу забыться.... Слава Богу!
 Но этотъ голосъ, — звонкій, сладкій голосъ,
 Зачѣмъ ты сонъ разбилъ непостижимый!
 Роскошенъ сонъ, роскошенъ этотъ голосъ,
 Какъ онъ похожъ на голосъ Кармозины!

ПАСТУШКА *(продолжаетъ пѣть; Саннацаро бѣжитъ къ ней въ долину)*

Съ той поры она не знаетъ,
 Живъ-ли Джуліо молодой;

Стонетъ, слезы проливаетъ
И не спать порой ночной....

(увидавъ Саннацара)

Ахъ! САНН. Подойди, пастушка, не пугайся!
Скажи мнѣ: что ты пѣла? ПАСТ. Пѣсню. САНН. Знаю.
Объ чемъ она? ПАСТ. Ахъ, о любви моей!

САНН. Ты любишь? ПАСТ. Да. САНН. И я люблю, пастушка!

ПАСТ. Ха, ха, ха, ха! САНН. Не смѣйся, ради Бога!
Скажи мнѣ лучше: какъ ты любишь? ПАСТ. Какъ?
Да какъ тебѣ сказать? — Люблю и только!

САНН. А эта пѣсня? ПАСТ. Такъ. Сама сложила,
На голосъ навела; пою, люблю;
Люблю, пою; и ты, когда не шутишь,
Люби и пой, пой и люби — и только
И счастье не далеко....

Г. Кукольникъ щедрою рукою разсыпалъ подобныя черты въ первыхъ двухъ актахъ своего Саннацара, и хотя дѣтскія чувства двухъ малолѣтнихъ любовниковъ могли бѣ быть изображены нѣжнѣе, трогательнѣе, обворожительнѣе, однако эта часть поэмы чрезвычайно пріятна. Въ третьемъ актѣ начинается настоящее дѣйствіе страстей: онъ предвѣщаетъ читателю сильную завязку, истинный драматическій интересъ. Саннацару семнадцать лѣтъ; черезъ годъ правила Западной Церкви уже позволяютъ ему быть супругомъ; онъ уже членъ Академіи, и конечно имѣетъ полное право стараться попасть въ члены почтеннаго сословія мужей. Но, подавляя голосъ сердца въ теченіе всей юности, любовники еще ни разу не объяснились на счетъ своихъ чувствованій. Они любили и терзались, въ молчаніи. Теперь изъясненіе неизбежно. Оно должно извергнуться изъ глубины ихъ груди, быстро и сильно, подобно взрыву волкана, тѣмъ болѣе, что мать Кармозины, ничего не зная о любви сына къ Саннацару, и наскучивъ видѣть дочь въ дѣвкахъ,

сбирается помолвить ее съ молодымъ Синьоре Дольчи. Эта сцена изъясненія, между страстною, переждавшею срокъ дѣвицею и робкимъ, семнадцати-лѣтнимъ юношей, неподобна: она дѣлаетъ честь какъ соображенію, такъ и таланту автора. Саннацаро приходитъ къ Кармозинъ послѣ принятія своего въ члены Академіи.

КАРМ. Позволь себя, мой добрый другъ, поздравить!

САНН. (*про себя*) Она! въ глазахъ темпѣеть.... Кармозина...

Блѣдна какъ тѣнь; какъ тѣнь въ одеждѣ мрачной!

КАРМ. Я не ошиблась! ты не отвѣчаешь!

Ты равнодушно принялъ мой привѣтъ. —

Но все равно; ты хочешь, или нѣтъ, —

А я рѣшилась, передъ страшнымъ часомъ,

Открыть, чего не сносить больше сердце.

Ты у меня верховный духовникъ!

Не трепещи признанья Кармозины;

Всю исповѣдь прослушай безъ презрѣнья.

Садись, мой другъ; я не могу стоять! (*салятся*).

Отъ дѣтскихъ лѣтъ, мы вмѣстѣ возрастали,

Отъ дѣтскихъ лѣтъ, мы сдѣлались друзьями,

Мы радости дѣлили и печаль;

Но пробилъ часъ, мы разойдемся оба,

Двумя различными путями. — Слушай!

Придетъ пора, и скоро часъ ударить,

Меня не станеть: я хочу безсмертья!

Я жить хочу и послѣ самой смерти!

Чѣмъ вспоминать меня Джакомо будетъ,

Добромъ или зломъ?

САНН. (*вставъ съ мѣста*). Добромъ, всегда добромъ!!

Но для чего вопросъ твой непонятный?

КАРМ. Не прерывай! Добромъ, ты говоришь?

Какимъ добромъ и что оно такое?

Ничтожный звукъ пустаго состраданья,

Иль крикъ пронзительный большого сердца!
 Ты понимаешь-ли меня, Джакобо?
 Ты знаешь-ли о чемъ я говорю? —

САНН. (*про себя*) Творецъ мой, мнѣ и стыдно и досадно!
 Я не могу въ своихъ признаться чувствахъ!
 (*громко*) О Кармозина! КАРМ. Нѣтъ, не отвѣчай!
 И если смыслъ моихъ невольныхъ словъ
 Ты понялъ; — ради Бога, сохрани
 Въ глубокомъ сердцѣ..... Такъ! ты не забудешь
 Несчастной Кармозины!.... САНН. Ради Неба!
 Что значить рѣчь твоя! КАРМ. Не забывай!
 Да, я хочу, чтобъ твоя моя, въ потомствѣ,
 Въ твои стихи одѣтая, блуждала;
 И матерямъ жестокимъ какъ урокъ,
 Какъ пламенный, пророческій упрекъ,
 Твоимъ стихомъ торжественно звучала.
 Чтобъ я сама (*встаетъ*), ты видишь, я сама,
 Украшенная небомъ и землѣю,
 Облечена одеждой неземною,
 Въ твоихъ стихахъ прекраснѣе была!
 Я жить хочу и послѣ самой смерти
 И эту жизнь тебѣ я поручаю!
 Не оскверни-же памяти моей
 И помни: если дѣва, передъ смертью,
 Поэту завѣщанье поручаетъ,
 Исполнить онъ обязанъ.... ты исполнишь?

САНН. О Кармозина, что тебя тревожить?
 Въ лицѣ горитъ болѣзненное пламя?

КАРМ. Болѣзненное пламя! О Джакобо!
 Когдабъ ты зналъ, что этотъ жаръ и пламя
 Растопленное сердце Кармозины!
 Когда-бъ ты могъ на жертвенникъ взглянуть,
 Когда самъ Богъ съ него приѣмлетъ жертвы!
 Ты не дрожишь при видѣ Кармозины?
 Не понимаешь ты, что это пламя

Предвѣстникъ смерти! О, Джакобо, сжался,
Пойми меня, скажи, что понимаешь!

(схвативъ дрожащую руку Саницара, съ постепенно
возрастающимъ жаромъ)

Дитя, ты никогда не будешь мужемъ!

Ты леденѣешь отъ руки моей!

Хоть на лицѣ твоёмъ играетъ краска;

Но это ложный стыдъ, да ложный стыдъ.

Я старѣ тебя тремя годами;

Ждала, ждала, ты не догналъ меня;

Ты слишкомъ рано сдѣлался поэтомъ,

Но очень поздно будешь человѣкомъ!

Что, если ты меня не понимаешь!

Пойми меня, Джакобо, ради Неба!

Не доводи до тяжкихъ объясненій!...

Я такъ больна; и если жаръ горячки

Не охладитъ суровая могила,....

О, я воскресну, и тогда напрасны

Приличія и правила разсудка!

Я обвиню тебя ужаснымъ змѣемъ (*обнимаетъ его*)

И пламенно, какъ аспидъ, поцѣлую!! (*и цѣлуетъ*)

САНН. Всесильный! Столько вдругъ!! Нѣтъ, я не вѣрю...

Моя-ли ты?... О Господи, дай разумъ,

Дай память! Неужели Кармозина

Въ моихъ объятяхъ?

КАРМ. (*съ ужасомъ вырываясь изъ его рукъ*)

Что? въ твоихъ объятяхъ!

Ахъ, я погибла; сердце измѣнило!

Прости меня, Джакобо! САНН. Кармозина!

КАРМ. Нѣтъ, не смотри на бѣдную, оставь!

Она преступница!... Невѣста Дольчи

Въ объятяхъ другаго!... САНН. Всемогуцій!

КАРМ. (*проливая слезы*) О, въ сладости убійственная горечь!

И грудь полна и муки и отрады!

Уйди, уйди! дай счастье позабыть;

Тогда не такъ ужасно будетъ горе!

Ахъ, какъ ты сладокъ, первый поцѣлуй!
 Хоть безъ любви ты принялъ эту жертву,
 Но ты великодушень.... САНН. Кармозина!
 Я-ль нелюблю.... КАРМ. Нѣтъ, ты меня не любишь!
 Ты страдаешь, добрый человекъ,
 Къ моей докучливой любви — и только!

САНН. И только! Боже Всемогущій! только!!
 Нѣтъ! Я люблю тебя, люблю безмѣрно!
 Я весь любовь! Какъ тайный жаръ волкана,
 Душа моя любовію кипѣла;
 Отъ раннихъ лѣтъ ребенокъ осьмилѣтній,
 Я заключилъ тебя въ невинномъ сердцѣ,
 Какъ образъ Бога; за холодной книгой,
 Подъ тягостнымъ учителей надзоромъ,
 Я скрылъ тебя такъ глубоко въ душѣ,
 Что мысль чужая немогла проникнуть
 Во глубину моей святыни; люди
 Смотрѣли на ребенка съ удивленьемъ:
 Какъ въ немъ широкій разумъ развивался,
 Какъ, огнедышащей душой и сердцемъ,
 Онъ освѣтилъ безмѣрный храмъ искусства!
 Не я ребенкомъ былъ, а эти люди,
 Что чудеса во мнѣ подозрѣвали,
 Тогда, какъ я одной тебѣ молился,
 Въ твоихъ очахъ читалъ я Божью книгу,
 Пророческую книгу вдохновеній!
 Я у тебя учился, Кармозина!
 Къ тебѣ любовью годы упрещалъ!
 И, какъ потокъ, широкими волнами
 Я разрывалъ крутые берега,
 Чтобъ предъ тобой восторговъ бурной силой,
 Могуществомъ искусства похвалиться!
 Ты — гений мой! Когда, съ перомъ въ рукѣ,
 Я надъ стихомъ задумаюсь упрямымъ,
 Ты пролетишь — и побвгнутъ стихи
 Невидимо, неслышимо, — а я

Одну тебя, какъ сонъ небесный, вижу!
 Исчезнетъ образъ твой.... я ослабую!
 Недвижимо перо въ рукѣ лежитъ,
 И нѣтъ тебя и нѣтъ стиховъ прекрасныхъ.
 Ты сомнѣваешься? КАРМ. Не сомнѣваюсь!
 Какъ мнѣ не вѣрить счастью своему
 И своего не чувствовать несчастья?!

САНН. Несчастія? Какого?.. КАРМ. Грозный долгъ,
 Но долгъ святой!... Позволь мнѣ скрыть, Джакобо!

САНН. Скрыть отъ меня? Нѣтъ ты меня не любишь,
 Ты испытать меня хотѣла только!...

КАРМ. Лобзаньемъ не испытываютъ дѣвы!
 Опъ сплетаютъ събъ изъ словъ притворныхъ
 И наповнѣ заботливую гордость
 Роскошнымъ изліяньемъ сладкой рѣчи,
 Въ сѣтяхъ, съ насмѣшкой, оставляютъ сердце!
 Я — не опъ. САНН. Я вѣрю, Кармозина!
 Но этотъ долгъ, но эта тайна... КАРМ. Смерть!

САНН. Всесильный! КАРМ. Успокойся! Этотъ долгъ
 Теперь не такъ ужасенъ; я узнала
 Всю полноту блаженства моего
 И въ гробъ иду съ веселою надеждой!

САННАЦАРО. (*упавъ на колѣна*)
 О, сжался надъ моимъ несчастнымъ сердцемъ!
 Не дай груди сомнѣньемъ волноваться
 И медленной, мучительной отравой,
 Не сожигай блаженства моего!
 Скажи мнѣ эту тайну! КАРМ. Я невѣста
 Лоренцо Дольчи. САНН. (*вставъ*) Боже Всемогуцій!
 Кто?... Какъ?... Когда?... Кто смѣлъ? Нѣтъ, я не вѣрю!
 Чѣмъ я тебя обидѣлъ, Кармозина?..
 Подумай! Этой клеветы — довольно,
 Чтобы открыть могилу Санназару!

КАРМ. Несчастный! для чего-же ты молчалъ,
 Любовь свою скрывалъ въ холодномъ сердцѣ...

САНН. Зачѣмъ? Зачѣмъ: сегодня — не вчера?
 Но этотъ змѣй... есть средство у меня!
 Я отниму убійственное слово
 И вмѣстѣ съ жизнью отниму...

По тутъ и закрываю книгу! Закрываю; не выпишу болѣе ни слова; даже не загляну на слѣдующія страницы, хотя тамъ еще много превосходныхъ мѣсть, — чтобъ не разстроить сладостнаго волненія сердца. Охотнѣе откажусь я отъ цѣлой тысячи прекрасныхъ ямбовъ Г. Кукольника, чѣмъ отъ надежды на сильную занимательность, возбужденной послѣдними словами. Юный Саннацаро хочетъ драться съ своимъ соперникомъ; онъ хочеть убить его, чтобъ овладѣть рукою Кармозины; я уже вижу собирающуюся драматическую бурю; мое сердце трепещеть въ ожиданіи ужаса.....

Ничего не бывало! Буря разсвѣлась отъ одного слова Кармозины: это была только ребяческая угроза. Саннацаро, уже на другой страницѣ, не думаетъ о дракѣ, а на третьей даже соглашается убѣгать той, которую обожаетъ до безпамятства.

Драться или не драться — совершенно зависить отъ его воли: но почему жь убѣгать такой прекрасной дѣвицы, какова синьорина Кармозина? Какъ членъ академіи, онъ долженъ знать, что каноны Римско-Католической вѣры позволяютъ мужчинѣ жениться въ восемнадцать лѣтъ, а ему остается только нѣсколько мѣсяцевъ до этого благополучнаго срока. Самое простое средство — сказать матери Кармозины, что онъ любитъ ея дочку, и хочеть на ней жениться. Мать навѣрное не откажетъ, потому что она короткая пріятельница съ матерью юнаго академика, да и сама желала этого союза, въ первомъ актѣ Фантази, когда Кармозинѣ было лѣтъ одиннадцать, а Саннацару осьмой годъ отъ роду. Скрытность дочери съ нѣжной

и доброй матерію, вразсужденіи питасмаго съ дѣтскихъ лѣтъ чувства, вещь совершенно неправдоподобная, равно какъ и непроницательность маменьки, которая въ теченіе столь долгаго времени не примѣтила этой страсти. И на чемъ основана непреодолимая преграда къ соединенію любовниковъ! На томъ, что мать за часъ передъ тѣмъ обѣщала выдать ее за Г-на Дольчи, и что дочь уже его невѣста. Когда жъ званіе чьей невѣсты было помѣхой дѣвушкамъ выходить замужъ за другихъ? У католиковъ, для помолвленія, нѣтъ ни какихъ церковныхъ обрядовъ, и союзы, условленные родителями, разрываются до брака безъ всякаго соблазна. Въ Италіи не ставится даже въ порокъ барышнѣ быть три и четыре раза невѣстой, лишь бы она обвѣнчалась съ послѣднимъ своимъ женихомъ. Сверхъ-того, я увѣренъ, что если бъ словомъ сказали Г-ну Дольчи, что Кармозина обожаетъ Саннацара, тотъ бы самъ немедленно отъ нея отказался.

Всѣ эти невѣроятности вдругъ похищаютъ у читателя наслажденіе, съ такимъ искусствомъ подготовленное въ теченіе двухъ съ половиною актовъ: онъ негодуетъ на недогадливость дѣйствующихъ лицъ, и холодно принимаетъ остальную часть повѣсти. Впрочемъ, эта остальная часть и сама по себѣ не занимательна: дѣйствіе, движеніе, игра страстей, интересъ прекращается съ той минуты, какъ Саннацаро понапраснуобѣщаль убѣгать той, для полученія которой долженъ былъ сперва употребить всѣ усилія и истощить всѣ средства. Онъ ѣдетъ путешествовать, и, подъ конецъ драмы, является только для того, чтобъ узнать о кончинѣ своей матери, видѣть смерть любовницы, и упасть въ обморокъ. Это — простое историческое повѣствованіе въ лицахъ.

Я твердо убѣжденъ въ справедливости этого упрека: но инымъ онъ можетъ показаться слишкомъ стро-

гимъ , — потому что благодаря звучнымъ стихамъ и множеству счастливыхъ мыслей, поэма Г-на Кукольника съ удовольствіемъ читается до конца и при всѣхъ этихъ невѣроятностяхъ.

Взглядъ на суевѣріе и предрасудки. Поликарпа Пузины. *Санктпетербургъ, 1834.*

Я всегда былъ увѣренъ, что книга въ сѣро-синей оберткѣ, напечатанная дурнымъ шрифтомъ и на дурной бумагѣ, не стоитъ чтенія. Теперь вижу, что это былъ предрасудокъ, или суевѣріе. Книга Г. Поликарпа Пузины умна и занимательна, и стоитъ чтенія, несмотря на свои обертку, шрифтъ и бумагу. Одно мнѣ въ ней нравится, — что Г. Поликарпъ Пузина хочетъ быть un esprit fort, когда всѣ мы явно клонимся къ мистицизму! Онъ ни во что не вѣритъ, — ни въ чертей, ни въ колдуновъ, ни въ звѣздочетовъ, ни въ чернокнижниковъ, ни въ алхимиковъ, ни въ гада-нія, ни въ видѣнія, ни въ пасіансы, ни въ домовыхъ, ни въ лѣшихъ, ни въ вампировъ, ни въ призраки, ни въ вѣщіе сны, ни въ предчувствія. Изъ-за какой же потѣхи жить на свѣтъ, истребивъ въ немъ все забавное, страшное и поэтическое? Когда Г. Поликарпъ Пузина искоренить всѣ эти мечты, что жъ останется ему и намъ въ жизни? Врожденныя идеи Канта! я Шеллинга! всеобщая и всемогущая полярность Океана! безконечное совершенствованіе рода человѣческаго! освобожденіе женскаго пола! Нѣмецкая гомеопатія и Французскіе журналы! Да тогда умному чловѣку не объ чемъ будетъ и говорить. Г. Поликарпъ Пузина гонить чертей изо всей силы: я стою за нихъ горой. Суевѣріе за суевѣріе, — я нахожу чорта изобрѣтеніемъ гораздо замысловатѣе я, которое, ей-ей, очень скучно, не говоря уже о другихъ его неудобствахъ! Я буду защищать чорта: онъ необходимъ для нашего счастья.

Довольно примѣчательно современное вооруженіе прозы во всей Европѣ противъ новѣйшей міѳологіи, или такъ называемаго суевѣрія, тогда какъ поэзія дѣлаетъ изъ него первѣйшее основаніе красотъ своихъ. Сальвертъ во Франціи, Годвинъ въ Англии, Г. Пузина въ Россіи почти въ одно и то же время съ трехъ сторонъ напали на чертей, колдуновъ, призраки и видѣнія. Изъ трехъ сочиненій, Годвиново, — *Lives of the necromancers*, — безспорно самое занимательное по множеству любопытныхъ историческихъ подробностей, собранныхъ съ большимъ тщаніемъ и разборчивостью. Творенію Г. Пузины можно сдѣлать упрекъ, что онъ пренебрегъ исторію предметовъ, которые старается опровергнуть, и тѣмъ лишилъ читателей самой любопытной и наставительной части бесѣды о заблужденіяхъ человѣческаго ума; но съ другой стороны книга его выиграла отъ этого сжатость и быстроту въ разсужденіяхъ, доставляющія много удовольствія въ чтеніи. Она содержитъ въ себѣ много фактовъ, много разнообразія, хотя и мало естественнаго порядка.

Авторъ начинаетъ свой взглядъ на суевѣріе съ кабалистики, которая есть уже ученость суевѣрія, математика человѣческой глупости. Слова *Егова* и *Адоннай* играли въ ней первую роль, и Оригенъ, осмѣивая легковѣріе своего вѣка, говоритъ, что, будучи переведены на Греческій языкъ, имена эти теряютъ свою силу, но сказанныя по-Еврейски творятъ чудеса. Скандинавскія руны, которымъ многіе критики приписывали историческую важность, принадлежатъ также къ письменамъ кабалистическимъ.

«Древніе сѣверные народы, замѣчаетъ авторъ весьма кстати по Маллету, имѣли большую вѣру къ рунамъ своимъ. У нихъ были руны *горькія*, то есть, буквы, могущія начертаніемъ своимъ произвестъ всякое зло; руны *добрыя*, или

помощницы, отвращали неприятные случаи; руны *любдоносныя* доставляли употреблявшимъ ихъ победу; руны *грачебныя* исцѣляли отъ болѣзней; наконецъ были руны, способствующія къ избѣжанію кораблекрушенія, къ облегченію родильницъ, къ предохраненію отъ дѣйствія яда, къ смягченію жестокой красавицы, и проч. Въ Шведской провинціи Блекингга, есть дорога между утесовъ, на которыхъ видны руническія буквы, вырѣзанныя по приказанію Короля Геральда Гильдетанда, жившаго въ VII вѣкѣ.....»

«Волхвы славились при Олгѣ гаданіемъ будущаго; вотъ древнѣйшіе мудрецы наши! Наука ихъ основана была или на обманахъ или на заблужденіяхъ. Народъ, погруженный въ невѣжество, считалъ дѣйствіемъ сверхъестественнаго знанія всякую догадку ума, всякое отъменно счастливое предпріятіе; и Кіевляне, удивленные славою и сокровищами, привезенными Олгомъ изъ Константинополя, единогласно назвали его вѣщимъ, то есть, мудрымъ или волхвомъ. Самая смерть его казалась потомству чудесною. Волхвы, такъ говоритъ лѣтописецъ, предсказали Князю, что ему суждено умереть отъ любимаго коня своего. Съ того времени онъ не хотѣлъ ѣздить на немъ. Прошло четыре года; въ осень пятого, вспомнилъ Олгъ о предсказаніи, и, слыша, что конь давно умеръ, посмѣялся надъ волхвами, захотѣлъ видѣть его кости, сталъ погою на черепъ, и сказалъ: Его ли мнѣ бояться? Но въ черепъ таилась змѣя: она ужалила Князя, и герой скончался. Уваженіе къ памяти великихъ мужей и любопытство знать все, что до нихъ касается, благопріятствуетъ такимъ вымысламъ; и сообщаетъ ихъ отдаленнымъ потомкамъ. Можемъ вѣрить и не вѣрить, говоритъ Карамзинъ, что Олгъ въ самомъ дѣлѣ былъ ужаленъ змѣею, на могилѣ любимаго коня своего; но мнимое пророчество волхвовъ, или кудесниковъ, есть явная народная басня, достойная замѣчанія по своей древности.»

Эта, какъ незабвенный исторіографъ называетъ, «народная» басня есть басня иностранная: Шапфарь, Арабскій поэтъ и витязь, жившій въ концѣ VI и въ началѣ VII столѣтія, скончался точно такимъ же обра-

зомъ; одинъ изъ Индѣйскихъ богатырей, гораздо древнѣе Шапфарія, испыталъ такую же судьбу. Если есть что-нибудь примѣчательнаго въ этой баснѣ, то конечно не ея древность на Руси, а то, что у нашего лѣтописца вѣроятно былъ сборникъ знаменитѣйшихъ басенъ всего міра, изъ котораго избиралъ онъ лучшія, чтобъ приписать ихъ *ad libitum* Русскимъ князьямъ: легенды Скандинавскія, легенды Еврейскія, легенды Греческія, Арабскія и Индѣйскія соединены у него съ недавними для того времени именами Олега, Ольги и Владиміра, и мнѣ что-то не вѣрится, чтобъ онѣ могли лѣтъ въ полторасти или во сто такъ утвердиться въ народѣ, чтобы писатель былъ добродушно обмануть общеою молвою. Я бы скорѣе назвалъ ихъ эрудиціей, ученостью самого лѣтописца: она совершенно въ духѣ его вѣка, и по сіе время въ употребленіи у Восточныхъ историковъ. Русскій народъ, я думаю, ни сколько не виноватъ въ этихъ историческихъ повѣрьяхъ: онъ былъ суевѣренъ, но не такимъ ученымъ образомъ.

«Если бы суевѣріе провзраждало одни ужасы, оно вредило бы только умамъ слабымъ: но сколько оно причинило бѣдствія всему человечеству! Оно породило ереси, расколы, междоусобія, инквизицію. Оно возжигало вездѣ и во всякое время неугасаемые костры противу свободы мыслей. Оно вдохнуло опустошенія, убійства, преслѣдованія. Оно заставило Кароагенянь приносить въ жертву своему божеству Молоху людей, даже собственныхъ дѣтей своихъ. Оно вперило мысль предкамъ нашимъ Славянамъ, на берегу Волхова воздвигнутому Перуну, у подножія его, закалать плѣнныхъ.

«Когда голодъ свирѣпствовалъ въ Суздаль, оно, во время Ярослава, заставило суевѣрныхъ гражданъ, приписывавшихъ его злему чародѣйству, безжалостно убивать некоторыхъ старыхъ женъ, мнимыхъ волшебницъ. Имъ ослѣпленные Новгородцы сожгли четырехъ мнимыхъ волшебниковъ на

дворъ Ярослава въ 1227 году, а Псковитяне во время моровой язвы, въ 1415 году, желая смягчить Небо, сожгли двѣнадцать мнимыхъ вѣдьмъ. Въ 1547 году, послѣ пожара Москвы, духовникъ Царя Іоанна и единомышленники его объявили, что Москва сгорѣла отъ волшебства некоторыхъ злодѣевъ. Государь въ удивленіи велѣлъ изслѣдовать дѣло. Бояре спрашивали народъ въ Кремль, кто жегъ Москву, и нѣсколько голосовъ отвѣчали: «Глинскіе! А мать ихъ, Книгица Анна, вынимала сердца изъ мертвыхъ, клала въ воду и кропила ею всѣ улицы, ѣзда по городу. Вотъ отъ чего мы сгорѣли!» Баснь эту выдумали и разгласили заговорщики, а разъяренная чернь совершила дотошъ неслыханное въ Москвѣ злодѣяніе: мятежники въ Святомъ Храмѣ убили роднаго дядю Государева.....»

«Нашими военными законами строжайше запрещается чародѣйство, которое ни въ лагерѣ и нигдѣ не можетъ быть допущено и терпимо. «И ежели кто изъ воинскихъ людей «найдется идолопоклонникъ, чернокнижець, ружья заговоритель, суевѣрный и богохульный чародѣй, опытъ, по состоянію дѣла, въ жестокомъ заключеніи въ желѣзахъ, гоненіемъ «ппицрутена, наказанъ или *весьма сожженъ* имѣеть быть.»

Такъ и въ древнѣйшія времена, у насъ кудесники были наказываемы смертію. Въ царствованіе Великаго Князя Изяслава, одинъ изъ кудесниковъ явился въ Новгородъ, и торжественно осуждалъ Христіанскую Вѣру, бранилъ Епископа, и хотѣлъ итти пѣшкомъ чрезъ Волховъ. Народъ слушалъ его какъ челоуѣка божественнаго. Ревностный Епископъ Ѳеодоръ облачился въ святительскія ризы, сталъ на площади, и держа крестъ въ рукахъ, звалъ къ себѣ вѣрныхъ Христіанъ: но ослѣпленные граждане толпились вокругъ обманщика. Одинъ Князь Глѣбъ и дружина его приложились къ святому кресту. Тогда Глѣбъ подошелъ къ мнимому чародѣю, и спросилъ, предвидитъ ли онъ, что будетъ съ нимъ въ тотъ день. Волшебникъ отвѣчалъ: Я сдѣлаю великія чудеса. Нѣтъ! сказалъ смѣлый Князь, — и топоромъ разсѣкъ ему голову. Обманщикъ палъ мертвый къ ногамъ его, и народъ увѣрился въ своемъ заблужденіи.

Около того же времени, когда сдвигался въ Ростовской области голодъ, два кудесника, жители Ярославля, ходили въ селеніяхъ по Волгѣ, и объявляли, что бабы причиною всего зла. Эти злодѣи, мнимые волхвы, съ шайкою помощниковъ, убивали невинныхъ женщинъ, грабили имѣніе богатыхъ, и дошли наконецъ до Бѣла-озера, гдѣ вельможа Янъ приказалъ поймать ихъ. Черезъ нѣсколько дней привели къ нему двухъ главнѣйшихъ обманщиковъ, которые не хотѣли виниться, и доказывая мудрость свою, открыли за тайну, между прочими нелѣпостями, что Антихристъ сидитъ въ безднѣ, что они вѣруютъ въ его могущество, и знаютъ все сокровенное отъ другихъ людей. — «Но знаете ли собственную вашу участь?» сказалъ Янъ. — Ты представишь насъ Святославу, говорили кудесники: а ежели умертвишь, то будешь несчастливъ. Смывъ надъ угрозою, онъ велѣлъ ихъ повѣсить на дубу.

«Князь Владиміръ не хотѣлъ, кажется, принуждать совѣсти, но взялъ лучшія, надежнѣйшія мѣры для истребленія языческихъ заблужденій. Онъ старался просвѣтить Россіянъ, завелъ училища, и приказалъ неволею брать дѣтей въ науку, которыхъ оплакивали жены знаменитыя, какъ мертвыхъ; ибо считали грамоту опаснымъ чародѣйствомъ.

«Въ 1023 году, когда въ Суздали свирѣпствовалъ голодъ, суевѣрные, приписывая оный опасному чародѣйству, безжалостно убивали нѣкоторыхъ старыхъ женъ, мнимыхъ волшебницъ. Ярославъ, наказавъ виновниковъ матажа, объявлялъ народу, что не волшебники, но Богъ караетъ людей голодомъ и моромъ за грѣхи ихъ, и что смертный въ бѣдствіяхъ жизни долженъ только умолять благость Всевышняго.

Авторъ собралъ въ отечественной Исторіи и посредствомъ наблюденія надъ простымъ народомъ еще много другихъ примѣровъ несчастныхъ слѣдствій суевѣрія, которыя надобно читать въ самомъ сочиненіи. Иностранная его чертовщина не такъ полна, какъ Русская, хотя и къ этой слѣдовало бы кое-что прибавить. Между писателями, которыхъ онъ приводитъ,

мы не видимъ Гигдена; а его Polychronicon доставилъ бы Г. Пузинъ богатый кладъ очень любопытныхъ и забавныхъ анекдотовъ почасти сверхъестественнаго. Но разсужденія автора, хотя часто и согрѣтыя огнемъ краснорѣчія, особенно недостаточны въ томъ отношеніи, что онъ не старался разобрать подвиговъ извѣстѣйшихъ чародѣевъ и кудесниковъ, и обнаружить, что въ ихъ дѣйствіяхъ принадлежитъ естественной магіи, или физическимъ способамъ, что шарлатанству, и что преувеличенію. Называя все на поваль плутовствомъ, обманомъ и слабоуміемъ, еще весьма трудно преклонить на свою сторону тѣхъ, которые вѣрятъ сверхъестественному въ естественномъ мірѣ и, по ихъ мнѣнію, имѣютъ тому доказательства. Мы бы очень благодарили автора, если бъ онъ, при сей вѣрной okazji, представилъ намъ критическую картину чудесъ Герберта, Альберта Великаго, Корнелія Агриппы, Доктора Фауста, Твардовскаго и другихъ славныхъ мажиковъ. Оптическіе обманы, или то, что въ среднихъ вѣкахъ называли «трегитуріей,» были, кажется, главнѣйшимъ ихъ средствомъ изумленія современниковъ. Даже высшаго рода открытія участвовали въ ихъ фокусахъ. Гербертъ, бывшій впоследствии папою подѣ именемъ Сильвестра II, не только дѣлалъ чрезвычайно любопытные опыты съ оптическими стеклами, но еще, какъ говоритъ Гигденъ, примѣнилъ *пары* къ двиганію органическихъ мѣховъ. Это весьма замѣчательно. Нѣтъ сомнѣнія, что въ кучѣ нелѣпыхъ сказокъ о чудесахъ магіи таятся многія истины опытной Науки, которая и въ наше время съ пользою могла бы заняться ихъ разсмотрѣніемъ: во всякомъ случаѣ, важныя показанія о состояніи Наукъ въ среднихъ вѣкахъ были бы плодомъ подобнаго предпріятія.

Г. Пузина знаетъ всѣ крючки на діавола. Кто хочетъ вызвать чорта, говоритъ онъ, тотъ долженъ при-

нести въ жертву ему собаку, кошку и курицу, и по-
клясться ему въ вѣчномъ повиновеніи: онъ тотчасъ
получить знакъ на лицѣ, и будетъ имѣть трехъ ду-
ховъ въ своемъ распоряженіи; не то можетъ произ-
нести слѣдующія магическія слова — Dies, mies, jes-
quet, benedo, efet, douvema, enitmaus, — и нечистый
непрѣменно передъ него предстанетъ. Такъ какъ сло-
ва эти не трудны, то авторъ совѣтуетъ попробовать
произнести ихъ. Но тутъ еще злой духъ явится подъ
какою-нибудь личиною. Чтобъ заставить его пока-
заться въ своемъ естественномъ видѣ, надобно.....
Покорно прошу извиненія, но мнѣ кажется, что
авторъ здѣсь ошибся: человѣкъ не въ силахъ видѣть
чорта въ естественномъ его видѣ! Бароній свидѣтель-
ствуетъ, что одна очень набожная Италіянская дама,
которой имени теперь не упомяну, потому что давно
уже не читаю Баронія, вздумала однажды пожелать
увидѣть чорта: онъ показалъ ей только одинъ свой
коготь, и она умерла отъ ужаса, сказавъ, что предпо-
чла бь сто лѣтъ горѣть въ аду, чѣмъ одно мгновеніе
видѣть кончикъ его когтя. Такъ какъ же человѣкъ
могъ бы вынести видѣ цѣлаго чорта *in naturalibus*?

Авторъ очень справедливо замѣчаетъ, что въ Пари-
жѣ всегда водилось пропасть нечистой силы. Во вре-
мя Карла IX считалось тамъ 30,000 колдуновъ, кото-
рыхъ выгнали всѣхъ изъ города. По-несчастію, и у
насъ, въ простомъ народѣ, есть ихъ довольно, обоего
пола: почти каждая деревня имѣетъ своего колдуна
или колдунью.

«Чернь вѣрить, что колдунъ по своему произволу мо-
жетъ обращаться и обращать другихъ, особливо новобрач-
ныхъ, въ волка, медвѣдя, корову, свинью, кошку, и проч.
Простосердечныя деревенскія старушки болѣе всего поддер-
живаютъ это суеввріе, рассказывая легковѣрной молодежи,
что онъ за вѣрное слышалъ о подобныхъ превращеніяхъ отъ

своихъ бабушекъ, или отъ проходящихъ иноземцевъ, пленныхъ Поляковъ, Каалмыковъ и т. д. Есть между ними и столько безсовѣстныхъ, что не стыдятся увѣрять внучатъ своихъ, будто-бы сами онѣ видѣли такія превращенія, еще въ молодости своей. Но не у однихъ насъ рассказываются подобныя бредни!

Рассказываютъ! Вольно Г. Пузинъ называть это рассказами. Исторія подтверждаетъ несомнѣнность этого факта. Одинъ Датскій король былъ убитъ коровою, въ которую превратилась его придворная колдунья. Сожженная въ Веронѣ, въ 1566 году, вѣдьмы собирались въ развалинѣхъ подъ видомъ кошекъ; нѣсколько челоувѣкъ посмѣяе попытались ихъ разогнать, напали ночью на ихъ сборище и принялись съчь ихъ прутьями, но число кошекъ было такъ велико, что одинъ изъ противниковъ остался на-мѣсть, а прочіе ушли испарাপанные: на другой день въ городѣ примѣтили множество бабъ и молодыхъ женщинъ, у которыхъ на лицѣ видѣлись раны отъ ударовъ прутьями, полученныхъ вчера въ званіи кошекъ, и всѣ онѣ были преданы огню. Титъ Ливій повѣствуетъ о двухъ женщинахъ, Фетузѣ и Анамизіи, которыя были превращены въ мужчинъ. Плиній свидѣтельствуетъ, что Луцій Коссиній, въ первую ночь брака, изъ женщины былъ пожалованъ въ мужчины. Ломбардскій король, Кунибердъ, замышляя умертвить двухъ вельможъ, былъ обезпокоенъ большою черною мухою; онъ схватилъ ножъ, чтобъ убить ее, ударилъ, не попалъ въ туловище, и только отсѣкъ ножку у мухи; она улетѣла, — и черезъ минуту явился къ вельможамъ знакомый имъ колдунъ безъ ноги, и предостерегъ ихъ о намѣреніи короля. Петръ Гандильонъ былъ сожженъ за то, что прикидывался зайцемъ. Все это авторъ очень хорошо знаетъ, однако жъ называетъ баснями! Положимъ, что это еще басни: Титъ Ливій былъ пустой челоувѣкъ, — онъ выдумалъ Ромула, котораго, го-

ворять, никогда не было на свѣтѣ, такъ же какъ и Рурика; но бывшее въ Испаніи, въ 1788 году, послѣднее ауто-да-фѣ утвердило судебнымъ образомъ достовѣрность подобныхъ превращеній. Все производство этого дѣла напечатано на Испанскомъ языкѣ особою книжкою, съ документами и съ картинками, и тутъ уже никакъ нельзя сомнѣваться. Вотъ оно.

Донна Мархита, молодая и хорошенькая вдова одного Гомедскаго студента, оставшись безъ пропитанія по смерти мужа, который добывалъ насущный хлѣбъ помощію своей гитары, предалась чтенію, книгамъ, — словомъ, чернокнижію. Она скоро купила себѣ двухъ куръ, и стала продавать яйца; но продавала ихъ такъ много, что всѣ мигомъ примѣтили содѣйствіе нечистой силы по сему дѣлу. Подозрѣнія становились тѣмъ основательнѣе, что донна Мархита, въ молодыхъ лѣтахъ, не хотѣла выйти вторично замужъ; и даже поселилась квартирою въ домъ, гдѣ нѣкогда жили Жидаы. Всѣмъ было извѣстно, что двухъ этихъ куръ держала она только для виду, и что, для производства яицъ, которыми снабжала весь кварталъ, сама превращалась въ курицу; но никто не могъ представить явной улики. И какъ это открылось! Въ одномъ домѣ докторъ прописалъ больному глотать свѣжія яйца, и мальчикъ посланъ былъ ночью искать ихъ по всему городу. Лавки были заперты. Онъ отправился къ доннѣ Мархитѣ. Взбираясь въ пятый этажъ по крутой и темной лѣстницѣ, онъ услышалъ въ ея квартирѣ ужасный шумъ и вой, которые вдругъ прекратились, какъ скоро онъ постучался въ двери. Донна Мархита отперла, и ввела его въ комнатку, убранную очень чисто, но обитую съ верху донизу чернымъ сукномъ: по всей вѣроятности, сукно служило здѣсь къ тому, чтобъ черти въ случаѣ нужды скорѣе успѣвали за нимъ попрыгаться, хотя она и утверждала, что это

былъ трауръ по возлюбленномъ, безцѣнномъ ея мужъ, студентъ, котораго будто-бы забыть она не можетъ. Мальчикъ спросилъ яиць; она отвѣчала съ гнѣвомъ, что ихъ нѣтъ, что куры не несутъ въ это время года. Мальчикъ сталъ умолять ее со слезами; она согласилась итти поискать на чердакъ. Засвѣтивъ фонарь, напередъ подошла она къ шкафу, въ которомъ стояло нѣсколько бутылокъ и стклянокъ, и напилась чего-то изъ одной бутылки; потомъ отправилась одна къ своимъ курамъ. То было зимою. Мальчикъ, дрожа отъ холоду, вздумалъ напиться изъ той же бутылки. Напитокъ показался ему очень вкуснымъ виномъ: онъ опорожнилъ бутылку до дна. Черезъ четверть часа, донна Мархита воротилась, и вручила ему десятокъ яиць: а вѣдь сама сказала прежде, что куры перестали нести! Лишь только мальчикъ ушелъ за двери, опять послышались страшные голоса въ ея жилищѣ. Пробѣжавъ нѣсколько шаговъ улицей, онъ почувствовалъ ужасную рѣзь въ животъ. Сначала онъ не обращалъ на то вниманія, но скоро принужденъ былъ остановиться и, къ величайшему своему удивленію, началъ самъ нести куриныя яица посерединѣ мостовой. Онъ снесъ ихъ двѣсти двадцать пять! Приемъ, видно, былъ слишкомъ сильный. Онъ тотчасъ подобралъ ихъ, и побѣжалъ съ ними къ алькаду. На слѣдующее утро Св. Инквизиція задержала колдунью и ея куръ; всѣ обстоятельства ея чернокнижія и превращеній были приведены въ надлежащую ясность судебнымъ порядкомъ, и донна Мархита была сожжена торжественно въ Толедѣ 15 Мая 1788 года. Въ Испаніи по-сю-пору продаются лубочныя картинки этой церемоніи съ печатнымъ описаніемъ.

Но авторъ, который не вѣрить въ чертей, можетъ вообразить, что это было давно и въ Испаніи. Въ такомъ случаѣ, я приведу ему живой, недавній примѣръ

одного нашего помѣщика, жителя П — ой губерніи, который въ 1821 году самъ разсказывалъ мнѣ свое приключеніе съ чертями. Онъ возвращался ночью съ имянинъ своего сосѣда, предводителя ихъ уѣзда, верхомъ на пѣгой кобылѣ, за которою бѣжалъ рыжій жеребенокъ. Дорога пролегла черезъ большое болото. Хотя разстояніе до дому было небольшое, но онъ ѣхалъ, ѣхалъ, и конца не видѣлъ дорогъ. Антонъ Михайловичъ Г*** былъ увѣренъ, что онъ сбился съ пути, какъ вдругъ увидѣлъ передъ собою великолѣпный каменный домъ, освѣщенный со всѣхъ сторонъ. Хотя ему было извѣстно, что на тридцать верстъ кругомъ нѣтъ такого строенія, однако онъ рѣшился взѣхать на дворъ съ намѣреніемъ испросить себѣ ночлегъ. Слуги въ богатой ливреѣ выбѣжали къ нему на встрѣчу, и онъ узналъ отъ нихъ, что мыза принадлежитъ одному его знакомцу, богатому помѣщику, съ которымъ недавно подружился онъ въ губернскомъ городѣ. Зная, что она лежитъ въ семидесяти верстахъ отъ его села, онъ не постигалъ, какимъ образомъ такъ скоро проѣхалъ это разстояніе; но, маленькій, толстый, боченковатый хозяинъ, выскочившій въ ту самую минуту на крыльцо, принялъ его съ такимъ радушіемъ, съ такимъ восторгомъ, что онъ мигомъ забылъ объ этой невѣроятности. Владѣтель дома приказалъ слугамъ отвести его кобылу съ жеребенкомъ на конюшню, а его самого, привѣтствуя, обнимая, цѣлуя, потащилъ въ комнаты. Здѣсь тоже были имянины: гостей бездна, женщины прекрасныя, музыка, танцы, карты, шампанское, — рай! Хозяинъ представилъ его своей супругѣ, та своими дочерями, и черезъ нѣсколько минутъ они уже были какъ старые друзья. Дочери посадили его между собою, и, хотя Антонъ Михайловичъ былъ лѣтъ сорока пяти, неуклюжъ, толстъ и съ краснымъ носомъ, такъ стали поддѣлывать къ нему, что онъ совсѣмъ потерялся.

Наконецъ, хозяйка объявила, что онъ долженъ непременно жениться на одной изъ нихъ. Хозяинъ и гости подоспѣли съ шампанскимъ и съ поздравленіями. Антонъ Михайловичъ, которому старшая дочь весьма понравилась, схватилъ рюмку въ руки и, въ восхищеніи, — самъ не зная что-дѣлаетъ, — перекрестился. Въ одно мгновеніе, домъ, хозяева, гости, освѣщеніе, невѣста, — все исчезло, и онъ увидѣлъ себя сидящимъ на огромномъ пнѣ, вышиною сажень въ шесть, съ черною головѣшкою въ рукъ, вмѣсто бокала съ искрестымъ обручальнымъ напиткомъ. Тамъ просидѣлъ онъ до самаго утра, не смѣя пошевелиться и не видя средства сойти съ такой высоты наземь. Около десяти часовъ, нѣкоторые изъ гостей, пировавшихъ вмѣстѣ съ нимъ у предводителя, возвращаясь въ свои села, подѣхали къ тому мѣсту. Онъ остановилъ ихъ крикомъ, и тутъ же, съ пня, рассказалъ почтеннымъ своимъ сосѣдямъ ужасное свое приключеніе, — какъ чуть-чуть не женился на чертовкѣ, впрочемъ очень хорошенькой собою! Они пособили ему спуститься на землю. — «Гдѣ жъ ваши лошади, Антонъ Михайловичъ?» — «Ахъ, батюшки, что и говорить о лошадяхъ! Право, не знаю! Ихъ отвели на конюшню!» — Не онъ ли это? сказалъ кучеръ одного изъ сосѣдей, указывая кнутомъ на сосну подлѣ дороги? — Въ самомъ дѣлѣ, это была пѣгая кобыла Антона Михайловича съ своимъ рыжимъ жеребенкомъ, оба связанные вмѣстѣ хвостами и перевѣшенные черезъ сукъ на самой верхушкѣ высочайшей въ цѣломъ болотѣ сосны! Подлинность этого событія подтвердили мнѣ два почтенные сосѣда несчастнаго Антона Михайловича, помогавшіе ему слѣзть съ пня, и головѣшка, въ которую превратился бокалъ съ шампанскимъ, хранится у него по-сю-пору. Если авторъ «Взгляда на суевѣріе и предразсудки» опровергнетъ мнѣ эту несомнѣнную исторію, то я — дарю ему всѣхъ содержащихся въ ней чер-

тей, для помѣщенія во «Взглядъ» между предрассудками!

Но пусть же теперь Г. Пузина расскажетъ намъ въ свою очередь пару исторій о чертяхъ или о домовыхъ. Онъ расскажетъ ихъ по-своему, — вѣдь онъ не вѣритъ и въ домовыхъ! — но я люблю рассказъ его.

«Одинъ чрезвычайно скупой и столько же богатый купецъ, взялъ къ себѣ въ главные прикащики смѣтливаго племянника, полагая имѣть въ немъ усерднѣйшаго слугу и безъ всякой платы: двойной выигрышъ, и для скупаго не шутка! Безвкусный, скудный столъ, которымъ купецъ полвѣка привыкъ довольствоваться, ежедневно приправлялъ онъ для племянника щедрыми совѣтами, — чтобъ сберегалъ его интересы; чтобъ не привыкалъ роскошничать и мотать; чтобъ не имѣлъ ложнаго стыда обманывать должниковъ; чтобъ не считалъ за тяжкій грѣхъ иногда и побойтись кстаги, передъ тѣмъ, у кого можно утануть лишній рублевикъ. «Живя по этимъ правиламъ, я нажилъ и капиталецъ «въ тѣ скудныя времена, когда многіе наши щеголи купчихи, отъ лишняго честнаго слова, разорились.» Племянникъ казался понятливымъ; дядя былъ въ восхищеніи. Проходитъ годъ, другой; племяннику худо одѣтому, еще хуже кормленному, надобна одна сухая мораль дядюшкина. Ему наскучило уже таскать денежные мѣшки въ кладовую, и тамъ, какъ мертвецовъ погребать ихъ на-вѣкъ. «Грѣхъ зарывать «сокровища въ землю! Деньги любятъ обращеніе въ свѣтъ «онъ вторая душа жизни человеческой» — такъ разсуждалъ молодой племянникъ, и задумалъ освободить ихъ изъ мрачной ихъ могилы. Но какъ достигнуть этого? Дядя всегда самъ запиралъ кладовую и ключъ носилъ на поясъ, котораго и ночью не снималъ съ себя. Затѣйливый племянникъ прибѣгнулъ къ хитрости. Замѣтивъ въ дядѣ суевѣрную боязнь къ домовымъ, онъ ждалъ только случая. Однажды въ темный вечеръ, за ужиномъ частые перекаты грома и яркій блескъ молніи, освѣщая скудный ужинъ, такой навели страхъ на старика, что онъ, въ смущеніи духа, потерялъ весь аппетитъ. Присемъ, нечаянный стукъ, объ уголъ дома довер-

шилъ испугъ его. Онъ поспѣшно всталъ изъ за-стола, перекрестился и прощаясь съ племянникомъ, сказалъ со вздохомъ: «Это не къ добру! Видно домовой не на шутку разыгрался» — и съ тѣмъ ушелъ въ свою спальню. Племянникъ рѣшился воспользоваться смущеніемъ дяди. Долго прислушивался онъ у дверей, пока безпокойный старикъ уснулъ первымъ сномъ. Затѣмъ удаляется къ себѣ, закутываетъ лице мѣховою маскою, обвертываетъ руки овчиною, обувается въ олепьи сапоги, надѣваетъ шубу наизнанку, и подвязываетъ на брюхо подушку. Въ этомъ странномъ нарядѣ, надѣясь исправно сыграть роль чертенка, чтобъ настрашать дядю и подѣлится его деньгами, онъ взявъ въ руки ножикъ, тихо вошелъ въ спальню, и, навалившись на спящаго старика, обшарилъ поясъ, разрезавъ его и снявъ ключъ. Скупецъ въ просонѣ испугался, ошупавъ чудовище въ шерсти, принявъ его за домового, и, внѣ себя, дрожалъ, стоналъ, обливался холоднымъ потомъ, читалъ шопотомъ молитвы, прощался съ жизнію, и лишь покаялся въ душѣ, что такъ праведно карается за зло, причиненное ближнимъ скупостію, лихою, обманомъ, какъ вдругъ привидѣніе исчезло. Онъ отъ страха не замѣтилъ ни скрипу дверей, ни шуму уходящаго, и заключилъ, что домовой шутилъ и забавлялся надъ нимъ. Между-тѣмъ племянникъ не зѣвалъ: въ ту же ночь онъ сходилъ въ кладовую, набилъ полную суму деньгами, спряталъ ихъ, и кладовую заперъ по-прежнему. Рано поутру всталъ дядя мрачный и безпокойный; тотчасъ призвалъ къ себѣ племянника, рассказалъ свое приключеніе, описалъ домового, — какъ онъ страшень, — какой брюхастой, — какой мохнатой, — да какъ его тяжело давилъ, что отъ страха даже поясъ разорвался и ключъ отъ кладовой пропалъ! Племянникъ, казалось, дивился этому, и сожалѣлъ о безпокойствѣ дядюшки, а втайнѣ сердечно радовался успѣху своей шутки; потомъ, страхнувши подушки и одѣяло, поднявъ выроненный изъ руки ключъ и подаль скупому. Обрадованный находкою сею дядя, легъ отдохнуть и успокоиться, а племянникъ съ деньгами, весело покидая навсегда домъ его и въ немъ брошенный нарядъ домового, написалъ записку, чтобъ впередъ

дядя 'не вѣрилъ домовымъ, и' лучше бы содержалъ вѣрныхъ прикащиковъ.»

«Докторъ Фламстедъ, Англійскій Королевскій астрономъ Гринвичской обсерваторіи, былъ отъ природы веселаго нрава: какъ простой народъ обыкновенно думаетъ, что люди его званія знаютъ все и все могутъ угадывать, почитая Астрономію и Астрологію за одну науку, то это было поводомъ къ слѣдующему смѣшному съ нимъ приключенію. Одна бѣдная прачка, у которой ночью покрали много бѣлья, увѣренная въ погибели своей, если присудятъ заплатить за него, пришла къ Фламстеду съ твердою надеждою, что онъ отвратитъ угрожающую ей бѣду. Со слезами молила она его употребить все свое искусство къ отысканію потеряннаго. Докторъ въ то время сидѣлъ за бутылкою вина, и бесѣдовалъ съ пріятелями. Онъ былъ навеселъ, и сказалъ простодушной женщинѣ, чтобъ она нѣсколько времени подождала его; что онъ скоро узнаетъ, можно ли ему помочь ей; потомъ началъ для забавы чертить нѣкоторые знаки и круги на бумагѣ, и, измаравъ ее всю, передъ глазами прачки, которая смотрѣла на это съ изумленіемъ и съ чувствомъ возражающейся надежды отыскать потерю; наконецъ съ важнымъ видомъ сказалъ ей: «Ежели ты пойдешь въ такое-то поле, и станешь искать во рву, на лѣвой сторонѣ, то «вѣрно найдешь бѣлье свое». Докторъ сказалъ то, что ему первое вошло въ голову; но случай сдѣлалъ иначе. Прачка въ самомъ дѣлѣ нашла бѣлье свое въ показанномъ мѣствѣ. Возвратившись къ нему, она благодаритъ его, и въ знакъ признательности даетъ полуефимокъ. Докторъ, изумленный успехомъ своего предсказанія, и не будучи уже расположенъ смѣяться, сказалъ ей: «Любезная моя! я самъ не понимаю, какъ «ты могла отыскать свое бѣлье. Я клянусь тебѣ, что вовсе не «зналъ, было ли бѣлье тамъ, гдѣ я указалъ тебѣ, или нѣтъ. «Мое намѣреніе было только пошутить надъ тобою и по- «казать неблагоразуміе твое, съ тѣмъ, чтобъ ты впередъ «не приходила спрашивать у человѣка о томъ, что отъ не- «го скрыто и чего знать ему невозможно; но я вижу, «что самъ сатана захотѣлъ со мною имѣть дѣло, несмотря «па то, что я ни малѣйшаго не имѣю намѣренія съ нимъ

«познакомиться. Такъ, впередъ прошу не приходить ко мнѣ «и никого не присылать.»

Но мы никогда не кончимъ, если все будемъ рассказывать исторіи. Я знаю ихъ довольно; Г. Пузина знаетъ еще больше моего.

Что касается до чорта, то сказать по совѣсти, авторъ несправедливо его преслѣдуетъ: это самое милое и умное существо новѣйшаго міра, — шутъ невидимый, созданный потѣшно и одѣтый самымъ уморительнымъ образомъ, — проказникъ легкій, веселый, затѣшливый, — который передразниваетъ бабъ и мужиковъ, мѣшается во всѣ любовныя дѣла, помогаетъ во всѣхъ хитростяхъ, предостерегаетъ мужей, надоумываетъ женъ, запутываетъ хитрецовъ, и самъ обыкновенно вконецъ запутывается, — который вечеромъ хохочетъ за кустами, ночью порхаетъ около постелей, крадетъ ключи, щекочетъ дѣвушекъ, шалить со страстями, всегда смѣется, никогда не плачетъ, по-временамъ отпускаетъ острия словца и выкидываетъ самыя замысловатыя штуки, — бойкій грамотѣй, неподражаемый крючекъ, сутяга, энциклопедистъ, подьячій, злой фигляръ и въ особенности большой философъ: его ругаютъ, его мучать, обманываютъ бьютъ, ему отрываютъ хвостъ и выкалываютъ глаза, — онъ только уходитъ въ ключевую дирку или сквозь дымящуюся трубу, и черезъ минуту опять возвращается къ вамъ, здоровъ, веселъ, беззаботливъ, съ новою насмѣшкою, съ затѣей еще забавнѣе, съ эпиграммой еще язвительнѣе прежняго. Въ деревнѣ нельзя было бъ жить, пришлось бы умереть со скуки, безъ чорта! Сверхъ-того, онъ преплезный малый: правда, что по случаю его сожгли нѣсколько тысячъ бабъ на свѣтъ; но теперь уже не сожигаютъ, а между-тѣмъ навѣрное сто милліоновъ дурныхъ и безнравственныхъ помышлений

остаются каждая сутки безъ исполненія единственно по опасенію костей чорта. Черный народъ безъ чорта былъ бы толпа черныхъ философовъ безъ узды и безъ воображенія. Я совѣтую Г. Пузинъ примириться съ этимъ честнымъ господиномъ.

Что касается до Критики на его книгу, то я совѣтую читать ее, несмотря на ея слогъ, вездѣ, гдѣ только есть черти, колдуны, колдуньи, чернокнижники, астрологи, алхимики, вампиры, мертвецы, призраки, домовые, лѣшіе, кикиморы, пасіансы, гаданія, видѣнія, сны, предчувствія, суевѣрія и предрасудки. И нельзя кончить рѣчи объ ней лучшею похвалою, какъ представляя читателямъ слѣдующее разсужденіе автора, съ которымъ я вполне согласенъ :

«Всѣ народы имѣли свои національныя слабости и предрасудки, которые, по мѣрѣ образованія, измѣнялись совершенно. Каждая почти нація, въ первую эпоху младенчества своего, не только чуждалась иностранцевъ и убѣгала всякаго съ ними сношенія, но даже презирала ихъ. Иноземецъ, за два столѣтія, въ глазахъ нашихъ едва казавшійся человекомъ, бывъ привлеченъ въ Россію особеннымъ случаемъ или видами коммерческими, считалъ за милость, ежели мы позволяли ему жить между собою и обогащать насъ своими познаніями. Мало-по-малу приглядѣвшись къ ихъ художественной смышлености, мы постепенно дошли до того, что начали уже перенимать не только ихъ познанія, но даже нравы и обычаи; наконецъ страстно полюбили самыя ихъ слабости и пороки. Быстро презрѣніе къ иноземцамъ превратилось въ безусловное уваженіе. Мы видѣли въ каждомъ изъ нихъ своего учителя, наставника; какъ-бы не доверяя самимъ себѣ, мы ввѣряли имъ воспитаніе дѣтей нашихъ. Все чужеземное казалось намъ прекраснымъ, все свое называли дурнымъ. Этотъ модный національный предрасудокъ до того ослѣплялъ насъ, что Русскіе стыдились даже въ кругу своемъ, говорить прекраснымъ своимъ языкомъ, а нѣкоторые литераторы, изъ

среды лучшаго общества недавно еще не почитали себя за порокъ, въ Россіи, писать Исторію великихъ отечественныхъ событій, на языкъ Французскомъ.

«Наконецъ горизонтъ Россіи озаряется лучами національнаго солнца. Прекрасные плоды безсмертныхъ гениальныхъ трудовъ Правителей нашихъ и достойныхъ сподвижниковъ ихъ, обрабатывающихъ родную почву, начинаютъ созрѣвать, и, подѣ благотворнымъ вліяніемъ истиннаго просвѣщенія, на прочныхъ началахъ основаннаго, разливаютъ тихій, но благодѣтельный свѣтъ по всей странѣ. Мы не презираемъ иностранцевъ; но уже и не боготворимъ ихъ; перенять отъ нихъ Искусства, мы сравниваемся съ ними и стараемся нравственно превосходить ихъ. Народный характеръ нашъ и энзіюмія примѣтно образуются: Мы познаемъ настоящую свою цѣну; начинаемъ любить свой языкъ, уважать отечественные таланты, дорожить одной національной своей славою. Ко всему иностранному мы дѣлаемся равнодушными, а все свое хорошее приводитъ душу нашу въ восторгъ и пріятное восхищеніе. Это благородное пристрастіе къ отечественному — источникъ всего пзщнаго, великаго, будущаго; это зародышъ чувства святаго, — безпредѣльной любви къ отечеству; это возникающая эпоха истиннаго народнаго просвѣщенія!»

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛЕТОПИСЬ.

ДЖАКОВО САННАЗАРЪ, *Драматическая Фантазія въ четырехъ актахъ, въ стихахъ. Сочиненіе Н. К. Сп.-бургъ, въ тип. Плюшара, 1854, въ-8., стр. VI и 120.*

Разсужденіе объ этомъ новомъ твореніи автора «Торквато Тассо» помѣщено въ предъидущемъ отдѣленіи журнала.

КОНЕКЪ-ГОРБУНОКЪ, *Русская Сказка. Сочиненіе П. Ершова. Въ трехъ частяхъ. Сп.-бургъ, въ тип. Гинце, 1854, въ-8., стр. 122.*

Читатели наши вѣрно не забыли удовольствія, доставленнаго имъ первою частью этой поэмы, напечатанною въ Б. для Ч. Теперь они могутъ утронить это удовольствіе: всѣ три части ея вышли изъ печати особою книжкою. Дѣло видѣть о поощреніи юнаго и прелестнаго таланта вниманіемъ къ первому залогу будущихъ его успѣховъ: Русской публикѣ не нужно говорить болѣе.

Пѣснопѣнія *Пречистой и Препоблагословенной Владычицы Богородицы и Приснодѣвъ, Маріи. Москва, въ тип. Семена, 1854, въ-8., стр. 16.*

Пѣснопѣнія *Святителю Митрофану, первому Епископу Воронежскому, новоявленному Чудотворцу. Москва, въ тип. Семена, 1854, въ-8., стр. 24.*

Тридцатое Августа, 1854 года. *Стихотвореніе Графа Хвостова. Сп.-бургъ, 1854, въ-12., стр. 7.*

Его Императорскому Высочеству, Государю Наслѣднику, Цесаревичу и Великому Князю, Александру Николаевичу. *Стихотвореніе С. Стромиллова. Москва, въ тип. Селивановскаго, 1854, въ-8., стр. 8.*

СТИХОТВОРЕНІЯ А. Коптева. *СП.-бургъ, въ тип. Вилгебера, 1834, въ-12., стр. 127 и VIII.*

ДѢТСКІЕ Гимны и Стихотворенія, *переведенныя съ Англійскаго, Д-ра Вуастъ, Еленою Тютчевой. Москва, въ тип. Семена, 1834, въ-12., стр. 81.*

Я хотѣлъ что-то сказать о поэтическомъ дарованіи любезной переводчицы, и покраснѣлъ..... Нѣтъ, я не смѣю судить объ ея поэтическомъ дарованіи! Я ужасно робокъ. Но содержаніе дѣтскихъ стихотвореній чрезвычайно мнѣ нравится: оно мило и нерѣдко трогательно. Это будетъ первый отъ меня подарокъ моимъ дѣтямъ, когда у меня будутъ дѣти.

Повѣсти, *изданныя Александромъ Пушкинымъ, СП.-бургъ, въ тип. Гинце, 1834, въ-8., стр. XIII и 246.*

Мы не думаемъ, чтобы тѣмъ нарушали права безымянности, если скажемъ, что Повѣсти «изданныя» Александромъ Сергѣевичемъ Пушкинымъ, значить — «сочиненныя самимъ же ихъ издателемъ. Хотя предисловіе и приписываетъ ихъ покойному Бялкину, но самъ авторъ, кажется, не совсемъ желаетъ остаться безымяннымъ, когда на оборотѣ обертки тѣ же Повѣсти помѣстилъ въ числѣ твореній пѣнца Кавказскаго плѣнника. Такъ, это — второе изданіе извѣстныхъ «Повѣстей Бялкина», сочиненныхъ А. С. Пушкинымъ, и читанныхъ публикою въ прошломъ году съ такимъ удовольствіемъ. Къ нимъ присоединена еще «Пиковая дама», которою авторъ украсилъ нашъ журналъ въ началѣ года. Мнѣніе наше объ этомъ превосходномъ разсказѣ извѣстно читателямъ Б. для Ч.

Похожденіе червонца и послѣдняя участь его на *Макарѣвской ярмаркѣ. Москва, въ тип. Селивановскаго, 1834, въ-12., стр. 18.*

Викторъ Полинской, *Романъ. Сочиненіе П. Машкова. СП.-бургъ, въ тип. Ш. О. К. Внутренней Стражи, 1834, въ-12. Двѣ части, стр. 121 — 124.*

Гарась, или Умныхъ учитъ дуракъ. *Сатирическая Повѣсть, сочиненіе Александра Орлова. Москва въ тип. Лазаревыхъ, 1834, въ-12., стр. 28.*

Правда Божія, сочиненіе Александра Орлова. Москва, въ тип. Лазаревыхъ, 1834, въ-12., стр. 12.

Повѣсти Безумнаго. Москва, въ тип. Стпанова, 1834, въ-12., стр. 202.

Не хотите ли, честные господа, поглядѣть на Русскаго, доморощеннаго Балъзака? Онъ здѣсь! онъ у меня въ рукахъ! я поймалъ его! Я покажу вамъ его безденежно, хотя онъ очень любопытенъ и могъ бы сдѣлать мнѣ состояніе, если бъ я захотѣлъ показывать его за деньги.

Котораго Балъзака прежде желаете вы видѣть? Угодно ли Парижскаго? Угодно Московскаго? Вотъ вамъ нашъ Московскій!.... Нѣтъ, вотъ сперва Парижскій.

Должно знать, что Вильфридъ стоитъ ночью передъ Шведскимъ замкомъ, и разсматриваетъ свѣтъ огней, мерцающихъ въ окнахъ, и что это называется *Etude philosophique*:

«*Qu'ai-je donc vu? se demandait-il. Non, ce n'est pas une simple création, mais toute une création. De ce monde, entrevu à travers des voiles et des nuages, il me reste des retentissemens, semblables aux souvenirs d'une douleur dissipée, ou pareils aux éblouissemens causés par ces rêves, dans lesquels nous entendons le gémissement des générations passées, qui se mêle aux voix harmonieuses des sphères élevées, où tout est lumière et amour.*»

Вотъ Балъзакъ Парижскій. Всмотритесь въ него хорошенько: онъ весь тутъ, весь въ этомъ періодѣ. Что жъ вы видите? Глупость? «Нѣтъ, это не простая глупость, а цѣлый міръ глупостей. Изъ этого міра, подсмотрѣннаго сквозь занавѣсы и облака, остаются вамъ только раскаты, похожіе на воспоминанія разсѣянной скорби, или подобныя обморочкамъ, причиненнымъ тѣми сновидѣніями.....» Но вы и сами переведете себѣ этотъ періодъ! Переводите жъ, подбирайте логическое значеніе, думайте, — думайте, изъ всей силы, ищите смыслу міромъ, — а когда его найдете, то и сами будете умны, и мнѣ скажете, о чемъ здѣсь говорится. Между-тѣмъ я покажу вамъ нашего доморощеннаго Балъзака. Поглядите!

«Мазурка огласила высокіе своды. Шелестъ ногъ раздался въстникомъ тишины и порядка. Говоръ стульевъ пробудилъ усиліе и дѣятельность. — Быстрый взоръ его (Американца) молніею сверкалъ по лицамъ присутствующихъ, но разожженный бунтующимъ пламенемъ своевольной нѣги, онъ блестялъ какимъ-то упоительнымъ

лучше мечтательность. — Занесенному бурю обстоятельством на край просвещенной Европы, смутно представляется ему взра отцевъ его, смутно рисуются воображенію священныя ихъ обряды, имѣющіе предметомъ источникъ жизни и свѣта. — Мирныя его селенія выпадаютъ воображенію изъ сумерекъ прошедшаго. — Тамъ, подъ наклонномъ стройныхъ пальмъ и банановъ, привыкъ онъ думать о народахъ — первообразатъ созданія. — Тамъ хотѣлъ онъ заглушить порывы первыхъ впечатлѣній, дивныхъ и благородныхъ, какъ молитва. — (Онъ увидалъ Елеву, и), какъ изваяніе, приковался къ этимъ очамъ, и только изрѣдка какіе-то болѣзненные стопы или раздражающіе вздохи выпалили изъ устъ его. — Часы длились для него годами безконечнаго. — Все кругомъ ходило въ его глазахъ; мутно въ нихъ было какъ въ водоворотъ океана; еще мутнѣе было въ душѣ. — Онъ хотѣлъ бы изорвать всѣхъ, все твореніе (т. е., toute une création), чтобъ залить бунтующій огонь души. — Кровь, какъ лава, кипѣла въ его жилахъ; судорожныя движенія ревности, злобы, отчаянія, неукротимаго бвшенства, адскимъ холодомъ пробѣгали по его членамъ. — Разговоръ гостинныхъ, эта вѣчно-возрастающая гидра, между-тѣмъ улиткою кружился и переливался изъ предмета въ предметъ. — Но пламя, неукротимос пламя, кипѣло въ груди юноши. — Въ ней свирѣпствовала буря. — Помните ли, Елена, эту тѣсную комватку? Я могъ васъ видѣть свободно! чувствовать блаженство сообщества! ощущать нѣкую дыханія!.... Потомъ, на подоблачныхъ высотахъ Альпъ, омысаный громами и бурями, ярящимися подъ ногами моими.....»

Ну, прямой Балзакъ! Въ самомъ дѣлѣ, это прелесть. Мы восхищаемся всѣми этими фразами въ Парижскомъ Балзакъ: почему жъ бы онъ не чаровали насъ въ нашемъ собственномъ, родномъ, Московскомъ? Сколько здѣсь огня! сколько бурь въ груди и подъ ногами! сколько созданія, творенія, любви, лавы, нѣги, безконечнаго, неукротимости, пламени! Авторъ, изъ неумѣстной скромности, напрасно такъ обидѣлъ свой неподобный талантъ, назвавшись *Безумнымъ*. При такихъ дарованіяхъ, надо имѣть немножко городской гордости.

Собственно, мы бы не должны были говорить объ этомъ сочиненіи ни слова, но, во-первыхъ, этотъ слогъ чрезвычайно любопытенъ, а во-вторыхъ, есть иногда вещи ниже молчанія. Авторъ понимаетъ, что мы говоримъ о содержаніи первой его Повѣсти и о вдовахъ порока: читателямъ нашимъ советуемъ не понимать этого. Г. Безумный прямой Балзакъ не только по слогу, но даже по своимъ предметамъ и по своей Философіи!

Кто пишетъ такія Повѣсти, какова «Любовь и долгъ,» тотъ можетъ быть увѣренъ, что, ежели ее прочитають первую, остальныхъ уже читать не стануть. Мы объявляемъ Г. Безумному, что даже не хотимъ знать, сколько еще остается подобныхъ красотъ въ этой первой части его творенія, и что онъ, поймавъ насъ своею первою Повѣстью, приобрѣлъ полное право впредь никогда не быть читаннымъ нами. Если бъ изъ всего не было видно, что авторъ — молодой человекъ, и что самъ онъ принадлежитъ къ разряду тѣхъ юношей, въ груди которыхъ свирѣпствуютъ бури и которые еще подпоясываются громами, мы даже не припали бъ на себя труда дать ему почувствовать отвращеніе, порожденное въ насъ такимъ злоупотребленіемъ чувства и дарованія, которыя конечно заслуживаютъ лучшаго употребленія.

Интересантъ, или Вотъ тебѣ и проценты! Комедія-Водевиль въ одномъ дѣйствіи. Сочиненіе Г. Свѣшшикова. Москва, въ тип. Пономарева, 1854, въ-8., стр. 64.

Черный день Трешеткиной, Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ, А. Соболева. СП.-бургъ, въ тип. III Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи, 1834, въ-8., стр. 180.

Образецъ постоянной любви, Драма въ трехъ дѣйствіяхъ, передѣланная съ Французскаго языка, изъ театра Скриба. А. П. Москва въ тип. Лазаревыхъ, 1834, въ-12., стр. 64.

Стряпчій подъ столомъ, Водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, переведенный съ Французскаго Дмитріемъ Ленскимъ. Москва, въ тип. Селивановскаго, 1854, въ-8., стр. 95.

Ахъ, если бъ Водевиль были безъ куплетовъ, какъ бы тогда Г. Ленскій хорошо переводилъ ихъ! Правописаніе въ Водевильяхъ еще не есть необходимость, но куплеты..... Я советую Г. Ленскому писать Водевиль безъ куплетовъ.

Графиня поселянка, или Медовой мѣсяцъ, Комедія въ двухъ дѣйствіяхъ, сочиненіе Гг. Скриба, Мельвилля и Кармуша, переведенная съ Французскаго И. М. Т. актеромъ, К. Барановымъ. Москва, 1834, въ-12., стр. 130.

Эта миленькая пьеса новѣйшаго Французскаго репертуара не только переведена, какъ то сказано на заглавной страницѣ, но еще, какъ говорится въ нашей драматургіи, «передѣлана на Русскіе нравы». Это особенное искусство, для котораго нуженъ умъ очень оригинальный. Напередъ Баронессу де Сюрвиль превращаете вы въ *Бароншу Владимірскую*, а управителя Дюпона или Дюфура — напримѣръ, въ Куликова. Баронша и Куликовъ идутъ очень хорошо другъ съ другомъ. Половина иностраннаго цвѣта уже исчезла посредствомъ этой легкой поправки. Но этого не довольно: остаются еще иностранные нравы, которые тоже надо исправить. Вы исправляете чужіе нравы, перелагая ихъ на свои собственные: это самый вѣрный способъ совершенствованія нравственныхъ понятій. Карета съ путешественниками опрокинулась близъ замка; мусье Дюфуръ кричитъ Французскимъ крестьянамъ — «Живѣе, ребята, живѣе! Бѣгите имъ на помощь! Пятьдесятъ франковъ тому, кто первый явится на мѣсть!» Какъ же исправите вы эти нравы? какъ переложите ихъ на свои? Очень простымъ образомъ: Куликовъ является на сцену и, рассчитавъ, что франки не въ нашихъ нравахъ, что спасеніе погибающихъ не можетъ быть вознаграждено деньгами, что это совсемъ неблагородно, кричитъ — «Живѣе, ребята, живѣе! Бѣгите имъ на помощь! Пятьдесятъ палокъ тому, кто первый не явится на мѣсть!» И переводчикъ увѣряетъ, въ скобкахъ, курсивными, что послѣ этого *крестьяне бѣгутъ, перегоняя другъ друга*. Вотъ, что въ нашей драматургіи называется «передѣлываніемъ на Русскіе нравы!» Для этого нужно особенное искусство.

1. Пальмовый листъ. *Собрание Восточныхъ Повѣстей и Сказокъ, перевелъ съ Французскаго Федоръ Бобровскій. Съ картинками. Москва, въ тип. Университетской, 1834, въ-12., стр. 144.*

2. Дѣтскій разсказникъ, или *Собрание Повѣстей изъ лучшихъ иностранныхъ авторовъ, какъ-то: Бланшарда, Беркена, Бертрана, Г-жи Зонтагъ и многихъ другихъ. Переводъ съ Французскаго. Москва, въ тип. Пономарева, 1834, въ-24., стр. 101.*

3. Блестящій червякъ, *нравоучительная Повесть для дѣтей, сочиненная Аиною Зонтагъ, издательницею «Повестей для дѣтей перваго и втораго возрастовъ».* Переводъ съ Французскаго. М. Г. Москва, въ тип. Пономарева, 1834, въ-24., стр. 36.

Мы всегда съ удовольствіемъ препоручаемъ вниманію родителей сочиненія, могущія доставить малолѣтнему ихъ потомству пріятное и полезное занятіе. Три книжки, которыхъ привели мы здѣсь заглавія, могутъ быть смѣло употреблены ими для этой цѣли, особенно первая, которая даже переведена хорошо. При двухъ послѣднихъ находятся тоже картинки: оны литографированныя и, во второй, довольно изрядныя.

Малороссійскія присказки. Е. Гребенки. *СП.-бургъ, въ тип. Греча, 1834, въ-8., стр. 37.*

Краткія Записки, *содержащія въ себѣ разныя примѣчанія и сужденія о языкъ и Словесности, издаваемыя отъ Россійской Императорской Академіи.* *СП.-бургъ, въ тип. Р. Академіи, 1834, въ-8., стр. IV и 90.*

Это первая книжка безсрочнаго повременнаго изданія, предпринимаемаго Россійскою Академіею. Какъ цѣль «Краткихъ Записокъ», изложенная въ предисловіи, нѣсколько различна съ содержаніемъ книжки, которую имѣемъ мы передъ глазами, то, чтобы дать понятіе о существѣ этого новаго на пользу Русскаго языка предпріятія почтеннаго ученаго сословія, считаемъ нужнымъ выписать здѣсь «Предувѣдомленіе.»

«Записки сія не съ тою цѣлію издаются, чтобы быть полными и послѣдственными въ языкъ и Словесности наставленіями, каковы суть: Риторикъ, Грамматикъ, Словари, и проч; но съ тѣмъ, чтобы въ сихъ важныхъ сочиненіяхъ быть помощію тому, кто ихъ предпринять. Оны въ разныхъ отрывкахъ сихъ записокъ найдетъ многія замѣчанія, коими можетъ воспользоваться, и которыя послужатъ ему къ обученію его труда: такъ напримѣръ, сочиняющій Риторику, или инос какое о краснорѣчій разсужденіе, найдетъ въ нихъ выписанные изъ книгъ хорошіе примѣры, собранные и готовые для употребленія тѣхъ изъ нихъ, которые ему повадобятся. — Сочиняющій всякую другую учебную или неучебную книгу тожъ найдетъ собранные отвсюду примѣры свойственныхъ и несвойственныхъ языку выраженій, изъ коихъ первыми, когда хочетъ писать по-Русски, вставлять себя, а отъ другихъ избѣ-

гать долженъ. — Писатель Грамматки можетъ также найти многія касающіяся до сей науки замѣчанія. — Пристрастившійся къ употребленію иностранныхъ словъ увидитъ, что многимъ изъ нихъ есть соотвѣтствующія Русскія слова, и что одинъ только навъкъ, а не здравый разумъ, побуждаетъ его чужія предпочитать своимъ столько же или еще больше знаменательнымъ. — Забвенію старыхъ и выдумыванію новыхъ словъ приложится разборъ, довольно ли, и къ пользѣ ли языка, одиѣ изъ нихъ оставлены, а другія вводятся. Словопроизводство, толь нужное для основательнаго познанія не только своего, но и всѣхъ другихъ языковъ; словопроизводство, отгоняющее отъ очей нашихъ мракъ, въ какомъ сокрываются дѣйствія составлявшаго языка ума человеческого; сіе, мало извѣстное, и необходимо потребное для насъ просвѣщеніе, получить въ помѣщаемыхъ здѣсь словахъ опыты истолкованія оныхъ, и подаетъ поводъ къ дальнѣйшимъ въ томъ упражненіямъ. — Всѣ подобныя симъ замѣчанія, хотя отрывками и безъ послѣдствевнаго порядка собранныя, могутъ быть полезными напоминаніями тому, кто рассуждаетъ и любить не одному самолюбію своему вѣрить, но вникать и выслушивать силу доводовъ, хотя бы они были и противъ его понятія. Станетъ, что не вездѣ въ запискахъ сихъ съ новѣйшими писателями встрѣтится согласіе, но да не прогнѣваются они, когда навъкъ ихъ не предпочтется яснымъ доказательствамъ и здравому разсудку.»

Эта первая книжка «Краткихъ Записокъ» состоитъ изъ двухъ длинныхъ переводныхъ статей, относящихся къ Французской Словесности, и вся направлена противъ романтизма. «Два письма о романтической Словесности», взятые изъ сочиненій Г-на Же (Jay), слѣдуютъ за «Предувѣдомленіемъ»; потомъ — «Вечеринка Романтиковъ», или возложеніе вѣнца на Ронсаровъ бюстъ; подъ нею подпись: «Конецъ первой книжки».

Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета. Казань, 1854, 68-8., стр. 164.

Также первая книжка новаго повременнаго изданія. «Ученыя Записки» замѣняютъ прежній «Казанскій Вѣстникъ», и будутъ составляться изъ однихъ подлинныхъ сочиненій. Въ этой первой книжкѣ заключаются, по части Наукъ, диссертация Г. профессора Лобачевскаго «О пониженіи степени двучленного уравненія, когда показатель безъ единицы дѣлится на 8», и часть прекрасныхъ трудовъ Г. профессора Симонова по опредѣленію географическаго положенія разныхъ мѣстъ восточной Россіи. Въ отдѣленіи Словесности, нашли мы очень любопытную для ориенталистовъ

записку Г. Ковалевскаго о содерженіи Монгольской рукописи подъ названіемъ «Море притчъ», которое собственно входитъ въ составъ Ганджура. Мы приведемъ отчетъ автора объ одной притчѣ, для показанія читателямъ, какія иллюминаціи бывають въ Далай-Ламской вѣрѣ.

«О Кзанаганибали, могущественномъ и милосердомъ Царь, который для блага подданныхъ своихъ рѣшился всѣмъ пожертвовать за ученіе святыхъ. Лю-Дважда, браминъ, прибывъ во дворець его предложилъ свои услуги въ семь дѣлъ, съ условіемъ, чтобы Царь дозволилъ воззять въ тѣло тысячу свѣчъ и зажечь ихъ. Царь охотно соглашается, но подданные заклинають его любовью къ нимъ не подвергать жизни столь великой опасности. Просьба ихъ тщетна. Свѣчи воткнуты въ тѣло и зажжены; браминъ, по желанію Царя, научаетъ что есе приобретенное и мущество со временемъ истощится; всякая высота низринется; все любимое будетъ отлучено; все что родится, должно неминуемо умереть. Послѣ сихъ словъ Царь съ радостью произноситъ, что онъ ищетъ ученія единственно для приобрѣтенія достоинства Будды, дабы всѣ одушевленные существа просвѣтитъ светомъ прсмудрости. Лишь окончилъ сіи слова, потрясло небо, земля и святая обиталища Тегріевъ, которые, испутившись во вселенную и узрѣвъ разрушенною всю плоть Царя, пролила слезы. Наконецъ Хормуста, владыка 33-хъ Тегріевъ, прибывъ спросить у страдалца, не раскаивается ли онъ въ своемъ поступкѣ при толкихъ мученіяхъ. Ни мало! возразилъ Царь, — и въ одно мгновеніе тѣло его исцѣлилось. Въ лицѣ Царя находился тогда самъ Сакямуни.»

Мы не смѣемъ приписать той же степени любопытности или ученой важности длинному разсужденію Г. Булыгина о происхожденіи слова *князь*. Подобныя диссертаціи, въ которыхъ *olacum et opus* обыкновенно бывають потеряны, доказываютъ только необходимость соединенія весьма разнородныхъ лингвистическихъ свѣдѣній въ разсуждающемъ. Авторъ силится вывести слово *князь* отъ Славянскаго корня *комъ*, и никакъ не соглашается, чтобы оно происходило отъ Германскаго титула *konung*, или *koenig*. Какъ трудно судить о настоящемъ происхожденіи словъ, не обнявъ памятью множества языковъ, авторъ имѣетъ примѣръ тому въ производствѣ своемъ слова *краль*, или *король*, которое выводитъ онъ отъ «старога Славянскаго корня — *кара*,» по образцу слова *враць* и ему подобныхъ. То, что онъ почитаетъ старымъ Славянскимъ корнемъ, есть просто старое Нѣ-

мецкое слово *каг* или *кагг*, » *итраѣъ*, *пеня*, » которое находится во всѣхъ этимологическихъ лексиконахъ.

Самоучитель, или *Новѣйшая и полная Россійская Азбука*, составленная по новѣйшей, нынѣ употребительной методѣ, съ новыми облегченіями къ изученію чтенія, Александромъ Кузнецовымъ, и проч. Второе исправленное и дополненное изданіе. Съ картинками. Москва, въ тип. Лазаревыхъ, 1834, въ 8., стр. 154.

Французская Грамматика, содержащая въ себѣ произведеніе, сочиненіе и правописаніе словъ, сочиненная профессоромъ Ломондомъ, исправленная и дополненная профессоромъ Летелле. Переводъ съ сороковаго изданія. Москва, въ тип. Лазаревыхъ, 1834, въ 8. Три части, стр. 132 — 124 — 31.

Самое заглавіе этой Грамматики говорить все, что можетъ быть сказано въ ея похвалу. Мы прибавимъ только, что она издана на двухъ языкахъ, Французскомъ и Русскомъ, текстъ и переводъ въ двухъ параллельныхъ столбцахъ, и что переводчикъ еще присоединилъ разговоры и небольшую хрестоматию Русско-Французскую.

Общій Церковно-Словяно-Россійскій Словарь, или *Собраніе реченій какъ отечественныхъ, такъ иностранныхъ*, въ Церковнославянскомъ и Россійскомъ нарѣчіяхъ употребляемыхъ, и проч., по порученію Комитета Устройства Учебныхъ Заведеній составленное П. С^{***}, съ присовокупленіемъ таблицъ склоненій и спряженій, заимствованныхъ изъ Грамматики Г. Востокова, введенной въ употребленіе въ нижнихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Сп.-бургъ, въ тип. И. Россійской Академіи, 1834, въ 8. Двѣ части, стр. V, 1692 и 14 — 1778 и 14.

Съ благоговѣніемъ преклоняемъ колѣни передъ колоссальнымъ терпѣніемъ Г-на П. С^{***}, осуществленнымъ этими двумя огромными томами мелкой печати! Какъ трудъ одного человека, и притомъ трудъ на поприщѣ, не украшенномъ ни какими памятниками, нерасчищенномъ, почти пустомъ, словарь, о которомъ мы извѣщаемъ, достоинъ и удивленія

и благодарности. Авторъ очень справедливо избралъ себя эпиграфомъ стихъ Эниа:

Alii alio plus invenire possunt; nemo omnia.

Другіе сдѣлають болѣе! Это только начало, первое ядро полнаго Русскаго лексикона: когда, постепенно обрабатываясь и усовершеншаясь, достигнетъ онъ десятаго или пятнадцатаго изданія, тогда и мы будемъ имѣть своего Буаста. Многіе недостатки могутъ быть отысканы въ трудѣ Г-на П. С***, — тѣмъ, кто ихъ ищетъ, — какъ въ опредѣленіяхъ значеній, такъ и полнотѣ и логической постепенности ихъ списковъ; даже въ разныхъ мѣстахъ правильность, современность и изящность языка автора можетъ подлежать сомнѣнію; но онъ въ правѣ отвѣчать критикамъ, что еще никто на свѣтѣ не сдѣлалъ словаря, достаточнаго и совершеннаго, и тѣмъ менѣе никто не создалъ его тамъ, гдѣ дотошъ почти ничего не было въ этомъ родѣ. Для чистыхъ, тонкихъ и прочныхъ работъ лексикографическихъ нуженъ лексикографическій архивъ, который составляется изъ трудовъ цѣлыхъ столѣтій по части языка. Этого у насъ нѣтъ, и Критика, рассматривая трудъ Г-на П. С***, должна соразмѣрять свои сужденія съ пользою этого труда въ настоящемъ положеніи отечественной Филологіи, и съ недостаткомъ, который онъ пополняетъ на первый случай. Уваженіе къ безпримѣрному у насъ трудолюбію, снисходительность и благодарность!

Исторія Донскаго Войска, Описаніе Донской Земли и Кавказскихъ минеральныхъ водъ. Владиміра Броневскаго, *СП.-бургъ, въ тип. Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ, 1834, въ-8..* Три части — VIII-и 311—210—214.

Наконецъ земля Донскихъ героевъ имѣетъ своего исторіографа. Г. Броневскій овладѣлъ этимъ богатымъ и любопытнымъ для всей Россіи предметомъ, и подарилъ Русскую Литературу сочиненіемъ, важнымъ по своему содержанію, и съ которымъ познакомимъ мы нашихъ читателей въ непродолжительномъ времени.

Описаніе древнихъ Русскихъ монетъ. Москва, въ тип. Селивановскаго, 1834, въ-8., стр. X и 224. Съ гравированнымъ заглавнымъ листомъ и 27 нумизматическими таблицами.

Въ Москвѣ часто появляются такія книги, которыя создаются только въ настоящихъ ученыхъ атмосферахъ. Въ прошломъ году, «Поездка къ Ледовитому Морю,» Г. Бяльскаго, весьма пріятно изумила насъ посреди толпы книгъ, грубо и неискусно обдѣланныхъ, хотя перѣдко и важныхъ по содержанию: авторъ ея показался намъ знакомымъ съ понятіями, требованіями и авторскими сбѣтями свѣта ученаго и образованнаго. Недавно, «Памятники XVII вѣка,» изданные Г. Мухановымъ, доставили намъ новое удовольствіе своей Европейской формою. Нынѣ мы имѣемъ случай возвѣстить о новой книгѣ, также заслуживающей полную похвалу въ этомъ отношеніи, кромѣ справедливости, которую должно отдать особо важности ея для Историческихъ Наукъ. Г-нъ А. Ч., — мы находимъ эту фирму внизу предисловія, — взявъ за образецъ для своего труда описанія Восточныхъ монетъ Г. академика Френа: не возможно было избрать себѣ образецъ лучшей и точнѣйшей, ни удачнѣе подражать избранному. Судя по предисловію, Г-нъ А. Ч. описалъ въ этомъ сочиненіи собственное свое собраніе древнихъ Русскихъ монетъ: тѣмъ похвалнѣе для Г-на А. Ч! тѣмъ хуже для нашихъ официальныхъ антикваріевъ! Простому любителю обязаны мы первую, истинно отлично выполненною книгою на Русскомъ языкѣ объ отечественной Нумизматикѣ, тогда какъ богатія этого рода собранія публичныхъ заведеній остаются неизданными. Г-нъ А. Ч. нарисовалъ очень чисто и объяснилъ большею частью очень удовлетворительно около 450 нумизматическихъ экземпляровъ, начиная съ кожаныхъ денегъ до монетъ 1456 года, раздѣливъ ихъ на чеканы — I, Великаго Княжества Московскаго; II, Великаго Княжества Тверскаго; III, Великаго Княжества Рязанскаго; IV, Князей Удѣльныхъ; V, Новгородскія и Псковскія, и VI, неопредѣленные. Къ нумизматическому ихъ описанію присоединены историческія примѣчанія, родословныя нѣкоторыхъ Князей, всовая таблица и азбучный аналитическій реестръ. Все сдѣлано такъ, какъ следовало быть сдѣланнымъ. Мы увѣрены, что любители Русской Исторіи и въ особенности собиратели старинныхъ монетъ поспѣшатъ пріобрѣсти себѣ это важное сочиненіе, могущее имъ служить очень хорошимъ руководствомъ и пособіемъ въ археологическихъ изысканіяхъ.

Краткая Географія. Книжка первая. Физическое обозрѣніе Глобуса, Москва, въ тип. Университетской, 1834, въ-8., стр. 180.

Г. Гастевъ возымѣлъ очень счастливую мысль составить курсъ Географіи, раздѣленный такъ, какъ ея преподаваніе раздѣлено въ нашихъ училищахъ, чтобы каждый классъ снабженъ былъ особою книжкою, особымъ и ему только служащимъ руководствомъ. Эта метода весьма благопріятствуетъ развитію классныхъ предметовъ. За первую книжкою, вообще очень хорошо приспособленною къ своему назначенію, скоро должны послѣдовать другія.

Магазинъ познаній, или Собраніе изъ многихъ отечественныхъ и иностранныхъ, въ разныя времена изданныхъ, сочиненій, объ открытіяхъ по экономической части, Механикѣ, Физикѣ, Земледѣлію и разнымъ другимъ предметамъ. Москва, въ тип. Университетской, 1834, въ-12. Четыре части въ одной книжкѣ, стр. 85 — 76 — 69 — 69.

Описаніе Металлографіи, или вновь изобрѣтеннаго способа печатать всякаго рода металлическими досками (какъ-то, мѣдными, цинковыми, желѣзными и т. п.) различные рисунки, и рукописи, не гравировавъ на нихъ рѣзцомъ или крѣпкою водкою, а просто написавъ на нихъ желаемое обыкновеннымъ перомъ и нѣкотораго рода тушью; также переводить написанное съ бумаги, и притомъ снимать до 5000 оттисковъ и болѣе. Сочиненіе В. Озергіескеала. Съ приложеніемъ (металлографированнаго) рисунка. Сп.-бургъ, въ тип. Вингебера, 1834, въ-8., стр. 11.

=

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Мы уже извѣстили нашихъ читателей, посредствомъ особаго прибавленія къ предъидущей книжкѣ Б. для Ч., о важномъ для Литературы и народнаго просвѣщенія предпріятія А. А. Плюшара, который рѣшился, во что бы то

ни стало, подарить насъ Энциклопедическимъ Лексикономъ въ двадцати четырехъ томахъ мелкой печати, и который сдержитъ свое слово, — во что бы то ни стало! Сама мысль объ этомъ огромномъ литературномъ подвигѣ на Руси наполняетъ насъ восторгомъ: нельзя не удивляться быстротѣ, съ какою просвѣщеніе движется въ нашемъ отечествѣ, нельзя не быть проникнутымъ благодарностью къ попечительной и мудрой Власти, которая споспѣшествуетъ почти волшебнымъ его успѣхамъ, и даетъ имъ благое направление. Для тѣхъ, которые желали бѣ просвѣтить Россію по своимъ понятіямъ или по какой-нибудь Французской книгѣ, успѣхи эти могутъ быть непримѣтны; но надобно быть пораженнымъ нравственною слѣпотою, чтобъ не видѣть того, что способно не только пролить въ сердце живѣющую отраду, но даже заставить насъ гордиться своей страной. Кто бы могъ подумать въ 1824 году, когда вся наша Словесность заключалась въ альманахахъ, о возможности существованія у насъ лѣтъ чрезъ десять такого журнала, какъ напримѣръ Библіотека для Чтенія, котораго одиъ издержки изданія простираются до 250,000 рублей, и который для перваго года своей жизни требовалъ содѣйствія не менѣе 5,000 подписчиковъ! Въ прошломъ году еще многіе тому не вѣрили, и громко предсказывали разореніе издателю. Какому частному человѣку, лѣтъ десять тому назадъ, когда всякая книга, немпожко потолкаше или поважнѣе, принуждена была прибѣгать къ щедротамъ Правительства, чтобъ на его деньги увидѣть бѣлый свѣтъ, — какому частному человѣку пришло бы тогда въ голову основать на своихъ имѣніи судьбу сочиненія, долженствующаго, подобно Энциклопедическому Лексикону, занять двѣсти человѣкъ Ученыхъ и литераторовъ, имѣющаго стоить около миліона, и требующаго для вознагражденія своихъ издержекъ до 6,000 подписчиковъ, не говоря уже о возмездіи за безчисленные труды и хлопоты устройства и исполненія дѣла! Это факты, и факты утѣшительные. Сравненіе числа платящихъ читателей въ 1824 году съ числомъ ихъ въ 1834 одно можетъ дать вѣрную выкладку успѣховъ нашего просвѣщенія, котораго масса поэтому, въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ, явно увеличилась въ четверо, если не болѣе.

Библиотека для Чтенія удостоверила А. А. Плюшара въ возможности привести въ дѣйствиѣ это колоссальное для частнаго человѣка предпріятіе, а мы ручаемся ему въ томъ, что Русская публика въ полной мѣрѣ пойметъ и оцѣнитъ благородную довѣренность къ ея патриотизму и не оставитъ его въ убыткѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, вопросъ относится къ нашему патриотизму. Не зная программы Энциклопедическаго Лексикона и его условій, мы ошибочно заключили въ извѣстїи, сообщенномъ нами въ прошломъ мѣсяцѣ, что Нѣмецкій *Conversations-Lexikon* будетъ служить ему образцомъ и основаніемъ. Это, напротивъ, будетъ твореніе совершенно Русское, національное, составленное въ Россіи, Русскими и для Русскихъ, въ духъ нашего политическаго быта и въ формахъ нашего образованія, и почти вдвое обширнѣе Нѣмецкаго Лексикона, который только доставитъ ему все хорошее и полезное, въ немъ заключающееся, паравнѣ съ подобными же Лексиконами, издающимися въ Англии и во Франціи; твореніе, котораго главное достоинство — въ огромной массѣ оригинальныхъ статей обо всемъ касающемся до Россіи, до насъ, до нашихъ умственныхъ и вещественныхъ потребностей. Всякой изъ насъ, кто только въ состояніи отдавать 30 рублей въ годъ отъ своихъ расходовъ, долженъ пожертвовать ими на поддержаніе этого общепользнаго и истинно народнаго предпріятія литературнаго. Мы совершенно согласны съ Г. Плюшаромъ, что подобное сочиненіе сильно содѣйствовало бы распространенію въ нашемъ отечествѣ просвѣщенія *положительнаго*, которое, послѣ религіознаго просвѣщенія, считаемъ мы за первое и единое существенное; что оно должно быть подъ рукою у каждаго умвующаго читать, и что мы теперь находимся именно на той точкѣ нашей постепенной образованности, гдѣ оно дѣлается книгою первѣйшей потребности. Но, сверхъ пользы, тутъ еще и честь Русскаго имени должна нѣсколько воспламенить насъ къ содѣйствию Г. Плюшару: въ эту самую минуту издаются во Франціи и въ Англии подобныя нашему Лексикону полезныхъ и необходимыхъ свѣдѣній; все, что только шарлатанство можетъ придумать благовиднаго, употребляется ихъ издателями для обнадеженія ихъ

успѣховъ; вся Европа, и Россія въ особенности, дважды въ годъ бываетъ закидана ихъ программами, въ которыхъ заключаются самыя лестныя обѣщанія и самыя краснорѣчивыя призывы къ нашимъ карманамъ. Отвергнемъ эти лестивыя приманки! докажемъ иностранцамъ, что мы, безъ ихъ пособія, въ состоянн сдѣлать у себя то же и въ то самое время, — и даже сдѣлать лучше!

Съ тѣмъ пламеннымъ чувствомъ, какое возбуждаетъ въ насъ каждое прекрасное начинаніе и все отечественное, поручаемъ мы вниманію благомыслящихъ нашихъ читателей предложеніе Г. Плюшара. Оно вполне достойно не только ихъ содѣйствія, но и покровительства. Энциклопедическій Лексиконъ, выходя въ свѣтъ отдѣленіями, по четыре тома въ годъ, можетъ почти считаться журналомъ съ годичною подпискою въ 40 рублей: и дѣйствительно, по формѣ и занимательности статей своихъ это родъ журнала, — разница только въ томъ, что онъ будетъ существовать определенное число годовъ (шесть лѣтъ); и разсуждать обо всемъ по алфавитному порядку. Чтобы нѣсколько себя обезпечить, Г. Плюшаръ слагаетъ двадцать пять процентовъ съ годичной подписной цѣны въ пользу тѣхъ, которые внесутъ деньги до 1 Января 1855 года: уступка безъ сомнѣнія очень благородная, и жители ближайшихъ губерній конечно воспользуются ею воспользоваться; но условіе ея немного тягостно для отдаленныхъ мѣстъ, которыя едва въ концѣ года получаютъ самую программу. Зачто жъ любителей чтенія и народности, обитающихъ въ тѣхъ странахъ, исключать изъ выгодъ премій, определенной за посѣтшность, за ревность къ общей и къ своей пользѣ, за умѣніе быстро постигнуть и оцѣнить важность дѣла? Намъ по-крайней-мѣрѣ кажется, что Г. Плюшаръ могъ бы сдѣлать изъятіе для извѣстныхъ губерній хоть посредствомъ особаго объявленія, и, для Кавказа, Дона, Сибири и Бессарабин, продлить урочный срокъ двумя или тремя мѣсяцами. Если только есть возможность, то мы просили бъ его принять наше посредничество въ пользу читателей нашихъ въ тѣхъ отдаленныхъ областяхъ Россіи.

VII.

С М Ъ С Ъ.

ПАРИЖСКАЯ АКАДЕМІЯ НАУКЪ. 1. *Газовыя лампы и ма-
лки.* Много писали о лампахъ, дающихъ ослѣпительный
свѣтъ, и въ которыхъ употребляется известъ и два газа,
водородный и кислородный. Изобрѣтеніе однако жъ было
неполно потому, что представляло многія практическія не-
удобства. Нынѣ Г. Рура увѣдомилъ Академію, что въ сво-
ихъ кислородно-водородныхъ лампахъ онъ удачно замѣнилъ
известъ гипсомъ, обдѣланнымъ въ видѣ плоской свѣтильни.
Когда струя зажженного газа направляется на сѣрнокислую
известъ, пламя бываетъ сначала слабое, а потомъ чрезвы-
чайно яркое. Гипсъ разлагается, сѣрная кислота освобож-
дается, и остается известъ. По этому случаю, Г. Араго со-
общилъ результатъ нѣсколькихъ опытовъ, произведенныхъ
для примѣненія открытія капитана Друммона къ маякамъ.
Свѣтъ, производимый пламенемъ двухъ газовъ, устремлен-
нымъ на цилиндръ извести, проходитъ сквозь увеличитель-
ное стекло. Въ направленіи оси онъ равняется свѣту
двадцати тысячъ кенкетовъ. По мнѣнію Г. Араго,
этотъ свѣтъ можетъ быть видимъ въ морѣ за шестьдесятъ
и за восемьдесятъ верстъ. При геодезическихъ работахъ,
произведенныхъ въ послѣднее время въ Англии, онъ былъ
употребляемъ вмѣсто сигнала, который съ береговъ Англии
былъ виденъ въ Ирландіи. Притомъ, этотъ свѣтъ, по сво-
ей яркости, проникаетъ густой туманъ, чего при обыкно-
венныхъ маякахъ не бываетъ. Между-тѣмъ, чтобы это при-
мѣненіе сдѣлать общеупотребительнымъ, надобно еще
отвратить многія затрудненія. Известъ, скоро твердѣетъ,
и тогда свѣтъ значительно ослабѣваетъ; пламя надобно
безпрерывно устремлять на новыя части цилиндра, и при-
томъ часто возобновлять; но главное затрудненіе состоитъ
въ томъ, что какъ пламя при выходѣ своемъ весьма тонко,
то оно почти не расходится въ разныя стороны. Однако

жъ эти неудобства не столь непреодолимы, чтобы не можно было надвѣяться скорого усовершенствованія газовой маяговъ.

2. *Причина чесотки.* Съ давняго времени некоторые врачи утверждали, что подъ верхнею кожицею людей, больныхъ чесоткою, существуютъ маленькія насѣкомыя, изъ роду клещей. Были даже и рисунки съ изображеніемъ этихъ насѣкомыхъ. Какое соотношеніе существуетъ между ними и порожденіемъ или распространеніемъ этой заразной болѣзни? Случайно ли только существуетъ чесоточный клещъ подъ верхнею кожицею? Эти вопросы были неоднократно разсматриваемы, но досель оставались безъ разрѣшенія. Большая часть врачей отвергала существованіе клеща въ чесоточныхъ пузырькахъ, въ которыхъ многіе наблюдатели ихъ не находили. Г. Бодъ показывалъ въ Академіи шесть живыхъ клещей, вынутыхъ въ то же утро въ госпиталѣ Св. Лудовика у чесоточныхъ, которые къ нему приходили. Эти насѣкомыя находились подъ верхнею кожицею на концѣ бороздки, длиною въ линію, которая всегда начиналась въ пузырькъ. Г. Рекуцци, который первый снова нашелъ ихъ, былъ, какъ кажется, руководимъ изысканіями Бононіо: этотъ ученый говоритъ въ одномъ своемъ сочиненіи о существованіи клеща подъ верхнею кожицею въ бороздкѣ, о чемъ упоминаетъ, по словамъ его, и Бакеръ, въ своемъ разсужденіи о микроскопѣ.

3. *Резиновое масло.* Г. Дюма представилъ отъ имени Гг. Билья и Эндерби летучее масло, полученное посредствомъ перегонки каучука, или резины. Извѣстно, что это вещество состоитъ только изъ угля и водорода. При перегонкѣ оно едва оставляетъ небольшой угольный остатокъ, и производитъ масло, въ которомъ Г. Дюма нашелъ 88 частей угля и 12 водорода; изъ 12 фунтовъ каучука получается 10 фунтовъ масла. Гг. Билья и Эндерби, переговая его во второй разъ, получили прозрачную жидкость, самую легкую изъ всѣхъ досель извѣстныхъ, потому что плотность ея составляетъ 0,640; она чрезвычайно летуча, лучше всякаго другаго вещества растворяетъ каучукъ,

второй принимая снова твердый видъ, по испареніи масла, олучаетъ опять всю свою упругость, — открытіе чрезвычайно важное при нынѣшнемъ стараніи употреблять резину для разныхъ предметовъ, при несомнѣнной ея пользѣ и не-овершенствѣ средствъ, придуманныхъ для обращенія ея въ жидкое состояніе. Эта жидкость растворяетъ также и высушенную копаловую смолу, составляя такимъ образомъ весьма хорошій лакъ. Г. Дюма присовокупилъ, что торговля каучукомъ, во Франціи почти ничтожная, въ Англіи начинаетъ распространяться. Онъ продается такъ дешево по 12 коп. фунтъ), что его намѣриваются употреблять во мнѣгахъ для смоленія канатовъ и веревокъ. Въ Европѣ не имѣютъ понятія о томъ, какое огромное количество каучука производятъ жаркія страны. Одна Ява могла бы доставлять 2,500,000 фунтовъ каучука, если бы было куда сбывать его.

4. *Инструментъ для измѣренія пульса.* Г. Мажанди читалъ донесеніе объ инструментѣ, изобрѣтенномъ Гг. Герриссономъ и Гарнье, и который они назвали сѣнгмометромъ, или пульсометромъ. Этотъ инструментъ назначенъ для измѣренія пульса такъ, чтобы сдѣлать видимыми измѣненія въ обращеніи крови, которыя врачи наблюдали доселѣ посредствомъ осязанія. Если бы этотъ инструментъ дѣйствительно представлялъ средство измѣрять и съ точностію выражать главнѣйшіе феномены кровообращенія, то важный пунктъ въ Медицинѣ былъ бы доведенъ до совершенства, потому что врачъ самый искусный не можетъ приблизиться въ изслѣдованіи пульса къ совершенной достовѣрности, какъ бы ни изошрено было его осязаніе.

Сѣнгмометръ состоитъ изъ капиллярной трубки, открытой съ одного конца и оканчивающейся съ другой полусферическою воронкою, закрытою круглымъ пузыремъ, прикрѣпленнымъ къ краю воронки. Определенное количество ртути впускается въ эту воронку, и придерживается стальнымъ краномъ. На трубкѣ означается произвольная лѣствица, раздѣляющая ее на 65 градусовъ. Пузырь этого инструмента прикладывается къ артеріи, которой біенія чувствительны. Кранъ открываютъ и жмутъ довольно сильно для того, чтобы ртуть поднялась въ часть, раздѣленную

на градусы. При всякомъ расширеніи артерій, ртуть отталкивается и поднимается на нѣсколько градусовъ, а потомъ спускается, когда сжимается артерія. Но при употребленіи сѣнгометра встрѣчаются затрудненія. Давленіе слишкомъ сильное или слишкомъ слабое можетъ уничтожить результаты или сдѣлать ихъ мало замѣтными. Это важное неудобство, потому, что указанія инструмента зависятъ отъ большей или меньшей ловкости того, кто его употребляетъ. Гг. Гервсонъ и Гарнье пробовали одинъ за другимъ артеріи тѣхъ же лицъ, не сообщая другъ другу своихъ наблюденій, и результаты, ими полученные, разнились между собою 2, 3 и даже 10 градусами. Г. Араго, признавая, что сѣнгометръ — инструментъ весьма замысловатый и что врачи могутъ и нынѣ уже имъ пользоваться, полагаетъ, что, если изобрѣтатели хотѣтъ, чтобы приборъ ихъ вошелъ въ общее употребленіе, они должны сдѣлать его простѣе и такъ, чтобы указанія были, по возможности, независимыми отъ ловкости и предосторожностей наблюдателя.

КОРОЛЕВСКОЕ ОБЩЕСТВО УЧЕНЫХЪ ВЪ ЛОНДОНѢ.

Новая теорія горьнія. Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій Докторъ Вильямсъ читалъ весьма занимательную записку объ этомъ предметѣ. Вотъ ея содержаніе. Положивъ, что горьніе всегда есть произведеніе химическаго дѣйствія, болѣе или менѣе сильнаго, Г. Вильямсъ различаетъ нѣсколько степеней горьнія. Онъ разсматриваетъ сначала простыя тѣла, въ которыхъ горьніе происходитъ совершенно, и потомъ переходитъ постепенно къ тѣмъ, въ которыхъ оно труднѣе производится. До новой теоріи Доктора Вильямса, извѣстны были двѣ крайнія степени въ лѣвницѣ горьнія. Съ одной стороны крайнюю степень составляли тѣла, которыя горятъ, отдѣляя наибольшее количество теплотвора, и твердыя тѣла, нагреваемая докрасна; съ другой вещества, отдѣляющія наименѣе теплотвора во время горьнія, какъ напримѣръ фосфоръ, когда онъ горитъ при обыкновенной температурѣ, или свѣра, когда ее расплавляютъ на легкомъ огнѣ. Но теорія Доктора Вильямса показываетъ намъ, что ниже этой послѣдней степени горьнія, существуетъ еще другая, которой открытіе

разливаетъ сильный свѣтъ на множество явленій, казавшихся доселѣ неизъяснимыми. Вотъ какимъ образомъ Докторъ Вильямсъ сдѣлалъ опытъ, доставившій ему этотъ важный результатъ.

Онъ заперся въ комнату, въ которой произвелъ совершенную теплоту; положилъ въ желѣзный шаръ разныя горючія вещества, какъ то, воскъ, масло, китовый жиръ, сало и проч. Нагрѣвая нѣсколько времени этотъ шаръ, онъ увидѣлъ, что изъ отверстія, находившагося въ верхней части его, выходитъ легкое пламя. Онъ рассмотрѣлъ это пламя и нашелъ, что оно совершенно отличнаго свойства отъ того, которое производится обыкновеннымъ горѣніемъ, и замѣтилъ сверхъ того, что это пламя не есть фосфорованіе сала, какъ говорили, когда сравнивали это вещество съ *spath-fluog* и другими ископаемыми; потому что, если бы это пламя было не что иное, какъ фосфорованіе сала, то оно не усиливалась бы отъ соприкосновенія съ кислородомъ, и не потухало бы при погруженіи въ угольную кислоту. Очевидно, что это пламя особаго рода.

Его должно почитать звеномъ, связывающимъ между собою горѣніе и гніеніе. При помощи этого открытія не мудрено объяснить столь обыкновенныя явленія внезапнаго возгорѣнія шерсти, сильно папитанной овечьимъ потомъ, маслястой конопли, хлопчатой бумаги, угля, сыраго сѣна, турфа, льна. Въ подобныхъ случаяхъ происходитъ поглощеніе кислорода, начинается гніеніе, и броженіе усиливается до того, что возвышаетъ температуру до 300 градусовъ. Тогда появляется пламя, открытое Докторомъ Вильямсомъ, и начинается обыкновенное горѣніе. Такимъ же образомъ можно объяснить и феноменъ внезапнаго возгаранія чело-вѣческаго тѣла. Въ этомъ случаѣ разложеніе мяса возвышаетъ температуру тѣла, и тотчасъ производитъ небольшое пламя, замѣченное Докторомъ Вильямсомъ.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ГОРНАГО МАСЛА. Изъ всѣхъ теорій, предложенныхъ естествоиспытателями, самая общепринятая та, которая приписываетъ образованіе горнаго масла подземному

горюнію каменно-угольныхъ копей. Однако жъ, это объясненіе — чисто предположительное, потому что не видали еще горнаго масла послѣ пожаровъ, случающихся въ каменно-угольныхъ ломняхъ, и никому не удалось получить его посредствомъ переугливанія каменныхъ угольевъ ни на волюномъ воздухѣ, ни въ покрытыхъ сосудахъ. Докторъ Рейхенбахъ, полагая, что это обстоятельство могло зависеть отъ способа перегонки, и особенно отъ того, что она производилась сухимъ путемъ, сдѣлалъ слѣдующій опытъ, который увѣнчался, какъ увидимъ, счастливейшимъ успѣхомъ.

Онъ всыпалъ въ большую желѣзную реторту 50 килограммовъ (122 фунта) крупно избитаго каменнаго угля, и развелъ его значительнымъ количествомъ воды. Каменный уголь взятъ былъ изъ Ославаны, въ двухъ миляхъ отъ Брунна, и содержалъ много каламитовъ, сфеноптеровъ и окаменѣлыхъ зубовъ. Перегонка продолжалась до тѣхъ поръ, пока въ угольяхъ было еще хоть нѣсколько воды; но когда ея не стало, перегонка тотчасъ была остановлена, такъ что не могло произойти переугленія. Лишь только производенія перегонки начали показываться, Г. Рейхенбахъ замѣтилъ на водѣ масляный кругъ, и въ отверстіи снаряда слышавъ былъ запахъ горнаго масла. Это производство повторилось восемь разъ съ пятидесятью килограммами угля, и когда всѣ восемь производеній были соединены, а потомъ отдѣлено масло и передвоено безъ примѣси, то вышло его полтора килограмма.

Такъ какъ количество полученнаго масла было незначительно, то Г. Рейхенбахъ велѣлъ въ самой лоннѣ наложить въ сосудъ свѣжаго каменнаго угля, покрыть его и вынести къ нему на свѣжій воздухъ, гдѣ онъ тотчасъ же подвергъ его перегонкѣ. Изъ этого угля вышло больше масла, чѣмъ изъ того, который пролежалъ нѣсколько времени въ амбарахъ.

Масло, получаемое такимъ образомъ, совершенно чисто и прозрачно; однако жъ все остается въ немъ какой-то зеленовато-желтый отблескъ, который, вѣроятно, исчезъ бы при вторичной перегонкѣ. Оно чрезвычайно текуче, и

пахнетъ точно какъ горная смола. На открытомъ воздухѣ скоро испаряется; горитъ ярко и безъ свѣтлнни.

Докторъ Рейхенбахъ хотѣлъ распространить свои наблюденія на другіе роды каменныхъ угольевъ, но не получилъ горнаго масла, и даже перегоночная вода ни сколько имъ не пахла. Изъ этого опыта должно, повидимому, заключать, что господствующее доселѣ мнѣніе, будто горное масло производится дѣйствіемъ весьма высокой температуры на горючія ископаемая, несправедливо. Очевидно, что горное масло существуетъ въ каменномъ углѣ, какъ составная его часть. Чтобы отдѣлнить его совершенно, надобно разогрѣть уголь до кипяточнаго жару, и онъ не потеряетъ отъ этого ни одного изъ наружныхъ своихъ признаковъ, кромѣ блеска въ изломѣ.

«Если захотимъ узнать, продолжаетъ Докторъ Рейхенбахъ, какъ горное масло образуется въ углѣ, и откуда получаетъ оно первое свое начало, мы дойдемъ до столь же удивительныхъ выводовъ. Давно уже я замѣчалъ разительное сходство, которое запахъ горнаго масла весьма часто имѣетъ съ терпентиновымъ, такъ что я приписывалъ это сходство подмѣси, дѣлаемой продавцами изъ выгодъ; но какъ же я удивился, нашедши тотъ же самый запахъ и то же сходство въ искусственномъ горномъ маслѣ, въ чистотѣ котораго я ни сколько не могъ сомнѣваться. Тутъ я удостовѣрился, что запахомъ терпентинъ подходитъ къ самому чистому горному маслу, и что чѣмъ оно чище, тѣмъ этотъ запахъ сильнѣе.

«Дальнѣйшее сравненіе физическихъ и химическихъ свойствъ естественнаго или искусственнаго горнаго масла и скипидара не позволяетъ мнѣ сомнѣваться въ сходствѣ этихъ двухъ маселъ, и заставляетъ предполагать, что главныя ихъ стихіи суть однѣ и тѣ же. Когда вспомнимъ, что въ каменномъ углѣ попадаются всякіе остатки растений, и что образованіе его приписываютъ истребленію древнѣйшихъ прозябеній, тогда покажется вѣроятнымъ, что горное масло образовалось изъ растений, доставляющихъ терпентинъ, или, другими словами, что горное масло не что

инное, какъ терпентинъ изъ елей предшествовавшего нашему въку. Не только дерево, но и большія скопища еловыхъ иглъ могли содѣйствовать къ этому явленію. Вотъ обстоятельство, повидимому не важное, но доставляющее вамъ положительныя свѣдѣнія о внутреннемъ составѣ допотопныхъ органическихъ тѣлъ. Горное масло, которое выходитъ изъ земли въ видѣ источниковъ, или которое собирается въ родникахъ, не зависитъ слѣдственно отъ горѣнія, но есть просто результатъ дѣйствія подземной теплоты; и намъ извѣстно, что даже не глубоко лежащіе слои каменнаго угля разогрѣваются до кипяточнаго жару, который потребенъ для гонки горнаго масла.»

УГРИ. Споръ объ угряхъ ведется очень давно между учеными, — не вразсужденіи ихъ вкусности или того, съ какою соусомъ слѣдуетъ подавать ихъ ко столу, а на счетъ образа ихъ рожденія. Извѣстный Англинскій естествоиспытатель, Джессъ, занимавшійся въ особенности наблюденіями надъ угрями, утверждалъ еще недавно, что эта порода родитъ живыхъ дѣтенышей. Напротивъ, Г. Яррелль, натуралистъ тоже весьма уважаемый, считалъ угрей рыбами ящеродными. Никто однако жъ не могъ представить ясныхъ доказательствъ своему мнѣнію. Наконецъ, вскрывъ множество живыхъ угрей въ разныя поры года, оба натуралиста вдругъ удостовѣрились, что угорь — действительно ящеродная рыба, какъ всѣ прочія рыбы, и что онъ переходитъ въ соленую воду для метанія икры. При благопріятной погодѣ, это происходитъ отъ Ноября до конца Января мѣсяца, и ходъ угрей бываетъ такъ правиленъ, что рыбаки, промышляющіе въ Темзѣ, ставятъ всегда мрежи отвѣртіемъ противу теченія рѣки. Одни старые угри уходятъ въ море, изъ чего заключить можно, что переходы эти имѣютъ цѣлю метаніе икры. Молодые слѣдуютъ за старыми только до моря, и, дошедши до него, возвращаются назадъ. Г. Джессъ слѣдовалъ за ихъ ходомъ отъ Блакѳоріарскаго моста до Чертсея. Удивительно, съ какою инстинктомъ совершаютъ они свои странствованія, не останавливаясь ни какими препятствіями на пути. Мы привели въ «татѣ чувствъ и способностяхъ рыбъ (кн. 9)

любопытныя наблюденія Г. Джесса надъ переправою угрей черезъ плотины, и надъ воздушною экспедиціею ихъ на дерево, растущее подлѣ пруда въ окрестностяхъ Бристоля. Во время переходовъ своихъ, молодые угри идутъ обыкновенно густою колонною. Расчитано, что черезъ одно мѣсто рѣки проходитъ ихъ до 1,800 въ минуту.

Г. Яррелль полагаетъ, что за дѣтенышей были принимаемы черви, находимые иногда во внутренности угрей, и что они-то подали поводъ считать эту рыбу между живородящими. Но и Аристотель уже говорилъ, что черви эти не суть порожденія угрей, а Г. Яррелль, дѣлавшій многіе опыты надъ ихъ икрою, убѣдился самымъ положительнымъ образомъ, что маленькіе угри выходятъ изъ икорныхъ личекъ не въ чревѣ матери, но въ водѣ, подобно другимъ рыбамъ.

Переходы въ другую воду совершаются угрями дважды въ годъ: въ первомъ изъ нихъ, по общему мнѣнію естествоиспытателей, старые угри, перешедши изъ рѣкъ въ море, не возвращаются уже болѣе въ прѣсную воду; молодые же, напротивъ, вступаютъ обратно въ рѣки. Вопреки этому мнѣнію, Г. Яррелль полагаетъ, что переходъ старыхъ угрей въ море есть дѣйствіе не необходимости, но произвола, и что они точно также возвращаются въ рѣки, какъ и молодые. Причина, заставляющая ихъ предпринимать эти путешествія, заключается въ томъ, что рыба эта, ища въ зимнее время воды не столь холодной, удаляется, въ устья рѣкъ, гдѣ, отъ смѣшенія прѣсной воды съ соленою, температура нѣсколько возвышается. Желая удостовѣриться собственнымъ опытомъ, говоритъ Г. Яррелль, какъ велико различіе между температурою воды въ рѣкъ и температурою ея въ устьѣ, я воспользовался поѣздкою въ Рамсетъ, на пароходѣ. Вода прибывала; коль скоро приливъ соленой воды сдѣлался ощутителенъ для вкуса, температура ея стала возвышаться, и мы еще не достигли Гревсенда, какъ она возвысилась двумя градусами. Приближался къ Нору, мы были встрѣчены, первымъ приливомъ съ моря, и тутъ температура воды начала понижаться, несмотря на то, что

воздухъ сдѣлался значительно теплѣе. Въ четыре часа обогнули мы мысъ Нордъ-Форлендъ, и были застигнуты сильнымъ приливомъ съ открытаго пролива : температура совершенно соленой морской воды оказалась одинаковою съ чистою рѣчною, хотя температура воздуха возвысилась на 9°. Такъ, не подлежитъ сомнѣнію, что прѣсная вода, смешанная съ соленою, бываетъ обыкновенно 2 градусами теплѣе каждой изъ нихъ въ особенности, — и вотъ одна изъ причинъ, отчего устья рѣкъ, впадающихъ въ море, вообще изобилуютъ рыбою, и особенно угрями, которые очень чувствительны къ холоду. В. М.

СРЕДНЕЕ ПРОДОЛЖЕНІЕ ЖИЗНИ ВРАЧЕЙ. Слишкомъ десять лѣтъ уже, говоритъ знаменитый профессоръ Касперъ, посвящаю я всѣ мои свободныя минуты разысканіямъ объ этомъ предметѣ. Я изучалъ большую часть обстоятельствъ, изменяющихъ продолженіе жизни человѣческой, и въ особенности тѣ, которыя касаются до отправленія разныхъ профессій. Уже за два вѣка передъ симъ дѣлано было много подобныхъ разысканій, и между-тѣмъ часть эта еще далеко не изслѣдована, потому что, за исключеніемъ книги Г. Депарсье о продолженіи жизни особъ обоюго пола, посвятившихъ себя монастырской жизни, всѣ другія не представляютъ довѣренности, необходимой въ изысканіяхъ этого рода.

«Чтобы получить важнѣйшіе пункты сравненія, я собралъ свѣдѣнія о шести стахъ двадцати четырехъ смертныхъ случаяхъ у медиковъ и хирурговъ, большею частію Нѣмецкихъ; но я не смѣшивалъ съ ними анатомиковъ, ветеринарныхъ врачей, естествоиспытателей и медиковъ, посвятившихъ себя въ особенности Литературѣ. Я начиналъ исчисленія мои съ двадцатитрехлѣтняго возраста; но если бъ кому вздумалось начать ихъ съ двадцати четырехъ или съ двадцати пяти лѣтъ, то результаты ни сколько бы не изменились. Само собою разуметсяя, что изъ слѣдующей таблицы нельзя выводить ни какихъ точныхъ заключеній о жизни какого-нибудь отдѣльнаго лица, но, несмотря на это, общія заключенія, какъ доказано опытомъ, чрезвычайно вѣрны.

Таблица смертности врачей.

Возрасть.	Число умер- шихъ въ каж- домъ изъ сихъ периодовъ.	Вѣроятное продолже- нiе жизни.	Возрасть.	Число умер- шихъ въ каж- домъ изъ сихъ периодовъ.	Вѣроятное продолже- нiе жизни.
23 лѣтъ....	2 чел.....	35, 5.	58 лѣтъ....	10 чел. ...	.11, 0.
24.....	1.....	34, 4.	59.....	17.....	10, 6.
25.....	4.....	33, 4.	60.....	12.....	10, 3.
26.....	3.....	33, 0.	61.....	15.....	9, 7.
27.....	7.....	32, 0.	62.....	14.....	9, 0.
28.....	5.....	31, 4.	63.....	19.....	8, 8.
29.....	5.....	30, 1.	64.....	20.....	8, 50.
30.....	5.....	29, 8.	65.....	11.....	8, 0.
31.....	11.....	28, 6.	66.....	18.....	7, 5.
32.....	8.....	28, 0.	67.....	6.....	7, 2.
33.....	11.....	27, 6.	68.....	16.....	6, 5.
34.....	11.....	26, 8.	69.....	9.....	6, 0.
35.....	8.....	26, 0.	70.....	17.....	5, 5.
36.....	7.....	25, 5.	71.....	14.....	5, 4.
37.....	8.....	24, 7.	72.....	15.....	5, 0.
38.....	14.....	24, 0.	73.....	14.....	5, 0.
39.....	8.....	23, 5.	74.....	13.....	4, 7.
40.....	9.....	22, 7.	75.....	10.....	4, 6.
41.....	11.....	22, 0.	76.....	9.....	4, 4.
42.....	6.....	21, 3.	77.....	8.....	3, 9.
43.....	8.....	20, 3.	78.....	10.....	3, 3.
44.....	8.....	19, 7.	79.....	4.....	3, 0.
45.....	11.....	19, 0.	80.....	11.....	3, 0.
46.....	4.....	18, 2.	81.....	6.....	4, 0.
47.....	14.....	17, 3.	82.....	3.....	4, 0.
48.....	11.....	16, 7.	83.....	3.....	4, 0.
49.....	12.....	16, 0.	84.....	2.....	4, 0.
50.....	13.....	15, 4.	85.....	3.....	4, 0.
51.....	8.....	15, 0.	86.....	2.....	3, 5.
52.....	11.....	14, 2.	87.....	0.....	2, 6.
53.....	10.....	13, 5.	88.....	2.....	2, 0.
54.....	18.....	12, 8.	89.....	4.....	1, 5.
55.....	14.....	12, 6.	90.....	1.....	0, 5.
56.....	13.....	12, 4.	91.....	2.....	0, 0.
57.....	8.....	11, 9.	92.....	0.....	0, 0.

«Эта таблица ясно показываетъ, какъ кратко поприще, предоставленное людямъ, занимающимся медицинскою практикою. Если мы положимъ, что обыкновенное продолженiе

жизни есть семьдесятъ пять лѣтъ, то увидимъ, что только четвертая часть врачей доживаетъ до этихъ лѣтъ, и только пятнадцать до восьмидесяти лѣтъ. Какъ горестно думать, что люди, которые въ молодости ревностно занимаются изученіемъ медицинскихъ наукъ, и потомъ практикою, въ надеждѣ подъ старость пожать плоды трудовъ своихъ, на половину бывають похищаемы смертію, не достигнувъ старости!

«Не бесполезно сдѣлать нѣсколько сравненій между смертностью врачей и людей другихъ состояній. Богословы всѣхъ болѣе имѣють надежды на долголѣтіе: они наслаждаются самую долгою жизнію, а врачи — напротивъ. Слѣдующая таблица показываетъ соотношеніе между ними.

<i>Лѣта.</i>	<i>Умерло: Врачей.</i>	<i>Богослововъ.</i>
Отъ 23 — 32	82	43.
— 33 — 42	149	58.
— 43 — 52	168	64.
— 53 — 62	212	182.
— 63 — 72	228	328.
— 73 — 82	141	255.
— 83 — 92	30	70.
	Всего 1000	1000

«Слѣдующая таблица доказываетъ, что врачи живутъ несравненно менѣе лицъ другихъ состояній. Изъ ста человѣкъ взятыхъ въ каждомъ классѣ, достигаютъ 70 лѣтъ:

Богослововъ.....	43.
Сельскихъ хозяевъ.....	40.
Высшихъ государственныхъ чиновниковъ.	35.
Купцевъ.....	35.
Военныхъ.....	32.
Низшихъ чиновниковъ.....	32.
Адвокатовъ..	29.
Художниковъ.....	28.
Преподавателей.....	27.
Практикующихъ медиковъ — только...	24.

ПРЕЖНЯЯ НОВОСЕРБІЯ. Немногіе знаютъ нынѣ въ Россіи, гдѣ была Новосербія, и что съ нею сдѣлалось, но многіе, къ стыду образованныхъ чувствъ нашего вѣка, дѣлають изъ Гайдамаковъ отличныхъ героевъ. Не излишнимъ счи-

таемъ дать настоящее понятіе о той и о другихъ, составленное по свидѣніямъ, собраннымъ на-мѣстѣ.

Страна, лежащая по небольшимъ отраслямъ Карпатскаго хребта, нынѣ сѣверная часть Херсонской губерніи, подъ именемъ Заднѣпровской Украйны, со временъ Императрицы Елисаветы населена была вышедшими изъ-за границы Сербами, Арнаутами и Черногорцами, которые, смѣшавшись съ Чигиринскими казаками, жили въ большихъ деревняхъ, раздѣленныхъ на роты, и долго составляли прекрасное пограничное войско, гусарь. Долго слова «гусаринъ» и «Сербинъ,» означая одно и то же, для слуха тамошнихъ молодыхъ людей были столь же пріятны какъ «казакъ» для Полтавскаго Малороссіянина. Да и самая страна скоро стала называться Новосербією; такъ какъ большая часть поселенцевъ, выведенныхъ при Хорватъ изъ-за Дуная, состояла изъ Сербовъ.

Возвышаясь между Днѣпромъ, Синюхою и Бугомъ, на горахъ, покрытыхъ дремучими лѣсами, Новосербія съ юга ограничивалась безпредѣльною степью, — разгульнымъ привольемъ Запорожцевъ, а къ сѣверу отдѣлялась она отъ Польши небольшими рѣчками Высю, Ирклѣйцемъ и Тясминомъ.

Несмотря на малое пространство, прелестный край этотъ обилелъ всѣми произведеніями умѣреннаго климата. Небрежно разбросанныя цвѣтушія нивы, дышація здоровьемъ и прохладою тѣнистыя рощи и покрытыя душистыми травами долины, не только всегда удовлетворяютъ ожиданіямъ трудолюбиваго, но и доставляютъ ему съ избыткомъ все нужное къ довольству и сельской роскоши.

Жители Новосербіи легко обходились безъ многихъ предметовъ утонченной жизни: живя въ простотѣ правовъ и сердца, они долго не заимствовали ничего чужеземнаго; земледѣліе и скотоводство составляли единственныи ихъ промыселъ. Правила общежитія утверждались у нихъ на самыхъ простыхъ, почти дѣтскихъ понятіяхъ о приличіи и обязанности. Неустойчивому должнику вмѣнялось въ неизгладимое пятно, если заимодавецъ снималъ съ него шапку на мірской сходкѣ или при выходѣ изъ церкви: обезславленный такимъ образомъ подвергался всеобщимъ насмѣ-

шкани, навсегда терялъ доброе имя, и нерѣдко, отъ стыда, переходилъ въ другую деревню, гдѣ бы не указывали на него какъ на бездѣльника. Но лихоимство и заемныя обязательства, какого бы они рода ни были, считались однимъ изъ главныхъ нетерпимыхъ между Христіанами пороковъ: безынтересное одолженіе вънуждаемо, по мнѣнію Горцевъ, священнѣйшій долгъ каждаго челоука. Всякъ, кто преступалъ положительныя пункты принятыхъ обычаевъ, былъ преслѣдуемъ съ такою строгостію, что военное вѣдомство, въ силу настоятельныхъ требованій общества, часто принуждено бывало отсылать виновнаго въ дальнія Молдаванскія роты, находившіяся за Днѣпромъ, опасаясь въ противномъ случаѣ возмущеній, къ которымъ Горцы вообще очень склонны.

Находясь въ безпрестанной опасности отъ внезапныхъ нападений Ногайцевъ, бодрые поселенцы Новосербіи всегда ходили въ полномъ вооруженіи. Во время жатвы, обыкновенно разставляли они часовыхъ на высокнхъ курганахъ, съ длинными шестами, по наклоненіи которыхъ, всѣ мужчины, бросивъ работу, тотчасъ принимались за оружіе. То былъ условленный знакъ. Въ тѣ времена въ глуши степей, тщательно скрывая движенія свои отъ поисковъ гусарь и Запорожцевъ, Орда часто пробиралась разсѣянными толпами въ Подолію, и какъ туча саранчи внезапно пожирала Польшу. Бывали случаи, что Татары шли туда прямо и черезъ Новосербію. Тогда жители ея, подозрѣвая не безъ основанія начальниковъ своихъ въ согласіи подѣлиться съ Ханомъ Польскою добычсью, уходили съ имуществомъ на церковный погостъ, составлявшій въ каждой ротѣ родъ маленькой крѣпости, окопанной рвомъ и обнесенной дубовымъ, зубчатымъ частоколомъ. Въ самомъ дѣлѣ, Татары при такихъ обстоятельствахъ спокойно продолжали путь свой далѣе, не трогая ничего, и только въ то время приступали къ грабежу, когда возвращаясь изъ неудачныхъ въ Польшу походовъ, бывали пристыжаемы и укоряемы убежавшими на погостъ поселенцами.

Не рѣдко и Запорожцы тревожили Новосербію, не дѣлая однако никому насилій. Отчаяннѣйшіе изъ нихъ люди безъ всякаго понятія о состраданіи и чести, безъ правилъ, безъ стыда, извѣстные между своими подъ именемъ Голтя-

пакъ, «неряхъ», каждое лѣто отправлялись изъ Свчи на разбой въ Польшу, куда особенно заманивало ихъ изобиліе въ крѣпкихъ напиткахъ. Отличаясь неимовѣрною жестокостію, Свчевые безщадно истребляли тамъ все попадавшееся въ руки, отъ человѣка до скота, и послѣ, на возвратномъ пути, заходили на нѣкоторое время — погулять въ Новосербскихъ деревняхъ, и похвастаться передъ дѣвушками своимъ удальствомъ. Щеголяя иныя въ парчевыхъ *кунтушахъ*, но вмѣсто сапогъ въ изношенныхъ *постолахъ*, обуви изъ неспитаго куска свиной кожи; другіе, въ бѣдныхъ, оборванныхъ полукафтаньяхъ, и сафьянныхъ съ серебряными шпорами сапогахъ, Запорожцы, окруженные толпою услужливыхъ *шинкарей* и кабацкою голью, бродили изъ деревни въ деревню, гуляли, пили день и ночь на улицахъ и въ домахъ; наконецъ, щедро разсыпавъ за угощеніе награбленное въ Польшу золото, возвращались въ Свчъ въ такой же бѣдности, съ какою оттуда вышли.

Существованіе Новосербіи, въ видѣ округа, состоявшаго на военныхъ правахъ, было не очень продолжительно: скоро она поступила въ общее вѣдомство правительства; но жители долго удерживали свой воинственный духъ, и охотно любили называться гусарами до самаго конечнаго ея преобразованія. Въ этомъ небольшомъ промежуткѣ времени, при мирныхъ своихъ занятіяхъ, они пользовались совершеннымъ благоденствіемъ; однако бѣдствія, порожденные въ Польшу Унією, оставили и между ними страшныя воспоминанія.

Несчастныя времена извѣстны въ Новосербіи подъ именемъ Колівщины и Паливщины.

Въ Подоліи народъ, раздраженный насиліями пановъ и преслѣдованіемъ Православія, воспользовался вступленіемъ въ Польшу Россійскихъ войскъ, и вдругъ вѣшевалъ подъ предводительствомъ какаго-то Гонты. Мстители безщадно начали рѣзать Поляковъ и Жидовъ. Истребленіе послѣднихъ было тѣмъ ужаснѣе, что чернь думала, будто Жиды, приманивъ къ себѣ Христіанскихъ дѣтей, качаютъ ихъ въ бочкѣ, набитой острыми гвоздями, чтобы добыть свѣжей крови, и мазать ею глаза своимъ младенцамъ, которые рождаются слѣпыми какъ щенята. Въ заднѣпровской Украинѣ двое

отчаянныхъ, Желѣзнякъ, родомъ изъ Мельниковъ, и Иванъ-Усачъ изъ Медвѣдовки, деревень Чигиринскаго округа, составили изъ отважныхъ молодцевъ страшныя полчища подъ названіемъ Гайдамаковъ, и увели ихъ для большей безопасности въ густыя лѣса, покрывавшіе все пространство на предѣлахъ Польши съ Новосербією.

Сюда, по времени, стекались изъ окрестностей всѣ, кого неистовство Поляковъ, надежда на богатый грабежъ или неудачная любовь возбуждали къ ожесточенію. Праздно скитаясь по Днѣпровскимъ берегамъ и непроходимымъ дебрямъ, сбродъ молодыхъ людей, движимый мщеніемъ, корыстолюбіемъ и другими страстями, день со дня приучался болѣе и болѣе къ отчаянному равнодушію и къ готовности на всякое злодѣйство. Въ такомъ положеніи часы бездѣйствія, сокращаемые пьянствомъ, сномъ и куреньемъ неугасаемыхъ трубокъ, текли медленно, грустно. Мрачныя, подобно окружавшей ихъ пустынь, Гайдамаки прерывали грозное ея молчаніе плаксивыми своими пѣснями, въ которыхъ слышались, то сердечная тоска по родицѣ, то сильное чувство обманутой любви, то неутѣшная скорбь о потерѣ друга, убитаго въ наѣздахъ; или отзывались, какъ завыванье голоднаго звѣря, ненасытная алчность къ мести и буйное разгулье. Наполнивъ въ лѣсахъ душу свою скукою и отчаяніемъ, радостно спѣшили они изъ своихъ убѣжищъ на кровавый пиръ, приготовленный злобнымъ духомъ Уніи по всему пространству отъ береговъ Нѣмана до Днѣпра и Западной Двины.

Иванъ-Усачъ остался въ Польскихъ предѣлахъ; но Желѣзнякъ, для ближайшаго сообщенія съ Запорожцами, перешелъ въ соседственныя лѣсистыя пустоши Новосербіи.

Тамъ, въ глубокихъ оврагахъ, подъ сводами столѣтнихъ дубовъ, довольный варварскими своими походами, веселился онъ съ сподвижниками своей отважности стопами молодыхъ Полячекъ и Жидовокъ, обернутыхъ намоченною въ горячую смолу пенькою, и привязанныхъ къ сухимъ колямъ, которыя служили ему вмѣсто факеловъ и потѣшныхъ огней; плясками плѣнныхъ Мазуровъ, обутыхъ въ набитые остры-

ми гвоздями сапоги, и визгомъ младенцевъ, подбрасываемыхъ на пикахъ подъ тактъ музыки, въ виду матерей.

Жители деревень, прилегающихъ къ большому лѣсу, раздѣляющемуся на двѣ отрасли, изъ которыхъ юго-восточная именуется Чернымъ Лѣсомъ, а сѣверная Чутюю, долго болались пролагать черезъ него дороги: въ немъ былъ станъ и гнзядилище Желѣзняка.

До сихъ поръ Черный Лѣсъ и Чута доставляютъ тамошнимъ жителямъ обильные предметы для разныхъ ужасающихъ разсказовъ; до сихъ поръ запоздавшему путнику чудится, будто онъ слышитъ въ томъ лѣсу то громкій призывный свистъ, то отдаленный крикъ погибающаго отъ руки убійцы. Къ тому, всѣ почти понамари соседственныхъ приходовъ увѣряютъ, что въ ночь на Свѣтлый праздникъ всегда видѣнъ поднимающійся изъ Чернаго Лѣса необычайной величины огненный кругъ, который быстро катится по верхъ деревьевъ къ Чутѣ, гдѣ въ видѣ дракона лопается и исчезаетъ: наконецъ весь лѣсъ клубится синимъ пламенемъ. Избави Богъ, говорятъ суевѣрные, отъ тѣхъ страховъ, какіе въ томъ лѣсу по ночамъ бывають. — Избави Богъ всякаго, говорятъ старики, дожить опять до такихъ временъ, въ какія мы жили!

Теперь въ Черномъ Лѣсу все мертво, и только въ заолустьяхъ виднѣются кой-гдѣ разбросанные черепы замученныхъ Жидовъ, наполненные многочисленными роями шмелей и осъ.

Каждый годъ, передъ началомъ своихъ опустошительныхъ набѣговъ, предводители Гайдамакъ совѣтовались вмѣстѣ, объ общемъ планѣ войны и о послѣдствіяхъ, какими она должна сопровождаться. Въ собраніяхъ этихъ, иногда рѣшали все предавать огню и мечу, иногда довольствовались однимъ душегубствомъ. Первый образъ войны назывался «Паливщиною», а второй «Коліивщиною.»

При наступленіи зимы, шайки Гайдамакъ, по неудобности и недостатку содержанія, оставивъ лѣса, расходились по Украинскимъ и Новосербскимъ деревнямъ — насильно требовать себѣ гостепріимства отъ всякаго попадавашагося имъ на встрѣчу хозяина, который безусловно долженъ былъ доставлять незваннымъ гостямъ, въ продолженіе зимы, пше-

но, само и водку, подь опаснѣеиъ жестокииъ побоевъ кѣми, если окажется недостатокъ въ этихъ предметахъ Малороссійской роскоши.

Противши съ Запорожцами все награбленное въ Польшѣ, Гайдамаки босые и безъ всякой одежды, кромѣ изодранныхъ въ лохмотье рубашекъ и засаленныхъ ёламковъ, или бараньихъ шапокъ, вмѣсто которыхъ иногда употребляли они пузыри, качались всю зиму, съ *люльками* въ зубахъ, на солонь, осушивая еженедельно привозимую бочку горьлки; выдумывали отъ бездѣля адскія мученія для Ляховъ, Жидовъ и Поллячекъ, сохраняя впрочемъ строгое уваженіе и приличіе къ хозяйкѣ дома; держали заклады, кто больше съѣсть сала, *жулешу* (жидкой кашицы изъ пшена), и проч., и проигравшаго безжалостно съкли батогами. Проведя такимъ образомъ зиму, они, при наступленіи весны, требовали отъ хозяина достать непременно всякому изъ нихъ свѣту и коня. Тогда Гайдамаки дѣлались опять ужасомъ для пшовецъ, пробирались до Умани и Бердычева, жгли города, упивались кровью шляхты, грабили пановъ, и возвращались съ благодарностію къ прежнимъ хозяевамъ, дарили ихъ парчею, бархатомъ, чеканнымъ серебромъ, а наконецъ спѣшили на Печеную Балку, пропить остальное съ сотрудиниками своими, Съчевыми, откуда вновь являлись на зимніи квартиры въ прежнемъ горемычномъ видѣ. Печеною Балкою до сихъ поръ называется, въ нынѣшнемъ Ольвиопольскомъ уѣздѣ, одинъ лотъ, въ которомъ нѣкогда стоялъ кабакъ, находившійся подь особеннымъ покровительствомъ Съчевыхъ и Гайдамакъ, помѣсячно гулявшихъ тамъ послѣ своихъ походовъ. Гулянья сопровождались, по варварскому обычаю, жестокими забавами. Пльняныхъ Поляковъ и Жидовъ жарили здѣсь въ разныхъ, ужасныхъ видахъ, отъ чего и мѣсто названо *Печеною Балкою*.

Къ чести Ивана-Усача, котораго огромные усы, торчашіе изъ-подь орлиаго носа, приводили всякаго въ невольный трепеть, должно сказать, что онъ не лилъ крови подобно Желъзняку, а только жестоко каралъ за коварство и обманъ: часто хитростію выманывалъ изъ *атаги* Желъзняка женщинъ и дѣтей, обреченныхъ на сожженіе въ Пече-

ной Балкѣ, и отдавалъ ихъ подѣ сохраненіе монаховъ и монахинь Мотрешинскаго и Лебединскаго монастырей.

Упоминають объ одномъ только жестокомъ поступкѣ его, когда онъ, раздраженный Жидами велѣлъ сжечь городокъ Смилу со всеми жителями, исключая *крещенныхъ*, (Православныхъ), которымъ заблаговременно приказано выбратъя оттуда. Три ночи зарево пожара отражалось на соседственныхъ синнихъ лѣсахъ; три дня солнце восходило и заходило въ видѣ кроваваго круга безъ лучей; трое сутокъ смрадный дымъ и удушливый чадъ клубились по отдаленнымъ окрестностямъ до Днѣпра и Тясмина: между-тѣмъ Гайдамаки бдительно сторожили кругомъ Смилы, чтобы ни одному Жиду, ни Поляку, не можно было избежать приготовленной гибели.

Пожаръ Смилы такъ памятенъ въ тѣхъ мѣстахъ, что составляетъ нѣкотораго рода эру, отъ которой старики любить вести свое лѣтосчисленіе; наравнѣ со взятіемъ Бендеръ и Очаковскою зимою.

Нѣсколько лѣтъ Гайдамаки торжествовали побѣды свои ужасами разрушенія, отчаяніемъ и муками Поляковъ: наконецъ, ихъ шайки, пріучившись къ праздности и душегубству, обратились въ самыхъ безчеловѣчныхъ разбойниковъ, нещадившихъ даже и своихъ единоземцевъ. Купцы, зажиточные поселяне и духовныя особы дѣлались жертвами ихъ остервененія и лютоги.

Тогда Екатерина II, усмиривъ раздоры въ Польшѣ, прислала, по просьбѣ Поляковъ, эскадронъ гусаръ и два уланскихъ для истребленія мятежниковъ. Иванъ-Усачъ, въ общемъ собраніи *ватажковъ*, совѣтовалъ добровольно покориться и не поднимать оружія противъ единовѣрныхъ: его не слушали. Эскадроны тронулись изъ Кіева къ Смѣль, и Иванъ-Усачъ найденъ мертвымъ въ лодкѣ, плившей по Тясмину. Произошли споры, несогласія; часть бѣжала къ Запорожцамъ, и навела на всю Сѣчь страхъ извѣстіемъ, что «Москва уже поднялась». Сѣчевые призадумались, вспоминая древнее между ними преданіе, что Сѣчь неминуемо падеть отъ руки «Бѣлой Царицы», и что «Сѣверный Царь правдою и вѣрою положитъ конецъ всемъ крамоламъ». Тщетно другіе упорствовали; они были схвачены; отда-

ны Полякамъ, и умерли съ Желѣзнякомъ смертію злодѣевъ, на кольяхъ и висѣльцахъ.

По уничтоженіи Сѣчи, могущественная воля Потемкина, великаго замыслами и роскошью, начала обращать все къ одной цѣли, — разрушенію Оттоманской Имперіи. Вдругъ, среди глухихъ степей, гдѣ прежде не было ни одного хутора, ни одного деревца, возвысились города Николаевъ и Херсонъ. Нѣсколько сотъ семействъ было переведено изъ Великороссіи въ Новосербію, для рубки лѣса, годнаго на постройку кораблей, и Новосербія, потерявъ навсегда прежнее свое названіе, поступила въ число уѣздовъ Новороссійскаго края. Покрывавшіе ее дремучіе лѣса совершенно исчезли: остались только Черный Лѣсъ да Чута, какъ гигантскія тѣни, напоминающія позднему потомству о бѣдствіяхъ вѣковъ прошедшихъ.

МАШИНЫ И ДѢТИ. Машины вообще требуютъ со стороны работниковъ болѣе вниманія, чѣмъ силы: почему, съ самаго начала употребленія ихъ надобно было предвидѣть, что часто работы можетъ быть производима женщинами и дѣтьми. Такимъ образомъ люди, которые дотолъ оставались безъ дѣла, были употреблены, когда работа, производившаяся раздѣльно въ деревняхъ, была сосредоточена въ заведеніяхъ, снабженныхъ машинами. Эта перемена была сначала благодѣяніемъ для тѣхъ, которые первые ею воспользовались. Плата, получаемая матерью и дѣтьми, присоединившись къ жалованью отца, доставила имъ возможность и лучше есть и лучше одѣваться, чѣмъ при прежней системѣ.

Между-тѣмъ, это такъ не осталось. Новые совѣстники захотѣли раздѣлить выгоды первыхъ, и задѣльная плата по необходимости понизилась отъ этого соперничества, потому что увеличеніе работы не равнялось, увеличенію числа работниковъ. Между-тѣмъ заработную плату можно было понижать только до известной степени: тогда начали постепенно увеличивать рабочій день. Но этого мало: работа, и безъ того трудная, сдѣлалась еще тягостнѣе отъ неравнаго распредѣленія.

Когда паденіе Наполеона открыло Англійской торговлѣ и

Фабрикаціи новыя источники сбыта, дешевизна сдѣлалась первымъ условіемъ успѣха: тогда, съ всѣхъ сторонъ потребовали дѣтей для исполненія работъ менѣе трудныхъ; и родители, обольщенные прибылью, не побоялись подвергнуть дѣтей своихъ этому роду рабства. Въ такомъ возрастѣ, когда ребенку средняго класса не позволяютъ перейти черезъ улицу безъ провожатаго, эти малютки уже были удерживаемы по тридцати и тридцати шести часовъ почти непрерывно за работою однообразною и утомительною. Положеніе ихъ возбудило заботливость филантроповъ и они, своими жалобами и прошеніями, обратили наконецъ вниманіе правительства на несчастныя жертвы. Въ 1832 году Нижняя Палата нарядила комиссію для разсмотрѣнія положенія этихъ юныхъ работниковъ и для изслѣдованія основательности жалобъ. Вотъ результаты произведенныхъ Комиссіею разысканій.

Продолжительность работы, требуемой ежедневно, не одинакова въ Шотландіи и Англій. Въ первой изъ сихъ странъ она составляетъ обыкновенно отъ двѣнадцати до двѣнадцати съ половиною часовъ; въ Англій отъ одиннадцати до четырнадцати. Дѣти принимаются въ работники, начиная съ семи лѣтъ, но большею частію только съ десяти. Въ этомъ возрастѣ они получаютъ отъ двухъ до трехъ шиллинговъ въ недѣлю (отъ 2 руб. 50 коп. до 3 руб. 75 коп.), отъ десяти до пятнадцати лѣтъ дѣвочки получаютъ обыкновенно отъ пяти до пяти шиллинговъ съ половиною (отъ 6 р. 25 к. до 6 р. 92 $\frac{1}{2}$ к.) За прибавочные часы работы платится по пенни (10 к.) за часъ. Изъ этого жалованья удерживается еженедѣльно небольшая сумма на издержки въ случаѣ болѣзни; сверхъ-того фабрикантъ удерживаетъ всякую недѣлю отъ двухъ до трехъ пенсовъ до конца истеченія срока условія; работникъ не имѣетъ права требовать возвращенія этой суммы, если онъ оставилъ работу добровольно, или если уволенъ за какую-нибудь вину. За малѣйшее опозданіе на работу, налагаются сильныя пени.

Съ дѣтьми особенно дурно обходятся на небольшихъ фабрикахъ. Напротивъ того, на фабрикахъ обширныхъ и недавно устроенныхъ, съ ними обращаются несравненно

человѣколюбивѣе; оба пола не сближаются, и дѣтей не наказываютъ тѣлесно, какъ это часто бываетъ на старыя фабрикахъ.

Дѣйствія работы чрезвычайно пагубны для здоровья дѣтей. Въ этомъ отношеніи, существуетъ большая разница между мануфактурами, устроенными въ деревняхъ, и тѣми, которыя находятся въ большихъ городахъ, — что зависитъ частію отъ вліянія воздуха и пищи. Въ первыхъ мастерскія лучше провѣтриваются, и пища бываетъ здоровѣе и обильнѣе.

Списокъ мѣстныхъ и общихъ недуговъ, которыми страдаютъ люди, употребляемые съ малолѣтства на фабрикахъ, чрезвычайно великъ. Кажется, впрочемъ, что люди, писавшіе объ этомъ предметъ, вообще преувеличиваютъ вліяніе фабричной работы на развитіе костяного состава и особенно талии, которая, по изслѣдованію членовъ Коммиссіи, бываетъ безобразною не такъ часто, какъ можно было бы полагать. Но болѣзни плюсовая, опухоль ногъ, особенно у женщинъ, язвы, глазныя болѣзни, весьма обыкновенны между работниками; нечистота воздуха, возвышенная температура мастерскихъ, сырость, необходимая для приготовленія тканей, производятъ, особенно у дѣвочекъ, охриплость и кашель, оканчивающіяся почти всегда одышкой и чахоткою; послѣдняя болѣзнь такъ обыкновенна, что можетъ быть чрезвычайное распространеніе этой болѣзни въ Англій въ сравненіи съ другими странами происходитъ не столько отъ разности климата и температуры, какъ отъ множества заведеній этого рода. Этотъ вопросъ можетъ быть разрѣшенъ не иначе, какъ обширными статистическими разысканіями. Какъ бы то ни было, но машины, которыя такъ увеличиваютъ массу произведеній для удобствъ человека, въ то же самое время истребляютъ родъ его, и за пользы, приносимыя родителямъ, пожираютъ ихъ потомство. Люди, осторожно съ машинами!

Мѣры, предписанныя новымъ биллемъ, далеко не соответствуютъ ожиданіямъ, возбужденнымъ обширными разысканіями Коммиссіи; но между-тѣмъ эти мѣры принесутъ большую пользу и притомъ она будетъ первымъ шагомъ къ преобразованію полнѣйшему. Вотъ правила, постановлен-

ныя этимъ закономъ. Дѣти моложе девяти лѣтъ ни подъ какии предлогомъ, не могутъ быть употребляемы въ работу на фабрикахъ, и до осьмнадцати-лѣтняго возраста не должны работать ночью, то есть, съ половины девятаго по полудня и до половины шестаго по полуночи. Дѣти отъ девяти до тринадцати лѣтъ должны работать не болѣе осьми часовъ въ день и сорока осьми часовъ въ недѣлю; дѣти отъ тринадцати до осьмнадцати, не болѣе двѣнадцати часовъ въ сутки или шестидесяти-девяти часовъ въ недѣлю. Возрастъ ребенка всегда долженъ быть засвидѣтельствованъ врачомъ, и четыре инспектора будутъ наблюдать за исполненіемъ постановленій этого билля. Всѣ дѣти, отъ девяти до тринадцати лѣтъ обязаны ходить въ школу, по выбору родителей или воспитателей, по-крайней-мѣрѣ два часа въ недѣлю, и ежемѣсячно представлять инспектору свидѣтельство учителя о томъ, что они бывають въ классахъ. Но все это не выключитъ ихъ отъ чахотки.

ЧУГУННЫЯ ДОРОГИ ВЪ АМЕРИКѢ. Первою степеню настоящей образованности, говорилъ Франклинъ, были хорошія шоссе; второю суть каналы; третьею будетъ — сухопутное сообщеніе на машинахъ. Онъ, кажется, угадывалъ, что пары скоро будутъ весь грузъ корабля тащить на колесахъ по желѣзнымъ колеямъ съ быстротою вѣтра. Предсказаніе сбывается. Множество такихъ колея уже вырыто въ старой почвѣ Европы; но въ Америкѣ чугунныя дороги — мода, страсть, бредъ, всеобщее занятіе. Въ Сѣверныхъ Соединенныхъ Штатахъ есть даже особый «Журналъ чугунныхъ дорогъ», Railroad Journal. Въ разговорахъ вы слышите слово railroad по-крайней-мѣрѣ разъ въ каждыя десять минутъ. Въ Нью-Йоркѣ, говоритъ одинъ путешественникъ, я осматривалъ бассейны для починки кораблей (docks). Показавъ мнѣ dry-dock и два или три другіе docks, проводникъ мой, большой охотникъ до чугунныхъ дорогъ, повелъ меня на railroad-dock, въ которомъ корабли движутся по чугунной дорогѣ. Я нашелъ чугунныя дороги въ Виргиніи, въ глубинахъ угольныхъ ломокъ. Въ Филадельфій я обозрѣвалъ превосходный смирительный домъ, Warden. Г. Вудъ, управляющій этимъ заведеніемъ съ ревностію и

человѣколюбіемъ, показалъ мнѣ кельи заключенныхъ, дворы, на которыхъ они прогуливаются, кухню, въ которой кушанье готовится посредствомъ паровъ, и когда я хотѣлъ уже проститься съ нимъ, сказалъ мнѣ: «Но вы еще не все видѣли: я покажу вамъ мою чугунную дорогу.» И въ самомъ дѣлѣ, въ тюрьмѣ есть чугунная дорога, во второмъ этажѣ: по ней возятъ въ тележкѣ кушанье заключенныхъ. Близъ небольшого городка въ Виргиніи, Петербурга, при паденіи Аппоматокса, есть прекрасная чугунная дорога. Тамошній купецъ Г. М*** водилъ меня на свою табачную фабрику, въ которой работа производится особыми способами. Мы ходили по мастерскимъ, посреди маленькихъ черныхъ невольниковъ, которыми онѣ населены. Г. М*** сказалъ мнѣ: «Вы любите чугунные дороги, такъ вамъ непременно надобно посмотреть дорогу моей фабрики.» Мы перешли въ мастерскую, въ которой табакъ набивается въ ящики. Машина, производящая давленіе, весьма необыкновеннаго устройства: главная часть ея, чугунная дорога, привѣшенная къ потолку. Нѣкто Следъ, богатый чудакъ, велѣлъ на великолѣпной дачѣ своей въ окрестностяхъ Филадельфій отодвинуть кухню саженъ на триста отъ дома, чтобъ не слышать стука поварскихъ пожей и не обонять жирнаго дыма, и провелъ, изъ кухни въ столовую крытую чугунную дорогу, по которой блюда привѣзжаютъ на столъ, и тарелки отправляются со стола къ судомойкамъ въ коляскѣ, движущейся помощію паровой машины величипою съ большой самоваръ. Такимъ образомъ Американцы провели чугунные дороги въ водѣ и во внутренности земли, даже повѣсили ихъ на воздухѣ; практическая ихъ смѣлливость такъ хорошо постигла всѣ выгоды этого изобрѣтенія, что они примѣняютъ ее вездѣ и ко всему, иногда даже и не кстати. Если ужъ они не могутъ устроить настоящей чугунной дороги, положительной и особенно полезной, черезъ поля, отъ рѣки къ рѣкѣ, отъ города къ городу, отъ области къ области, то дѣлаютъ потѣшную чугунную дорогу для собственного своего удовольствія, въ видѣ игрушки, употребляя ее хоть въ шутку.

Отъ Бостона до Новаго-Орлеана двѣ тысячи пять сотъ пятьдесятъ верстъ. Между-тѣмъ весьма вѣроятно, что эта

огромная линия будетъ чрезъ нѣсколько лѣтъ уложена чугунными дорогами, идущими отъ бухты къ бухтѣ, отъ рѣки къ рѣкѣ; такъ чтобы нетерпѣливые спекулянты могли употреблять крылья своихъ паровыхъ повозокъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не могутъ пользоваться крыльями паровыхъ судовъ. Это не пустой проектъ, но предпріятіе, отчасти уже совершенное. Чугунная дорога изъ Бостона въ Провиденцію (на Нью-Йорской дорогѣ) уже строится; работы идутъ по Американской модѣ, то есть, чрезвычайно скоро; во всемъ свѣтѣ нѣтъ другаго народа, который бы такъ спѣшилъ наслаждаться плодами трудовъ своихъ. Между Нью-Йоркомъ и Филадельфією, намѣреваются открыть въ нынѣшнемъ году не одну, а двѣ соперническія дороги, одну по правому, другую по лѣвому берегу Делавары; и изъ одной столицы въ другую можно будетъ переезжать въ семь часовъ: четыре часа по чугуннымъ дорогамъ и три часа на пароходѣ по прекраснымъ водамъ Гудсона въ великолѣпной бухтѣ Нью-Йоркской, которую Американцы, люди не очень скромные, сравниваютъ съ Неапольскимъ заливомъ. Изъ Филадельфіи въ Балтиморъ ѣздятъ по Делаварѣ и Чезепику, и по чугунной дорогѣ между Ньюкастлемъ и Френчтоуномъ, въ восемь часовъ; изъ Балтимора въ Вашингтонъ положено провести чугунную дорогу; компанія составлена, утверждена, акціи разобраны и работы начаты, — все въ нѣсколько мѣсяцевъ. Между Вашингтономъ и Блекелеемъ (въ Сѣверной Каролинѣ) устроено уже тридцать шесть верстъ чугунной дороги отъ послѣдняго города. Нынче составлена и утверждена компанія для окончанія остальной части дороги, то есть, для соединенія Ричмонда съ Потوماкомъ (45 верстъ), а Потомакъ ведетъ къ главному федеральному городу, проходя у подошвы Монъ - Вернона, прелестнаго помѣстья, принадлежавшаго Джоржу Вашингтону, гдѣ протекла его старость, и гдѣ возвышается его скромная могила. Между Вашингтономъ и Блекелеемъ, любители пароходовъ могутъ слѣдовать другимъ путемъ. Спустясь по Чезепику до Норфолка, они найдутъ тамъ другую чугунную дорогу въ 105 верстъ, которой треть уже окончена, и которая доведетъ ихъ до Блекелея и даже нѣсколько далѣе. Блекелей городъ совсѣмъ новый, котораго не найдете

ни на одной картѣ: это старшій и доселѣ еще единственный сынъ дороги Петербургской. Изъ Блеслея въ Чарльстоунъ далеко, но люди здѣсь предприимчивы, и притомъ во всемъ свѣтѣ нѣтъ мѣста, гдѣ бы можно было такъ удобно и такъ дешево устроить чугунную дорогу; почва иввелирована самою Природою, и обширные лѣса, ее покрывающіе, доставятъ лѣсъ, необходимый для дороги, потому что здѣсь чугунные дороги строятся большею частію изъ дерева. Изъ Чарльстоуна чугунная дорога въ сто пятьдесятъ семь верстѣ съ половиною (самая длинная изъ всѣхъ доселѣ извѣстныхъ) ведетъ въ Огуста (въ Георгіи); между Огуста и Монтгомери (въ Алабамѣ) надобно еще пройти большое пространство. Изъ Монтгомери пароходы идутъ внизъ по Алабамѣ до Мобила, по тѣмъ, которые не хотятъ ѣхать изъ Мобила въ Новый-Орлеанъ, поклонившись мимоходомъ Мексиканскому Заливу, найдутъ въ скоромъ времени чугунную дорогу, которая избавитъ ихъ отъ необходимости воздавать эту почесть памяти великаго Кортеса.

Черезъ десять лѣтъ все это будетъ окончено; по всему этому пространству стануть ходить машины, — если только нынѣшній переломъ окончится благополучно. Десять лѣтъ — долго. Въ наше время предпріятіе, исполненія котораго надобно ждать десять лѣтъ, кажется романомъ, мечтою. Но въ отношеніи къ чугуннымъ дорогамъ, въ Америкѣ уже много сдѣлано. Въ Пенсильваніи, гдѣ, по послѣдней переписи (1830), считалось 1,347,670 жителей, есть чотыреста пятьдесятъ пять верстѣ чугунныхъ дорогъ, которыя уже окончены или будутъ окончены въ нынѣшнемъ году, и большею частію въ два ряда, не говоря о чугунной дорогѣ во сто двадцать шесть верстѣ, которую Филадельфійскіе капиталисты провели по землѣ небольшихъ штатовъ Нью-Джерсея и Делавара. Во Франціи чугунныхъ дорогъ только сто одиннадцатъ верстѣ, то есть, менѣе того, что Филадельфійскіе купцы, по своей щедрости, подарили бѣднымъ своимъ сосѣдямъ. Нью-Йоркскій штатъ, котораго народонаселеніе самое смѣлое и самое счастливое въ своихъ предпріятіяхъ, имѣетъ только чотыре или пять небольшихъ чугунныхъ дорогъ; но если хотя шестая часть пред-

положенныя и дозволенныя Правительствомъ дорогъ будетъ устроена, то Нью-Йоркъ не уступитъ Пенсильваніи. Куцы въ Балтиморѣ, городѣ, въ которомъ, при объявленіи независимости, было только шесть тысячъ жителей, а теперь считается восемьдесятъ, вздумали устроить чугунную дорогу отъ себя въ Огаіо, на пространствахъ четырехъ сотъ пятидесяти верстъ. Вздумали, и начали; треть этой дороги уже готова. На востокъ отъ Огаіо и Миссисипи есть чугунныя дороги окончанныя, дороги начатыя, дороги предначертанныя. На большей части изъ нихъ дѣйствуютъ паровыя машины, даже и въ Аллегансахъ, гдѣ дорога представляетъ страшные склоны: эта дорога назначена для однихъ товаровъ. Есть дороги и хорошія, и дурныя. Есть дорогія (120,000 р. верста), и дешевыя (40,000 р. верста). Въ Новомъ-Орлеанѣ есть тоже чугунная дорога, правда, очень скромная, только въ семь верстъ съ половиною; но скоро будутъ и другія. Виргинія, которой народонаселеніе немногочисленно и довольно бѣдно, имѣетъ уже сто шесть верстъ съ половиною готовой дороги, и сто пятьдесятъ четыре версты дороги строящейся, не говоря о той, которая будетъ пачата въ нынѣшнемъ году.

Эти быстрые успѣхи въ производствѣ публичныхъ работъ, многочисленность и дѣятельность коммерческихъ заведеній, какъ напримѣръ банковъ, и ихъ благосостояніе, часто составляютъ въ Европѣ, особенно во Франціи, предметъ самыхъ неосновательныхъ объясненій. Есть головы, которыя утверждаютъ, что это плодъ республиканскаго образа правленія, и что если какой народъ хочетъ наслаждаться подобными выгодами, то прежде всего долженъ учредить у себя республику. Эти головы такъ точно знаютъ Америку, какъ Американскія паровыя повозки Политическую Экономію! Вся тайна дивныхъ успѣховъ этого края въ промышленности и благосостояніи заключается въ одной, главной, непреодолимой, господствующей страсти Англо-Американцевъ, — корыстолюбіи. Они ей преданы; она управляетъ всѣми ихъ помышленіями. Можно написать томы самыхъ прекрасныхъ проповѣдей противъ этой страсти: она гнусна, отвратительна, безнравственна, все что вамъ угодно, — но въ промышленности и физическомъ процвѣтаніи народовъ

она дѣлаетъ чудеса. Сѣверная Америка есть старшая и прекраснѣйшая дочь корыстолюбія, которое не имѣетъ ничего общаго съ правительственными формами. Созданный имъ духъ промышленности, духъ дѣятельный, могущественный, дивотворный не только не состоитъ въ связи съ республиканскими формами, но еще очевидно ихъ подавляетъ. Вся люди богатые, значительные, умные, заняты оборотами, предпріятіями и стяжаніемъ богатства; почти никто изъ нихъ не думаетъ о выборахъ, совѣщаніяхъ и другихъ политическихъ обязанностяхъ гражданина республики, и дѣла общественныя каждый день болѣе и болѣе переходятъ въ руки праздныхъ интригантовъ безъ состоянія и безпокойныхъ журналистовъ. Это повело уже раздоры, и во многихъ мѣстахъ произвело опасныя потрясенія. Республика пачиваетъ уже мѣшать промышленности, а богатство республикъ, которая можетъ существовать только между нищими. Однажды спросилъ я Г-на Ф***, члена тамошней Палаты депутатовъ, весьма уважаемаго въ публикѣ, для чего Соединенные Штаты строятъ столько чугунныхъ дорогъ въ одно и то же время. «Для того», сказалъ мнѣ онъ равнодушно, «чтобъ скорѣе пріѣхать къ монархіи.»

ЛОВЕЛЛЪ. Кто знаетъ Ловелль? Кто слышалъ объ немъ въ Европѣ? Ловелль есть новое чудо духа новѣйшей промышленности. Ловелль есть городъ, который родился за одиннадцать лѣтъ передъ симъ, и въ которомъ теперь считается, вмѣстѣ съ Бельведерскимъ его предмѣстіемъ, отъ 14 до 15,000 жителей. Лѣтъ двѣнадцать назадъ, это была бѣдная земля, невоздѣланная пустыня, которой тишина возмущалась только журчаніемъ рѣчки Конкорды, и шумомъ волнъ Мерримака, ударяющихся о гранитныя скалы, которыя вдругъ заграждаютъ имъ дорогу. Нынѣ это самое мѣсто уставлено огромными строеніями, въ пять, шесть, семь этажей, каждое съ небольшою бѣлою колокольнею, которая рѣзко отдѣляется отъ красныхъ кирпичныхъ стѣнъ, и явственно отличается отъ темнаго цвѣта холмовъ, ограничивающихъ горизонтъ. Тутъ же видите вы небольшіе домики четверугольные, деревянные, выкрашенные бѣлою краскою, съ зелеными ставнями; домики чистенькіе, хоро-

шо затворяющіеся, уложенные коврами, окруженные деревьями; или каменные дома въ Англійскомъ вкусѣ, то есть, красивые и простые снаружи, удобные внутри; съ одной стороны лавки, кладовыя, модные магазины, потому что женщины въ Ловеллѣ больше чѣмъ мужчины; большіе дома на Американскій манеръ, похожіе на казармы; съ другой каналы, гидравлическія колеса, водопады, мосты, плавильни, банки, школы, книжныя лавки, потому что въ Ловеллѣ много читаютъ, и чтеніе—единственное развлеченіе, которое тамъ можно имѣть; въ Ловеллѣ издается семь журналовъ. Со всѣхъ сторонъ возвышаются церкви всѣхъ возможныхъ сектъ, епископскія, баптистскія, конгрегационалистскія, методистскія, универсалистскія, унитаріальныя и проч., и проч.; есть также и католическая часовня. Тутъ есть всѣ зданія цвѣтущаго города Стараго Свѣта, за исключеніемъ только тюремъ и госпиталей. Со всѣхъ сторонъ слышны удары молотковъ, шумъ машинъ, утковъ, звоиъ колоколовъ, сзывающихъ на работу или бьющихъ шабашъ, стукъ пріѣзжающихъ или отъѣзжающихъ дилижансовъ въ шесть лошадей; громъ пороха, которымъ взрываютъ скалы, чтобы прочистить дорогу водѣ, движущей колеса, или чтобы уравнивать почву; мирное жужжаніе трудолюбиваго народонаселенія, котораго всѣ движенія размерены какъ ходъ часовъ; народонаселенія, которое родилось не въ Ловеллѣ и котораго большая половина окончить жизнь гдѣ-нибудь далѣе, принявъ постепенно участіе въ основаніи трехъ или четырехъ городовъ. Американецъ *чистой крови* имѣетъ нѣчто общее съ Киргизомъ: онъ не селится, а только кочуетъ на землѣ, имъ занимаемой.

Въ Массачусетъ и небольшихъ соседнихъ штатахъ, составляющихъ такъ называемую Новую Англію, есть много мануфактурныхъ городовъ, подобныхъ Ловеллю; но ни одинъ не достигъ столь дивнаго развитія. Вотъ какимъ образомъ туземецъ, хорошо знающій своихъ соотечественниковъ, рассказывалъ мнѣ о происхожденіи всѣхъ этихъ промышленныхъ мѣстъ и Ловелля въ особенности.

«Въ 1812 году, сказалъ онъ мнѣ, Соединенные Штаты объявили Англій войну, для защиты чести своего флага. Бостонъ и вся Новая Англія воспротивились этой войнѣ, что на-

вдѣло на нихъ и навлекать еще и понынѣ упреки отъ нихъ соотечественниковъ, центральныхъ и южныхъ штатовъ. Но между-тѣмъ они не менѣе другихъ чувствовали оскорбленіе, нанесенное имъ флагу владыками океана. Но настоящіе Янки ничего не дѣлаютъ, такъ какъ другіе. Для достиженія своей цѣли они всегда употребляютъ средства, которыя никому не приходили въ голову. Они *расчислили* (Американцы расчисляютъ все на свѣтъ: это любимое ихъ слово), они расчислили, что главный источникъ богатства Англіи суть ея хлопчатобумажныя фабрики, и рѣшились вести съ нею войну, заводя у себя фабрики того же рода, чтобы подорвать тѣ, которымъ она обязана своимъ благосостояніемъ.

«Дѣтъ десять прошло въ опытахъ, попыткахъ, предварительныхъ работахъ для обученія собственныхъ работниковъ и заведенія фабрикаціи машинъ. Въ 1823 году Компанія Merrimackcorporation основалась въ Ловелль, гдѣ Мерримакъ, падая вдругъ съ высоты 32 футовъ, образуетъ огромную движущую силу. Потомъ явились одна за другою компаніи Гампльтонъ, Эпальтопъ, Ловелль, Суффолкъ, Тремонтъ, Лоренсъ. Вотъ и Ловелль. Ему дали имя негоціанта, который былъ однимъ изъ первыхъ основателей бумажныхъ фабрикъ въ Соединенныхъ Штатахъ.»

Этотъ городъ не какое-нибудь богоугодное заведеніе, не убжище гонимыхъ, не военный постъ: это одна изъ спекуляцій Бостонскихъ купцовъ. Тотъ же промышленный духъ, который внушилъ имъ въ прошломъ году перевезти грузъ льда изъ Бостона, за мысъ Горнъ, въ Калькутту, этотъ же самый духъ заставилъ ихъ построить на свой счетъ цѣлымъ городъ со всеми заведеніями, необходимыми для народа образованнаго, и выработывать въ этомъ городѣ ситцы и набойки; и они совершили предпріятіе свое съ успѣхомъ, обыкновеннымъ во всѣхъ ихъ спекуляціяхъ. Дивидендъ Ловелльскихъ мануфактурныхъ компаній всегда почти составляетъ 5 или 6 процентовъ въ полгода.»

Это изложеніе весьма точно. Хлопчатобумажныя фабрики, которыя завелись въ Америкѣ со времени войны ея съ Англіею, дѣлаютъ большіе успѣхи, хотя послѣднія измѣненія въ тарифѣ, произведенныя по требованіямъ Южной Ка-

ровины, несколько охладил мануфактурную деятельность. Бостону хотѣлось бы имѣть позади себя Ланкашейръ, такой же какъ у Ливерпуля. Какъ водопадъ въ Новой Англии весьма много, то тамъ долго еще можно будетъ обходиться безъ паровыхъ машинъ. Эта часть Американской земли вообще не плодородна: чтобы переселить на эту землю удобства жизни, необходимы были постоянство и даже упрямство пуританъ. Почва не ровна, гориста, холодна; здѣсь начало цѣпи Аллеганскихъ горъ, которая потомъ идетъ къ Мексиканскому Заливу, удаляясь отъ берега Атлантическаго Океана. Водяныхъ токовъ тамъ весьма много, и они вообще быстры: почему, можно дѣлать много плотинъ и, слѣдственно, строить мануфактуры. Жители обладаютъ въ высочайшей степени гениемъ Механики; они терпеливы, внимательны, изобрѣтательны; они необходимо должны успѣвать въ мануфактурномъ дѣлѣ. Впрочемъ это уже и доказано: Ловелль — маленькій Манчестеръ. Тамъ выдѣлываютъ ежегодно до пяти милліоновъ аршинъ бумажныхъ тканей, не говоря о шерстяныхъ матеріахъ, казимирахъ, коврахъ. Въ дѣло идетъ ежегодно болѣе тридцати тысячъ тюковъ хлопчатой бумаги, то есть, шестая часть всего количества, обрабатываемаго въ Соединенныхъ Штатахъ.

- Чтобы дополнить сходство между своимъ городомъ и Ливерпулемъ, Бостонскіе купцы рѣшились устроить чугунную дорогу между Бостономъ и Ловеллемъ; разстояніе между ними составляетъ сорокъ пять верстъ. У нихъ уже былъ каналъ, такъ же какъ между Ливерпулемъ и Манчестеромъ; но этого имъ показалось недостаточно, такъ же какъ и жителямъ Ливерпуля и Манчестера. Они не захотѣли, чтобы эта дорога была построена, какъ нѣкоторыя другія Американскія дороги, въ смѣломъ родѣ, какъ бы на время; желали имѣть нѣчто прочное, въ Римскомъ духѣ, и ихъ инженеры построили дорогу, какой имъ хотѣлось, — самую прочную во всемъ свѣтѣ. До другаго времени отложены только деревянныя постройки, каменные своды, колонны и вся монументальная архитектура, которая дѣлаетъ Ливерпульскую и Манчестерскую дорогу однимъ изъ чудесъ новѣйшихъ временъ; всѣ эти великолѣпныя украшенія оставлены, потому что они не приносятъ ни какого дохода.

Впрочемъ чугунная дорога изъ Бостона въ Ловелль, въ своей Римской, или Циклопской простотѣ, будетъ стоить по 160,000 руб. за версту, а можетъ-быть и болѣе.

Путешественникъ, провзжая окрестности Манчестера, невольно поражается видомъ огромныхъ мануфактуръ. Глядя при свѣтѣ луны на эти обширныя бѣлыя зданія, рисующіяся поверхъ домиковъ, на сотни оконъ, льющихихъ потоками свѣтъ газа, на трубы выше самаго высокаго обелиска, подумаешь, что это дворцы, жилища празднествъ и счастья. Обманчивая наружность! Все это очарованіе исчезаетъ, какъ скоро переступишь за порогъ, какъ скоро увидишь печальный видъ, лохмотья толпы, наполняющей эти зданія, какъ скоро взглянешь на несчастныхъ дѣтей, которыхъ Парламентъ старается защитить отъ многоплодія ихъ родителей, непрерывно раждающихъ имъ соперниковъ, и отъ плети фабричнаго зрителя. По пріѣздѣ въ Ловелль пріятное впечатлѣніе, производимое этимъ городомъ, новымъ, свѣжимъ, разнообразнымъ какъ театральная декорация, исчезаетъ предъ горестною мыслию — не такъ ли же и здѣсь, какъ въ Ланкашейрѣ? Этотъ локъ благоденствія не скрываетъ ли нищеты, горестнаго положенія работника, разврата и пьянства, порождаемыхъ бѣдностію въ городахъ мануфактурныхъ; непрерывныхъ опасеній людей богатыхъ, надъ головою которыхъ висятъ мятежи, возбуждаемые самымъ простымъ случаемъ, самую ничтожною неосторожностію или первымъ изволеніемъ порочныхъ страстей.

Въ нашихъ обществахъ, успѣхи Механики произвели мануфактуры, которыя должны сдѣлаться для рода человеческого неистощимымъ источникомъ благоденствія. Англійскія мануфактуры производятъ нынѣ около восьми сотъ милліоновъ аршинъ бумажныхъ тканей, то есть, почти по аршину на cadaго жителя нашей планеты. Если бы эту огромную массу тканей надобно было производить, безъ помощи машинъ, руками, едва-ли каждый изъ насъ успѣлъ бы вычесать, связать и соткать свой аршинъ въ цѣлый годъ, такъ, что все время рода человеческого занято было бы работою, которую, благодаря Механикѣ и мануфактурамъ, производятъ въ Великобританіи какія-нибудь полторы тысячи рукъ. Изъ этого надобно заключить, что ко-

гда мануфактурное производство надлежащимъ образомъ устроится, умеренной работы небольшой части рода человеческого достаточно будетъ для того, чтобы доставить всемъ остальнымъ людямъ удобства матеріальной жизни. Въ Европѣ сомнѣваются въ томъ, что это некогда будетъ; но этотъ прекрасный порядокъ вещей досель еще не установился и установится еще не скоро. Мануфактурная система еще очень нова, а между-тѣмъ эта система имѣетъ ужаснѣйшія неудобства. Это язва Англіи, и язва столь отвратительная и жестокая, что, по мнѣнію многихъ, всѣ усилія, все искусство, употребленныя въ послѣдніе три года знаменитѣйшими государственными мужами, останутся тщетными.

Введеніе мануфактурной системы на землѣ повой и въ обстоятельствахъ совершенно отличныхъ отъ нашихъ, есть событіе, достойное величайшаго вниманія. Бумажныя фабрики однѣ занимаютъ въ Ловеллѣ шесть тысячъ человекъ. Изъ этого числа, около пяти тысячъ—дѣвушки отъ семнадцати до двадцати четырехъ лѣтъ, дочери мызниковъ разныхъ штатовъ Новой Англіи, и особенно Массачусетскихъ, Нью-Гемпшейрскихъ и Вермонтскихъ: онѣ живутъ тутъ далеко отъ семействъ своихъ, предоставленныя самимъ себѣ. Поутру и вечеромъ около обѣда и ужина видишь ихъ на улицѣ: онѣ одѣты очень чисто; въ мастерскихъ висятъ по стѣнамъ, между цвѣтами и деревьями, ихъ платки, шаали и капшоны изъ зеленой тафты, которыми онѣ прикрываютъ голову, чтобы защититься отъ солнца и пыли: пыли въ Ловеллѣ много (за недосугомъ улицы еще не вымощены). Тотчасъ догадываешься, что здѣсь не такъ какъ въ Манчестерѣ, а посмотрѣвъ на расписаніе жалованья, совершенно убѣдишься, что это уже совсѣмъ не такъ какъ въ Манчестерѣ.

Въ Соединенныхъ Штатахъ предметы первой потребности, хлѣбъ, мясо, сахаръ, кофе, обыкновенно дешевле не только чѣмъ въ Англіи, но даже чѣмъ во Франціи: поэтому Ловелльскія работницы, получалъ въ недѣлю отъ 15 р. 73 к. до 21 р. 12 к., могутъ сберегать въ недѣлю по 8 р. Такимъ образомъ, проработавъ четыре года на фабрикѣ, онѣ могутъ скопить отъ двухъ сотъ пятидесяти до трехъ сотъ долларовъ

(отъ 1333 до 1600 р.). Вотъ и вридае! Тогда онѣ остав-
ляютъ фабрику и выходятъ замужъ.

Въ Европѣ довольно трудно понять положеніе дѣвушекъ, большею частію хорошенькихъ, которыя живутъ за пятьде-
сятъ, сто, полтораста верстъ отъ своихъ родителей и въ та-
комъ городѣ, гдѣ некому за ними присматривать и поддер-
живать ихъ добрыми совѣтами. Между-тѣмъ, за немногими
исключеніями, которыя скорѣе подтверждаютъ, чѣмъ ниспро-
вергаютъ общее правило, этотъ порядокъ вещей не представля-
етъ въ Ловелля дурныхъ послѣдствій. Англійская порода имѣетъ
совсѣмъ другіе нравы, чѣмъ всѣ прочія Европейскія породы;
другіе обычаи, другія общепринятые идеи. Англійское воспи-
таніе ограждаетъ людей кругомъ, черезъ который переступить
трудно. Отъ этого происходитъ съ одной стороны болѣе холо-
дности въ общественныхъ сношеніяхъ, менѣе искренности и до-
бродушія; но за то съ другой стороны всякой принужденъ при-
нуждены и привыкаетъ болѣе уважать личность другаго. То,
что у насъ почитается шалостью молодого человека, строго
запрещено у Англичанъ и Американцевъ, и особенно у Аме-
риканцевъ Новой Англій, въ которыхъ болѣе Англійскаго,
чѣмъ въ самихъ Англичанахъ. Тамъ никто не удивляется,
что дочери мызниковъ, владеющихъ воздѣлываемою ими зем-
лею, получивъ довольно порядочное воспитаніе, покидаютъ
своихъ родителей, отправляются жить за двѣсти или триста
верстъ отъ дома, въ городъ, въ которомъ у нихъ нѣтъ зна-
комыхъ, и въ которомъ онѣ проводятъ три или четыре
года въ одиночествѣ и въ независимости. Онѣ подлѣ о-
храню общественнои чести. Это предполагаетъ въ нра-
вахъ чрезвычайную скромность, въ общественномъ мнѣніи
чрезвычайную строгость и взыскательность. Сверхъ-того ма-
нуфактурныя компаніи пекутся о безопасности этихъ дѣву-
шекъ. При самой постройкѣ мануфактуръ приготовлены так-
же и жилища для работницъ. Каждая компанія выстроила
на своемъ мѣстѣ нѣскольکو домовъ, которые сдѣланы boarding-
house (пенсіонами), исключительно назначенными для этихъ
дѣвушекъ. Ихъ кормить и за ними надзираетъ обыкновенно
пожилая женщина, въ пользу которой компанія удерживаетъ
по доллару съ четвертью (6 р. 67 коп.) въ недѣлю. Эти

женщины отвѣчаютъ за своихъ пенсіонерокъ, и сами находятъся подъ надзоромъ компаніи. У каждой компаніи свои постановленія, которыя не только написаны на бумагѣ, но даже исполняются съ обыкновенною точностію, составляющею отличительную черту Англійскаго и Американскаго характера. Эти постановленія, которыя у Французовъ и даже у другихъ народовъ возбудили бы ропотъ, и были бы совершенно неисполнимыми, въ Америкѣ почитаются вещью самою простою и обыкновенною: они исполняются безо всякаго противорѣчія и затрудненія. Напримѣръ, Воскресенье у другихъ народовъ—праздникъ, день веселія и забавъ: въ Америкѣ онъ посвящается тишинѣ, уединенію и молитвѣ; театры въ этотъ день запираются вездѣ, кромѣ только Луизианы, которая населена Французами. Въ Новой Англіи это наблюдается еще строже: напримѣръ, въ Бостонѣ муниципальное начальство запретило театральныя представленія даже и въ Субботу, потому что это близко къ Воскресенью, и подобное приказаніе исполняется безпрекословно. До сего времени вообще, всѣ правила Ловелльскихъ компаній исполняются съ величайшею точностію. Ловелль, со своими мануфактурами, надъ которыми возвышаются колокольни, походить на Испанскій городъ съ его монастырями. Ловелль не всесель, но онъ чистъ, смиренъ и пристоещъ. Навсегда ли онъ такимъ останется, долго-ли онъ таковъ будетъ, трудно сказать. До сихъ поръ мануфактурная жизнь не благопріятствовала сохраненію строгой нравственности. Между-тѣмъ можно полагать, что пока плата за работу останется въ Ловелль столь же высокою какъ нынѣ, вліяніе воспитанія, религія, чувство долга и боязнь общественнаго мнѣнія будутъ поддерживать добрую нравственность. Теперь спрашивается: всегда ли плата за работу будетъ въ Ловелль столь же высокою какъ нынѣ? Есть причины, по которымъ она должна уменьшиться; тарифъ, покровительствующій Американской промышленности, постепенно понижается, и 1 Іюля 1842 года пошлины будутъ составлять только двадцать-сотыхъ прежняго. Это заставляетъ думать, что со временемъ Ловелль будетъ во всемъ походить на Манчестеръ, и тогда—прощай, Ловелль!

НОРВЕЖСКІЕ ВИДЫ. Весьма недавно вышла въ Лондонѣ книга, подъ заглавіемъ — *Excursions in the north of Europe*, «Поездка на сѣверъ Европы въ 1830 и 1833 годахъ», Г-на Джона Барро. Въ два лѣта, почтенный джентльменъ успѣлъ побывать въ Петербургѣ, Москвѣ, Финляндіи, Швеціи, Даніи и Норвегіи, и рассказы его перепечатаются теперь въ Англійскихъ, Французскихъ и Нѣмецкихъ, журналахъ. Наблюденія Г-на Джона Барро надъ Россіею очень остроумны: борода у Русскихъ расходится внизу наподобіе виль, — она такъ ужъ создана! — а брить бороду «позволяется» только чиновнымъ лицамъ; передъ обѣдомъ, — ктобы этому повѣрилъ! — Русскіе пьютъ шнапсъ: Г-нъ Джонъ Барро видѣлъ это собственными глазами у Дюмѣ, въ тактирѣ, гдѣ онъ познакомился съ Россіей; но какъ примѣръ всегда заразителенъ, то, въ подражаніе Русскимъ, онъ и самъ напился шнапсу передъ супомъ, и, къ удивленію, нашелъ это — *very comfortable*, «очень отраднымъ обычаемъ». Больше не открылъ онъ въ Россіи ничего достопримѣчательнаго. Но виды Норвегіи, кажется, особенно его поразили: по крайней мѣрѣ, описаніе ихъ отличается такою живостью, что мы не можемъ не сообщить его, хотя въ отрывкѣ. Авторъ ѣдетъ изъ Христианіи въ Бергенъ.

«Выѣхавъ на другой день рано утромъ, мы увидѣли то, что я бы готовъ былъ почесть за восхитительнѣйшіе виды, какіе только можетъ представить не одна Норвегія, а даже цѣлая Природа, если бъ поездка наша здѣсь и кончилась. Казалось, трудно постигнуть воображеніемъ что-нибудь величественнѣе, диче, грознѣе этихъ горъ съ ихъ каменистыми вершинами, почергившими отъ времени и непогодъ, распавшимися въ видѣ главъ и башенъ, и торчащими на крутыхъ какъ стѣны утесахъ, отъ которыхъ отдвѣлялъ насъ глубокой оврагъ, наполненный обломками скалъ и голышами: въ этомъ оврагѣ текъ большой ручей, быстро умалавшійся въ своемъ излучистомъ теченіи, но безпрестанно пересѣкаемый обломками, которые заступая ему путь вынуждали его переливаться черезъ нихъ съ оглушительнымъ шумомъ. По направленію этого ручья тянулась непрерывная череда водопадовъ, изумительная для слуха и зрѣнія. Одинъ изъ нихъ былъ особенно прекрасенъ: въ паденіи его съ вы-

сокихъ утесовъ, раздѣлялся онъ на два каскада, черезъ которые брошенъ деревянный мостъ первобытной постройки. По здѣшней дорогѣ путешественникъ окруженъ со всѣхъ сторонъ превысокими скалами, которыя торчатъ почти отвѣсно къ своему основанію, а скаты горъ покрыты лѣсами темнозеленыхъ елей, выглядывающихъ одни надъ другими, и какъ-бы хотящихъ перерости крутые утесы, съ которыми онъ перемѣшаны. Вверху и внизу узкой дороги такія пропасти, что страшно на нихъ смотрѣть; а между-тѣмъ не взято ни какихъ предосторожностей, чтобъ провѣтріе не скользило въ эти бездны. Во многихъ мѣстахъ онъ не только отвѣсны, но даже иногда нависли надъ своимъ основаніемъ. Дорога такъ узка, что, между однимъ ея краемъ и прилежащимъ скатомъ горы, колеса тележекъ едва могутъ умѣститься, и случись намъ повстрѣчаться здѣсь съ другими путешественниками, мы были бъ принуждены выпрячь лошадей и перетащить одну телегу черезъ другую. Видно, такихъ встрѣчъ бояться нечего, когда во всю дорогу мы не видали еще ни одной души человѣческой. Иногда казалось, что тропа примыкаетъ впереди къ самому краю пропасти, но достигнувъ того мѣста, мы обыкновенно находили, что она круто поворачиваетъ въ сторону: эти крутые повороты надъ зіяющимъ внизу оврагомъ угрожаютъ неминуемою гибелью, если лошадь станетъ бить или какъ-нибудь опрокинется тележка.

«Достигнувъ вершины высокой горы, по которой мы взбирались теперь такою крутою дорогою, какой не припомню я даже въ Швейцаріи, мы поражены были самымъ пріятнымъ образомъ, увидѣвъ, что она была почти совершенно ровна на небольшое пространство, и покрыта прекраснымъ словымъ лѣсомъ.

«Подъемъ на эту гору казался намъ труденъ и довольно опасенъ, а спускъ даже приводилъ насъ въ ужасъ: такая крутизна, что лошади должны были, въ буквальномъ смыслѣ, скользить на бедрахъ. Мы видѣли, на нѣсколько сотъ футовъ подъ собой, долину, окруженную со всѣхъ сторонъ крутыми, утесистыми и высокими горами: отдаленнѣйшія изъ нихъ по-верху одѣты снѣгомъ, и, сіяя на солнцѣ, составляютъ совершенную противоположность съ мрачнымъ

видомъ всей картины. Водоскаты быстро бѣжали во всѣхъ направленіяхъ, то сверкая по уступамъ горъ, то исчезая въ черной тѣни густаго еловаго лѣса.»

ВИДЪ СТОКГОЛЬМА СЪ МОРЕЯ. По случаю Путешествія Г-на Барро, сообщимъ нѣсколько чертъ Швеціи изъ одной Французской книги, еще довольно новой. Стокгольмъ лежитъ насупротивъ Петербурга, а мы не имѣемъ понятія о красивомъ местоположеніи этой сосѣдственной столицы.

«Къ вечеру, говоритъ Г. Домонъ въ своемъ любопытномъ Путешествіи по этому государству, пришли мы въ обширный архипелагъ, образующій входъ въ Стокгольмскую пристань: море усыяно множествомъ острововъ, которыхъ, говорятъ, болѣе четырехъ тысячъ. Со всѣхъ сторонъ виднются они купами, разбросанные въ самомъ дикомъ безпорядкѣ: намъ казалось, что мы плывемъ неисходимымъ лабиринтомъ. Пролить, по которому мы шли, былъ окаймленъ островами, то цвѣтистыми и зеленѣющими, то поросшими густымъ лѣсомъ, то наконецъ бесплодными и каменистыми. Вдругъ обступилъ насъ хребетъ зубчатыхъ горъ: я воображалъ себя перенесеннымъ на какое-нибудь тихое озеро, обманутый чистыми и свѣтлыми водами Балтики. Мы увидѣли проходъ, но такой узкій, что въ немъ едва было мѣста для нашей лодки; мы почти могли касаться земли по обѣ стороны. Но вотъ онъ расширился, и мы очутились среди чудныхъ, фантастическихъ острововъ: здѣсь возвышается горбатая скала, точно форверкъ какой-то готической крѣпости, которой бойницы и башни вы будто видите передъ собою; тамъ островерхій гранитный обелискъ всталъ изъ-подъ волнъ и вонзился въ свѣтло-голубое небо; а тамъ печально смотритъ голый островокъ, который, кажется, только и предназначенъ для отдохновеній морскихъ птицъ, вьющихъ гнѣзда на высотахъ его. Изрядка потѣшитъ взоръ зеленая мурава какой-нибудь обработанной поляны, усаженной рощицами, между которыхъ мелькаетъ веселая мыза или сельскій домикъ, брошенный прихотью или нуждой въ это уединеніе. Теряясь въ лабиринтъ острововъ, никто не подумалъ бы, что находится вблизи большой и прекрас-

ной столицы; но приближаясь къ ней, видишь кое-гдѣ домики и казенныя строения, разбросанныя по горамъ и вдоль горамъ или на вершинахъ стрыхъ гранитныхъ утесовъ. Лѣсу и скалъ все еще очень много; обработаннаго мало; Искусство, кажется, отсюда не ишлаось въ красоты Природы; все здѣсь глухо, дико и величественно. Желаніе прѣлать усиливалось въ насъ по мѣрѣ приближенія къ городу, и нетерпѣніе мое выходило изъ всѣхъ предѣловъ, какъ, при обходѣ одного мыса, очаровательный видъ Стокгольма вдругъ развернулся передо мною. Ничто не можетъ сравниться съ эффектомъ этого внезапнаго и почти мгновеннаго перехода отъ безхолма пустынь къ шумной роскоши великолѣпнаго города. Видъ его отъ входа въ гавань особенно прелестенъ. Красивыя зданія стоятъ въ кунахъ или разбросаны около пристави, загроможденной кораблями, которые — одни на якоряхъ, другіе прикрѣплены вдоль на набережныхъ: прекрасныя дома, роши, утесы, луга и сады пестрятъ середину панорамы, а замокъ, возвышая свои грозныя бойницы надъ всѣми башнями, въ уединенной величавости вѣнчаетъ эту чудную картину.»

ФАЛУНСКІЯ РУДОКОПНИ. Вотъ еще любопытныя подробности о главной отрасли богатства ближайшихъ нашихъ соседей. Известно, что Шведское желѣзо тягуче и ковче всѣхъ прочихъ, и что такое превосходство приписываютъ отчасти употребленію въ горнахъ березовыхъ дровъ. Число рудокопенъ въ Швеціи простирается до 586; не менѣе 361 находятся въ Неракии, Вестерманіи и части Далекарліи, какъ-бы въ самомъ сердцѣ королевства. Главный желѣзный рудникъ въ Данеморъ, гдѣ ежегодно получается на 1,600,000 рублей металла. Послѣ желѣза, мѣдь составляетъ главную вѣтвь минеральныхъ богатствъ Швеціи, и самый значительный рудникъ ея съ давнихъ поръ въ Фалунъ: въ царствованіе Густава Адольфа производилъ онъ ежегодно не менѣе 6,830,000 фунтовъ металла, но теперь почти истощился, и даетъ не болѣе 1,485,000 фунтовъ.

«Руду копаютъ на глубинѣ 171 сажени отъ поверхности, говоритъ Г. Домонъ, но какъ первоначально сверленіе произво-

дилось не искусно, то около входа множество страшныхъ обваловъ. Съ одной стороны есть отлогій сходъ съ лѣстницами, довольно удобными до послѣднихъ тридцати сажень, по тутъ онъ уже совершенно отвѣсны. Рудокопы обыкновенно спускаются въ бочкѣ, которой бока въ четыре дюйма толщиною и всѣ окованы желѣзомъ: часто они принуждены бываютъ вытаскивать ее для того, чтобъ она не нагнулась на торчащія скалы. Случается видѣть, что жены ихъ стоятъ на этой бочкѣ, когда она спускается, и обхвативъ канатъ, преспокойно вьжутъ чулокъ надъ страшною пропастью. Не возможно описать впечатлѣній, ощущаемыхъ въ этомъ подземномъ мѣрѣ; глубокое безмолвіе, царствующее подъ мрачными сводами, прерывается только визгомъ машинъ, которыми поднимаютъ руду, паденіемъ ручьевъ, низвергающихся въ бездну, и отдаленной пѣснью рудокоповъ, которые порой мелькнутъ кое-гдѣ съ пылающимъ факеломъ. Иногда гулъ отъ взрыва медленно катится по переходамъ, или, когда его не слышно за отдаленностью, то по-крайней-мѣрѣ всѣ своды дрожатъ приметнымъ образомъ. Иногда путешественникъ слышитъ грозный трескъ, какъ будто — бы часть скалы срывалась съ вѣчныхъ основаній.

«При открытіи одной штольни, въ которую давно ужъ никто не ходилъ, рудокопы нашли на глубинѣ восьмидесяти сажень трупъ молодого человѣка: онъ окаменѣлъ отъ купоросной воды и отъ щелочей, отнюдь не утративъ своей юношеской паружности. Когда его вынесли на открытый воздухъ, тотчасъ собралось множество любопытныхъ, и вдругъ послышался въ толпѣ крикъ одной старухи, которая отъ слабости едва дотащилась до этого мѣста: въ сохранившемся трупѣ узнала она черты своего бывшего жениха, который болѣе чѣмъ за пятьдесятъ лѣтъ исчезъ таинственнымъ образомъ наканунѣ самаго того дня, который назначенъ былъ для ихъ свадьбы. Годы изобразили щени и сморщили лобъ бедной любовницы, а женихъ ея, только что вынутый изъ могилы былъ свѣжъ и молодъ по-прежнему: въ этой противоположности было что-то тѣжко трогательно!»

КОНФИСКАЦІЯ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ВЕЩЕЙ ВЪ ТУРЦІИ.

По силѣ обѣщанія и по собственному влеченію мы опять являемся съ отрывкомъ изъ Моріера, изъ его «Айшѣ, Карской красавицы.» Всѣ знаютъ, какимъ образомъ Европейскія таможни производятъ досмотръ вещей путешественниковъ, и какъ ихъ конфискують; но это искусство далеко не дошло до совершенства, на которомъ поставлено оно у Турокъ. Карскій паша, заключивъ лорда Осмонда въ тюрьму, велѣлъ конфисковать въ казну всѣ его пожитки. Досмотръ имъ происходилъ въ пріемной залѣ пашы, въ присутствіи его и всѣхъ сановниковъ города.

«Во-первыхъ вытащили все, что было въ чемоданѣ. Развертывали поочередно жилеты, косынки, рубашки, панталоны и чулки, которые возбудили изумленіе предстоявшихъ, — потому что и въ самомъ дѣлѣ удивительно, зачѣмъ одному человеку столько вещей, и еще все такихъ, которыхъ употребленіе казалось непостижимымъ! Они долго любовались блестящими красотами параднаго мундира, который лордъ возилъ съ собою для того, чтобъ являться въ немъ ко Дворамъ и къ высокимъ особамъ; но когда дѣло дошло до пары лосиныхъ панталонъ, тогда и самые ученые, при всемъ остроуміи, никакъ не могли придумать, къ чему бы они служили. Турецкіе шаравары, если растянуть ихъ, совершенно похожи на женскую юбку, сшитую внизу, или на огромнѣйшій мучной мѣшокъ, съ прорѣхами по угламъ, чтобъ просунуть ноги. Послѣ этого не удивительно, что проникательность почтеннаго общества стала втупикъ надъ узкими кожаными панталонами въ обтяжку. Ихъ перевертывали на всѣ стороны, задомъ и передомъ, налицо и наизнанку. Наконецъ Карскій муфти осмѣлился изъяснить свое мнѣніе, что это быть-можетъ какой-нибудь нарядъ, и велѣлъ длиннородому чоходару, камердинеру пашы, погруженному въ море недоумвній, примерить ихъ на себя. По всѣмъ соображеніямъ муфти, ихъ слѣдовало носить въ видѣ головного убора: угрюмый чоходаръ вздѣлъ ихъ себѣ на чалму до самаго шага, такъ, что нижнія части вились изгибами по спинѣ и по плечамъ его, придавая ему видъ Геркулеса съ львиной кожею на головѣ. «*Барикъ Аллахъ!* слава Аллаху!» вскричалъ муфти: вѣдь я же вамъ открылъ тайну!

Это очевидно головной нарядъ Англійскаго двухбумажнаго шаши. — *Аферирь!* браво! браво! примолвили всѣ правовѣрные; но паша думалъ иначе. Взглядъ его на панталоны былъ совершенно различенъ, потому что онъ смотрѣлъ на нихъ глазами человека, у котораго только то и на умѣ, что онъ любить. «Что вы видите грязь! воскликнулъ онъ. Слава Аллаху, вы, кажется не ослы, видали свѣтъ, а не можете узнать простаго *дулума*, «кожанаго мѣшка», въ какомъ и шаши водоносы разносятъ воду. Только это мѣшокъ не для воды, а для вина. Вѣдь Франки держать вино въ кожаныхъ мѣшкахъ такъ же, какъ и вы, Глауры: не правда ли?» спросилъ онъ обращаясь къ Армянину Богосу. — «Такъ точно! отвѣчалъ красильщикъ: совершенно такъ, какъ вы изволите приказывать! — «Ну, такъ въ этой кожѣ было вино! продолжалъ паша, довольный своимъ открытiемъ: по благословенiю Аллаха, мы опять употребимъ ее въ дѣло. Эй, ты! сказалъ онъ одному изъ своихъ слугъ: возьми это, вели сакъ (водоносу) зашить прорѣхи, и налить водою для казенныхъ потребностей. Это собственность государя нашего, Падишаха.» И въ самомъ дѣлѣ, панталоны лорда, налитые водою, пѣсколько дней, отличались по городу за спиной водоноса; но это сдѣлано было только для виду: скоро потомъ они очутились въ погребу шаши, и въ Карсѣ сказывали за тайну, что Его Превосходительство, велѣлъ наполнить отнятой у Англійскаго лорда, прекрасный *дулумъ* своимъ любимымъ виномъ.

«Въ крышкѣ чемодана найденъ былъ разувальникъ и пара сапожныхъ крючковъ. Эти вещи подвергли Турецкую свѣтливость еще сильнѣйшему искушенiю. Гдѣ жъ имъ было догадаться, что этотъ многосложный механизмъ имѣетъ хоть какую-нибудь связь съ сапогами, которые для нихъ такъ же легко и надѣть и скинуть, какъ вставить въ ротъ и вынуть янтарь чубука? Они сперва думали, что это что-нибудь чернокнижническое или астрологическое: наконецъ имъ пришло въ голову, что это снарядъ для пытки. Въ самомъ дѣлѣ, какъ удобно давить пальцы и ломать суставы складнымъ разувальникомъ; какъ ловко выдергивать глаза сапожными крючками! На этомъ они и порѣшились; а чтобъ не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнiя, паша приказалъ любя-

тому писцу своему положить палецъ въ смычку разувальника. Когда тотъ не-хотя исполнилъ приказаніе, Его Благополучіе наградило его за угодительность такимъ щелчкомъ, что тотъ завизжалъ на весь дворецъ, а предстоявшіе показались со смѣху. Этотъ снарядъ передалъ главному пыгтелю, съ повелѣніемъ держать его въ готовности до перваго случая.

«Потомъ стали разсматривать вещи, бывшія въ туалетъ. Каждый приготовился къ чему-нибудь лакомому, увидѣвъ множество бутылочекъ, которыми былъ набитъ ящикъ. Одинъ отвѣдалъ о-де-колоню, другой о-де-лавану: они и думали и пѣть, что это какіе-нибудь отличные Франкскіе напитки. Но кто опишетъ рожу, которую состроилъ самъ паша, когда, прельщенный цвѣтомъ, хлѣбнулъ онъ почти цѣлую склянку мирровой тинктуры! Муѣти былъ человекъ несмѣшливый, но и тотъ, увидѣвъ, какъ морщился его товарищъ, не могъ воздержаться отъ улыбки, между-тѣмъ какъ всѣ окружающіе принуждены были потупить глаза, и, чтобъ не забыться, глядѣли на ноги, которыя прежде всего слѣдовало уберечь въ этомъ случаѣ отъ палочныхъ ударовъ.

«Пока это происходило, имамъ главной мечети, въ которомъ постные взгляды обличали падкость на все лакомое, преспокойно вытащилъ изъ ящика обдѣланную въ серебръ коробочку, и, открывъ ее, увидѣлъ что-то похожее на тѣсто. Оно такъ пріятно пахло, что почтенный мужъ никакъ не могъ воздержаться; сунулъ туда палецъ, выковырялъ сколько могъ зацѣпить, разинулъ ротъ шире обыкновеннаго, и, поймавъ гостинца на языкъ, чмокнулъ отъ удовольствія. Но скоро пришлось раскаяться: тошнота одолевала его; онъ трусилъ пашин, и потому только отплевывался. «Что такое?» сказалъ кто-то съ усмѣшкою. — «Бей! смотрите-ка! проревѣлъ паша, радуясь что нашелъ себя товарища: смотрите-ка! Иمامу что-то не по себѣ.» По бѣлой пѣнѣ, выходявшей у него изо рта, скоро обнаружилось, что такое онъ проглотилъ: тогда всѣ стали бояться, чтобъ съ нимъ не было припадка, — чтобъ онъ не взбѣсился. Бѣдный имамъ пришелъ въ такое состояніе, что наконецъ долженъ былъ опроретью бѣжать изъ комнаты, и всѣ сторонились отъ него какъ отъ человека, до котораго нельзя до-

тровутся. Почти не нужно говорить, что онъ съѣлъ порядочный кусокъ превосходнаго Неаполитанскаго мыла.

«Много сдѣлали они промаховъ, кромѣ тѣхъ, которые здѣсь описаны, и быть-можетъ скучно было бы исчислять ихъ. Каждую вещь обсуживали съ величайшимъ вниманіемъ; перевернули всѣ книги низомъ вверхъ, проливали ртуть изъ искусственнаго горизонта, переломали термометры, разобрали барометръ, раскидали математическіе инструменты такъ, что ихъ вѣкъ не собрать бы въ ящикъ. Маленькая костяная коробочка особенно привлекла ихъ вниманіе: она была такъ хорошо выточена, такъ мила, такъ красива, что всѣ хотѣли имѣть ее, какъ дѣти игрушку. Наконецъ уступили ее муфтію. Эта мудрая особа наслаждалась удовольствіемъ смѣяться надъ другими, а надъ ней еще ни разу не посмѣялись. Повертывая коробку во всѣ стороны, онъ наконецъ открылъ ее, къ великому удовольствію, и увидѣвъ внутри маленькую стеклянную трубку, окруженную мелкими палочками, онъ заключилъ, что это должна быть Франкская чернилица, тѣмъ болѣе, что она была очень похожа на Турецкую; жидкость въ ней—чернила, а палочки—перья. Известно, что Восточные пишутъ тростяными палочками. Вотъ онъ обмокнулъ одну изъ нихъ въ трубку, вынимаетъ, — и вдругъ вспыхнулъ огонь! Нельзя описать его ужаса. Онъ бросилъ купоросное огниво. «Ай, Аллахъ!» закричалъ онъ, выпучивъ глаза, разинувъ ротъ и уклоняясь назадъ встѣтвомъ: «Аллахъ спаситель! Аддахъ, Аллахъ, единъ Аллахъ! Нѣтъ Аллаха кромѣ его!» Онъ глядѣлъ на коробку и на маленькія палочки, разбросанныя передъ нимъ по полу, съ такимъ выраженіемъ страха, которое ясно обнаруживало мысль о *шейтанѣ*, о чертовщинѣ, готовой сейчасъ выскочить и погубить человека. Предстоявшіе Турки не могли не разделять чувствъ его: они видѣли огонь. Они тоже перепугались. Всѣ отступили отъ коробочки; потомъ, составивъ около нея кругъ, смотрѣли на нее молча, и съ опасеніемъ ждали, что будетъ; только тихія «Аллахъ, Аллахъ!» перерывали ихъ безмолвіе; имъ, кажется, было ужъ не до смѣху. Однако, види, что коробка не трогается съ мѣста, они начали обращать вниманіе на смѣшную фигуру муфтія, и какъ онъ былъ вообще цѣлюбимъ, то

каждый, кто только смѣлъ, поохоталъ надъ нимъ отъ всего сердца. Важный Сулейманъ, который видавъ Франковъ чаще нежели другіе, рѣшился наконецъ поднять коробку, хоть и съ большою осторожностію; но папа заклиналъ его именемъ Пророка положить ее на мѣсто, и приказалъ Армянину Богосу собрать весь этотъ снарядъ и, хоть съ опасностію собственной жизни, а немедленно итти и бросить его въ рѣку: опъ клялся Кораномъ, что если *шейтанъ*, «чортъ», опять между ними лвится, то онъ велитъ умертвить не только Богосу, но и всехъ Армянъ и Христіанъ въ Карсѣ.

«Оставалось досмотрѣть одинъ ящикъ съ лекарствами, но послѣ такихъ несчастныхъ случаевъ, никто не изъявлялъ охоты продолжать изслѣдованіе; однако, едва Богосъ объяснилъ имъ, что Франкъ всегда прибѣгалъ къ этому ящику, когда имѣлъ нужду въ лекарствѣ, всѣ Турки сейчасъ почувствовали желаніе принять что-нибудь для здоровья, и вѣрно начали бы лечиться, если бы муфти, которому всечудилось какое-то дьявольское навожденіе, не остановилъ ихъ своею властію. Но онъ скоро придумалъ весьма удобное средство. Онъ послалъ собрать къ папѣ столько Жидовъ, сколько можно ихъ пайти въ скорости. Мало этихъ несчастныхъ жило въ Карсѣ подъ самымъ жестокимъ мучительствомъ; но если дѣло шло до какого-нибудь новаго угнетенія, то они всегда первые его испытывали. Скоро добыли ихъ съ полдюжины, и поставили въ рядъ на концѣ залы. Тутъ изъ ящика стали вынимать склянку за склянкой, и давать Жидамъ каждого лекарства *ad libitum*, сколько вздумается; потомъ вывели ихъ въ другую комнату, гдѣ они сидѣли съ печальнымъ видомъ, ожидая рѣшенія своей участи, какъ приговоренные къ смерти, оплакивая свои бѣдствія, и въ душѣ желая гибели мучителямъ. Дѣйствія лекарствъ были и разнообразны и сильны. Турки глядѣли съ ужасомъ; въ Жидахъ все подавлялось чувствомъ отвращенія. «Аллахъ, Аллахъ!» восклицали зрители, и вся церемонія кончилась полнымъ убѣжденіемъ, что самъ пещистый посѣтилъ ихъ городъ: ящикъ съ лекарствомъ бережно поставили на одинъ бокъ, а все остальное папа приказалъ сжечь, «какъ могущее навдечь несчастіе на госу-

«дарство Падишаха, убъжца міра, — да продлится его царство до дня преставленія свѣта!»

ВАЛЬТЕРЪ-СКОТТЪ И ЕГО СЕМЕЙСТВО. Еще разъ возвращаемся мы къ великому писателю, и темъ охотнѣе, что имѣемъ случай познакомить читателей съ примѣчательными объ немъ подробностями и вмѣстѣ съ новымъ сочиненіемъ знаменитаго «Этрикскаго пастуха,» Г-на Гогга, — *The domestic papers and private life of Sir Walter Scott, etc.* Само собою разумѣется, что мы извлечемъ изъ разныхъ мѣстъ этого сочиненія, изобилующаго анекдотами, только разительнѣйшія черты характера Сиръ Вальтера.

Почти никто не знаетъ, что Вальтеръ-Скоттъ былъ одаренъ одною изъ тѣхъ памятей, которыя можно назвать феноменами въ людской природѣ. Однажды отправился онъ съ Г. Гоггомъ и прочими своими друзьями ловить рыбу въ рѣкѣ Твидѣ:

«Ночь была пріятная и тихая, но темная—хоть глазъ выколи. Въ ожиданіи пріятели нашего Флечера, говоритъ Г. Гогтъ, мы втроемъ, Вальтеръ-Скоттъ, я и еще одинъ бывший съ нами, сѣли на берегу рѣки, на небольшой зеленой лужайкѣ, и Сиръ Вальтеръ попросилъ меня спѣть мою Шотландскую балладу. Эта баллада никогда не была напечатана; я сочинилъ ее почти въ умѣ, и за три года до нашей прогулки только однажды пропѣлъ ее Вальтеръ-Скотту. По просьбѣ его, я сталъ пѣть ее теперь во второй разъ, но на восьмой или на девятой строфѣ остановился и никакъ не могъ припомнить слѣдующей. Тогда онъ началъ ее съ перваго стиха, и прочиталъ наизусть всю до конца, отъ слова до слова. Эта баллада очень длинна, — въ ней восемьдесятъ восемь строфъ: зналъ, что онъ слышалъ ее только разъ и по-видимому не обращалъ на нее особеннаго вниманія, я не могъ не изъяснить моего удивленія. Вальтеръ-Скоттъ отвѣчалъ мнѣ, что, вѣдучи однажды съ знакомыми на гулянье къ Фортскому Заливу, и желая занять свою компанію, онъ прочелъ наизусть эту балладу и еще одну Соутея, имену «Аберброкское аббатство»; оба эти стихотворенія слышалъ онъ не болѣе разу отъ самихъ сочини-

телей и, кажется, не сдѣлалъ въ нихъ ни одной перестановки.»

Теперь нѣсколько подробностей объ его характерѣ:

«Вальтеръ-Скоттъ былъ человекъ непостижимый, говорить Г. Гогтъ. Никто не знаетъ, какъ и когда писалъ онъ свои безчисленные творенія. Во время пребыванія его въ Единбургъ, все дообѣденное время было посвящено судебнымъ дѣламъ. Когда онъ бывалъ дома, то принималъ всѣхъ безъ исключенія, мужчинъ, женщинъ, бедныхъ и богатыхъ; никогда не досадывалъ на посѣтителей; всегда былъ въ духъ, пріятливъ, ласковъ. Часто, боясь отяготить его, останавливался я въ его кабинетѣ, выжидая минуты, чтобъ сказать ему на свободу нѣсколько словъ; и былъ свидѣтелемъ, какъ десять человекъ одинъ за другимъ подходили къ нему прежде меня. Вельможи, живописцы, поэты, музыканты, — всѣ стремились къ Вальтеръ-Скотту, не говоря уже о книгопродавцахъ и типографщикахъ: съ ними у него нельзя было разойтись, но ихъ принималъ онъ наединѣ. Когда онъ жилъ въ Абботсфордѣ, то въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ домъ его былъ почти непрерывно наполненъ посетителями. Не возможно было не сожалѣть о времени, которое отнимала у этого знаменитаго мужа. Я находилъ это безсовѣстнымъ. Онъ однажды пригласилъ меня на двѣ недѣли: я пріѣхалъ, но не рѣшился остаться болѣе трехъ дней, — обыкновенно посѣщенія мои были не продолжительныя. Но Вальтеръ-Скоттъ былъ всегда въ добромъ расположеніи. Послѣ завтрака онъ былъ готовъ сопровождать гостей своихъ куда угодно, — бродить по лѣсу, — звать въ Ярро, въ Мельрозъ или въ Дрейбургъ, гдѣ теперь покоится прахъ его. Онъ былъ постоянно веселъ, когда здоровъ, но при болѣзни очень раздражителенъ: онъ былъ подверженъ злокачественному желчному недугу, соединенному съ жесточайшими судорогами. Когда приходилъ его припадокъ, трудно было улучшить минуту, чтобъ поговорить съ нимъ, и въ это время лучше было вовсе его не беспокоить. Случалось, что страданія его бывали чрезвычайны. Ему было предписано приложить къ грудной ложкѣ поджаренной соли: это было исполнено; на другой день увидѣли, что грудь его затянуло однимъ большимъ пузыремъ, и что часть ру-

башки перегорѣла,—между тѣмъ онъ ничего этого не чувствовалъ!

«Разговоръ Вальтеръ-Скотта былъ всегда забавенъ, всегда занимателенъ. Его кротость, непринужденность и вѣрность суждений, неподражаемы. Онъ сыпалъ анекдотами, и я почти увѣренъ, что онъ самъ изобрѣталъ ихъ, потому что я никогда ни отъ кого другаго ихъ не слыхивалъ. Однажды только разговоръ его былъ для меня нисколько не любопытенъ: въ этотъ разъ онъ бесѣдовалъ съ известнымъ Лондонскимъ книгопродавцемъ, Мурреемъ. Они толковали только о знати, о членахъ парламента и о литераторахъ. Я въ жизнь свою объ нихъ не слыхивалъ, да и слышать не хотѣлъ; но Муррей зналъ о каждомъ самыя мелочныя подробности. Вальтеръ-Скоттъ слушалъ его съ жаднымъ вниманіемъ, и этотъ разговоръ продолжался битыхъ четверо сутокъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ часовъ, необходимыхъ для сна.

«Кошелекъ Вальтеръ-Скотта всегда былъ открытъ для вспоможенія бѣднымъ литераторамъ. Я знаю многихъ неудачныхъ сочинителей, которыхъ онъ содержалъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Съ какою деликатностью помогалъ онъ имъ! Онъ обыкновенно давалъ имъ переписывать какія нибудь старыя бумаги, говоря, что онъ для него чрезвычайно важны; за эту работу они получали еженедѣльную плату, въ полномъ увѣреніи, что собираютъ плоды своихъ трудовъ.

«Въ одно утро я болталъ съ Г. Баллентиномъ въ его конторѣ, куда приходилъ я почти каждый день, также какъ и мой знаменитый другъ. Мнѣ какъ-то пришлось къ слову сказать, что я въ жизнь мою не встрѣчалъ челоуѣка, подобнаго Скотту; что онъ, будучи самъ знаменитымъ писателемъ, помогаетъ многимъ бездарнымъ, но въ особенности возбуждаетъ уваженіе тѣмъ, что «шуйца его никогда не знаетъ того, что творить десница.»

«При этихъ словахъ лице Баллентина заблестало радостію, и слезы выступили изъ глазъ. «Вы правы, вы совершенно правы! сказалъ онъ: какъ я радъ, что вы знаете и умѣете уважать достоинства нашего благороднаго, неоцѣннаго друга! Посмотрите.» Онъ взялъ дневную расходную книгу.

«До Вальтеръ-Скотта дошли слухи, что Ирландскій поэтъ, Метьюринъ, содержится въ тюрьмѣ за небольшой долгъ: онъ тотчасъ поручилъ мнѣ переслать ему шестьдесятъ фунтовъ (1500 р.), и Метьюринъ никогда не будетъ знать, отъ кого получилъ онъ эти деньги.

«Сиръ Вальтеръ не слишкомъ жаловалъ религіозныя секты и ханжество. Онъ былъ въ душѣ аристократъ, и общественное благосостояніе составляло предметъ близкій его сердцу. Побѣда, одержанная въ Британскомъ министерствѣ партіею Виговъ надъ Торіями, нанесла ему смертельный ударъ. Да! утвердительно могу сказать, что это событіе растерзало его сердце, разстроило здоровье, и наконецъ повергло его самого во гробъ. Мысль о неизбежной революціи въ Англіи долго утрашала его; онъ боролся съ нею, гналъ ее, и она, безпрестанно къ нему возвращаясь, подѣйствовала на его организмъ, убила его. Съ той минуты, какъ онъ увидѣлъ, что демократія беретъ верхъ, онъ потерялъ всю надежду на благоденствіе не только Британіи, но и частныхъ лицъ въ народѣ. Однажды, говоря со мной объ этомъ, онъ съ особеннымъ, глубокимъ чувствомъ желалъ мнѣ счастья и успѣха въ моихъ предпріятіяхъ, и желанія свои перемѣшивалъ соблазнами о постигшихъ меня мірскихъ бѣдствіяхъ и о тѣхъ, которыя должны еще меня постигнуть, какъ Англичанина.

«Вальтеръ-Скоттъ былъ одаренъ чистымъ, свѣтлымъ умомъ и благороднымъ сердцемъ; онъ былъ истинно добрый человекъ, нѣжный, попечительный супругъ, снисходительный родственникъ, откровенный, не злопамятный другъ, справедливый судья и исправный корреспондентъ. Онъ отвѣчалъ на каждое получаемое имъ письмо, отъ кого бы оно ни было, — отъ богатаго или отъ бѣднаго, и большею частію отвѣчалъ не слишкомъ коротко. Вотъ каковъ былъ человекъ, котораго мы лишились, и какого никогда уже имѣть не будемъ! Онъ въ самомъ дѣлѣ былъ человекъ необыкновенный, великій.

«Жена моя, продолжаетъ Г. Гоггъ, была любимица Вальтеръ-Скотта; онъ всегда оказывалъ ей величайшее уваженіе. Скоро послѣ нашей свадьбы привезъ я ее въ Абботсфордъ. Невзирая на многочисленное собраніе дамъ, онъ торже-

ственно похвалилъ мой выборъ, и даже присовокупилъ, что удивляется, откуда взялось у меня столько ума и вкуса, жениться на такой прекрасной женщинѣ. — Покорно благодарю за комплиментъ, Сиръ Вальтеръ! отвѣчалъ я ему на престонародномъ Шотландскомъ парвчѣи.

«Что касается до моей жены, то она, бѣдняжка, безъ памяти обожала его. Разъ онъ обѣдалъ у насъ. Уходя, онъ схватилъ на руки мою маленькую дочь, Маргариту, поцѣловалъ ее, и положивъ ей на голову руку, сказалъ: «Всемогущій Богъ да благословитъ тебя, милое дитя мое!» Жена моя залилась слезами.»

Вотъ нѣкоторыя черты его семейства: «Леди Скоттъ всегда сохранится въ моей памяти, какъ милое, любезное, нѣжное существо. Когда кто нибудь изъ Абботсфордскихъ поселянъ бывалъ боленъ, отъ нея старались скрывать это, зная, что она будетъ страдать болѣе самого больного. Мнѣ случилось быть свидѣтелемъ, какъ она проплакала цѣлый день и почти всю ночь объ одномъ престарѣломъ бѣднякѣ, послѣ котораго осталось безпомощное семейство. Дочь ея, Анна, была чрезвычайно похожа на нее и лицомъ, и обращеніемъ.

«Мнѣ извѣстны только немногія подробности о дѣтяхъ Вальтеръ-Скотта. Сообщу то, что знаю.

«Софіи было не болѣе трехъ мѣсяцевъ, когда я въ первый разъ посетилъ его: съ тѣхъ поръ она росла и развивалась на моихъ глазахъ. Когда лѣта младенчества миновали, я предвидѣлъ, что она будетъ любимицею отца. Такъ и вышло. Она была невинное дитя природы; въ ней не было ни тѣни лицемерія. Ктому жъ она такъ любила отца! О, какъ горючо любила она его! Я никогда не забуду тѣхъ нѣжныхъ взглядовъ, которые она устремляла на него, когда онъ, опершись на костыль свой и склонивъ голову къ ея арфу, слушалъ, какъ она пѣла его любимыя старинныя баллады или самимъ имъ собранныя пѣсни горныхъ Шотландцевъ. Когда онъ входилъ къ ней въ комнату, она измѣнялась въ лицѣ, и нерѣдко неволью вскрикивала отъ радости. Она уже давно замужемъ и сама имѣетъ дѣтей; но я увѣренъ, что память нѣжнѣйшаго отца для нее всегда драгоценна.

«Сынъ его, Вальтеръ, благородный, откровенный, добрый малый; но въ немъ нѣтъ и искры отцовскаго гения. Воспитанный въ литературномъ обществѣ, которымъ съ дѣтства окруженъ былъ безпрестанно, онъ, кажется, мало уважаетъ Словесность и Науки, и въ особенности терпѣть не можетъ Поэзіи.

«Украшеніемъ семейства Вальтеръ-Скотта всегда считалъ я другую дочь его, Анну, (которая теперь замужемъ за Г. Локгардомъ, издателемъ известнаго журнала Quarterly Review.) Она проникательна, чувствительна и остроумна, но должна быть нѣсколько насмѣшлива: по-крайней мѣрѣ, я знаю, что когда она была еще ребенкомъ, подружки боялись ея какъ змѣи. Девизомъ втораго сына его, Карла, можетъ служить поговорка — либо панъ, либо пропалъ».

«О дарованіяхъ Г. Локгарда Вальтеръ-Скоттъ отзывался всегда съ такимъ восторгомъ, какого онъ, по мнѣнію моему, не заслуживаетъ: я знаю его гораздо лучше, нежели зналъ его Сиръ Вальтеръ, и, что бы Локгардъ ни говорилъ, я знаю Сиръ Вальтера сто разъ лучше, нежели онъ.» *М. М.*

ВСЕОБЩІЙ ПРИМИРЯТЕЛЬ. Есть въ Лондонѣ предобрый и претихій человекъ, нѣкто Чарльзъ Тоуплисъ, Конюшій, — почти тоже что порядочный человекъ, — который приходилъ въ отчаяніе всякой разъ, какъ читалъ въ газетахъ, что гдѣ-нибудь вспыхнула война, и что люди дерутся. Онъ готовъ былъ сдѣлать все въ свѣтъ, чтобъ только убѣдить людей не драться, и жить такъ дружелюбно и тихо, какъ живетъ онъ съ своей кошкой и съ своей кухаркой. Ища средствъ примирить народы, онъ напередъ сталъ искать ихъ въ Исторіи; но въ Исторіи нашлись только семена вражды и источники тѣхъ предразсудковъ, которые будутъ вѣчно вооружать одни племена противъ другихъ. Онъ принялся за Дипломацію, о пользѣ которой слышался много отъ одного секретаря посольства: по справкѣ оказалось, что Дипломація служитъ только къ отсрочкѣ драки до сѣдующаго утра, чтобъ между-тѣмъ ночью собраться съ силами. Онъ хотѣлъ еще прибѣгнуть къ пособію Нравоучительной Философіи, но друзья ему отсвѣтовали, говоря, что онъ лучше сдѣлаетъ, если начнетъ учиться Логикѣ. Ми-

стеръ Чарльзь Топлисъ, Конюшій, началъ учиться Логикѣ: мы уже сказали, что онъ все готовъ былъ сдѣлать для удержанія людей отъ дракъ и кровопролитія! Послѣ нѣсколькихъ уроковъ, онъ вдругъ вывелъ изъ двухъ старыхъ посылокъ такое умозаключеніе, которое никогда людямъ и въ голову не приходило, хотя оно удивительно просто и естественно. Онъ сказалъ себѣ: извѣстно, что пока на свѣтѣ будутъ люди, они всегда будутъ истреблять другъ друга, — слѣдственно, если бѣ разомъ истребить людей, они бы перестали истреблять другъ друга. Это силлогизмъ *ab absurdo*, но очень основательный. Г. Чарльзь Топлисъ, Конюшій, рѣшился примѣнить его къ пользамъ человечества, и какъ онъ въ то же время превосходный механикъ, то ему не трудно было выдумать такую машину, которая была бы въ состояніи въ каждый поворотъ рукоятки истреблять миллионъ людей. Онъ въ самомъ дѣлѣ ее выдумалъ. Сначала хотѣлъ онъ назвать ее — *Всеобщій истребитель*, но, подумавъ немножко, предпочелъ назвать — *Всеобщій примиритель*. Это отнюдь не шутка. Машина существуетъ; весь Лондонъ бѣжитъ любоваться на нее. Вотъ, что пишутъ объ ней въ газетѣ *Sun*.

«Г. Чарльзь Топлисъ, Конюшій, членъ Британскаго Музеума Мануфактуръ, изобрѣлъ большую воинскую машину, которой разрушительная сила не имѣетъ ничего подобнаго въ извѣстной доселѣ Исторіи народовъ всей земли. По мнѣнію изобрѣтателя, это ужасное орудіе произведетъ то дѣйствіе, что впредь вести войну будетъ уже невозможно, потому что самое многочисленное войско не въ состояніи будетъ побѣдить нѣсколькихъ человекъ, которые, при помощи этой машины, вздумаютъ рѣшительно защищаться. Съ помощію новой силы, изобрѣтенной г-мъ Топлисомъ, нѣсколькихъ человекъ достаточно для того, чтобы истребить величайшую армію, какую только можно вывести въ поле. Эта машина такъ легка, что два человекъ удобно могутъ поставить ее на колеса, и двигать по всемъ направленіямъ или сами, или при помощи одной лошади. Ее можно провести по всякой дорогѣ, по которой только могутъ пройти человекъ или лошадь. Чтобы приготовить ее къ дѣйствию, для этого нужно только нѣсколь-

ко минутъ. Машина эта построена и расположена такимъ образомъ, что можетъ бросать въ столько времени, сколько угодно, градъ ядеръ, направляемый въ ту или другую сторону, точно такъ же, какъ направляется вода, извергаемая пожарною трубою, и притомъ съ такою же легкостію. Между тѣмъ, какъ этотъ смертоносный дождь будетъ съ величайшею точностію литься на непріятельскую армію, два человека, приводящіе машину въ движеніе, будутъ внѣ всякой опасности. «Мы должны признаться, говорятъ редакторы газеты *Sun*, что покуда еще не разсмотрѣли въ подробности этого ужаснаго орудія смерти, мы очень расположены были сомнѣваться въ силѣ, приписываемой ему изобрѣтателемъ. Но г. Топлисъ такъ ясно растолковалъ намъ дѣйствіе своей машины, устройство ея такъ просто, приведеніе въ дѣйствіе такъ легко, всѣ части такъ хорошо приспособлены къ ея назначенію, что все это совершенно уничтожило наши сомнѣнія, и мы убѣдились, что небольшое число этихъ приборовъ, искусно употребленныхъ, достаточно было бы для того, чтобы истребить армію не малочисленнѣе той, которую Наполеонъ повелъ въ гибельный походъ на Россію.

«О дѣйствующей силѣ этой машины, скажемъ мы только то, что изверженіе ядеръ производится развитіемъ газа въ то время, какъ пушечный порохъ постепенно загорается. Люди, приводящіе машину въ движеніе, располагаютъ этою силою такъ произвольно, что могутъ останавливать изверженіе ядеръ, и потомъ возобновлять его, почти безо всякой потери времени. Докторъ Биркбекъ и другіе ученые люди разсматривали эту машину, и ни сколько не сомнѣваются въ ея дѣйствительности. Что касается до изобрѣтателя ея, г. Топлиса, то онъ совершенно убѣжденъ въ благотѣльномъ дѣйствіи, которое она произведетъ на будущую судьбу народовъ, сдѣлавъ войну столь кровопролитною, что никто не осмѣлится предпринять ее; и потому-то именно г. Топлисъ назвалъ это ужасное орудіе разрушенія утѣшительнымъ именемъ *всеобщаго примирителя*.

ВЗЖОНЕЧНАЯ МУЗЫКА. До сихъ поръ только глупость и злость считались совершенно неизлечимою болѣзнію: теперь

видно, что и музыка иногда сопротивляется всѣмъ усиленіямъ врачебнаго искусства. Докторъ Бессоріо имѣлъ недавно случай наблюдать необычайное дѣйствіе произведенною музыкою надъ одною женщиною. Этой женщинѣ было двадцать восемь лѣтъ отроду; она родилась и жила въ небольшой Пиемонтской деревнѣ, семь лѣтъ была замужемъ, цвѣтъ лица имѣла живой и сложеніе здоровое. Въ Октябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года она была на храмовомъ праздникѣ въ своей деревнѣ. На балѣ, данномъ по этому случаю, былъ хорошій и весьма громкій оркестръ, который она слышала въ первый разъ въ жизни. Праздникъ, а вмѣстѣ съ нимъ и балъ продолжались три дня, и эта женщина танцевала почти непрерывно и съ какимъ-то энтузіазмомъ; никогда она не слыхивала музыки такой громкой, и никогда съ такимъ удовольствіемъ не танцевала.

По окончаніи праздника, ей все слышались звуки музыки, которая такъ прельстила ее. Что бы она ни дѣлала, ѣла ли, ходила ли, лежала ли, мелодическіе звуки непрерывно раздавались въ головѣ ея, такъ что она не могла спать. Оркестръ игралъ все монферипы, а такъ какъ ихъ было очень много, то всѣ онѣ одна за другою проходили въ ея головѣ.

Бессонница, произведенная этою безконечною музыкою, разстроила пищевареніе и другія жизненныя отправления. Разные шарлатаны и нѣкоторые ученые врачи были призываемы, но ни какое пользованіе не могло прекратить этой музыки. Наконецъ, по мѣрѣ того, какъ разстройство жизненныхъ отравленій, слабость и ночныя испаренія, увеличивались, звуки въ головѣ ея усиливались. Докторъ Бессоріо, который былъ три раза приглашаемъ на консультацію, всегда находилъ, что пульсъ бьется у ней сильно, веровно и съ перемежками какъ у человека, который испуганъ. Черезъ полгода эта женщина умерла отъ нервической чахотки, и во все это время ни на минуту не переставала слышать музыки, которая становилась все болѣе и болѣе тягостною, по мѣрѣ разстройства здоровья.

Первый скрипачъ для забавы общества, иногда нарочно фальшилъ, и эти звуки также повторялись въ головѣ ея, и тѣмъ чаще, чѣмъ состояніе ея становилось хуже: до-

шло до того, что она, хватаясь обѣими руками за голову, вскрикивала: Ахъ какія фальшивыя ноты!

Не мудрено, что звуки, такъ сильно подѣйствовавшіе на органъ слуха, и произведшіе столь чрезвычайное дѣйствіе на *sensorium commune*, могли возбудить въ немъ повтореніе, какъ бываетъ при долговременныхъ ощущеніяхъ; но непостыжимо, отчего это дѣйствіе, вмѣсто того, чтобы ослабѣвать, усиливалось непрерывно, до того, что произвело нервическую чахотку, которая, сколько намъ известно, досель еще не была наблюдаема.

ВЛІЯНІЕ ЛУНЫ. Мы уже однажды говорили о вліяніи нашего спутника на перемены въ воздухѣ. Дѣйствіе его на животную и растительную жизнь, съ недавнихъ поръ, также обратило на себя вниманіе естествоиспытателей. Въ Сиріи и Египтѣ общее мнѣніе приписываетъ его свѣту очень вредное вліяніе на здоровье челоѣка, и въ лунныя ночи тамошніе жители садятся на открытомъ воздухѣ не иначе, какъ въ тѣни. Сильная головная боль бываетъ обыкновеннымъ слѣдствіемъ пренебреженія этой осторожности, которой пользу можемъ мы подтвердить личнымъ опытомъ. Любопытны слѣдующіе факты, сообщаемые Г-мъ Монтгомери Мартиномъ въ его «Исторіи Англійскихъ Колоній.»

«При изслѣдованіи климата тропическихъ странъ, вліяніе мѣсяца, кажется, совсѣмъ потеряно было изъ виду; но если дѣйствіемъ луны поднимаются изъ бездонныхъ пучинъ воды обширнаго океана, то безъ преувеличенія можно утверждать, что приливы и отливы атмосферическаго воздуха подвержены тому же вліянію: это такъ вѣрно, что, въ низменныхъ тропическихъ странахъ, каждый внимательный наблюдатель Природы непременно замѣтитъ силу мѣсяца надъ временами года, и надъ животнымъ и растительнымъ организмами. Что касается до послѣдняго, то можно рѣшительно утверждать, что въ Демерарѣ бываетъ тринадцать разъ въ годъ весна и осень, потому что именно столько разъ сокъ въ деревьяхъ поднимается къ вѣтвямъ, и опускается къ корню. Напримѣръ, срубите вы валлабу, — смолистое дерево, нѣсколько сходное съ краснымъ, — въ темнотѣ, незадолго передъ поволуніемъ, и вы увидите, что это

одно изъ крѣпчайшихъ строевыхъ деревъ на свѣтѣ: попытайтесь расколоть его, при всѣхъ вашихъ усиліяхъ разделется оно очень неровно. Теперь, срубите другую валлабу, выросшую въ нѣсколькихъ шагахъ отъ первой, въ полнолуніе, и можете расколоть ее въ прекраснѣйшія гладенькія лучинки, какой угодно толщины; но для постройки это дерево слишкомъ рыхло. Бамбуковый тростникъ, въ руку толщиною, нередко употребляютъ для частоколовъ: если онъ былъ срезанъ въ безлуніе, то выдержитъ десять и двѣнадцать лѣтъ, если жъ въ полнолуніе, — упадетъ въ два, въ три года. То же самое и съ другими деревьями, хотя, можетъ, и не со всеми. Если перейдемъ ко вліянію луны на животный организмъ, то увидимъ, что издѣсь за примѣрами дѣло не станетъ. Я видалъ въ Африкѣ, что новорожденные животныя издыхали въ нѣсколько часовъ подлѣ матери, если были подвержены дѣйствию лучей полного мѣсяца; рыба скоро начинала гнить, а мясо портилось даже и соленое; моряки, неосторожно спавшіе на палубѣ, получали куриную слѣпоту; иногда же дѣйствіе мѣсячныхъ лучей производило въ лицѣ ихъ отвратительную опухоль; отъ переменъ луны припадки сумасшествія страшно усиливались, и вліяніе этого свиду кроткаго, но могущественнаго свѣтила часто причиняло спящему лихорадочный ознобъ. Пусть только изучать дѣйствіе Луны на Землю, и тогда увидятъ, что оно сильнѣе, нежели какъ вообще полагали.»

АМЕРИКАНСКІЕ ИНДѢЙЦЫ. Вотъ еще нѣсколько строкъ объ Американскихъ туземцахъ, которыя мы заимствуемъ также изъ сочиненія Г. Мартина, въ дополненіе къ тому, что сказано объ нихъ въ отчетѣ о книгѣ почтеннаго Ма-ка-тай-ми-ши-кя-кякъ.

«Гвианскіе Индѣйцы — народъ чрезвычайно способный, и быстрота ихъ хода въ родныхъ лѣсахъ, по самымъ труднымъ дорогамъ, изумительна для Европейцевъ, изъ которыхъ мало кто въ состояніи поспѣвать за ними даже на небольшомъ разстояніи. Ни какой Европейскій переходъ не сравнится съ быстрыми движеніями Индѣйскихъ полковъ Болваровой арміи. Экспедиція, состоящая изъ однихъ Ин-

дѣйцевъ, пройдетъ извѣстное пространство вътрое скорѣе такого жъ Европейскаго отряда, и это преимущество даетъ имъ возможность съ выгодною противостоятъ въ дикихъ краяхъ своихъ непріятелю, который вдвое ихъ многочисленнѣе. Сверхъ-того, они могутъ удобно прожить тамъ, гдѣ Европейское войско должно умереть съ голоду, и комиссаріата для нихъ не нужно. Съ 10 фунтами кассавнаго хлѣба Индѣецъ пробудетъ въ полѣ недѣли три или мѣсяць. Ружье его всегда будетъ исправно, аммуниція суха и годна въ дѣло. Нѣтъ возможности застать его въ расплохъ, п съ начальникомъ, который не уступитъ ему въ этихъ качествахъ и къ которому онъ имѣетъ довѣріе, Индѣйскій рядовой лучше всякаго для службы въ тропическомъ краѣ, подъ палящимъ солнцемъ экватора.»

Эти люди одной породы съ первобытными жителями Острововъ: но гдѣ теперь послѣдніе! Они истреблены другими людьми, которые не только назывались образованными, но и хотѣли слыть чрезвычайно набожными: не будемъ разлагать чувствъ, возбуждаемыхъ сближеніемъ слѣдующихъ предписаній Ямайкскаго Совѣта:

«Августа 14, 1656 года. Приказъ, за подписью Эдварда Д'Ойли, о раздачѣ солдатамъ 1701 Библии.»

«Августа 26, 1656 года. Предписаніе, давное казначею Питеру Нью, объ уплатѣ Джонъ Гою двадцати фунтовъ стерлинговъ, изъ податной суммы, за пятнадцать собакъ, привезенныхъ имъ для травли Индѣйцевъ.»

Конечно, теперь не въ модѣ употреблять собакъ для очистки земель отъ первобытныхъ людей; но Европейцы скоро затравятъ ихъ своей промышленностью. Они искоренятъ своей торговлей это злополучное поколѣніе, и слѣды его смоятъ потопомъ рому. Черезъ два столѣтія, Американскихъ Индѣйцевъ можно будетъ называть тоже предпотопными народами.

ПЕРСИЯНЕ. Въ статьѣ о Средней Азій, по изобилію предметовъ, не могли мы заимствовать столько, сколько бы желали, изъ любопытнаго Путешествія поручика Конолли въ Индію черезъ Россію, Персію и Афганистанъ. Вознаградимъ этотъ пропускъ выпискою нѣсколькихъ подробностей

о Персіянахъ. Во-первыхъ, разговоръ поручика съ однимъ изъ сыновей Шаха, — съ шахъ-заде (принцемъ) Ахмедъ-Али-Мирзою, и визиремъ его, въ Мешгедъ:

1. *Кто такой Остъ-Индская Компанія?* «Шахъ-заде желалъ знать, у кого я въ службѣ, у Англійскаго Короля или у Кумпани. — У Кумпани, отвѣчалъ я: но члены Кумпани сами подданные Его Величества Короля Англіи и Падишаха морей. — «Кумпани чи чизъ эсть? Что за такая штука, Кумпани?» спросилъ принцъ. Я сталъ было толковать о двадцати четырехъ директорахъ, но визирь перебилъ меня и рѣшительно отвѣчалъ, что, хотя нѣкоторые и утверждаютъ, будто Остъ-Индская Компанія есть старая баба, которая никакъ не можетъ умереть, но это неправда: Компанія — просто Сиръ Джонъ Малкольмъ. Я хотѣлъ сказать, что онъ ошибается. Не тутъ-то было, — онъ крѣпко стоялъ на своемъ. — «Вы меня спросите!» говорилъ онъ съ видомъ чловѣка, который знаетъ всю подноготную: «по-вѣрьте, что это мнѣ очень хорошо известно. Сиръ Джонъ «Малкольмъ пріѣхалъ сперва въ качествѣ эльчи (посла) къ нашему Царю Царей, а тамъ отправился въ Бомбай, и «сталъ Компаніей.» Явно, что всѣ разуверенія съ моей стороны были бы напрасны. Притомъ же, думалъ я, почтенной Компаніи могутъ навязать представителя гораздо хуже: такъ пусть себѣ визирь остается при своемъ мнѣніи, а на меня падеть укоръ, что я не знаю дѣлъ своего отечества.»

2. *Персидскій астрономъ.* Г. Конолли пріѣхалъ въ Мешгедъ, съ товарищемъ своимъ, Персіяниномъ, по имени Сендъ. «Черезъ нѣсколько дней Сендъ взялъ меня съ собою обѣдать къ старинному пріятелю своему, мирзѣ Абдуль-джовату, который былъ муджтедомъ, то есть, главнымъ богословомъ и однимъ изъ сановниковъ города. Мешгедцы почитаютъ мирзу Абдуль-джовата настоящимъ *Ифлатуномъ*, Платономъ. Онъ все знаетъ! Когда мы шли къ нему, Сендъ сказалъ мнѣ: «Вы какъ-то говорили, что завоеванія Чингисхана и Монголовъ не простерлись въ Англію: «пусть оно и по вашему, но не советую вамъ спорить объ «этомъ съ мирзой Абдуль-джоватомъ, потому что у него «есть историческая книга о Френгистанѣ (Европѣ), гдѣ ска-

«зано, что Монголы были въ Англин: такъ зачѣмъ разстроивать его съ этой книгою?»

«Мы дождались, пока старикъ кончилъ свои молитвы въ маленькой мечети, у самыхъ воротъ его дома. Сидѣлъ у него руки въ знакъ глубочайшаго почтенія; я привѣтствовалъ его по-Персидски, положивъ руку на сердце, и наклонившись впередъ. Только-что мы услыли на пятахъ, мирза сказалъ мнѣ: «Добро пожаловать! Вы оказали «милость! Весьма пріятно васъ видѣть! Вашъ мозгъ въ исправности? Какова географическая широта Лондона?» Заглянувъ въ книгу, о которой упоминалъ мой товарищъ, и которая тутъ же лежала, онъ удостовѣрился, что мнѣ известна широта Лондона, и я прослылъ у него человѣкомъ свѣдущимъ. Потомъ онъ говорилъ о своихъ астрономическихкихъ наблюденіяхъ въ Мешгедѣ, по которымъ опредѣмилъ будто-бы положеніе его почти согласно съ Г. Фрезеромъ: думаю, что старикъ немного прихвастнулъ! Онъ сильно напиралъ на меня отвлеченными мѣстами изъ Астрономіи, но къ счастью случился другой гость, который помѣшалъ нашему разговору сдѣлаться слишкомъ ученымъ: то былъ купецъ изъ Решта, который, перѣплывъ однажды черезъ Каспійское Море въ Астрахань, считалъ себя въ полномъ правѣ разсказывать самыя удивительныя вещи объ Урусгахъ, то есть, Русскихъ.

«Разговоръ былъ очень кстати прерванъ превкуснымъ обѣдомъ, поданнымъ на серебряныхъ подносахъ, и я наконецъ увидѣлъ, какъ живутъ здѣсь люди высшихъ сословій. Тутъ былъ продолговатый Пишаверскій рисъ, который можете вы придавить, какъ хотите, и онъ опять поднимется собственной своей упругостью: онъ такъ легокъ, что никогда не почувствуешь, довольно ли его съѣлъ или нѣтъ. вмѣстѣ съ нимъ подали намъ разноцвѣтныхъ пилавовъ, личницъ, отличныхъ мясъ съ сладкими сиропами и чесноку въ молокъ; а для питья, шербетовъ и соку свѣжихъ гроздь, — сущихъ нектаровъ, которые изъ фарфоровыхъ кувшиновъ переливаются въ ротъ глубокими ложками грушеваго дерева, такъ нѣжно выточенными, что онѣ зыблются подъ тяжестью напитка. Хозяинъ подчивалъ гостей самымъ учтивымъ образомъ, выбирая намъ лучшіе куски мяса пальцами,

и даже удѣляя съ своей собственной тарелки, — въжливость, существующая по-крайней-мѣрѣ съ тѣхъ поръ, какъ Юсюзъ угощалъ братьевъ при Дворѣ Фараона, и почитаемая въ Персіи за первую ласку, какую только можно оказать дорожному гостю: онъ приправлялъ обѣдъ, разсыпая въ промежуткахъ его цвѣты поэтического остроумія, и перебрасываясь ими съ Сендомъ, который самъ былъ на это большой мастеръ.»

3. *Персидская въжливость.* «Персіанъ сравнивали иногда съ Французами въ отношеніи къ умѣнью пріятно бесѣдовать и къ въжливости въ обращеніи; но, право, сомнительно, наговорятъ ли вамъ Французы такъ много объ какой-нибудь бездѣлицѣ, и не потерчатъ ли слава ихъ учтивости отъ сравненія съ сынами Востока. У Персіанъ нѣтъ настоящихъ свѣдѣній, изъ которыхъ бы они могли извлекать пищу для своего остроумія; однако жъ, рѣдко бываетъ, чтобъ, сошедшись глазъ-на-глазъ, они не завели съ вами бойкаго разговора: притомъ и объясняются они такъ учтиво и весело, что въ обществѣ ихъ вы тотчасъ чувствуете себя на свободѣ, и можете находить въ немъ удовольствіе, даже при весьма несовершенномъ знакомствѣ съ ихъ языкомъ. Мнѣ показалось, что они учтивѣе Французовъ, особенно нынѣшнихъ; что, обладая ихъ пріятностью, они не имѣютъ такой склонности къ гримасамъ и той опрометчивости, той brusquerie, которыя нерѣдко оскорбляютъ въ нынѣшнемъ Французѣ. Правда, они могутъ быть такъ же грубы и непріятны, какъ и всякой другой народъ, но для этого надобно тронуть ихъ религіозныя предразсудки: иначе рѣдко забудутся они до такой степени.»

ВОДНОЙ ТЕАТРЪ. Наконецъ открыли въ Парижѣ водной, или такъ называемый, паутичскій театръ: то есть, онъ былъ открытъ уже въ Іюль мѣсяцъ; но мѣсто, приготовленное для воды, для рѣкъ, озеръ, водопадовъ, морей и океановъ, тогда было еще покрыто досками, и на нихъ-то разыграли двѣ пьесы, — *Les Ondines* и *Guillaume Tell*. Теперь зрители увидѣли и бассейнъ, и воду, и въ придачу новый Балетъ, «Робинсонъ Крузе,» сочиненный для этого случая Г. Блашемъ, братомъ нашего Петербургскаго хоре-

графа. Да! на театрѣ была вода: но какая вода! Нечистая, печальная. На водѣ былъ Балетъ: но какой Балетъ! Вполнѣ достойный воды и бассейна.

Въ бассейнѣ за деревомъ, течетъ вода. Шумъ падающей воды очень печаленъ, и скорѣе располагаетъ къ задумчивости, чѣмъ къ смѣху. Прошу смѣшнить и дурачиться при шумѣ водопада!

Неразь уже говорили, что истинная истина въ Искусствахъ не существуетъ: теперѣ можно сказать напротивъ, что истинная истина вредитъ Искусству. Поставьте посреди декораціи, изображающей лѣсъ, дерево настоящее, земное, покрытое листьями и плодами: оно будетъ подавлено живописью. При представленіи этого Балета на водяномъ театрѣ, искусственное море, изъ полотна и папки, видѣвшееся вдали, совершенно затмѣвало воду настоящую; настоящія суда походили на ореховыя скорлупы въ сравненіи съ нарисованнымъ линійнымъ кораблемъ, а настоящая обезьяна была дрянная обезьяна въ сравненіи съ актеромъ, который нарядился бы въ кожу покойнаго Мазюрье.

Театрѣ всегда предполагаетъ вымысль, обманъ чувствъ. Оставьте попугаевъ и обезьянъ въ ихъ лѣсахъ: есть много актеровъ, которые могутъ играть очень естественно роль обезьянъ и попугаевъ. Искусство человека, ловко подражающаго животному, приноситъ вамъ удовольствіе и возбуждаетъ удивленіе, которыя вдругъ исчезаютъ при видѣ подлиннаго животного, дѣйствующаго безъ всякаго усилія. Къ чему принуждать честныхъ звѣрей играть комедію, когда они не имѣютъ къ тому ни какого расположенія? Къ чему мучить водовозовъ, заставляя ихъ натаскивать вамъ настоящее море, за которое вы платите очень дорого, между тѣмъ какъ размазанное полотно стоитъ такъ дешево?

О Балетѣ и говорить нечего. Вода не оставила мѣста Балету. Что касается до содержанія, то дѣло все въ томъ, чтобы взбѣсить бѣднаго ученаго, который заброшенъ бурей на островъ Робинсона. Бѣдный ученый бросается въ воду, а какъ это вода настоящая, то больно видѣть несчастнаго

актера, который для того, чтобы разсвѣжить васъ, подвергается опасности получить воспаленіе въ груди. Парижскіе критики совѣтуютъ Парижскому Г. Бланшу лучше взяться за что-нибудь другое.

ФРАНЦУЗСКИЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. 1. La Fille du Rince, *Царская дочь*, Комическая Опера въ двухъ дѣйствіяхъ.

Музыка этой Опера написана артистомъ, Г. Фельтромъ, который давно уже начинается; слова г-мъ Скрибомъ. Дѣйствіе происходитъ въ обширномъ лѣсу одного Великаго Герцогства. Великій Герцогъ сказалъ своему сыну: Альберту, — *Я хочу, чтобы ты женился на Бланшъ Симеренъ!* Но какъ строгій Герцогъ вмѣстѣ съ тѣмъ и добрый изъ отцевъ, то онъ позволилъ сыну своему, Альберту, въ тотъ же день ѣхать на охоту.

Вы слышите валторны, тромбоны, громъ: это сынъ Герцога, Альбертъ, ѣдетъ на охоту. Въздвигъ часто на охоту, Альбертъ встрѣтилъ однажды пастушку Эммелину; Эммелина, несмотря на зеленое, вышитое золотомъ платье Альберта, приняла его за богатаго мызника. Она влюбилась въ него, потомъ тайно вышла за него замужъ, и теперь любитъ его всѣмъ сердцемъ. Въ этотъ день Альбертъ очень печаленъ; ему приказано жениться на Бланшъ Симеренъ, которой онъ не любитъ, и онъ нарочно прѣзжаетъ въ лѣсъ, чтобы предувѣдомить объ этомъ жену свою, Эммелину. Но Эммелина такъ добра и мила, она такъ любить своего Альберта, что у него не достаетъ духу сказать ей объ этомъ. Альбертъ не смѣетъ сказать ей на отръзъ что онъ Альбертъ и сынъ Великаго Герцога, и только рѣшается открыть ей, что онъ не простой мызникъ, что онъ племянникъ Великаго Герцога: да, племянникъ его, Адольфъ! При этой вѣсти, Эммелина остается въ недоумѣніи; въ глубинѣ сердца она очень огорчена этимъ, по потомъ утѣшается, вспомнивъ, что пословица говоритъ: *Бываетъ, что и цари женятся на пастушкахъ!*

Принцъ Альбертъ, немножко успокоившись этою полудоверенностію, возвращается домой, къ батюшкѣ. Тутъ

снова появляется охота, и подымается шумъ и тревога такъ, что самые старые дубы и самые крѣпкія уши трещать. Является новый охотникъ, Адольфъ, именно племянникъ Герцога. Адольфъ тоже влюбленъ; но не въ пастушку, а въ принцессу: онъ любитъ Бланку Симмеренъ, невѣсту двоюроднаго его брата, Альберта, и, что всего лучше, онъ любимъ. Правда, что онъ съ нею еще не въ такой дружбѣ, какъ Альбертъ съ Эммелиною, но не далеко отъ этого. Они оба къ этому готовы, и Бланка и Адольфъ. Они даже согласились между собою, чтобы Адольфъ нарочно бросился въ пропасть для того, чтобы не исполнить приказанія Великаго Герцога, который и его хочетъ женить. Распустивъ слухъ о своей смерти, Адольфъ увезетъ Бланку Симмеренъ, и женится на ней въ чужихъ краяхъ.

Адольфъ дѣлаетъ все какъ условлено; ѣдетъ на охоту и притворяется, будто убитъ. Весь дворъ сожалеетъ о молодомъ Принцѣ. Сильнѣйшая горестъ этого траура раздается въ сердцѣ пастушки Эммелины, которая почитаетъ Адольфа своимъ супругомъ. Услышавъ, что онъ умеръ, она приходитъ ко двору Герцога, чтобы оплакивать супруга своего въ уединеніи. Тутъ она объявляетъ, что была обручена съ Адольфомъ, и часто видалась съ нимъ въ лесу при звукахъ валторнъ и тромбонновъ. При этой вѣсти нетерпѣливая Бланка Симмеренъ вскрикиваетъ: *Адольфъ обманщикъ!* Она рассказываетъ, что Адольфъ не умеръ, что онъ только притворился мертвымъ для того, чтобы дядя о немъ поплакалъ; что онъ въ эту же ночь долженъ прѣхать, чтобы увезти ее, невѣсту Альберта. Великій Герцогъ въ ту жъ минуту посылаетъ за своимъ племянникомъ; его схватываютъ и приводятъ. О ужасъ! это не онъ! это не супругъ Эммелины! Эммелина обманута во второй разъ. Сначала она думала, что вышла замужъ за мызника въ зеленомъ, вышитомъ золотомъ платьѣ, и была очень довольна своимъ мызникомъ; потомъ думала, что вышла за племянника Великаго Герцога, и опять покорилась судьбѣ своей, согласилась быть герцогинею, какъ и слѣдуетъ доброй и покорной женѣ. Теперь что же думать? Ктоже это на ней женился? Почему знать! быть-можетъ, Картушъ. Бѣдная Эммелина!

Тутъ Великій Герцогъ подходитъ къ пастушкѣ, и совѣтуетъ ей требовать правосудія: это все же утѣшительно, да притомъ и занимательно. Эммелина проситъ правосудія. Она подходитъ къ трону и требуетъ мести противъ обманщика, который, обольстивъ ее, женился на ней, покинулъ ее. Но вы можете вообразить ея удивленіе, когда поднимавъ прекрасные глаза свои, она видитъ на тронѣ того же самаго, который обольстивъ ее, женился на ней, покинулъ ее! Она смущается, блѣднѣетъ, едва держится на ногахъ. Принцъ Альбертъ, которому отецъ уступилъ на время свой тронъ, чтобы онъ поучился отправлять правосудіе, смущенъ не менѣе самой Эммелины; такъ смущенъ, что не можетъ выговорить ни слова, не то придумать рѣшеніе дѣла столь казуснаго. Великій Герцогъ, видя смущеніе сына, воображаетъ себѣ, что у него вертится голова отъ того, что онъ сидитъ не на своемъ мѣстѣ; отецъ спѣшитъ на помощь къ своему сыну, садится на тронъ, и произноситъ твердымъ, привычнымъ голосомъ слѣдующее рѣшеніе: «Повелюю, чтобы обольститель Эммелины палъ къ ногамъ ея, просилъ у ней прощенія, и женился на ней во второй разъ, сообразивъ съ законнымъ порядкомъ, чѣмъ въ первый.» Сказано, сдѣлано. Принцъ Альбертъ, который не хочетъ быть повѣшенъ какъ обольститель, падаетъ къ ногамъ Эммелины. «Что ты дѣлаешь?» вскрикиваетъ Великій Герцогъ. Исполняя ваше повелѣніе, отвѣчаетъ Принцъ Альбертъ. Кто тутъ больше всѣхъ удивленъ и разогорченъ? Разумѣется Великій Герцогъ: онъ самъ себя связалъ слишкомъ скорымъ рѣшеніемъ; торжественный приговоръ его падаетъ на его же голову всюю своею тяжестью; собственное правосудіе его угнетаетъ и доброта сердца приводитъ въ крайность. Какъ-бы то ни было, но дѣлать нѣчего, говорить нѣчего, пѣть нѣчего: онъ прощаетъ, пастушка становится Герцогинею, и Опера кончается. Плоха? Это правда; но музыка еще хуже.

2. *Judith et Holopherne, Юдиѣ и Олофернѣ, Водевиль* въ одномъ дѣйствіи Гг. Теолона и Незеля.

Вы думаете, что рѣчь идетъ о библейскихъ Юдиѣ и Олофернѣ? Вы ошибаетесь. Это только нѣчто въ томъ же родѣ. Дѣло происходитъ во время Испанской войны. У подошвы Сьерра-Морены (гора, упоминаемая въ *Донъ-Кихотѣ*), въ

одной изъ прелестныхъ дачъ, расположенныхъ на полу-горѣ, живетъ, въ качествѣ наследника почтеннаго своего батюшки, Донъ Мериносъ, честный и смирный гidalго. Дону Мериносу хотѣлось бы развести потомство, но онъ не находитъ, поблизости, жены себѣ по вкусу, и выискиваетъ нарочно изъ Америки какую-то свою родственницу, известную ему съ весьма хорошей стороны по своей невинности и чистосердечію.

Эта родственница, молодая Тереза, природная дочь Америки, гдѣ она цѣлый день спала въ своей койкѣ и, просыпаясь, курила сигарку, страстная и изнѣженная Креолка, ужасно скучаетъ въ горахъ родственника своего, Дона Мериносона. Между-тѣмъ важная вѣсть разносится въ горахъ и повторяется эхомъ: Французы! непріатели! Мужья смущаются, любовники блѣднѣютъ, женщины радуются. Донъ Мериносъ рѣшается, изъ предосторожности, жениться на своей Терезѣ въ тотъ же вечеръ.

Дѣлаются приготовления къ свадьбѣ. Конечно: черезъ нѣсколько часовъ бѣдная Тереза будетъ женою глупаго какъ мериносый башмакъ, родственника своего, Дона Мериноса, какъ вдругъ является родъ монаха, котораго зовутъ Руи-Гомесомъ. У Руи-Гомеса, старика хилаго и ревниваго, жена молоденькая и хорошенькая. Г-жа Гомесъ уже видѣла непріятельскаго генерала, Артюра, когда Испанцы еще не видали непріятельскаго огня. Женщины всегда любятъ непріятельскихъ генераловъ, и Г-жа Гомесъ влюбилась въ Артюра. Старикъ поклялся отмстить ему за эту любовь. Вотъ для чего надѣлъ онъ рясу капуцина, вотъ для чего возмущилъ онъ всѣхъ обманутыхъ мужей и всѣхъ любовниковъ, которые боятся быть обманутыми. Это родъ страховаго общества противъ волокитства непріателей. Руи-Гомесъ предлагаетъ Дону Мериносу вступить въ это общество, и Мериносъ съ радостію соглашается. Для лучшаго успѣха въ мщеніи, онъ созываетъ всѣхъ деревенскихъ дѣвушекъ. Бѣдняжки сбѣгаютъ, думая найти у него музыкантовъ и танцы, и находятъ монаха и проповѣдь. Проповѣдь противъ непріателей вообще, и генерала Артюра въ особенности, производитъ такое впечатлѣніе на этихъ женщинъ, что Тереза, слыша, какъ, въ проповѣди, Артюра сравнивали съ Олоферномъ, рѣшается сы-

грать съ нимъ роль Юдион: терять ей тутъ пѣчего, а между-тѣмъ свадьба ея будетъ такимъ образомъ отсрочена.

Сказано, сдѣлаю. будущій супругъ будущей Юдион дастъ ей сообразныя съ обстоятельствами наставленія, объяснитъ въ подробности что ей дѣлать, чтобы вполне походить на образецъ свой: нарлдиться, забраться ночью въ спальню генерала, играть ему на лютнѣ, пѣть романсы, ужинать съ нимъ, пить съ нимъ вино, воспламенять его своими взглядами и поцѣлуями. Напрасно Донъ Меринось трудится: Юдионъ и сама все это знаетъ, а остальнаго и слушать не хочетъ.

Во второмъ дѣйствіи мы въ палаткѣ Олоферна, или, лучше сказать, въ спальнѣ Французскаго генерала Артюра: онъ сидитъ, и ужинаетъ, и пьетъ Испанское вино, въ ожиданіи Испанскихъ приключеній. Вдругъ является къ нему Юдионъ, во всеоружіи красоты и юности. Она оставила за дверями монаха, Руи-Гомсса, и жениха своего, Дона Мериноса. Вы можете вообразить, что Артюру очень пріятно видѣть прелестную Креолку. Онъ идетъ къ ней на встрѣчу, беретъ ее за руку, сажаетъ подлѣ себя, самъ ей прислуживаетъ, сначала съ учтивостію, потомъ съ любовію. Она восхищается, воспламеняетъ, упоеваетъ его; позволяетъ ему разныя *невинныя* шалости; однимъ словомъ, исполняетъ какъ нельзя лучше наставленіе жениха своего, Дона Мериноса; а тотъ стоитъ за дверями, все видитъ, все слышитъ, бѣсится и кусаетъ губы, пальцы, а можетъ-быть и локти; но дѣлать пѣчего. Наконецъ Артюрь, упоенный любовію и виномъ, засыпаетъ. Меринось торжествуетъ, входитъ, подаетъ Юдионъ свой мечъ, и готовится принять голову Олоферна. Но генералъ просыпается, Донъ Меринось и Руи-Гомесь убѣгаютъ, чтобы не попасться въ руки неприятелей, а Тереза объявляетъ Артюру, что она пришла совсѣмъ не за тѣмъ, чтобы отрубить ему голову, и все дѣло кончается, какъ обыкновенно кончаются *Водевилли*.

3. *Le Septuagénaire, Семидесятилѣтній старикъ*, Мелодрама въ четырехъ дѣйствіяхъ, Гг. Мервилля и Альбита.

Добрый и умный молодой человекъ, лѣтъ двадцати пяти, Г. Юлій Лакруа, старшій братъ почтеннаго Библиофила Жакоба, которому, какъ всѣмъ извѣстно, *девяносто шесть*

дѣтъ отъ роду, издалъ въ прошломъ году Романъ подъ заглавіемъ (съ позволенія сказать) — *Беременность*. Въ этой книгѣ Г. Юлій Лакруа прикидывается злымъ, жестокимъ, мстительнымъ, кровожаднымъ безъ мѣры, — точно какъ маленькіе, миленькіе дѣтки, выведутъ себя пробкой усы и думаютъ, что они очень страшны.

Г. Юлій Лакруа, чтобы доказать, что онъ умѣетъ написать Романъ въ новѣйшемъ Французскомъ вкусѣ, собралъ въ своемъ твореніи множество происшествій, одно другаго невѣроятнѣе, одно другаго страшнѣе, одно другаго отвратительнѣе, и заключаетъ все это слѣдующими словами: «Внѣ себя отъ ярости, Виконтъ отрываетъ ребенка отъ материнской груди, и бросаетъ имъ въ мужика, который падаетъ, чтобы увернуться отъ удара. Ребенокъ разбивается объ стѣну!»

Чтобы доказать Г-ну Лакруа, что не только дурное дѣло, но и дурная книга не остается безъ наказанія, Гг. Мервиль и Альбиттъ сдѣлали изъ его Романа отвратительную Мелодраму, которой мы вамъ рассказывать не станемъ. Довольно вамъ знать и то, что Мелодрама идетъ по пятамъ за Романомъ, и что авторы жестоко надули Парижскую пубку. Зрители сбѣжались, чтобы посмотреть, какъ ребенокъ разобьется о холстяную стѣну, а этого совсѣмъ и не было: сочинители Мелодрамы придумали развязку невинную и полу-правственную. Я право не знаю для чего: чего тутъ церемониться! Мы, кажется, ужъ порядочно обстрѣляны. Съ тѣхъ поръ какъ играютъ Ричарда д'Арлингтона и другія пьесы той же школы, дѣти уже неразъ рождались на сценѣ: почему же бы ребенку не разбиться на сценѣ объ стѣну! Но погодите: прійдетъ и это своимъ чередомъ!

4. *Le poviciat diplomatique, Первый шагъ на дипломатическомъ поприщѣ*, Водевиль въ одномъ дѣйствіи, Гг. Араго и Фуше.

Дѣйствующія лица: Король Лудовикъ XIV, Маршалъ Тюрень, Министръ Лувуа, Маргерита Роганъ-Шао, Маркиза Коэтканъ! Вотъ вамъ и Водевиль.

Рецептъ этого Водевиля похожъ на извѣстный рецептъ какъ испечь оливку:

Возьми оливку, положи ее въ тѣло подорожника, положи подорожника въ тѣло красной перепелки, красную перепелку въ тѣло фазана, фазана въ тѣло поросенка; изжарь все это на вертелѣ, прикажи подать прямо на столъ, и скушай оливку.

Добрый, великій, скромный Тюрень, который одинъ столъ арміи, о смерти котораго Г-жа Севинье писала со слезами истинными, столъ рѣдкими въ ея прекрасныхъ глазахъ, —этотъ человекъ, какъ вы знаете, въ припадкѣ любви, измыслилъ государственной тайнѣ. Этотъ герой ни въ чемъ не умѣлъ отказать женщинѣ, если только женщина сама ни въ чемъ ему не отказывала. Такимъ образомъ онъ открылъ однажды Г-жѣ Коэтканъ тайну отъезда супруги Дофина въ Англію. Изъ этой погрѣшности великаго человека Гг. Араго и Фуше сдѣлали Водевиль.

Водевиль ихъ очень дуренъ, хотя умно написанъ. Г-жа Коэтканъ не довольно мила, чтобы сдѣлать Тюреня извинительнымъ. Г-жа де Коэтканъ просто развратная кокетка; она предается всею душою молодому негодю, дипломату, который подслушиваетъ у дверей, и такимъ образомъ узнаетъ государственную тайну; потомъ продаетъ эту тайну и убѣгаетъ. Этотъ Г. дипломатъ просто гусень; и Г-жа Коэтканъ, которая жертвуетъ ему Тюренемъ, неизвинительна; Тюрень, который для подобной женщины измыслилъ государственной тайнѣ, тоже; Гг. водевиллисты, которые беспокоятъ тѣнь великаго человека, тоже.

5. *Tout chemin mène à Rome, Всякая дорога ведетъ въ Римъ*, Водевиль въ одномъ дѣйствиіи Гг. Лафитта и Деноз.

Водевиль въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ пустился въ дипломатию, и очень неудачно: этотъ второй Водевиль еще хуже перваго.

6. *Gribouille, Грибуль*, Водевиль въ трехъ дѣйствияхъ и шести картинахъ, подражаніе Англійскому, Гг. Рошфора и Дюмануара.

Fin comme Gribouille, хитерь какъ Грибуль, говоритъ пословица; изъ этой пословицы сдѣлали Водевиль. Грибуль влюбленъ въ жену одного колбасника; онъ съ нею въ большихъ ладахъ, и однажды забывается у нея до двухъ часовъ

ночи. Колбасникъ приходитъ домой, стучится; Грибуль выскакиваетъ въ окно и попадаетъ въ чанъ съ водою. — Первая хитрость Грибуля.

Пока колбасникъ, работники колбасника, собака колбасника ищутъ Грибуля, Грибуль выскакиваетъ изъ чана, и залзаетъ въ тюфякъ, оставленный у дверей обойщиками. — Вторая хитрость Грибуля.

Тюфякъ уносятъ въ комнату въ четвертомъ этажѣ; въ этой комнатѣ сидельцы пируютъ съ гризетками, вьдять, пьютъ, поютъ, хохочутъ, наконецъ ложатся спать, мужчины въ одной комнатѣ, женщины въ другой. Одна толстушка, мамзель-Индіана, бросается на тюфякъ Грибуля. Грибуль вскрикиваетъ; всѣ сбѣгаютъ и посылаютъ за полицейскимъ. Потомъ вы видите Грибуля въ Судѣ Исправительной Полиціи, гдѣ онъ ругаетъ судей, въ Школѣ Плаванія, гдѣ онъ дерется на кулачки, наконецъ въ Тиволи, гдѣ онъ женится на мамзель-Индіанѣ, толстукѣ, которой онъ служилъ тюфякомъ. Это послѣдняя и самая неудачная хитрость Грибуля.

Этотъ Водевиль очень хорошая фарса, живая, разнообразная, наполненная остротами.

7. *La frontière de Savoie, Савойская граница*, Водевиль въ одномъ дѣйствіи, Адольфа Барда.

Выслушайте повѣсть злосчастнаго москотильника!

Графъ Таско, человекъ, котораго никто не знаетъ, даже и слуга его, графъ Таско — первокласный карбонаро. Пиемонтская полиція его преслѣдуетъ; графъ старается убѣжать во Францію; но прежде онъ хочетъ проститься съ женою. Онъ пробирается въ свой замокъ, гдѣ живетъ жена его; но едва онъ пріѣхалъ, какъ полиція окружаетъ замокъ. Страхъ и тревога! Какъ же графинѣ спасти мужа?

Тутъ является нашъ москотильникъ, москотильникъ, разумѣется, Французскій, настоящій Парижскій москотильникъ. Знаете ли вы, что такое москотильникъ? Москотильникъ (*réicier*) существо исключительно Парижское. Москотильники настоящіе, совершенные москотильники не водятся нигдѣ кромѣ Парижа. Это произведение, — я чуть было не оказалъ, произрастеніе Парижское.

Выпертченнй москотильникъ изгнанъ былъ изъ Парижа несчастіями всякаго рода, постигшими достопочтенное сословіе москотильниковъ. И онъ протился съ Парижемъ. *Неблагодарное отечество, тебѣ не достанутся мои кости!* сказалъ онъ и отправился на Савойскую границу, чтобы тамъ поселиться, увезши съ собою только великолѣпную свою вывѣску съ изображеніемъ «Золотой Иготы» и ивжнуну свою супругу, чувствительную Адольфину, честь и украшеніе его лавки.

Невинный и простосердечный, какъ истинный москотильникъ, онъ является къ графинѣ Таско съ почтеніемъ и москотильными товарами, и собирается уже домой; но, къ несчастію, какъ-то въ разговорахъ, показываетъ ей свой паспортъ, въ которомъ написано — «Почему и благоволятъ господу на заставахъ команду ивжюшіе пропускать означеннаго москотильника Жана - Хрисостома Годинѣ безпрепятственно», — паспортъ, явленный въ объѣхъ полиціяхъ, Французской и Пиемонтской, — паспортъ совершенно чистый, настоящій москотильничій.

Графиня подвигиваетъ у него этотъ паспортъ, и Г. Године, съ паспортномъ графа и карбонаро Таско, отправляется въ свой трактиръ къ супругѣ своей, Адольфинѣ, и къ своей вывѣскѣ съ золотою иготью.

Между-тѣмъ графъ Таско выходитъ изъ замка, и тѣмъ, которые его останавливаютъ, предъявляетъ паспортъ съ именемъ Године; полицейскіе ему ласково кланяются и толкуютъ между собою, что ихъ должность была бы очень легка, если бы весь свѣтъ населенъ былъ москотильниками.

Године съ своей стороны, хочетъ перейти черезъ границу: его останавливаютъ. Онъ съ важностію отдаетъ свой паспортъ, и — о ужасъ! — его привѣтствуютъ, или лучше сказать, поражаютъ именемъ графа Таско! Графъ Таско! Какая радость для сыщиковъ! Графа Године-Таско берутъ и отводятъ въ его замокъ Таско, къ его супругѣ Таско. Графиня, не зная еще, удалось ли мужу ея перейти во Францію, признаетъ Године своимъ мужемъ; бросается къ нему на шею; плачетъ, что ему не удалось уйти. Године не постигаетъ, что значить этотъ пріемъ, но, какъ человекъ скромный и стоворчивый, не отпирается отъ графини и не вы-

рывается изъ ея объятій; онъ садится съ нею за столъ и ужинаетъ, повелеваетъ слугами и ни сколько не заботится о сыщикахъ, которые не спускаютъ съ него глазъ. Наступаетъ ночь; Године надвываетъ плафрокъ графа, и хочетъ идти въ спальню графини. Положеніе Графини становится затруднительнымъ. Къ счастью, горничная ея поспѣваетъ къ ней на помощь. Она требуетъ Године къ себѣ; увѣряетъ, что онъ съ нею тайно обвѣчанъ; что онъ ея, а не чей другой. Горничная молода и мила; Године собирается и ей уступить, какъ вдругъ является первоначальная, настоящая, единственная Г-жа Године, Адольфина Године. Соскучившись ждать мужа въ трактиръ, она приходитъ за нимъ въ замокъ. Вы можете вообразить, какъ она бѣсится, увидѣвъ, что мужъ ея сдѣлался мужемъ двухъ женъ. Вы можете вообразить, какъ затрудняется Године, навязавъ себѣ на шею трехъ женъ, въ томъ числѣ одну свою собственную. Вы можете вообразить, съ какимъ носомъ остаются сбирь, призывъ москотильника за карбонара и карбонара, за москотильника!

9. *La Toque bleue, Голубой токъ, Водевилъ въ одномъ дѣйствіи Гг. Дюпена и Дюмануара.*

Вы при дворѣ Карла II, копіи двора Лудовика XIV. Въ то время царствовалъ въ Виндзорѣ, по крайней мѣрѣ столько же какъ самъ Король, — кавалеръ де Граммонъ. Съ Граммономъ царствовали Буккингамъ и Сидней; но въ этомъ Водевилѣ, Водевилъ очень умножь, нѣтъ ни Буккингамы, ни Сиднея, ни Граммона и ни одного изъ пріятелей Г-на Ансело.

Въ этомъ Водевилѣ вы видите просто Герцога Йоркскаго, мужа болтливаго, и обманутаго; Лорда Корнваллиса, дворянина и придворнаго деревенскаго, которой смѣшить нехотя; наконецъ Кавалера Литльтона, который влюбленъ въ Миссъ Темплъ, и послѣ многихъ занимательныхъ приключеній на ней женится.

Вотъ въ чемъ дѣло. Герцогъ Йорскій встрѣтилъ въ своихъ путешествіяхъ Лорда Корнваллиса, и привезъ его въ Лондонъ, чтобы женить его на молодой и прекрасной Миссъ Темплъ, которая втайнѣ любитъ кавалера Литльтона. Свадебный договоръ долженъ быть подписанъ въ тотъ же день, и лордъ Литльтонъ въ отчаяніи.

Между-тѣмъ является Герцогъ Йоркскій. Онъ въ этотъ день очень веселъ; онъ рассказываетъ своимъ пріятелямъ, что въ одномъ павильонѣ онъ видѣлъ сквозь замочную скважину двухъ любовниковъ, очень нѣжныхъ и очень счастливыхъ; молодой человекъ стоялъ на козвняхъ, а дама къ нему нагнулась. Правда, что герцогъ не видалъ лицъ ихъ; но онъ замѣтилъ, что на дамѣ былъ голубой токъ съ перомъ. По этому дамѣ узнать будетъ не мудрено. Кавалера тоже узнать можно, потому что онъ потерялъ цѣпочку. Придворные хохочутъ и идутъ отыскивать даму въ голубомъ токѣ и кавалера безъ цѣпочки.

Литльтонъ знаетъ больше ихъ всѣхъ. Онъ тотчасъ узналъ цѣпочку пріятеля своего Сиднея, и видитъ голубой токъ на головѣ Герцогини Йоркской. Онъ старается спасти его и герцогиню; но какъ предупредить ее не возможно, то онъ начинастъ охуждать этотъ токъ, увѣряетъ, что онъ герцогинѣ не къ лицу; герцогиня, къ удивленію, съ нимъ соглашается и не хочетъ уже носить этого тока. Въ эту минуту входитъ Миссъ Темплъ, и Герцогиня надѣваетъ на нее роковой токъ. Литльтонъ не успѣлъ еще сказать ни слова, какъ Герцогъ Йоркскій и графъ Корнваллисъ приходятъ, чтобы подписать свадебный договоръ.

Но при видѣ роковаго голубаго тока на головѣ Миссъ Темплъ, Герцогъ и Корнваллисъ останавливаются. Это она! Сначала Герцогъ Йоркскій шутитъ и смѣется; потомъ спрашиваетъ Миссъ Темплъ, какъ зовутъ счастливаго молодаго человека, который утромъ былъ въ павильонѣ у ногъ ея. Миссъ Темплъ, удивляясь подобному вопросу, не знаетъ что отвѣчать на шутки Герцога. Герцогъ объясняетъ въ чемъ дѣло. Онъ видѣлъ Миссъ Темплъ или по крайней мѣрѣ ея токъ, съ мужчиною. При этихъ словахъ герцогиня объявляетъ, что это ея токъ, и что онъ былъ на ней въ это утро. Всеобщій смѣхъ падаетъ теперь на Герцога. Онъ бѣсится и съ крикомъ требуетъ объясненія, сдѣлавшагося необходимымъ. Тогда лордъ Литльтонъ выходитъ впередъ и объявляетъ, что, онъ, Литльтонъ, былъ въ это утро съ герцогинею въ павильонѣ, и на козвняхъ просилъ позволенія жениться на Миссъ Темплъ. Это объясненіе успокаиваетъ Герцога, и онъ отъ души признается въ винѣ своей.

10. Charles III et l'Inquisition, *Карль III и Инквизиція*,
Драма Гг. д'Эпаньи и Де.

Карль III былъ однимъ изъ лучшихъ Испанскихъ Королей. Испанія обязана ему превосходнѣйшими своими дорогами и полезнѣйшими своими памятниками. Карль III и министръ его, Г. Аранда, не любили Инквизиціи. Не надобно однако же думать, на основаніи этой Драмы, будто-бы этотъ государь уничтожилъ ужасный Судъ Santo-Ufficio. Инквизиція была въ то время въ Мадридѣ то же самое, что она нынѣ въ Римѣ; — скорѣе воспоминаніе прошедшаго, чѣмъ учрежденіе еще существующее.

Забавны только авторы, которые черезъ тридцать четыре года послѣ XVIII столѣтія вадумали снова раздгагольствовать противъ инквизиторовъ, ихъ подземельевъ, ихъ кровавыхъ судовъ, ихъ костровъ! Притомъ въ этой пьесѣ мы только и видиме колеса, цѣпи, орудія пытки, монаха честолюбца, лицемѣра и убійцу, который дѣйствуетъ и говоритъ какъ знаменитый Базидъ: что же все это значить передъ тѣмъ, что выставляли на сцену Гг. Викторъ Гюго и Александръ Дюма съ братіею?

СЛОВЕСНОСТЬ ВО ФРАНЦІИ. Или мы вовсе ничего не видимъ, или во Франціи рѣшительно наступила эпоха нового нравственнаго припадка, котораго еще не доставало въ данномъ спискѣ мученій, причиненныхъ ей сороко-лѣтнею дихорадкою. Съ юною Словесностью и ея омерзительною Философіею, предначертанною какъ-бы нарочно для ней еще Годвиномъ, — съ юною Словесностью дѣло, кажется, рѣшено, кончено, подшито и передано въ огромный архивъ человеческихъ глупостей: результатъ всей бури тотъ, что впредь Французы могутъ писать драмы безъ соблюденія трехъ единствъ, если пожелаютъ, въ подражаніе Шекспиру и Шиллеру. Сенсимонизмъ и Французская Церковь упали. Гг. Фурье и Эмѣ Мартенъ сдѣлали много шуму разогрѣтою нелѣпницею, бывшею нѣсколько времени въ модѣ въ Англіи лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, когда Марія Воллстонкрафтъ проповѣдовала тамъ «права женщины,» и бра-

лась возродить родъ человѣческій посредствомъ «свободной жены». Но и это быстро клонится къ забвенію: ученіе Г. Мартена, подобно холерѣ, обходитъ теперь другія страны Европы, опустошаетъ молодыя головы, и вѣроятно исчезнетъ не ближе какъ на Турецкой границѣ. Судя по эпиграфамъ множества статей и книгъ, сочиненіе его, «О воспитаніи матерей семейства», въ эту минуту читается у насъ на подхватъ и въ большой милости у тѣхъ, которые разсуждаютъ о человечествѣ по послѣдней Французской книгѣ. Что жъ теперь новаго во Франціи? Ничего особеннаго! Философія прошлаго столѣтія гнада католицизмъ; Французская республика исключила его даже изъ списка религій: слѣдственно, послѣ ужасовъ республики, послѣ гоненія на католическое вѣроисповѣданіе, послѣ безвѣрія и отчаянія юной Словесности, оставалось одно только — умозрительное соединеніе республики съ католическимъ фанатизмомъ, — религиозно-политическій мистицизмъ. Онъ уже начался во Франціи, и предвѣщаетъ страшныя глупости. Эта новая и опасная горячка быстро распространяется по головамъ и пожираетъ умы. Аббатъ Деламенѣ, главный пророкъ этого страннаго ученія, впрочемъ, чрезвычайно схожаго съ нынѣшней теоріею Шеллинга, въ своихъ сочиненіяхъ излагаетъ такія противообщественныя правила, которыя могутъ быть приняты только Французскою логикою. Тогда какъ его система, безтолковая, противная всемъ выводамъ Исторіи, враждебная здравому смыслу и настоящему духу Христіанства, покоряетъ себя удивленію и приверженности корнеевъ устарѣвшей юной Словесности, негодованію и печалью здравомыслящей и религиозной части Франціи по-истинѣ раздражающаго для посторонняго наблюдателя. Духовная полемика, самаго раздражительнаго рода, вторглась въ Словесность; сочиненія подъ заглавіями — «Слова вѣрующаго», — «Мысли вѣрующаго», — «Отвѣтъ вѣрующаго», и т. д., слѣдуютъ одни за другими; къ *Revue des deux mondes*, которая прежде одна исповѣдовала эти мнѣнія, рывительно присоединилась *Revue de Paris*; къ Александру Дюма, его соперникъ Викторъ Гюгъ съ своими поклонниками; издають Библии для юношества, печатають творенія Св. Іоанна Златоуста и другія аскетическія книги, — и эти выпрепннне вс-

точники свѣта, истины и мира соединяють тамъ съ самыми ложными и разрушительными началами превратной теоріи общества! Плачевное состояніе ума! Несчастная страна!

Романъ Г. Сентъ-Бѣва, *La Volupté*, о которомъ мы уже говорили, принадлежитъ къ этой вновь образующейся школѣ. Романъ Г-на Д'Ортигъ, *La Sainte-Beaume*, — тоже, хотя онъ вышелъ еще въ началѣ года. Католическій мистицизмъ въ Романѣ! И еще поддѣльный, въ угожденіе модѣ!.... Мы, право, не знаемъ, кто изъ людей здравомыслящихъ и почитающихъ Вѣру можетъ это одобрить.

— «Цецилія» Г. Евгенія Сю, объявленная въ газетахъ въ видѣ новаго Романа, какъ по справкѣ оказалось, есть только отдѣльное изданіе одной изъ Повѣстей его «Кукарачи.» Г. Евгений Сю, неутомимый пѣвецъ эгоизма, продолжаетъ прежнюю свою школу отчаянія на морѣ и на сушѣ: для него человекъ и извергъ всегда будутъ одно и то же. Его *Vigie de Koat-Ver* есть новое воплощеніе этой несчастной идеи.

— Мы не хотимъ пугать нашихъ читателей, и предупреждаемъ ихъ благовременно, что собираемся говорить о страшномъ происшествіи для ума и нравственности: Г-жа Дюдванъ, облеченная кровавымъ именемъ Георга Запда, которое удивительно какъ идетъ къ лицу женщины съ дарованіемъ, издала новый Романъ, подъ заглавіемъ — *Jacques!*

— Г-жа Гё издала новое сочиненіе, — *Souvenirs d'une vieille femme*, о которомъ еще ничего не пишутъ. Последний ея Романъ, — *La duchesse de Chateaugoux*, снискиваетъ всеобщія похвалы. Ругательства, клевета и грязь, которыми философы юной литературной школы закидали всѣ высокія лица Исторіи своего народа, причиною, что Парижскіе читатели встрѣчаютъ сочиненіе Г-жи Гё съ удивленіемъ и съ удовольствіемъ, какого давно уже не испытывали: Лудовикъ XV и несчастный другъ его, герцогиня Шатору, выставлены здѣсь со стороны благородной, невжной, трогательной, человѣческой, и согласной съ подлинными ихъ характерами. Но сверхъ-того твореніе Г-жи Гё отличается примѣчательными красотою и въ отношеніи къ Искусству.

— «Генрихъ Фарель», Г. Лафатера, тоже сочиненіе благородное и выходящее изъ разряда обыкновенныхъ Фран-

пузскихъ Романовъ. Оно пѣсколько въ Нѣмецкомъ родѣ. Сцена происходитъ въ Альзацин, и предметъ его — несчастія, проистекающія изъ несогласія супруговъ въ мнѣніяхъ и чувствованіяхъ. Но въ немъ много таланта, много воображенія, много прелестнаго; характеры истинны, даже разительны своею естественностью; повсюду видно глубокое изученіе человѣческой природы и общества.

— Marie de Médicis, историческій Романъ Г. Лоттенъ-де-Лавала, удостоивается похвалъ за чрезвычайную точность историческую, которая однако жъ не всегда у него въ задачахъ съ чрезвычайно хорошимъ вкусомъ.

— Великіе мужи, или выпрєннїа дѣти, ничего не производятъ: за то, ужъ ссорятся усердно и отписываются въ газетахъ не весьма лестнымъ для нихъ же самихъ образомъ. Мы, кажется, ничего не говорили о войнѣ Г. Александра Дюма съ сотрудниками газеты Journal des Débats? Одинъ изъ нихъ (Г. Шаль) доказывалъ знаменитому драматургу, что всѣ лучшія мѣста въ его драмахъ выписаны изъ Шекспира, Шиллера, Гёте, даже изъ Мольера; знаменитый драматургъ отъвѣтствовалъ ему на то, что это не правда: онъ ихъ не выписывалъ, а просто отнялъ ихъ у рѣченныхъ писателей какъ свою собственность; онъ имѣетъ право взять собственность свою всюду, гдѣ ее ни находятъ; онъ завоевалъ эти мѣста, — это его покоренїа; на что Г. Шаль возразилъ знаменитому драматургу почти въ томъ смыслѣ, что такимъ точно образомъ извѣстный классъ завоевателей покоряетъ себя платки и табакерки въ чужихъ карманахъ. Едва эта война кончилась, какъ тотъ же Г. Дюма принужденъ былъ начать новыя непрїятельскїа дѣйствїа противъ Г. Гальярдѣ, издателя «Семейнаго Музеума», и противъ Жюль-Жанена. Весьма трудно понять, въ чемъ первоначально состояло дѣло: теперь оно превратилось въ пошлыя и оскорбительныя личности, которыми эти господа и ихъ прїатели наполняютъ не только литературные журналы, но и политическія газеты. Правда или нѣтъ, — но Г. Жаненъ утверждаетъ всенародно, что извѣстная Драма Александра Дюма, La tour de Nesle, написана большею частію имъ, Жаненомъ. Еще прежде того Г. Гальярдѣ объявилъ въ Журналахъ, что та же самая Драма написана имъ, Г. Гальярдѣ.

Смѣлливость директора одного театра придала этому спору видъ еще забавнѣйшій. Въ одно утро неожиданно явилась афишка, которую должны мы удѣлять нашимъ читателямъ: «Сегодня, во Вторникъ, актерами театра Портъ-Сенмартенскаго, будетъ представлена — La tour de Nesle, «Драма Г. Александра Дюма, сдѣлавшаяся еще занимательнѣе по поводу брава между двумя авторами. Цѣна мѣстамъ однако жъ не будетъ возвышена.» Это безподобно! Дюма и Гальярдэ вызвали другъ друга на дуэль, и грозятъ непременно умертвить себя, какъ скоро улучать свободное время.

— Два первые тома Исторіи Библиофила Жакоба, Pistoire du XVI siècle en France, уже вышли изъ печати: по-видимому здѣсь, такъ же, какъ въ Исторіи Г. Мишлэ, вальтерскоттизмъ будетъ преобладающимъ началомъ. Шотландскій романистъ, — таково могущество истиннаго таланта надъ посредственностью! — привилъ свою поэтическую форму цѣлому вѣку; она проникла даже въ классическую Критику, въ Исторію, въ Политическую Экономію; она должна все испортить, все сдѣлать смѣшнымъ, прежде чѣмъ сама сдѣлается смѣшною. Въ многочисленномъ кругу нелѣпостей вѣка, желаніе примѣнить теорію историческаго Романа къ изложенію Исторіи имѣетъ полное право занять предсѣдательскія кресла.

Г. Барайтъ продолжаетъ издавать свой переводъ Шиллера, Г. Капфигъ свою «Исторію Реформаціи, Лиги и царствованія Генриха IV»: перваго уже вышло шесть томовъ, второй семь выпусковъ, livraisons.

СЛОВЕСНОСТЬ ВЪ АНГЛІИ. Лондонскія извѣстія за послѣдній мѣсяць не представляютъ ничего примѣчательнаго по части Словесности, въ которой все тихо и чинно. Всѣ почти новыя книги принадлежать къ разряду ученыхъ сочиненій. Отечественная Исторія и Путешествія суть господствующіе предметы. «Очерки Италіи, Испаніи и Португаліи» (Г. Бекфорда), о которыхъ мы уже говорили, твореніе прелестное: въ слѣдующей книжкѣ Б. для Ч. мы сообщимъ изъ него нѣкоторыя отрывки, такъ же какъ изъ Путешествія Г-жи Троллопъ по Бельгіи и Западной Германіи.

— «Жизнь Г-жи Сиддонсъ», сочиненіе Г. Кампбелла, относящееся къ Исторіи Англійской Словесности послѣдней эпохи, весьма занимательно и усыпано любопытными подробностями о знаменитыхъ поэтахъ и литераторахъ того края. Оно можетъ доставить большое удовольствіе тѣмъ, кто хорошо знакомъ съ литературными дѣлами Англій. Другое, совершенно такое же сочиненіе, есть — «Жизнь и переписка Г-жи Анны Моръ». Третье, носитъ названіе — «Домашніе нравы и жизнь Сиръ Вальтеръ - Скотта», и принадлежитъ перу известнаго Гогга. Изъ книги Г. Кампбелла о славной актрисѣ, Г-жѣ Сиддонсъ, Европейскіе журналы дѣлаютъ пространныя извлеченія; мы не смѣемъ подражать ихъ примѣру, потому что по-сю-пору Англійская Словесность вообще известна у насъ только дамамъ, — и это не парадоксъ! Изъ мужчинъ, одни литераторы читаютъ иногда по-Англійски, и то большею частію Шекспира и Байрона, которыми и оканчивается для нихъ вся Словесность. Мы всегда утверждали и утверждаемъ, что наши Русскія думы гораздо образованнѣе насъ, Русскихъ мужчинъ, — и если бы онѣ болѣе читали по-Русски!..... то есть, если бы мы писали такъ, чтобъ онѣ могли находить удовольствіе и пищу въ нашихъ писаніяхъ!.....

— Въ заключеніе должны мы упомянуть о появленіи въ Англійи новаго поэта, котораго первая поэма, «Божество», *The Deity*, дѣлаетъ тамъ впечатлѣніе и подаетъ большія надежды. Его зовутъ — Джонъ Рагтъ.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

=

Французскія.

LA RAISON DU CHRISTIANISME, ou Preuves de la vérité de la religion tirées des écrits des plus grands hommes, par M. de Genoude.

HISTOIRE DU SEIZIÈME SIECLE en France, par P. J. Jacob, bibliophile. I et II vol.

PANDECTES FRANCAISES, ou Recueil complet des lois et de la jurisprudence, etc., par M. Isambert. 36 vol., par souscription.

- ECONOMIE POLITIQUE CHRETIENNE**, ou Recherches sur les causes et la nature du pauperisme en France et en Europe, et sur les moyens de le prévenir et de le soulager, par le vicomte de Villeneuve-Bargemont. 3 vol.
- PENSEES D'UN PRISONNIER**, par le comte de Peyronnet. 2 vol.
- MEMOIRES ET SOUVENIRS** de Charles de Pougens. 1 vol.
- MEMOIRES** de Madame la duchesse d'Abrantes. Tomes XV et XVI.
- TABLEAU SYNOPTIQUE DU REGNE VEGETAL**, d'après la méthode de M. Jussieu, modifié par M. Richard. Par M. Charles d'Orbigny. 1 vol.
- REVUE** élémentaire et progressive des sciences physiques et naturelles, avec un bulletin archéologique, par les rédacteurs de l'Echo du monde savant, sous la direction de M. Boubée. Nouveau journal.
- ARCHIVES** de la médecine homéopathique, publiées par une société de médecins sous la direction de M. Jourdan, de l'Académie. Nouveau journal.
-
- ETUDES** sur la personne et les écrits de Ducis, par O. Leroy. Ouvrage couronné. 1 vol.
- LIVRE DES CENT-ET-UN**. XV et XVI vol. Ouvrage terminé.
- UN SPECTACLE DANS UN FAUTAIL**, par Alfred de Musset. 2 vol.
- LE MAGNETISEUR**, roman, par Frédéric Soulié. 2 vol.
- LA NAPOLITAINE** ou la Couronne de la vierge, roman, précédé de deux histoires à propos d'un livre, par Michel Masson. 1 vol.
- ANATHEME**, roman, par Jules Favre. 1 vol.
- SOUVENIRS** de servitude militaire, par Alfred de Vigny. 1 vol.
- SOUVENIRS** d'une vieille femme, par Mine Gay. 1 vol.
- LONG-TEMPS APRES**, 1812—1830. Par Anatole de Mont-Gray. 1 v.

Английскія.

- LARDNER'S CYCLOPÆDIA**, Nro LVII. Lives of British Admirals, with a View of naval history of England. By Robert Southey. 3 vols.
- ROTULI LITTERARUM CLAUSARUM**. The Close Rolls, preserved in the Tower of London. Vol. I, from 1201 to 1224.
- MEMOIRS OF JOHN NAPIER**, of Merchiston, his lineage, life and times, with a history of the invention of logarithms. By Mark Napier. 1 vol. 4to.

LIFE of Ma-ka-tai-me-she-kia-kiak, or Black Hawk, embracing the traditions of his nation, Indian wars and a history of late war. By *himself*, Boston. 4 vol.

MEMOIRS OF SPAIN during the reign of Philip IV and Charles II, from 1621 to 1700. By *John Dunlop*, author of the History of Fiction. 2 vols.

EUROPEAN COLONIES, viewed in their social, moral and physical conditions. By *John Howison*. 2 vols.

A HISTORY OF THE UNITED STATES, from discovery of the American continent to the present time. By *George Bancroft*. Boston.

STIGHT REMINISCENCES of the Rhine, Switzerland and a corner of Italy. 2 vols.

LADY'S BOTANY, or a Familiar introduction to the natural system of Botany. By *John Lindley*, professor of London University. 1 vol.

BIRDS OF AMERICA. By *John Audubon*. Parts XL—XLIII.

THE DOMESTIC MANNERS and private life of Sir Walter Scott. By *James Hogg*. 1 vol.

LIFE AND CORRESPONDENCE of Mistress Hannah More. 2 vols.

TREATISE on the progress of literature and its effects on society. Edinburgh. 1 vol.

THE DEITY, a poem. By *John Ragg*. 1 vol.

М О Д Ы.

=

Парижъ. Сентябрь.

Пробилъ часъ страшнаго недоумѣнiя для тѣхъ, которыя, возвратясь съ дачъ, желаютъ шить себѣ новыя платья и дѣлать новыя шляпки по послѣдней Парижской модѣ! Въ Парижѣ, лѣтнiя моды кончились, осеннiя еще не наступили, а въ Петербургѣ между-тѣмъ уже начинается зима. Ужасное положенiе! И какъ тутъ быть? Вечера и балы требуютъ чего нибудь новаго. Гулянья на тротуарахъ, тоже..... Мы право не знаемъ, какъ пособить въ этомъ случаѣ прекраснымъ нашимъ читательницамъ.

Въ числѣ полученныхъ изъ Парижа картинокъ только двѣ представляютъ непосредственную пользу, и мы соединили ихъ въ приложенной гравюрѣ, на которой изображены — нарядное платье для вечернихъ собраний и родъ осенняго капота для прогулки. Оба эти костюма очень красивы, и могутъ служить пока руководствомъ вкусу. Сверхъ-того, они знаменуютъ уже новую эпоху въ фасонѣ нынѣшняго года. воланы опять появились на платьяхъ, и бранденбуры разныхъ видовъ, шелковые и изъ матерій, на капотахъ. Рукава повремену дѣлаются очень широкіе у кисти; юбки длинныя, и притомъ немножко длиннѣе сзади нежели спереди. Корсажи со складками у кушака, называемые Греческими или à la Niobé, начинаютъ быть въ употребленіи: складки однако жъ не должны быть высокія. Но все это еще опыты, пробы, фантазія, въ которыхъ нѣтъ ничего рѣшительнаго. Въ Октябрѣ только начнется настоящій переломъ моды, долженствующей царствовать всю зиму.

— Тѣ, которые имѣютъ даръ прорицанія, увѣряютъ, что бархатъ будетъ преобладать въ головныхъ уборахъ.

— Говорить ли о новыхъ матеріяхъ, приготовляемыхъ въ Парижѣ для осени и для зимы? Увы, мы ихъ увидимъ въ нынѣшнемъ году! А жалко! Во-первыхъ прелестныя шерстяныя ткани для пеглижѣ, богатая шелковая матерія для вечерняго паряда, и *шерстяная кисея* совсѣмъ новаго рода; *одалиска*, ткань чрезвычайно пестрая, съ яркими цвѣтами; *тигриня*, родъ круаза, мягкаго и прочнаго; наконецъ *Луксорскій бархатъ*, satin l'uxor, шелковый на кашемировой основѣ, который волнуется мягче и переливается свѣтъмъ милѣе самаго атласа.

— О шляпкахъ мы ничего не скажемъ: въ Парижѣ носятъ еще шляпки соломенныя и гроденаплевья, которыя у насъ давно уже вынесены въ кладовыя. Въ этомъ отношеніи, читательницы наши должны совершенно вѣряться вкусу Петербургскихъ модистокъ, которыя вообще дѣлаютъ теперь атласныя осеннія шляпки въ видѣ тѣхъ шляпокъ-капотовъ, какія изображены на приложенной здѣсь картинкѣ.

=

О Г Л А В Л Е Н І Е

ШЕСТАГО ТОМА.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Открытие памятника Императору Александру I. <i>М. Маркова</i>	5.
Е. И. Высочеству, Государю Наслѣднику, Ц. и В. К., Александру Николаевичу, въ день его тезоименитства. <i>И. И. Козлова</i>	8.
Божій судъ. <i>В. А. Жуковского</i>	11.
Элегія. <i>А. С. Пушкина</i>	16.
На открытие монумента Александру I. <i>А. Бистрома</i> ..	—

ПРОЗА.

✓ Кавказскіе очерки. <i>Александра Марлинскаго</i> .	
I. Прощаніе съ Каспиемъ.....	17. +
II. Горная дорога изъ Дагестана въ Ширванъ чрезъ Кунакенты.....	25. +
III. Послѣднія станціи въ Старой Шамахъ.....	33. +
IV. Переездъ отъ станціи Топчи въ Кутнапи.....	44. +
О согласованіи воспитанія съ развитіемъ душевныхъ способностей. <i>И. И. Давидови</i>	55.
Всякій гость, происшествіе неправдоподобное, потому что истинное. <i>Барона Брамбеуса</i>	68.
Петербургская чухонская кухарка, или жепщина павсѣхъ правахъ мужчины. <i>La femme émancipée des St.-Simonien</i> . <i>Ф. В. Булгарина</i>	88.
— Мѣстныя пословицы Русскаго міра. <i>И. М. Снегирева</i>	100.
Отсталое, будущая Повесть. <i>Н. И. Греча</i>	110.

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Два мужа, Повесть. <i>А. Н. Ситниковой</i>	1.
Доморощенныя генія, Правствешная и литературная картина. Изъ <i>Edinburgh</i> и <i>Quarterly Reviews, Review Britannique, etc.</i>	27.

Китайскія женщины-поэты. Изъ <i>Revue Britannique</i> ..	57.
Гёте въ посмертныхъ его сочиненіяхъ. Изъ <i>Foreign Quarterly Review</i>	65.
Ма-ка-тай-ми-ши-кя-кякъ.....	93.
Гайдеръ-Савъ, Остъ-Индская быль. Изъ <i>New Monthly Magazine</i>	107.

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА,

Изысканіе о старинныхъ свадебныхъ обрядахъ у Русскихъ. <i>Д. И. Языкова</i>	1.
Сикстъ V, историческая характеристика. <i>С. П. Шевырева</i>	37.
О достоверности древней Русской Исторіи. <i>М. П. Погодина</i>	77.
Средняя Азія. Путешествія Муравьева, Мейендорфа, Конолли и Борнса. <i>Е. К.</i>	105.
Нынешняя архитектурная школа въ Германіи. Изъ <i>Foreign Quarterly Review</i>	137.

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Легкій способъ золотить и серебрить разныя вещи..	1.
Составъ ароматической горчицы, извѣстной у насъ подь названіемъ Французской....	9.
Приготовленіе вишневой водки или киршвассера.....	11.
Саксонскій способъ уваживать землю.....	12.
Лакъ для предохраненія дерева отъ гнилости.....	14.
Клюквенные выморозки.....	—
Способъ наклеивать на стѣны бумажные обои такъ, чтобъ въ нихъ не заводились клопы.....	16.
Верное средство заставить пѣвочку приниматься къ больному мѣсту. <i>Н. П. Филипова</i>	—

V.

КРИТИКА.

Санназаръ, драматическая Фантазія, Н. В. Кукольника	1.
Взглядъ на суетвріе и предрасудки, Поликарпа Пузины	14.

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Сентябрь, 1834. Новые книги	1.
Разныя извѣстія	15.

VII.
СМЪСЬ.

Парижская Академія Наукъ. 1. Газовыя лампы и маяки.	
2. Причина чесотки. 3. Резиновое масло. 4. Инструментъ для измѣренія пульса.....	1.
Королевское Общество Ученыхъ въ Лондонѣ. Новая теорія горюнія.....	4.
Происхожденіе горюаго масла.....	5.
Угри.....	8.
Среднее продолженіе жизни врачей.....	10.
Прежнія Новосербія.....	12.
Машины и дѣти.....	20.
Чугунныя дороги въ Америкѣ.....	23.
Ловелль, новый городъ.....	28.
Норвежскіе виды.....	36.
Видъ Стокгольма съ моря.....	38.
Фалуискія рудокопни.....	39.
Конфонкація Европейскихъ вещей въ Турціи.....	41.
Вальтеръ-Скоттъ и его семейство.....	46.
Всеобщій прямириатель.....	51.
Безкопечная музыка.....	53.
Вліяніе луны.....	55.
Американскіе Индѣйцы.....	56.
Персіане. 1. Кто такой Остъ-Индская Компанія? 2. Персидскій астрономъ. 3. Персидская въжливость	
Водяной театръ.....	57.
Французскій театръ въ Парижѣ. <i>Сентябрь, 1834.</i> La fille du prince, Г. Скриба; Judith et Holopherne. Le Septuagénaire. Le noviciat diplomatique. Tout chemin mène à Rome. Gribouille. La frontière de Savoie. La toque bleu. Charles III et l'Inquisition..62-75.	60.
Словесность во Франціи. <i>Сентябрь, 1834.</i> Мистицизмъ. Аббатъ Деламенѣ. Сентъ-Бѣвъ. д'Ортигъ. Сю. Г-жа Дюдеванъ. Г-жа Гѣ. Henri Farel. Marie de Medicis. Ссора Гг. Дюмà, Жанена и Гальярдѣ. Библиофиль Жакобъ и его Исторія, и проч.....	75.
Словесность въ Англии. <i>Сентябрь, 1834.</i> Жизни Г-жъ Сиддонсъ, Анны Горъ и Вальтеръ-Скотта. Гоггъ. Новый поэтъ.....	77.
Новыя книги. <i>Сентябрь, 1834.</i> Французскія. Английскія	78.
Моды. <i>Сентябрь, 1834</i> (съ картинкою).....	80.

JUN 2 - 1937

